

ИТОГИ
СОВЕТСКОЙ
ЭПОХИ

УБИЙСТВО
СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Владимир
Большаков

УБИЙСТВО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

СОБКОР "ПРАВДЫ" В ЕВРОПЕ
РАССКАЗЫВАЕТ...

Владимир
Большаков

ИТОГИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Владимир Большаков

УБИЙСТВО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

СОБКОР "ПРАВДЫ" В ЕВРОПЕ РАССКАЗЫВАЕТ...

АЛГОРИТМ
Москва, 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б 79

*В оформлении книги использованы фотоматериалы
из личного архива В.В. Большакова*

На переплете рисунок К. Большаковой

Большаков В.В.

Б 79 Убийство советского человека. Собкор «Правды» в Европе рассказывает... — М.: Изд-во Алгоритм, 2005. — 512 с.: ил.

ISBN 5-9265-0213-6

Автор книги — известный публицист, журналист, писатель — работал собственным корреспондентом «Правды» практически во всех странах Европы. Он встречался со многими видными политическими и общественными деятелями, известными лидерами русской эмиграции, писателями, философами Запада. Это обстоятельство позволяет ему по-новому взглянуть на разрушительные процессы в Советском Союзе, проходившие не без помощи партийной верхушки.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-9265-0213-6

© В.В. Большаков, 2005
© ООО «Алгоритм-Книга», 2005

Я просто заболела, узнав о гибели детей в Беслане. Я страшно переживала, когда случился захват заложников в театре в Москве, когда погиб «Курск». Русский народ сейчас вновь переживает чудовищные испытания. Я надеялась, что, избавившись от коммунизма, он наконец обретет хоть какое-то благополучие и спокойствие, на него все время обрушиваются новые испытания.

*Бриджит Бардо (из интервью журналу
«Финансовый контроль»)*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Положение в России в те дни, когда я писал эту книгу, менялось с каждым днем. Предсказать исход событий тогда не смог бы сам Нострадамус, хотя, как утверждают, он и предрек с точностью дату Октябрьской революции 1917 года, а затем и дату развала СССР, точно вычислив срок жизни коммунизма в России.

Перечитав эту рукопись вновь уже в начале XXI века, я убедился, что своей актуальности она не утратила, и поэтому после некоторой переработки решил предложить ее читателю.

Независимо от исхода происходящего, тенденции развития нашего российского социума сохраняются. С самого начала я не стремился в этой книге поспевать за событиями. Мне хотелось понять, прежде всего, самому, куда же идет Россия. Русский человек не может об этом не думать. Пищи для размышлений у каждого из нас более чем достаточно. За период катастрофического социального эксперимента с 1985 по 2005 год Россия потеряла не только статус сверхдержавы, но и утратила значительную часть своей территории, вернувшись к своим границам примерно XVII века. Уровень безопасности нашей все еще державы понизился до едва приемлемого уровня, за которым начинается состояние перманентной неотражаемой агрессии и распада страны. По материальным потерям этот период сравним с потерями России в двух мировых войнах (для нас 1914—1917 и 1941—1945) и гражданской войне (1918—1920). Уровень жизни 90 процентов населения резко упал и все начало XXI века продолжал падать, несмотря на радужные рапорты правительственных ведомств. Моральные и нравственные потери неизмеримы. Они колоссальны. Под вопрос поставлено даже сохранение

нашей культуры и национального наследия, на базе которого только и возможно создать подлинное величие нации. Мы не умеем защитить свое будущее — детей России. По признанию спикера Госдумы Бориса Грызлова в нашей стране почти 6 млн. несовершеннолетних живут в социально неблагоприятных условиях, т.е. каждый пятый из 30 млн. несовершеннолетних. У нас 4 миллиона беспризорных детей. В два раза больше, чем после Гражданской войны.

Логично ставят вопрос противники всех постигших Россию реформ: ради чего и ради кого наша страна была поставлена на грань национальной катастрофы?

Наш соотечественник французский писатель и академик Анри Труайя, по происхождению Лев Тарасов, оценивая первые итоги российских реформ, писал:

«...Я убежден, что если бы не революция 1917 года, Россия стала бы самой мощной страной в мире. Я убежден, что политически власть развивалась бы в направлении монархии по-английски. Теперь это маловероятно.

Я надеюсь, однако, что русские придут к европейской демократии. Но нельзя не признать, что привычки многих поколений и подчинение по-советски — это тяжкий груз. В свете нынешних событий у меня возникает страх, что Россия подпадет под иго слепого тоталитаризма. Налицо все элементы для сохранения людей номенклатуры. Человек с улицы полагает, что диктатура поможет ему утолить голод, заставит поезда ходить по расписанию и уменьшит преступность.

...Есть ли риск гражданской войны в России? Есть, и большой. Все зависит от того, захочет ли русский народ терпеливо ждать, пока все образуется, либо вернется, движимый инстинктом самосохранения, к прежней системе.

Россия никогда не была столь великой и мощной, как во времена царей и Сталина, который железной рукой сумел удержать воедино эту разрозненную страну. Теперь бывшая империя развалилась на части. И это привело к драме и парадоксу ужасной нынешней ситуации, в которой необходимо разрешить вопрос о том, как примирить существование сильного государства и жажду свободы без возвращения к диктатуре. Над Россией сейчас нависло грозное облако и никто не знает, куда ударит молния...»

А. Труайя написал эти слова в марте 1993 года. В октябре того же года предсказанный им гром грянул. А грозное облако по-прежнему висит над Россией. Никто пока не знает, быть ли новой грозе, куда и откуда ударит молния, что станет с Россией и нами, русскими, когда гроза все-таки когда-нибудь да пройдет...

Глава 1

КОМУ БЕРЕЗУ ЗАЛОМАТИ?

Загадка русской души, русской природы, как и вообще России и русского народа, не перестает занимать лучшие умы и Запада, и Востока. И хотя считается, что к Востоку мы ближе, ибо в славян триста лет кряду силой вбивали татаро-монгольский ген, мы равноудалены по менталитету и от западноевропейцев, и от азиатов.

О МАЛЬЧИКЕ В ШТАНАХ И МАЛЬЧИКЕ БЕЗ ШТАНОВ

Великий русский поэт Александр Блок писал в начале этого века: «Да, скифы мы...» Но скифы давно вымерли, от них остались лишь погребальные курганы да каменные идолы. И если уж уточнять диагноз классика Серебряного века с учетом позднейших открытий наших этнографов, то тогда мы скорее готы, поглотившие скифов.

И все же, если серьезно, то исторически, кто бы ни топтал Русь, мы были и остаемся славянами, великороссами. Географически, по своей христианской ориентации и культуре, истории — мы индоевропейцы. По-своему этот термин подчеркивает не только принадлежность русского и других славянских языков России к индоевропейской группе, но и к Евразийскому континенту. В этом корень многих наших загадок. Их много, и что ни год библиотеки пополняются все новыми исследованиями, авторы которых ведут нашу родословную и от культуры Триполья (VI—III тысячелетие до н.э.), и от гималайских арийцев (их поселение Аркаим XVII—XVI вв. до н. э. было обнаружено в районе Челябинска), и от обитателей Атлантиды, и от

жителей некоего протоарийского Полярного царства (что-то вроде Ойкумены)¹.

О «загадках» русского народа на Западе принимаются говорить всякий раз, когда сталкиваются с невозможностью покорить его — либо грубой силой, либо силой собственного примера, включая силу демократии и рыночной экономики. По Завету («Христос терпел и нам велел»), русские многотерпеливы. Но в отличие от многих других наций — не склонны к компромиссу вообще и абсолютно категоричны и подозрительны тысячекратно во всем том, что касается их национальной идентификации. На протяжении своей тысячелетней истории они доказали, что могут предложить иноземцам только два мирных варианта — либо обрусеть, т.е. по сути дела ассимилироваться, как это случилось с северными народностями, немецкими колонистами, а в конечном итоге и с потомками татаро-монгольских орд, либо убираться из российских пределов восвояси. Всем, кто на Русь шел войной, они рано или поздно наглядно доказывали истинность афоризма Александра Невского времен войны с немецкими псами-рыцарями: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

Такое прочтение Евангелия от Матфея неизбежно вызвало у иноземцев, желавших нашему народу «добра», неизменные lamentации по поводу «неблагодарности русских».

«Желавшие добра» искренне доказывали, что они сделали все, дабы русских «улучшить» (переделав их, ясно, на свой манер), а заодно улучшить и их жизнь, по европейским стандартам из рук вон никудышную. Для западной аудитории их аргументация была безупречно убедительной. У русских она вызывала одни насмешки.

Пропасть непонимания оставалась, ширилась с веками, и в ней неизменно погибали все те, кто пытался навести к русским «мосты». Либо с мечом, либо с калачом. Ни на Западе, ни на Востоке никогда не хотели открыто признать, что переделывать русских и их образ мышления на чужеземный манер практически невозможно. Это та же невозможность, как скрестить корову с медведем. Несовместимость России и западноевропейской цивилизации похожа на несовместимость тканей двух разных людей, которые при этом остаются людьми, не хуже и не лучше один другого. Как сказать, хорошо, что их

¹ Оценки подобных версий привел еще Лев Гумилев в своей книге «В поисках потерянного царства», дав ответ тем, кто хотел доказать, что татаро-монгольского ига вроде бы и не было, а многие ханы Орды по сути, были православными. Все, как оказалось, куда сложнее.

ткани несовместимы, или плохо? А если пойти дальше, то ведь не зря наш Творец награждал человека некими иммунными механизмами. Почему же не могут выработать подобные механизмы земные нации? Наверное, они даже должны это сделать. И, если за ними это право признать, то, может быть, «загадок» русского народа станет куда меньше?

Великий русский сатирик Салтыков-Щедрин в своей книге «За рубежом» приводит гениальный диалог «Мальчика в штанах», который у него символизирует собой цивилизованную Европу, и «Мальчика без штанов», в коем без труда можно угадать россиянина.

Мальчик в штанах всячески допытывался у своего голозادого собеседника, почему он все-таки предпочитает свой грех прикрывать рубахою, а не панталонами на немецкий манер. Он настаивал, что со всех точек зрения в штанах удобнее, гигиеничнее, теплее, наконец, не говоря уже о приличиях. Кому не понять, что человека без штанов в приличное общество никто не пустит?

Мальчик без штанов, тем не менее, сохранял за собой право быть беспорточным бродягой и голюю перекатной во всех отношениях, и, не затрудняя себя аргументами, отвечал: «Да не поймешь ты, Колбаса». И немецкий Мальчик в штанах не понимал, конечно, недоумевая к тому же, почему его ни с того, ни с сего обозвали «колбасой».

Можно — и, кстати, на Западе многие дотошные исследователи русского национального характера это искусно делали — попытаться объяснить мотивы поведения голозادого русского Гавроша кисти Щедрина.

Имитируя некоторые исследования русского национального характера, составим несколько версий поведения Мальчика без штанов в представлении его блажелателей:

1. Мальчик без штанов якобы не хотел унизиться до объяснений иноземцу причин экономических трудностей русского крестьянства, по которым оно не могло прикрыть зад всем членам своего сословия.

2. Уверенность российского мальчика в том, что без штанов, но в холщовой рубахе до колен ходить удобнее и полезнее для здоровья, исследователи другой, не менее патриотической школы обосновывали национальной гордостью, а представители школы менее патриотической — ксенофобией великороссов.

3. Наконец, третьи — скрытые и откровенные «западники» — намекали, будто штаны ему было просто лень надеть,

а потому он и предпочел прекращающее всякие споры с немцем оскорбление («колбаса») научной аргументации. И т. д.

Может быть, где-то и как-то все это профессорское лыко могло лечь в некую соответствующую истине строку о России. Но и она не прибавила бы Западу понимания россиян. Хотя бы потому, что в тогдашних конкретных экономических и исторических условиях Мальчику без штанов без оных действительно было удобнее, проще, равно как проще и его родителям. — они портки ему, чтоб не рвал по кустам да заборам и щами не заливал, позволяли надевать только по праздникам, а уж потом, во времена более поздние, и для встречи заграничных Мальчиков в штанах, приезжавших посмотреть на Русь голоштанную и лапотную. Здравый смысл у каждого народа свой.

Я вспомнил об этой басне, потому что с началом перестройки в роли щедринского Мальчика в штанах стали выступать американцы с дипломами Гарвардской школы бизнеса и без оных. Они подошли к проблеме наших «штанов» с позиций непробиваемого американского прагматизма и с методикой ситуационного анализа. Рассуждают они при этом примерно так:

«В Ситуации Один Мальчик без штанов упорно отказывается надеть американские штаны. Словесная аргументация, апеллирующая к его здравому смыслу и практической потребности, его не убеждает.

Задача. Для того, чтобы создать убеждающую голозадного Мальчика Ситуацию Два, необходимо изменить либо социальные условия, либо окружающую среду его обитания.

Пример: Если Мальчик уверен в том, что у него всегда будет работа, то он и не подумает о том, что без штанов на работу ему, в случае ее потери, не устроиться.

Вывод: надо создать такие условия, которые бы лишили Мальчика уверенности в том, что работа у него будет всегда. Надо ввести в Ситуацию конкуренцию на рынке труда.

В случае, если созданное ужесточение в рамках Ситуации Два не возымеет воздействия на Мальчика без штанов и не заставит его купить хотя бы джинсы, надо далее ужесточать ситуации до тех пор, пока Мальчик, не имеющий свободных средств на покупку штанов, не обратится за ссудой под проценты и не купит себе необходимой одежды для нижней части тела.

В таком случае в Ситуации Четыре (а возможно и Три) в условиях приемлемой ставки банковского кредита будет дан стимул развитию производства штанов как в США, так и в

России, что само по себе будет способствовать экономическому подъему и росту занятости...» И т. д.

К подобной логике всерьез прислушивались разве «мальчики в коротких штанишках» (термин экс-вице-президента РФ А. Руцкого) из проамериканского правительства Гайдара да их сторонники. Но рядовой россиянин, измученный дороговизной, инфляцией, а затем еще безработицей, говорил экспертам Гарвардской школы: «На тебе последнюю рубашку, пусть я лучше голым буду ходить, только ты проваливай отсюда пока подобра-поздорову. А мы тут сами разберемся, что к чему и чем нам прикрывать свой, русский зад». Можно немало порассказать о том, как заокеанские Мальчики в штанах, даже имевшие собственные кабинеты в Кремле, публично сетовали на «неблагодарность русских», так же как и их многочисленные предшественники, желавшие нам «добра». Те же немцы, французы и пр.

Ни в Европе, ни в Америке, увы, до сих пор нет понимания простой истины: для перехода к западной модели хозяйствования, государственного и социального устройства, т.е. для перемены российского образа жизни пришлось бы переменить прежде всего образ мышления россиян, начав при этом с их традиций, привычек, нравов, короче, со всего того, что их делает русскими.

РОССИЯ В СЦЕНАРИЯХ ЗАПАДА

По мере того, как раскрываются архивы западных спецслужб и внешнеполитических ведомств, мы узнаем, как в течение всего существования Советского Союза против него велась тайная война. Стало, в частности, достоверно известно, что США финансировали афганских моджахедов и снабжали их самым современным оружием, включая «Стингеры», с целью добиться поражения СССР. США себе на беду вырастили Бен Ладена, который организовал им тараны небоскребов 11 сентября 2001 года, а мы получили недовольство населения последствиями афганской авантюры Брежнева, что и послужило одним из детонаторов для взрыва Советского Союза. Администрация Рейгана вела самую настоящую экономическую войну против СССР с целью подорвать его экономику и добилась своей цели путем целой системы скрытых, по сути диверсионных действий, о которых стало известно только в начале XXI века. Иногда такого рода действия приравнивают

к войне на уничтожение русского народа. Но это не так. Речь шла об уничтожении коммунизма и освобождении от него русского народа, независимо от того, хотел русский народ от него освободиться или нет. Его не спрашивали. Шла борьба двух систем не на жизнь, а на смерть и правила игры в этом противостоянии были весьма жесткими.

Несмотря на русофобские речи наших недругов, я не верю в сатанинскую навязчивую идею лидеров враждебного нам окружающего мира уничтожить русских как таковых. Геноцид русских, как известно, предусматривался Гитлером в случае победы в войне с СССР, для чего планировалось, в частности, создание гигантских концлагерей за Уралом. Объективная, пусть хотя бы географическая принадлежность Гитлера к Западу ему при этом не мешала. Но времена переменились. Даже в годы ядерного противостояния ни в СССР, ни в США так и не решили повернуть пусковые ключи межконтинентальных ракет, хотя «балансирование на грани ядерной войны» было не только ядерной стратегией США, но и реальностью всей второй половины XX века. И в наши дни геноцид русских с помощью ядерного оружия Западом не ставится в повестку дня не только в силу его гуманистических традиций, но и — чисто практического подхода. У России по-прежнему есть ракетно-ядерный потенциал ответного и даже превентивного удара, и военное противостояние с ней обойдется Западу слишком дорого. Но раз такая задача не стоит в повестке дня, то возникает вопрос, а в интересах ли Запада перекрашивать Россию в свою гигантскую копию? Или разбивать ее на тысячи мелких копий в масштабе Боснии-Герцеговины со всеми отсюда вытекающими?

Не разумнее ли дать русскому народу найти свою, самобытную, соответствующую его историческому опыту и национальному характеру модель развития? Понимают ли на Западе, что именно через это проходит единственно возможный путь демократического преобразования России и перехода ее к подлинному партнерству с остальным миром? И что стремиться ее переделать ценой гибели всего того, что и составляет русскость, означает лишь жестокую с русскими конфронтацию. Ответить однозначно — «Да, понимают!» было бы неверно. Кто-то понимает, а кто-то нет.

Прежде всего Запад, который всегда боялся усиления России, боится восстановления ее в статусе сверхдержавы, хотя и не намерен доводить ее до состояния нищей колонии, которую ему придется кормить. В глобальных сценариях раз-

вития мирового сообщества прямая военная конфронтация с Россией с начала XXI века предусматривалась только, как вероятность. Ее учитывают в США и Англии, но теперь примерно так же, как тот факт, что в ядерной стратегии Франции по имени «сдерживание по всем азимутам» присутствует как вариант возмездия ответный ядерный удар по любой стране мира, включая США. Запад все больше склонен рассматривать постсоветскую Россию как союзника. Я не исключаю, что в будущем там готовы пойти на то, чтобы со временем интегрировать ее в свое экономическое сообщество и даже в военную организацию с сохранением для России примерно таких же атрибутов национального суверенитета, которые сохраняют у себя члены НАТО и Европейского союза. Об этом говорил, например, один из авторов такого сценария, бывший президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали (март 2004 г., г. Люксембург). Правда, он оговорился, что подобное мироустройство станет возможным лишь при условии создания некоего «Мирового правительства», которое займется «перераспределением ресурсов», прежде всего энергетических. Очевидно, что в процессе глобализации человечество через региональные объединения и союзы государств придет в конечном счете к созданию некоего глобального сообщества равноправных государств и это, в принципе, разумно. Другое дело — насколько это реально. Подъем неконформистских, антиглобалистских движений, к тому же практически деидеологизированных, разгул международного терроризма и попытки — с конца XX века до наших дней — создания некоего «всемирного халифата» могут, скорее, привести к реализации зловещих политических фантазий Джорджа Оруэлла. Вполне возможно создание региональных военно-политических блоков и экономических союзов на базе иудейско-христианского мира, мусульманского и буддистского. Не исключено, что они будут вести друг против друга перманентные, враждебные действия, включая военные, как Океания против Евразии у Оруэлла в его гениальном романе «1984». Если так случится, где в этом прогнозе место России? Понятно, что в одиночку она не выживет. Но что с ней станет? Поглотит ее мусульманский Восток (и тогда прощай Русь), или в ходе мирного развития глобализации ее интегрирует Запад (и тогда Русь будет узнаваема, но уже будет не более русской, чем в западном варианте танец «казачок»)? Во многом это зависит от того, поймет ли Запад Россию, и от того, как она будет понимать свое место в современном мире.

ПОНЯТЬ РОССИЮ ВОЗМОЖНО. ЧААДАЕВ НЕ ПОНЯЛ...

В отличие от общепринятых стереотипов, даже поэтических («Умом Россию не понять» и т.д.), она анализу поддается. Другое дело, что этот анализ не всякому под силу.

Не умаляя достоинств многих весьма серьезных западных исследователей России, должен заметить, однако, что никому из них, за исключением немногих ученых русского происхождения, не удалось до сих пор то, что называется, «влезть в шкуру» русского человека. А только примерив ее на себя, и возможно понять ту пропасть, которая все еще нас разделяет. Сплошь и рядом мы с диаметрально противоположных позиций воспринимаем окружающий мир и то, что в нем происходит.

На бытовом уровне это восприятие прекрасно отражает серия российских анекдотов «про француза, русского и американца (иногда еще и немца)». Среди них особо выделяется такой:

В чем разница между немцем, французом и русским?

У немца — то, что можно, — можно, то, что нельзя, — нельзя.

У француза — то, что можно, — можно, а то, что нельзя, — тоже можно.

У нас же, русских, — то, что нельзя, — нельзя. А то, что можно, — тоже нельзя.

Характеристика русского менталитета здесь очень точная. И то, что мы часто себе запрещали даже разрешенное — не только следствие многих десятилетий советского режима с его КГБ и ГУЛАГом. Это и влияние вековых традиций старообрядчества, и привычки жить на виду у всей деревни, где всем и до всего есть дело, нашей тысячелетней, патриархально — коммунальной традиции, освященной православием.

Во многом отличия России от Востока и Запада определяются тем, что она веками складывалась как православное государство со всеми отсюда вытекающими установками и общественной моралью. С запада она была вынуждена отстаивать себя от набегов псов-рыцарей и прочих крестоносцев Ватикана, которые стремились уничтожить «ересь» православия вместе с русским народом. Неприятие католичества и его норм, как религиозных, так и бытовых, стало, таким образом, в России и методом самозащиты народа, его культуры

и российской государственности. Отражая нашествия с востока, Россия аналогичным образом защищалась и от влияния мусульманства и буддизма, а в ходе борьбы с хазарами — и от иудаизма. В те времена религиозные войны оборачивались геноцидом для тех народов, которые не принимали религии победителей. В лозунге «За Веру, Царя и Отечество» русский народ не усматривал поэтому противоречия, воспринимал его как органическое единство всех трех понятий.

Далеко не случайно после развала Союза российские коммунисты начертали на своих красных хоругвях такие, казалось бы, далекие от коммунизма понятия, как «духовность», «соборность» и «державность». Конечно, граф Уваров вернулся в гробу не раз и мог бы справедливо упрекнуть Зюганова в плагиате. Но если вдуматься, коммунисты просто замаскировали свои истинные лозунги. Потеряв власть и Советский Союз, они вознамерились вернуть и то и другое, а потому, как и в 1917 г., апеллировали к коллективизму россиян, к христианскому коммунизму, согласно которому в России коллектив всегда ставился выше отдельной личности в этом коллективе. Не только при Советской власти! (Отсюда и выражения: «Пострадать за народ», «На миру и смерть красна» и т. д.) Еще Герцен отмечал, что «русский народ жил только общинной жизнью, свои права и обязанности он понимает лишь по отношению к общине». Трансформация общины в советский коллектив соответственным образом трансформировала и менталитет русских. Это, кстати, одна из причин стойкого, до определенного предела, конформизма русских, неприятия нашим народом инакомыслия, сопротивления власти, а отсюда — и отсутствия даже после распада СССР организованной политической оппозиции в России. Она стала формироваться только после выборов в Думу в 1993 г. К сожалению, фактическая интеграция КПРФ в политическую систему буржуазной России, давняя болезнь парламентаризма, типичная для партократии, привела к тому, что настоящая оппозиция власти в России не появилась ни при Ельцине, ни при Путине. Она такая же сервильная, как и правящие партии. И это основная причина нестабильности российского общества, постоянного риска возвращения к авторитарному, если не тоталитарному режиму, причем не обязательно коммунистическому. Чуть что — у нас даже интеллигенция начинает тосковать по «сильной руке», да что там, — по Сталину, по Берии, по Ежову! И трудно сказать, чего здесь больше — неистребимого внутреннего рабства, мазохизма или лени у ма.

Для Запада с его традициями римско-католической церкви и иудейско-христианскими ценностями, легшими в основу всей западной цивилизации, напротив, личность выше и коллектива, и уж тем более правительства. И любому зарвавшемуся правителю или чиновнику там умеют об этом напомнить. На наших широтах беспредел властей воспринимается, увы, как нечто неизбежное, если не «нормальное».

Вот от этого всего и возникает несовместимость наших социальных и общественных «тканей» и западных. И к тому же часто то, что нормально на Западе, у нас стыдно. И наоборот.

Конечно, тот, кто родился и вырос в России и остается русским, никогда не стыдится ни своего народа, ни своей Родины, даже не идеализируя своих соотечественников. Стыдясь, как правило те, кто подвергся «западнизации», т. е., по сути, принял «западную веру», перестал быть русским. Часто это происходит с натурами просто рабскими, описанными Ф. Достоевским в образе Смердякова, отсюда и термин у нас такой — «смердяковщина», эквивалентный понятию «угодничество, преклонение перед границей, при одновременном неприятии всего русского». К сожалению, Запад, имея дела с Россией, чаще всего именно на таких «русских» и ориентируется. Они для него понятнее. Они — почти «свои». На Западе многие почитают за комплимент сказать русскому, с хорошими манерами и модно одетому, что-нибудь вроде: «Вы совсем непохожи на русского». Попробуйте-ка так «полюстить» французу, немцу, англичанину или американцу!

Нас часто не понимают. Но и мы сами не всегда себя понимаем. В России навряд ли кто-то осмелится поиграть с русскими, как мы говорим, «в правду», т. е. проанализировать нас «до конца», без опасения попасть с легкой руки соотечественников в «русофобы» и «враги русской нации». Да и многие ли на то вообще способны?

Опыт критического анализа русского народа, предпринятый христианским философом XIX века Петром Чаадаевым в его жестоких и далеко не во всем справедливых «философических письмах» («Письмо первое», конечно, прежде всего), показателен. Его одинаково не приняли, как царь с его окружением, так и противники самодержавия, не сочли «своими» ни славянофилы, ни многие западники.

Чаадаев писал, в частности:

«...Мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет

традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода...

...Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок...

В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу». И т. д.

Русскому критиковать русских, а уж тем более смеяться над ними нельзя без боли за них. Чаадаев в силу своего аристократизма и приверженности католицизму Россию в этих своих «Письмах» отринул духовно, поместив ее на задворки человечества, что, в общем, полностью соответствовало тогдашней (да уж, давайте признаем, и сегодняшней) парадигме западной русистики.

Русские нелепости и дурости помешали раннему Чаадаеву увидеть историческую устремленность русской нации к духовному самоусовершенствованию и ее карму добровольного испытателя моделей общественного устройства на самой себе. С единственной целью — найти универсально приемлемую с точки зрения нравственности и социальной справедливости модель. Это, кстати, очень умело использовали большевики, заставившие россиян свыше 70 лет бежать за подвешенной у них перед глазами красной морковкой «светлого будущего» в виде коммунистического рая на Земле. Конечно, на 70 лет даже нашей многотерпеливой нации не хватило бы, если бы при Советской власти не было сделано ничего для возвышения России, пусть даже только военного, и в сфере социального обеспечения населения. Этого, кстати, не хотят видеть многие аналитики советского периода нашей истории. В результате русские выглядят вроде бы и вовсе дебилами, раз они так бездумно шли за коммунистами. Но ведь шли-то прежде всего в силу сидящего в нашей крови альтруизма и склонности к жертвенности не столько для самих себя и своих детей, сколько «во имя будущего», «во имя человечества», какой бы абстракцией это ни было. Такое самопожертвование — дурость только с точки зрения «прусской логики».

Конечно, не всем дано понять подобные устремления народа, который «чужому» последнюю краюху хлеба отдаст, а по отношению к «своим» может быть непростоительно жесток. Даже русский дворянин Чаадаев поначалу увидел в поисках и метаниях своих соотечественников только бездумное игнорирование ими западного позитивного исторического и социального опыта, но не увидел высокой жертвенности рус-

ской нации, избравшей себя для того, чтобы быть примером всему человечеству. Он не понял, когда писал эти письма (кстати, на французском, а не на русском языке), что на это способна только воистину великая нация.

Понимание это пришло много позже, когда Чаадаев, опровергая сам себя, напишет, что призвание России заключается в том, чтобы «дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе». И уточнит: «Само провидение поручило нам интересы человечества. В этом наше будущее, в этом наш прогресс».

Сами русские, кстати, о жертвенности такого типа не говорят. Они охотнее напомним о том, как в Средние Века Россия принесла себя в жертву, остановив на восточно-европейском рубеже татаро-монгольские орды. Русь легла у них на пути, и у них не хватило силы, чтобы пройти в Западную Европу. А случись такое, исчезла бы Европа под своими собственными развалинами, как некогда Древний Рим под копытами варваров. А Западная Европа, благодаря этой передышке, смогла дать человечеству Ренессанс.

А куда бы исчезла европейская культура, не будь жертвенности защитников Москвы, Ленинграда и Сталинграда, вставших на пути немецко-фашистских орд?

Русские гордятся всеми этими подвигами. И поэтому попытки западных и прозападных истолкователей нашей истории прочитать ее заново, вычеркнув при этом из памяти людской жертвы и муки россиян, как «бессмысленные», ничего кроме неприязни к таким «исследователям» в России не вызывают.

КОГДА НАЦИЯ УСТАЛА

Нашу историю перевирали и переписывали ее, как хотели, в угоду сиюминутной конъюнктуре не раз. При Екатерине II и в годы бироновщины немецкое засилье при русском императорском дворе привело к уничтожению многих русских исторических памятников, ценнейших летописей и рукописей. Историю России в результате повели от варягов, которых объявили предками нынешних скандинавов, хотя на Руси их воспринимали как северных славян, о чем, кстати, говорят бывшие в ходу и у варягов, и у славян руны. Неуважение к собственной истории отмечало и первых большевиков, которые начали палить церковные библиотеки да рушить храмы. Тем

же страдало и более позднее руководство КПСС. Сколько раз переписывали историю самой партии. А историю Великой Отечественной?! Достаточно вспомнить раздутую кампанию агитпропа вокруг «поворота» хода войны к победе после подвигов полковника Брежнева на Малой Земле. Как до этого — «подвигов» Хрущева. (Слава богу — не дошло до увековечения партизанских подвигов Андропова и «решающей» службы капитана Черненко на погранзаставе в течение всей войны с немцами). Но наше презрение к фальсификаторам истории не означает презрения к самим себе, а значит и к подвигам своих предков.

Этой русской чувствительности не учел и Чаадаев. Он считал, что к нему в России (сам Пушкин от него публично отмежевался) отнеслись несправедливо. И недоумевал, почему русские не отвернулись, как от него, от авторов «Ревизора» (Гоголь) и «Истории одного города» (Салтыков-Щедрин), которые Россию в своей бичующей прозе не пощадили.

Гоголь и Щедрин — и впрямь те немногие среди немногих, кому Россия не только простила их насмешки, но и до сих пор за них благодарна. Благодарна уже потому, что Щедрин, например, гораздо больше сделал для нее своим собранием литературных кривых зеркал, чем сделала бы тысяча проповедников прусской логики Мальчика в штанах.

Навряд ли Щедрин разделял аргументы российского Гавроша. Но он, несомненно, понимал, что прусско-баварское здравомыслие практического применения в России в силу своей бездуховности и убогой прямолинейности не найдет. И с его помощью Россию и русских к лучшему не переделать и не переменить, а убить их душу — возможно. Он, как и Гоголь, понимал, что лучше русским предоставить возможность посмотреть на себя критически в зеркало, пусть даже в кривое, но не через увеличительное стекло.

Великие русские писатели-патриоты предупреждали своих соотечественников о том, что европейские модели общественного устройства не следует перенимать не критически. Так, Николай Гоголь, который не раз бывал в Европе и жил там подолгу, писал в одном из своих писем Виссариону Белинскому: «Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации. Хоть бы Вы определили, что такое нужно понимать под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут все готовы друг друга съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация?»

Другой русский писатель, Дмитрий Фонвизин, побывавший в Монпелье и Париже незадолго до взятия Бастилии, в своих «Письмах из Франции» предупредил соотечественников и против французского здравомыслия добропорядочного рантье и против витавшего уже тогда в воздухе якобинского вольнодумства. Фонвизин понимал, что революция в традиционно авторитарной России обернется кровавой междоусобицей, а из демократии ничего кроме анархии не получится. Он увидел это до восстания декабристов и задолго до Октября 1917 года, знаменем которого стали Марат, Робеспьер и Сен-Жюст, задолго до групповых процессов 1937 года, повторивших печальной памяти якобинские «амальгамы». Да и декабристы (Пестель) задолго до большевиков планировали и убийство царской семьи, и массовый террор, и применение насилия вплоть до гильотины против инакомыслящих (Рылев). Огарев даже стихи написал во славу гильотины.

Неудивительно, что величайший русский поэт Александр Пушкин не принял Французскую революцию, хотя и разделял многие идеи ее творцов. Он считал, что это путь не для России, которая, по его словам, «никогда не имела ничего общего с Европой», и история которой «требует другой мысли, другой Формулы».

Не понимавший этого поначалу Федор Достоевский в конечном итоге от западничества ушел и признал, что России не следует никого копировать, а надо искать свой, самобытный путь развития, который предопределен ее историей, религией, культурой и географическим положением. Революционные схемы преобразования России по Робеспьеру, Бакунину, Марксу и иже с ними были для Достоевского бесовством. Не случайно в советские времена о его «Бесах» умалчивали.

К идее «русской человечности» Ф.М. Достоевского пришел не только Чаадаев. Все русские мыслители, если они только не отказывались окончательно от своих корней, а, значит, переставали быть и русскими — так или иначе к этой идее приходили. Лучшие умы России сознавали при этом, что перекраивать в нашем Отечестве есть что. Работы с нами хватит не на один век. И еще останется. Поэтому, когда наши неославянофилы объявляют, что Россия и русские — вне критики только потому, что наш путь развития, непонятый поначалу Чаадаевым и иже с ним, — уникален, это, по меньшей мере, звучит наивно. Не на пользу русскому народу и постоянные

утверждения об исконной враждебности Запада России. Кроме как к самоизоляции, самоубийственной в современном мире, такого рода политическая мания преследования нас никуда больше не приведет.

Конечно, русская нация уникальна и, без сомнения, — это великая нация. Но квасной патриотизм ее всегда только портил и демобилизовал. Она, как никто, нуждается в постоянной критической самопереоценке, потому что чрезвычайно склонна к самолюбованию по поводу и без повода. Она восхищается собой даже тогда, когда надо помалкивать и стараться о себе не напоминать.

России в лице лидеров ее политических партий не надо кичиться своей «непознаваемостью». Ей надо попытаться быть понятой и Западом, и Востоком. Иначе она просто не выживет, сколько бы ни юродствовали ура-патриоты по поводу ее способности быть «ванькой-встанькой», восставать подобно птице фениксу из пепла и т.д.

У любой нации способности к самовоспроизводству; причем не только в демографическом плане, не беспредельны. А уж с нашей историей, из которой известно, что нападения на Россию извне сплошь и рядом оборачивались геноцидом русских и разорением ее культурного наследства, с нашими междоусобицами, по сравнению с которыми Вандея — всего лишь местная потасовка, — и подавно.

Нация устала. После вымотавшего ее «реального социализма» ее принялись добивать отечественная компрадорская и международная криминальная буржуазия. Слава богу, с началом XXI века удалось этот процесс остановить и даже повернуть вспять. Замедлилось вымирание русского народа. Но не остановлено. Сократились масштабы разграбления его национальных богатств. Но грабеж России, увы, неизбежен, пока она не восстановит своего могущества и единства. Противники открытости наших границ и вообще демократических свобод усматривают причину всех наших бед, в том числе и вымирания русских, в «тлетворном влиянии Запада». Отсюда призывы — закрыть границы, возвести новый «железный занавес». Те, кто за это ратует, не понимают, что в современном мире в одиночку не выживешь. Но кто придет нам на помощь, случись беда? Ведь мы нередко напоминаем человека, которого свалил приступ чудовищной боли посередине чужого города. Он кричит на своем языке о помощи, а его никто не понимает. Как и почему мы дошли до жизни такой? Поймут ли нас когда-нибудь? А поняв, простят ли?

НА НАШИХ СМУРНЫХ ШИРОТАХ

Шли последние годы «застоя». Брежнев был уже «овощем», но еще жил. Наше официальное искусство чем-то напоминало по состоянию своего здоровья нашего Пятирежды Героя. Искусство неофициальное, непризнанное и Советскому государству не нужное, хоть и жило полной жизнью, но, так же как и интеллигенция со своими «фигами в кармане» и крамольными разговорами на кухнях, ютилось в самодельных студиях и на «эстрадах» частных квартир. Конечно, и в этом полуподполье бездарностей было не меньше, чем в юпитерах официоза. И все же иногда нам везло, и тогда дух захватывало от встречи с Настоящим.

Как-то мне позвонил мой старый друг и, задыхаясь то ли от страха быть подслушанным, то ли от восторга, сообщил мне по телефону, что у него на дому состоится концерт Саши Башлачева. Меня дважды приглашать было не надо. «Приду», — шепнул я ему в ответ.

Народу набилось столько, что мы с трудом разместились в гостиной со своими магнитофонами. «Магнитиздат» тогда не могло уже остановить даже вездесущее КГБ.

О Саше Башлачеве в то время знали немногие. Он только-только входил в нашу жизнь со своими песнями, которых у него и тогда было немного. Концерт был, кстати, платный — мы не скупились, потому что знали: Саше просто не на что жить. А у него, как говорили, родился ребенок.

...До того я его никогда не видел. И вот он вошел, сжимая гриф гитары цепкой рукой, маленького росточка, щупленький, русоголовый, чем-то он напомнил мне соседа-пастушонка из деревни Марьино под Тверью, где я проводил все школьные каникулы у сестер своего деда, славных деревенских интеллигенток-вековух.

На шее у Саши под расстегнутой до пупа рубахой на простой бечовочке висел железный колокольчик. Я еще не знал тогда, что в этом — целая философия юного поэта.

«Если смолк Батюшка Царь-колокол, — пел он, — значит здесь — время колокольчиков»...

Только русский и православный мог сказать так про рок-н-ролл: «Славное язычество...»

Мне было страшно за него. Сколько талантов у нас растоптали. Извели. А у Саши талант был от Бога. Настоящий рус-

ский поэтический дар. Он проявляется прежде всего в Слове, в безупречном знании русского языка, в той замысловатой вязи поэтических образов и аллитераций, для которой приспособлена только русская речь.

В маленьком теле Саши бурлила неистовая природная сила Родного Слова. И безошибочно можно было сказать, что она идет не от книжек, а от Земли.

...Он как бы и пел, и вел нас за собой по России, по той России, по которой городские и благополучные никогда не ходили. Мы увидели то, о чем догадывались, но не верили, что все это действительно так, что такой и есть русский народ, как он поет, и наша Русь-матушка именно такая, как в его песнях, а не та, которую выдумали наши сентиментальные русофилы.

Как живой, стоит он у меня перед глазами и поет вот эту свою песню «Некому березу заломати»:

Уберите медные трубы
Натяните струны стальные,
А не то сломаете зубы
Об широты наши смурные.

Искры ваших искренних песен
К нам летят, как пепел на плесень,
Вы все между ложкой и ложью.
А мы все между волком и вошью.

Время на другой параллели
Сквозняками рвется сквозь щели.
Сквозняками рвутся сквозь щели
Синие цепные метели.

Вы нам то да се, трали-вали.
Мы даем ответ: «Тили-тили».
Вы для нас подковы ковали.
А мы большую цену платили.

Вы снимали с дерева стружку.
Мы пускали корни по-новой.
Вы швыряли медну полушку,
Да мимо нашей шапки терновой.

Наши беды вам и не снились.
Наши думы вам не икнулись.
Вы б наверняка подавились.
А мы же ничего — облизнулись.

Лишь печаль-тоска облаками
Над седой лесною страной.
Города цветут синяками,
Да деревни — сыпью чумною,

Кругом — бездорожья траншеи.
Что к реке торопимся, братцы?
Стопудовый камень на шее.
Рановато, парни, купаться.

Хороша святая водица,
Да глубокий омут таится.
Не напиться нам, не умыться.
Не продрать колтун на ресницах.

Да вот тебе — обратно тропинка.
И ты петляй в родную землянку.
А крестины там иль поминки —
Все одно там пьянка-гулянка.

Если забредет кто нездешний,
Поразится живности бедной.
Нашей редкой силе сердечной,
Да дури нашей злой заповедной.

Выкатим кадушку капусты.
Выпечем ватрушку без теста.
Что снаружи все еще пусто?
А внутри — по-прежнему тесно!

Да вот тебе медовая брага,
Ягодка, злодейка-отрава.
Вот тебе, приятель, и Прага.
Вот тебе, дружок, и Варшава.

Да вот и посмеемся простуженно.
А об чем смеяться — неважно,
Если по утрам очень скушно,
А по вечерам очень страшно.

Всемером ютимся на стуле.
Всемирно — на нары-полати.
Спи, дитя мое, люлю-люли,
Некому березу заломати.

Саша знал, о чем пел. Он исходил всю Россию вдоль и поперек со своей гитарой, как калика перехожий с посохом. Что переменялось в ней со времен Салтыкова-Щедрина?

Сама переменялась неузнаваемо. А народ за этими переменами не успел и остался в основном все тем же. Веками выработывалась у русского простонародья эта психология голодного, но доброго человека, готового отдать свою краюху хлеба любому такому же голодранцу. Человека зряшного и вместе с тем значимого, нищего лапотника и несмотря на это — гуляки, который поначалу душа нараспашку, лучше друга не сыщешь — а потом, когда глаза зальет до слепоты, то и топором по башке другу сердешному хлопочет. Да любому, кто подвернется, достанется от него, парня-душа-нараспашку, когда в нем, от водки-браги, «ягодки, злодейки отравы» просыпается зверь лютый, черный, жуткий, лучше не подходи.

Конечно, одно дело — город, другое — деревня. В России появились весьма состоятельные и просто обеспеченные люди, для которых уже не в новинку Запад со всем его политесом и шиком. Русские очень быстро все перенимают. И все же от корней, как говорится, не уйдешь. Приведу пару абзацев из репортажа Софьи Сарафановой, опубликованного в январе 2004 г. в «Независимой газете» под заголовком «Записки жены олигарха».

Вот как резвились российские супер-богачи на альпийских курортах Франции:

«...В Куршевеле во время так называемой русской недели особенно популярны два модных клуба — «Ле Гранж» и «Ле Кав». Там проходят главные вечеринки. В «Ле Гранже» уже много лет основные празднества устраивает партнер Владимира Потанина Михаил Прохоров. Одно приурочено к Рождеству, другое — ко дню рождения Потанина. В «Ле Каве» в этом году особенно гремели вечеринки, которые устраивало русское отделение Перно-Рикара. На русскую неделю специально из Москвы привозят Дев. Их еще называют «Расписные». Это модели из лучших модельных агентств. В этом году многие мужчины поехали без жен. На самом деле катание на лыжах — это последнее, за чем ездят в Куршевель. Куршевель — не для этого, хотя условия для катания там действительно хорошие. Очень много пологих синих трасс. По плавным горочкам легко скользить с похмелья. Но кататься можно и в

Шамони, и в Канаде, и в Швейцарии. *А в Куршевеле надо бузить* (Выделено мной. — Авт.)

Именно бузить, потому что просто отдохнуть — тоже нельзя. Обстановка напряженная. Все время — как на сцене: сами играют, сами смотрят. Многие патриотичные французы презирают за это русских, они не понимают, зачем литрами, залпом пить их драгоценные коньяки от древних коньячных семей.

Драки — необходимое условие знатного отдыха. В этом году тоже не обошлось. 3 января крутую драку затеяли прямо на подъемнике, высоко над землей. Подъемник — вместительный вагончик — в него входит несколько десятков человек. В Куршевеле на русской неделе одни русские, так что и в вагончике были русские. Просто кто-то к кому-то прицепился. Повод там всегда один — кто круче. Ну, как на деревенских дискотеках. Просто бесшабашный агрессивный народ с бодуна. И вот, один схватил другого — через пять минут дрались все. Вагончик раскачивался страшно, из выбитых окон летели палки и лыжи. Так что французские медики всегда хорошо на нас зарабатывают. Больница переполнена, причем не травмированными на лыжных спусках, а пострадавшими в драках. В «Ле Каве» владелец одной из компаний, застроивших пол-Москвы, показал себя в такой драке очень хорошо. Мочилровка была большая. Он всех победил...»

Мальчик без штанов стал олигархом, но европейский костюм его все также стесняет...

Мы, наверное, не скифы даже. Мы — папуасы. Я помню, в одной папуасской деревне в 1975 году брал интервью у вождя племени, а потом попросил его попозировать мне для фото-портрета. Так вот он сначала позировал вместе со своей женой голышом. Она — *topless*, в юбке из пальмовых листьев, а он — в чем-то наподобие пионерского галстука вокруг бедер. А затем он попросил меня сфотографировать их в европейских костюмах. После долгого переодевания в хижине он вышел в смокинге, в белой рубашке и черном галстуке, а она — в вечернем платье с большим декольте, в котором, как в рамке, смотрелись все шедевры ее замысловатой татуировки на бюсте. Не хватало в этом туалете для официального раута только одной детали — вождь с женой фотографировались босиком. Вот так и мы тоже. Вроде бы и европейцы, но для полного «антуражу» все время какой-нибудь детальки, да не хватает.

...Сашина гитара кричала. Он до крови разрывал себе пальцы, так неистово брал аккорды. Все руки у него были в шрамах. А как должно было его сердце обливаться кровью, если он так чувствовал Россию и так болел душой за свой народ?

Я не знаю, возможно ли это все перевести на какой-то европейский язык. Понять до конца весь его плач, его вопль по нам, русским, может только русский. В одной песне у Саши были такие слова: «Я не знаю, люблю, потому что болит, или просто болит, потому что люблю».

Эта боль за Россию и эта любовь к ней были в Сашином сердце и душе столь безысходными, что он не выдержал и в самый разгар горбачевской «перестройки» в 1988 году выбросился из окна, так и не дождавшись выхода в свет своей первой пластинки. Она появилась уже, когда его схоронили.

Осталась жить его поэзия. И как ни банально звучит эта фраза, она действительно жива. Живо и его обращение к Западу:

«Наши беды вам и не снились. Наши думы вам не икнулись...»

О чем он думал, когда предупреждал: «А не то сломаете зубы о широты наши смурные». Настоящие Поэты всегда безупречные пророки, потому что они живут во Времени и Пространстве, не ограничивая круг своего творчества часовой стрелкой. Возможно, в какой-то форме его пророчество сбудется. Но в какой?

Для меня важно, что настоящие русские поэты — и Саша не был одинок — не отделяются от тех, кто разводит руками, глядя на происходящее у нас, афоризмами типа «Умом Россию не понять». Они просят и Запад, и Восток попытаться нас понять. Вопиют о понимании. Видимо, интуитивно, как-то иначе одним им известным методом перемещения во Времени предвидят, предчувствуют, что может наступить такой предел, когда непонимание нас погубит. Примерно так, как губило оно наших южнославянских братьев в теперь уже бывшей Югославии...

У меня, конечно же, нет никаких рецептов, как Западу познать душу России и ее народа. Да я и не знаю, возможно ли составить такие рецепты при нашей тотальной иррациональности, склонности действовать не столько по велению разума, сколько по интуиции, и отсюда — непредсказуемости. Да и нужны ли эти рецепты?

Нам бы самим себя понять. Но даже если допустить, что такой рецепт будет создан, возникнет вопрос: расшифрует ли его Запад? Не станет ли он, как Мальчик в штанах говорить: «Ну, ладно, я все готов понять, но все же, почему вы не носите штанов? Ведь в них гораздо удобнее!»

Я не случайно вновь и вновь вспоминаю щедринских Мальчиков. С 1985 года мне довелось с довольно близкого расстояния наблюдать, как их диалог повторялся на уровне главных действующих лиц одной из величайших драм в истории России: руководителей СССР и США, других стран Запада. Я не был ни в близком, ни в дальнем окружении Горбачева, либо Ельцина. Но по роду своей работы — зарубежным корреспондентом «Правды» — имел возможность видеть их «в деле» во время вояжей в Европу. Они штаны надели. Но вот народ свой пустили по миру без штанов. Сняли с него последнее.

МИР БЕЗ ПОЛЮСОВ

И вот тут снова возник вопрос: неужели именно такой судьбы хотел для нас Запад, всячески поддерживая Горбачева с его перестройкой, а затем и тех, кто разваливал Советский Союз в полном соответствии с формулой Бенджамина Франклина, «отца» Декларации независимости США. «Большая империя, — учил он, — как и большой пирог, легче всего обдается с краев».

Шла война с Советским Союзом, хотя и «холодная». А на войне как на войне — противнику нет пощады. На этом фоне всевозможные теории заговора, благодаря которому все это произошло, (скажем, всемирный сионистский заговор, масонский, заговор ЦРУ и союзных ему разведок, если ограничиться этими тремя версиями), выглядят наивно. Советское руководство после Сталина так и не поняло, что идет не просто соревнование двух систем, а война на уничтожение коммунизма как системы. Один из наших весьма проницательных историков отметил, что лидеры России традиционно рассматривали Запад как зеркало, в котором они хотели видеть свое отражение в самом благоприятном виде. Не понимая, что в этом зеркале, в силу прагматизма его конструкторов, отражается действительное, а не желаемое. От Хрущева до Горбачева лидеры СССР пытались договориться с Западом о «мирном сосуществовании». Это с одной стороны. А с другой — через все партийные органы печати, от центральной «Правды» до

«Пионерской» — советским людям скармливали то одну, то другую теорию «заговора против СССР». И при этом неизменно сообщали «господам за океаном», что в Москве надеются на «признание», прежде всего Вашингтоном, «политической реальности». Там же гнули свою линию. И небезуспешно. Тем не менее, пока «холодная война» шла, никто ни в СССР, ни на Западе не мог предугадать, насколько катастрофическими не только для нас, но и для всего мира обернутся последствия развала Советского Союза.

В 2003 г. в одном из своих интервью мне, тогда уже главному редактору журнала «Финансовый контроль», отец современной геополитики французский генерал Пьер Галуа все-таки сказал об этом ту правду, о которой на Западе боятся говорить по сей день:

«...Между 1917 годом по 1987 год, т.е. ровно 70 лет, человечество имело возможность выбирать между социально-экономической моделью плановой экономики, на базе которой наиболее преуспел Советский Союз, и моделью рыночной экономики, где больше всего преуспели США. У людей был выбор. Они могли колебаться в своих симпатиях к одной или другой системе, могли выбрать ту или иную, либо отказаться от той, которая не сработала в их стране, в пользу другой. Теперь этого выбора практически более не существует. Эти две системы, замечу, соревнуясь друг с другом, скрывали свои недостатки, но учитывали преимущества конкурента и таким образом стремились к самоусовершенствованию. Так объективно существовала возможность усовершенствовать обе эти системы до конца. Крушение Советского Союза в результате событий 1991—1992 гг. привело к дисквалификации плановой экономики. В результате у народов больше нет выбора. Никакого иного выбора кроме либеральной экономики.

В этих условиях и сама либеральная экономика развивается уже не по тем правилам игры, которые соблюдались во времена соревнования с плановой экономикой. Можно теперь не особенно беспокоиться о том, чтобы скрыть ее пороки. Экономика большинства стран не выходит из состояния застоя. Это ведет к росту социальной напряженности. Скандалы с корпорациями «Энрон» и «Уорлдком» привели к массовым увольнениям. Все это показало, что либерализм, как и модель рыночной экономики в целом, весьма далеки от совершенства. По сути, теперь эта модель также дисквалифицирована, как и модель плановой экономики...»

Я попытался ему возразить: «И все же, мой генерал, остается Китай, где все-таки не отказались целиком от социалистического пути развития, в том числе и от плановой экономики. Пример остается...»

Галуа подумал и сказал: «Да, пример остается. Но выбора все же нет. То, что осталось от мировой социалистической системы, как ее прежде называли, не может соревноваться с мировым капитализмом. Тот же Китай, страна, которая не принадлежит к третьему миру, сохранив многие элементы своей политико-экономической системы, широко открыл свои двери для мирового капитала. Но для того, чтобы обеспечить жизнеспособность такой системы, Китай сохранил чрезвычайно авторитарный режим, что и составляет китайскую специфику. Соревновательного потенциала у Китая (даже если добавить к тому Кубу) явно недостаточно для того, чтобы говорить сейчас о соревновании двух систем в классическом понимании этого термина. Результаты этого нового мирового беспорядка мы можем наблюдать даже на улицах Парижа, если вы мне позволите от проблем глобальных перейти к частным. Профсоюзы теперь выходят здесь на свои демонстрации не под политическими знаменами и лозунгами с требованиями изменения существующей системы, как это они делали прежде, а с чисто прагматическими требованиями защитить их цеховые интересы. У них идеологии больше нет. Идеология, основанная на социалистическом планировании, оказалась дискредитированной, а либеральная идеология (рыночной экономики) для них непривлекательна, потому что они познали на себе ее ошибочность. И что же? Что делать в этой ситуации? Неизвестно».

В политическом отношении произошла планетарная катастрофа, ибо мир потерял свою биполярность. Случись нечто подобное с планетой, она бы рассыпалась на куски. То, что не смог предвидеть ни один Супермозг, произошло. К счастью, удалось избежать практически неизбежного в таких случаях катаклизма мировых масштабов. А то ведь никто бы не спасся. Даже на «Последнем берегу». Историки со временем узнают об этом периоде больше. Но думаю, что они отдадут должное мировым лидерам, которым хватило ума не пытаться «добывать Россию» (а призывы к этому на Западе были) в условиях, когда у нее единственным атрибутом суверенитета оставалось только ее ядерное оружие.

НА ПЕПЕЛИЩЕ КОММУНИЗМА

Крах СССР стал и крахом коммунистической идеологии. Ее просто отменили, не дав ничего взамен тем, в чьи головы ее вбивали 70 с лишним лет. Неизбежен был общенациональный кризис веры. На пепелище Советской власти гамлетовские вопросы приобретали трагизм поистине шекспировский. Мы снова задаем себе вопрос: «Кто мы?» Мы уже не советские, но еще и не россияне в том смысле, который вкладывается в пока что непривычное понятие «Гражданин Российской Федерации» или просто России.

СССР не существует ни географически, ни юридически, но так или иначе он будет жить в памяти людей до тех пор, пока будут живы те, кто все еще ощущает себя людьми «советскими». В большинстве своем для них так и останется нелепостью, что Украина — это уже заграница, что в Азербайджан уже не попасть без визы, а в Сухуми нельзя поехать отдохнуть на море, потому что хотя бы, что он снесен с лица земли во время грузинско-абхазской войны. Не секрет, что в России многие думают: «А может быть, все вернется на круги своя?»

А что вернется? Коммунизм? За это после августа 1991 года и октября 1993-го выступают даже не все его сторонники, или как стали говорить, учитывая непопулярность самого термина, «сторонники социалистической идеи». (Оговорюсь только сразу, чтобы не повторяться потом: в самой этой идее никто так по существу и не разобрался за все 70 с лишним лет Советской власти.)

Большинство тоскует по прошлому из-за потери всех и всяческих ориентиров, социальных благ и привычного образа жизни. Перестраиваться всегда трудно, а уже тем более начинать жизнь заново. Выборы в Государственную думу 2003 года и президентские выборы 2004-го подтвердили, что либеральная идея в России непопулярна. Непопулярна, в общем, и идея коммунистическая. Во что и кому верить, люди в массе своей не знают. Им дали свободу, но не научили, как ею пользоваться. Пока они поверили в человека по имени Владимир Путин. А что дальше? Впечатление смятения умов — полное.

Вот в Законодательном собрании Владимирской области утверждали свой губернский стяг. И умудрились разместить на нем православный крест, царскую корону, а заодно — серп и молот. Одному нравится поп, а другому — попадья. А тут все нравится — и поп, и попадья, и еще лектор по атеизму. Не на-

до удивляться, что столько лет после развала СССР и ликвидации КПСС повсюду стоят памятники Ленину, Марксу и Энгельсу, кое-где их даже восстанавливают. В каждом городе все еще можно найти улицы Ленина, Марксистские переулки и Коммунистические тупики. Вроде и нет коммунизма, но он есть, потому что он неистребим даже в памяти тех, кто его ненавидит, но ностальгирует по тому, «как тогда было». Захотели в Думе в 2004 г. отменить праздник 7 ноября — вроде бы логично перестать праздновать годовщину Великой Октябрьской революции в стране победившего капитализма — так нет, народ против. И вовсе не потому, что народу все равно, какой праздник, лишь бы дали погулять. В ходе опроса ВЦИОМ, проведенного в конце 2004 г., на вопрос «За кого бы вы были, если бы оказались свидетелем Октябрьской революции 1917 года?» 42% ответили, что за большевиков. Очевидно, что русские не хотят выбрасывать коммунизм, как и монархию, из своей истории, из своей исторической памяти. Присущая русским соборность проявляется даже в их подходе к своему прошлому.

Спрашиваешь, ну чего бы хотелось? И выясняешь, что идеальным для многих было бы следующее: хочется, чтобы был снова Советский Союз пусть даже с коммунистами, но без КПСС. Пусть восстановят Советы вместо этих «мэрий», но не с одними демократами, пусть всех будет понемногу. А частный сектор? Надо, чтоб был, но чтобы без инфляции и дороговизны. Магазины с иностранными товарами открыть для всех, у кого есть сумасшедшие деньги, но пусть будут и госмагазины, где все чтобы было по прежним ценам. Частные клиники пусть будут, но пусть вернут бесплатных врачей и дешевые лекарства. Пусть работают частные школы, но государственные пусть им не уступают по качеству образования. И т. д. Короче говоря, хочется, чтобы в России был капитализм, но... плюс Советская власть. Это все равно, что женщине быть «немного беременной».

Люди полностью сбиты с толку. Но российским великим путаникам и в новом XXI веке все еще хотелось «великих потрясений». То вновь выплывал «Горби», выдвигая очередную идею «усовершенствования» социализма за счет слияния его с капитализмом. (Идея не нова, она известна по теории конвергенции начала 60-х годов нашего века, но Горбачев, конечно, продавал ее как свою, «новаторскую»). То откуда-то вылезал еще один политический труп Иван Рыбкин, излагая на потеху телеведущим свою президентскую программу. Ничего кроме

легкого презрения и Рыбкин с Горбачевым, и вся эта когорта кандидатов в правители России у народа не вызывала.

В годы кризиса потребность русского народа в вере (не обязательно даже религиозного характера) проявляется, как правило, с особой силой. Советские люди довольно спокойно восприняли то, что коммунизм был развенчан — он и до того, если судить хотя бы по ходившим по СССР анекдотам, особым почетом не пользовался. Куда болезненнее воспринималось крушение утвердившейся в массовом сознании уверенности в том, что Россия — это великая держава, которой можно гордиться. Начиная с первых лет перестройки, ее идеологи начали переписывать нашу отечественную историю одними черными красками, от чего на душе у простого человека в те действительно смурные времена становилось и вовсе беспросветно. Нас убеждали, что стыдиться собственной истории — это нормально и даже разумно. Кем-то пестуемые выродки с экрана телевизора регулярно сообщали нам, что было бы куда лучше, если бы в Великой Отечественной войне победил не советский народ, а Гитлер. У русского человека пытались таким образом вырвать его корни, что для многих было равнозначно смерти. Статистика самоубийств в России конца XX — начала XXI в. это подтверждает.

К счастью, эту самоубийственную для русской нации кампанию ошельмования всего того, что для нас свято, сумели остановить питерцы во главе с президентом Владимиром Путиным. И низкий поклон им за это. Когда накануне 9 мая 2005 г. неподалеку от Парка Победы мою машину остановила симпатичная русая девчушка и протянула мне георгиевскую ленточку на антенну, я понял, что у Смердяковых в России нет будущего. Эта ленточка для меня стала и символом восстановления связи времен, и символом самого этого процесса. Не дай бог порвется.

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ, ПОТЕРЯВШИ – ПЛАЧЕМ

В чрезвычайно любопытном исследовании Льва Гудкова «Структура и характер национальной идентичности в России», опубликованном в сборнике. «Геополитическое положение России» (М., 1999) и потом дополненном автором в 2004 г. говорится: «После отставки Гайдара и отказа правительства от широкомасштабных и последовательных реформ, подавляющее большинство населения России (50—60% опрошен-

ных) полагало, что сама по себе советская система была не так уж плоха, негодными были правители, занятые исключительно эгоистическими интересами сохранения власти и собственным благополучием. Иначе говоря, происходило не столько изменение структуры авторитетов и базовых ориентаций, сколько смена знака отношения к ней (при сохранении того же характера зависимости). Значимость идентификации с властью для массового сознания, сохранение статуса «великой державы» и репрезентирующей ее государственной власти по-прежнему велика и сохраняет свою, по меньшей мере, декларативную силу».

Весьма любопытные результаты показали опросы, проведенные Гудковым и его коллегами. Вот что отвечали россияне на вопрос «Что может помочь возрождению русского национального духа?».

Мощное русское государство — 46% опрошенных; уменьшение всевластия чиновников, свобода жить и работать по своему разумению — 16%; Православная церковь — 7%; уменьшение влияния иностранцев — 7%; сильная русская партия — 4%; покаяние в преступлениях советского времени — 2%.

На вопрос «На какой образ жизни мы должны ориентироваться?» отвечали так: на советский — 11%; традиционно русский — 47%; западный — 20%; затрудняюсь ответить — 22%.

Эта негативная идентификация с властью, считает исследователь, выражается как усиливающееся недоверие к ней, подозрение в ее порочности, эгоистичности, криминальности. Так, уже в 1995 году (до выборов в Госдуму) наиболее характерными качествами большинства российских политиков общественное мнение считало (в порядке убывания частоты ответов): «беспринципную борьбу за власть» (39%), «неуважение к рядовым гражданам» (34%), «пренебрежение законом» (31%), «корыстолюбие» (26%), «некомпетентность» (26%), «бесчестность, непорядочность» (24%), «безнравственность» (19%) и «политическое безволие» (15%).

Показательны опросы относительно качеств старой (советской) власти и новой (ельцинской). Советская власть характеризовалась опрошенными как — «близкая народу», «своя, привычная», «законная», хотя и «бюрократичная», но «авторитетная», «сильная, прочная» и «справедливая»; власть же демократов — как «далекая от народа, чужая», «коррупцированная», «незаконная» (лишь 12% называли ее «законной»). Справедливости ради отмечу, что позитивные оценки советского времени у молодежи были слабее, чем у тех, кто при

этой власти прожил всю жизнь. Помимо отсутствия опыта, на юных респондентов оказывала влияние еще и антикоммунистическая пропаганда, и неприглядные действия известных коммунистических лидеров после развала СССР.

В годы правления г-на Ельцина многие, даже не сочувствовавшие коммунизму люди почти физически ощущали полное и безысходное отчаяние оттого, что страну захватила некая банда, распределившая ее, как водится у вора, на зоны воровского промысла, где не действовали никакие законы, кроме «понятий». Но даже воровские понятия в то время не действовали. Наступило время отмороzków, полного беспредела, который творили новые преступники из числа вчерашних комсомольских и партийных работников, бывших работников КГБ и милиции, вороватых хозяйственников и прочей сволочи. В первые годы после развала особенно удручала меня Москва, по которой в прежние советские времена можно было гулять в любое время суток без всякого страха. Она стала напоминать осажденный город. Полупогашенные фонари, безлюдные улицы вечерами, какие-то даже не люди, а уголовные тени, выскакивающие из подворотен и машин рекетиров, охранники с физиономиями наемных убийц, милиционеры с физиономиями бандитов. И время от времени то тут, то там — стрельба короткими очередями. И услышав ее, можно было только гадать, что это — то ли милиция «выполняет свой долг», то ли банды сводят между собой счета. Да и велико ли уже было между ними различие? Я в ужас пришел, в один из своих наездов в Москву в 1993 году, когда один из «стражей порядка» остановил мою машину среди бела дня на улице и без всякого предупреждения навел на меня короткоствольный автомат типа «узи». Оказалось, что он просто захотел проверить мои водительские права.

Город словно рассекала на две далеко не равные части невидимая, но бездонная пропасть, отделившая очень бедных от очень богатых. Середины просто не было. Люди разучились улыбаться. Шутить, петь песни. Всего за какие-то два-три года «свободы» они сразу как-то выцвели, посерели и озлобились. Правы были ребята из ансамбля «Машина времени», когда пели о тех временах: «У свободы недетское злое лицо...»

Кто в наших русских бедах виноват? Кто за все это ответит?

Конечно, самое простое — это свалить все на внешних заговорщиков, на некоего абстрактного Врага, почти Сатану. Вот и один из бывших членов ЦК КПСС писатель Борис Олейник так и поступил — написал книжку, из которой следует,

что Михаил Горбачев, которому до развала СССР они все славы пели, — это и есть Сатана, даром что ли на лбу у него отметина.

Тот поток иррациональности и потусторонней мути, который обрушился на нашу нацию, многим, даже таким интеллектуалам от коммунизма и атеизма, как Олейник, мешал увидеть истинные причины постигшей нас трагедии. Западу же в этом разобраться еще труднее. Уже потому, что он использует в качестве своих консультантов и истолкователей происшедшего и происходящего именно тех, кто и разваливал Советский Союз, искренне веря при этом, что укрепляет его. Эти «отставной козы перестройщики», как лихо назвала их парижская «Русская мысль», мотались с одной «теоретической конференции» на другую и глубокомысленно рассуждали о том, каким путем Западу следует помогать России. Однажды попав в обойму «мудрецов», они никак не хотели из нее добровольно выпасть. Фактически Запад взял их на свое довольствие. И уже поэтому ожидать от них какой-либо самостоятельной мысли не приходилось. Рассуждать они могли, лишь заглядывая в глаза тем, кто их кормил, как Сорос: «Чего изволите?». Увы, именно с помощью этих господ сформировалось на Западе очередное непонимание России, породившее в свою очередь и очередные к ней претензии и упреки.

ЕСЛИ ВСЕ ЖЕ ИГРАТЬ В ПРАВДУ

Будь жив Чаадаев в наше время, он бы, наверное сказал:

«Русским надо признать правоту французского философа Жозефа де Местра, который наверняка доказал бы, что все с нами и нашей родиной происшедшее, мы не то чтобы заслужили, а получили по делам нашим. Ведь это Местр сказал «Каждый народ имеет таких лидеров, которых он заслуживает».

И, если уж «играть в правду», надо, хочешь не хочешь, признать, что мы сами позволяли править нами дуракам и мерзавцам, палачам и авантюристам и наконец — просто шизофреникам, вполне сходявшим на фоне нашего всеобщего идиотизма за умных и компетентных людей.

Да и могло ли быть иначе в стране, которая сначала с энтузиазмом строила христианские храмы и памятники своим государям, а потом разрушала их с таким рвением, как впоследствии срывала с постаментов монументы коммунистическим лидерам!?

И много ли изменилось в менталитете народа, абсолютные монархи которого на заре XX века лечились у неграмотного мужика Распутина и подчиняли его прихотям и внутренней, и внешнюю политику нашей великой державы, а в конце века его не менее всевластные, чем цари, лидеры, генсеки ЦК КПСС вверяли свое драгоценное здоровье гадалкам и парапсихологам, таким, как болгарская прорицательница Ванга и «ассирийская императрица» Джуна?! А вся остальная нация за неимением средств всем миром исцелялась по телевидению у проходимца Кашпировского и «заряжала» утром «воду здоровья» еще от какого-то тележулика, а затем — также всем миром, искренне переживая при этом, — полгода подряд смотрела ублюдочно-примитивный телесериал про страдания некоей Марианны из Мексики. И исполнительница роли этой Марианны, наверное, думала, что она сошла с ума, попав, неожиданно для себя в Россию, где ее с почестями, как национальную героиню, принимали в Кремле. Сам Бурбулис (государственный секретарь при Ельцине, его «серый кардинал») принимал и еще Полторанин (бывший министр информации, один из самых близких к президенту людей) и даже кто-то в Московской патриархии. Председатель комиссии по борьбе с лженаукой Российской академии наук академик Эдуард Кругляков рассказывал, что в годы правления Бориса Ельцина «в окружении президента царил чудовищная вакханалия мракобесия, новая распутинщина. С этим ведомством сотрудничало очень много всевозможных экстрасенсов, целителей, оккультистов, астрологов и прочих шарлатанов. Покровительствовал им первый заместитель Александра Коржакова генерал-майор Георгий Рогозин. Я не знаю, верил ли Рогозин всем этим экстрасенсам или нет. Я знаю только то, что он тащил в Кремль всех этих чародеев, которые растаскивали колоссальные бюджетные средства, — это факт. Насколько мне известно, они там составляли политическим лидерам роскоши, общались с космосом на темы бюджетной политики, сверяли кадровые назначения с таблицами каббалы — и, естественно, все это не бесплатно».

«Бред, — сказал бы Петр Чаадаев. — Национальное сумасшествие».

А может быть, он высказался бы и на современном арготечаяния: «У нации просто поехала крыша».

Да, Запад выиграл у Советского Союза «холодную войну». Но прежде всего потому, что мы сдались сами. В этом мог убедиться любой, побывав на Пушкинской площади в начале 90-

х годов, где ежедневно выстраивалась километровая очередь за заморской котлетой в «Макдональдс». Мы, русские, сами потеряли свою страну и свое величие. И потеряли потому, что в один прекрасный или, скорее, страшный день, поменяли все наши светлые идеалы на простой и понятный ежу жизненный идеал «среднего американца»: «Делать деньги и потреблять». Делать деньги в советских условиях еще было как-то можно, но вот с потреблением была проблема — на прилавках не наблюдалось не только широкого выбора товаров, но и вообще большинства жизненно необходимых товаров. А в силу этого и работать не имело смысла, и делать деньги, рискуя карьерой, а то и свободой — тем более. Вот в этой полной безнадеге подавляющему большинству, нации вдруг все стало, как у нас говорят, «до фонаря, до крыши, до ноги и до лампочки». И в том, что такое произошло, виновато было прежде всего руководство КПСС, которое из-за таких, казалось бы, «мелочей» потеряло все — и власть, и партию, и страну. К исходу XX века нация изверилась во всем и во всех, будто враз утратила все свои прежние идеалы, национальные цели и устремления. Ее больше ничего не объединяло, кроме уже трещавшего по всем швам государства. И никто не попытался всерьез спасти его, потому что каждый спасал себя, и в лучшем случае — своих близких: политический кризис совпал с экономическим, с нехватками и километровыми очередями буквально за всем.

МЫ ВСЕ ЕЩЕ СЕБЯ ИЩЕМ...

Август 1991-го был лишь детонатором, который рванул эту критическую массу безверия и национальной апатии, похоронив казавшийся таким крепким «реальный социализм».

Увы, что посеешь, то и пожнешь. Кому вершки, кому корешки.

То, что русские пришли к нынешней национальной катастрофе, к несчастью, закономерно. Они шли к ней давно. Может быть, всю свою историю. И здесь нельзя вновь не вернуться к роли православия в формировании национального менталитета.

Пассивное восприятие внешнего мира и отторжение его опыта, покорность по принципу — ударят по одной щеке, подставь другую, нежелание отстаивать свое достоинство пе-

ред облагавшей властью хотя бы на уровне гражданского общества, смирение перед тиранией («Господь терпел и нам велел»), все это, увы, связано в значительной мере с православной традицией. Православие не дает определений добра и зла по типу Владимира Маяковского в его «Что такое хорошо и что такое плохо?». Смирение не всегда достоинство, но и не всегда недостаток. Как говорят англичане «Nobody is perfect» («Никто не совершенен»). Но все наилучшие свои качества русские, как нация, обрели в своей вере.

Отождествившись с православием до такой степени, что слова русский и православный стали синонимами, русские приняли догматы Нового завета как национальную идею и цель. Когда перечитываешь нашу историю, не можешь избавиться от ощущения, что нация как бы вызревала сама в себе, подобно тому, как бабочка вызревает в земле, запечатавшись в роговую колыбель куколки, для будущего полета на прекрасных крыльях. Нация традиционно очень осторожно обращалась с землей, где ей суждено было жить, отдавая должное уважение и творение Бога, и мудрости природы, которая всегда жестоко мстит за любое торопливое вмешательство в ее кропотливую работу, рассчитанную на миллионы лет вперед. Может быть, именно в этом корни общенациональной веры в то, что все само собой образуется («Бог не выдаст, свинья не съест»), что бы ни случилось. Именно поэтому русские с такой неохотой отправлялись как в завоевательные, так и в освободительные походы¹, долго отступали, прежде чем переходили в наступление и наголову разбивали агрессоров. «Россия, — говорил де Голль в 1961 году президенту Кеннеди, — не нападет никогда на Запад. Она воевала только, когда на нее нападали. Когда в ее пределы вторгся Наполеон. Когда на нее напал Гитлер».

На Россию же нападали постоянно, то с запада, то с востока.

¹ Особняком в нашей истории стоит вхождение в состав Советского Союза в 1940 г. стран Прибалтики, получивших независимость в результате революции 1917 г. Это было подано мировой общественности как «волеизъявление литовского, латышского и эстонского народов», а на деле — было во многом результатом сговора Сталина и Гитлера. Попытка возвратиться к границам Российской империи до 1905 года была предпринята и на Дальнем Востоке, и в Финляндии. Но там с «волеизъявлением» у Сталина не получилось. Известные же акции «интернациональной помощи» с вводом советских войск в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г. и в Афганистане в 1979 г. территориальных захватов не предусматривали и были жандармскими операциями, аналогичными тем, что предпринимали США в Индокитае в 70-х годах, а также на Гренаде в 1933 г.

Сжигали дотла все на нашей земле. И тут уже было не до прекрасных крыльев, нация привыкла зарываться в землю, чтобы попросту выжить, отсидеться в лесной землянке, за спасительным болотом после ночного налета на очередного захватчика.

По подсчетам историка С. Соловьева, из 525 лет с 1368 г., т.е. примерно за сто лет до освобождения от татаро-монгольского ига, по 1893 г. Россия 329 лет вела войны. Если продолжить этот отсчет до 1945 года с учетом русско-японской войны, гражданской войны, пограничных конфликтов 30—40-х годов, войну с Финляндией, Великую Отечественную, то получится, что большую часть из 577 лет — почти 347 лет Россия воевала за свое место под солнцем. 230 лет относительного мира не хватало даже на восстановление разрушенного, не говоря уже о восполнении людских потерь. И все же Россия выстояла.

Европейцы не могли понять, откуда Россия берет свою силу. Наполеон три дня ждал после Бородинской битвы ключей от Москвы. И не дождался. Москву ему не сдали, а подожгли.

Русских не могли вырвать из их тысячелетнего цикла выживания для некоей мистической и никому, кроме Бога, неизвестной миссии, ни войны, ни революции. Только теперь, много лет спустя после разгрома Гитлера и несколько лет после крушения коммунизма, становится яснее, как Россия страшно мстит за любые попытки ей помешать в этой ее сознательной «спячке». Но за эту «спячку» нация платит слишком дорогую цену. Просто непомерную.

Де Голль убеждал Кеннеди: «Коммунизм, идеология — это все чепуха, обман. Главное — национализм русских. Это главная проблема. Русских надо уметь пересидеть». Совет де Голля, конечно, не следовало воспринимать буквально, ибо русские — великие «сидельцы», они ждать умеют века.

Ричард Ривс, известный американский публицист, вспомнив об этом франко-американском диалоге на высшем уровне, говорит, что, если бы Кеннеди последовал совету де Голля и не воспринял бы коммунизм, как серьезную угрозу для США, то СССР, возможно, развалился бы еще раньше. В этом резон есть. Ибо «холодная война» во многом сплотила нацию, которая почувствовала внешнюю опасность. Увы, проглядев при этом опасность внутреннюю.

Одним из самых популярных «ученых» периода сталинских пятилеток был недоучка агроном Мичурин, провозгласивший вот такую «революционную истину»: «Мы не можем

ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». В этой фразе — ключ к пониманию многих наших бед. Представьте себе, что кто-то, следуя рекомендациям Мичурина, решил ускорить вылет бабочки из ее куколки и, выкопав ее из земли, разломал роговой покров. Понятно, что нашел бы он там недоразвитое существо, которое, поползав немного, погибло бы, так и не обретя крыльев. Нечто подобное произошло, когда в период с 1905 по 1917 годы Первая мировая война и три революции подряд сломали естественный ход русской истории.

Для России все это обернулось страшной катастрофой. В своей книге «Русская цивилизация» Олег Платонов приводит такие подсчеты:

«Общее число лиц, умерших не своей смертью от массовых репрессий, голода, эпидемий, войн составило за 1918—1955 годы более 87 миллионов (в том числе около 70 миллионов русских, включая белорусов и малороссов). Из них мы вычли число лиц, умерших от голода, эпидемий и в результате военных действий. Оставшиеся 48 миллионов человек, выходит, погибли в результате репрессий в местах заключения и ссылки. *Практически полностью были уничтожены священнослужители и национальная русская интеллигенция.*

Итак, за 1918—1955 годы не своей смертью умер каждый пятый человек, когда-либо живший в нашей стране после революции. Для сравнения скажем, что за 1861—1917 годы удельный вес лиц, умерших не своей смертью (в России. — *Авт.*), был менее двух процентов, а во Франции, Великобритании, Италии, США в 1920—1960 годы — менее одного процента.

Однако, кроме умерших не своей смертью, в убыль страны пошли пять миллионов жителей, покинувших Россию после 1917 года. Но и это еще не полная сумма человеческих потерь. Ведь насильно выведенные из жизни люди могли иметь детей и внуков и продолжать человеческий род. Самые заниженные подсчеты подсказывают, что «недобор» рождений и «эхо» недобора рождений составит 64 миллиона человек.

А если плюсовать число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, то общий людской ущерб страны составит 156 миллионов человек (нынешняя численность населения Англии, Франции и ФРГ, вместе взятых). Таким образом, при ином стечении исторических событий в нашей стране могло бы жить не 280 миллионов человек, как в середине 70-х

годов, а не менее 400—430 миллионов человек. Общий же ущерб только русского населения (включая белорусов и малороссов) 125—130 миллионов человек.

Причем сегодня уже понятно, что погибла и не смогла дать потомство не просто часть населения, а генетически лучшая его часть — самые активные, честные и трудолюбивые представители крестьянства и купечества, а также национальная интеллигенция — главные творцы материальной и духовной культуры страны, носители лучших традиций и идеалов». Многие оспаривают эти подсчеты. Но даже если они верны наполовину, это означает, что Россия потеряла при Советской власти столько же русских, сколько было французов во Франции к концу XX века.

Платонов приводит и другие страшные цифры материального и культурного ущерба, нанесенного России в эти годы. О них свидетельствуют руины 25—30 тысяч церквей и около 500 монастырей, около 50 тысяч памятников архитектуры и 2 тысяч старинных усадеб. Только в Москве разрушено около 700 памятников архитектуры и 8 тысяч зданий исторической постройки. Погибли безвозвратно сотни тысяч предметов русского прикладного искусства, произведений живописи, фресок, росписей, не менее 20 миллионов икон. Стоимость этих потерь идет на сотни миллиардов, если не на триллионы долларов.

Неисчислим экономический ущерб. Начиная с 1918 г., по подсчетам наших ученых, по сей день национальный доход страны составляет в 2—4 раза меньше ее возможностей. Здесь цифры просто невероятные. Ущерб исчисляется в сотни триллионов рублей, т.е. во многие десятки триллионов долларов. Наши только людские потери с 1917 по 1955 гг, включая тех, кто погиб, и кто от них не родился, — примерно равны по численности всему населению Западной Европы. (Платонов О. Русская цивилизация. М., «Роман-газета», 1995. С. 195—197). Но, не успев их восполнить, Россия после развала СССР вступила в новый зловещий цикл самоуничтожения, утрачивая безоглядно свою прежнюю экономическую и военную мощь, но самое страшное — свое население. Борис Миронов, бывший министр Б. Н. Ельцина, пишет в своей книге «Приговор убивающим Россию»: «К концу 90-х годов, когда демократические реформы еще только набирали обороты, нация уже потеряла 8 миллионов человек, прибавить сюда резко возросшую смертность, то цена либеральных «реформ» в России не меньше 13 миллионов человек. По данным Всероссийской

переписи населения в 2002 году, в России обнаружено 17 тысяч (!) пустых деревень». «Независимая газета» (5.07.04) привела такие данные: ежегодно Россия теряет больше двух миллионов человек. В 2002 году умерли 2 миллиона 300 тысяч граждан России. Ученые, которые окрестили нашу демографическую трагедию термином «русский крест», подсчитали: если вымирание русских пойдет такими темпами, то через сто лет русская нация исчезнет с лица земли...

* * *

«Просмотрите от начала до конца наши летописи, — писал Чаадаев в своей «Апологии сумасшедшего», — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти не встретите проявлений общественной воли. Но справедливость требует также признать, что, отрекаясь от своей мощи в пользу своих правителей, уступая природе своей страны, русский народ обнаружил высокую мудрость, т.к. он признал тем высший закон своих судеб: необычный результат двух элементов различного порядка, непризнание которого привело бы к тому, что народ извратил бы самый принцип своего естественного развития».

В этой мудрости — и наше счастье, и наша беда. Мы не проявляем общественной воли даже тогда, когда это необходимо для нашего же спасения. Мы все еще продолжаем жить вне времени и пространства, хотя уже ни одна нация не может себе этого более позволить в XXI веке. Как дитя, которое ищет на пепелище свои игрушки, мы все еще ищем себя и не находим...

Глава 2

«РУССКАЯ ИДЕЯ» И РУССКИЙ НАРОД

Александр Зиновьев как-то сказал: «Если идея, на которой зиждется государство, исторически верна, то будь во главе этого государства даже идиот, он все равно не сможет ему навредить. Но если государственная идея сама по себе порочна, то будь во главе такого государства даже гений, он все равно ничем ему помочь не сможет. Что бы он ни делал, все будет приносить этому государству один вред».

КАК УТВЕРЖДАЮТСЯ ИДЕИ?

История государства российского от князя Владимира Красное Солнышко до Владимира Путина может дать немало подтверждений этого наблюдения нашего выдающегося писателя и философа.

В той «идейной Смуте», которая царит в России со времен перестройки, в числе таких государственных идей, о которых говорил Зиновьев, все чаще стала фигурировать и «русская идея». Прослеживая взаимоотношения русских государей (в советский период — генеральных секретарей ЦК КПСС) и народа, некоторые историки приходят к выводу, что русский народ, как носитель «русской идеи» (термин Н. Бердяева, выдающегося русского философа начала XX века) охотно поддерживал тех правителей, которые способствовали ее утверждению. И напротив — выступал против тех, кто «русскую идею» так или иначе предавал. Верно ли это?

По традиции в России государственные и общественные идеи генерировала правящая элита с помощью обслуживав-

шей ее интеллигенции. Ниоткуда, кроме как с руководящих верхов, подобные идеи не могли сойти на непросвещенную массу. Не исключение здесь и «русская идея», хотя и утверждают, что она будто бы родилась в самой гуще народной. В этой гуще, однако, философские постулаты, никогда не водились, хотя традиции русского народа и его менталитет были как раз той самой питательной почвой, на которой «русская идея» была взращена русскими философами и историками из дворянства и разночинной интеллигенции. В том виде, в котором они ее представляли, «русской идеи» в природе, т. е. в народе, не существовало. Она придумана так же, как Лев Толстой придумал своего Платона Каратаева. Был, скорее, русский образ жизни, который соответствовал многовековому государственному устройству, национальному характеру, общинным традициям, православной религии и естественной среде обитания русского народа.

Сам по себе русский образ жизни настолько уникален и живуч, что Олег Платонов, автор ряда книг о русском народе и его истории, ввел в одноименной книге термин «русская цивилизация», несколько сузив таким образом понятие «славянская цивилизация», впервые разработанное выдающимся русским ученым XIX века славянофилом Н. Я. Данилевским. При этом термин «русская» у автора «Русской цивилизации» равно применим к русским, украинцам и белорусам, что исторически верно, несмотря на все «поправки» современности. Платонов считает, что «русская цивилизация как духовно исторический тип зарождалась почти за два тысячелетия до принятия христианства» и возводит ее к древним восточным славянам (X—VIII вв. до н. э.), скелотам и традициям Скифии. В этом плане можно говорить, что «русская идея» даже старше православия на Руси и русской государственности. В подтверждение своих взглядов Платонов ссылается на древнего историка Страбона, который отмечал «характерные черты скелотов: добротолюбие (любезность), справедливость и простоту». И делает вывод: «Уже тогда прослеживается поклонение добрым началам жизни, демократический уклад жизни и презрение к богатству». Конечно, русский образ жизни складывался веками и впитал в себя опыт не только скелотский, но еще ведический. Многие сторонники «русской идеи», особенно из неофитов постсоветского набора, ведут родословную «русской идеи» еще от ариев.

На мой взгляд, однако, не следует, принимать общепринятые взгляды русского этноса или даже всей этнической

группы (славяне) за некие народные идеи, путать мировосприятие и тем более мировоззрение с идеологией. Идеология, в силу своего надстроечного характера, независимо от того, на базе каких взглядов и идей она сконструирована, для народа, особенно для русского, всегда есть нечто привнесенное извне. Русскую идентичность и исторически сложившуюся характерную русскую ментальность она изменить не в силах, равно как и русский образ жизни. Его устойчивость перед лицом самых страшных исторических испытаний и потрясений не имеет прецедентов в человеческой истории. Может быть, именно это и привело Платонова и его последователей к мысли об особой «русской цивилизации», у которой, как он справедливо отмечает есть много общего и с тремя другими древними цивилизациями — индийской, китайской и японской.

Прочность, неистребимость «русскости» — это одна из коренных причин краха реального социализма в России и всех тех революционных теорий, которые, по мнению их авторов, якобы веками жили в русском народе. Посмотрим, из какой «гущи народной» черпали вдохновение российские революционеры? В нашей истории бывали такие моменты, когда верхи переставали генерировать идеи, укрепляющие государство, общественное согласие утрачивалось и русское общество попадало во власть идей популистских, рожденных в самых низах, где социальная справедливость рассматривалась не иначе, как уравниловка после дележа награбленного. В этом плане восстание Ивана Болотникова (1606—1607) мало чем отличалось от крестьянских войн Степана Разина (1670—1671) и Емельяна Пугачева (1773—1775). Во всех этих мятежах, восстаниях и бунтах не было никакой новой идеи народной государственности. Главной идеей было «дать волю». И все. И. А. Бунин, как многие его современники из числа интеллигенции, поначалу и большевистскую революцию воспринял как бунт. В своем дневнике в июне 1919 года он записал: *«Всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бессформенности* (выделено мной. — Авт.)». Вожди бунтовщиков в лучшем случае выдавали себя за «истинного царя», т.е. были по существу самозванцами. Таким образом бунтовщики, даже если бы им удалось победить, воспроизвели бы то государство, против которого бунтовали. Махновщина, несмотря на идеализацию и идеологизацию ее Д. Кон-Бендитом и другими идеологами движения «новых левых» 70-х годов XX века, развивалось по той же тупиковой

схеме, что и бунт Болотникова. Кон-Бендит здесь велосипеда не выдумал — еще российские анархисты пытались приспособить в годы гражданской войны «идеи» казацкой вольницы Разина и «безвластное государство» батьки Махно в виде его Гуляй-поля к идеям классиков анархизма Кропоткина и Бакунина. Но ясно, что махновское «безвластное государство» никак не годилось для создания на месте Российской империи какого-либо качественно нового государственного образования. Оно годилось только для развала России.

Большевистские теоретики немало посвятили трудов анализу того, почему революционные выступления в России не имели успеха. Государство сравнительно быстро и легко восстанавливало статус-кво после любых бунтов и мятежей. Не достигло успеха и элитарное восстание дворян-декабристов (14 декабря 1825 г. в Петербурге, а двумя неделями позже — в Чернигове, на Украине), ибо его организаторы с самого начала предоставили народу в их путче роль «пушечного мяса». Не мудрено, что это восстание (тут стопроцентно прав В. И. Ленин, когда писал о декабристах: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа...») было быстро подавлено. На народную почву прекрасные идеи преобразования общества не упали. Они так и остались лежать на мерзлом плацу Сенатской площади, где бунтовщики-декабристы выстроили ничего не понимавшие в их затее войска.

Жестокий разгром декабристского восстания помог русской радикальной интеллигенции понять, что их идеи так и останутся в «утопиях», если только их «Утопии» вместе с той, что написал Томас Мор, не прочтут, либо просто не воспримут в народе. Только соединив революционную теорию со стихийным народным бунтом, можно было добиться успеха.

Лозунги народных мятежей заимствовали все. Сначала народники, а затем эсэры, анархисты, и в конечном итоге — большевики. Впоследствии они приспособили их к своим революционным учениям, и понесли их в массы не столько в виде теорий, сколько в стереотипах и лозунгах. «Грабь награбленное» — это ведь не что иное, как перевод на язык Стеньки Разина марксистского термина «экспроприация экспроприаторов». Революционеры-интернационалисты, вышедшие из правящих классов и обслуживавших эти классы слоев, использовали «революционное творчество масс» (термин В. И. Ленина) в своих целях — они приспособливали универсальные, космополитические теории революции к национальным особенностям тех стран, где по их замыслу должны были та-

кие революции произойти. Использование большевиками идеи советов народных депутатов, рожденной в народе в ходе революции 1905 года,— классический тому пример. Именно на базе советов им удалось создать качественно новую, Советскую власть и качественно новое государство — Советский Союз. Вот этого Бунин никак предвидеть не мог.

Из революции 1905 года большевики и их союзники из других левых партий извлекли еще один урок. Они поняли, что их противником номер один было даже не самодержавие, а как раз «русская идея», согласно которой русский народ признавал за самодержцами право высшей власти. Да и революция-то началась с того, что народ пошел к царю с жалобой, а его встретили выстрелами у царского дворца в Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.) Народ воспринял это как предательство царем того общественного согласия, которое существовало веками. Если бы народ знал о существовании «русской идеи», то сказал бы, что она-то и была попруна в первую очередь у Зимнего дворца. «Царский манифест» октября 1905 г. был достаточно убедительной попыткой восстановить доверие народа к царю. Самое главное достижение революции 1905 года — это согласие монарха на создание в России правового государства. Оно было подготовлено рядом реформ, разработанных правительством П. А. Столыпина. Впервые в России закон гарантировал права личности, свободу слова, собраний, свободу совести. Земская реформа вводила местное самоуправление, о котором в постсоветской России вспомнили только через 20 лет после начала перестройки. Законы Столыпина ограничивали использование детского труда, вводили медицинское страхование для рабочих и лечение пострадавших на производстве. Если бы все это удалось реализовать, если бы мирное демократическое развитие нашей страны не было сорвано выстрелами левых террористов, революциями и войнами. Увы, у Истории нет снисходительного наклона. Левые экстремисты дали столько поводов для отмены прав и свобод, которые удалось вырвать у самодержавия в 1905—1907 годах, что они объективно стали союзниками и помощниками самой черной реакции. Все эти права и свободы предстояло завоевывать заново.

По признанию самого Ленина, большевики и их союзники не готовили революцию 1905 года. Они вынуждены были «догонять» ее, когда после расстрела царскими войсками народного шествия вспыхнул народный бунт. Но самого этого

бунта большевики не принимали, панически его боялись. Когда в ходе гражданской войны они столкнулись с народной вольницей и крестьянскими восстаниями, Ленин забил в набат: это — «самый опасный враг пролетарской диктатуры». Для него «мелкобуржуазная (т. е. крестьянская. — *Авт.*), анархическая стихия» была «опасностью во много раз превышающей всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, вместе взятых». Троцкий еще более откровенно говорил, что большевистская революция — это «бешеное восстание... против мужицкого корня старой русской истории», против стихийного бунта.

Подобных высказываний у большевистских лидеров масса, и не без основания российские историки говорили об «антирусском характере» революций 1917 г., как Февральской, так и Октябрьской.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Что же все-таки понимать под «русской идеей»? Действительно ли ее автором и носителем был русский народ, либо от его имени ее утверждали те, кто русским народом правил, те, кто этих правителей снабжал необходимыми им идеями, в том числе и «русскими». И, наконец, знал ли сам русский народ о существовании «русской идеи»?

Без власти, а следовательно, и без проводника ее политических и других властных решений — бюрократии — государство существовать не может. Поэтому в вопросе о «русской идее» и о том, кто ее носитель — народ, либо царь (правитель), либо возглавляемое им государство, — в первую очередь возникает вопрос о ее соотношении с русской государственностью, а не только с тем, что именуется «русскостью».

Лев Гудков в уже упоминавшейся работе о «русской идентичности» датирует рождение «русской идеи» концом 30-х годов XIX века, когда в среде московского образованного дворянства, чиновничества и университетской профессуры перерабатывался на русский лад проект «немецкой нации». Стимулом для подобных размышлений, как и в самой Германии, по его мнению, была война с Наполеоном. Однако в отличие от Германии, где в ходе наполеоновских войн на немецкой почве прижились многие правовые и политические идеи Французской республики и империи Бонапарта, в России эти идеи были задавлены в корне вместе с восстанием декабристов. «Война 1812 года (в отличие от других войн с

французами, пруссаками, англичанами, шведами или турками), — пишет Гудков, — приобрела совершенно иные смысловые измерения. В качестве «Отечественной войны» она стала частью национальной мифологии — противостояния России цивилизованной «Европе». Насчет «мифологии» замечу, что в 1812 г. в «Великой армии» Наполеона, вторгшейся в Россию, была действительно представлена вся Европа. Наполеон не просто завоевывал европейские государства, он утверждал там свою империю, в рамках которой Европа объединилась. Объединилась так же, как в «Священной Римской империи», сначала под скипетром французского короля Карла Великого, а затем под германской короной, но и в том и в другом случае под эгидой Ватикана. Не случайно и Гитлер, провозгласивший «тысячелетний рейх», повел на Россию по маршруту Наполеона, перед которым он преклонялся, не только солдат вермахта, но и отборные полки СС из всех завоеванных им неславянских европейских стран, включая Латвию, Эстонию и Литву. Не случайно и его план нападения на Россию назывался «Барбаросса» по имени одного из наиболее жестоких императоров «Священной Римской империи германской нации». «Псы-рыцари» — Барбаросса — Наполеон — Гитлер — это одна и та же линия противостояния Западной Европы и России, от чего неотделимо противостояние католицизма и православия, политических идей Французской республики и русской идеи, а уже в советские времена — антикоммунизма и коммунизма.

Война, как таковая, — продолжает далее Гудков, — как крайнее выражение оппозиции двух культур или цивилизаций, превратилась во внутренний фактор конституции национального самосознания. Его носителями первоначально были лишь проправительственно настроенные дворянство и бюрократия. Затем — по мере распространения просвещения — среда влияния этих групп и их идей расширилась и стала включать городское, мещанское население, а существенно позже эти представления стали доступными и прошедшему воинскую службу крестьянству (особенно после реформ военного ведомства, проведенных его министром графом Д. А. Милютиным). Тем самым в идее империи или великой державы, как парадигмы российского (русского) национального самосознания, оказались в самых разнообразных сочетаниях значения войны как таковой, тотального государства, героизма и народной жертвы. Фоном для этих разработок стали процессы форсированной колонизации — Кавказа, При-

черноморья, Средней Азии, а несколько позже и Дальнего Востока, как будто подтверждавшие реальность националистических мечтаний и подталкивавших ко все более фантастическим геополитическим спекуляциям — от планов завоевания Константинополя до создания панславянского союза».

В ходе полемики между славянофилами и западниками в 1840—1860 гг. в России возобладали консервативная немецкая версия национальной идеологии. Имидж «органического» или «тотального» государства «титulyной (русской) нации» гораздо больше устраивал правящие классы и российскую монархию, чем французский вариант «нации как политического сообщества», базирующегося на либерально-демократических ценностях и институтах. Царизм поддерживал идею патерналистского «просвещенного» государства, опирающегося на централизованную бюрократию и консолидированного на основе единой культуры, общности языка и религии. Именно этой главной цели — обеспечению лояльности в отношении власти и церкви — была подчинена и система образования, характер которого был определен в уже упоминавшейся формуле министра образования графа С. С. Уварова «самодержавие, православие и народность». «Русская идея» таким образом внедрялась в народное сознание как идея поистине всеобъемлющая — национальная, культурная, историческая и государственная, что в значительной степени способствовало стабилизации общества. В государственном плане это обернулось тем, что структуры гражданского общества в России оставались слабыми и были зависимы от власти, сословные институты блокировали развитие представительских учреждений, а централизованная патерналистская бюрократия фактически сосредоточила в своих руках всю полноту власти. Такая парадигма развития стала определяющей для России на многие годы вперед, и с этим ничего не могли поделать ни российские революции, ни контрреволюции. «Поэтому любая попытка идеологизации, каждая версия национальной идеологии, — делает Л. Гудков вывод, в справедливости которого мы еще не раз убедимся, — непременно, как на само собой разумеющемся основании, строилась на идее органического целого — неразрывном соединении империи, нации и управляющих структур исполнительной власти. Не репрезентация социальных групп, их интересов или представлений (символических ресурсов — культуры, ценностей), а сохранение и усиление мощи и авторитета всего государственного

целого, расширение его масштабов и сферы влияния мыслилось российской элитой как главные задачи национальной политики. При этом, отмечает Гудков, в дискуссиях о перспективах национального развития мифология органической и витальной «России» неизбежно противостояла утопии «Запада». Противоречивость и двусмысленность «Запада» как фокуса, как важнейшего компонента структуры национальной идентификации заключалась в том, что, воплощая, с одной стороны, представление о соблазняющем материальном благополучии или даже изобилии, технологическом прогрессе, военной и индустриальной мощи, присущих европейским странам, «Запад» одновременно представлялся как угроза потери Россией ее «изначальной самости», как неизбежное разрушение традиционного изоляционизма и состояния благой закрытости, в которой пребывала страна. Распространение иных («современных») идей и начал несло с собой не просто опасность эрозии патриархального социального порядка, основанного на привычном произволе и безответственности, недифференцированности и некодифицированности отношений господства и авторитета, а проклиналось как губительное вторжение чуждого духа безжалостного меркантилизма, рационалистического позитивизма и мертвого правового формализма. Соответственно, этой экспансии «Запада» противопоставлялись не просто более или менее рафинированные версии ксенофобии и антизападничества, а разработанные по заимствованным образцам (главным образом из Германии) варианты учения об особом органическом («соборном») единстве народа и власти, коренящемся в общности православия (веры и церкви), прошлой судьбы и великого будущего.

Таким образом «национальное» начинало мыслиться лишь как этноконфессиональная общность подданных великой державы, империи, символизируемая собственными (в противовес «европейским») репрезентативными фигурами царей, полководцев, великих ученых и писателей, значимых не самих по себе, т.е. не собственной творческой субъективностью, а исключительно в качестве иллюстрации величия и мощи всего целого, как аргумент самодостаточности России в ее постоянных усилиях сопоставления с символическим фокусом мира — «Европой». В этом смысле «Европа» представляла собой внутреннюю инстанцию самоотождествления, конфигурацию представлений «о себе» глазами авторитетного и значимого «Другого». Формирующаяся националь-

ная культура мыслилась не как совокупность уже имеющихся достижений, сколько как «почва» будущего величия державы, своего рода манифестация или залог будущего признания другими «народами».

Своего пика дискуссии подобного рода достигли на исходе XIX — в начале XX века, обозначив вместе с тем и конец фазы формирования идеологии имперской «национальной культуры», начало интенсивных процессов массовизации, распад традиционно-сословного целого и утверждения институтов собственно гражданского общества. Сам спектр высказываемых при этом мнений был не слишком широким. Основные позиции сводились к утверждениям типа: «у России свой собственный, особый путь развития», которые сопровождались либо антизападническими декларациями, либо полярными им высказываниями о России как «мертвой» в цивилизационном отношении стране, авторитарные и «общинные» традиции которой препятствуют формированию современных институтов рыночной экономики и представительской демократии. Серьезных попыток научного описания и анализа структуры русской идентичности (за редким исключением работ дореволюционных историков — В. Ключевского, П. Милюкова и некоторых других), тем более — изучения ее изменений, практически не предпринималось.

«ТРИ КИТА»

Отдавая должное научному анализу генезиса «русской идеи» и динамики ее исторического развития, предложенному Гудковым, отмечу тем не менее, что одной наукой при оценке потенциала этой идеи не обойтись. Прежде всего привязка русской идеи к прусской — это такая же подтасовка, как увязка возникновения русской государственности с варягами. Русская идея куда старше и самым тесным образом связана с православием и той религиозной составляющей русской культуры, которая придает ей характер мистический и провиденциальный.

При всей условности термина «русская идея» само по себе это понятие так или иначе держится на «трех китах». Вот как их представляют себе ее разработчики.

1. Прежде всего это **духовность русского народа**, которому традиционно было присуще стремление «жить по вере», а не по материальной целесообразности. Отсюда и при-

оритет духовного, идеалистического начала, его превосходство над «торгашескими», как говорил Маркс, т.е. сугубо материалистическими ценностями и приоритетами, забота о духовном и нравственном усовершенствовании при нередко полном равнодушии к своему бытоустройству. В народе считали, что отступничество от этих идеалов, как учил еще Серапион Владимирский в своих «Словах» (вторая половина XIII века), неизбежно влекло на Русь великие беды. Серапион учил, что Господь покарал ее именно за это нашествие Батия.

Духовность для русских неотделима от веры в Бога, от православия. Достоевский, например, не раз устами своих героев говорил, что **атеист — это уже не русский**, а русским в полном и целостном смысле этого слова нельзя быть, не будучи православным.

Фактически понятия «русский» и «православный» стали в национальном сознании синонимами. При этом критерием «русскости» была не кровь, а именно религия, православие. Русским мог стать и еврей, и эфиоп, и человек любой другой национальности и веры, если он только крестился по русскому православному обряду и обязался жить по заветам Христа.

2. Вторая составная «русской идеи» — это **соборность**, что само по себе, как понятие, имеет множество измерений, в том числе одно мессианское. (В современном изложении Геннадия Зюганова и других идеологов КПРФ и русских национал-патриотических объединений изначальное понятие соборности грубо извращено). По Д. А. Хомякову, «соборность — это свободное единство основ церкви» и единства многих людей «в деле совместного понимания ими пути к спасению, единство, основанное на единоклюшной любви к Христу и божественной праведности». Изначальная идея соборности предполагала, что русский народ, объединивший вокруг себя славянские племена и другие народности, подаст всем нациям моральный пример, соберет их воедино, когда они останутся, опамтуются, в соответствии с известным пророчеством, «на краю пропасти». Этот «собор» в нашей религиозной философии воспринимался, как тройственное единение — русского народа в Боге, человечества — в русском народе и соответственно — в Боге, и таким образом всей планеты, всех стран и народов — друг с другом и в едином Боге, который и есть — Вселенная.

В «русской идее» Бердяева и его последователей достаточно четко прослеживается та трактовка соборности, которая впервые появилась в русской философской мысли еще в

XV веке после принятия греческими иерархами Православной церкви Флорентийской унии (1439 г.), т.е. согласия на союз греческой православной церкви с католической.

«Унию» Москва отринула с порога, и Великий князь московский Василий Васильевич осудил ее, а также латинизацию православия как ересь.

После завоевания Константинополя (ныне Стамбул) турками (1453 г.) и падения Византии, что в России восприняли, как логическое следствие предательства греческими иерархами истинной Веры, наше Православное Отечество для древнерусских мыслителей стало единственной Родиной Всемирной Соборной Церкви и единым центром всех православных государств. Так родилось понятие «Москва — это Третий Рим». Автор его — русский монах Филофей (г. Псков). Он писал отцу Ивана Грозного, князю Василию Ивановичу (1479—1533): «Два Рима (Римская империя и Византия со столицей в Царьграде-Константинополе. — *Авт.*) пали, третий Москва — стоит, а четвертому не бывать. Соборная церковь наша в твоём державном царстве одна теперь паче солнца сияет благочестием во всей поднебесной; все православные царства собрались в одном твоём царстве (Василий III к тому времени присоединил к своему Московскому государству Псков и Смоленск. — *Ред.*); на всей земле один ты — христианский царь».

Фактически те же мысли высказывал и константинопольский патриарх Иеремия в 1589 г., обращаясь к последнему русскому царю из Рюриковичей, Федору Ивановичу (1557—1598): «Твое великое царство всех превзошло благочестием; ты один во всей вселенной именуешься «христианским царем». Конечно, авторы этих панегириков в адрес русских царей прекрасно понимали, что по части благочестия Московское государство сильно отставало от библейского идеала. Москвичи — современники Иеремии еще помнили, как отец царя Федора Иван Грозный (1530—1584, Великий князь «всех Руси» с 1533 г. и первый русский царь с 1547 г.) лично пытал людей и жаривал их заживо, сажал на кол и обезглавливал на Красной площади своих недругов. Этот «христианский» царь усердно бил поклоны перед иконами, разбивая лоб до крови, но при нем Русь была залита кровью, и это была цена ее объединения, той самой соборности, на которой строилась «русская идея». Не будем закрывать на это глаза. «Третий Рим» возник на крови и костях. Не какие-то татаро-монголы сравнивали с землей Новгород, последнюю русскую вольницу. Это сделал «христианский» царь Иван Грозный. В созданном

им великом царстве до «благочестия» было ой как далеко. Но все православные царства били ему челом, потому что надеялись на его защиту и покровительство. Известно, что русская Православная церковь (в частности митрополит Филипп) порицала Ивана Грозного за его беспутство, его бесчинства и зверства. Но справедливости ради заметим, что время, в которое Иван Грозный царствовал, было поистине страшным не только в России, но и во всей Европе. В одну Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.) его французские современники католики уничтожили во Франции до 30 тысяч гугенотов (по данным «Мартиролога кальвинистов», изд. в 1582 г.), при этом около 10 тысяч в одном Париже. (Историк Jean-Auguste de Thou считает, что могло быть уничтожено от 10 до 100 тысяч человек.) Грозный казнил за все годы опричнины около 30 тысяч человек. Наши западники и западные русофобы таких сравнений не любят прежде всего потому, что созданные ими стереотипы «русского варварства» и «российских зверств» при сопоставлении со зверствами периода становления западноевропейской цивилизации, критики не выдерживают. Но это я к слову. Попутно отмечу, что Третий Рим не был чудом. Эта идея Филофея есть плод практической потребности. Без объединения разрозненных русских княжеств, без единения православных царств не выжила бы и сама Православная церковь, великая движущая сила соборности, как и всей «русской идеи».

Возвышение русскими иерархами отечественной поместной церкви до уровня Вселенской Православной Церкви в конце XVI века, а соответственно и русского варианта православия — до уровня единственно истинного оказало колоссальное влияние на вызревание «русской идеи». Со временем появляется теория «народа-богоносца», упоминание о которой мы находим в «Бесах» Достоевского в монологе Шатова, обращенном к Ставрогину:

«...Истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ «богоносец» — это русский народ...» При этом речь не шла об избранности русского народа. Веруя, он не стремился властвовать над другими народами, а стремился к их «усовершенствованию». Тезис этот оказался весьма стойким, что видно не только по трудам Бердяева.

3. Государственность (державность) — это и есть третий «кит» великой «русской идеи». Ее сторонниками она воспринималась как сочетание соборности в государственном

строительстве (т.е. сбора под «русскую руку» других народов на принципе полной добровольности для защиты их самобытности и одновременной интеграции в единую русскую нацию), авторитарной власти (самодержавия, признанного авторитета монарха и церкви) и внутренней свободы граждан.

Такое сочетание подавления и свободы предполагало, что государство не проявляет «душевредного деспотизма» (термин К. Аксакова) по отношению к своим гражданам. А граждане — не лезут в дела государства, полагая, что власть, раз она от Бога, должна целиком себя посвятить делам державным. Такой диалектический подход требовал укрепления державы во имя утверждения «русской идеи» и осуществления исторической миссии народа-богоносца.

Наконец, к побочным характеристикам «русской идеи» относится и ее, как говорят **«невыраженность»**, т.е. расплывчатость, якобы характерная для русского национального мышления в целом, будто бы чуждого цельным и завершенным формам и логическим категориям. Ну, это, на мой взгляд, спорно.

КАКОГО ЦВЕТА РУССКИЕ?

При всей ненаучности самого по себе термина «русская идея» и построенных вокруг него теорий идея эта неизменно пользовалась популярностью у национальной русской интеллигенции, в чьей среде было множество интеллектуальных шовинистов. В период серьезных кризисов они в массе своей забывали о присущем русскому народу интернационализму, и охотно предавались ксенофобии. В такие периоды «русская идея», как правило, приобретала черты мистические и загадочные, ее политические ориентиры и идеологическая окраска смазывались до серо-буро-малинового цвета плохо размытой акварели, что открывало весьма широкий простор для истолкования этой идеи как ее сторонниками, так и противниками.

Не идеализируя первых, не следует, на мой взгляд, некритично относиться к попыткам их дискредитации заведомыми русофобами. Я имею в виду прежде всего книгу А. Янова «Русская идея и 2000 год», увидевшую свет в Нью-Йорке в 1988 году. Янов сводит всю «русскую идею» к вырождению славянофильства в русский фашизм. Но это то же самое, что судить о русском национальном характере по Владимиру Жириновскому.

Русский философ Дмитрий Ильин так трактовал суть «русской идеи»:

«Это бесконечное трехмерное пространство живого космоса, которое включает в себя три ипостаси бытия: Бог (душа и небо), ближние (душа и Земля), Родина (душа и мир)». И уточняет: «В социальном бытовании «русская идея» всегда воплощала авторитарную власть, основанную на православии». (См.: *Ильин Д.* «Русская идея» на полигоне «демократии» // «Наш современник», № 3., 1991. С. 17). К этой статье Д. Ильина, чьи идеи взяли на вооружение лидеры «Русского национального собора» и другие национал-патриоты, мы еще вернемся. Сейчас отметим одно обстоятельство: «Наш современник» счел необходимым опубликовать ее незадолго до путча августа 1991 года, когда Советский Союз доживал последние дни и русская государственность снова была поставлена на грань исчезновения. Дискредитация коммунизма привела к неизбежному в таких случаях кризису веры, а затем и к ее вакууму. Симптоматично, что именно «русская идея» стала в тех условиях первой заметной попыткой заполнить этот вакуум в общенациональных масштабах. За «русскую идею» ухватываются одновременно и коммунисты, и монархисты-антикоммунисты, и директора крупных предприятий («красные бароны» Вольского), и ученые-государственники, и меценатствующие патриоты из новоявленных нуворишей-миллионеров, и вчерашние энтеэсовцы, и жириновцы, и уличные ура-патриоты из люмпенов, и интеллектуалы-славянофилы, и чернорубашечники из васьильевской «Памяти». Этот союз стал возможен только на базе русскости и быстро возрождавшегося православия. И охарактеризовать эту разношерстную коалицию термином красно-коричневые можно только формально, потому, что разношерстная она лишь идеологически. Если же отбросить политические характеристики и предпочтения, сместить страты (т.е. социальные слои), то обнаружится, что коалиция эта этнически однородна, ибо все ее участники — славяне, в основном русские, все — носители «русской идеи», а значит и защитники русской государственности в ее имперском, великодержавном и ни в коем случае — в усеченном варианте. Даже антикоммунисты пытались до конца спасти Советский Союз в то время, как лидеры КПСС во главе с Горбачевым — эти новые «западники» — его разваливали. По-своему повторилась ситуация 1917 года.

На Западе, сатанизируя советских коммунистов, часто не понимали, что они имеют дело не с монолитной партией

единомышленников, а с бюрократическим истеблишментом, внутри которого не прекращалась не только подковерная борьба, но и борьба между противниками и сторонниками западного пути развития. Та же борьба, что шла в общероссийских масштабах еще задолго до революции. Пожалуй только в ходе совместной войны с гитлеровской Германией и затем с Японией наши союзники окончательно убедились, что они имеют дело прежде всего с русскими, с подданными все той же империи, только сменившей флаг, герб и всю другую символику с царской на революционную. Великодержавная идеология осталась существовать так же, как система управления империей — административно-командная, бюрократическая система, созданная еще при Петре Первом. Большевики, придя к власти, не раз на практике доказывали, что их «коммунистическая идеология» далека от той коммунистической идеи, что была сконструирована Марксом, Энгельсом и Лениным. «Научный социализм» наложился на русское национальное сознание, на нашу национальную веру — православие, на монотеистическое мировосприятие русского человека и на авторитарный характер государственного устройства Российской Империи. На уровне массового сознания коммунизм в России восприняли не как идеологию, а как новую веру. Геннадий Зюганов по своему это подтвердил. Христианство, написал он в одной из своих брошюр, «во многом предопределило особенности русского коммунизма, ставшего для миллионов граждан СССР осовремененным вариантом христианской **веры** в светлое будущее для всех праведников. Жить по правде, любить ближнего своего, выполнять другие заповеди, совпадающие с христианскими, учила и коммунистов, и беспартийных лучшая, большая часть бывшей КПСС».

Не следует, однако, ставить знак равенства между восприятием коммунизма беспартийной массой и большевиками. Петр Палиевский в отличие от Зюганова как-то высказал куда более точную мысль: «...Сами коммунисты (и в особенности русские коммунисты) были не чем иным, как отчаявшимися христианами, решившими добиться Божия царствия на земле своей собственной беспощадной рукой. Причем они начали прямо со Страшного суда, то есть как бы в обратном, «встречном» направлении к священной истории. А внутри, среди массы захваченных этой идеологией людей, в жестоких катаклизмах эпохи, конечно, никогда не угасал и приносил плоды идеал жертвенного служения, братства и духовного преодоления «интересов» — что в полной мере позволяет и

различать этих людей в свете принципа «не по словам их, а по делам их судите их».

По-своему философ-славянофил Константин Леонтьев, которого большевики объявили «архиреакционером», был прав, когда писал: «Социализм есть феодализм будущего». «Успокаивая» своих единомышленников, Леонтьев высказывал мысль о том, что революционные методы управления приведут к усилению государства, ибо станут «орудием принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством». Не в соответствии ли с его рецептами советское государство оказалось «жестоким и безжалостным» и даже «свирепым в своей суровости». (Это все терминология прогнозов К. Леонтьева.)

После Октябрьской революции именно русская модель социализма была объявлена единственно верной, и отклоняться от нее не велено было даже китайцам, что в конечном счете едва не привело к войне между СССР и Китаем.

Третий Интернационал, созданный Лениным, был своего рода коллективным Филофеем от коммунизма. После Октябрьской революции 1917 года Москва стала «четвертым Римом», взяв в свои руки управление мировым коммунистическим движением, организациями прокоммунистических профсоюзов и всех прочих объединений, попавших в зависимость либо под влияние Москвы — от борцов за мир до союзов ветеранов-антифашистов. Эта «соборность» по-коммунистически имела цели прямо противоположные «русской идее», но русскими коммунистами воспринималась почти так же, как воспринималась необходимость глобального подчинения православных московскому Патриарху церковниками России еще в XVI веке.

Во многом и формирование системы Варшавского Договора и Совета экономической взаимопомощи социалистических стран определялось не столько идеями социализма, сколько геополитическими и этно-этатическими идеями панславизма. Западники в коммунистическом движении проиграли славянофилам и на этом фронте, ибо в условиях «холодной войны» провозглашать свою приверженность какому-то иному пути развития, кроме рекомендованного Москвой, было просто самоубийством. История с отлучением Иосипа Броз Тито от коммунизма была в этом отношении весьма показательной. Много позже она повторилась с преданием Москвой еврокоммунизма анафеме.

После победы над гитлеровской Германией в 1945 году в СССР возникала «реальная возможность постепенного пере-рождения политической системы в духе российских нацио-

нальных интересов с перспективой эволюционности возвращения страны на путь ее исторического развития». Это — оценка недавнего прошлого, данная в пастырском послании Митрополита Петербургского и Ладужского Иоанна, опубликованном в откровенно «красной» газете «Советская Россия» 15 июля 1993 года. Во многом эти слова митрополита Иоанна разъясняют, почему как только СССР распался, в России вновь возродилась «русская идея» и вместе с Православной церковью ее носителями стали новые «государственники», среди которых немало оказалось и тех, кто при коммунистах отстаивал чистоту марксистско-ленинского учения в его советском варианте и отечественную модель социализма. Это бывшие партийные аппаратчики и идеологи, госслужащие, высшее офицерство армии, флота, МВД и КГБ. Так как многие из них пришли в коридоры власти из провинции, нередко из деревни, то в города со своим нехитрым скарбом привозили они и бабкины иконы, которые прятали за пыльными томами классиков марксизма. А как только власть переменилась — тома эти выкинули, а иконы повесили в красный угол, стали ходить в церковь по праздникам и, пусть неумело поначалу, креститься.

Перед Пасхой 2004 года «Московский комсомолец» сообщил буквально следующее: «В кремлевской столовой для чиновников высшего ранга готовят пасхальные наборы. Специально для них каждый день разрабатывается особое меню — в соответствии с православной диетой (т. е. Великим постом. — *Авт.*). Первые лица государства смогут разговестись куличом, приготовленным по специальному рецепту. Повара «президентской» столовой напекут к нынешней Пасхе 5 тыс. куличей с цукатами, орехами и изюмом, покрытых глазурью и пудрой. Каждый из этих куличей весит полкилограмма, продаваться они будут по 120 рублей. Кроме того, в кремлевской столовой покрасят к Пасхе 2 тыс. яиц. Члены правительства смогут купить пасхальный набор, в который войдет кулич, три яйца и творожная пасха. Продавать наборы станут заранее, так что власть имущие смогут избавить своих домашних от лишних кулинарных хлопот. Весь комплект обойдется в 200 рублей», — сообщал «МК». И это всего-то через 13 лет после последнего съезда КПСС!

Переход многих бывших коммунистов в категорию «русские патриоты», на первый взгляд, идеологически абсолютно невозможный, оказался, однако, естественным. Прежде всего потому, что, пропустив марксизм, в котором они так

ничего и не поняли, через призму русского национального сознания, они превратили его еще в советское время в своеобразное дополнение к православию, в нечто вроде Нового Завета в приложении к Ветхому. Используя марксизм именно в таком виде, они объективно утверждали с его помощью идеи все той же российской государственности и русской соборности, т.е. по сути исповедовали идеи вовсе не Маркса и Ленина, а их противников от Бердяева до Столыпина. Вера для них не превратилась в идеологию. Идеология же, напротив, стала частью веры.

Коммунисты-славянофилы 60—80-х годов коммунизм понимали уже не по Марксу, а по Павлу Флоренскому, который в 1918 году писал: «Идея общежития, как совместного жития в полной любви, единомыслия и экономическом единстве, назовется ли она по-гречески «киновией», или по-латыни «коммунизмом», — всегда столь близкая русской душе, была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой Лавре Преподобным Сергием (Радонежским. — *Авт.*)». Монастырская коммуна — это, конечно, не коммунизм. Но восприятие марксизма в России через православную веру было неизбежным. Иначе его бы просто отторгли. И может быть, именно нашей вере Христовой мы и обязаны тем, что коммунизм в том виде, в котором он был импортирован в Россию, в ней не утвердился, иначе русские просто бы исчезли как нация.

Конечно, такое восприятие марксизма через православие не было универсальным. Те, кто в советском партийно-государственном истеблишменте его понял «до конца», как, скажем, Яковлев, Гайдэр, Явлинский, Чубайс, Афанасьев, и др., официально стали, кто в годы «перестройки», кто после нее, демократами и либералами западного типа. И понятно — яркими противниками новой «русской идеи» и русских «государственников». И это тоже неудивительно. С давних пор в России существовал конфликт между «отечественниками», или «славянофилами», и «международниками», или «западниками». Конфликт между русскими националистами (Зюганов называет их «патриотическим крылом в КПСС») с космополитами-интернационалистами с самого начала раскалывал и коммунистическую партию еще в те годы, когда она именовалась Российской социал-демократической партией, а уж тем более раскалывал идейно КПСС.

Вот почему бывший член Политбюро ЦК КПСС, бывший заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, коммунистический идеолог номер один Александр Яковлев в быт-

ность свою правоверным большевиком выступал в 60-е годы против «шовинистической русской идеи» и клеймил Солженицына. Возглавив идеологическое ведомство при Горбачеве, он начала поворачивать коммунистическое движение от «русского марксизма» к Социнтерну, к идеалам буржуазной Великой Французской революции. В конечном итоге от пропаганды идей западной демократии и рыночной экономики Яковлев перешел к откровенному антикоммунизму.

А вот бывший коммунист и бывший генерал-майор КГБ Александр Стерлигов, впоследствии председатель Исполкома думы крайне консервативного Русского национального собора, стал открытым сторонником «русской идеи», которую, очевидно, до августа 1991 г. и развала СССР исповедывал тайно. Оба они, и Стерлигов, и Яковлев, демонстративно вышли из КПСС. Отношение к «русской идее» ни у того, ни у другого при этом не изменилось. Изменились условия борьбы за и против нее. Перемены же партийности — это дело и для того, и для другого чисто формальное. Так как в главном первый (А. Яковлев) принадлежал всегда к «западной», а второй (А. Стерлигов) — к «русской партии». Стерлигов так и говорит в своей статье: «Правительственные и «демократические» средства массовой информации называют нас красно-коричневыми, фашистами, коммунистической организацией, а лидер Коммунистической партии Российской Федерации Г. Зюганов считает нас антикоммунистами. В действительности мы не можем выступать против своего народа. Для нас высшей ценностью являются не интересы партий, но интересы и благополучие русского народа». Сам Зюганов, как уже говорилось выше, счел вполне приемлемой для постсоветских коммунистов формулу графа Уварова: «Православие, самодержавие, народность» (в редакции лидера КПРФ в его книге «Держава» эта формула лишь слегка подредактирована — «Духовность, соборность, державность». — *Ред.*). 8 сентября 1993 года Александр Стерлигов опубликовал в «Правде» свою статью «А отступать некуда» (из нее и взята вышеприведенная цитата). Это своего рода предвыборный манифест возглавляемого им Собора. И в него вмонтированы, как кредо, такие слова митрополита Иоанна:

«...Всем, кто любит Россию, а не плод собственной фантазии, пора прекратить поиск «современной русской идеологии», искусственное конструирование идеологических и мировоззренческих систем для русского народа. Русская идея существует в неизменной своей нравственной высоте и при-

тягательности уже многие столетия. Она по милости Божьей пережила века смуты и войны, революции и перестройки и не нуждается ни в замене, ни в поправках, ибо имеет в своем основании абсолютную справедливость».

Отмечу попутно весьма заметные подвижки в сторону русскости после 1991 г. и самой «Правды». А ведь, казалось бы, совсем недавно — вплоть до развала СССР работники ее секретариата тщательно вымарывали слово «русский», заменяя его на «советский». Мне не раз приходилось быть тому свидетелем самому.

А что до Яковлева, то он был в действительности одним из самых последовательных марксистов в КПСС, хотя всячески отрецивлялся от марксизма после развала СССР. Маркс паталогически ненавидел русских. Известно, что он отказался присутствовать на одном собрании с Герценом только потому, что тот был русским. Маркс считал русских низшей расой и перевод «Коммунистического манифеста» на русский язык называл поэтому «литературным курьезом». Вспомним, что писал Карл Маркс о России:

«Россия стала колоссом, не переставшим вызывать удивление. Россия — это единственное в своем роде явление в истории: страшно могущество этой огромной империи в мировом масштабе... В России у этой варварской расы имеется такая энергия и активность, которых тщетно искать у монархий более старых государств». Этот пассаж, составленный из писем и статей Маркса периода написания различных редакций Коммунистического манифеста (1848—1849 гг.), в СССР еще воспроизводили в некоторых монографиях. Но выводы, к которым пришел испугавшийся России и «русской идеи» Маркс где-то в 1853—1857 гг. старались скрывать не только от русских. «Славянские варвары, — писал основатель научного коммунизма и проповедник пролетарского интернационализма, — природные контрреволюционеры. Поэтому необходима беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию, на уничтожение и беспощадный терроризм». Те же самые идеи впоследствии высказал еще один «социалист», точнее фюрер национал-социалистов Адольф Гитлер, соотечественник Маркса, провозгласив физическое уничтожение славян главной целью своего похода на восток.

Русский народ ассимилировал марксизм так же, как он ассимилировал иноземцев, неоднократно вторгавшихся в его земли. А что касается Маркса и марксизма... Ну что такое

Маркс в нашей тысячелетней истории? Он был тем же щедринским Мальчиком в штанах, который не мог понять русской души. «Колбаса», одним словом.

МИФЫ И СПЛЕТНИ О РУССКИХ

Спор, хороша либо плоха «русская идея», как ни крути, оборачивается разговором о том, хорошие или плохие люди русские, хороша или плоха Россия. Объективности в этих спорах достичь очень трудно, ибо в них, как правило, слишком много эмоций и мало аргументации. Сторонники «русской идеи» уязвимы чаще всего в том, что касается конкретики и истории. Противники — уязвимы в своем рационализме, ибо с одной этой меркой русский народ понять действительно трудно. И главное — в том, что нельзя выступать против «русской идеи» и не выступать при этом против русских как нации и России как нашей общей Родины. Плюс — против православной религии. Тут все взаимосвязано.

При всем моем уважении к митрополиту Иоанну я все же не могу просто провозгласить как истину, что «русская идея» имеет в своей основе абсолютную справедливость.

В конечном итоге абсолютная справедливость — это Бог, это суд Божий. Может ли «русская идея» быть не просто идеей национальной, но еще и мировой, вселенской, Божественной? Любой ее оппонент скажет: «Вы бы у себя в России создали сначала то совершенное общество, которое собираетесь предложить всему человечеству. А уж потом думали бы о Вселенной». Тут возражать трудно. Западному человеку, например, не понять, почему русский человек больше радуется о «всем народе», чем о своей деревне или хотя бы о своей семье, почему он думает обо «всем человечестве», но забывает помыслить о своей собственной стране. Так сложилось. Таков национальный характер и такова «русскость». Чтобы понять «русскую идею», ее надо рассматривать в исторической перспективе, в развитии. Она вырабатывалась по мере взросления и собирания нации в Россию. И возьму на себя смелость сказать — пока до сих пор окончательно не сформировалась.

Не вдаваясь в историю возникновения слов «Русь» и «русский», напомним, тем не менее, что к осознанию самого понятия Россия русские пришли не сразу. И уже поэтому «русская идея» в том, что касается соборности и тем более государственности, исторически молода. Кто этого не учиты-

вает и эту идею абсолютизирует до Божественного промысла, часто именно ее возраст и игнорирует. Отсутствие исторического подхода, увы, приводит лишь к мистике, что сбивает с толку даже доброжелателей России и русских, ведет к дискредитации самой «русской идеи», ее сторонников и, в конечном итоге, «русскости» как на Востоке, так и на Западе.

Нынешние славянофилы, однако, вместо того, чтобы попытаться разъяснить, кто же мы, русские, на самом деле, обижаются на непонимание и считают, что довольно распространенная на Западе «русофобия» — не результат нашего собственного неумения доносить свои идеи до человечества, о котором мы так печемся, а следствие «мирового заговора» и интриг «мировой закулисы».

Есть и другая крайность — становиться в позу и повторять вслед за славянофилом Константином Леонтьевым (1831—1891 гг.) его одиозную фразу «Какое нам дело, что о нас думает Европа!» Это уж и вовсе не мудро. Хотя бы потому, что именно в Европе правители России немало взяли для русской государственности, что так или иначе — влияло на формирование и «русской идеи». Да и сам К. Леонтьев говорил об этом в определенном контексте: «То, что на Западе значит разрушение, у славян будет творческим созиданием».

«Русская идея» не могла возникнуть иначе как с осознанием русскими своей принадлежности к их национальному государству. Одного его провозглашения для этого было недостаточно. В.О. Ключевский заметил, что династия московских царей «построила государство из своего частного удела и могла думать, что государство для нее существует, а не она для государства, подобно тому, как дом существует для хозяина, а не наоборот».

По-настоящему государственное мышление русских царей стало формироваться в процессе собирания русских земель, а затем — в ходе исцеления русского народа от порчи Смуты (1605—1613 гг.). После того как в 1613 году первый в истории России всесословный Земский собор избрал на царство Михаила Романова, что положило конец Смуте и началу 300-летней династии Романовых, русский народ становится народом действительно государственным. Вспомнить о том Соборе заставляет ряд обстоятельств. Прежде всего — весьма упорные попытки западных печати и политиков доказать, будто бы русские за свою тысячелетнюю историю никогда до Бориса Ельцина своих государей и лидеров «на царство» не избирали. Собор 1613 года — тому стопроцентное опровер-

жение. Он был всесловным, а затем его решение было отдано на суд народа Москвы, который его одобрил в традициях старинного вече. Ну, а на народном вече — в Пскове, Новгороде, Переславле, Ростове — князей на царство избирали еще до варягов. Так что русский народ по своим традициям демократии не чужд. Просто она иной природы, чем западная. И отлучать русский народ от демократии, если понимать ее в первоначальном смысле, как «власть народа», как от якобы ему не присущей, а тем самым — «отлучать» и Россию от Европы, — дело с точки зрения исторических фактов обреченное. Да и азиатские наши корни не в деспотии, а все в той же демократии. Кочевые племена имели свои вече, на которых выбирали своих ханов. Об этом весьма подробно писал Лев Гумилев, а задолго до него — древние авторы, в частности создатели истории Чингисхана.

После разгона Ельциным парламента России 21 сентября 1993 года, на Западе стали серьезно задумываться: а ту ли модель демократии экспортировали в Россию? Правильно ли сделали, начав насаждать мэрии, муниципалитеты, префектуры и т. д.? Ведь в роли новых «западников», утвердившихся во властных креслах на местах, а затем и в роли олигархов сплошь и рядом выступали бывшие секретари райкомов, обкомов и крайкомов. Один из очень умных французских советологов Тьерри де Монбриаль заявил буквально за четыре дня до того, как Ельцин превратил Белый дом с помощью танков в «черный», что Западу надо избавиться от иллюзий по поводу того, что русские «избрали демократию». «Выбор в пользу Ельцина, а не Руцкого», по его мнению, «сделали армия и полиция, а не народ». И словно предвидя, чем все это кончится, Тьерри де Монбриаль сетовал:

«Во многом в нынешних бедах России повинны западные страны. Они выступили за применение либеральных методов, абсолютно неприспособленных к реальности бывшего Советского Союза. Вместо того, чтобы плановым путем вводить институционные структуры, необходимые для функционирования либеральной экономики, постепенно вводить рыночные механизмы, как в Китае, они хотели, уничтожив институты коммунизма, одним махом все переделать. За эту ошибку как русский народ, так, по правде говоря, и все народы бывшего Советского Союза вынуждены теперь расплачиваться дорогой ценой».

Умри, де Монбриаль, лучше не скажешь! Ведь среди «институционных структур», необходимых для «строительства

капитализма» в нашей отдельно взятой стране, значатся не только биржа, коммерческие и инвестиционные банки, страховые компании и все, что с этой инфраструктурой связано. Необходимы были и парламент, и Конституционный суд, и Счетная палата, и налоговая инспекция, и банковская система, и система страхования, и т. д., как и те структуры гражданского, правового общества, без которого либерализм и либеральная экономика не возникнут сами по себе.

Были ли в России какой-то прочный фундамент, на котором все это можно было построить, либо мы опять, в своих лучших традициях принялись возводить очередной замок на песке?

Исторический фундамент, как очевидно, был. Другое дело, годится ли он для обустройства России по западным проектам. Вернемся поэтому к истории русских Земских соборов.

После 1613 года Собор как политический институт просуществовал недолго. Уже при сыне Михаила царе Алексее Михайловиче он практически не созывался. Не созывался, потому что в нем отпала нужда у монарха. Уже поэтому не должно быть никаких иллюзий насчет Земских соборов у наших демократов-славянофилов. Собор не был аналогом западного парламента и не был предтечей парламентской демократии в России. Он был «не политической силой, — как писал Ключевский, — а правительственным пособием», т. е. подспорьем для царского правления. Из всесословного Собор в конечном итоге превратился в односословный, дворянский, а потом и вовсе исчез, не оставив по себе даже сколь-нибудь серьезного законодательного следа.

«Народное представительство, — пишет Ключевский, — возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти (после Смуты. — *Авт.*) и укрепить власть: в этом его отличие от западноевропейского представительства» (*Ключевский В.* Цит. соч. Т. III. С. 197—198). Иначе говоря, в Соборе не признавался основополагающий для западной демократии принцип разделения властей.

В ходе горбачевской перестройки о земских соборах вспомнили, когда решили создать законодательный суперорган в виде Съезда народных депутатов, выборы которого проходили в марте 1989 года. Горбачевцы, однако, в силу присущей им безграмотности, в том числе и по части русской истории, сконструировали не Собор, который помог бы им укрепить центральную власть, а нечто вроде европарламента. Тем самым они подписали смертный приговор и себе, как правящему центру, и Советскому Союзу, и всей существовавшей в нем политической системе. Фундамент не выдержал и

здание, казавшееся столь крепким, рухнуло в тартарары. История жестоко мстит тем, кто ее уроков не уясняет.

Куда ближе к пониманию истинной сути Соборов и вообще русской политической традиции оказались сторонники авторитарной власти. Так, уже упоминавшийся генерал-майор А. Стерлигов в противовес разного рода демократическим проектам о создании парламентской республики в России предложил «созвать так же, как в 1613 году, чрезвычайный съезд представителей русских земель», а на нем «учредить Всероссийский Собор, памятуя, что он должен носить надпартийный характер». Этот съезд должен был вобрать в себя по его мысли депутатов всех уровней и представителей всех нынешних сословий. «Вот он и решит, — писал Стерлигов, — нужны ли России президент, западный парламентаризм» и т.д. Полагаю, что Александр Стерлигов был хорошо знаком с историей Соборов на Руси и о разнице, подмеченной Ключевским, знал. Его рекомендации выбирать «авторитетных» людей, которые были бы подспорьем сильной авторитарной власти, ненамного ушли от призывов воссоздать властные структуры времен Сталина, а затем — Брежнева. Разница лишь в том, что Стерлигову нужен был во главе России не просто правитель с неограниченной властью, но монарх-самодержец. «В случае, если наш народ возвратится к авторитарно-самодержавной форме государственного устройства, — выдавал Стерлигов эти свои замыслы в уже упоминавшейся статье в «Правде» («Правда» от нее отмежевалась, сообщив, что публикует «личную точку зрения» Стерлигова. — *Ред.*), — Всероссийский Собор созывался бы по инициативе Верховной власти...»

Идеи «красно-коричневого» Стерлигова странным образом совпали с идеей «карманного парламента» при сильном президенте, разработанной ближайшим окружением Ельцина в 1993 году. Эта его команда точнее, чем Горбачев, поняла русскую традицию демократии, когда принялась конструировать свой «собор» в полном соответствии с характеристикой Ключевского — как «пособие», как парламентскую подпорку президентской власти. Эта конструкция объективно стала рабочей при Путине, когда в Думе завоевала абсолютное большинство его «Единая Россия», а членов Совета Федерации перестали назначать без согласования с президентом. В 2004 г. Путин фактически отменил выборность глав субъектов федерации. Их кандидатуры должны были утверждать местные законодательные собрания, но по представлению президента. Парламент, таким образом, становился, по сути дела, «правительственным пособием» по Ключевскому. Объективно проис-

ходило возвращение к той же системе «карманных советов», которая была создана большевиками и ими же выдавалась за «народную демократию». То, что советы переименовали в «думы», «соборания» и мэрии, дела не меняло.

Нео-славянофилы и коммунисты зря поэтому обвиняли Ельцина в «слепом копировании Запада», когда он демонтировал советы ради создания президентской республики. Он просто так же, как и Сталин в свое время, пошел по пути укрепления авторитаризма. А это — все та же «русская идея», что не отрицает и идейный противник Ельцина философ Д. Ильин в упоминавшейся выше статье в «Нашем современнике». Во многом авторитарная ориентация российских реформаторов (то ли они выдумали термин «авторитарная демократия», то ли его импортировали с Запада, но для характеристики демократии по-русски он вполне подходит) помогает найти ответ на тот вопрос, который многих мучает и в России, и на Западе: почему же все-таки русские пошли за Ельциным, а Горбачева отринули. Ельцин поначалу, пока его не раскусили, был действительно популярен, ибо по своей очевидной авторитарности был просто ближе к русской традиции, к «русской идее». При всем самодурстве Ельцин был достаточно управляем, в том числе и с Запада, и отменно играл роль «хорошего царя», «доброго хозяина» страны, которая никогда западного варианта демократии не знала. Запад между тем нередко отождествлял поддержку русскими Ельцина с поддержкой ими демократии и рыночной экономики на западный лад. Это все, конечно, смотрелось наивно.

Русский народ и за конфликтом октября 1993 года между Ельциным и парламентом наблюдал как бы со стороны, прикидывая, кто же в стране хозяин — Ельцин или Руцкой с Хасбулатовым. Вопрос стоял не о том, кто более предан демократии, а о том, кто кого? Американцы и западноевропейцы склонны рассматривать русский народ, как и свой, в качестве «избирателей». За их симпатии согласно западной политической школе нужно бороться денно и нощно. В России такой традиции не было. Не привилась.

Задумайтесь: в сентябре — октябре 1993 года в самом центре Москвы две недели подряд войска блокировали все подступы к парламенту. Затем еще два дня подряд шли бои. Сначала сторонники парламента штурмовали оцепление и здание телецентра. И там их встретили пулеметами. Сколько убитых и раненых остались лежать в Останкино, не знает никто. Эта статистика так и не стала официальной в «демократической» России. Затем ельцинские опричники два дня подряд

из тяжелых танков расстреливали здание парламента, ставшего в 1991 году символом народившейся российской демократии. А заодно — без суда и следствия ставили к стенке всех «подозрительных». Даже подростков. Кровь лилась в столице. Но большинство москвичей в ночь с 3 на 4 октября смотрели американский боевик. Плевать они хотели на демократию. Только потом, по мере того, как стала всплывать правда об октябрьских событиях, народ как бы опомнился и заговорил о грехе братоубийства.

Осенью 2003 года мы говорили об этом с Александром Зиновьевым, и он бросил такую фразу:

— Что делать? Таково качество нашего человеческого материала.

Увидев, что я удивленно поднял брови, услышав этот бухаринский термин, он с улыбкой сказал:

— Вот видите, даже вас шокирует эта терминология. А между тем проблема человеческого материала объективно существует, только она очень плохо исследована. И не потому, что она трудно поддается анализу, а потому, что научное ее исследование практически находится под запретом. Стоит заговорить о различии народов и национальных характеров, то есть о различии человеческих материалов, тебя сразу обвинят в расизме, в клевете на наш великий русский народ, который у нас талантлив, трудолюбив и так далее. Между тем точных понятий даже того, что такое народ, что такое характер народа, каковы его черты и чем они определяются, нет, строгой теории на этот счет не существует. А народы действительно различны. Характер народа складывается один раз и навсегда. Изменения происходят в рамках этого характера. Народы рождаются и достигают какой-то высоты, затем спада, они умирают и более не возрождаются. Это живой социобиологический организм. Россия состоит из множества народов. Но основной народ — русский. От его характера, от него самого зависит вся ситуация в России. Надо учитывать, что во всяком достаточно большом народе можно найти все человеческие черты. Например, трудолюбие. Да в любом народе есть трудолюбивые, честные и порядочные люди. Согласны?

— Конечно, — ответил я. — И также в любом народе можно найти халтурщиков, лодырей, воров и так далее.

— Верно, — ответил Зиновьев. — Все дело в том, как процент этих людей распределен в народе, в каких пропорциях. Иногда разница в какую-то десятую долю процента дает качественно иной народ. Допустим, мы говорим, итальянцы —

музыкальный народ, а русские — немзыкальный. Нам тут же возражают — а Шаляпин, а Чайковский! Но есть целый ряд научно выверенных признаков, по которым можно определить, кто музыкален, а кто — нет. По этим признакам мы можем утверждать, что грузины — более музыкальный народ, чем русские. Но при этом великих композиторов в России было больше, чем в Грузии. На это тоже есть свои закономерности.

Возьмем два народа — немцев и русских. У меня в одной книге разговаривают два персонажа, а разговор этот, замечу, не выдуман. Одним из участников диалога на деле был я. Так вот, мой собеседник спрашивает: «Не могу понять, в чем дело — каждый русский в отдельности — гений, а народ в целом — бездарен. Если взять отдельного немца — это тупое, ограниченное существо, а в целом нация высокоталантлива. В чем здесь дело?» А в том, как к своим талантливым людям, к гениям тем более относится каждая нация. Можно провести строгое научное исследование с тем, чтобы определить, сколько у западноевропейских народов и у русских на тысячу человек рождается детей от природы талантливых, одаренных. Элементарно можно доказать, что их у русских рождается больше. Но далее вступает в силу такой фактор — а как к ним относятся на их родине, как они самореализуются? И вот тут получается, что у одного народа, у которого на тысячу человек рождается, допустим, пять человек математически одаренных детей, почему-то больше выдающихся математиков, чем у другого народа, у которого показатель одаренности в три раза выше. Дело тут просто в том, что первый народ научился ценить свои таланты, а второй — плевать хотел на эти дарования. Я совершенно ответственно заявляю, что ни у одного народа нет такого плохого отношения к национальным талантам, как в России. И так было всегда. Если только русский чем-то начинает выделяться, к нему применяются любые меры для того, чтобы не дать ему подняться. И делают это именно его соотечественники. Вот едешь по Германии — в каждой деревушке видишь памятники, мемориальные доски генералам, которые, возможно, не выиграли ни одного сражения, писателям, которые даже никому не известны. Я уже не говорю о знаменитостях. Но это показатель отношения народа, общества к своим национальным дарованиям. А у нас даже в Москве столько несправедливо забыто имен, столько не увековечено талантов!

Подлинные открытия замалчиваются десятилетиями. Примеров тому — не счесть! И это даже не социальным стро-

ем определяется. Это — качество народа, у которого веками складывался определенный характер.

Еще один аспект — различные народы могут быть талантливы в одном отношении и бездарны в другом. Вот, говорят, русские — очень талантливый народ. А если посмотреть, в чем мы талантливы, какая социальная ценность того, в чем мы талантливы, а в чем бездарны. Так вот я бы сказал так: «Мы, русские, — талантливый народ, но мы бездарны в одном — мы не умеем использовать свои таланты».

— Верно, — заметил я. — И так ведь было на протяжении всей русской истории.

— Именно. Русские совершили величайшую в истории человечества социальную революцию — Октябрьскую 1917 года — и в наименьшей степени воспользовались ее плодами. Русский народ был главной силой в победе над гитлеровской Германией. И что, он воспользовался этой победой, как того заслуживал? Подумайте о том, для сравнения, как бы попользовались немцы Россией, как бы они с нами со всеми поступили, если бы из той войны они вышли победителями. А ведь так во всем, за что ни возьмись.

(В подтверждение этого тезиса Зиновьева приведу лишь один пример — нормы месячного потребления продуктов в предложенной правительством РФ «продовольственной корзине-2005» были ниже, чем нормы лагерного пайка для немецких военнопленных в 1941 г.)

Зиновьев помолчал немного и потом жестко, словно читал лекцию студентам, стал говорить о том, что, видно, и са-мого его «достало»:

— Есть и другие черты характера нашего народа — не каждого индивидуума в отдельности, не надо все принимать на свой счет, а народа. Я назову лишь некоторые далеко не привлекательные, но присущие русским качества. Это — холуйство перед начальством, перед заграницей, прежде всего перед Западом. Это — фантастическая покорность и долготерпение, граничащие с самоуничтожением нации.

Замечу при этом, что одни и те же качества народа различно работают в истории. Построить коммунистическую социальную систему с другим народом было бы невозможно. По своему социальному качеству она была выше всего того, что достигнуто человечеством. Наш народ оказался достаточно пластичным, он подходил для этого строя. Но вот посмотрите — разрушили этот строй, заменили его другим. И вот тот же самый народ стал фактором его разгрома.

В партии было почти 18 миллионов человек. Так вот, ее по указу Горбачева распустили, и никто пальцем не шевельнул. Порвали свои партбилеты и покорно разошлись по домам. На их глазах все разрушали — и ничего, никакого сопротивления. А ведь разрушали их социальный строй, наиболее для них выгодный. Ни один народ в мире не потерпел бы того, что творят сейчас с русскими. А у нас все глотают... Мы посмеивались над анекдотом 80-х годов о том, как Брежнев поспорил с американским бизнесменом, что русские рабочие не станут бастовать, что бы американец с ними ни делал. Так вот, этот анекдот стал в нынешней России типичной моделью взаимоотношений новых владельцев предприятий с рабочими: зарплату не платят — они работают, рабочий день увеличили вдвое — они не ропщут, в выходные заставляют работать без всякой компенсации — трудятся. Только что не вешают их еще на их собственных веревках, а так все остальное реализовано в нашей действительности.

Зиновьев, нашу беседу закончил так:

— Послушайте, что с Россией творят! Уничтожили самый мощный в мире морской флот. Армию развалили. Позакрывали современные сложнейшие производства, научные институты. Это коснулось миллионов людей — и не каких-нибудь при этом забитых рабов, а людей с прекрасным образованием, специальной подготовкой высочайшего класса. И ничего, хоть бы что. Разбегаются, как будто их и не было. Вот господа реформаторы предложили в пять раз сократить в России число вузов, с тысячи — до двухсот. Вот их государство и будет кое-как финансировать. А остальные — закрыть, и все тут. И сделают, и здесь останутся безнаказанными. Качества нашего народа позволяют российскому правительству делать с ним все что угодно. О реформе РАО «ЕЭС», ЖКХ и прочих «нововведениях» я уже не говорю. Цены на все растут бешеными темпами, а народ, как в «Борисе Годунове», безмолвствует. Так почему же над ним и дальше не измываться?

Еще одно качество нашего народа со знаком минус. Это — ненадежность. Я долго жил в Германии и там тоже встречал ненадежных, необязательных людей. Ну а здесь это правило. Обязательно обманут, обязательно подведут. А отношение к труду? Вот, скажем немецкий таксист, если ему даже в другой конец улицы предложат поехать и он на этом заработает всего одну марку, вас повезет. А тут — сколько дашь? Мало, не поеду. И может такой работяга целый день простоять, не заработав ни копейки. Гонор не позволит.

С такими качествами русского народа, а он составляет в России стержень нации, стать рыночной страной, подтянуться до западных стандартов практически невозможно...

Зиновьев безжалостен в своем анализе. Но, увы, объективен. Единственное, чего не хватает, на мой взгляд, в его приговоре — это своего рода исторического анамнеза наших русских недугов, в том числе и социальной пассивности, и покорности. Поэтому мне все же ближе подход Достоевского. Он писал в «Дневнике писателя» (январь 1877 г.):

«Чтобы судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и преходящих, от рабства, от векового гнета, от загроbelости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный дар, родившийся вместе с народом и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет, неповрежденный, в сердце этого народа»

Свой народ надо уважать и любить. Но не надо наделять его теми качествами, которых у него нет. Как очевидно, русский народ пока что достаточно пассивен в том, что касается защиты и «русской идеи», и демократии, да и самого себя тоже. От этой удивительной пассивности, или по-современному — пофигизма, зверел еще наш «великий реформатор» Петр Первый, который у славянофилов не пользуется почетом. Хотя он для укрепления русской государственности и величия России сделал больше всех других российских самодержцев, перенимая именно в этих целях все полезное у Запада, перед которым он никогда не преклонялся. Это его фраза: «В Париже — воняет». Не привили на Западе Петру вкуса и к парламентаризму. На лондонских верфях он мог пропадать сутками, а в английском парламенте провел всего 15 минут, заметив, что для России «это не годится».

При Петре само по себе понятие «государственность» обрело совершенно иное измерение, что не могло не сказаться на формировании мировоззрения всей русской нации и, в частности, «русской идеи». «...Здравый смысл указывал, — писал Ключевский, — что власть не может быть сама себе ни целью, ни оправданием и становится непонятной, как скоро перестает исполнять свое назначение — служить народному благу...»

Петр Первый как бы «перевернул в себе политическое сознание московского государя». Он первый почувствовал «долженства», т. е. обязанности царя, которые по его собственным словам сводились к «двум необходимым делам правления»: «распорядку» и «обороне», т. е. к внутреннему благоустройству и обеспечению внешней безопасности государства. Петр писал своему сыну: «Ты должен любить все, что служит ко благу и чести отечества, не щадить трудов для общего блага... За мое отечество и людей моих я живота своего (т. е. своей жизни. — *Авт.*) не жалел и не жалею...»

Реформы Петра, однако, вызвали в русском народе повсеместное сопротивление. И не только потому, что Петр тысячами гнал в гиблые северные болота крепостных и вольных, на чьих костях поднимался Санкт-Петербург, и в сражения за выходы России к морю. Для сознания и житейской практики русского человека того времени альтруистический подход Петра к служению своей Родине был непривычен и неприемлем. Служение государству и обществу нормально воспринималось в допетровское время, «как повинность или средство для устройства личного и семейного благополучия». Заповедь любить ближнего своего и «полагать за него душу» (т. е. отдавать жизнь. — *Авт.*) русские еще и в петровские времена воспринимали в рамках, скорее, племени и рода, чем в масштабах великорусской, а затем уже и общероссийской общности.

Менялось и понятие об общем благе. Древнерусский человек, как писал Ключевский, «в минуты всенародного бедствия... мог чувствовать в себе готовность умереть за отечество, потому что, защищая всех, он защищал и самого себя, как каждый из всех, защищая себя, защищал и его. Он понимал общее благо, как частный интерес каждого, а не как общий интерес, которому должно жертвовать частным интересом каждого. А Петр именно и не понимал частного интереса, не совпадающего с общим...» (Не удивительно, кстати, что Петра боготворил Сталин.) Так «западник» Петр формировал и развивал русское национальное самосознание, а вместе с ним и «русскую идею». Он поднял ее до неведомых прежде русским высот государственности и соборности, обучая их той духовности, которая немыслима теперь без самопожертвования во имя Родины, без чисто русской открытости другим народам и готовности за них, как говорят на Руси, «пострадать», «душу и живот положить», т. е. защитить их пусть даже ценой больших жертв и собственной жизни.

ЛЮБЯТ ЛИ НА РУСИ «ИНОРОДЦЕВ»?

Христианская идея любви к ближнему с возникновением Российской империи и формированием нации должна была принять не просто общегосударственный, но и евроазиатский масштаб, а в дальнейшем — и общечеловеческий. Восприятие этой христианской идеи в новом геополитическом измерении для русских облегчалось тем, что они традиционно ощущали свою принадлежность к дохристианскому праславянству. И хотя самосознание славян как единого целого исторически спорно, а в наше время, после того как в конце XX — начале XXI века мы наблюдали межславянскую резню в Югославии, антирусские погромы на Украине, и бегство братьев-славян из Болгарии, Чехии, Словакии и т. д. в НАТО, спорно тем более, все же у славян больше оснований говорить о единстве, чем, скажем, у народов англосаксонской группы языков.

Создание Российской империи качественно изменило самосознание великороссов. Как государственный народ, вокруг которого объединялись многочисленные «младшие братья», русские должны были научиться, во-первых, принимать их как равных, и во-вторых, уметь и за них сражаться как за самых своих ближних из родных племен.

За два с лишним века после смерти Петра русские сумели осознать себя действительно «соборным» народом, объединив и интегрировав десятки новых народов и народностей в свое многонациональное государство. Дружба между ними существовала и в царской России. Вопреки любимой Лениным фразочке маркиза де Кюстина о том, что Россия была якобы «тюрьмой народов», именно жизнями русских солдат она спасла от геноцида Грузию и Армению, от взаимоуничтожения — ряд племен и народностей Средней Азии и Кавказа. Не говоря уже о том, что дала многим из этих народов письменность. И если сравнивать, то в царской России даже этносы Севера не вымирали такими темпами, как северные народы и индейцы в «свободной» Америке и ныне — в демократической России. Из этого не следует, конечно, что во взаимоотношениях с «иностранцами» в царской России царила полная гармония. Вовсе нет. Существовала, например, печально известная черта оседлости для евреев, которым был практически закрыт путь на государственную службу, в частности на железные дороги. И среди русского народа, увы, были

черносотенцы и прочие погромщики, были свои расисты и ксенофобы. Влияние этих людей на русскую нацию в целом незначительно уже потому, что русские — народ православный, и для них завет Христа — «ни эллина, ни иудея» — первостепенен. Но это факт, что в русском языке до сих пор существует масса унижительных, презрительных кличек для «инородцев». «Колбаса», как мы уже проходили по Щедрину, для немцев. «Лягушатники» и «шаромыжники» — для французов, «древотлазы» — для японцев, «косоглазые» — для китайцев и других азиатов. «Татарва» — для татар, «самоеды» — для ненцев и других северных народов, «хохол» — для украинцев, «чернота» — для кавказцев, «чурки» — для среднеазиатов и т. д.

Десятилетия советской пропаганды интернационализма и солидарности с колониальными народами так и не помогли вытравить эти позорные слова из нашего обихода, как не смогли в определенной части советского общества преодолеть почти патологическую нелюбовь к «эфиопам», т. е. к неграм. По-своему эти атавизмы русского шовинизма сказались и в постперестроечной России: достаточно вспомнить этнические чистки Москвы и других крупных городов России от «лиц кавказской национальности» в конце 90-х годов, убийства негров и арабов, других «инородцев», в том числе дипломатов, скинхедами в 2000—2005 гг. Если бы нечто подобное случилось в одной из стран Западной Европы, то марши протеста против преступлений расистов прошли бы не только в этой стране, но и по всей Европе, а у нас, например, после убийства африканского студента в Воронеже в начале 2004 г. в Москве даже никто на улицу с плакатом протеста не вышел, кроме африканских студентов из Университета им. Патриса Лумумбы. Причина все та же — общероссийский пофигизм. А по телевидению даже поерничали: «Замочили суки, замочили негра...» Позор!

Не удалось, несмотря на все старания большевиков и лично Ленина, автора многочисленных работ против антисемитизма, полностью ликвидировать его в России. Со времени появления первых евреев на Руси он то угасал, то вспыхивал с новой силой. После развала СССР в Москве свободно тиражируют и продают антисемитскую литературу. По всей России действуют организации российских фашистов, которые открыто носят нарукавные повязки со свастикой. Расползаются по стране их антисемитские газетенки, листовки ... Пока — это не столь опасно. И все же закрывать на это глаза нельзя. Все может очень плохо кончиться.

В декабре 2003 г. в Париже я встречался с Генеральным секретарем Европейского еврейского конгресса Сержем Цвайгенбаумом. Он сказал, что его больше тревожит антисемитизм в Западной Европе, особенно в Германии, чем в России, где он заметно пошел на убыль. По-своему Серж Цвайгенбаум ответил тем в западных СМИ, кто готов скопом занести весь русский народ в антисемиты, погромщики и расисты. Это не только не правомерно, но и опасно: если навешивать на русских такие ярлыки, то в конечном счете это будет только на руку расистской и шовинистической публике, которая, увы, в России есть. Она действует, правда, теперь в несколько иных, благоприятных для нее условиях. Не секрет, что столь долго дремавший русский национализм, а я далек от того, чтобы приравнивать это понятие к экстремизму и тем более к фашизму, к концу XX века принялся оформляться политически, обрастать партиями и союзами. И именно поэтому Западу теперь как никогда следует осторожно обращаться с теми злонамеренными характеристиками, которыми наделяют русских некоторые русофобствующие публицисты.

Вот, например, летом 1993 года в «Литературной газете» появилась статья главного редактора журнала «Дружба народов» (само по себе название все же обязывает) г-на Вячеслава Пьецуха, в которой он так оскорбительно отозвался о России и русском народе, что это позволило одной газете написать буквально следующее: «Вот такой он — русский народ в интерпретации главного редактора «Дружбы народов»: раб по природе, жестокий по характеру, напрочь лишенный культуры, даже элементарной. Куда, мол, нам, лапотникам, до наших западных соседей по континенту...» Газета здесь против истины не погрешила. Пьецух создал именно такой образ русского народа, чем и перечеркнул все те справедливые мысли о не легких путях развития России, которые в его статье содержались. И не стоила бы она, да и он сам, упоминания, если бы с его легкой руки по страницам западных изданий не пошли гулять такие вот «типичные характеристики русских». «Русские — это, — писал В. Пьецух, — Иванов, который способен украсть завод, это Петров, которому ничего не стоит вогнать в жестокий голод несколько областей, только бы торжествовало плановое хозяйство, это Сидоров, который во имя гуманистических идеалов готов поставить к стенке тысячу человек, включая детей, профессоров, мыслителей, прохожих и собственного дядю по женской линии...»

Слово, говорят, не воробей — вылетит, не поймаешь. Со словом надо осторожнее. Надо помнить, как к нему относились авторы самой великой на Земле Книги: «Сначала было Слово». Ни один народ, и русский тем более, не заслуживает презрительных характеристик, сколько бы отдельные его представители им давали для этого повода. Между тем на материале истории любого народа можно выстроить линию, подобную линии Иванов — Петров — Сидоров у Пьецуха.

Разве не было у французов Вандеи, где революционный генерал Turgau в ночь с 27 на 28 февраля 1794 года расстрелял 500 человек стариков, женщин и детей в деревне Люк? А разве не было в те годы в г. Медоне под Парижем мастерской для выделки человеческих кож, которые сдирали с гильотинированных «врагов революции»?

Разве не создавал крематории для Освенцима Kurt Prufer, инженер немецкой фирмы J. A. Torp? Разве не отправил «ариец» Эйхман в их печи миллионы евреев?

Разве не стрелял в детей во вьетнамской деревне Лонг Ми «защитник демократии» американский лейтенант Колли? А в Ираке разве американские солдаты не пристреливали раненых военнопленных, не пытали их?

Так что, на этом лишь основании французов, американцев и немцев следует зачислить скопом в детоубийцы, вешатели и каратели? Забыть о том, что эти нации дали миру Вольтера и Ренуара, Линкольна и Уолта Уитмена, Бетховена и Гёте? Но вот почему-то с русскими «обобщения» а-ля Пьецух возможны. И возможно при этом не упоминать даже в скобках, что русский народ дал миру Рублева, Ломоносова, Пушкина, Достоевского, Толстого, Солженицына. Конечно — и тут я согласен с главным редактором «Дружбы народов» — русские не знают удержу ни в самобичевании, ни в самовосхвалении. Но это не значит, что нашему пишущему брату можно себе позволить выворачивать душу так, чтобы всех вокруг тошнило.

Даже нам, русским, нередко трудно разобраться в том, где же истина, а уж иностранцу и подавно. Потоки разоблачений нашего советского прошлого нередко смешиваются с потоками грязи, выливаемой на русских людей. Что ж, народ наш воистину велик, и к нему эта грязь не прилипнет. Но иностранцам вся эта муть мешает ясно увидеть и понять суть происходящего. Подходить к русскому самобичеванию вообще надо с большой осторожностью. А уж в период общероссийского кризиса тем паче. На Западе есть не только ру-

софобствующие публицисты, злорадствующие по поводу поражения России в «холодной войне». Немало и тех, с чьей помощью выковывается новое понимание между Западом и Востоком. И тут любое подозрение *всего* Запада, а не отдельных лиц в русофобии чревато новой враждебностью со стороны и без того униженных русских людей. А ее каждый раз преодолевать мучительно трудно.

В середине сентября 1993 года, буквально дней за десять до того, как Ельцин решил распустить российский парламент, там состоялись слушания на тему «Русофобия: легенды и факты». Цитаты из западной прессы на заданную тему, прозвучавшие на слушаниях, составили бы весьма внушительный том, что уже само по себе говорит о необходимости осторожности в оценках происходящего в России. Но и выводы участников слушаний настораживали. Вот только два из них, предложенные в прениях:

Сопредседатель Фронта национального спасения доктор философских наук Эдуард Володин: *«Горбачевская перестройка подготовила, а пришедший после августа режим реализовал русофобию как государственную политику (руководства России. — Авт.)»*.

Депутат Николай Павлов: «Русофобия является официальной политикой Организации Объединенных Наций. Она сегодня должна нами рассматриваться как абсолютно анти-русская сила... Мы должны приостановить членство в ООН».

Отмахиваться от таких людей, как от «городских сумасшедших», как это сделал один из московских журналистов, мягко говоря, не мудро. Поднимающийся русский национализм слишком серьезная сила, чтобы с ним так обращаться, и участники тогдашних парламентских слушаний по русофобии всерьез готовились оседлать эту всеокрушающую волну. Если не они конкретно, то их единомышленники, могут стать завтра министрами, а то и ближайшими советниками нового президента. И действительно приостановят членство в ООН. С ними надо научиться разговаривать. Пока они всё еще к диалогу способны и готовы. Даже ждут его, надеясь по старой русской традиции и вопреки всякой логике, что Запад все же «поймет их». Успех националистов на выборах в Думу 2003 года показал, что за ними пошли миллионы россиян, иначе не было бы в Госдуме ни «Родины», куда вошли все националисты — и правые, и центристы, и левые, ни опереточных «русских патриотов» из ЛДПР, ни поборников русской идеи а-ля КПРФ.

РАБСТВО ДУХА ИЛИ ВОЛЬНИЦА?

В разговоре о «русской идее» ее сторонники неизменно напоминают о традиционной вольнолюбии русского народа. (Философ Иван Ильин: «Русскому человеку свобода присуща как бы от природы... Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству...»)

Противники «русской идеи» и вообще русофобы, напротив, подчеркивают, что русским свойственно «рабство духа», от которого они якобы не могут избавиться до сих пор. (См. Вячеслав Пьецух: «Константное рабское состояние роковым образом сказалось на свечах и обычаях русского человека».)

В своем самобичевании даже патриотически настроенные русские иной раз объявляют себя «рабами», ссылаясь при этом на нашего классика, стремившегося в течение всей своей жизни «выдавить из себя раба по капле» (А. П. Чехов). Обычно, правда, это сетование применяется в оправдание нежелания что-либо предпринять в знак протеста против несправедливости российских властей любого уровня.

Исторически русские как нация (я не беру догосударственный период), увы, были куда дольше рабами, чем людьми хотя бы относительно свободными. Если брать за точку отсчета образование древнерусского государства в 882 году, то его условно-свободное существование в рамках феодального княжества составило до начала татаро-монгольского ига 367 лет. Иго это длилось с 1249 по 1480 год, т. е. 231 год, хотя у нас ошибочно всегда говорят — триста лет.

В 1497 году после создания свода законов, известного как «Судебник», началось закабаление русских в крепостничество, феодальное крепостное рабство было отменено только в 1861 году великим Александром Вторым, царем-освободителем. Но никакой демократии в западном понимании этого термина Россия не знала до ликвидации монархии в феврале 1917 года. В октябре же 1917 года власть взяли большевики, и за 74 года Советской власти русские узнали и такую свободу, которой они не ведали никогда, и такое рабство, по сравнению с которым крепостничество было всего лишь необременительным оброком.

Так что если подсчитать, то русская нация в более чем тысячелетней истории своего государства насчитывает в общей сложности 423 года относительной свободы в условиях монархий, 595 лет безусловного ига и крепостного рабства и

74 года Советской власти, включая 5 лет перестроечно-рыночного социализма. И с 1991 по 2005 г. — 14 лет все же демократии, пусть даже «авторитарной». Эта статистика тем не менее только подчеркивает правоту сторонников «русской идеи» — история не знает ни одного народа, который был бы в рабстве столь долго и сумел бы при этом сохранить свою самобытность, а в конечном итоге не просто добиться свободы, но и подчинить себе, либо разгромить наголову своих прежних господ и завоевателей. Не увидеть в этом доказательства неодолимого вольнолюбия русских может только слепой.

Другое дело, что жизнь под пятой завоевателей, в постоянной зависимости от феодалов и других авторитарных правителей, отсутствие стабильных демократических институтов, с помощью которых можно было бы обуздать произвол власть имущих, не могли не наложить своего отпечатка на русский народ. Отсюда та фантастическая покорность и долготерпение, граничащее с самоуничтожением, о которых говорил Александр Зиновьев. Но вот вопрос — это нечто въевшееся в наши гены, либо нечто применяемое русскими для маскировки своих подлинных чувств и мыслей?

Уже упоминавшийся автор статьи «Русская идея» на полигоне «демократии» утверждает, что русский народ якобы делегировал свои личностные права и свободы «русской авторитарной власти», а себе оставил «внутреннюю свободу». Этакая логика» наоборот напоминает о том, как некоторые «юристы» в первые годы Советской власти всерьез намеревались закрепить в Конституции положение о делегировании Советскому государству его гражданами права защищать их личностные свободы. С таким пародированием права не согласился даже Сталин и отказался записать это положение в свою Сталинскую Конституцию (1936 год).

Внутренняя свобода действительно всегда была присуща русскому человеку. Но ему всегда не хватало свободы гражданской. А без этого он не мог сформироваться как гражданин правового государства, что и отличает его от гражданина любого развитого государства Запада. Отсюда привычка внешне власти покоряться, но держать при этом фигу в кармане. Соглашаться со всеми распоряжениями властей, но при этом претворение их в жизнь саботировать. Аплодировать публично очередному «вождю» и тут же рассказывать про него анекдот, в котором вождь выглядит идиотом.

В традиции русского народа было, подчиняясь очередному «Хозяину», всегда остраиваться от власти. Петр Первый

приходил в отчаяние не только от всероссийского лихоимства и казнокрадства, но и от всенародного равнодушия к его, Петра, попыткам выгнать Россию из ее «сонного царства» к новому цивилизованному «распорядку». Петр гневался, озлоблялся на свой собственный народ, не понимая, почему не хочет он вместе с ним идти на великие свершения во славу России?

А между тем этот наш русский ларчик открывается достаточно просто. Человек, действительно обладающий внутренней свободой, в грош не ставит власть предрежащих, если только они обращаются с ним как с рабом. С русским же народом, в котором века рабства не могли истребить бунтаря, власть, увы, так и обращалась всегда, даже когда формально русские были народом не крепостным, а свободным. Реакция русских на подобное обращение — одна из величайших «русских загадок». У русских полностью непредсказуемы переходы от рабской покорности к жестокому кровавому бунту, от любви к ближнему своему и ко всему человечеству к звериной ненависти к тому и другому. Это в общем, увы, состояния для русского народа одинаково естественные. И. А. Бунин писал: «Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона», — в зависимости от обстоятельств и от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев». Другое дело, что и бунт, и ненависть у русских недолги, как опьянение. Константа — это смирение, великодушие и любовь.

Для тех, кто этого не понимает, для людей прежде всего нерусских, «русская идея» опасна уже потому, что в ней есть мощное объединительное начало, способное сплотить русскую нацию и поднять ее на свершение дел поистине великих. Вот поэтому в ней многие на Западе, как Маркс когда-то, видят не «абсолютную справедливость», а «абсолютное зло».

ЗА И ПРОТИВ РУССКОСТИ

Я уже упоминал книгу Александра Янова «Русская идея» и 2000 год». Вот что он в частности пишет: «Русская идея» не признавала центрального постула (очевидно, постулата. — *Авт.*) западной политической мысли о разделении властей как институциональном воплощении нейтрализации порока пороком. Она противопоставила ему принцип разделения функций между светской и духовной властями — государством, охраняющим страну от внешнего врага, и православной цер-

ковью, улаживающей внутренние конфликты нации. Мизантропической философии Гоббса противопоставила она пусть наивную, но чистую веру в отношении любви и добра во всей иерархии человеческих коллективов, составляющих общество — в семье, в крестьянской общине, в монастыре, в церкви и в нации. Нация-семья, не нуждающаяся в парламентах, ни в политических партиях, ни в разделении властей, стала ее идеалом. Как и семье, нации не нужны правовые гарантии или институциональные ограничения власти. Как и в семье, на первом месте у нации должны быть не права, но обязанности ее членов, как и в семье, конфликты должны улаживаться духовным авторитетом, а не конституцией.

Идеал нации-семьи предполагал необходимость избавиться от порочных влияний «улицы» (Запада) и, следовательно, (обеспечить) духовное возрождение, нравственную революцию, в ходе которой Россия вернется «домой», к своим чистым сельским истокам, в царскую, т.е. допетербургскую (в старой редакции) или докоммунистическую (в новой) Русь, предположительно не ведавшую ни деспотизма, ни полицейского террора, ни официальной государственной лжи.

Можно соглашаться или не соглашаться с этим первоначальным катехизисом «русской идеи», который, на первый взгляд, столь неожиданно возродился совершенно неизменившимся столетие спустя в коммунистической России, но нельзя отказать ему в благородстве замысла и чистоте намерений».

В этой пространной цитате из его книги А. Янов предстает как бы беспристрастным исследователем, даже симпатизирующим славянофильству, предвестнику политической школы «русской идеи» Бердяева и его последователей. Цитата эта — из первых глав его книги (с. 49). На всех последующих 350 страницах автор ведет речь о «вырождении» славянофильства, которое он упорно отождествляет с «русской идеей». («Русская идея», — пишет Янов, — возникла в разгар диктатуры Николая Первого». Но это, как и у Гудкова, — явная натяжка.)

Система доказательств Янова сводится к известной схеме: оппозиционное славянофильство -> славянофилы государственники и монархисты -> крайне правые русские националисты -> черносотенная реакция, творящая еврейские погромы -> национал-большевизм, возрождающий «русскую идею» и российскую державность (о лимоновских нацболах тогда, когда Янов писал свою книгу, еще не знали) -> русский фашизм. Схема выстраивается с очевидными историческими и чисто фактурными неточностями, грешит к тому же и логи-

ческой непоследовательностью. Самую большую неприязнь автора вызывают защитники русского национального суверенитета и идентичности. Самую большую любовь — те, кто своими «реформами» стремился уничтожить и то, и другое, ради коренной «политической модернизации» России по западным образцам, чтобы она могла, «как мечтал еще Петр Чаадаев» выйти из средневековья и «присоединиться к человечеству». Подход Янова к «русской идее» поэтому полностью соответствует традиционной парадигме западной русистики и советологии, которая, как ни странно, строится по известному большевистскому принципу «кто не с нами, тот против нас». Русским не оставляют выбора. Альтернатива одна — либо вы будете «как все», будете отвечать «всем нормам западной цивилизации», будете «предсказуемыми», либо вас уничтожат вместе с вашей «средневековой системой». О том, что под средневековой системой имеется ввиду историческое единство славян и других народов в рамках Российского государства с сильной центральной властью, можно, я полагаю, не разъяснять. Но в том-то и корень всех разногласий сторонников и противников «русской идеи»! Русские хотят оставаться русскими. (И я полагаю, что и казахи, ненцы, якуты, таджики тоже не хотят жить по прусскому регламенту, а хотят остаться теми, кто они есть). Но вот именно это Янова и тех, для кого он писал свою книгу, и не устраивает.

Вопрос здесь не в том, что Александр Янов — русофоб. Как человек хорошо знающий Россию и ее культуру — до его эмиграции в США, кстати, Янова охотно печатали в весьма популярных московских изданиях — он не может не понимать, что русский народ один из тех немногих народов, который еще может противопоставить подлинную духовность грубому материализму западной цивилизации. Русские гораздо ближе в том, что касается избранной ими идеальной модели мира к Канту, чем к Гоббсу. Не приняли они и цивилизации, основанной на философской модели Локка и на том, что в США именуют «иудейско-христианской цивилизацией». Триумфальный марш этой цивилизации по планете остановился у русских границ задолго до возникновения большевизма. Русские не приняли идеалов наживы и западную политическую культуру, напрямую связанную с этими идеалами. Октябрьская революция и вовсе похоронила всякие надежды на создание в России буржуазной парламентской республики по типу Франции до Де Голля. А с ликвидацией НЭПа исчезли и надежды на создание многочисленного среднего класса, т.е.

мелких собственников, которых Янов призывает расплодить в России чуть ли не тем же методом, которым был завезен к нам колорадский жук.

Сам по себе средний класс — это несомненный фактор стабильности обществ с хорошо отрегулированной рыночной экономикой, и об этом у нас еще разговор впереди. Но ссылка Янова на Столыпина в этой связи несостоятельна. Столыпин понимал этот класс не как густой слой мелких лавочников, а как класс самостоятельных фермеров и мелких производителей. А такой класс не может быть опорой торгашеской цивилизации, хотя он наверняка стал бы ревнивым хранителем «русской идеи», что прекрасно осознавал Столыпин и не понимает, или делает вид, что не понимает, Янов.

Примерно также смешивает Янов понятия, когда отождествляет «русскую идею» с антисемитизмом и фашизмом.

«Русскую идею» Бердяев выдвигал, как идеологию русского национального государства в противовес безродному и космополитическому коммунизму. Эта идея неминуемо должна была появиться в той или иной форме, как защитная реакция русской нации на попытки лишить ее государственности, если вообще не ликвидировать. И как иначе могли патриотически настроенные русские интеллектуалы того времени воспринимать призывы революционеров — от анархистов до большевиков — к образованию вместо Российской империи сотен, если не тысяч отдельных «народных республик» и к фактическому уничтожению русского народа, который объявлялся «поработителем» и «угнетателем» всех других наций. Февральская революция началась с развала России, это исторический факт, и если бы не собрали ее заново в форме СССР, неизвестно, где бы мы все были. А разве не занялась «гвардия Троцкого» геноцидом русского духовенства, дворян, купечества, офицерства, зажиточного крестьянства и интеллигенции, едва лишь большевики захватили власть? Вот как выглядела картина тогдашнего послереволюционного «переустройства» России в описании Михаила Арцыбашева: «Эти люди (большевики. — *Авт.*) не были способны к созиданию, они умели только бороться, только разрушать.

...В хлебородной России, которая могла служить житницей всей Европы, настал голод; в стране необозримых лесов воцарился холод; у неисчерпаемых нефтяных источников черной тучей лег мрак; города превратились в кучи обледелых развалин, среди которых, кутаясь в последние лохмотья, покрытые грязью и паразитами, копошились люди, голодом и

страхом доведенные до последних пределов отчаяния, до потери человеческого образа.

...В этом царстве дикого произвола, насилия и грабежа от голода спасали только спекуляция и воровство, а от издевательства — только сотрудничество в ЧК. Поэтому спекулировали все, от глубоких стариков до маленьких детей, проституция приняла характер стихийного явления, общество переполнилось ворами, провокаторами. Ужасающее моральное разложение целых поколений молодежи было результатом превращения всего народа в бессловесный рабочий скот.

А безумные декреты, углубляющие и развивающие революцию, продолжали сыпаться, как из рога изобилия, все сущая права человеческой личности и углубляя разрушение жизни и государства...»

Не правда ли, похоже на наши 90-е? Но ведь и не случайно возрождение с такой силой «русской идеи» пришлось именно на 90-е годы XX века. Та же беда в России — произвол почти сатанинских сил, намеренно уничтожающих русский народ и русское государство с 1985 года, если начинать отсчет оттуда, а не с 1905 года. Вскоре после того, как началась перестройка, русский народ стал терять по миллиону человек в год. Впервые за всю нашу историю геноцид русских приобрел такие масштабы. Без всякого Гитлера!

Естественно, что «русская идея» родилась не на пустом месте, а использовала все элементы русской патриотической мысли и литературы со времен еще дохристианской Руси. Среди этих мыслителей, публицистов и идеологов были разные люди, но все они были государственниками и патриотами, превыше всего ставили интересы России. Космополитов среди них, ясно, не было. Нельзя, однако, только на этом основании заносить всех националистов в крайне правые и даже в фашисты. Точно также спекулятивна попытка Янова отождествить и самого Бердяева с фашизмом на том основании, что он увлекался идеями Муссолини о корпоративном государстве и считал фашизм «единственным творческим явлением» в современной ему Европе. Датировано-то это высказывание 1924 годом, когда фашизм вовсе не отождествлялся с Гитлером и Освенцимом. В те времена и Мережковский, будучи либералом-западником, увлекался идеями Муссолини. И не он один.

Сложнее с отношением ряда сторонников «русской идеи» к евреям, иудаизму и сионизму. Здесь у Янова есть основания для упреков известных своей ксенофобией национал-патриотов

в антисемитизме, хотя бы уже потому, что «Протоколы сионских мудрецов» и известные писания Генри Форда («Мировое еврейство») и В. В. Шульгина («Почему мы их не любим») у этих последователей Бердяева стали рабочими документами. Но и это не повод для дискредитации «русской идеи». В ней антисемитизм не заложен.

В первые послереволюционные годы антисоветские выступления русской эмиграции во многом были результатом смещения понятий: они были посвящены не столько критике идей коммунизма, сколько разоблачению деятельности большевистских лидеров, большинство которых были по происхождению евреями. Списки их подлинных имен приводились не только в книге Форда. Впервые они были опубликованы почти что накануне Октябрьской революции 1917 года петроградской газетой «Общее дело». Уже поэтому утверждение Янова о том, что именно «идеологам выродившегося славянофильства» принадлежит выдвинутая ими якобы в 1920 году идея «тождественности большевизма с мировым еврейством» мягко говоря, не совсем точное. Что касается сионистов, то ряд их идеологов (Герцль, Жаботинский и др.) выступали с резко антирусских позиций. Это у русских националистов к ним, понятно, симпатий не вызывало. В период становления сионистского движения у некоторых его лидеров были контакты с самыми реакционными силами, в том числе с самим Петлюрой, а затем с нацистами. Во многом это было причиной их резкого неприятия коммунистами. Русская эмиграция тем не менее обвиняла большевиков в сговоре с сионистами, т.к. СССР поддержал в ООН после войны создание государства Израиль.

Янов проводит ряд параллелей славянофильства с «тевтонофильством», прослеживая корни возникновения антисемитизма в Германии и в России, перебрасывает и здесь мостик между «русской идеей» и фашизмом. Действительно, идеи Штеккера и Алварта были популярны у главарей черносотенцев также, как впоследствии у вождей «третьего рейха» были популярны труды Нилуса, автора предисловия к книге с текстом «Протоколов сионских мудрецов» под названием «Близ есть при дверех». Но и это не основание для характеристики «русской идеи» как воплощения антисемитизма, фашизма и прочего человеконенавистничества.

По сходству ряда исторических обстоятельств и ситуаций можно сказать, что и фашизм родился похоже — в момент национального унижения, на чем он и вырос. Но то, что фашизм враждебен «русской идее», факт бесспорный. И по-

своему он был подтвержден русской белой эмиграцией — лишь немногие белогвардейцы и потомки знатных русских родов пошли служить Гитлеру. Подавляющее большинство русской диаспоры с фашизмом боролось так же, как их соотечественники в СССР.

Я не знаю, насколько влиятелен Янов в США, где была издана его книга, как на русском, так и на английском языках, но уверен, что Западу она сослужила плохую службу. «Русскую идею» нельзя уничтожить — и тут все же прав митрополит Иоанн — иначе, как вместе с русским народом. Конечно, ее можно исповедывать и так, и эдак. Но ведь оттого, что нацисты взяли на вооружение идеи пангерманизма Фихте, «белокурую бестию» Ницше, музыку Вагнера и германский эпос, — все это не отождествляют сегодня с «фашизмом». Точно также и «русская идея» — это не синоним черной сотни, хотя ее сторонниками объявляют себя юные экстремалы от политики и, взрослые дяди, начитавшиеся книг Бердяева, Леонтьева, Шиманова, и ничего в них не понявшие, кроме того, что русскую нацию надо срочно спасать любыми средствами.

Может быть, именно оттого, что в «русскую идею» до сих пор не вмонтирован четвертый элемент, а именно Свобода, не только внутренняя — она у русских всегда была и будет, — но и политическая, эта идея по сей день остается элитарной, исповедуется больше русской интеллигенцией, чем самим русским народом. Кто-то должен перебросить мостик. Но кто? Тут мы все еще ждем пришествия нашего Русского Мессии. Все прежние кандидаты на эту роль, увы, наших надежд не оправдали.

И еще одно наблюдение, немаловажное для понимания взаимоотношений русского народа и его правителей. Русские всегда воспринимали власть как нечто Богом данное. Но правителей — как людей временных. Как народ действительно исторический, русские умеют проецировать себя во времени и пространстве. А при таком подходе сиюминутность любого правителя очевидна. На Западе часто и этого не понимают, и не в последнюю очередь потому, что отрицают гуманистическое начало за «русской идеей». Думаю, что по мере дальнейшего развития России эта идея окончательно утвердится у нас как государственная. Идеологический вакуум, оставшийся после коммунизма, будет таким образом заполнен.

Глава 3

ОТ МАТФЕЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Становление «русской идеи» в России всегда было делом нелегким в силу того, что этому мешали и наши «доброжелатели» извне, и наши доморожденные реформаторы. Чем активнее было это вмешательство, тем сильнее русская нация держалась за свой образ жизни и всячески стремилась его сохранить даже тогда, когда он вступал в прямое противоречие с магистральным развитием мировой цивилизации. Причем это сопротивление бывало весьма длительным — достаточно вспомнить о том, как исконная Русь выстояла под монголами. Адаптироваться русские могли. Перемениться всегда отказывались. В России традиционно большинство держалось за старину, осуждая то меньшинство, которое пыталось идти в ногу со временем. Нередко этот консерватизм оборачивался для нас трагедией — вспомните, как умирающий Левша в известном рассказе Лескова пытался предупредить царя-батюшку о том, что не надо ружья кирпичом чистить, стрелять будут плохо. Послушались бы Левшу, может быть, и выиграли бы Крымскую войну. Ан, нет...

Со времен декабристов у нас спорят — годится России западная модель демократии, или надо выдумать нам свою, чуть ли не приспособив ее под традиции новгородского веча. Но спор этот по сути своей бесплоден. Менталитет русского народа и его социальная ориентация исторически сложились, и поэтому применение опыта догосударственной Руси, равно как и опыта, скажем Франции или США в деле строительства рынка и демократического государства равным образом будет насилием над ним. Ни наши консерваторы (те, кто ратует за возвращение едва ли не к ведической традиции, неославянофилы и монархисты), ни наши реформаторы — будь то большевики, будь то демократы, никогда этой диалектики, к

сожалению, не понимали. У большевиков был шанс вписаться в русскую традицию, но они его не то чтобы не поняли, а скорее, истолковали превратно и в силу этого — упустили. Как это произошло, мы увидим в следующих главах.

СТЯЖАТЕЛЕЙ НА РУСИ НЕ ЛЮБИЛИ...

Политическая несвобода россиян и отсутствие соответствующей культуры свободного человека во многом обусловлены тем, что Россия слишком поздно начала переход к рынку. Крестьянские личные хозяйства до сих пор — и это в начале XXI века! — в том, что касается еды, обеспечивают всем необходимым сами себя, приобретая в городе только чай, сахар, соль. И чем дальше от города, тем чаще встречается именно такое натуральное хозяйство.

Хорошо известно высказывание Ленина о том, что никакая политическая свобода не удовлетворит голодные массы. Идея основателя СССР была в принципе правильной, как в русской сказке — сначала накорми, а потом вежи разговоры. Другое дело, что накормить народ досыта большевики так и не смогли. За 70 лет существования СССР проблема обеспечения населения продовольствием так и не была решена. Произошло это в первую очередь потому, что сразу же после Октябрьской революции началось планомерное разорение крестьянства — будущим трудармиям Троцкого нужны были сотни тысяч новых пролетариев, а красным маршалам — пушечное мясо для мировой революции. В 1972 году А.Н. Яковлев, будущий идеолог перестройки, а тогда еще верный марксист-ленинец, служивший по пропагандистской части и при Сталине, и при Горбачеве, в своей известной антирусской статье в «Литературной газете» писал в оправдание «перегибов» военного коммунизма и коллективизации, что «справного русского мужика необходимо было порушить». Яковлев в той же статье выступил и против «русской идеи» и непосредственно против Бердяева. «Порушить» решили все — от русской деревни до русской культуры. Рушили основательно, не жалея ни старых, ни малых. Русь рушили. Одновременно с «раскулачиванием» в деревне (к середине 1930 г. в колхозы передали, т.е. конфисковали, уже свыше 320 тысяч «кулацких хозяйств») был ликвидирован целый класс мелких собственников, ремесленников и торговцев в городе. Был обрушен таким образом не только общероссийский рынок продовольствия, но и потребительских товаров, нормальных бытовых

услуг. Удар был нанесен в самое сердце России. В стране начался страшный голод.

В политических свободах, равно как и во многих других, даже гарантированных конституцией, русским людям было такое де-факто отказано, как и в праве на достойную человека жизнь. Более того, провозгласив для проформы свободу совести, большевики начали с корнем выкорчевывать русские общинные традиции и православную религию. Известны указания В. И. Ленина ЧК «расстрелять как можно больше попов и монахов».

Я напоминаю обо всем этом вовсе не для того, чтобы вновь показать, какой катастрофой обернулась большевистская революция для России. Пройдет еще не одна сотня лет, прежде чем человечество сумеет оценить эту революцию по достоинству и осмыслить ее социальный опыт. Вполне возможно, кто-то докажет, что в исторической перспективе она принесла человечеству в целом, и даже русскому народу, принявшему от коммунизма неимоверные страдания, куда больше пользы, чем вреда. Ведь оправдывают же теперь Великую Французскую революцию. А уж там голов нарубили тоже немало.

Для России, страны «с переходной экономикой», очень важно понять другое: мог ли русский народ после трагического даже не столько провала, сколько срыва, коммунистического эксперимента воспринять эксперимент реформаторов-антикоммунистов, американофильство либералов и западничество рыночников? Совместимы ли русская духовность, русский образ жизни и наши вековые традиции, освященные православием, с нехитрыми ценностями потребительского общества?

Наверное, после всех тех опытов, которые на русском народе ставили, как на собаке Павлова, у него выработался такой же стойкий рефлекс недоверия к реформаторам, как у китайцев, которые желают своим худшим врагам, чтобы их дети жили в век перемен. К большевикам русский народ, как когда-то к монголам, все-таки притерпелся и приспособился. Да и большевики, как станет ясно далее в этой книге, обрусели и вскоре после войны лютовать перестали. По данным российских социологов большинство россиян не хочет возврата к коммунизму, но и реформаторов то же большинство на дух не воспринимает. Общество наше находится в переходном состоянии не только в экономике, но и в том, что касается его социальной, культурной и нравственной ориентации. Пока непонятно, куда мы идем. Какие у нас ориентиры?

Вот, например, в январе 2005 г. на встрече с работниками генеральной прокуратуры России генпрокурор Устинов, процитировав классика, сказал, что для нашего российского государства все же важнее не профессор, не губернатор и не министр. «Полицейский — вот кто важнее», объявил Устинов. От этого тезиса до утверждения, что русским лучше жить в полицейском государстве, чем в демократическом, — один шаг. Присутствовавший на встрече президент Владимир Путин вынужден был поэтому поправить генерального прокурора. «В современном обществе, — сказал президент, — современным государстве, которое рассчитывает на будущее, главным приоритетом и главной фигурой является гражданин, человек абсолютно раскрепощенный и свободный, который чувствует в себе силы реализовать все свои лучшие качества, независимо от того, чем он занимается. Человек, который свободен, но в то же время уверен в крепости государственных институтов». Если согласиться с докладом Устинова, в котором тот привел вопиющие факты разгула преступности, казнокрадства, коррупции и полного разложения судебной системы в России, то о таких приоритетах нам пока можно только мечтать. И президент вынужден был признать, что «нам еще далеко до решения этой задачи», но посчитал, что «мы в состоянии ее решить». А ведь это и есть вопрос вопросов для современной России. И ее духовной жизни, и экономической. Ведь еще великий Гегель отметил в одной из своих лекций, что *«царство духа есть царство свободы»*. Да простят меня за такое перефразирование, но царство рынка без царства гражданской свободы так же немыслимо, как царство духа в условиях тоталитаризма.

Можно ли было развернуть советского человека к рынку без того, чтобы познакомить его хотя бы с азбукой рыночных отношений и принципами действия гражданского общества? В рамках свободного волеизъявления — нет. Именно поэтому попытка такого «большого скачка» закончилась неудачей еще у Столыпина. В России при любом социальном строе воля правителя — и тут прав Егор Гайдар — всегда ставилась выше интересов и гражданина, и общества в целом. В рынок стали загонять палкой так же, как в свое время при Советах в колхозы. Увы, кнут и по сей день считается в России куда более серьезным аргументом, чем пряник. Да, сегодня невозможно себе представить, чтобы Кремль вздумал решать конфликт с парламентом с помощью стрельбы из танков по Государственной думе, как это сделал в 1993 году господин Ельцин. Но за эти годы, увы, менталитет наших блюстителей порядка не переме-

нился. Случайно ли власти бросились искать «подстрекателей» и «зачинщиков», как только на улицы российских городов в январе 2005 г. вышли на стихийные митинги протеста пенсионеры и ветераны, возмущенные последствиями бездарно организованной правительством РФ «монетизации льгот»? Выходит и впрямь полицейский у нас всех важнее, в том числе гражданского общества, которое, может быть, в этих протестах пенсионеров и проявилось должным образом едва ли не впервые в России.

Английский философ и историк XIX века Генри Томас Бокль писал: *«Люди никогда не могут быть свободны, если не воспитаны для свободы»*. И это не есть воспитание, которое может быть приобретено в школах или заимствовано из книг, но то, которое является результатом *самодисциплины, самоуважения и самоуправления*». Это три кита гражданского общества, в котором свобода и необходимость диалектически связаны (по тому же Гегелю) и ни в коей мере не противоречат друг другу.

Нельзя ввести рынок или капитализм декретом. Каждой общественной формации соответствует не только свой способ производства, но и свое мировоззрение. Современная рыночная экономика стран Запада уходит корнями еще в Древний Рим. Она немыслима не только без широкого торгового обмена, без общенациональных и глобальных связей, но и без правового и гражданского общества, структуры которого создавались веками. Не сверху, а снизу, как говорят американцы *from the grass-roots*, т.е. «от корней травы» Без этого капиталистический рынок немыслим. Но натуральное хозяйство без них обходится. А командная социалистическая экономика — и коммунисты тут следовали именно логике Яковлева, а точнее Ленина, когда «рушили» русское крестьянство, — с правовым, да и с гражданским обществом просто несовместима. Привить западные законы и нормы в СССР без изменения социального строя было также невозможно, и только дилетанты в экономике и политике этого не понимали. Серьезные ученые предупреждали Горбачева, что попытки перенести эти нормы на социалистическую почву чреваты гибелью социализма. Социализм их должен либо отторгнуть, либо рискует умереть от несовместимости политических тканей, а значит — уступить место капитализму. Так случилось, например, с правами человека в СССР, которые — уже это-то идеологи КПСС знали — были разработаны для нужд буржуазного, а вовсе не социалистического государства.

Очевидно, эти права понадобились тем, кто руководил Советским Союзом, не только для того, чтобы доказать США и другим странам Запада, что в СССР есть демократия. После смерти Сталина у правящей верхушки КПСС появилась в этих правах вполне практическая потребность. Но она была обусловлена чем угодно (стремлением сохранить себя и свою семью от произвола и репрессий, желанием сберечь от конфискации свои дачи со всем прочим имуществом, благами и привилегиями), кроме природы социализма, с которым права эти, в первую очередь право на частную собственность, несовместимы. История же капитализма и буржуазной демократии в России была слишком короткой, чтобы эти права могли утвердиться в сознании граждан. Для этого у нас, в отличие от капиталистического Запада и даже бывших социалистических стран Европы, просто не было социальной базы — многочисленного класса мелких и средних собственников, которые и создают гражданское общество.

Русский человек не смог обрести уважение к правам личности и к закону, ибо мы за всю нашу историю так и не создали, несмотря на многочисленные попытки — еще со времен «Русской правды», — нормального правового общества и нормального общегосударственного, общероссийского рынка. В дореволюционной России он начал складываться только к началу XX века. И наименее охотно шло в рынок крестьянство, которое составляло две трети населения страны. Несмотря на частые утверждения о том, будто Россия до революции «кормила всю Европу», среднее крестьянское хозяйство поставляло на рынок менее 400 кг хлеба, т.е. обеспечивало по минимуму всего двух едоков. По данным 1913 г., российские крестьяне продавали лишь 14,7% производимого ими зерна, а остальные 85,3% потребляли сами. Динамика потребления продовольствия до 1913 г. показывает, что патриархальный характер ведения хозяйства сохранялся в России вплоть до начала Первой мировой войны. После Октября 1917-го и вплоть до начала коллективизации мало что изменилось. А уже наладившиеся связи капиталистического товарообмена и кооперации были использованы для создания государственно-монополистической экономики социалистического образца. Для этого же, как посчитали большевики, собственники были не нужны. Нужны были нищие и бесправные.

Ну а что касается освященного западной и восточной цивилизациями «священного права собственности», то в народных массах к нему должного уважения тоже не было. И не

только в силу исторических причин и отсутствия мощного класса мелких собственников. Куда больше — это право было несовместимо с русским менталитетом, в котором такое понятие, как предпринимательство, есть не добродетель, как в европейских нациях, а зло.

Отрицательное отношение к стяжанию (накоплению богатства), к «излишней» собственности вообще — составная часть духовности русского народа, который создал свой собственный моральный кодекс на основе Учения Христа. Ближе всего русской душе пришлось знаменитая «Нагорная проповедь» Христа (см. «От Матфея». Гл. 6,7). Он учил:

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут;

Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут;

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело — одежды?» (От Матфея. Глава 6, стихи 20, 21, 25.)

Православие способствовало формированию в русском национальном сознании особой «этики нестяжания». «Домострой», наставление XVI века о правилах поведения в быту, в семье и о ведении хозяйства серьезно предупреждает в главе «О несправедливой жизни», что те «кто живет не по-божески, кто любое добро силой отнимет, а не то так и по дешевке, вопреки согласию купит или сутяжничеством (т.е. по суду. — Авт.) отберет, или процентами, в деньгах и натуре, или от прочих несправедливых поборов разбогатеет... — прямоком в ад попадут».

Как видим, все приемы обогащения, узаконенные на Западе и Востоке с момента появления денег (ссуда денег взаимно под проценты, взимание с должников их имущества по суду, скупка с торгов и т. д.), без чего немислима и современная капиталистическая экономика, и свободный рынок, как таковой, — все это издавна считалось на Руси несправедливым делом, как у мусульман ростовничество.

Никто, конечно, не выступал в России, кроме «голытьбы», т.е. люмпенов, которые всегда хотят все «поделить поровну», против частной собственности. Но стяжателей не любили, богатых ненавидели, а бедным старались помогать, чем могли, всей общиной. В «Домострое», кстати, такая помощь названа для подлинно православного обязательной. У Николая Некрасова есть любопытная поэма о справном мужике Акиме, который долго отказывал себе во всем, копил, богател и нако-

нец — от отвращения к самому себе и своему богатству повесился. Ничто подобное невозможно в обществах с давно утвердившейся рыночной экономикой, хотя и там тоже гобсеки не в почете.

«Накопил — купил!» — этот лозунг, придуманный в СССР для сберегательных касс, не русский. Он — западный.

Русские привыкли обходиться малым и не стяжать, и потому что так учил Христос, и еще в силу исторических обстоятельств. Веками внешние враги, нападая на Русь, грабили народ подчистую. Веками народ боялся обустроиваться всерьез и вынужден был жить во временках, в землянках, в дешевых (лес рядом) деревянных домах, но ни в коем случае не в каменных «палатах», как в Европе. Это не означает, что на Руси не было «справных хозяев», т.е. людей относительно обеспеченных и умеющих делать деньги, у которых был дом то, что называется «полная чаша». На них и держалась вся экономика страны во все времена, но класс этот был традиционно немногочисленен и народом нелюбим. В великолепной повести Ивана Сергеевича Шмелева (1873—1950) «Лето Господне» мы находим удивительные по сочности слова картинки купеческого быта Москвы начала XX века. Вот лишь одна из них — подготовка к Великому посту. По ней можно судить не только о том изобилии, которым наслаждались купеческие чада и домочадцы, но и о тех традициях русского народа, которые были уничтожены в результате революции:

«В доме открыты форточки и слышен плачущий и зовущий благовест — по-мни... по-мни... Это жалостный колокол, по грешной душе плачет. Называется — постный благовест. Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному, до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы... Великий пост... В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, — великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа, и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, — такая прелесть. Я хватаю щепотками — хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... Мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябино-

вая. Постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины, а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то там «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая «рязань»... а «грешники» с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплой пустотою внутри!» Сколько слов ушло из русского языка вместе с этими обычаями!

Конечно, изобилие было привилегией немногих. Народ же в массе своей был либо просто, либо очень беден. «Голь перекатная», пролетарии, иначе говоря, неимущие, составляли основную массу русских. И для этой массы красть у подавлявшего ее государства у помещика, у капиталиста, просто у любого барина и хозяина, а затем уже и «у самих себя» во вроде бы всенародном Советском государстве, чтобы выжить, было всегда делом естественным. Тем более, что воровство традиционно было поголовным — воровали дворяне на государственной службе, чиновники, приказчики, полковые... И во времена Екатерины Великой можно было, как это сделал Карамзин, охарактеризовать положение в России одним словом: «Воруют...» И во времена Брежнева, а уж тем более Ельцина.

Не потому ли в народном сознании не выработалась ненависть к вору и разбойнику, которые, скорее, были героями для русских (официальные власти России именно «ворами» и «разбойниками» называли вожаков крестьянских восстаний и бунтов, а затем и прочих революционеров), чем преступниками?

Это отношение не просто к частной собственности, а, скорее, к недвижимости как к чему-то, с одной стороны, недолговечному (добро нажитое либо украдут, либо уничтожат, либо более сильные по суду или иной тяжбе отберут), а с другой — как к «неправедно нажитому» привело к тому, что семейное достояние, семейный капитал, то что во Франции именуется «patrimoine», в России оставалось привилегией царской семьи и дворянства. Вплоть до отмены крепостного права не могла по-настоящему подняться и русская буржуазия — купечество. Несмотря на то, что и во времена крепостного права в России существовали крепкие хозяйства казаков, вольных крестьян и крепостных, плативших оброк, они не сформировались как класс, а оставались небольшой прослойкой.

Недвижимость, «дворянские гнезда», если употреблять известный термин Ивана Тургенева, т.е. собственность в более широком смысле слова, были для крестьян-бунтарей символом врага. И поэтому они даже не разворачивали, а просто жгли родовые усадьбы помещиков. В том было, скорее, наказание собственника нищетой неимущих, чем попытка занять его место под солнцем. И заодно стихийная «русская справедливость» — обеспечение «социальной однородности» в общине пусть даже путем поджога имения «кровопийцы», разбогатевшего неправедным путем. В конце концов народная мудрость такие действия оправдывала: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». И в христианском мировоззрении прочно закрепилось положение известной притчи: «Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый попадет в Царство Божие».

Подобное отношение к собственности в России и помогло большевикам совершить «пролетарскую» революцию, т.е. революцию в интересах неимущих классов. Нелишне здесь напомнить, что слово «пролетариат», которое звучало так возвышенно в коммунистической пропаганде, происходит от латинского «proletarius», что означало «бедный гражданин», которого в Древнем Риме считали «не могущим принести никакой другой пользы, кроме производства детей». Лишь в ходе промышленной революции слово «пролетарий» стало адекватно понятию «человек, который живет только на зарплату», «рабочий».

Выкорчевывая с корнем класс собственников в России, большевики наделали массу глупостей и совершили несчетное количество бессмысленных преступлений из идеологических соображений, в ослеплении классовой ненавистью. В соответствии с заповедями коммунистического «Домостроя» на гигантских просторах Советского Союза было создано государство пролетариев в изначальном смысле этого слова. Государство, все граждане которого были неимущими. И которые неимущими остались, даже поделив между собой собственность существовавших до революции имущих классов. Простая арифметика могла бы подсказать, что в сравнении с огромной бедняцкой массой в России собственности было не так уж и много, чтобы при делении ее на эту массу резко повысить ее жизненный уровень. Да к тому же во время гражданской войны национальное богатство больше чем наполовину разграбили и уничтожили.

Объявив, что они строят общество будущего, большевики принялись в экономике, как умели, достраивать в России го-

сударственно-монополистический капитализм, а в плане социальном — обратились к опыту, увы, феодальному, монархическому.

Право в советском обществе заменила воля абсолютного властителя в лице партийного лидера. Частную собственность подменили привилегии. Передела собственности не потребовалось — все принадлежало государству, а государство, в полном соответствии с учением Маркса, коммунистическая партийная бюрократия, равно как и бюрократия прусская, «рассматривала, как свою частную собственность». В силу всего этого революция и превратилась в конечном итоге в контрреволюцию.

Любопытно, что все, как в известной басне Лафонтена (в России — тот же сюжет заимствовал в XIX веке Иван Крылов) началось с кусочка сыра. По личному указанию Ленина тем «ответственным работникам», которые в первые голодные годы революции работали, не щадя себя, по ночам, нашли возможность выдавать в качестве дополнительного пайка по кусочку сыра. Это была первая привилегия для номенклатуры правящей партии. От нее, как от корня всепроникающего сорняка, и выросли впоследствии спецраспределители, спецмагазины, спецполиклиники, вся советская «спецсистема».

Большевики, официально отринув религию и «русскую идею», не отвечавшую их понятиям о пролетарском интернационализме, разоружили русский народ морально. Если старики еще по старинке жили в соответствии с заповедями Христа, то молодежи приходилось искать моральные ориентиры в малодоступном для непосвященных марксизме. И хотя марксизм приспособил ряд положений христианства для своих нужд (например, переименовал Нагорную проповедь, поучая пролетариев, что им следует примириться с нехватками и неудобствами быта ради светлого будущего человечества, т.е. коммунизма, своего рода рая на земле), все же в основе своей это была наука ненависти. Пусть даже и классовой. И тут ни о какой терпимости, непротiwлении злу речи быть не могло, ибо коммунисты, не таясь, провозгласили, что насилие — это «повивальная бабка революции», а терпимость к классовым врагам — преступление перед пролетариатом. Моральные ориентиры поэтому у молодежи нарождавшегося советского государства были весьма своеобразными.

Великая интегрирующая сила русского народа со временем, как мы убедились, читая высказывания Иоанна Ладожского в предыдущей главе, приспособила даже марксизм к

«русскости» точно так же, как приспособлявала к ней при Ельцине западную демократию. Но интеграция эта далась русским большой кровью и в переносном смысле, и, увы, в самом прямом.

В результате множества противных самому человеческому существу перемен, постигших Россию в XX веке, на ее просторах возникло государство качественно иного типа в сравнении со всем предыдущим человеческим опытом.

Грандиозная культурная революция, невиданный в истории размах индустриализации страны, гигантская ломка прежних ценностей и понятий, первоначально увлекла народ, заразила его тем революционным энтузиазмом, который теперь уже стал хрестоматийным. Во многом он был обусловлен не столько «революционным порывом», сколько извечной верой русских в то, что они-то именно и должны показать пример всем другим народам. Советская пропаганда, кстати, этот тезис использовала на все сто процентов вплоть до последнего дня «перестройки». (Так, Горбачев не раз заявлял, что вслед за Советским Союзом и все остальные народы примутся «перестраиваться» в соответствии с разработанной им и его горе-идеологами моделью «нео-конвергенции».) Мессианству коммунисты никогда не были чужды. И тут энтузиазма им было не занимать.

Однако по мере того как революция превращалась в стабильное полицейское государство, энтузиазм масс терял самое свое главное качество — он шел уже не от души, а планировался «сверху». Шло становление бюрократического социализма, в рамках которого профессиональные бюрократы умудрялись все достижения общества и все человеческие достоинства его граждан превращать в их противоположность. Вся история развития социализма в России — это подтверждение тех слов Дицгена-младшего, которого любил цитировать К. Маркс: «Любая идея, если ее довести до абсурда, превращается в свою противоположность».

ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА

По парадоксу вещей у нас в России долгие годы после крушения социализма продолжали (причем не только коммунисты и близкие к ним ученые, такие, как академик Львов, Александр Зиновьев) говорить о бесспорных достижениях социализма. Никто этого, кроме дураков и неучей, отрицать

не сможет. Но вот о чем практически не говорят, так это о причинах его ранней смерти. Почему столь совершенная, как считает А. Зиновьев, система все-таки развалилась, и наш народ простился с ней поначалу без сожаления, наслаждаясь вновь обретенной свободой? Это потом уже начали вспоминать об утраченных социальных благах, которые воспринимались в СССР как нечто богом данное — от бесплатного жилья и гарантированной занятости до бесплатного обучения и медобслуживания.

Государственное регулирование и регламентирование всех аспектов жизни всех советских граждан, с одной стороны, вроде бы было направлено на общее благо. А с другой — патернализм Советского государства был настолько гипертрофирован, что со временем стал непосильным экономическим бременем для страны и только тормозил тем самым рост благосостояния граждан. Заодно — государственный патернализм тормозил их инициативу и даже за нее наказывал, особенно если таковая не соответствовала «социалистическому духу», например, была направлена на обеспечение прибыльности предприятия. Тысячи предприимчивых руководителей производства оказались за решеткой в брежневские годы именно по этой причине. Затем, когда при Черненко заговорили о том, что «экономика должна быть экономной» — сказать «прибыльной» партийный язык не поворачивался, — инициативу уже никто проявлять не хотел. Все мы пришли к типично советскому выводу: «Инициатива наказуема», и без указания сверху старались ничего не предпринимать. А указания в СССР всегда шли сверху, даже если формально инициатива исходила снизу. Не случайно и «перестройка» Горбачева им-самим была названа «революцией сверху».

За подавление разумного рано или поздно приходится платить. В том числе и тем, что на партийных и государственных постах все чаще оказывались дремуче некомпетентные люди. Только слепые не видели, что строительство социализма в СССР с каждым годом все больше напоминало строительство потемкинской деревни общесоюзных масштабов. Разочарование в революции, в социализме для многих русских людей обернулось безверием, уходом в себя, отчуждением, одним из зримых проявлений которого стало тотальное российское пьянство. Народ спивался целыми деревнями, целыми районами и областями. Самоуничтожался.

На марксистском языке все это называется «отчуждением трудящихся от средств производства и от результатов собственного труда». В дореволюционной России при «эксплуа-

таторах» оно было понятно — не для себя рабочий трудился, а «на хозяина». Для того вроде бы и совершалась «пролетарская революция», чтобы это отчуждение преодолеть, создать такие условия, когда «труд станет потребностью, а не повинностью», станет «творчеством, радостью, а не средством добычи пропитания». Мечта прекрасная.

Однако и при реальном социализме отчуждение не только осталось, но еще и усилилось. Теоретики марксизма в Советском Союзе категорически это отрицали. Но никуда было не уйти от фактов: раз уж исторически право собственности ни в народном сознании, ни в законодательстве у нас никак не могло стать «священным», то уж государственная, или, как говорили пропагандисты, «общенародная» собственность воспринималась в лучшем случае, как ничья. Поэтому и отношение к ней было соответствующее. Ее могли испортить, просто изуродовать в припадке бессмысленного вандализма либо украсть. Даже не потому, что нужда заставляла. Просто эта «ничья» собственность подавляла, мешала жить «как людям». Советский человек оказался привязан к ней фактической трудовой повинностью и коммунистическим принципом «Кто не работает, тот не ест». Такого рода несвобода была невыносимой, даже если ее истолковывали как «подлинную свободу», которая-де немыслима, согласно марксизму, иначе как «осознанная необходимость» трудиться «во имя будущего», «на благо Родины» и т. д. В результате национальное достояние, у которого не было по сути дела хозяина, никто не берег, кроме сторожей. Оно разрушалось и расточалось, его расхищали и откровенно грабили. Росло оно в последние годы существования СССР только на бумаге — в парадных докладах на съездах партии и в отчетах к революционным праздникам.

ПО РЕЦЕПТАМ ГОСПОДИНА ШИГАЛЕВА

Судорога патриотизма сжимала горло советского человека, когда он слышал оптимистические пропагандистские песни, в которых были и такие слова:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

Условный рефлекс благонадежности не мог, однако, даже в жестокие сталинские годы подавить извечный русский вопрос: «А правильно ли мы живем?» И над этим вопросом мучался весь советский народ, а не только наша интеллигенция. «Жить не по лжи!», как долго и безрезультатно призывал Александр Солженицын, смогли единицы. Большинство русских людей ушло в глухую оппозицию, в своего рода духовное подполье, в котором продолжала вызревать «русская идея». В этой оппозиции главная причина того, почему русский народ не пошел спасать коммунизм, когда его принялись гроить демократы. Загадка «советского дуализма» (одной рукой голосуем «за», а другой — держим фигу в кармане) была обусловлена вопиющим несоответствием официальной пропаганды «достижений реального социализма» и реальным положением дел в СССР, который был вовсе не народным, а типично бюрократическим государством. Народ познавал это не в теории, а на своей собственной шкуре.

Крестьянин скреб затылок, слушая эти шлагеры Агитпропа, в недоумении: если он хозяин на всей советской и конкретно на своей колхозной земле, то почему его жену могли по советским законам (имеется ввиду известный сталинский закон от 7 августа 1932 года, названный в народе «Законом о трех колосках») посадить в тюрьму только за то, что она собрала для дома несколько колосков, оставшихся на поле после уборки урожая пшеницы?

Крестьянин мыслил не поэтическими образами и абстрактными категориями, а конкретно. Жизнь же убеждала его, что песенки ему поют лживые. В то время, когда у него дети пухли с голоду, действительные хозяева Страны Советов, секретари обкомов и райкомов партии, могли (замечу, справедливости ради, так поступали не все, немало было среди партийных работников и честных людей) бесстыдно увезти с его колхозного скотного двора кур и мясо, молоко и творог, которые он, крестьянин, только производил, но потреблять не имел возможности.

Рабочий знал, что директор его завода может использовать принадлежащие государству материалы для ремонта своей личной квартиры и дачи, равно как и его рабочую силу. Между тем он, честный труженик, может попасть в тюрьму, если вынесет с этого завода гвоздь.

До известных реформ Хрущева социализм в СССР во многом развивался по высмеянным Достоевским рецептам господина Шигалева, откуда пошел термин «шигалеvщина». Он предлагал (я цитирую здесь «Бесы» Достоевского) «в виде

конечного разрешения вопроса о социальном устройстве будущего общества разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как первобытного рая, хотя впрочем и будут работать» (*Достоевский Ф. М. Бесы*. Париж, Имка-Пресс.. С. 428).

Во времена Сталина рецепты Шигалева были «усовершенствованы» до масштабов ГУЛАГа. И страной правила даже не одна десятая населения, а всего лишь десятка приближенных Сталина, да и те никогда не могли сказать со стопроцентной уверенностью, что вернутся с очередного застолья на сталинской даче к себе домой, а не в тюрьму на Лубянке..

Отмечу объективности ради, что свой вариант «шигалевщины» существует и в развитых демократиях. Так, американский журнал «Форбс мэгэзин» сообщил в сентябре 1984 года, что всего лишь 400 американцев владеют личным состоянием в 125 миллиардов долларов, в то время как все остальные граждане страны смогли накопить на своих личных счетах в банках в общей сложности 126 миллиардов долларов. Свобода всех «остальных граждан» США, да и всего мира, в этих условиях действительно может оказаться под угрозой. В России были приняты те же «правила игры» после 1991 г. И уже в 2004 г. в русском издании «Форбс» появился список 100 самых богатых русских, в том числе 25 миллиардеров.

Реформы Хрущева, конечно, в сравнении со сталинским режимом были прогрессивными. Но по сути дела он от схемы Шигалева не отошел. Даже если предположить, что страной правила вся Коммунистическая партия Советского Союза — а это было не так, правила все же только верхушка, партаппарат т. е. партократия, — то в численном отношении она все равно составляла всего лишь 5—6 процентов населения. То есть даже не «одну десятую», по Шигалеву, а одну двадцатую населения страны.

И, как ни старались сталинские, а затем хрущевские, брежневские и прочие шигалевцы реализовать на практике (тут я снова цитирую Достоевского) «меры для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо посредством перевоспитания целых поколений» («Бесы, с. 428—429), русский народ все же умудрился сохранить свою волю к сопротивлению, хотя и относительно пассивному. Именно это качество так высоко ценил в нем Достоевский.

КАК РАЗВОРОВАЛИ СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Советский труженик, этот «гомо советикус», по определению Александра Зиновьева, все более отчуждаясь от социалистической собственности, стал ее все более активно разворовывать и просто портить. Начало этой бурной активности приходится как раз на хрущевские реформы. И именно при Хрущеве был принят ряд законов, ужесточающих наказание за хищение государственного имущества, в том числе «в особо опасных размерах», а также за спекуляцию иностранной валютой. К концу эры коммунизма в России хищение это достигло невиданных масштабов и массовости. «Несуны» готовы были вынести с заводов и фабрик, из колхозов и совхозов все. Так стихийная приватизация социалистической собственности началась задолго до того, как при Горбачеве с этим начали первые эксперименты (по данным Счетной палаты России, еще до развала СССР были приватизированы около 2000 государственных предприятий), а при Ельцине уже приняли закон, разрешивший это официально.

С начала 60-х годов в стране постепенно складывалась вторая экономика, которая напрямую зависела от «несунов» и от «черного рынка». Действовали не только подпольные частные магазины, гаражи и ателье, где можно было купить дефицитные запасные части как к отечественным, так и к иностранным машинам. Работали целые фабрики, и следователям ОБХСС — отделу министерства внутренних дел СССР по борьбе с хищениями социалистической собственности — первым в Советском Союзе пришлось столкнуться с такими понятиями, как «совместное предприятие», «маркетинг», «инвестиционный фонд», «дивиденды», «перевод прибыли в иностранные коммерческие банки» и т. д. Борьба с возродившимся в подполье капитализмом шла весьма активно. И тем не менее подпольные миллионеры типа того, что сыграл А. Миронов в «Берегись автомобиля», уже в то время научились мирно сосуществовать с «оборотнями в погонах».

На Западе, где самым внимательным образом изучали феномен советского капиталистического подполья в СССР, не представляли до поры масштабов рожденной в его недрах «второй экономики». На одну зарплату, которая была практически заморожена после 1960 года, прожить с каждым годом становилось труднее. Государство после того, как в начале 60-х годов Хрущев (конечно же «по просьбе трудящихся»)

повысил цены на мясо, молоко и масло, что больно ударило по семейному бюджету рядового труженика, цены тоже практически заморозило. Их, конечно, повышали время от времени ненамного, но по-жульнически, не объявляя об этом все-народно. И это можно было бы выдержать. Тяжелее было другое — развитие «второй экономики» резко повысило цены на «дефицит» и на разного рода услуги.

Люди всеми правдами и неправдами искали дополнительный заработок к основной зарплате, которую им выплачивало государство. В среде интеллигенции, где потребности на хорошую одежду, косметику, мебель, бытовые приборы, редкие книги, — т.е. на «дефицит» в советском понимании этого слова — особенно высоки, уже в 70-е годы редко можно было встретить человека, который не имел бы «халтуры», т.е. дополнительного заработка.

Актеры прирабатывали на «диких гастролях» и «левых» концертах в провинции. Учителя и профессора университетов давали частные уроки и готовили студентов к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения. Журналисты писали статьи и книги «налево», т.е. в другие издания, даже в рабочее время. А редакционные машинистки им все это, тоже «в свободное от работы время», но, конечно, не дома, а на работе, перепечатывали и, конечно, не бесплатно.

Художники писали за бешеные по тем временам деньги портреты «теневиков» и мафиози, их любовниц и родственников. Скульпторы их же портреты лепили и увековечивали в мраморе и бронзе.

Врачи подпольно делали аборт, по сходной цене восстанавливали девственность и занимались у себя дома иглоукалыванием, а интеллигентные шарлатаны из числа философов, логиков и прочих специалистов «нематериальных» профессий, которым украсть было нечего, пробавлялись и без врачебного диплома гипнозом, лечением биополем, внушением на расстоянии, астрологией и гаданием по китайской «Книге перемен».

Так как государство не справлялось ни с сервисом по гарантии, ни с обычным ремонтом бытовой техники, техническая интеллигенция занималась ремонтом стиральных машин и холодильников, телевизоров и приемников, магнитофонов, а в последнее время — компьютеров.

Рабочие готовы были «в свободное от работы время» быстро, но за соответствующую плату сделать ремонт в квартире, починить вечно протекавшие отопительные батареи и

бачки в туалетах, до которых у ЖЭКов (сокращение: жилищно-эксплуатационная контора. В ведении одного ЖЭКа в СССР обычно находилось техническое обслуживание и ремонт двух-трех десятков жилых зданий) никогда не доходили руки. И тем чаще не доходили, чем активнее работал «налево», в тех же домах, которые ЖЭК обслуживал, его инженерно-технический персонал.

То же самое происходило и на заводах, и в ремонтных мастерских, и в больницах и поликлиниках, и в государственных пошивочных ателье — всюду, даже на почте.

Так стихийно возник рынок услуг, который советской «патерналистской» бюрократией был не предусмотрен. Он далеко не всегда был подконтролен мафии или «теневикам» черного рынка и подпольной экономики. Он существовал повсюду. На каждом предприятии, в каждом учреждении люди так или иначе «работали налево». Государственное имущество во все возрастающих масштабах разворовывалось и использовалось для удовлетворения личных нужд частных граждан. Искус наживы оказался слишком сильным, и грехопадение приняло общенациональные масштабы. Воровали у государства с улыбкой под пропагандистскую песенку: «И все вокруг колхозное, и все вокруг мое». Государство уже не могло контролировать этот процесс. Тем более, что в него все активнее включались государственные служащие и партократия практически на всех уровнях. Единственное, что правящая элита сумела сделать в этих условиях, — это сделать вид, что никакой «второй экономики» в стране не существует, а есть «отдельные случаи нарушений законности». Государство не последовало американскому принципу: «Если не можешь победить противника, присоединись к нему». «Вторую экономику» не обложили налогом, потому что для этого пришлось бы ее признать официально. В результате она становилась все более серьезным конкурентом экономики государственной, которую вновь принесли в жертву идеологии.

Объективно «застой» времен Брежнева, о котором так много и презрительно говорил Горбачев, мотивируя необходимость «перестройки», был весьма динамичным периодом развития, но не советской, а именно теневой экономики, активным процессом первоначального накопления капитала, известного марксистам по периоду вызревания капитализма в недрах феодализма.

По парадоксу вещей российскому пролетарию, которому раньше действительно нечего было терять и он поэтому без

страха за свое имущество мог пойти на баррикады, именно в годы застоя удалось худо-бедно нажить кое-какое имущество. Ему все тяжелее было смотреть на то, как хорошие вещи портят, растаскивают по мере того, как государственное имущество остается бесхозным (т.е. не принадлежит никому) и разворовывается. Ему захотелось, наконец, стать хозяином не в пропагандистской песенке, а хотя бы на том заводе, на котором он работал.

Подобная делюмпенизация его сознания объясняется не только ростом левых заработков рядовых и далеко не рядовых тружеников в рамках «параллельной», второй экономики. Но и прежде всего тем, что благодаря государственному патернализму Советской власти качество жизни народа в СССР прогрессивно улучшалось.

Бытие определяет сознание. Но только в том случае, если человек имеет возможность соотнести свое бытие с бытием равного ему в социальном отношении человека в другом обществе, он может осознать преимущества и недостатки того общества, в котором живет. У советского человека такой возможности не было. Верные заветам ЧК «выездные комиссии» на всех уровнях — от райкомов до ЦК КПСС, — как атланты, держали в неприкосновенности «железный занавес» и «за бутор» пускали только «идейно выдержанных». В результате всего капитализм перестали воспринимать критически. Запретный плод сладок. От своего же — с души воротило. Казалось только естественным, что при социализме большинство населения было обеспечено практически бесплатным жильем. Всем без исключения предоставлено бесплатное образование на весьма приличном уровне. Иностранцев до сих пор поражает высокий образовательный уровень жителей СНГ, и это, кстати, как признают многие бизнесмены, одно из тех обстоятельств, которые благоприятствуют капиталовложениям прежде всего в России.

Медицинское обслуживание, здравоохранение вообще составляли желать много лучшего, но они были бесплатными, как были практически бесплатными ясли и детские сады, дома отдыха и санатории. В больнице можно было лежать месяцами, переносить не одну хирургическую операцию самой большой сложности — и тоже даром. В СССР (примерно с 1930 года) не было безработицы. Такая социальная защищенность, какой до войны и довольно долго после нее ни в Европе, ни в США не знали, в сочетании с постоянным и гарантированным заработком многим советским людям позволили приобрести элементарное личное имущество. А это действительно

достижение, если учесть, что многомиллионные массы народа были гольтьбой, пролетариями в полном смысле этого слова. Герои сталинских пятилеток годами жили в брезентовых палатках на стройках и на лесозаготовках, фактически там существовал лагерный режим. Никакого личного имущества, кроме разве того, что умещается в рюкзаке, у подавляющего большинства советских людей не было.

Параллельно с этим общесоюзным трудовым лагерем существовало многомиллионное и абсолютно нищее население лагерей ГУЛАГа, которое стало выходить на свободу только после XX съезда партии (февраль 1956 г.). Безысходной нищеты достигло колхозное крестьянство. Деревни вымирали, по всей России стояли брошенные крестьянские дома с забитыми окнами.

Не буду утомлять читателя цифрами советской статистики, тем более, что все в них на веру принимать нельзя, но вынужденный поворот Хрущева к «курсу на обеспечение материального благосостояния трудящихся» был не просто пропагандистской кампанией. Власти все же сумели сделать трезвые выводы из вооруженных восстаний в ГУЛАГе в середине 50-х годов и после расстрелянной демонстрации в Новочеркасске (1962 г.).

В 70—80-х годах уже можно было увидеть первые результаты этого курса практически в каждой семье. У многих советских людей после нищей жизни в коммуналках появляются отдельные квартиры с ваннами, душами, отдельными кухнями и туалетами. Кое-как сколоченные табуретки и колченогие столы, дедушкины шкафы и комоды, а то и просто поставленные в горку фибровые чемоданы уступают место модным мебельным гарнитурам. Они были достаточно доступны по цене, и государство, поощряя потребление, наконец разрешило потребительский кредит, который можно было получить по месту работы практически без процентов. Погашали его путем вычетов из зарплаты, и до погашения одного другого не давали. В результате произошел потребительский взрыв.

К началу 90-х годов практически каждая семья имела радиоприемник и телевизор, либо цветной, либо еще черно-белый. Более чем половина семей приобрела холодильники, стиральные машины, пылесосы, ковры и прочее личное имущество. Промышленность не успевала производить бытовые электроприборы. Они были разнообразными и хорошего качества. Из СССР эти товары, например, активно вывозили туристы из всех стран СЭВ. Автомобилей в свободной прода-

же в СССР не было, потому что их не хватало. Спрос превышал предложение почти на все.

К началу 90-х годов стало ясно, что величайшим достижением Советской власти стало создание в СССР нового класса богачей (только в Москве было официально зарегистрировано около 10 тысяч миллионеров из числа крупных ученых, кинорежиссеров, других работников искусств, писателей и т.д.) и весьма внушительного слоя имущих граждан.

Клань различных подпольных дельцов и воровские мафии существовали в России всегда и не исчезли при Советской власти, которая их искоренением занималась далеко не с таким упорством, как преследованием инакомыслящих и «врагов народа». Но за 70 лет «реального социализма» эти клань и мафии нажились чудовищно. Об их богатстве можно судить по некоторыми цифрам, которые нам, журналистам, были известны еще до «гласности». Взятка, данная пограничнику одним из мафиози за нелегальный переход границы в 1982 году, составила 100 тысяч рублей, что по официальному курсу составляло около 110 тысяч долларов (1 рубль тогда приравнивался к 0,90 доллара США), а по неофициальному — полмиллиона долларов. Ежедневный оборот одного «теневика», арестованного в Москве в 1983 году, составлял около миллиона рублей. И т. д.

В брежневские времена ходила такая байка об аресте «теневика». Следователь, производивший обыск в его доме, находит огромные суммы денег и спрашивает: «Ну и зачем же вы все эти деньги держали в мешке? Ни на что не тратили. Хотя бы «Волгу» себе купили» («Волга» тогда была такой же престижной машиной, хотя и отечественного производства, как «мерседес» в постсоветской России). Теневик понимает вопрос буквально, полагая, что речь идет не о машине, а о реке Волга и отвечает: «А зачем мне Волга, когда в ней рыбы нет?»

Уже по этому анекдоту можно себе представить, какие были у подпольных дельцов накопления.

Конечно, мафия не держала своих денег в государственных банках. Но граждане, зарабатывавшие себе на жизнь честным трудом, потихоньку деньги откладывали. И к началу 90-х годов сумма сбережений на личных вкладах граждан в три раза превышала государственный бюджет СССР, что хотя бы теоретически ставило государство перед постоянной угрозой банкротства. Несмотря на все ведомственные препоны, всюю шло строительство дач и «садовых домиков», бывало, даже трехэтажных.

Вчерашние пролетарии, конечно, о «палатах каменных» и помыслить не могли, но и у них появился вкус к потреблению. Альтруистические установки на помощь братским коммунистическим партиям и национально-освободительным движениям, т.е. по сути — на подготовку мировой революции, от которой в Кремле не отказались, несмотря на роспуск Коминтерна еще Сталиным, их уже не устраивали. Пролетарий еще не стал собственником в полном смысле этого слова, но уже не был неимущим. Он уже был готов участвовать в рыночных отношениях, активно потреблять, причем даже больше, чем ему было нужно.

Все это соответственно обернулось серьезными потерями духовности, которая традиционно русский народ возвышала. Но рынок идеалистов не терпит, хотя они и были, прежде всего в той крестьянской глубинке, которая всегда была источником русской духовности. Любопытное тому свидетельство, а заодно и картинку сельского быта 70—80х годов, мы находим в повести нашего писателя-деревенщика Валентина Распутина «Деньги для Марии». Вот что он пишет о главном ее герое — колхознике Кузьме:

«Кузьма не считал, что они живут плохо. Самое необходимое в доме есть, разутыми, раздетыми никто не ходит. Он никому не завидовал. К людям, живущим лучше его, он относился так же спокойно, как и к тем, кто выше его ростом. Если он не дорос до них, не ходить же ему теперь на цыпочках. В конце концов, каждый топчет свою дорожку.

Кузьма не понимал и не старался понять, как у людей остается сверх того, что уходит на жизнь. Для него самого деньги были только заплатками, которые ставятся на дырки, необходимостью для необходимости. Он мог думать о запасах хлеба и мяса — без этого нельзя обойтись, но мысли о запасах денег казались ему забавными, шутовскими, и он отмахивался от них». (Еще одно подтверждение, что Нагорная проповедь жила в народном сознании и при коммунизме.)

Вторая экономика, однако, все активнее вовлекала в свою орбиту и деревню. Таких идеалистов, как распутинский Кузьма, становилось все меньше на Руси. И тем не менее они составляли большинство населения СССР, да и постсоветской России тоже. Их не то чтобы неприспособленность, а их невосприятие денежных отношений для многих в неокapиTaлистической России обернулось трагедией и полным разорением. «С такими качествами русского народа, а он составляет в России стержень нации, стать рыночной страной, подтя-

нуться до западных стандартов практически невозможно», — отметил в уже упоминавшейся нашей беседе Александр Зиновьев. Он имел в виду, правда, еще и другие качества россиян, в частности ненадежность, наш вечный расчет на авось и неумение подчиняться. Попытки российских реформаторов в одночасье превратить нашего Кузюму в «западноида», т.е. человека современного индустриального общества, которого к рыночным отношениям готовят едва ли не с пеленок, были заранее обречены на провал именно в силу этого различия российского и западного «человеческого материала». Я говорю: к рынку «готовят с пеленок» не для красного словца. В 2003 г. во время суда по иску русской актрисы Захаровой, у которой отобрали ребенка во Франции и передали в другую семью на воспитание, *женщина-судья* (я подчеркиваю — женщина!), аргументируя это свое решение, сказала, что Захарова «слишком любит своего ребенка». Русскому человеку логика судьи покажется чудовищной. Захарова, услышав эти ее слова, воскликнула: «Так что же, во Франции любовь под запретом?!» Нет, конечно. Французы умеют любить и своих детей, и своих близких. Только по-своему, по-французски. С поправкой на то общество, в котором они живут. И судья исходила, оказывается, из того, что в современной Франции, полагаться на родительскую любовь не следует, если хочешь выжить и встать на ноги. Наша российская «коммунальность», как считают там, в «цивилизованном мире» только помешает юному гражданину справиться со своими проблемами, когда он столкнется с тем, что человек человеку не всегда брат во Христе, а может оказаться и волком, даже если этот волк твой ближайший родственник.

Страшный процесс превращения человека в оборотня с волчьими повадками начался у тех, кто «жил не по средствам» вместе с неумеренным по меркам Нагорной проповеди потреблением, «черным рынком» и тем подпольным бизнесом, в который с каждым годом вовлекалось все больше граждан СССР.

Для многих процесс этот прошел незамеченным. Даже весьма дотошные западные аналитики о нем практически промолчали. Лишь немногие, в частности Струоб Тэлбот, советник Клинтона по взаимоотношениям с бывшими социалистическими странами, уже в начале 80-х годов пришли к выводу о том, что по мере накопления капитала в рамках «теневой экономики» рано или поздно должен будет наступить такой момент, когда дельцы «черного рынка» потребуют себе и политической власти.

Это — правда. И именно это было одной из движущих пружин «Августовской революции» 1991 года. Хотя совершалась она не только в интересах «теневиков», а куда более широкого имущего класса, значительную часть которого составляла высшая и средняя партократия. Победа Ельцина в августе 1991 г. была бы невозможной, если бы Октябрьская революция 1917 года не выполнила своей исторической задачи — не осуществила бы трансформацию пролетариев в имущих. Выполнив ее, она исчерпала саму себя и должна была по логике истории уступить место другой революции. Предоставим будущим историкам судить, как назвать события августа 1991-го — заговором, бунтом, революцией или контрреволюцией.

Режиссер С. Говорухин назвал все происшедшее в России «великой криминальной революцией». В этом есть немалая доля истины, особенно, если учесть не только прорыв дельцов черного рынка, воров в законе и прочих уголовников к реальной экономической власти, но и ссыльно-лагерную традицию России. Не только при царе-батюшке, но и при Советской власти через лагеря, тюрьмы и ссылки так или иначе в СССР прошли миллионы людей, по некоторым подсчетам едва ли не одна пятая взрослого населения. Не будем забывать и о том, с чего начинал свой революционный путь товарищ Коба, Великий Реквизитор банковской наличности в пользу пролетарской революции, который, став уже Великим Инквизитором под именем Иосиф Сталин, говорил в привычной для Кобы мафиозной манере: «Нет человека, нет и проблемы...»

Солженицын писал: «Уголовники всегда были для советской власти «социально-близкими». В этом, увы, тоже одна из причин ее гибели и перерождения в чисто криминальную власть, в то, что еще один диссидент, Владимир Буковский, ставший одним из самых непримиримых критиков ельцинского режима, назвал «клептократией».

С 1985 года, с начала горбачевской «перестройки», идет эта игра терминами, ибо никто не может на переходном этапе сказать, во что все это выльется. Поэтому, обратившись к русской истории, возьмем всем нам понятный термин — Смута.

Смута — это еще не революция. И она возникает прежде всего при нарушении внутренней стабильности государства вследствие ослабления либо некомпетентности центральной власти и девальвации прежних ценностных ориентаций. В СССР перед его развалом налицо было и то, и другое, и третье...

Вопрос о собственности в первую очередь на средства производства марксисты не случайно считают кардинальным в любой революции. Отношение к собственности и ее распределение в обществе между гражданами, с одной стороны, и между гражданами и государством — с другой, как и проблема распределения национального дохода, вопрос вопросов стабильности любого государства, любой политической системы. Но, если мотором рыночной экономики, всего капиталистического производства движут денежные отношения, то в социалистическом мире доминируют правящая партия, которая объективно и распоряжается всем и вся, и идеология, оправдывающая это ее господство. Без коммунистической идеологии, без партаппарата, который умудрялся подменять нормальные денежные и даже производственные отношения «энтузиазмом масс», без репрессивного аппарата при социализме просто все бы развалилось.

В конечном итоге, как известно, именно это и произошло. Отчуждение советских пролетариев от созданного вроде бы в их интересах государства сопровождалось прогрессирующим отчуждением и от коммунистической идеологии. И произошло это вовсе не потому, что коммунизм как форма социальной справедливости был для русского народа, других народов СССР неприемлем, а марксизм — непонятен. В конце концов любая идеология, как и религия, существуют как бы в двух вариантах. Один — упрощенный — для масс, другой — для жрецов. «Жрецы» владеют философскими категориями. Но для масс они не только недоступны, но и не нужны. Задача любого пастыря — свести эти категории до стереотипов, чтобы Бог стал близок и понятен для неофитов. Подъем к высшему знанию возможен только с низшей ступени. Это — азбука.

Но ни в религии, ни в идеологии никак нельзя допускать противоречия между теорией и жизненной практикой. Атеистами становятся не потому, что Бог плох, а потому, что плох поп.

Практика коммунизма в Советском Союзе во многом была построена на лжи и нарушенных обещаниях. Лозунг самой Октябрьской революции «Земля — крестьянам! Заводы — рабочим!» был извращен. И то и другое было формально передано им «в вечное пользование», но юридически принадлежало «народному государству», а на практике ими распоряжалась партия, точнее, ее лидеры. Даже землей русской они распоря-

жались по своему усмотрению. Вспомним, как Ленин, а затем Сталин кроили карту СССР, выдумывая «национальные границы» для автономий и советских республик, которые иной раз как государственные образования и не существовали никогда. С историей при этом большевики не считались. Достаточно вспомнить, как в 1925 году Киргизию переименовали в Казахскую АССР. Хрущев умудрился подарить Крым Украине. А сколько там было пролито русской крови! И сколько в результате возникло у России проблем с Севастополем после развала СССР. Горбачев с Шеварднадзе, никого не спросив, взяли и отдали шельф Берингова моря американцам. Если бы не остановили вовремя Ельцина, то одним сговором в Беловежской пуще развал России не ограничился бы. Он раздавал бы «суверенитеты» до тех пор, пока от России не осталась бы одна Москва.

Подхваченный большевиками лозунг Великой Французской революции «Свобода, Равенство, Братство!» также не был реализован на практике. При нашем социализме не было ни того, ни другого, ни третьего. Как малосимпатичные персонажи известной повести Дж. Оруэлла «Скотный двор», большевики по-своему «отредактировали» эти лозунги.

«Свобода и демократия — в интересах рабочего класса» обернулись ГУЛАГом и террором против инакомыслящих, полным отсутствием личностных прав и гражданских свобод, ликвидацией права на частную собственность, которая якобы мешала добиться полного равенства граждан.

Равенство же понималось в точном соответствии со свинской формулой Оруэлла: «Все равны, но некоторые более равны, чем другие». В результате одни жили в Советском Союзе в роскошных квартирах и разъезжали в черных лимузинах, а другие жили в общежитиях и коммуналках, иной раз по две семьи в одной комнате без всяких удобств и могли позволить себе лишь общественный транспорт.

В уровнях потребления, питания, прежде всего, медицинского обслуживания, неравенство между советскими «патрициями» и советским «плебсом» росло все заметнее, по мере того, как партократия и государственные чиновники, которых при Сталине держали в «черном теле», откровенно обуржуазивались. Тем самым они тоже готовили «Августовскую революцию». Именно им предстояло стать впоследствии «демократами», руководителями «совместных предприятий», банков, бирж и отечественных фирм. И конечно, их детям перешли «в наследство» и награбленные блага, и «партийные деньги»...

Партократов еще до распада СССР народ воспринимал, как «буржуев». И ясно, что наши пропагандистские байки о «равенстве» советских граждан, как и рассказы о страданиях негритянской бедноты на фоне роскоши миллионеров США уже никого не убеждали.

Братства, в общем-то, тоже не было. О нем только говорили на всех перекрестках, но все знали, как с этим было на деле. Такие русские старинные пословицы, как «гусь свинье не товарищ», «не лезь со свиным рылом в калашный ряд» и «богатый бедного не разумеет» не утратили своей актуальности и в советский период. И все это, вместе взятое, было первопричиной того, что русский народ отвернулся от коммунизма, ибо перестал верить партии коммунистов и потерял к ней всякое уважение.

Да и сама партия теряла веру в провозглашенные ею же самой идеалы. Партийный аппарат использовал коммунистическую фразеологию, как в Пруссии и царской России чиновники использовали мундир — без него на службе и на людях появляться было нельзя. Но в марксизме они ничего не понимали и понимать не хотели. Для власти, как они считали, он им был не нужен. Партия поэтому постепенно вырождалась в управленческо-бюрократический аппарат, теряя окончательно все признаки политической партии, кроме, разве организационных.

Людей, действительно знавших марксизм и веривших в коммунизм, партократы терпеть не могли. Такие блестящие теоретики марксизма, как Рой Медведев, такие философы, как Александр Зиновьев, считавшие себя по праву истинными коммунистами, оказывались в положении диссидентов. Такие, как Ричард Косолапов, — в опале. В партийных «низах» разложение партийной верхушки вызывало открытый ропот. (Горбачеву удалось ненадолго остановить волну добровольных выходов из партии, но уже в 1990—1991 годах, еще до августа, до запрета КПСС, это стало явлением массовым и с 18 миллионов партия сократилась до 15 млн. человек.)

До поры до времени выражать разочарование коммунизмом вслух было просто опасно. И до того, как перестройка эту опасность ликвидировала, люди жили как бы в двух мирах одновременно по законам «советского дуализма».

Один был виртуально-официальным. Там советский народ существовал как новое «социально-историческое единство» и на все постановления партии откликался решительным «Одобрям-с!» Наши пролетарии привычно соединялись с

«пролетариями всех стран», «боролись за мир» и «счастливое детство», «проявляли солидарность» по отношению ко всем, кому это требовалось, и выражали по команде сверху зарубежным супостатам и отечественным «диссидентам» свое всегда решительное «осуждение», «возмущение», «негодование» и «протест».

Партия при этом была «нашим рулевым», а также «честью и совестью нашей эпохи», а «трезвость — нормой жизни». Газета была «не только коллективным пропагандистом, но и коллективным организатором».

У советских была «собственная гордость» и «на буржуев они смотрели свысока». Все мы шли «навстречу» очередному съезду партии и выполняли решения предыдущего с тем, чтобы еще быстрее продвинуться на нашем общенародном пути «вперед, к победе коммунизма!». (В кавычки я взял только те штампы, которые не сходили со страниц наших газет.)

А был при этом и мир дру. ой, реальный. В нем люди жили трудной и беспокойной жизнью, едва сводя концы с концами. Они жили от получки до получки, стараясь не особенно залезать при этом в долги. И тем не менее залезали, потому что всегда жили не по средствам, не особенно заботясь о «черном дне». Все знали, что уж чего-чего, а работу можно найти всегда. Пусть даже такую, где начальники «делают вид, что платят», а все остальные «делают вид, что работают». Жить с ощущением такой твердой уверенности в завтрашнем дне было легко и радостно. Но денег это, увы, не прибавляло. И поэтому у большинства советских людей не исчезало озабоченное выражение лица, которое объяснялось постоянно глодавшей их мыслью — у кого бы занять?

Большую часть своего свободного времени люди проводили в очередях, потому что в Советском Союзе не покупали, как это принято во всем мире, а «доставали», штурмуя прилавки с «дефицитом» и самым обычным кефиром, который продавцы не продавали, а «давали». В магазине люди сначала вставали в очередь, а потом спрашивали: «А чего дают?» Надо ли говорить о том, насколько унижало все это человеческое достоинство каждого советского человека, и как это умалило, подобно шагреновой коже, их «коммунистическую убежденность». При Горбачеве эта убежденность и вовсе сошла на нет. Тем более что к началу 90-х годов все чаще не «давали» ничего, и прилавки были даже в Москве пустыми, не говоря уже о провинции. Исключение составляли только те, для кого существовали закрытые распределители и продуктов питания, и заморского «дефицита». Но те тоже не покупали, а «брали».

За это первые — тихо спали на партийных и общих собраниях, а вторые выступали на них с докладами. Про коммунизм и про всех генеральных секретарей люди сочиняли анекдоты и рассказывали их, не особо уже, после Сталина, побаиваясь КГБ.

Тем не менее никто не лез на рожон, понимая, что в обществе более трех человек наверняка найдется либо стукач, либо «идейный», что в общем было одно и то же. С той лишь разницей, что к «идейным» относились попросту, как к больным, и всерьез на них не реагировали. По телефону с учетом всего этого говорили осторожно, с заграницей старались не переписываться, но зато, если удавалось, ездили туда с удовольствием и потом вздыхали с тоской и завистью: «Вот там — жизнь! А у нас...»

О «тамошней жизни», как говорили у нас, «жизни за бутром», никто квалифицированно судить не мог — судили по витринам и рекламам. Но эти аргументы были куда доходчивее постулатов диалектического материализма и политэкономии и потому уже лучше убеждали.

Все считали, что газеты врут и поэтому, если и читали, то только официальные сообщения, а также то, что именовалось «чтивом», и, конечно, все про спорт и погоду. Вот поэтому даже действительно аргументированная информация, которую публиковали партийные газеты в СССР, надеясь убедить людей, что капитализм — это не рай на земле, а весьма жесткая система, в которой нелегко выжить, в одно ухо советского человека влетала, а из другого, не задерживаясь в памяти, вылетала. И со временем за это неверие нам пришлось дорого заплатить.

Диссидентскую литературу тоже особенно не читали, хотя, если удавалось достать, не отказывались. Зато все слушали «голоса из-за бугра», прежде всего «Голос Америки» и «Би-би-си» на русском языке и «Свободу». Одной рукой народ «единодушно» голосовал за коммунизм, а другую держал в кармане, складывая в нем «фигу» внутреннего протеста, незаметную для КГБ.

Конечно, картина эта весьма упрощенная, схематическая. Но она тем не менее помогает понять, почему «демократы» уже в ходе «перестройки» так легко взяли идеологические «брустверы» КПСС и укрепились на тех командных высотах в обществе, которые она прежде полностью контролировала. Но и «демократы» были из тех же коммунистов, а точнее — из тех же партocrats. Коммунисты же рядовые, необученные просто растворились в безликой деполитизированной массе,

как только КПСС была объявлена вне закона. Партократия, между тем, не растворилась, а перекрасилась. Она потеряла только тех, кто стоял на самой вершине ее иерархической лестницы, да часть среднего звена. Остальное — сохранила, чтобы отрастить новые головы, подобно мифической гидре. Согласно постсоветской российской статистике 80% высших и средних партийных работников перешли посла распада СССР на руководящую работу в новые госструктуры и в частные фирмы. Новую кровь «красной гидре» дали не невесты откуда взявшиеся «демократы», а те «молодые и подающие надежды», которым суждено было в условиях сначала брежневской, а потом и андроповско-черненко-ской геронтократии сидеть в мальчиках на побегушках до греческих календ. Можно себе представить, как эти «мальчики» ненавидели Советскую власть и воспитавшую их КПСС. Можно понять, почему поспешил занять кабинет Суслова провинциальный «марксист» Бурбулис.

Идеологический маятник качнулся вправо, и о социализме принялись говорить такими же ругательными словами, как раньше о капитализме. Хотя все знали, что достижения советского периода нашей истории общепризнанны и достойны всяческой похвалы.

По русской традиции, «демократы» впали в ту же иллюзию, что и Агитпроп, полагая, что россияне их «единодушно поддерживают и одобряют». Именно с этой целью они то и дело проводили «всенародные опросы» по телефону и почте, по которым вроде бы все так и получалось. Но у КПСС тоже так все получалось. Однако россияне не бросились ее спасать, когда припекло. И вернись коммунисты к власти каким-то образом и начини они громить демократов-ельцинистов, их тоже спасать не пошли бы.

Подобное равнодушие — не только показатель политической апатии, традиционной для русских. Дело в том, что взаимоотношения власти и народа на Руси никогда не были гармоничными. Народ от власти не ждал ничего, кроме поборов и повинностей. Власть требовала покорности, повиновения и почтения. У массы и элиты, таким образом, интересы не совпадали. Потому и государственная идея, как царской, так затем советской, а теперь и демократической элиты — ставить общие интересы выше частных (по Петру Великому), потерпеть ради «мировой революции» (по Ленину) или «ради реформ» (по Ельцину) неизменно воспринималась народом только, как очередная декретированная сверху повинность, но не как его, народа, жизненная необходимость.

Народ шел на добровольные жертвы «во имя царя и отечества» (революции, реформ и т.д.) либо в периоды войн и нашествий, когда возникала конкретная угроза самому его существованию. В остальных случаях он предпочитал, чтобы его оставили в покое. Всем миром могли по традиции помочь соседу, голодающим ближайшей волости, погорельцам. Но общенациональная мобилизация времен сталинских пятилеток носила, как правило, добровольно-принудительный характер.

Русские люди, вопреки всем надеждам идеологов «Русского национального собора» и других близких ему организаций и партий, не восстали против сговора в Беловежской пуще в 1991 году, по сути дела молчаливо высказались за развал Советского Союза. Тем самым они фактически отказались от своей роли соборного народа и от укрепления той русской имперской государственности, которая строилась веками сначала царской Россией, а потом уже Советским Союзом.

Чем это объясняется? Тем, что русский народ устал и выдохся исторически или устал от исторического обмана? Думаю, что, скорее, второе. Всем надоело жить «для человечества» и «для дяди». Захотелось немного пожить для себя. Традиционный альтруизм по ряду причин, о которых мы говорили, в том числе в результате депролетаризации пролетариев, уступил на время место национальному эгоизму. В жизни великих наций это бывает. В общем, как в «Клопе» Маяковского: «Шел я верхом, шел я низом, строил мост в социализм. Строил, строил и устал, и уселся у моста...»

Периоды такого всеобщего разочарования в России исторически недолги. Русский человек, как тот воробей, который поначалу замерз, а потом в коровьей лепешке отогрелся и зачирикал. Тут главное, чтоб лиса не съела. Без идеи русскому жить нельзя. Поговорить будет не о чем. Ведь, как говорил Гегель, «все, что есть истинного, великого и божественного в жизни, становится таковым через идею». Русскому человеку это очень близко.

Вот возродилась вновь «русская идея», в которой заложена огромная животворная сила. В противовес ей новый класс российских собственников выдвигает идею либеральную. Есть немало и других идей, которые еще ждут своего часа. (Оговорюсь, что использую этот термин, скорее, в идеологическом контексте, а не в строго философском смысле, как у Гегеля. Точно также я не рискнул бы употреблять гегелевский термин «абсолютная идея» в отношении «русской идеи», чем грешат некоторые идеологи национал-патриотов.)

Народ же по-прежнему мечтает — со времен первых наших бунтарей — о государстве, которое действительно будет народным, но одновременно и управляемым народом, а не неким авторитарным властителем от его имени. Приход к такому государству не будет скорым, ибо для этого русским надо преодолеть их вечное отчуждение от власти, от собственности и от политики. А также, что, пожалуй, самое страшное, отчуждение последнего времени и друг от друга.

Это станет возможным только при той новой духовности, которая придет с формированием новой свободы, в которой свобода личности и духа соединится со всеми гражданскими, правами, включая право на здоровую окружающую среду, с социальными и политическими свободами. Это придет. Но, ясно, не сразу.

Российская Смуга конца XX века — это, скорее всего очередной поиск русским народом ответа на свой извечный вопрос, правильно ли он живет. То, что жить так, как он жил при «реальном социализме» было нельзя, он понял, но как надо жить иначе — не знал. Начался поиск, в котором, как это уже не раз бывало в русской истории, первые готовые рецепты предложили жулики и политические проходимцы, авантюристы и шизофреники, юродивые и самозванцы.

Результатом стала национальная катастрофа, из которой выбираться придется долго и многим на этом пути пожертвовать. В том числе, увы, на весьма обозримое время и прежним величием. Россия воспрянет только в том случае, если сохранит свою самобытность, но при этом не потеряет вновь обретенной открытости внешнему миру. Во многом это — плавание между Сциллой и Харибдой.

Глава 4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБШМЫГИ В КРЕМЛЕ

Россия страдает от того, что Строб Тэлбот (Strobe Talbott), бывший заместитель государственного секретаря и специалист по России, называет «эффектом Родни Дэнжерфилда» (Rodney Dangerfield): ее не уважают.

Ричард Халбрук, «Washington Post»

Спор о том, каким путем идти России — исконно русским либо западным, столь же давно ведется, как спор между православием и католицизмом. Борьба между славянофилами и западниками — всего лишь продолжение спора, начатого в XIX веке. В нем много, как всегда у нас, русских, крайностей и перегибов, что уже само по себе подводит к мысли о необходимости искать истину где-то посередине. Да и сама история учит тому же. Между тем многие идеологи национал-патриотов в России настолько ослеплены своей неприязнью ко всему западному, что не хотят видеть главного — и православие, и католицизм это прежде всего христианство. И именно это не позволяет России самоизолироваться от западной цивилизации, с которой у нас куда больше общего, чем, например, с китайской, индийской или японской. Но и от Востока нам никуда не уйти. Там нас держат и географическое положение нашей страны, и наша история. Россия обречена быть державой евроазиатской. Петр Столыпин говорил, что «наш орел, наследие Византии, орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

ГОНЕНИЯ НА «ЭЛИНСКИЕ НАУКИ»

Киевская Русь, а затем и Московское княжество Запада не чуждались. Русские князья не раз рождались с правящими династиями Европы. Во Франции все знают имя Анны Русской — Анны Ярославны, дочери великого князя Ярослава Мудрого, которая была женой короля Генриха Первого (с 1049 по 1060 гг.), а после его смерти правила Францией в малолетство своего сына, будущего короля Филиппа Первого. К концу династии Романовых русские цари породнились практически со всеми монархами Европы. Русская кровь есть даже у дальних родственников Наполеона Бонапарта.

Задолго до Петра Великого на Руси появлялись иностранные мастера и книжники, наемные специалисты в военном деле и архитектуре, в разного рода средневековых ремеслах и науках.

Русская православная церковь всячески противилась западному влиянию, стремясь сохранить в неприкосновенности только влияние греческое, которое она сама и проводила в религиозно-нравственных целях и для укрепления своего влияния. Но означало ли это, что Россия после крещения не имела связи с Западом? Нет, конечно. Об этом можно судить хотя бы по характеру древнерусского гражданского общества.

Судопроизводство и гражданское право уже в Киевской Руси сложилось во многом под влиянием греко-византийских законов. Но те, в свою очередь, были во многом основаны на римском праве.

После принятия православия (988—989 гг. н. э.) церковь, как основной, если не единственный источник культуры, принялась искоренять остатки язычества и в судопроизводстве. Ликвидирована была кровная месть, фактически вне закона было поставлено «поле», т. е. судебный поединок, в ходе которого стороны могли по древнему обычаю доказать свою правоту, и т. д. Но откуда церковь заимствовала образцы законов и уложений?

Частично — в «Законе Русском», который сложился еще при варягах. Но главным образом — в Византии. Поэтому первые своды русских законов, такие, как «Кормчая», «Русская Правда» и «Судебник» — это во многом византийские «Эклоги». А они, в свою очередь, брали за образец древнеримские «Институции Юстиниана», т. е. римское право. Русское право с учетом традиций заменило только наказания — вместо биче-

вания плетью ввело штрафы, существовавшие еще в «Законе Русском». Разве только в этом законы древних славян противоречили тогдашней европейской, западной цивилизации, порожденной Древним Римом и христианством. И наши славянофилы не правы поэтому, противопоставляя греческое римскому. И то, и другое в конце концов — европейский Запад. Корни у нас одни.

Другое дело, что древнерусская церковь в своей борьбе с язычеством отделяла греко-православное, византийское от древнегреческого, «эллинского». Но эта борьба с язычеством, к сожалению, религией не ограничилась.

В древнерусском наставлении для приобщающихся к наукам говорилось: «Богомерзостен перед Богом всякий, кто любит геометрию», утверждалось, что грех «учиться астрономии и эллинским книгам», а также «риторике и философии». «Домострой» запрещал даже игру в шахматы. Неославянофилы сейчас нередко вспоминают эти запреты с умилением, как пример мудрости наших предков, защищавших таким образом Россию от «тлетворного влияния Запада». При этом многие из них очень любят шахматы.

Любые охранительно-запретительные тенденции нельзя абсолютизировать. На Руси они появились не из-за каких-то особых генетических свойств русских. Они имели место и способствовали обособленности нашей нации, как от Запада, так и от Востока, в силу причин исторических. Православие, как единая религия, отличная от всех мировых, была принята основной массой древних славян. Это позволило им сохранить в неприкосновенности язык предков и сохраниться самим. Без такой «обособленности» и русскому народу было бы куда труднее выжить в период татаро-монгольского ига, постоянных войн русских князей между собой и с иноземными завоевателями. А главное — без единой для всех русских православной религии, не признававшей никаких ересей, невозможно было бы осуществить собирания русских земель воедино под рукой Великого Князя Московского, достичь русской государственности и державности.

В этом плане весьма показательна борьба Русской Православной Церкви и московских великих князей с новгородско-московской ересью (жидовствующими) конца XV — начала XVI века. Ее сторонники выступили против основных догматов православия (догмат о Пресвятой Троице, Божество Иисуса Христа, Его Воскресение и Страшный Суд и т. д.) и по сути против самой православной церкви. Иван III в своих целях

временно использовал «еретиков» для борьбы с противостоящим ему боярством и монастырями, со всем «удельным порядком», царившим на Русской земле. Но когда «жидовствующие» оказались помехой для его самодержавия и поставили под угрозу само собирание Руси воедино, он жестоко казнил еретиков, не гнушаясь даже такими восточными казнями, как сажание на кол. И тут Церковь целиком встала на его сторону, потому что в быстро распространявшейся ереси была прямая угроза и Православию, и России. Раздробленная на мелкие уделы, Русь не выдержала бы новых нашествий. Отмечу, что РПЦ и по сей день к любым отклонениям от догматов христианства вообще, а не только православия по-прежнему нетерпима. Как-то я попросил митрополита Питирима (вечная ему память!) разъяснить мне, как Православная церковь относится к таким религиям, как протестантство, кальвинизм, баптизм, к иеговистам и т. д. Его реакция была мгновенной: «Это все не религии — это ереси».

Как нередко бывает в истории, вчерашний фактор прогресса сегодня обращается в свою полную противоположность. Так случилось и с русскими охранителями заветов старины. Ключевский не случайно обращал внимание на столь уникально русское явление, как повторяемость, цикличность в нашей истории. Будто сам Господь наставлял нас таким образом на путь истинный, возвращая нацию к неусвоенным урокам старины. В XVI веке запреты «эллинских наук» привели к такой же геттоизации России в Европе, как четыре века спустя во время «холодной войны». Отгородившись от внешнего мира, она едва не оказалась жертвой собственной косности. Бурное развитие поднимающегося класса буржуазии в рамках еще феодальной Европы привело в XVI—XVII веках к столь же бурному развитию технического прогресса, который, как всегда, был использован в военных целях. Безопасность России оказалась под угрозой. И ей волей-неволей пришлось идти на выучку к Западу. Прекрасно об этом написано у Лескова в «Левше».

В советские времена Запад стал символом не только эллинских наук, но и антикоммунизма. И уже в силу этого все страны из «капиталистического окружения» Запада и Востока стали восприниматься как враждебные, что нередко сказывалось и на судьбе тех, кто там какое-то время жил, обучался или не дай Бог имел родственников за границей. Все это было равносильно не одной статье уголовного кодекса. На само общение с иностранцами был наложен тотальный запрет. Все контакты с заграницей поставлены под контроль КГБ, кото-

рый не ослабевал вплоть до развала СССР. Помимо чисто идеологических установок у такого запретительства были, конечно же и исторические корни. Общение с заграницей не поощрялось и в царской России. Великий Пушкин так и не сумел стать выездным. Не пустил его царь-батюшка посмотреть Европу. Только в конце XIX века многие ограничения на получение российского загранпаспорта были сняты. На русском менталитете (Чего я там не видел в ваших Парижах?) отразились и традиции нетерпимости Русской Православной Церкви к разного рода «богомерзостным» занятиям и «эллиническим» наукам.

В той духовной семинарии, в которой до революции учился Сталин, конечно о последствиях такого «запретительства» не задумывались. Но наверняка говорили о вреде «латинизации» и «западного влияния» для православных. Очевидно, что мировоззрение нашего будущего диктатора в немалой степени сформировалось под влиянием церкви, хотя и было впоследствии трансформировано марксизмом. Известно, что Сталин, побывавший в молодости в Европе, возненавидел Запад как современное воплощение Содома и Гоморры. И не только потому, что в Лондоне его избили до полусмерти пьяные матросы. Ксенофобия Сталина была порождена прежде всего его православным воспитанием, на которое наложилась идеологическая нетерпимость большевиков («кто не с нами — тот против нас»). Оказалась она настолько сильной, что после образования СССР Иосиф Виссарионович принял искоренять латинский алфавит даже в тех краях, где он был традиционно принят, например, в Молдавии, навязал кириллицу даже Монголии, где в 30-х годах коммунисты отказались от буддистской клинописи. Видимо, не случайно при Сталине начинали отгораживаться от «богомерзкого» Запада с того, что запретили западную философию, а заодно — всю европейскую науку, кроме чисто прикладной. Сталин, надо отдать ему должное понимал степень отсталости СССР от Запада. В феврале 1931 года, за 10 лет до начала Великой Отечественной, он во всеуслышанье заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Эти слова прозвучали всего через пару месяцев после процесса в конце 1930 г. над Промпартией (Промышленная партия, Союз инженерных организаций), в ходе которого лучшие ученые, организаторы производства и инженеры России были отправлены за решетку по обвинению во вредительстве. В это время Сталин еще посылал советских инженеров «учиться

хозяйствованию у капиталистов». В конце концов это была установка Ленина. Индустриализация страны проходила невероятно быстрыми темпами, во что внесли свой вклад тысячи иностранных специалистов, о которых, как правило, не говорили, воспевая только «руководство товарища Сталина» и «энтузиазм масс». Сталин готов был использовать самую современную западную технику, но без западных специалистов, сиречь «вредителей» и разносчиков идеологических бацилл. С началом 30-х годов их под различными предлогами стали отправлять на родину. Кое-кто не миновал и ГУЛАГа. В конечном итоге это не могло не привести к самоизоляции Советского Союза. Поставленные Сталиным задачи по многократному увеличению промышленного потенциала страны все чаще решались не столько с помощью наукоемких технологий и передовых производств, сколько за счет наращивания объема промышленного и сельскохозяйственного производства, т.е. пресловутого вала, что в долгосрочном плане только увековечивало нашу отсталость. Боязнь всего «западного» нередко приводила к тому, что даже в оборонной промышленности нашим «левшам» с трудом удавалось внедрять свои изобретения. Достаточно вспомнить, как тормозили создание прославленных «Катюш».

В книге Есакова и Рубинина «Капица, Кремль и наука» рассказывается, как нашего крупнейшего физика академика Капицу Сталин выманил из Кембриджа в Россию, куда тот приехал навестить свою мать, а обратно не пустил. Дело было в 1935 году, и Сталин, понимая, что дело идет к войне, принялся собирать российских ученых из эмиграции — кого в бериевские «шарашки», а кого в специально построенные под корифея научные центры, как Капицу. Всеми правдами и неправдами удалось вывезти из Кембриджа и его лабораторию, в том числе главный ее прибор — генератор сильных магнитных полей, который Капица построил своими руками. Есть символический снимок того времени — три лошади-тяжеловоза везут этот генератор на телеге на Ленинские горы, где был построен для Капицы Институт физических проблем. Для иллюстрации слов Сталина об отставании от Запада на 50—100 лет снимок этот подходил идеально.

После победы во Второй мировой войне Сталин отказался принимать помощь по плану Маршалла. Он вновь побоялся пойти на широкие контакты с Западом, т.к. опасался проникновения «растленного» западного влияния во все поры общества. Он прекрасно понимал, что в результате такого

внедрения чужих идей монополии коммунизма на истину было бы нелегко сохранить. Но опасность подстерегла коммунизм с другой стороны. За запрет «эллинских» наук ему пришлось заплатить самую дорогую цену — под угрозу было поставлено само его существование как политической системы и государства.

Известно, как НКВД незадолго до начала войны остановил работы над ракетами в СССР, отправив в ГУЛАГ всех тех, кто этим занимался во главе с отцом советской космонавтики Королевым. В ГУЛАГе оказались и видные теоретики в области ядерной физики. И если бы не наши разведчики, которые похитили у американцев не только все чертежи атомной бомбы, но и всю технологию ее производства вместе с образцами урана, бериллия и тяжелой воды, неизвестно, где бы сегодня была Россия. Вторая мировая война, конец которой совпал с началом ядерной эры, послевоенная гонка вооружений помогли выйти из бериевских «шарашек» нашим будущим лауреатам Сталинских премий в области ядерной физики. Иначе они бы так и сгнили в лагерях.

Куда меньше повезло тем, кто был отлучен от марксизма за мирные исследования. Сталинские ортодоксы объявили лженаукой генетику и кибернетику, системный анализ и социологию. Наши отечественные корифеи этих наук были объявлены врагами народа, как академик Вавилов, и отправлены в тюрьмы и ссылки. Их лаборатории громили при обысках.

В результате во всем комплексе сельскохозяйственных наук и прежде всего в агробиологии воцарились «учение» невежды Мичурина и «школа» академика Лысенко, которые довели нашу деревню до полного упадка. Запад активно развивал биогенетику, вплотную подошел к генной инженерии, а в России еще и в 80-х годах по старинке выводили морозоустойчивые сорта пшеницы и прививали на дичок «урожайные сорта» яблوك.

Весь этот разгул невежества и косности привел к резкому снижению производства зерновых в стране, всей сельскохозяйственной продукции и соответственно — к многолетним закупкам зерна и продовольствия в США, Канаде, Австралии, Западной Европе, в арабских странах. Все свои доходы от экспорта нефти, газа и продажи оружия Советский Союз попросту проедал.

Запрет кибернетики привел к самому страшному для России отставанию в области роботизации производства и компьютеризации страны. Спихватились много лет спустя

после смерти Сталина, когда смертельно больной Брежнев уже был просто в роли «короля-чурбана», а не правил. В начале 80-х годов СССР попытался наверстать упущенное, но, несмотря на все «героические усилия», сделать этого не смог. Бюрократическое администрирование науки, где тон нередко задавали невежды, губило научно-технический прогресс на корню. Часто причиной нашего отставания становилось элементарное самодурство советских лидеров. После катастрофы сверхзвукового пассажирского лайнера Туполева на авиасалоне в Бурже работы по созданию советского аналога «Конкорда» были прекращены в приказном порядке, «чтобы впредь не позориться», хотя никакой вины Туполева в том не было, а наш «Конкорд» был лучше англо-французского. За что и поплатился в Бурже. Так же поступили и с нашим космическим челноком, который тоже был куда лучше американской «Колумбии».

Россия — уникальная цивилизация. И не раз даже ее отсталость оборачивалась для нас преимуществом — мы не вкладывали деньги в бесперспективные технологии и сразу приступали к освоению перспективных, уже опробованных где-нибудь в США или Японии. И делали свое лучше. И все же в целом, несмотря на прорывы в космосе и в производстве вооружений, отставание СССР от Запада, где бурно развивались «эзлинские науки», зашло непростительно далеко.

Чернобыль и война в Ираке расставили все точки над «i» — в области ядерной энергетики и в военном отношении Советский Союз отстал на многие годы. Наконец, пришлось заплатить и за небрежение социологией и системным анализом. Коммунисты не смогли вовремя проанализировать грозящую стране и им лично опасность, и заплатились за это потерей власти и развалом СССР, происшедшим в точном соответствии с предсказаниями Нострадамуса, над которыми, конечно, коммунисты смеялись.

ЗНАКИ КАТАСТРОФЫ

Точно так же, как в XVII веке правители России спохватились, переборщив с «запретами», так и руководители СССР уже при Хрущеве, а особенно при Брежневе начали широкое идеологическое отступление по всему фронту. Оно шло неровно, но неотвратимо, пока не превратилось при Горбачеве в паническое бегство.

Утверждают, что его «перестройка» могла начаться сразу же после смерти Сталина в 1953 году, и сейчас есть ряд тому свидетельств. Даже тогдашний шеф НКВД Лаврентий Берия готовил нечто подобное. Среди его инициатив того времени — развенчание культа личности Сталина и освобождение первых политических заключенных, поощрение возвращения эмигрантов, отмена глушения западных радиостанций, объединение ГДР с Западной Германией, восстановление дружбы с Югославией, ослабление партийного контроля над жизнью общества и экономикой. Но всему свое время. Властный потенциал сталинской гвардии еще был слишком силен, и Берия был дискредитирован и уничтожен по старой схеме как «враг народа» практически без суда и следствия. Конечно, Берия не был демократом. Но он хорошо понимал, что после стольких лет сталинской диктатуры и репрессий, в которых он сам принимал активнейшее участие, необходимо смягчение режима, хотя бы на время. Его программа реформ и борьба за «новое мышление» были прежде всего борьбой за власть. Уже поэтому любые попытки его реабилитации, в том числе за счет его сомнительных лавров «первоперестройщика», лично мне глубоко противны. Черного кобеля не отмоешь добела. И палач даже с либеральными наклонностями в памяти потомков палачом и останется. А уж тем более такой кровавый, как Берия.

Незадолго до своей отставки и Никита Хрущев принялся колдовать с Конституцией СССР, куда он хотел вписать, по свидетельству близких к нему людей, едва ли не всю Декларацию прав человека и гражданина, а заодно узаконить сменяемость руководителей всех уровней и в партии и в государстве. Понятно, что в Политбюро Никите Сергеевичу не дали отредактировать Сталинскую Конституцию в срок. Его убрали со всех постов, поставили в положение изгоя, или non-person, как у Оруэлла, но все же не поставили к стенке. Система мягчала... На Западе попытку Хрущева внедрить в СССР демократию оценили и с удовольствием напечатали его известные «Мемуары», где все его нереализованные идеи были высказаны и впоследствии взяты на вооружение «перестройщиками».

Общение с Западом, правда, еще не на равных, а с позиции некоторого превосходства стало набирать темпы после XX съезда партии. Говорить о серьезном влиянии Запада в те годы на Советский Союз не приходится. И все же Запад понял главное: объявив правление Сталина преступным, Хрущев вынес приговор всему «реальному социализму». Как ни пытались преподнести Сталина в виде «искажителя» ленинских (а значит,

безупречно нравственных, что, ясно, не так) норм, народ неизбежно терял не столько веру в Сталина, сколько веру в коммунизм, которую в него вбивали с 1917 года. И хотя общение с Западом по-прежнему всячески сдерживалось и не поощрялось на неконтролируемом уровне, Россия, теряя своих коммунистических богов и данную ими веру, открывалась постепенно уже не только для общения с Западом, но и для западного влияния.

Чем одно отличается от другого? В.О. Ключевский уточняет: «Влияние наступает, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства (замечу, что именно с этого западное влияние начиналось в России в XVII веке, так же, как в Советском Союзе после смерти Сталина. — *Авт.*), но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, общественные отношения» (*Ключевский В. О. Цит. соч. С. 241*).

Вот так История повторяется с пугающей цикличностью, убеждая маловерных, что судьба русской нации предопределена, и повторение уже имевших место ошибок с целью эту судьбу изменить либо испытать, неизменно обернется огромными потерями и ущербом. В этом и есть Божий Промысел, который нельзя понять до конца, но можно научиться понимать хотя бы предостерегающие знаки.

Они достаточно четко различимы, дабы задуматься о том, что случайности в них нет. А есть уже отработанная Историей схема.

...И в XVII веке все началось с вечного русского недовольства своей жизнью, своим положением. С того, что все ругали правительство, которое, как и в наши дни, оказалось неспособным своими силами справиться с государственными проблемами. И вот тут просто обязательно надо прочесть одну страничку из третьего тома собрания сочинений В. О. Ключевского, где некоторые слова я намеренно подчеркну. Ибо это и есть ЗНАКИ.

«Затруднение (московского правительства. — *Авт.*), — пишет В. О. Ключевский, — состояло в невозможности справиться с насущными потребностями государства при наличных домашних средствах, какие давал существующий порядок, т. е. в сознании необходимости новой перестройки (выделено мной. — *Авт.*) этого порядка, которая дала бы не достававшие государству средства».

Слово «перестройка» в столь древнем контексте просто потрясает. Ведь Горбачев, с именем которого связывают его появление в советском и мировом политическом лексиконе, вряд ли искал это слово у Ключевского.

Ключевский же пишет о «новой перестройке» в сравнении с периодом объединения Великороссии во второй половине XV века, когда московское правительство «принялось строить новый государственный порядок, понемногу разваливая удельный».

Но тогда все было иначе. В XV веке, этот новый порядок строили *«без чужой помощи, по своему разумению, из материалов, которые давала народная жизнь, руководствуясь опытами и указаниями своего прошлого»*. На Руси в ту пору еще верили, что именно русская традиция станет прочной основой нового порядка. Потому, отмечает историк, *«эта перестройка только укрепляла авторитет родной старины, поддерживала в строителях сознание своих народных сил, питала национальную самоуверенность»*. (Аналогии со сталинским периодом строительства социализма здесь напришиваются сами собой).

«Перестройка» XV—XVI веков помогла Москве возвыситься. В XVI в. в русском обществе у нее была благородная репутация объединительницы Русской земли, центра и оплота всего православного мира.

В XVII веке мир перевернулся. И тогда, как три века спустя, вдруг стала очевидной *«несостоятельность существующего порядка и неудача попыток его исправления»*. Также «в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которые... теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, *искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости*. Так на место падающей веры в родную старину и в силы народа, является уныние, недоверие к своим силам, которые широко растворяют двери иноземному влиянию» (Ключевский В. О. Т. III. С. 241—242).

Тот, кто хорошо знает историю России, легко вспомнит, что нечто подобное испытывало русское общество по мере приближения к трем русским революциям (1905—1917) уже с конца 70-х годов XIX века. Дальнейшее использование термина «перестройка» также очень любопытно. Его употребил премьер-министр России П. А. Столыпин в своей речи в Государственном совете 6 марта (по старому стилю) 1907 года. Представляя серию новых законопроектов, которые заклады-

вали фундамент нового правового общества в России, что было предусмотрено царским манифестом, обнародованным в октябре 1905 г., Столыпин говорил о России как о *«стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения»*. Вот этого-то, того великого брожения, которое охватило страну, неожиданно получившую даже не свободу, а послабление самодержавия, Николай II и его окружение не смогли понять. Они возжелали дать немного демократий, но сохранить абсолютизм. Точно также и горбачевцы позднее в брожении, порожденном их перестройкой, не сумели, как говорил Ленин, «развить демократию до конца». Они тоже хотели усидеть на двух стульях — ввести в стране демократию и сохранить диктатуру партии. И, конечно, не усидели.

Да, история повторяется. Изучая развитие событий в СССР в начале 80-х годов и вплоть до его развала, легко увидеть в процитированном тексте Ключевского почти буквальные аналогии политической реальности России XVII века с ситуацией и тенденциями последних лет существования коммунизма. Даже раскол в Русской Православной церкви XVII века напоминает во многом раскол в КПСС. И Нина Андреева, автор манифеста старообрядцев от коммунизма под заголовком «Не могу поступиться принципами», во многом напоминает лидера раскола протопопа Аввакума. Дело даже не в том, права она или не права в своем истолковании «истинного коммунизма». А в том, что, возродив в конечном итоге ВКП(б), сталинскую компартию большевиков, она вызвала к жизни призрак сталинизма со всеми его репрессивными порядками и тем самым испугала людей перспективой возврата к ужасу старого. Точно так же в XVII веке испугал верующих своим фанатизмом протопоп Аввакум, восстав против реформ Никона.

«Истинная вера» всегда отдает кальвинизмом, а у обывателя она к тому же ассоциируется с инквизицией, в нашей ситуации — с ГУЛАГом.

ПО ЗАКОНУ ПАРКИНСОНА

Последователи коммунистического «раскола» винят сейчас и Горбачева лично, и горбачевцев всех мастей — от А. Н. Яковлева до «путчистов» августа 1991 года — в том, что из-за их «перестройки» развалилась наша страна. Это и справедливое обвинение, и вместе с тем необоснованное.

«...Мы слышали от разумных людей, что которая земля перестанавливает свои обычаи, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи нынешний великий князь переменял, так какого же добра и ждать от нас?». Это отрывок диалога Ивана Берсеня, изгнанного из государственного совета Иваном III, с ученым монахом Максимом Греком, который учился в Париже, Флоренции и Венеции и считался проводником западного влияния и прочей «эллинской» ереси.

Опальный боярин Берсень и наши «консерваторы» во многом напоминают друг друга. Аргументы у них против «перестройки» одни и те же.

Между тем, каким бы ни было у нас отношение к Горбачеву, надо признать, что Советскому Союзу нужна была перестройка, как и России XVII века. Она была нужна уже потому, что топтание в тупике «застоя», искусственная изоляция страны от остального мира, в том числе и от «эллинских наук», привели СССР к непростительной отсталости от Запада. А это грозило серьезными неприятностями не только нашей стране, но и всей планете.

Возьмем только один пример — Чернобыль. Реактор на расположенной там атомной электростанции взорвался все же не потому, что Горбачев пришел к власти, а потому, что порядки, существовавшие в нашем государстве, должны были рано или поздно привести к такой катастрофе. Ведь роковой взрыв в Чернобыле произошел потому, что кто-то хотел отрапортовать о «досрочном» эксперименте, да к тому же к Первомайским праздникам. А для «досрочности», для вечной советской показухи наплевали на какие-то технические нормы и правила безопасности. Вот оно и рвануло. И так ведь в Союзе было во всем. Он из-за этого и был то и дело на грани взрыва. Просто у нас об этом никогда не писали. Народ пребывал в счастливом неведении и о захоронениях радиоактивных материалов, и о выбросах из реакторов АЭС, и об отравлениях целых поселков и городов продукцией военных заводов.

Такие порядки, полное отсутствие гласности, покрывавшие некомпетентность партийных руководителей, увы, исключали возможность прихода на пост генерального секретаря КПСС по-настоящему образованного и компетентного специалиста. Известный «закон Паркинсона», согласно которому «каждый должен достичь своего уровня некомпетентности», оказался стопроцентно применимым к Советскому государству и правившей в нем КПСС, превратившейся в государственную бюрократическую партию. Неизбежно и вся эта система должна была достичь своего уровня некомпетентно-

сти, а на вершине иерархической пирамиды власти должен был оказаться достигший такого же уровня человек. В случае с Чернобылем Горбачев подтвердил это на сто процентов. Он искренне поверил, что и эту катастрофу удастся как-нибудь списать, замять, не дать узнать о ней Западу — не впервые же рвало «атомом» в Советском Союзе. И именно поэтому киевляне, ничего не подозревавшие и никем не проинформированные, о том, какая им грозит опасность, вышли вместе с детьми на Первомайскую демонстрацию под радиоактивным дождем. И Западу продолжали внушать, что «ничего страшного не произошло», пока в Скандинавии радиация не начала валить северных оленей.

В глобальных катастрофах всегда налицо признаки апокалипсиса. Вот и «Чернобыль» переводится, как «полынь». И впору было поверить в то, что Горбачев с его знаменитым звездоподобным родимым пятном на лбу отмечен антихристом. Не увидеть в этом Божьего Промысла нельзя. Но не в небесной же канцелярии назначали Генерального секретаря ЦК КПСС! К несчастью нашему, большинство катастроф в Советском Союзе были рукотворными. И в конечном итоге мы заслужили тех руководителей, которые нами правили. Никто не помешал верхушке КПСС вручить Горбачеву все рычаги управления второй в мире супердержавой — от управления информацией до ключей от ядерных погребов. А он и по-русски-то не умел правильно говорить. Впрочем, как и его преемник Ельцин.

В те дни даже людям, симпатизировавшим Горбачеву, стало вдруг абсолютно ясно, что к власти в Советском государстве пришел человек не просто некомпетентный, но еще и нецивилизованный, невежественный. А это в атомный век для руководителей подобного ранга непростительно. И народ этого Горбачеву не простил, как и его дурацкой «антиалкогольной» кампании.

Не простил он и тем, кто избрал его в последние советские самодержцы в узком кругу членов Политбюро ЦК КПСС, тем, кто потом утверждал этот выбор на Пленуме ЦК КПСС и на очередном съезде партии, вместо того, чтобы потребовать после чернобыльской катастрофы убрать Горбачева со всех государственных и партийных постов по причине полной безответственности и некомпетентности, волюнтаризма, наконец.

Увы, «демократический централизм», как всегда, сработал, и в ход пошла очередная успокоительная ложь о том, что Горбачев-де и сам был дезинформирован по поводу Чернобыля,

как потом по поводу кровавой расправы в Тбилиси, событий в Вильнюсе, в Риге, августовского «путча» 1991 года в Москве...

Сработала тогда и автоматическая российская привычка подчиняться уже посаженным на трон лидерам — своего рода исторически сложившийся в русском народе «демократический централизм», чрезвычайно удобный для авторитарной власти, для всех царей и кандидатов в диктаторы. А Горбачев как лидер был несостоятелен уже потому, что не мог (я процитирую вновь Ключевского) провести необходимые для страны реформы *«без чужой помощи, по своему разумению, из материалов, которые давала народная жизнь, руководствуясь опытами и указаниями своего прошлого»*.

Даже западный опыт и добрые советы таких мудрых западных лидеров, как президент Франции Франсуа Миттеран, он не мог использовать, потому что его IQ, т. е. интеллектуальный коэффициент, был ниже нормы даже для секретаря крайкома КПСС.

В одном из своих интервью Первому каналу Российского телевидения большая умница Дмитрий Саймс, в прошлом советский диссидент, а после эмиграции в США — американский гражданин и президент Фонда Никсона, на сто процентов подтвердил этот факт тотальной некомпетентности Горбачева:

«В Америке, — сказал Саймс, — никто не смог предсказать, включая и меня, естественно, действия Горбачева и как далеко пойдет падение коммунизма, распад Советского Союза. Причина простая. Еще в середине 70-х годов некоторые из нас, в том числе и я, начали говорить о том, что, когда в России придет к власти новое руководство, когда появятся новые люди, которые одновременно могут говорить и делать, неизбежно появится сильный реформаторский импульс, и в России начнутся большие перемены. Я в этом не сомневался, и я про это говорил и писал. Но большинство из нас исходило из того, что на каком-то этапе эти реформы натолкнутся на объективную реальность. На ту объективную реальность, на которую натолкнулись реформы Александра Второго: невозможно уничтожать основные опоры империи без того, чтобы империя не рухнула. И я всегда помню выражение Витте о том, что России после Петра Первого нет, а есть Российская империя. И разрушение Российской империи — это уничтожение своего собственного государства. Мне было очень трудно предположить, что такой человек, как Михаил Горбачев, который вырос в советской системе, который знал пре-

красно правила игры внутри этой системы, потому что иначе он не оказался бы Генеральным секретарем и не сумел бы переиграть своих оппонентов, будет обладать уникальной куриной слепотой и не поймет, что, когда ты разрушаешь идеологию, когда ты разрушаешь партию, когда ты разрушаешь КГБ, ничего не построив взамен, и при этом еще отказываешься применять силу, ты неминуемо приведешь к тому, что все здание империи рухнет».

Саймс то ли не понял, то ли не захотел сказать, что в случае с Горбачевым сработал именно «закон Паркинсона». Но он очень доходчиво разъяснил, почему столь необходимая Советскому Союзу перестройка обрушилась на него, как Чернобыль, и погубила его окончательно вместе с Советской властью и с КПСС, полностью дискредитированной в глазах народа ее же собственными лидерами. Руками Горбачева, разрушавшего на глазах у всего мира не Российскую империю времен Петра, а Советскую Империю, сложившуюся после Второй мировой войны на основе Ялтинских договоренностей, конечно «водили» те его западные партнеры по переговорам, которым он сдавал одну позицию за другой. Его даже не нужно было обманывать, с ним не надо было пускаться в разного рода хитрости. Бушу его достаточно было похвалить, ну, например, за передовое мышление. Или назвать «другом Майклом», ласковой кличкой «Горби» — и он таял. Сдавал все. Бесплатно. Потом он и сам, возможно, приходил в ужас от того, что натворил, как, например, после встречи с президентом США в Рейкьявике. Но уже остановиться не мог. Естественный вопрос — а где были советники Горбачева? Ведь короля делает свита! По фатальной логике национальной катастрофы своего уровня некомпетентности вместе с королем достигла и его свита — в прежние времена высокопрофессиональный аппарат ЦК КПСС. Еще одно тому свидетельство у того же Саймса:

«Вот я сейчас читал последнюю книгу Анатолия Черняева. Он пишет очень интересную вещь. Его спрашивают: «Когда Советский Союз согласился на объединение Германии, был ли поставлен вопрос о том, чтобы Восточная Германия и другие государства, выходившие из Варшавского пакта, не вступили в НАТО?» Черняев говорит: «Нет, так вопрос не был поставлен». Тогда его спрашивают: «Были ли у Горбачева какие-то советники, которые сказали бы ему, что нужно поставить этот вопрос перед американцами?» Нет, говорит Черняев, нам такое в голову не пришло. *«И это было бы абсолютно неправильно при тех новых отношениях доверия, которые были у нас с*

американской администрацией, с госсекретарем Бейкером и президентом Бушем-старшим».

«В Америке, — не без юмора комментирует Саймс эту благоглупость Черняева, одного из самых бездарных помощников Горбачева, — есть такое выражение: «Длинный контракт — большая дружба». Как ты можешь ждать, что твои друзья и партнеры дадут тебе долгосрочные обязательства по соблюдению твоих интересов, если ты сам эти интересы не побеспокоился четко сформулировать. Это были действительно какие-то уникальные люди во главе Советского Союза, *которые абсолютно были не способны мыслить стратегически*, у которых было какое-то упоение своей честностью и открытостью и ощущение, что им эти качества компенсируют. К сожалению, мне это неприятно говорить, но в политике услуга, которая ценится наибольшим образом, — это услуга еще не оказанная. Вот за эти услуги готовы платить и заранее готовы быть за них благодарны. *А когда ты все уже отдал сам по себе, фактически по своей инициативе — ну сделал, и слава Богу, — то не приходи и не требуй от меня компенсации после свершившегося факта»* (Выделено мной. — Авт.).

Прав Саймс. Трагически прав.

ПОД ЧУЖОЙ ЗВЕЗДОЙ

Иной раз и в нашей печати, да и в западной, встречаются утверждения, будто развал Советского Союза исподволь долгие годы готовили партократы вроде Черняева, тайно выращивая в себе «демократов», наподобие декабристов, чтобы в один прекрасный день сорвать «железный занавес». Принять на веру это утверждение значит подтвердить версию бывшего председателя КГБ Крючкова о том, что основных «архитекторов» перестройки задолго до ее начала так или иначе превратили в «агентов влияния» либо завербовали ЦРУ и родственные ему разведки. Я не верю в то, что те номенклатурные недоумки, которые впоследствии подались в демократы, вообще задумывались о демократии, работая в ЦК КПСС до объявления «перестройки». Они привычно «отклонялись от линии партии вместе с партией» и могли погубить коммунизм только по указанию сверху. Они даже не были его могильщиками.

Советскую империю, Советское государство, как и коммунизм в России, погубили сами коммунисты. Ничего в нем не поняв, они построили после революции 1917 года в России

такое общество, которое было объявлено коммунистическим, но от научного коммунизма было еще дальше, чем социализм по-шведски.

Горбачевцы не могли понять, что даже для возвращения к так называемым «ленинским нормам» нужно было в корне менять созданные и воссозданные Сталиным имперские нормы и установки. А уж для того, чтобы советское общество переделать и перестроить по западному социал-демократическому образцу, потребовались бы столь длительные и кардинальные перемены на которые не хватило бы жизни одного поколения. Поэтому в полном соответствии с большевистской логикой они решили, чтобы «догнать и перегнать» и еще «всем показать», надо совершить очередной «большой скачок». На этот раз — в демократию. В результате они так тряхнули Россию, что разрушили и тот фундамент, на котором наше общество держалось, и фундаментальные основы послевоенной Советской империи, добровольно оказавшись и от Тегеранских (1943 г.), и от Ялтинских (1945 г.), и от Потсдамских (1945 г.) договоренностей с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Не удивительно, что все здание «мировой коммунистической системы» рухнуло. Остались только самые прочные корпуса в виде КНР и Кубы.

Противники горбачевцев объявили, что все это — результат заговора Запада, по чьим рецептам и делалась якобы «перестройка», как затем и «реформы» Гайдара — Ельцина.

Но они были не ближе к истине, чем те сторонники самодержавия, которые говорили, что монархическая Россия рухнула в результате «жидомасонского заговора», орудием которого были сначала сторонники Керенского, а затем левые эсеры и большевики.

На первый взгляд, у сторонников теории вечных происков «жидовствующих», а затем и теории заговора, как живших в начале этого века, так и у живущих в конце его, действительно немало свидетельств, вроде бы подтверждающих их правоту.

Напомню, что Октябрьская революция 1917 года, как и Февральская того же 1917-го, имеет корни, скорее, западноевропейские, чем российские. Буржуазная демократия, социал-демократия и коммунизм родились не на берегах Невы, а на берегах Темзы, Сены и Рейна. Гимном большевиков был «Интернационал», слова которого написаны масоном и членом Парижской коммуны Эженом Потье, а музыка — другим масоном, Дегейтером. Отличительным знаком Красной Армии, а затем и СССР стала масонская пятиконечная звезда.

Образовавшиеся после Второй мировой войны социалистические страны заимствовали у масонов же для своей государственной символики масонские символы и знаки. В гербе ГДР, например, были сразу молоток, циркуль и пятиконечная звезда.

Наконец масонская концепция «Света», призванного просветить дремуче невежественное человечество, воплощена в рубиновых звездах Кремля, откуда свет нисходит на весь остальной мир. (Саму пятиконечную звезду — «пентакль» масоны взяли у поклонников кабаллы, которые используют в своей магии и пятиконечные, и шестиконечные звезды.)

Февральская революция в России делалась по образцу и по обряду Великой Французской. Октябрьская — по рецептам якобинцев и Парижской коммуны, руководителями которой тоже были масоны. Никто из большевиков, захвативших в России власть, не бросился увековечивать на Красной площади Емельяна Пугачева или Стеньку Разина. Но уже в первую годовщину Октября они увековечили масонов Марата, Бабефа, Дантона, Сен-Жюста. И конечно, Маркса, Энгельса, Сен-Симона, Фурье, Мора, Кампанеллу. Французскую революцию большевики копировали с фанатизмом просто паталогическим. Прах царей и цариц выбросили из кремлевских гробниц, также как якобинцы выбросили прах французских королей из их саркофагов в соборе Сен-Дени под Парижем. Ленин предлагал «гиљотинировать» всех Романовых. Это была не просто дань модному термину. Были планы наладить производство гиљотин для расправы с контрреволюционерами. Но потом решили, что так как контрреволюционеров слишком много, миллионы, по Зиновьеву, гиљотинами с ними не справиться и лучше для их истребления использовать маузеры и пулеметы. Что и делалось.

Любопытно в этом отношении столкновение символик — славянской и масонской. Еще по распоряжению Николая II в 1916 году были заготовлены матрицы для новых русских денег с изображением свастики, которую использовали в своих ритуалах древние арийцы, а затем славяне в период язычества, а точнее господства ведической религии. Император обратился к этому символу задолго до того, как его стали отождествлять с нацизмом, под влиянием своей супруги Александры Федоровны, урожденной принцессы Гессен-Дармштадской. При жизни императора деньги со свастикой в России так и не появились. Но при Советской власти по этим матрицам в 1918 году

были выпущены первые банкноты достоинством 10 тысяч рублей. В годы Гражданской войны свастику можно было увидеть не только на первых советских деньгах, но и на нарукавных нашивках и флажках воинов Красной Армии Юго-Восточного фронта. Эту эмблему рекомендовал командованию в 1918 году В. И. Шорин, бывший полковник царской армии, знаток военных традиций славян (был расстрелян НКВД в 1938 году). И только в 1923 году свастика по требованию Троцкого была заменена красной пятиконечной звездой.

То, что сбросить царя помогали русским революционерам далеко не русские силы — от американских банкиров до кайзера Вильгельма — факт общеизвестный. Так что социал-демократия, в том числе и его радикальная левая большевизм, на русскую почву была пересажена Западом, как бы он от этого ни открещивался. Фактов западного влияния, по меньшей мере, в двух революциях 1917 года — больше чем достаточно. По логике вещей Россию ожидала тотальная западнизация. Однако произошло нечто прямо противоположное.

Большевизм сделал своим гимном «Интернационал» и прекратил всякое общение советского народа с внешним миром.

Большевизм взял своим знаком масонскую пятиконечную звезду и запретил масонство не только в России, но объявил принадлежность к нему преступлением перед рабочим классом в рамках всего III Интернационала.

Большевизм взял с Запада марксизм, идеи Великой Французской революции и Парижской коммуны, но объявил любое западное влияние «подрывным», а подражание Западу в какой-либо форме или использование его опыта, порой даже технического — низкопоклонством перед Западом.

Почему же так получилось? Большевизм вышел из социал-демократии и на первых порах отличался от нее не больше, чем кальвинисты от лютеран. Но уже после Пражской конференции Российской социал-демократической партии 1912 года, выделившись в отдельную партию, большевики сделали ставку на захват власти в России. Все теоретические изыскания в сфере марксизма были подчинены этому. Официальным лозунгом партии оставался лозунг «Коммунистического манифеста» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Практическим — мог стать девиз «Цель оправдывает средства». Чтобы расшатать и затем свалить российскую монархию, большевики фактически выступили в роли «пятой

колонны» Германии в Первой мировой войне, призывая русских солдат к дезертирству и к отказу наступать на вторгшегося в пределы России врага. Уже тогда большевики поставили задачу «превратить империалистическую войну в гражданскую». Их партия переставала быть чисто политической и становилась своего рода офицерским корпусом, которому предстояло подготовить тысячи рядовых солдат и повести их «на штурм старого мира» в ходе «восстания масс». Но даже после победы в этом штурме казарменная концепция партии сохранилась. Готовились новые походы. В Иран, на Индию. Не исключая, что даже в Африку. Для этого нужна была, конечно, немалая армия. И ее последовательно создавали.

Выступая на похоронах В. И. Ленина (январь 1924 г.) Сталин говорил:

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем (русский язык и у этого вождя был ужасен, но так в оригинале. — *Авт.*) армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, чем принадлежать к этой армии».

Так была сформулирована, открыто причем, и концепция элитности военизированной большевистской партии. Чтобы подчеркнуть это, партийные работники избрали полувоенную форму одежды: френч без погон и заправленные в сапоги галифе, как у Сталина.

Речь Сталина не была большим откровением для тех, кто знал историю большевиков. Еще до революции они разработали принципы взаимоотношений элитного «ядра» партии и партийных «низов», равно как и правила их взаимодействия с «сознательными» пролетариями и «темной» массой «несознательных», т.е. представителей тех «неэксплуататорских классов», которые коммунизм не приемлют ни в каком виде.

Были заранее разработаны концепции управления будущим «социалистическим» обществом, которые практически скопировал Джордж Оруэлл для своей антикоммунистической утопии «1984». Что такое созданный Сталиным партийный аппарат, как не «внутренняя партия» Оруэлла? Что такое «партийная масса» как не «внешняя партия»? Наконец, разве большевики относились к «трудящимся массам» более уважительно, чем оруэлловская «Партия» (и внутренняя, и внешняя) к «пролам», т.е. пролетариям «1984-го»?

Отцы российской социал-демократии считали, что большевики ничего общего не имеют с классическим марксизмом, что их партия не более, чем организация заговор-

щиков. Не случайно Георгий Плеханов, основатель РСДРП, назвал «Апрельские тезисы» Ленина (1917 г.), в которых тот призывал к пролетарской революции, «бредом» и поддержал Временное правительство.

«Трудно назвать «идеологией» ту амальгаму, которую дает Ленин, — писал один из историков Октябрьской революции Сергей Мельгунов, — амальгаму пережитков бывшего русского народнического утопизма с зап.-европейским анархо-синдикализмом, приправленную лишь марксистской терминологией в виде привычного аккомпанемента...»

Марксизм для лидеров большевиков был, конечно, средством, а не руководством к действию. Они истолковывали его, как хотели. Сталин не раз говорил, что он сторонник «не догматического, а творческого марксизма». И в этом своем «теоретическом» цинизме заходил так далеко, что оправдывал «борьбой классов» и массовые репрессии против своих политических противников, и временный альянс с Гитлером.

Марксизм, а точнее марксистскую терминологию большевики активно использовали, но, вопреки их собственным заверениям, как своего рода жаргон для посвященных, эту коммунистическую «феню».

Что касается «масс» то с ними говорили не о диалектическом материализме и о его отличии от «эмпириокритицизма» (Так называлась одна из предреволюционных работ В. И. Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм»). С ними говорили на понятном для них языке Стеньки Разина, обещая «все поделить по справедливости».

В воспоминаниях меньшевика Суханова есть рассказ о выступлении Л. Троцкого перед рабочими и солдатами в 1917 году. Он говорил, призывая к восстанию за «рабоче-крестьянское дело»: «Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедным и обездоленным. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя имеются сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему. Советская власть даст мир земле и уврачует внутреннюю разруху. Реквизирует хлеб у имущих, и бесплатно отправит в город и на фронт...») И т. д. Ну прямо-таки Нагорная проповедь в троцкистской редакции! Толпа, понятно, редела от восторга. Такое толкование «диктатуры пролетариата» ей было вполне доступно и близко.

Марксизм в варианте большевиков был навязан русскому народу не потому, что у русских возникла в том действительно историческая необходимость, — назревшие к 1917 г. перемены можно было осуществить и другим путем, бескров-

ным и демократическим, — а по декрету. В чем-то обращение россиян в коммунизм напоминает крещение Руси князем Владимиром. Тогда ведическую религию, хотя в ней было много общего с ранним христианством, просто отменили, а прежних идолов сбросили в омут.

Но, как и ведические боги и обычаи до сих пор так или иначе сосуществуют на Руси с христианством (мы по-прежнему верим в домовых, в водяного, в русалок, в лешего, празднуем ведический праздник весны Масленицу), так и марксизм наложился на «отмененное» большевиками христианство. Только наложился. Одолеть тысячелетние традиции православие, веру, «русскую идею», наконец, он не смог.

В первые годы Советской власти большевики еще взрывали церкви и устраивали в монастырях концлагеря ГУЛАГа. Даже в центре Москвы — в Андрониковом монастыре у могилы Андрея Рублева, в Сретенском монастыре, в двух шагах от здания КГБ на Лубянке, да и в других расстреливали «врагов народа» вплоть до смерти Сталина. Но погасить лампы у икон, горевшие в каждом, практически, русском доме, порой даже не из веры, а из чувства протеста, они не смогли. Хотя бы потому, что даже без нательного креста мы оставались русскими, православными. Даже Сталин вспомнил Бога во время войны, и, утверждая от знатоки, тайно покался за пролитую кровь, как когда-то его исторический прототип Иван Грозный. А когда немцы подошли к самой Москве, вокруг нее на самолете возили чудотворную икону Богородицы. И ведь помогло! Чудо явила Богородица. Москва и Россия были спасены.

НА КРУГИ СВОЯ

В начале 1943 года незадолго до Сталинградской битвы двадцатипятилетняя война коммунистов с Православной церковью закончилась. Сталин запретил всякое преследование священнослужителей. Тех, кого не замучили до смерти, начали потихонечку возвращать из ГУЛАГа. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 года на встрече с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием и митрополитами Алексием и Николаем Сталин сказал: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства».

Нельзя объяснять это только обстоятельствами военного времени. Как гениальный государственный Сталин понимал, что такое Православие для русских, и не случайно обратился

к ним в первые же дни войны не по-большевистски («Товарищи!»), а со словами «Братья и сестры!»... На этих словах, как говорила мне Мария Васильевна Розанова, жена одного из первых советских диссидентов А. Синявского и главный редактор журнала «Синтаксис» в Париже, Сталин выиграл войну с Гитлером». Встреча с церковными иерархами в Кремле в 1943 году была и впрямь исторической. Начавшаяся после этого интеграция Православной церкви в Советское государство сказалась и на Церкви, и на Советской власти. Но в конечном итоге именно Православие поглотило коммунизм, ассимилировало его, как русский народ традиционно ассимилировал инородцев... «Русскость, — посетовал как-то в разговоре со мной Александр Зиновьев, — это величайшая тряпина Истории». В этом «подлинный коммунист» Зиновьев, как он сам себя называл, увы, близок к Марксу.

Большевизм терял свои коммунистические гены по мере того, как пропитывался «русским духом». Раньше других это почувствовала русская интеллигенция. Вскоре после окончания гражданской войны в России в ее среде, как за границей, в эмиграции, так и на Родине возникает движение «Смена вех». Среди его участников было немало сторонников «русской идеи», включая «евразийцев», исповедывавших ее в геополитическом варианте.

Суть «сменовеховства» сводилась к тому, чтобы достичь перерождения Советской власти, большевизма с целью собирания и восстановления России, расчлененной после гражданской войны, как единого и великого государства. Устами своих идеологов, таких например, как кадет Николай Устрялов, сменовеховцы призывали русскую общественность «влииться в Советскую власть» с тем, чтобы добиться ее «внутреннего органического перерождения».

Именно Устрялов еще в 20-х годах ввел в оборот термин «национал-большевизм». Впоследствии, в конце XX века, его позаимствовал лидер нацболов Эдуард Лимонов, который, кстати, куда ближе к Троцкому и Муссолини, чем к Устрялову. Ленин резко выступал против «сменовеховцев» и против «национал-большевизма» именно потому, что их идеологи хотели коммунистические идеи социальной справедливости большевиков соединить с «русской идеей» в самом широком смысле этого термина.

Ленин, люто ненавидевший русский национализм, не раз предупреждал об опасности такой трансформации большевизма. Выступая незадолго до своей смерти на XI съезде РКП(б),

он говорил: «Враг стремится к тому, чтобы это (трансформация большевизма в «русский великодержавный шовинизм». — *Авт.*) стало неизбежным. *Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность*» (выделено мной. — *Авт.*).

Те, кто, употребляя слова Маяковского, и сегодня «себя под Лениным чистит» и в то же самое время защищает «русскую идею», могли бы задуматься над этой далеко не полемической фразой Владимира Ильича. По сути, он объявил врагами Советской власти всю российскую элиту — трудовую интеллигенцию и едва начавший подниматься на нэпе средний класс. Тысячи и десятки тысяч советских людей.

Почему в те годы, когда Россия благодаря нэпу, стала быстрыми темпами подниматься из послереволюционной и послевоенной разрухи, но все еще бедствовала, голодала, беспризорничала, «главной опасностью» для Ленина оказалось сменовеховство? Почему именно во время нэпа *по его инициативе* были высланы из Советской России такие ученые, как Питирим Сорокин, автор теории конвергенции, и Николай Бердяев, также внесший вклад в эту теорию, как и в разработку современной концепции «русской идеи»?

Ответ на это непросто. В соответствии с прежними советскими оценками Ленин увидел в сменовеховстве лишь перспективу реставрации «буржуазной идеологии» в России. Но Ленин видел гораздо дальше. Он понял, что сменовеховство — это мощная идеологическая база возрождения России, ее новой духовности, соборности и государственности, а значит — клиническая смерть коммунизма.

Ленин лучше других понимал, что отрицание большевистского казарменного социализма русским народом, особенно его крестьянской массой и городской мелкой буржуазией, прямо угрожало большевикам не только экономическим крахом, но и потерей власти. Поэтому он и придумал нэп. Но еще не успев начать нэп, большевики тут же объявили нэпманов «врагами» трудового народа. Между тем нэп, при всех его издержках, не был диким капитализмом. В рамках новой экономической политики всерьез отрабатывалась ранняя социнтерновская модель конвергенции капитализма и социализма, где рынок был бы двигателем развития экономики, торговли и частной инициативы, а государство — обеспечивало соци-

альную защиту граждан. По сути, это именно то, о чем заговорили идеологи «пражской весны» 1968 года, а в конце 80-х годов XX века на это сделали ставку еврокоммунисты, а также коммунисты-реформаторы в СССР и в других социалистических странах. нэп был прообразом того социального строя, который мог бы вобрать в себя все лучшее от капитализма и от социализма. Об этом «строе» говорят пока в будущем времени. А он в России уже создавался в 20-х годах. Называлось бы это национал-большевизмом или как-то более благозвучно, не столь уж важно. Важнее то, что общество, построенное на таких принципах, могло бы еще тогда обеспечить подлинное величие России, укрепить ее авторитет и мощь, обеспечить процветание и длительную политическую стабильность общества. Думаю, что китайские коммунисты учли именно этот наш опыт, когда начали строить рыночную экономику в условиях своего «реального социализма». О том, как представляли себе это общество сменовеховцы, можно судить по вот этим словам одного из их видных идеологов, Бобрищева-Пушкина: «Революция была направлена против определенных категорий собственников, у которых и нельзя было вырвать власти, не вырвав собственности. Но глубоко не соответствует действительности утверждение, что собственности в России не существует (эти слова, отмечу, были написаны еще до массовой сталинской коллективизации крестьянства. — *Авт.*). На собственности по-прежнему зиждется весь народный уклад, весь быт... Король умер, да здравствует король! Таким образом, все образуется — в России будет и собственность, и частная инициатива, и торговля, и кооперация, не будет только выброшенных за границу прежних собственников». Сменовеховцы, как видим, приняли экспроприацию крупных собственников, тогдашних олигархов, как справедливый акт революции, но зато встали на защиту среднего класса, который мог бы обеспечить процветание демократической России.

Но в такой России, конечно, большевикам с их диктатурой пролетариата и классовой ненавистью просто нечего было бы делать. Именно поэтому Ленин увидел в сменовеховцах главную опасность. Почуввав опасность потери власти большевиками, Сталин аналогичным образом среагировал на нэп. Сразу же после смерти Ленина он начал (май 1924 г.) «наступление на частный сектор в торговле» и на «ростовщичество в деревне». Частная собственность вскоре была отменена, а собственника, купца, как писал Солженицын, «просто вырезали». Наступала эра «реального социализма».

Соответствовал этот социализм установкам марксизма либо нет, предоставим спорить его теоретикам. По моему разумению, и не мог соответствовать, потому что большевизм был своего рода ересью в марксизме с самого начала. Сам Карл Маркс не раз писал, что создание социалистического общества по его рецептам в России невозможно.

Троцкий неспроста говорил с русскими рабочими языком Стеньки Разина, а не Карла Маркса. В своем революционном нетерпении большевики попытались перепрыгнуть целую историческую формацию. Не позволив буржуазии установиться в России демократию западноевропейского типа, не дав ей создать нормальную рыночную экономику, в рамках которой сформировался бы и передовой рабочий класс, они решили, что прыгнут сразу в социализм, но до заветного берега не дотянули и ухнули в полуфеодальную, полукапиталистическую «русскую трясиину».

Ни Ленину, ни его последователям вытащить большевизм оттуда не удалось. Он в ней увяз.

После смерти Ленина вся борьба внутри партии свелась к тому, каким путем все же «идти к победе коммунизма». Многие лидеры большевиков, близкие к Ленину, предлагали вернуться к капиталистическому берегу, чтобы оттуда все начать заново. По сути, это то, к чему пришла вся западная социал-демократия в рамках уже Социнтерна в начале 20-х годов. Известно, что Сталин эти «капитулянтские настроения» уничтожил вместе с теми, кто им был подвержен в ходе чисток и репрессий 1930—1940 гг.

Сталин и его окружение решили идти напролом к социализму через все трясины и топи. В результате было создано такое общество, которое нельзя назвать ни социалистическим, ни капиталистическим в классическом марксовом смысле. Это было общество третьего типа, которое можно назвать как угодно — советским, коммунальным, большевистским. Но ни в коем случае социалистическим.

И во многом, несмотря на все унижение русского народа в годы его советской истории под предлогом «интернационализма», оно было еще и очень русским. Большевизм не пошел тем путем, который предсказывали сменовеховцы. Но он все больше отдалялся от своих духовных отцов с Запада.

В конечном итоге большевизм, переваренный в русском национальном сознании, стал куда ближе к славянофильству, чем к западничеству. И большевики после Ленина поняли в конечном итоге, что сражаться с русским «великодержавным шовинизмом» — это то же самое, что рубить сук, на котором

сидишь. Сталин одним из первых перешел из коммунизма в русский национализм и со временем принялся его активно использовать уже не только в масштабах бывшей царской империи, получившей теперь название СССР, но и в рамках международного коммунистического движения. Сталин впоследствии бросил в ГУЛАГ тысячи не согласных с его диктатом или просто подозрительных коминтерновцев, где они в большинстве своем и погибли. Правда, это случилось уже после того, как последние носители большевизма в его социал-демократическом и еще прозападном варианте — предстали перед трибуналами на показательных процессах «врагов народа», либо, как Троцкий и его ближайшие соратники, эмигрировали.

Наконец большевизм настолько вошел во вкус, что после победы над нацистской Германией принялся, в точном соответствии с рецептами Устрялова, под видом интернационализма расширять до глобальных масштабов влияние Советской Русской империи.

Все это испугало Запад куда больше, чем все призывы большевиков в 1917—1920 годах к мировой революции. И в западной политологии практически перестали делать различие между словами «советский», «коммунистический» и «русский». Их использовали уже как синонимы.

«РОДИНА — ЭТО ВСЬ НАРОД...»

Алексей Толстой, один из крупнейших русских писателей послереволюционной поры, оказавший на сменовеховцев огромное влияние, так сформулировал идейное кредо их движения:

«Родина — это весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. Это — прошлое народа, настоящее и будущее. Это — его своеобразная культура, его язык, его характер. Это цель совершаемых им революций, исторических скачков, узлов его истории». Движимый именно таким пониманием Родины, Толстой вернулся из эмиграции в Россию. И он был не одинок.

После окончания гражданской войны всерьез наметилась перспектива общенационального примирения русского общества. Идея искупления греха братоубийства, как и греха цареубийства, жила в русском народе все послереволюционные годы.

Как только коммунисты сняли сталинские френчи с жесткими идеологическими воротничками, оказалось, что у многих из них нет никакой классовой ненависти к Белой гвардии. Достаточно вспомнить, как реагировали вчерашние красные командиры на постановку булгаковских «Дней Турбиных» во МХАТе в 30-х годах. Заняв четкую антифашистскую позицию во время войны с Гитлером, белая эмиграция еще раз подтвердила, что в своем большинстве в ней оказались волей истории русские патриоты, которых не принимали ни Запад, ни, увы, Советская Россия. Русский народ с годами этот раскол, равно как и раскол Православной церкви, воспринимал все более болезненно, как помеху его стремлению к соборности, как историческую несправедливость, в которой никого, кроме большевиков уже винить было некого.

И когда идеологические «табу» с началом перестройки стали отменять, даже партийные работники, бывая в Париже, уже не стеснялись попросить меня свозить их на Русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Чем была для них эта поездка — туризмом, паломничеством, индульгенцией за грехи предков или символом приобщения к «русской идее», трудно сказать. В любом случае каждый из них тем самым заканчивал миром для себя лично 70-летнюю гражданскую войну в России.

Также и люди, приезжавшие в Свердловск, Екатеринбург, шли к дому Ипатьева (точнее, к тому месту, где он стоял, пока не был снесен по приказу тогдашнего первого секретаря Свердловского обкома КПСС Бориса Ельцина), где была расстреляна царская семья. Не потому, что были монархистами, — шли просто поклониться, как положено у православных, памяти невинно убиенных.

Во многом это вновь обретенное чувство единства Родины и русского народа, то, о котором говорил Алексей Толстой, осознание русскими греха братоубийства, даже цареубийства, позволили им избежать взрыва гражданской войны и в августе 1991 года, и в октябре 1993-го. А на это их провоцировали и власть, и экстремисты справа и слева.

Лидеры большевиков ясно понимали, что такое единство русских для них смерти подобно. Они понимали, что с них рано или поздно спросят за вырезанные казачьи станицы, за десятки тысяч расстрелянных пленных солдат и офицеров Белой армии, за голод на Украине и в Поволжье, за замученных в застенках ЧК поэтов, композиторов, художников, ученых, священников... Чтобы удержаться у власти, они должны были искусственно возвести Кайнов грех в добродетель и у

русских, и у всех остальных народов России. Это одна из главных причин непрекращавшейся вплоть до смерти Сталина борьбы КПСС в паре с КГБ против «классовых врагов» и прочих «врагов народа». В этом следует искать объяснения того безумного количества жертв сталинских репрессий, понять причину которых до конца пока еще не смог никто.

МЕЛЬНИЦА СО СТЕНОЮ В ОДИН КИРПИЧ

«Обрусение» большевиков и жестокая борьба с «эллиническим» влиянием не привели даже при Сталине к полному разрыву контактов с Западом.

Когда дела большевиков были уж и вовсе из рук вон плохи, они смиряли гордыню и обращались за помощью именно к тем, кого в лучшие времена обещали похоронить, — либо к какой-то стране Запада, либо к какому-то конкретному западному опыту. Правда, никогда — к его социальному опыту в целом. Всячески понося западную цивилизацию и капитализм как таковой, лидеры большевиков, тем не менее, почему-то исходили из того, что Запад обязан им помогать и их поимать. Горбачев, и Ельцин здесь не исключение, а подтверждение общего правила.

Западных братьев-пролетариев призывали к солидарности всякий раз по поводу и без повода. Особое внимание при этом уделялось обработке западного общественного мнения. Ленин это делал через свое фактическое торгпредство и посольство под вывеской «Амторг» в США, затем через миллионера Хаммера, а в Европе — через писателя Герберта Уэллса и других интеллектуалов, готовых его слушать.

Сталин при всей своей ксенофобии и ненависти к Западу, тоже не был исключением — достаточно вспомнить, как он и его окружение «пасли» западноевропейскую и американскую творческую интеллигенцию. Незадолго до своей смерти во время нашей последней встречи в Лозанне Жорж Сименон рассказывал мне с восторгом о своей поездке в Советский Союз, как раз во время сталинских пятилеток. Да он был одним из многих тысяч «сочувствующих», на которых делалась весьма серьезная ставка. А Фейхтвангер? А Ромен Роллан? А Арагон? Только сейчас в ходе небывалой по масштабам пиаровской операции российских спецслужб мы узнаем о той армии агентов и особенно агентов влияния, которые были посланы НКВД и КГБ в страны Запада для мобилизации симпатий общественности к Советскому Союзу.

Сталин послал в США будущих «командиров производства» учиться фордизму, а Ленин до него оттуда выписал первых фермеров, которые приезжали на Кубань и в Сибирь со своими тракторами учить российских крестьян культурному земледелию. В советской пропаганде об этом вспоминали не часто — обычно перед какой-нибудь советско-американской встречей на высшем уровне, которую в Москве заранее обрекали на успех. Но главной линией в пропаганде оставалось все то же — опора на собственные силы, хотя на практике все, что можно было у Запада взять «для дела», брали. 31 мая 1929 года был подписан контракт между СССР и «Форд Моторс компани» на строительство автомобильного завода «ГАЗ» в Нижнем Новгороде. Однако действовал этот контракт недолго — до 1935 года. «Взаимовыгодного сотрудничества» не получилось. А без западных специалистов, увы, мы в нашем автомобилестроении так и оставались на уровне фордовских наработок 30-х годов еще и в 80-е годы. Особый подход сталинских командиров производства к западной технике нередко напоминал историю все того же лесковского Левши. Советский Левша, не особенно вникая в тонкости хитрой зарубежной механики, тоже мог западную блоху подковать, но и у него она прыгать, а собственно для этого ее и делали, переставала. В одном случае в порядке поощрения народных умельцев Левшу могли за его «подковы» наградить как передовика. В другом — могли объявить вредителем и врагом народа. Все зависело от того, зачем добывали на Западе очередную «блоху» и какие с ней связывали надежды. Именно в силу такого «классового подхода» зарубежный опыт вопреки ожиданиям наших спецов, да и Запада, на пользу Советской России не шел, а тоько усугублял ее трудности. Почему же благие пожелания советских лидеров лишь мостили им дорогу в ад после смерти, а для многих россиян, искренне воспринявших их призыв «Учиться у Запада» — оборачивались адом при жизни?

У Джорджа Оруэлла в «Animal Farm» («Скотный двор») прекрасно описана история о том, как Свиньи («ум, честь и совесть скотской эпохи») мобилизовали Скотный двор на строительство мельницы. Вопреки рекомендациям ненавистных Фермеров они решили сэкономить — велели строить ее стены в один кирпич, а не в два. И в результате — плакали народные, т.е. скотиныны денежки: при первом же порыве ветра мельница рухнула. Понятно, что Свиньи тут же обвинили «нерадивых» строителей во вредительстве, а Фермеров (читай Запад) — в экономической диверсии. Ну, просто один

к одному с логикой сталинских процессов против специалистов-«вредителей».

А ларчик тут открывается просто. Только Ленин и его окружение, которое Сталин быстро уничтожил либо сплавил в эмиграцию после его смерти, были людьми по нынешним меркам универсально образованными. (Правда, это не мешало тому же Георгию Плеханову издеваться над примитивным толкованием Маркса большевистскими лидерами и теоретиками — от Ленина до Троцкого.) Над невежеством Сталина уже откровенно смеялись. Достаточно вспомнить историю с публикацией его работы «Марксизм и национальный вопрос», из-за которой Ленин насмерть поссорился с будущим послом СССР в США Трояновским. Но Сталин, хоть и недоучился, все же прошел курс церковной семинарии. И при всем недостатке классического образования он был гениальным самоучкой, до конца своей жизни не переставал пополнять свои знания практически во всех областях, вплоть до языкознания. Над этим его последним увлечением острословы у нас посмеялись всласть. Но умение Сталина учиться и слушать советы специалистов оказалось одним из решающих преимуществ СССР в годы войны с Гитлером, который как раз такие советы и не воспринимал на дух. Я никогда не был склонен к апологетике Сталина, но все же не могу не отдать ему должное.

У. Черчилль, который до конца дней оставался непримиримым противником коммунизма, писал в своих мемуарах: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавил такой гений и непоколебимый полководец, как Иосиф Сталин. Сталин был человеком необыкновенной энергии, эрудиции и нестигаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в британском парламенте, не мог противостоять. Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Статьи и речи Сталин всегда писал сам, и в них звучала исполинская сила. Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой мудростью и чуждой всякой панике логикой. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трагические моменты, как и в дни торжеств, Сталин был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллю-

зиям. Он был необычайно сложной личностью. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной ядерным оружием. Нет, что бы ни говорили о Сталине, таких история и народ не забывают».

Увы, преемники великого диктатора, с годами только мельчали.

Маленков был достаточно грамотным инженером, но, как у нас шутят, Бабеля от Бебеля не отличал.

Хрущев был просто полуграмотным человеком: цена диплома Промакадемии, где он получал «высшее образование», не имея среднего, общеизвестна. На Западе ему многое прощают, даже его битые башмаком по столу в ООН, но ведь это факт, что полное отсутствие культуры и действительно высшего образования у отца «оттепели» заставляло краснеть за него не только наших дипломатов. Двадцать два года спустя после того, как Гитлер во время «Дней двухтысячелетней германской культуры» в Мюнхене разогнал выставку не понравившихся ему из-за «упадничества» художников, Хрущев проделал то же самое с неформальными художниками и скульпторами в Манеже в Москве. «Кукурузник», как его прозвали, во все лез, всем руководил, даже ничего не понимая в том, что приказывал «внедрять» и «развивать». Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики! Наши ученые-ядерщики с трудом отговорили его от испытания 100-мегатонной ядерной бомбы на Новой Земле, но он все же велел испытать супербомбу, хоть и менее мощную, взрывная волна от которой пять раз обошла Землю. И наконец именно Хрущев в 1962 году во время Карибского кризиса поставил весь наш мир на грань ядерной войны.

Удручающее бескультурье и убожество отличали Брежнева и все его окружение. Его безграмотная речь стала притчей во языцех и породила столько издевательских анекдотов, что Политбюро ЦК КПСС вынуждено было разработать секретный «Закон об охране авторитета», который никогда не публиковали, но тем не менее сажали по нему за анекдоты про Брежнева.

Черненко был человеком просто дремучим, в чем я имел шанс убедиться лично, когда он собрал в Кремле руководителей творческих союзов СССР, вскоре после того как стал генсеком. И единственным действительно образованным лидером в этой когорте советских лидеров оказался бывший шеф КГБ Ю. В. Андропов, который писал даже неплохие стихи.

Увы! Великий Фет тоже был поэтом, но жестоко порол своих крепостных. И если Хрущев, разъярившись, устраивал не только словесные разгоны инакомыслящей и иначе рисующей интеллигенции, но и отправлял диссидентов в ГУЛАГ, то Андропов уничтожал инакомыслие с помощью психушек, ссылок и высылок. Именно по его рекомендациям в эмиграцию отправили А. Солженицына, А. Зиновьева, Э. Неизвестного и др. После того как Андропов пришел к власти, сменив Брежнева, характер репрессий против диссидентов мало изменился, но, кроме отлова прогульщиков в кинотеатрах, рядовой гражданин «завинчивание гаек» на себе не ощутил. Скорее наоборот — ряд мер, принятых Андроповым едва ли не в первые месяцы после его прихода на высшие посты в СССР, позволяют с нынешних позиций предположить, что он мог бы повести страну по пути реформ тем же методом, что и китайские коммунисты 20 лет спустя. Для этого у него хватило бы и культуры, и знаний, и преданности коммунизму. Андропова в народе уважали за его скромный образ жизни, не любовь к показухе и трудолюбие. Надежды с ним связывали большие. Но, увы, его жизнь слишком рано оборвалась. Либо ее оборвали. Андропов действительно был очень болен. И все же ходили слухи о том, что присланная для него самолетом из Японии искусственная почка так и осталась нераспакованной, хотя ее с нетерпением ждали врачи в ЦКБ. Так ли это было, сказать трудно. Но, конечно, серия похорон трех генеральных секретарей ЦК КПСС подряд с 1982 по 1985 г. дает пищу для размышлений не только о превратностях геронтократии.

Завершает нашу галерею высших руководителей СССР Михаил Горбачев, последний генсек ЦК КПСС, избранный на этот пост в марте 1985 года. По всем формальным показателям он был человеком образованным — как никак имел дипломы об окончании двух вузов. Но сколь ни пытались его нам представить, как человека высокого интеллекта, известные всем его фирменные словечки «начать» с ударением на первом слоге, «углубить» с ударением на втором, и «процесс пошел», а главное его нежелание кого-либо слушать, кроме самого себя, радовали только пародистов, которые весьма охотно изображали со сцены «минерального секретаря». Также, кстати, от них досталось и Ельцину, который тоже был не в ладах с ударениями. Но тот все же генсеком не был.

Возникает вопрос: а почему же все-таки, несмотря на то что Советское государство на протяжении стольких лет возглавляли в основном люди полуинтеллигентные, оно не толь-

ко не рухнуло, но с каждым днем крепло, набирало могущество и вполне могло бы оставаться сверхдержавой наравне с США и по сей день, если бы Горбачев со своими «перестройщиками» не пустили его под откос? Ответ на это частично уже был приведен во второй главе этой книги в высказывании Александра Зиновьева: «Если идея, на которой зиждется государство, исторически верна, то, будь во главе этого государства даже идиот, он все равно не сможет ему навредить. Но если государственная идея сама по себе порочна, то будь во главе такого государства даже гений, он все равно ему ничем помочь не сможет. Что бы он ни делал, все будет приносить этому государству один вред». История Советского государства — тому подтверждение.

В основу его с самого начала была заложена вполне жизнеспособная коммунистическая идея социальной справедливости, полностью соответствующая русской ментальности. Однако государственной она стала только тогда, когда большевики, поначалу развалившие Российскую империю, стали ее собирать по кускам, строить новую, Советскую империю. По сути, они соединили коммунистическую идею с «русской идеей», что и стало основой новой советской государственности. В этом надо отдать должное и ряду действий В. И. Ленина по созданию СССР, и главным образом — И. В. Сталину.

Несмотря на известный феномен «советского дуализма» или *doublethink*, т.е. «двоемыслия» по Джорджу Оруэллу, когда одной рукой голосуют «за», а другой держат фигу в кармане, советский народ в массе своей поддерживал существовавший в СССР строй, то социальное государство, которое по мере своего развития объективно повышало жизненный уровень населения страны. Более того — успешное развитие экономики, науки, культуры и вооруженных сил СССР давали основание советскому человеку гордиться своей Родиной. Последнее обстоятельство для русских людей чрезвычайно важно. Ради этого они нередко жертвовали даже собственным благополучием. Для нашего *homo soveticus*, это была идеальная среда обитания.

Пока преемники Сталина не посягали на ту идею, на которой держалось Советское государство, они могли себе позволить роскошь, говоря словами Зиновьева, даже быть идиотами, хотя они таковыми, конечно, не были. Так продолжалось до тех пор, пока Горбачев не подменил нашу отечественную государственную идею на импортную, полностью для СССР непригодную. И тут, скажем опять в развитие тезиса Зиновье-

ва, он мог быть семи пядей во лбу, хотя этих «пядей» у него, увы, не было, но все, что он ни делал, шло Советскому государству только во вред и в конечном итоге его погубило. Конечно, этого бы не случилось, если бы в нашем обществе командные посты занимали люди высокого интеллекта и образования, авторитетные в народе, были бы этакими сифогрантами, которые вместе с князем управляли Утопией в одноименном романе Томаса Мора. В условиях тоталитарного общества, однако, у наших сифогрантов не было никакого шанса. Они должны были либо помалкивать и никуда не лезть, либо отправляться в ГУЛАГ, в лучшем случае в изгнание. В СССР, увы, больше слушали сифогрантов, как в Древней Греции, именовали профессиональных доносчиков и клеветников. И в результате на ключевых постах в нашем обществе сплошь и рядом оказывались люди серые, малообразованные, но зато донельзя пробивные и карьерные.

Но дело даже не в дипломах, не в классическом образовании или отсутствии такового. В наших деревнях, хотя теперь уже все реже и реже, еще можно встретить людей всего лишь с начальным школьным образованием, но зато недюжинного природного ума. Среди лидеров СССР после Сталина отмеченных таким божьим даром людей уже не было. А если и были — такие, например, как Косыгин, то их в конечном итоге «съедали» их бездарные коллеги по Политбюро.

Проходя по этой галерее высокопоставленных невежд советской эпохи, легко найти ответ, почему и западный, и восточный опыт им был не в опыт. Как все малообразованные люди, достигшие определенного положения в обществе, они игнорировали Знание, Разум, а потому и искренне презирали его носителей. Со всеми своими формальными университетскими дипломами (известно, что иным «заочникам» из числа партноменклатуры высокого чина эти дипломы просто приносили на дом, как и написанные за них кандидатские и докторские диссертации) они, тем не менее, принадлежали к интеллигенции только формально, а интеллигентами в полном, российском смысле этого слова никогда не были и быть не могли. Это была всего лишь «образованщина», как говорил Солженицын.

Достоевский в «Бесах» определил эту категорию полунинтеллигентов термином «полунаука» и считал, что это — «самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны». «Полунаука, — по определению Достоевского, — это дес-

пот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немислимым, перед которым трепещет даже сама Наука и постыдно потекает ему».

Иван Ильин считал, что те, кого Достоевский называл «бесами», т.е. левыми радикалами, помешанными на идее мирового революционного пожара, вышли как раз из среды «мировой полуинтеллигенции». Вот как Ильин определял это понятие:

«Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим «умственной словесностью». В сущности он не знает и не умеет ничего, но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но застрашивает себя и других чужими штампованными формулировками, а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельно, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира, как Предмета, совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается с плеча и с апломбом. Главный орган его — это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведает, над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него «понятие относительное». Зато он верит в силу лжи и интриги, в позволительность порока. И при этом он знает о своей полуинтеллигентности, он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства: он ненасытно честолюбив и властолюбив». Коммунизм развернул это царство пошлости и безбожия, обезьяньего подражания и самодовольного «изображения».

Эти оценки Ильина нельзя объяснить лишь его непримиримым антикоммунизмом. Ильин глубоко переживал торжество невежества в России, которое воцарилось в нашей стране вместе с теми кухарками, которые принялись «управлять государством», и со вчерашними батраками, вроде Никиты Хрущева, который, по его собственному признанию, до революции иной науки, кроме как «крутить волам хвосты», не освоил. Ильин считал, что партийная номенклатура, эта новая правящая элита коммунистической России, состояла в основном из людей «лично и духовно несколько не оформленных». «У них, — писал он, — нет, ни религии, ни совести, ни правосознания, ни художественного вкуса. Говоря словами Аристотеля, это «рабы от природы, которые достаточно при-

частны уму, чтобы понимать чужие мысли (Маркса, Энгельса, Сталина), но недостаточно, чтобы иметь свои»...

Всех этих «гигантов мысли», хотя и пообтесавшихся за годы Советской власти, унаследовали от СССР и КПСС Российская Федерация и прочие экс-советские республики. Перлы господина Черномырдина вошли в сокровищницу русско-советского «новояза». Чего стоит только один его афоризм: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда!» Конечно, Михаилу Фрадкову до него далеко, но зато какие перлы уже занесли в свои записные книжечки собиратели «фрадкизмов». Вот например: «Есть некоторые озабоченности, но они пока носят не определяющий характер». Или: «Я рискую оголить ситуацию, но задаю вопрос...» И наконец: «Правительство не преследует цели обобрать нефтяников до неузнаваемости»...

В точном соответствии с анамнезом Ильина «полунинтеллигентные» невежды из числа партлидеров в СССР и их бюрократическое окружение искренне презирали «очкариков», которым недоступна была высокая «наука» подкованных аппаратных игр и партвыживания. Их могли использовать как интеллектуальных «пролов», но им не было доступа в закрытый мир номенклатуры, той «внутренней партии» КПСС, которая с тем же фанатизмом клеймила «эллинские науки», как и авторы «Домостроя». Немудрено, что и западный опыт в КПСС воспринимали не как систему лечения, скажем, нашей заметно захворавшей с начала 80-х годов экономики, а как одноразовое чудо-средство, если не как шаманское заклинание. В результате западную технику загоняли до срока, используя ее на режимах, ей прямо противопоказанных. Бывали случаи, когда целые заводы, построенные западными фирмами «под ключ», выходили из строя только потому, что какой-нибудь местный партийный невежда требовал пустить его «досрочно», чтобы «отрапортовать» и получить за свою ретивость очередной орден. А надо было всего лишь погонять эту технику на разных режимах, как положено по инструкции, чтобы она не полетела до срока.

Так у нас, говоря языком Оруэлла, «клали мельницу в один кирпич». Тотальное невежество, увы, не преследовалось, а наоборот, поощрялось. Немудрено, что поэтому даже благие намерения наших коммунистических лидеров превращались в свою противоположность.

При Сталине еще можно было свалить любую катастрофу и аварию на западных диверсантов и их пособников — «врагов народа». После его смерти в это уже никто не верил.

Постепенно открывавшиеся границы позволили хоть и немногим советским людям увидеть Запад не с пропагандистского экрана, на который попадали одни нищие и безработные, а наяву. Они увидели другую жизнь и были вправе поставить вопрос: «Почему даже побежденная нами Германия живет лучше, чем живем мы?».

Часто столкновение с реальным Западом было для них настоящим потрясением. Моя мать, коммунистка с довоенным стажем, никогда не сомневалась, что советские люди живут лучше всех. И вот как-то под Новый год, впервые приехав в Париж, она пришла со мной в обычный супермаркет и, увидев все это немыслимое для нее изобилие, просто горько расплакалась посреди магазина.

Марина Влади рассказывает о реакции на то же самое своего мужа, Владимира Высоцкого. Ему стало плохо, когда он впервые столкнулся с западным изобилием. Он не мог остановить рвоту. Видно, пошла горлом наша пропаганда преимуществ социализма.

А были случаи и самоубийств на той же почве. Не выдерживали люди. Если бы вместо Горбачева и его команды к власти в нашей стране пришли не провинциальные партократы-полуинтеллигенты, а действительно адекватные, цивилизованные люди, они попытались бы дать своим соотечественникам такой ответ на вопрос «Почему Запад живет лучше, чем мы в СССР?», который бы не привел все Советское государство к самоубийству. Увы, у Истории нет условного наклона. И все же замечу, что толковые и адекватные парни, как и настоящие интеллигенты, в нашей «внутренней партии» были. Но ходу им не давали. Среди номенклатурных работников было немало и тех, кто понимал всю нелепость режима. Однако никто из них не выходил на открытый протест против всего нашего маразма. И никаких «тайных действий» с целью установления демократии в СССР они не предпринимали — за ними не дремлющее око спецслужб следило самым пристальным образом. Все контакты с иностранцами и, не дай бог, с диссидентами контролировались. Подавляющее большинство поэтому принимало правила игры, включая позорные пайки, дачи и распределители. Потом уже после падения СССР некоторые из тех аппаратчиков, которые пошли в «демократы», принялись представлять себя публике вроде бы как внутренними оппозиционерами и даже «диссидентами». Но цену-то им все знали.

В массе своей, однако, партократы не мучились мировоззренческими проблемами. Куда больше их заботил вопрос

качества жизни. Поэтому замена серпа и молота на двуглавого орла для большинства из них прошла безболезненно. Вчера еще они поносили все западное и все «эллинские науки». Но вот, получив новую «команду», они с таким же рвением и с такой же убежденностью во взгляде принялись поносить и искоренять коммунизм и все советское, даже не давая себе труда оговориться, что далеко не все при социализме было плохо. Для них их собственное прошлое перестало существовать. Связь времен для этих оборотней от коммунизма, взявших власть в нашей стране, прервалась. Это не могло не обернуться катастрофой для всей страны: отринув свое прошлое, ее лидеры неизбежно должны были отождествить себя с прошлым другой страны, другой социальной системы, что они и сделали. И не случайно, конечно, дети наших партийных лидеров — от Светланы Аллилуевой до Сергея Хрущева, от дочки Горбачева до дочки и внука Ельцина — предпочли жить не в России, а на Западе.

Критерием Истины с начала 90-х годов в России был объявлен западный путь развития. Конечно, не критически осмысленный, а чисто пропагандистский. Но, как сказал бы Дицген-младший, и эта «истина» была доведена до абсурда. И также «превратилась в свою противоположность» в силу этого. Что ни делает дурак, все он делает не так — если уж без философских категорий.

ИМ БЫ ПОЧИТАТЬ ДОСТОЕВСКОГО...

Достоевский писал в одном из своих дневников, что России не следует слепо копировать Запад, когда она решает свои проблемы. Если Россия все же, отринув свои национальные традиции, попытается следовать во всем примеру Запада, то лишь унизит себя. Запад ее за свою не примет, а примет разве что за «международную обшмыгу».

В это весьма емкое слово, которое теперь в русском языке употребляется редко, Достоевский вложил все свое неприятие бездумного «западничества» и презрение к его проповедникам. Перечитывая его дневники сейчас, понимаешь отчетливо значение слова «обшмыга». В ельцинской России в ее постсоветском жалком состоянии новоявленные обшмыги задавали тон и занимали самые высокие правительственные посты. Приведу в связи с этим еще одно свидетельство из интервью Дмитрия Саймса Первому каналу:

«Мне кажется, что во время Ельцина был достаточно своеобразный российско-американский диалог. Нельзя сказать, что Вашингтон диктовал свою политику, а Москва подчинялась. В Москве были свои расклады, и были люди, которым американское вмешательство, американские советы и даже иногда американское давление были очень удобны. Я думаю, уже сейчас мы можем с уверенностью сказать, что были люди, допустим, в российском правительстве среди радикальных реформаторов, которые, когда их позиции начинали шататься, мчались в Вашингтон, просили о помощи и потом Ельцину говорили: смотри, если ты хочешь получить очередной заем, то присутствие именно этих людей в твоём правительстве является весьма желательным. Я помню мои разговоры с некоторыми из этих радикальных реформаторов, которые откровенно просили американских советов. Они просили совета у меня, частного человека, причем просили совета, смешно сказать, по вопросам экономической реформы. И когда я им отвечал, что я не экономист и недостаточно знаю ситуацию в России, чтобы подобные советы давать, они говорили: неужели тебя не интересует твоя бывшая страна, разве ты не можешь хоть что-то подсказать? Так что я могу себе представить, как эти люди мчались к большим американским начальникам. И я помню заискивающий взгляд некоторых российских реформаторов, когда *они чуть ли не просили иностранцев помочь им сформулировать российские национальные интересы* (выделено мной. — Авт.). Это была сложная ситуация. Не то чтобы Вашингтон командовал, откровенно давил. Просто в России были люди, которые американские советы и даже давление весьма приветствовали. Некоторые по наивности, не понимая, что в Вашингтоне не было и не могло быть правильных рецептов для очень сложной российской ситуации, которую здесь далеко не всегда понимали. Но были и те, кто очень хорошо знал, как использовать в своих интересах «большого американского брата».

Перечитывая Достоевского сегодня, находишь ответ и на то, почему Россия, еще совсем недавно вторая по мощи держава в мире, дошла до жизни такой. Первопричина — отказ ее лидеров в 90-х годах от опоры на собственные силы, на свой народ и его исторический опыт, их слепое, угодническое копирование Запада. О том, чем это оборачивается, предупреждал еще Ключевский.

Невежество и неизбежное при этом отсутствие политической прозорливости, а в результате элементарная некомпетентность лидеров СССР времен «перестройки», как и ли-

дерев России периода «реформ» Ельцина — Гайдара — Бурбулиса, помешали им понять простые истины, высказанные Достоевским. Во-первых, для того чтобы русского человека уважали, он не должен стыдиться того, что он русский, а должен гордиться этим. И во-вторых, то, что хорошо для Запада, далеко не всегда хорошо для России, как и наоборот: то, что русскому хорошо, немцу — смерть.

В постсоветский период тон в нашей стране задавала уже не левая, а правая полуинтеллигенция. Независимо от политической окраски это как раз тот тип людей, которых Достоевский называл «бесами», предупреждая русский народ об их страшной опасности для самого его существования. Неважно, с какими конъюнктурными идеями они носятся — правыми или левыми, — их основная идея, можно сказать *idée fixe* (навязчивая идея — *фр.*) — это уничтожение России даже не как страны, а как уникальной цивилизации. В точном соответствии с рекомендациями Карла Маркса! И никакого идейного разлада тут нет. Юрий Карякин, известный философ и литературовед, исследователь творчества Достоевского и один из наиболее известных диссидентов советской поры, основатель общества «Мемориал», говорил, что Ленин ненавидел Достоевского, потому что в его «Бесах» увидел себя в зеркало. Зато, как отметил Карякин, он обожал Сергея Нечаева (1847—1882). Это очень проницательное наблюдение. О слабости Владимира Ильича к организатору тайного террористического общества «Народная расправа» и автору «Катехизиса революционера», оказавшему сильное влияние на его брата Александра Ульянова, мимоходом написал в своих мемуарах Бонч-Бруевич. В советской «Лениниане» об этом помалкивали. Дело в том, что нечаевщина была осуждена не только Достоевским, который и описал ее в «Бесах», но и I-м Интернационалом, всеми русскими социал-демократами и лично Г. Плехановым. В то время когда Ленин еще невысоко котировался в русской революционной среде, откровенно восхищаться Нечаевым он, конечно, не мог. Тем не менее после революции Ленин не раз применял «Катехизис революционера» на практике. Этот бесовский «труд» стал теоретическим обоснованием большевистского террора. Любопытно было мне в этой связи прочесть интервью Анатолия Чубайса корреспонденту английской «The Financial Times». Представляя этого «харизматичного отца русского капитализма» читателю, газета заметила, что «мало в России людей, вызывающих столько народной ненависти, сколько Анатолий Чубайс». И это даже не потому, что он «приватизировал Россию». Люди, знаю-

щие его, говорят о нем так: «Чубайс — это большевик, и люди его типа работают за идею». «The Financial Times» не уточнила, что «большевиком» Чубайса назвал Владимир Путин: «Он упертый такой большевик... да, это правильное определение в его адрес. К сожалению, у него плохая кредитная история. Я имею в виду кредит доверия у населения» (Путин В. В. От первого лица. Вагриус, 2000. С. 175).

Чубайс, сохранись Советский Союз вместе с КПСС, боролся бы оголтело в марксистских доспехах против «русского национализма», как это делал Александр Яковлев. С единственной целью — искоренения русской цивилизации. Но уж раз судьба была ему стать организатором великого ограбления России во имя установления в ней пусть бандитского (по его собственному признанию), но все же капитализма, Чубайс свой партбилет выкинул и перекрасился в правого либерала. Его сути, однако, это не меняет. Чубайс — из той самой бесовской породы антирусских фанатиков, прекрасно описанной Достоевским. И еще — типичный, опять же по Достоевскому, международный обшмыга, для которого все западное — образец для подражания, а все русское — мрак и позор. Не удивительно, что к нашему великому писателю он испытывает такую же лютую ненависть, что и Ленин. Только Ленин не мог простить Достоевскому то, что узнал себя в одном из его самых бесовских героев. А Чубайс не может простить, что Достоевский, как и большинство россиян по сей день, не соглашался с тем, что частная собственность столь же священна, как и храм Божий. Когда корреспондент «The Financial Times» спросил Чубайса, не находит ли он, что капитализм не годится для России с ее народной ненавистью к богачам и верой в нравственное превосходство бедных, тот неожиданно взорвался:

«Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски». *Узнаете одного из «комиссаров в пыльных шлемах»?*

Самое страшное в этих людях, в какие бы времена они ни носили эти «пыльные шлемы», это их полное презрение к участи маленького человека, забота о котором позволила русской литературе подняться на самые вершины мирового куль-

туры и гуманизма. Они легко швыряются человеческими жизнями. Если что-то мешает осуществлению их глобальных планов, они готовы пожертвовать не одним, а миллионами человек. Шигалев в них неистребим. Есть свидетельство одного из согрудников нашего «главного приватизатора». В ответ на его вопрос, а как же все реформы Гайдара и его команды скажутся на гражданах России, тот будто бы сказал: «А чего вы о них заботитесь? Ну, вымрут 30 миллионов человек...»

За 80 лет до этого еще один двойник г-на Шигалева, один из лидеров ВКП(б), «любимец партии» Николай Бухарин, которого российские СМИ даже после крушения коммунизма изображали как некоего душку от большевизма, либерала и вольнолюбца, публично объявил своим товарищам по III Интернационалу, что их задача — осуществить некий дьявольский план «выработки коммунистического у человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Бухарин пояснил непонятливым, что для быстреешего осуществления этого плана следует активнее применять «принуждение во всех его формах, от расстрелов и кончая трудовой повинностью». Отметьте, что степень принуждения в рекомендациях лидера Коминтерна начинается с высшей меры. О чем идет речь, через год после Октябрьского переворота уточнил другой «Шигалев» — один из лидеров большевиков Г. Зиновьев. «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию, — говорил он. — С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать». Уничтожили, как известно, куда больше.

«Бесы» в том классическом смысле, который вкладывал в этот термин Достоевский, никогда не могли понять, что человеческую природу, как и Природу вообще, невозможно изменить никаким бесовским декретом. Ее можно подавить, обескровить, лишить некоторых типичных признаков, но радикально трансформировать нельзя, т.к. это будет означать только ее гибель. В масштабах нации бесовские эксперименты заканчиваются, как правило, по достижении определенного предела, за которым начинается уже либо уничтожение нации, либо отторжение ею бесов. В этом отношении очень поучительна русская история, а также летопись «реального социализма» в Восточной Европе, у «красных кхмеров» и особенно — в коммунистическом Китае после «культурной революции». Повсеместно избавление от «бесов» идет на пользу нации. А мы своих «бесов», которые хают все русское, в том числе и

нашу отечественную литературу, изгоняем с трудом. А в Европе между тем, как сказал премьер-министр Венгрии Ференц Дюрчань, «любой воспитанный европеец» должен «знать и ценить русскую культуру». И добавил: «Русская литература, особенно произведения Достоевского, в значительной степени повлияли на мое представление о мире». Может быть поэтому Венгрия, экономикой которой управляют такие «воспитанные европейцы», развивается как нормальное государство.

А наша Россия-матушка, где господа чубайсы готовы Достоевского «разорвать на куски», все никак не освободится от той «бесовщины», что мешает ей стать по-настоящему свободной и обеспеченной страной. Это при нашей-то великой истории и культуре, уникально талантливым народе и огромных богатствах недр!

Как уже говорилось, у различных цивилизаций в силу их уникальных путей развития и исторического опыта существует такая же несовместимость социальных, политических, экономических и культурных «тканей», как и несовместимость живых тканей у разных людей. И поэтому, заимствуя западный, либо восточный опыт, любому руководителю России надо быть столь же осторожным, как и врачу при переливании крови. Если группа крови донора совпадает с группой крови больного, то больной выживет. А, если нет, может и умереть.

– Один из идеологов перестройки, директор Института проблем рынка академик Петраков, вот так подвел итоги 20-летия (с 1985 года) российских реформ: «В три раза увеличилось количество людей, живущих за чертой бедности. Свободная конкуренция в России так и не появилась. Даже на самом низком уровне «все схвачено»: кланы поделили рынки, они контролируют цены. Крестьянин боится идти на рынок, люди вынуждены сейчас торговать вдоль дорог. Исчез средний класс, интеллигенция втоптана в грязь: где сейчас находятся инженеры, студенты, врачи, учителя по уровню жизни?». Можно было бы и дальше цитировать академика. Он все правильно пишет. Да, мы стали заложниками цен на нефть, а иссякнут ее запасы — обанкротимся. Да, чиновники не заинтересованы в том, чтобы увеличивать ВВП, а заинтересованы в том, чтобы еще что-то приватизировать, чтобы погреть на этом руки. Да, наука сидит на голодном пайке, и это обрекает нас на отставание от цивилизованного мира. Но это мы знаем и без академика. А вот признание г-на Петракова в просчетах

авторов перестройки весьма любопытно: «Со временем я все больше убеждаюсь в том, что прогрессивные экономисты (в том числе и г-н Петраков. — *Авт.*) на заре перестройки очень переоценили значение формы собственности. Нам казалось, что частная собственность может все изменить автоматически. А сейчас, когда изучаешь опыт реформ у нас, в Восточной Европе и Китае, убеждаешься, что важнее не тот, кто владеет, а тот, кто управляет. Это очень существенный момент. Оказывается, собственник — это вторично» Потребовалось разорить страну, развалить ее, чтобы наконец дошла эта истина до стратегов «демократических реформ». Вышло по Суворову: «Гладко было на бумаге, а забыли про овраги. А по ним — ходить!» В этой «забывчивости» перестройщиков, как в капле воды, отражаются все пороки партийной бюрократии времен СССР — слепая вера в «решение Инстанции» (раз решение принято, все получится), гигантизм (не в масштабах области ставили перестроечный эксперимент в экономике, а на всем пространстве Советского Союза и на всем его народе), и презрение ко всем тем, кто в номенклатуру не входил, т.е. к собственному народу.

Ни Горбачев, затеявая свою «перестройку», ни Ельцин, приступая к «шоковой терапии» России, скорее всего и не догадывались, что для России их «лечение» обернется такой бедой. Они верили в чудо. Но чуда не произошло, сколько бы ни оправдывали задним числом «реформы» горбачевцев, а затем Егора Гайдара и его команды. Этим, кстати, всем набили оскомину телепередачи, посвященные 20-летию «перестройки». Произошла катастрофа. Вот ее конкретные показатели.

Почти 25 миллионов русских людей в одночасье потеряли российское гражданство, были брошены на произвол судьбы и на участь граждан второго сорта в бывших республиках СССР. Уже к концу 1992 года смертность превысила рождаемость в России. К началу 1994 года 65 процентов населения России опустилось ниже уровня нищеты. И даже не европейского, а российского уровня. В 1993 году инфляция по сравнению с 1991 годом составила 1000 процентов, а по ряду товаров — 3000 процентов. Сбережения населения в сберегательных кассах превратились в прах. В декабре 1993 года почти половина промышленных предприятий России, включая военно-промышленный комплекс, простаивала из-за отсутствия сырья и комплектующих деталей, электроэнергии и горючего. Впервые с 1933 года в России была вновь зарегист-

рирована безработица — 1 миллион человек. Только к началу 2004 года уровень безработицы в РФ снизился с 13 процентов экономически активного населения до 8 процентов. И тем не менее до 40 процентов специалистов оставались невостребованными в ряде отраслей промышленности. Резко понизилась боеготовность армии. Граница практически не охранялась. ПВО страны, включая систему оповещения о ракетно-ядерном нападении, вплоть до 2001 года не могло адекватно выполнять свои функции, а по некоторым параметрам восстановило свою силу только к 2005 году.

С конца 1993 года началось повальное разорение колхозов, совхозов, мелких фермеров, частных фирм и кооперативов. Дефолт 1998 года, искусственно устроенный финансовыми гангстерами из числа «либералов ельцинского призыва», находившимися у власти, довершил разорение страны. Только 18 процентов населения страны могли сказать в 2004 году, что их жизненный уровень по сравнению с 1991 годом вырос. Остальные 72% жили по международным нормам либо ниже уровня бедности, либо на этом уровне. Нигде в мире, даже в самых отсталых странах, человек, имеющий работу, не голодает. В России голодные обмороки детей в школах и их родителей на рабочих местах — норма.

Катастрофическое положение сложилось в армии, где тысячи офицеров и сержантов оказались без крыши над головой. А в тех частях, которые расположены в бывших советских республиках — и без средств к существованию.

От безысходности и нищеты сильнее всего страдают самые незащищенные — старики и молодежь. Это подтверждает и страшная статистика самоубийств. В СССР в 1960—1970-е годы максимальная доля самоубийств у мужчин приходилась на возраст 25–29 лет и обуславливала 18—19% смертей в этом возрасте (показатель, схожий со странами Запада), тогда как в возрасте 55—59 лет самоубийства были причиной всего 3—4% смертей, а в более пожилых возрастах — и того меньше. Доля смертей от самоубийств резко упала после 1984 года на фоне общего снижения смертности, в том числе несколько снизилось число самоубийц в возрасте 25—29 лет. Но в 1990-е годы, когда обозначился значительный рост общей смертности, стала повышаться и доля смертей от самоубийств в России, причем максимум доли самоубийств переместился в группу 15—19 лет и составил 16% от общего числа смертей.

К началу нового тысячелетия отсутствие средств и надежного централизованного контроля привели к возрастаю-

щей угрозе «новых Чернобылей» на многих атомных электростанциях России.

Дилетантское и плохо финансируемое «разоружение», в результате которого ядерные боеголовки и смертельно опасные химические вещества оставались «беспризорными», безоглядный сброс радиоактивных отходов в воды океанов, вблизи питьевых источников, воровство цветных металлов из фильтровальных установок, ограждавших всех нас от вредоносных выбросов, поставили всю планету перед угрозой экологической катастрофы небывалых масштабов.

Развал СССР и утрата контроля правительствами стран СНГ над положением в этих странах, над экспортом, за пересечением границ привели к неконтролируемому экспорту из России и других стран СНГ оружия всех видов (достаточно упомянуть о продаже ракетных зенитных комплексов, которые использовали боевики в Чечне, Афганистане, Ираке), небывалому размаху наркотрафика, к росту наркомании и на просторах СНГ, и, увы, в самой России, где к началу XXI века было уже, по официальной статистике, 4 миллиона наркоманов и 1,5 миллиона больных СПИДом.

Десятки тысяч ученых, инженеров и техников, работавших в научно-исследовательских институтах и на производстве в военно-промышленном комплексе и вооруженных силах СССР, тысячи высококвалифицированных пилотов и других военных специалистов покинули СНГ и поступили на службу тех режимов, которые признаны международным сообществом потенциально опасными для мира на нашей планете.

Небывалых масштабов достигли операции международного терроризма. Похоже, что ситуация, описанная Невиллом Шютом в его фантастическом романе «На последнем берегу» (Neville Shoot. On the Beach), в котором ядерная война начинается с бомбардировки Нью-Йорка неким арабским самолетом, обрела 11 сентября 2001 года жуткую реальность, когда террористы направили захваченные ими пассажирские самолеты на самые высокие небоскребы Манхэттена. Практически года не проходило после развала СССР без террористических актов в городах России, включая Москву и Санкт-Петербург.

Страшного размаха достигла преступность. Приведу лишь несколько цифр, с которыми в декабре 2004 г. ознакомил своих коллег-депутатов член Комитета Госдумы по безопасности Александр Гуров на заседании «круглого стола» в нижней палате, посвященном профилактике преступности в РФ. Он сообщил, что в России ежегодно совершается 32 ты-

сачи убийств, 20 тысяч человек погибают от ранений, несовместимых с жизнью. По словам Гурова, ежегодно в РФ обнаруживают 40-42 тысячи неидентифицированных трупов, причина смерти которых не установлена; кроме того, 50 тысяч человек кончают жизнь самоубийством. В 50 странах мира действуют русскоязычные преступные группировки. Всего с 1961 года в России были осуждены за различные уголовные преступления 70 млн. человек. Гуров, человек далеко не левых взглядов, признал, что обрушившийся на Россию вал преступности вызван в большей степени тем, что «с начала 1990-х годов в РФ была разрушена наработанная в советское время и эффективно действовавшая система профилактики преступлений, что привело к необратимым последствиям». Эти последствия ощущает теперь на себе не только Россия. Только в нашей стране МВД РФ зарегистрировало 5700 криминальных группировок 700 преступных картелей мафиозного типа к началу 1994 года поделили между собой Россию на «сферы влияния». Устанавливались связи с зарубежными мафиями, отрабатывалось взаимодействие с ними в деле перевозки наркотиков, поставке живого товара — от детей до проституток, органов для пересадки, денег — для отмывания. Это пугающее «руки Москвы».

В целом общий ущерб, нанесенный Россией в ходе горбачевских и ельцинских «реформ» превысил почти вдвое ущерб, нанесенный СССР в ходе войны с гитлеровской Германией. Российская смута XX века отбросила нашу страну к границам России времен смуты XVII века. Как и тогда, мы едва не утратили свою государственность. Полезно в этой связи напомнить о том, какую оценку дал Иван Ильин событиям 1914—1917 гг. в России, когда русский народ, по его словам «предпочел имущественный передел национальному спасению». Это случилось потому, считал он, что «русское просто-народное, а также и радикально-интеллигентское правосознание не были на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою. Русский человек видел только ближайшее; политическое мышление его было узко и мелко; он думал, что личный и классовый интерес составляют «главное» в жизни, он не разумел свой величавый интерес; он не был приучен к государственному самоуправлению; он не был тверд в вопросах веры и чести... И прежде всего не чувствовал своим инстинктом национального самосохранения, что Россия есть единый живой организм. И горе тому, кто ее расчленяет!»

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ

Нищета лишь тогда не опасна, когда нищие блаженны духом. Но, когда нищие аморальны, это опасно чрезвычайно, ибо чревато нечеловеческими преступлениями. Достаточно вспомнить о том, к чему пришли при Гитлере доведенные до нищеты немцы Веймарской республики. Отказ от человеческой морали, пусть даже для добычи пропитания, и Освенцим — это явления одного порядка. Людоедство в Поволжье в 20-х годах было вызвано не только голодом. Это — и результат всеобщего падения нравов после революции и гражданской войны, ликвидации прежних моральных ориентиров в результате официально провозглашенного большевиками безбожия.

В России, других странах СНГ нравственный Чернобыль стал реальностью одновременно с введением рыночной экономики. В начале 90-х годов в ходе опросов выпускники ряда средних школ России заявили, что хотят в своем большинстве быть рэкетирами (мальчики) и проститутками (девочки). Тогда по этому поводу в прессе поусмехались и тем ограничились. А надо было бить в главный кремлевский набат — ведь это был верный признак того, что нация вырождается не только физически, но и нравственно. Бить только в этот набат было некому. Гуляли-с!

Страшно было уже в начале XXI века, когда вроде бы уровень жизни слегка поднялся, читать и слышать сообщения о том, что молодая мать бросила своего новорожденного ребенка в мусорный ящик зимой, чтобы замерз и избавил ее от необходимости его кормить. Матери и отцы-алкоголики продавали своих малолетних детей за бутылку. Кто-то продавал детей, кто на усыновление, кто на органы. Были сообщения о преступниках-офицерах, которые продавали солдат в Чечне и в рабство, и тоже на органы. А что такое Беслан, как не вопиющее свидетельство тотальной безнравственности государственных чиновников и стражей порядка, обрекших на гибель сотни детей и их родителей за паршивые взятки от обкурившихся и зомбированных боевиков-террористов?

Я не церковный человек, в храме бываю, увы, редко, хотя и принял крещение еще ребенком, но, как все нормальные русские люди, искренне благодарен Русской Православной церкви за то, что именно она в постсоветской России начала крестовый поход за возвращение к Богу, за возрождение и утверждение в наших умах и душах евангельских ценностей,

которые всегда были основой основ и веры, и морали русского народа. Не надо при слове «церковь» бухать в колокола, дабы срочно мобилизовать интеллигенцию на борьбу против «мракобесия». Чепуха все это. Когда священники и монахи спасают наркоманов от их страшного недуга, дают приют бездомным и кормят голодных, когда обращают к трезвой жизни тех, кто годами допивался ежедневно до скотского состояния, это что — мракобесие? Православие неотделимо от русского народа. Как кожа от плоти. Сдерешь кожу — погибнет плоть. Никто сегодня не собирается по приказу свыше загонять народ в храмы, как князь Владимир когда-то гнал в Днепр славян на крещение. Но чем больше россиян придет к Богу со смиренной молитвой покаяния, а каяться нам всем есть в чем, тем здоровее будет мораль нации, тем выше ее нравственность. Хорошо, что на Руси восстанавливают храмы и наши дети учат молитвы. Может быть и российские чиновники, сменившие коммунистические мундиры на демократические, не зря ставят сегодня в этих храмах свечи. Глядишь, и они искренне покаются за содеянное во вред России, и с молитвой впитают не только веру, но и высокую мораль, которой учил Христос. И всем нам надо помнить «Слова» Серапиона Владимирского, который из XIII века предупреждает нас, что стяжательство, стремление к наживе и роскоши, неумеренное потребление и падение нравов ведут Россию только к гибели.

После нашего нравственного Чернобыля именно «русская идея», которая основана на Вере Христовой, может стать, по моему глубокому убеждению, идеей не просто национальной, а государственной. В этом я вижу реальную возможность спасти Русскую Нацию и Россию. Я намеренно не говорю «Иного нам не дано!». Пусть кто-то предложит другое.

Но давайте посмотрим правде в глаза. Потеря моральных ориентиров в ядерный век — еще страшнее сегодня, чем накануне Второй мировой войны. Потеря бывшими советскими людьми ощущения принадлежности к великой державе, утрата русскими всегда присущего им чувства государственности и даже патриотизма приводят к тому, что всем и на все наплевать, к тотальной безответственности. А это — оборачивается поистине трагическими последствиями.

Наверняка те люди, которые искренне радовались, разрушая голыми руками Берлинскую стену, не представляли себе, что с ее падением у них возникнет куда больше проблем, чем в годы существования «железного занавеса». Конечно, прежняя военная угроза с исчезновением такой сверхдержавы, как СССР

и созданного им Варшавского Договора исчезла. Но вместо одной большой военной угрозы возникли десятки мелких и средних, которые в сумме еще страшнее любой советской.

Будет ли Западной Европе легче оттого, что ее обстреляют ядерными ракетами не с советской, а с иранской подводной лодки? Или с северокорейской? Или с пакистанской? И в конце концов, какая разница человеку, от чего ему умирать — от радиации, возникшей в результате взрыва ядерной бомбы или от очередного Чернобыля, от бактериологического оружия либо от холеры, возникшей в не пригодном для питья источнике воды, от бомбы террориста или от пули гангстера? Главное, что уровень безопасности в нашей стране, равно как и на всей планете заметно понизился.

СССР официально прекратил свое существование в декабре 1991 года. Но за этим не последовало радикальных сокращений военных бюджетов ни США, ни стран блока НАТО. Генеральный секретарь НАТО Робертсон убеждал меня летом 2003 года, когда мы встречались с ним в его офисе в Брюсселе, что НАТО России не угрожает и угрожать не будет. Но всего через год границы НАТО стали проходить уже по границам России. Натовские военные самолеты базируются в бывшей Советской Прибалтике, в Киргизии, в Узбекистане, в Туркменинии. В НАТО приглашают и Грузию, и Молдавию, и Украину. Экспорт «розовых» и «оранжевых» революций на постсоветское пространство — это уже реальная практика Запада. Разговоры о сэкономленных триллионах долларов, выделявшихся во все послевоенные годы «на отражение советской угрозы», прозвучали только, как панегирик «холодной войне», в которой СССР проиграл. Но что-то эти доллары никто не спешил передать неимущим и голодающим на нашей планете. Они пошли все на ту же гонку вооружений в США и других странах НАТО.

Кризис коммунизма не привел и Запад к процветанию, а наоборот — привел его к экономическому кризису. Нарушение геополитического равновесия на нашей планете пошло на пользу только США. И то, если уж разобраться, кратковременную. Европа от этого проиграла сразу. Генерал Галуа говорил мне еще в 1993 году в Париже, что сожалеет о ликвидации СССР. «Франции, — говорил он, — необходима сильная Россия. Союз наших двух стран естественен». Почему же может сожалеть о гибели коммунистического государства генерал Галуа, один из ведущих геополитиков современности, голлист и антикоммунист по своим убеждениям? Полагаю, что не

только из геополитических, но прежде всего из патриотических соображений. Отсутствие такого сильного противовеса, как Варшавский Договор и восточноевропейское экономическое сообщество во главе с СССР, обернулось небывалым усилением США. Они получили возможность открыто диктовать свою волю практически всему мировому сообществу. С другой стороны, объединение Германии привело к нарушению прежнего равновесия в Европе, и Франция в результате оказалась как бы между молотом и наковальней. Если раньше, используя советский противовес, она могла балансировать между США и ФРГ, причем к своей немалой выгоде, то после падения Берлинской стены и коммунизма в СССР Франция утратила свою лидерскую роль в Западной Европе. И не только там.

«Лучший друг Запада», как именovali Горбачева, в конечном результате ему крупно насолил со своей «перестройкой». И на Западе это только-только начинают понимать..

ДВА ПОЕЗДА ИДУТ ПО РАСПИСАНИЮ ИСТОРИИ

Многие западные советологи и охотно повторяющие их выводы российские демократы утверждают, что иного пути реформирования социализма, кроме его развала, не было. Но это ложь. И тут не надо дожидаться прошествия веков, для того чтобы эту ложь опровергнуть.

Шеф пекинского бюро «Нью-Йорк таймс» Николас Д. Кристофф в сентябре 1998 года писал в своей серии статей из Китая, забавно названной «China Gropes Toward Market-Leninism», о «загадках» китайского «рыночного социализма». Их разрешение на советской почве позволило бы избежать той катастрофы, параметры которой были кратко описаны выше.

«Китай, — читаем в статье, — сбивает с толку тех интеллектуалов, которые высоко ценят права человека, уже тем, что Коммунистическая партия, которая столь часто и жестоко эти права подавляет, могла добиться таких поразительных успехов в деле улучшения жизни населения.

...Правительство с одинаковым натиском борется с проказой и с диссидентством. Оно делает прививки детям с таким же упорством, с которым арестовывает своих критиков... Но в конце концов, — резюмирует Кристофф, — в том что касается приоритетов простых людей, то многие предпочтут иметь здорового ребенка, чем право голосовать действительно свободно...»

Западные интеллектуалы, если верить Кристоффу, искренне уязвлены тем, что демократическая Индия, например, не может добиться столь же быстрых успехов в здравоохранении, социальном обеспечении и образовании, которых добился коммунистический Китай, не единожды обвиненный Западом в нарушении прав человека.

Но это, однако, вовсе не означает, что избранный Индией путь хуже. И пока история не прошла положенного ей пути, никто не докажет, что путь Китая — лучше или, наоборот, хуже. У истории свои мерки исторической целесообразности и именно в соответствии с ними она судит государства, народы, политические системы и отдельных лидеров.

Но вот что ясно сейчас: Китай, как и другие социалистические страны до него, прежде всего Советский Союз, просто выбрал в соответствии со своей идеологией, историческими традициями и, что архиважно, — практическими возможностями — иную форму движения к обеспечению прав человека в полном объеме, пошел к ним с другого конца, начав не с обеспечения индивидуальных прав и свобод, а с обеспечения прав социальных и экономических. А для того, чтобы вот эти-то права для 1 миллиарда 300 миллионов своих граждан обеспечить, он и вынужден был подавлять именно те личностные права и свободы, которые для Запада остаются основополагающими, поначалу даже право на собственность. И, если вспомнить здесь законы движения масс, то этот путь Китая, да и СССР в конечном итоге, был логичен. Но такой путь нелогичен, например, для Албании, где всего один миллион населения и где классическая демократия имела бы гораздо больше шансов на успех, чем административно-командная экономика.

В ленинской модели социалистической демократии (подавление меньшинства эксплуататоров и им сочувствующих большинством трудящихся) труднее всего приходится интеллигенции. Ведь после «ликвидации сопротивления эксплуататорских классов», как правило, вместе с самими этими классами давят, увы, в первую очередь тех, кто особенно такими правами и свободами дорожит. Давят тех, кто «мешает» тоталитарному государству двигать массы к «высокой цели» своими напоминаниями о том, что права человека следует уважать. В первую очередь — творческую и научную интеллигенцию, а также учащуюся молодежь. Давят, конечно, не только их, — всех. Просто интеллигенция этот тоталитарный пресс болезненнее ощущает.

На Западе не любят говорить об этом, хотя и не отрицают существования такого явления, как «скрытое подавление» и «социальное манипулирование». Система рыночных отношений в странах развитого капитализма и особенно — изощренная система потребительского кредита создали возможность опосредствованного и тем не менее практически тотального контроля над населением. Кредитные карточки и разного рода электронные системы оплаты, аудиовизуальные средства охраны, информатизация экономики в целом позволили создать такую систему электронной слежки и сыска, подслушивания и подсматривания, до которой КГБ и прочим подобным службам с их многомиллионными армиями доэлектронных осведомителей весьма далеко. Будучи включенным в систему потребления Запада, гражданин развитого постиндустриального общества редко из нее по своей воле выпадает. Он законопослушен, потому что примерно себе представляет, сколь ужасным будет для него «выпасть» из того общества, где он живет — и с точки зрения полицейских и судебных репрессий, которым он наверняка подвергнется, и — что страшнее, — с точки зрения изоляции от всей остальной массы потребляющих граждан, включая часто его собственную семью. А этот страх уже сам по себе, не говоря уже о вездесущей рекламе, на фоне которой не потреблять просто неприлично и непатриотично — совершеннейшее средство манипулирования сознанием.

Не секрет, что и «свободная» пресса весьма часто используется на Западе в тех же целях. (Весьма наглядно вся эта система показала себя в действии во время расследования во Франции в конце 90-х годов дела о подкупе игроков команды «Валансьен» клубом Бернара Тапи «Олимпик де Марсель». С помощью следов, оставленных кредитными карточками, и через месяц удалось проследить передвижения основных действующих лиц этой аферы буквально до минут.)

Именно эта система опосредствованного социального манипулирования и контроля позволяет цивилизованным государствам Запада и Востока избегать открытых репрессий, обходиться без ГУЛАГов и «Тяньаньмыней» (имеется в виду расправа с танками над диссидентами в Пекине на площади Тяньаньмынь в 1989 г. — *Ред.*).

Полицейские расправы тем не менее и на Западе имеют место, конечно, хотя и не в таких масштабах, как при «реальном социализме». Но кто под них попадает? В первую очередь злостные нарушители законов и общественного по-

рядка, люди, выпавшие из системы потребления, или еще в нее не включившиеся. Это разорившиеся мелкие торговцы и фермеры, безработные, иммигранты и молодежь, в основном, как правило, иммигрантского, либо местного «цветного» происхождения, люмпены и разного рода маргиналы. Все эти «бунты в гетто», «расовые беспорядки» и т. д. — это плата постиндустриального общества за эксплуатацию наемного труда из третьего мира непосредственно на своей территории.

В социалистических странах, или коммунистических по западной терминологии, таких средств контроля, естественно не было. Даже безработицей нельзя было припугнуть, потому что безработицы не было в силу прямолинейной реализации христианско-коммунистического принципа «кто не работает, тот не ест».

У правителей социалистических стран оставался, таким образом, не очень привлекательный набор средств управления населением в период, предшествующий созданию обещанного «коммунизма»:

а) манипуляция сознанием с помощью партийных пропагандистов и средств массовой информации через идеологизированную культуру и спортивно-зрелищные мероприятия, а также путем изоляции от «враждебных» источников информации;

б) поощрение законопослушных и образцовых граждан через государственную систему распределения благ и наград;

в) превентивная слежка и контроль за умонастроениями граждан;

г) подавление инакомыслящих всей силой репрессивного аппарата и репрессивной пропаганды.

В такой системе управления обществом видимые нарушения личностных прав и свобод были всегда гораздо более очевидны, чем при опосредствованной западной системе контроля и манипуляции, которую впоследствии быстро переняли в ельцинской России.

В годы «холодной войны» Запад активно использовал защиту прав человека против социалистического Востока. Его изображали «репрессивным» и «тоталитарным», что уже само по контрасту если не компенсировало, то оправдывало недостаток экономических свобод в «обществе потребления». Ну, а у нас в ответ на это, как известно, не только оправдывались за нарушения прав человека, но еще и отвечали США конкретно убийственным аргументом: «А у вас негров вешают!» Самым любопытным в этом идеологическом противо-

стоянии двух миров было то, что в коммунистическом мире никому не приходило в голову почитать раннего Маркса и у него взять аргументы для спора с Западом, вместо того, чтобы вести этот спор базарным методом. Из тех первых его работ ясно, что первый теоретический спор основателя марксизма и его противников начался с прав человека. Но спор этот был очень похож на известный диспут о том, что раньше появилось — яйцо или курица. Оппоненты Маркса считали, что гражданские свободы превыше всего и, только обладая ими, человек способен добиться обеспеченного достойного существования для себя и своей семьи. Государство же должно стоять и на страже этих прав, и на страже тех достижений, которых добился удачно воспользовавшийся этими правами гражданин, т.е. на охране священного права собственности. Это положение, как известно, закреплено во всех демократических конституциях. Маркс считал, что ничего эти декларируемые права и свободы не стоят, пока они не обеспечены материально. А раз не обеспечены, то человек неизбежно попадает в капиталистическое рабство, продавая свой труд, становится бесправным наемным рабочим и т.д. Отсюда впоследствии и появился большевистский рецепт — отнять собственность у имущих и поделить ее между неимущими, чтобы таким образом материально обеспечить их равенство. В этом и состоял исторический спор между капитализмом и социализмом. Но решился он не в пользу социализма именно потому, что человек свободный работает гораздо продуктивнее человека, лишенного личностной и политической свободы, т.е. фактического раба.

История этих идеологических баталий, однако, не должна заслонить для нас главное — вопреки всем теориям, человечество по мере своего развития объективно шло к созданию общества свободы, равенства и, если не братства, что от нас пока далеко, то одинаковой социальной защищенности для всех. Это было вызвано самой практической потребностью не простого выживания, а прогрессивного развития человеческой, прежде всего христианской цивилизации «золотого миллиарда». Возникновение системы реального социализма объективно ускорило этот процесс в капиталистических странах. Перераспределение национального дохода через налоговую систему, которое предпочли западная и восточная социал-демократия, оказалось более результативным методом подъема уровня жизни, чем тотальное государственное регулирование и распределение через государственный

бюджет при социализме. В чистом виде сейчас мало где можно найти классическое капиталистическое или социалистическое государство. Ни то, ни другое уже современному обществу в индустриальных странах не соответствует. Будут эти государства именоваться впредь капиталистическими, социалистическими, социальными или политологи придумают какой-то другой термин, не столь уж и важно. Важно то, что и капитализм, и так называемый «реальный социализм» были формами социальной организации для движения к одной и той же цели. Другое дело, что маршруты были разные.

Для упрощения понимания попробуем изобразить это социальное движение графически. Представьте себе некую сферу, похожую на нашу планету, и отметьте где-то на экваторе точку «А». В европейской истории она примерно означает ликвидацию монархии, и становление общества без титулов и привилегий, но с рыночной экономикой. Как известно в капитализме и тем более в демократической республике после свержения монархии в феврале 1917 года Россия долго не задержалась. Октябрь 1917 года положил начало коммунистическому периоду в ее истории. Началось «историческое соревнование» социализма с капитализмом. Цель его для каждого участника — прийти в точку «Б» — то самое идеальное общество, о котором мечтали гуманисты всех времен и народов. Кто скорее? Соревнование или Битва Титанов? Как это проходило в XX веке, мы знаем. Могло ли быть иначе? Могло. Эволюционное развитие предполагает последовательную замену одной формации другой, как только новый общественный строй вызреет в недрах старого. Так примерно в переломных западноевропейских государствах феодализм уступил место капитализму.

Смена формаций бескровной не была, но она была исторически закономерной и экономически оправданной. В подобном варианте поезду по имени «Социализм», если бы он шел по историческому «расписанию» не суждено было стартовать из точки «А» до тех пор, пока буржуазная демократия, как писал Маркс, а затем в «Государстве и революции» это скрупулезно повторил Ленин, не «будет развита до конца». Сколько на это отвела бы история капитализму времени, можно судить по истории Франции — Великая Французская революция совершена в 1789 году. Начертанные на ее знамени и на гербе Французской Республики прекрасные слова «Свобода. Равенство. Братство», вовсе не означают, что во Франции XXI века все граждане пользуются свободой, равенством и относятся друг к

другу по-братски. Для развития заложенных в буржуазной демократии потенций и либеральных ценностей здесь простор великий и времени для его заполнения — не один еще век.

Большевики, как известно, отказались следовать историческому расписанию и не захотели следовать совету Плеханова (Г.Плеханов, дуайен российской социал-демократии, не раз увещевал Ленина и Троцкого, советуя им не спешить с пролетарской революцией), вставать в «плехановскую очередь» в затылок буржуазии. Представителям этого класса они предпочитали стрелять в затылок. История в России, а затем и в других странах, ставших под ее влиянием социалистическими, пошла не эволюционным путем, который мог быть, а мог и не быть, бескровным. Время понеслось вскачь путем революционным, кровавым. Революцией было предопределено, что теперь в заветную точку «Б» поезд по имени «Социализм» придет даже не одновременно, а раньше «Капитализма». Россия и все остальное человечество оказались в разных поездах. И вот началось... Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка! Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка!» А «клячу Истории» решили «загнать». Так сказал великий Маяковский. Итак...

...Из точки «А» стартуют два поезда — «Капитализм» и «Социализм».

В задачу машинистов того и другого состава входит прийти в точку «Б» на прямо противоположной стороне земного шара. Исторически теперь уже предопределено, что они придут туда примерно в один и тот же час. Но, стартовав в это «кругосветное» путешествие в разное время и прямо противоположными маршрутами, каждый из них будет стремиться прийти в точку «Б» первым.

Не будем уточнять, кого и как в поезд «Социализм» загнали насильно и сколько там было арестантских вагонов. Ясно, что их поначалу больше, чем в западном.

Посмотрим, однако, на эту «транспортную схему» исторически, а не с точки зрения практической целесообразности норм соблюдения прав и свобод человека или чистого гуманизма. «Капитализм» поначалу имеет время в запасе и идет, не поспешая, с остановками и передышками. Машинисты тщательно следят за тем, чтобы механизм локомотива не перегрелся. Чем ближе к точке «Б», тем больше в этом поезде заботятся о хорошем питании, медицинском обслуживании и прочих благах не только пассажиров спальных вагонов, но и тех, кто

едет в третьем классе. Сказываются информация о положении в поезде «Социализм» и опыт Второй мировой войны.

Не только страх перед революцией, но и страх перед возрождением фашизма, этого политического движения обнищавших масс, заставил капитализм после войны пойти на перераспределение национального дохода и создание мощной системы социальной защиты населения. Вот почему по мере приближения к точке «Б» пассажиры капиталистического поезда уже мало отличаются друг от друга, по крайней мере по степени социальной защищенности. Этот феномен постиндустриального общества, кстати, отметил идеолог «новых левых» Герберт Маркузе, когда писал в своей книге «Одномерный человек» о секретарше и жене ее босса, одевающихся в одном и том же магазине.

...«Социализм» между тем рвется к точке «Б» на всех парах, не особо обращая внимания на «мелкие неполадки» и на то, что его собственные пассажиры едут не в комфортабельных спальных вагонах, а в основном — в товарных. Главная его задача — прийти в точку «Б» раньше «Капитализма», а какой ценой это будет достигнуто, не важно. Дело доходит до того, что всех возражающих против такой «трудовой повинности» просто пристреливают у ближайшего светофора и оставляют «на свалке истории».

Только по мере приближения к точке «Б» машинист и проводники начинают заботиться и о механизмах своего локомотива, и о пассажирах. Понимая, что иначе в заветную точку им просто не прийти. Соответственно сбавляется и скорость.

В реальной жизни социализм все больше цивилизуется. Он становится по своим параметрам обществом, близким к капиталистическому по насыщению товарами и услугами, по все большему соблюдению прав и свобод человека, а введенное революцией социальное обеспечение граждан переходит от прежней уравниловки на уровне нищеты к качественным улучшениям.

В классическом варианте именно в таком локомотиве и движется к будущему обществу социального равенства и защищенности, включая теперь уже и защиту частной собственности, Китай.

С Советским Союзом на том же маршруте продвижение к точке «Б» шло до поры достаточно успешно. Постепенно все же жизненный уровень «пассажиров», т. е. населения, повышался. Была в основном решена жилищная проблема. Не буду

перечислять «наши достижения», как писали раньше в парадных отчетах, отмечу лишь главное — СССР перестал закрывать наподобие сказочных Трех обезьян глаза, рот и уши, когда Запад говорил о правах человека. У нас уже начинали понимать, что без личностных прав и свобод на одном принуждении экономику вперед не двинешь. Репрессивный аппарат постепенно модифицировался, хотя и с большим скрипом. Тем не менее уже после XX съезда КПСС стал невозможен возврат к террору сталинского типа. К концу жизни и правления Брежнева (1982 г.) диссидентов уже старались не сажать, а предпочитали «ссаживать» с «социалистического» поезда, т. е. высылать за границу. СССР подписал Хельсинкские соглашения и худо-бедно выполнял их. Если бы дело шло так и дальше, мы пошли бы по нынешнему китайскому пути, осторожно вводя частный сектор и расширяя личностные права и свободы, при одновременном укреплении уже достигнутого по части защиты свобод экономических и политических.

Увы, с нашим поездом в 1985 году получилась полная глупость. К тому времени механизм его поизносился и локомотив стал на подъемах в горку пробуксовывать. И тогда новые машинисты «Социализма» во главе с Горбачевым решили загнать его в тупик «перестройки». А там, посоветовавшись, они пришли к выводу, что «наш бронепоезд» 70 лет кряду шел неверным путем, решили его срочно переоборудовать в похожий на западный пассажирский состав и направить в прямо противоположную сторону догонять «Капитализм» по тому маршруту, по которому тот пошел давным-давно, стартовав из точки «А» где-то в начале XX века. Догнать его — пустая надежда. В лучшем случае СССР смог бы наверстать страны «третьего мира», пошедшие капиталистическим путем.

Результат известен: Россия, порастеряв на маршруте «вагоны», т. е. бывшие республики СССР, которые двигаются теперь уже к точке «В» на попутных локомотивах либо просто по инерции, сразу же отстала от «Капитализма» на 70 лет. На те самые 70 лет, за которые, несмотря на многочисленные жертвы и беды, все же очень близко продвинулась к точке «Б». Теперь вообще неизвестно, когда она туда попадет. Очевидно только, что не скоро. И заодно по ее вине, чего пока многие не понимают, нескоро попадет туда и Запад. Потому что Россия, все прежние сателлиты СССР в Европе тянут сейчас Запад назад, тормозят его продвижение вперед, к той самой заветной точке.

Историческое движение по сути дела остановилось. И пассажиры обоих составов чувствуют себя неудобно, конечно больше всего страдают при этом в том составе, на котором слово «Социализм» уже замазали, но за неимением краски и мысли ничего нового так и не написали. Капитализм в России и после развала СССР долгие годы не мог обрести легитимности. По сути, он оставался полукриминальным, бандитским. И не случайно многие российские фирмачи, даже банки долго не решались вывешивать таблички с названиями своих фирм на дверях своих офисов. Обычно посетителя встречала глухая железная дверь со звонком и переговорным устройством. Если решали, что посетитель не опасен — впускали. Как где-то в Чикаго в 20-х годах при Аль Капоне и ему подобных. Наш поезд пришел именно туда.

Конечно, движения человечества к точке «Б» все это не остановит. Оно рано или поздно туда придет. Неизбежно будет создано глобальное общество без границ, без антагонистических политических систем и государств, но с социальным равенством и должной социальной защищенностью. Иначе человечество просто не выживет, не сможет одолеть своих экологических и демографических проблем, не избавится от болезней и голода, от отсталости и элементарной дикости. Остановится, пожалуй, лишь продвижение к точке «Б» идущего впереди всех нелитерных составов элитного экспресса, где обитают сегодня две дюжины высокоразвитых государств. В рамках будущего глобального социального равенства они должны будут притормозить и дать себя догнать всему нашему остальному отставшему миру, где будет еще долго находиться и Россия. Возможен, однако, и другой, менее оптимистический сценарий. Группа высокоразвитых быстро уйдет вперед в своем скоростном экспрессе, а всех остальных загонят в тупик, своего рода резервацию для народов, обреченных на отсталость и вымирание. Не исключено, что в этом случае составители графиков движения развития и расписания поездов современной цивилизации уже никогда не позволят народам бывшего СССР, вынесшим неисчислимые страдания по мере «продвижения к социализму», вообще доехать до точки «Б» даже в том весьма относительном комфорте, в котором они уже могли оказаться к концу XX века, сохранись у нас Советская власть.

Им предстоят новые страдания, испытания тяжелейшие, к ним они не подготовлены и природы их не понимают. Исход этой очередной «битвы за светлое будущее» предсказать сего-

дня невозможно. Я не исключаю, что он катастрофичен, но хочу все же быть оптимистом и верю, что Россия выдержит и это испытание на пути к своему историческому предназначению.

Когда-нибудь, когда утихнут политические страсти и наступит время трезвого анализа, всем сестрам, как говорят русские, раздадут по серьгам. Тогда станет ясно, почему поезд «Социализм» в России сошел с рельсов.

Воздадут должное и «машинистам», и «проводникам», и «пассажирам». И может быть, пассажирам в первую очередь. Мы, русские, склонны все наши беды приписывать своим правителям и «внешним врагам», да судьбе-злодейке. Но самые опасные наши враги — это мы сами. И пока мы не поймем, что именно наша пассивность, лень, наши иррациональность и гражданская безответственность мешают нам жить так, как положено, жить нормальным людям, Россию никакое чудо не спасет.

Состав по имени «Социализм» мы не жалели на маршруте, это очевидно. И все же дойти к точке «Б» своим ходом и в прежнем направлении он мог. Просто нам, его пассажирам, надо было этот состав беречь и не относиться к нему и к рельсам, по которым он шел, наподобие героя чеховского «Злоумышленника».

Очевидно, что бездарными оказались и наши «машинисты». И все же признаем: дело тут не только в личностях, но и во всей существовавшей в СССР и в союзных ему странах политической системе. Ведь те, кто сумел за такой короткий срок превратить Россию в «международную обшмыгу», не с неба свалились. Это кадры наши, отечественные, те самые «верные ленинцы», с которых нас всех учили брать пример почти семьдесят пять лет.

Глава 5

«ВЕРНЫЕ ЛЕНИНЦЫ»

Многие и на Востоке, и на Западе спрашивают: почему же именно лидеры КПСС, эти «верные ленинцы», повели реальный социализм по пути самоуничтожения? Что это — синдром «Интернационала» («...Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...») либо просто отсутствие расчета и социального предвидения?

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ ДЕМОКРАТЫ?

Частично причины этого были названы в предыдущих главах, в том числе в интервью Дмитрия Саймса Первому каналу. Но, как очевидно, даже Саймс до сих пор не понял, как нашим «верным ленинцам» удалось буквально в одночасье развалить такое мощное государство, как СССР? И как могли проморгать эту самую главную опасность славные советские военачальники да наши доблестные чекисты? Почему первые тихо и покорно ждали, пока их разоружат, а вторые — пока их разгонят?

Ответы на эти вопросы не лежат на поверхности. Хотя недостатка в готовых ответах нет. Напомню о некоторых расхожих объяснениях причин развала СССР и коммунизма.

Оправдания горбачевцев я слышал, что называется, из первых уст. Они сводились к следующему (здесь и далее в «версиях» кавычки я ставлю условно, приводимые цитаты не всегда буквальные):

«Мы пробовали поначалу все перестроить, не ломая фундамента. Но пришли к выводу, что с системой, существовавшей в Советском Союзе, просто ничего нельзя было сделать.

Она была неререформируемой. Надо было ее разрушить и все начать заново».

Обычно к этому беспомощному аргументу прибавляют дежурную банальность из цитатника бывшего главного идеолога ЦК КПСС и главного «прораба перестройки» Александра Яковлева: «Так распорядилась История». Непременно с большой буквы!

Взгляд горбачевцев на недавнюю историю, если судить по публикациям последних лет, а особенно по пиаровской компании в связи с ее 20-летием, во многом совпадает и со взглядами лидеров российских демократов и их идеологов.

Аргументы коммунистов (я уже не отношу к ним горбачевцев, ибо они все, начиная с самого бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС из партии вышли сами либо были из нее исключены) столь же различны, как и их нынешняя ориентация.

В группе ВКП(б) Нины Андреевой и примыкающих к ней «крайних» точка зрения на происшедшее однозначна:

«...В развале СССР повинны международные империалистические подрывные центры, сионизм и масонство. По приказу мирового правительства крупного капитала («Трехсторонняя комиссия» в одном варианте, «Исполком Группы Семи» в другом. — *Авт.*) они провели к власти свою агентуру в лице А.Н. Яковлева, завербованного еще в 50-х годах ЦРУ во время стажировки в США, и М.С. Горбачева, завербованного уже Яковлевым (в иных вариантах М. Тэтчер, Рейганом в Женеве в 1985 году и т. д. — *Авт.*).

С их помощью было ликвидировано «здоровое ядро» в КПСС и на руководящие посты в партии и государстве были назначены по согласованию с ЦРУ и сионистами (в другом варианте — «жидомасонами». — *Авт.*) угодные империализму люди. Заговор был широко разветвлен и глубоко эшелонирован. Горбачев и его команда должны были развалить КПСС и СССР, отдать все социалистическое содружество на расправу НАТО, а затем уступить место тем, кого к этому времени уже обучали и обкатывали на Западе, — Ельцину, Гайдару и его команде, Кравчуку со товарищи и т. д. Вот этому «второму эшелону» и поручалось полностью разоружить Советский Союз, демонтировать социализм, развалить вслед за СССР Россию и сделать остатки ее колониальными, сырьевыми придатками Запада.

Патриотические силы, попытавшиеся спасти СССР и коммунизм в целом, в том числе путем введения чрезвычайного положения 19 августа 1991 года, были обмануты и пре-

даны Горбачевым, как это и предусматривалось западным сценарием, открывавшим путь к развалу СССР, запрету КПСС и утверждению Ельцина и его группы реставраторов капитализма у власти.

Вариации на эту тему так или иначе можно услышать в выступлениях ряда бывших членов ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению), возглавлявших августовский «путч» 1991 г., в публикациях газеты «Завтра» («День») и примыкающих к ней русских национал-шовинистов и неославянофилов, даже в листовках и газетах нацболов Лимонова.

Во многом эта тема «заговора» повторяется время от времени в коммунистической пропаганде, как в «умеренной» «Правде», так и в «неумеренной» «Советской России».

О «жидомасонском заговоре» постоянно говорит пропаганда ультраправых, экстремистских и, как правило, антисemitских сил неонацистского толка, включая последователей генерала Макашова.

В этих кругах считают за подлинные документы и такую фальшивку, как «Протоколы сионских мудрецов», и фальшивку более современную, новый вариант «антирусского заговора» под названием «План Алена Даллеса (шеф ЦРУ США до 1960 г.) для СССР».

Коммунисты «послеавгустовского набора», объединившиеся вокруг Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), или партии Зюганова, теории заговора не отрицают, но трактуют его несколько иначе. Они считают, что при коммунизме в России в основном все было правильно, но, конечно, были и ошибки, и «перекося», хотя при этом умудряются оправдывать даже насильственную коллективизацию, массовый террор Сталина под предлогом борьбы против «врагов народа» и неподготовленность к войне с Гитлером.

Самой тяжелой ошибкой партии, приведшей к развалу СССР и КПСС, зюгановцы считают избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС «перерожденца и честолюбца» Михаила Горбачева, добровольный отказ КПСС от монополии на власть. Здесь Горбачева «агентом», как правило, не называют. Считают, что он «в силу своего позерства, нетерпимости к мнению других и самовлюбленности, стал жертвой в руках умелых манипуляторов его слабостями и слабостями его жены».

Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС «не имел хорошо продуманного, научного плана перестройки», которая

могла бы «оздоровить партию и все советское общество». Горбачев, по мнению КПРФ, ни с кем не хотел считаться и, не слушая «умных» советов «товарищей по партии, пошел по пути импровизации, волюнтаризма, в результате чего потерял контроль за ходом событий, отдал инициативу в руки «демократов» и «других контрреволюционных сил». Вот это «в конечном счете и привело страну и партию к катастрофе». Столь спокойное отношение к горбачевскому предательству партии и всего международного комдвижения во многом объясняется тем, что в руководство КПРФ перешли из КПСС те члены Политбюро ЦК КПСС, которые непосредственно отвечали за перестройку и активно проводили ее в жизнь. Это А. Лукьянов, Е. Лигачев, Н. Рыжков и др.

Партия Зюганова всячески поддерживала организаторов «путча» 1991 года, выступая за их полную реабилитацию. Кстати, многие его участники тоже вошли в КПРФ. Зюганов и его окружение считают, что СССР следует восстановить и КПСС тоже. И с учетом «ошибок» продолжать строить социализм. К КПРФ близки Аграрная партия России, «Женщины России», партия бывшего спикера Госдумы Г. Селезнева, другие партии и движения, вошедшие в Национально-патриотический союз России (НПСР), порвавший с Зюгановым в 2004 г., а также новая ВКП(б), отколовшаяся в том же году от КПРФ, и часть бывших коммунистов из партии Жириновского. В Государственной думе депутаты от этих партий и блоков голосуют чаще всего солидарно. Иногда блокируются с «Родиной» Рогозина, с независимыми депутатами и даже с «народниками» из «Единой России».

Коммунисты реформаторского, или, как говорят, «медведевского» (от Роя Медведева) направления, в своей критике «реального социализма» близки к еврокоммунистам. Они невысоко ставят Горбачева как политика и государственного деятеля, но отдают ему должное как реформатору. Многие в их среде считают причиной развала СССР и КПСС «авантюру с путчем августа 1991 года», которая якобы «помешала нормальному пути к реформам социализма». Немало иллюзий у реформаторов-коммунистов по поводу «возврата к ленинским нормам», к рецептам строительства социализма первых лидеров большевиков — от Троцкого до Бухарина. Многие до сих пор считают, что, если бы к этим нормам вернулись при Хрущеве, сразу же после смерти Сталина, то социализм был бы здоровым социальным строем по сей день.

Наконец, есть и аргументация реформированных демократов, которые поначалу были самыми резкими критиками

коммунизма в СССР и КПСС в целом, а затем практически полностью перешли на позиции партии Зюганова, либо новых российских социалистов и социал-демократов. В своем анализе причин краха коммунизма они исходят в первую очередь из неэффективности его экономической политики, приведшей к экономическому застою 80-х годов. Обвиняют Горбачева в некомпетентности и волюнтаризме при проведении реформ. Считают, что Горбачев, столкнувшись со стремлением республик СССР и промышленных регионов преодолеть последствия застоя путем обретения большей экономической самостоятельности, не сумел обеспечить должного контроля центра, пустил реформы в республиках и регионах на самотек. Это якобы и привело к центробежным процессам, развалившим всю прежнюю административно-командную экономику, а вместе с ней и СССР. Такая деидеологизированная критика горбачевизма приемлема и для левых «патриотов» (Рогозин, Селезнев, Глазьев, Семигин и др.), и для консерваторов — «государственников» (кинорежиссер Андрей Кончаловский). Близок к этой группе актер и кинорежиссер Говорухин, автор нашумевшей в свое время книги «Великая криминальная революция». С его точки зрения «развал СССР вызван действиями разветвленного преступного мира (отечественной мафии). Она использовала, по его мнению, «своих людей в структурах подавления и в КПСС, в местных и центральных органах власти», чтобы на гребне событий августа 1991 года, которые многие демократы рассматривали, как «народную революцию», привести своих людей к управлению страной. Этими людьми стали Ельцин и его реформаторы. Команда Ельцина, по мнению Говорухина, была обязана «отечественным и зарубежным мафиозным структурам за то, что те подобрали их, когда Горбачев и его компания перестройщиков вывели их со всех партийных и государственных постов».

Считают, что именно дельцы черного рынка, отечественная и международная мафия помогли Ельцину «подать себя» Западу во время явно организованной серии рекламных поездок в первой половине 1991 года как «противовес и альтернативу Горбачеву». Те же силы якобы «финансировали и направляли в прессе предвыборную кампанию Ельцина, в результате чего тот смог прийти к власти на уровне президента Российской Федерации в июне 1991 года».

Согласно аргументации «реформированных демократов», после срыва путча 1991 года Ельцин и его окружение «в благодарность за помощь» фактически «легализовали дельцов

черного рынка и различных мафиози из нуворишей, из военной и партийно-хозяйственной мафии, предоставили им право наживать за счет разбазаривания достояния России. Это привело к созданию в России режима «плутократии», буржуазно-криминального правительства, а затем и криминально-президентской республики». Эта позиция находит поддержку у довольно широкого слоя интеллигенции, не воспринимавшей коммунизм, но не воспринявшей и ельцинский режим, который ее лишил социальной защищенности и государственных субсидий.

Я намеренно не привожу здесь версий пропрезидентских партий, выступавших в разное время под разными вывесками: «Выбор России», «Наш дом — Россия», «Отечество», «Единая Россия» и др. Я не разбираю манифесты «Яблока», псевдолиберальных, вроде СПС, монархических, и, других партий, резко отрицающих социализм. Уже потому, что не могу принять всерьез их точку зрения, которая сводится к весьма наивному утверждению, будто русский народ «сверг его коммунизма».

Это не только наивно, но и весьма близко по пропагандистской схеме к официальной советской версии причин победы большевиков в Октябрьской революции 1917 года и в гражданской войне. Даже такой великий стратег революции, как В. И. Ленин, в начале 1917 года считал, что революционная ситуация в России не возникнет еще лет десять. Если бы не Февральская революция, которой он никак не ожидал, он бы не вернулся в Россию из эмиграции еще долго, как бы его не подталкивали к этому авантюристы вроде Парвуса. Но история повернулась так, как никто из профессиональных революционеров не мог предвидеть. Руководящую роль они приписали себе потом, задним числом. И мы, и наши дети учили в школе, что это якобы «восставший народ, под руководством партии большевиков сверг власть царя, помещиков и капиталистов». Но теперь-то мы знаем, что даже летом 1917 года большевиков еще никто не воспринимал всерьез. Так же, как мало кто в СССР воспринимал всерьез наших диссидентов. Да и многие из них боролись вовсе не за то, что создано на развалинах СССР.

Мне не раз приходилось встречаться в Берне и Париже с лидерами «Интернационала сопротивления коммунизму» (создан в 1981 году в Париже, его возглавили В. Максимов и В. Буковский, в него входили Ив Монтан, Раймон Арон, Ионеско и др.). Их, как и других диссидентов, живших в Париже в эмиграции, было трудно заподозрить в симпатиях к Советской

власти. Но и новую власть, новую систему олигархически-бандитского капитализма, которую на Западе вежливо именовали «авторитарной демократией» они не переносили на дух. С моей легкой руки в «Правде» вплоть до своей смерти в 1995 году с резкими антиельцинскими статьями и интервью выступал главный редактор парижского журнала «Континент» Владимир Максимов, изгнанные из СССР Андрей Синявский и его жена Мария Розанова, диссидент-марксист Петр Абовин-Егидес, Эдуард Лимонов, тогда еще эмигрант, многие другие. (о встречах с ними более подробно будет рассказано в последующих главах). Статьи еще одного лидера «Интернационала сопротивления», бывшего политзаключенного Владимира Буковского, обмененного Брежневым на генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана, охотно печатали «День» и «Советская Россия». Никто из них не хотел отождествлять себя с режимом Ельцина. Не за то они «мотали сроки» по лагерям ГУЛАГа.

Пройдет еще много лет, прежде чем окончательные причины развала СССР станут понятны. Поэтому, на мой взгляд, нам, русским, куда важнее понять не столько конкретные причины политической катастрофы коммунизма, сколько ее предпосылки. И именно в контексте российской истории.

МАРКСИСТЫ-СЛАВЯНОФИЛЫ И МАРКСИСТЫ-ЗАПАДНИКИ

Извечный русский спор между сторонниками западного и отечественного пути развития с Октября 1917-го решался в боях гражданской войны.

Не буду вдаваться в подробный анализ теоретических выкладок большевиков, прежде всего Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. Желающих серьезно этим заняться отошлю к работам Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а также к брошюре Ленина «Государство и революция» и к его незавершенной книге «Экономика и политика в период диктатуры пролетариата».

Здесь же скажу только вкратце о том, как представлял себе будущее России В.И. Ленин, добросовестно законспектировавший работы Маркса и Энгельса. Ленин, равно как и Троцкий, думал поначалу, что революция в России должна была стать частью мировой пролетарской революции. Даже

после того, как стало ясно, что мировой пролетариат не спешит последовать примеру российского, мировая революция все равно готовилась. Ленин сразу после Октября 1917-го выделил на эти цели гигантские по тем временам средства на создание III Коммунистического Интернационала и на пропитание весьма значительного контингента профессиональных революционеров, прибывавших в Москву «за опытом» практически из всех существовавших тогда стран мира и их колоний. Планировался гигантский передел мира. Экспроприация экспроприаторов готовилась в глобальных масштабах. Все мировое богатство собирались, по крайней мере на словах, отобрать у богатых и поделить поровну между немущими. (Что из этого получилось в России, мы знаем.)

Ясно было, что богатые добровольно ни власть, ни денег не отдадут. Поэтому ни Маркс, ни Ленин не мыслили революционное государство иначе как «диктатура пролетариата». Ее основной функцией было «подавление эксплуататорских классов». По сути — геноцид имущих и тех, кто «состоял на царской службе», тех, кто «был с ними идейно», т.е. еще и геноцид кадровых военных, государственных служащих высокого ранга и несогласной с коммунистами интеллигенции.

Такая резня шла, и шла безжалостно с первых дней революции именно под руководством Ленина. Думаю, сторонники возвращения к «ленинским нормам», об этом знают. Я не буду приводить здесь известные палаческие директивы Владимира Ильича «Сжечь! Расстрелять! Повесить!» Все это было вытасчено из тайных партийных архивов еще в годы перестройки и опубликовано не раз¹. По марксистской схеме диктатура пролетариата должна была со временем перейти в «народное самоуправление». Государству предстояло «отмереть», как и демократии. На недоуменный вопрос отвечу, что демократия по мысли марксистов есть не что иное, как подавление — либо подавление меньшинством большинства (буржуазная демократия), либо большинством меньшинства (социалистическая демократия). Иной трактовки демократии большевики не принимали принципиально. Ну, а при «народном самоуправлении» все должны были стать такими сознательными, что в подавлении просто не было бы никакой нужды, как в любой нормальной «Утопии».

В большевистской «Утопии» не оставалось места ни национальным различиям, ни государственным границам. Че-

¹ В №10 за 1999 год журнал «Родина» посвятил около 100 страниц публикации таких документов, от прочтения которых кровь стынет в жилах от ужаса.

ловечество объединялось на базе социальной справедливости и все свои разногласия решало мирно, добровольно соблюдая все правила социалистического общежития. Ленин считал, что «сопротивление эксплуататоров будет постепенно ослабевать» (надо понимать, по мере их физического уничтожения или «перевоспитания»), а значит, должна была ослабевать и необходимость в их подавлении. Он писал, что после победы революции классовая борьба постепенно сойдет на нет, что будущее коммунистическое общество, где все будет поделено «по справедливости», станет классово однородным. Иван Ильин считал, что большевистское понимание справедливости и равенства — это «доктрина, направленная сразу против Бога, против природы и против справедливости». Ильин не был против равенства. Он был против уравниловки, против механического нивелирования человеческой личности и подведения всех и вся под единый стандарт. Достоевский высмеял эту идею механического равенства в своих «Бесах»:

«Рабы должны быть равны... Не надо образования, довольно науки! Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание... Мы всякого гения попишем во младенчестве. Все к одному знаменателю. Полное равенство»:

Большевистская «Утопия», если имела русские корни, то в формуле равенства, выведенной Степаном Разиным, «чтобы всяк всякому был равен». Но и эта формула, скорее, международная, ибо популярна в любой охлократии, как именовали греки власть толпы. Революция в России была задумана как часть мировой революции. Она должна была по замыслу космополитической социал-демократии конца XIX — начала XX века (это был ее тезис: «У пролетариев нет отечества») открыть путь к западнизации России, к уничтожению «русскости», как, впрочем, и всех других национальных различий. Во многом планы русских революционеров фактически совпадали с планами тех империалистических держав Запада и Востока, которые затеяли передел мира в начале XX века. Случайность это или согласованный сценарий, типа того, который предложил Парвус одновременно разведке Кайзера и Ленину, умелое использование большевиками «противоречий между империалистами ради победы дела пролетариата», или просто рок, судить не берусь. Есть аргументы в поддержку и теории сговора большевиков с кайзером (архив Парвуса, plombированный вагон, оголение русского фронта, что позволило наполовину разбитым немцам вдруг «победить», финансовая

помощь от крупных банкиров Европы и США и т. д.), и в оправдание действий большевиков, которые в конечном счете, хотя и с потерями, но сумели собрать воедино разваленную двумя революциями и гражданской войной Российскую империю. Ее развала Запад добивался с незапамятных времен, а точнее, с тех пор, как Москва была объявлена «Третьим Римом». И это очень важно понять, чтобы противостояние Запад — Россия не сводить к конфликту религий, либо идеологий. И в Первую мировую войну главной задачей Запада было развалить Россию. И во Вторую мировую. По мере того как публикуются ранее засекреченные документы, мы узнаем, что Черчилль был готов в самый разгар войны с Гитлером пойти с ним на союз против СССР, чтобы «остановить потомков Чингисхана», т. е. Красную Армию, как можно дальше на Востоке. Борьба с большевизмом была для него при этом задачей не первостепенной. Как, впрочем, и у Гитлера. Запад вел такую же двойную игру, как и во время Гражданской войны в России в начале XX века.

Великий князь Алексей Михайлович, один из самых ярких представителей Дома Романовых, писал в своей «Книге воспоминаний», что, помогая Белому движению, страны Антанты, в первую очередь Англия, стремились с его помощью добиться порабощения России, превращения ее в британскую колонию. «Британское министерство иностранных дел, — писал Алексей Михайлович, — обнаруживало дерзкое стремление нанести России смертельный удар... Вершители европейских судеб надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невыносимым. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали ... к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Можно представить, какое мужество потребовалось Алексею Михайловичу, десятки ближайших родственников которого, включая Николая II и его семью, уничтожили большевики, чтобы признать за Лениным роль нового собирателя русских земель.

Исторически для России это было жизненно важным делом. Ленин, мечтавший о мировой революции, понял это не сразу. Наверное только после «похабного» Брестского мира

до него дошло, что большевики используют в своих целях злейшие враги России. Теперь известны досконально некоторые планы ее раздела, датированные 1918 г., разработанные как в Европе, так и в Америке. Согласно им предусматривалось уничтожение России и как державы, и как нации.

Империалистические разведки учитывали в своих действиях по развалу России и стратегию наших отечественных революционеров, и исторический конфликт между славянофилами и западниками, который принимал, после 1917 года и гражданской войны новое измерение, и характер Белого движения. Объективно в этой войне победили марксисты-«западники». В соответствии с их программными документами с приходом к власти коммунистов социалистическая Россия должна была принять западный путь развития и раз и навсегда покончить с «лапотно-русским». Это революционное нашествие было страшнее кайзеровского, т.к. сопровождалось искоренением православия, массовым уничтожением церквей и монастырей, причем вместе с монахами и православными священниками, полным отрицанием русской культуры, что оправдывалось лозунгами типа «Сбросим Пушкина с корабля современности!». Патриарх Тихон 19 января 1918 года назвал революцию «сатанинским делом» и предал большевиков анафеме. Сопrotивление большевизму поэтому, до того как началась иностранная интервенция (поход Антанты), было национально-патриотическим, а Гражданская война на первом этапе — едва ли не религиозной. Белая армия, равно как потом и белая эмиграция, вопреки нередкому заблуждению, не были на сто процентов славянофильскими. Значительное влияние на Белое движение оказывали российские масонские ложи, в которые хаживали даже члены императорской фамилии, другие «западники», стоявшие за отречением царя и Февральской революцией. Не было Белое движение, вопреки тому, что писали советские историки, «движением имущих классов». 90% белых офицеров не имели собственной недвижимости. Перелом в сознании русского народа и в рядах русского офицерства начался после того, как на стороне белых выступили на Западе России немцы, французы и поляки, когда на Севере высадились англичане, а на Дальнем Востоке — японцы, что напомнило русским все прежние вторжения, от псов-рыцарей до наполеоновского нашествия.

Да и то не сразу наступил перелом. Поначалу возникла третья сила — «зеленые», боевым кличем которых было: «Бей белых, пока не покраснеют! Бей красных, пока не побелеют!». Впоследствии эта крестьянская вольница в массе своей пе-

решла все же на сторону красных. Но антибольшевистские крестьянские восстания полыхали еще долго и после разгрома белых.

В Красной Армии к концу гражданской войны служила большая часть офицерского корпуса царской России, включая элиту — офицеров генерального штаба. «Классовой солидарности» с белогвардейцами они предпочли после начала иностранной интервенции русский патриотизм, хотя потом, увы, большинству этих идеалистов в погонах пришлось жестоко заплатить за свое доверие Советской власти. В ходе предвоенных сталинских чисток «военспецы», как их называли, нередко возглавляли расстрельные списки.

Во многом и рядовым большевикам, бойцам Красной Армии иностранная интервенция помогла избавиться от иллюзий по поводу «международного братства трудящихся». Только в польском плену погибли в 20-х годах более 50 тысяч красноармейцев.

После смерти Ленина в 1924 году в партии развернулась борьба именно вокруг того, каким путем идти России дальше. Это была борьба не только за «чистоту марксизма», но прежде всего — за власть.

Такие большевистские лидеры прозападного толка, как Троцкий и Зиновьев, предлагали разные пути восстановления народного хозяйства, вплоть до создания трудовых армий (Троцкий). Особняком стоял Бухарин со своей теорией «социализма» мелких собственников, которая учитывала исторические и этнические особенности России, но в рамках уже известных нам бухаринских рекомендаций насчет переплавки в горниле революции «человеческого материала». Тем не менее, никто из большевиков ленинского призыва, кроме Сталина и его ближайших соратников, не верил в особый русский путь развития социализма. Все они считали, что послереволюционная Россия не сможет без помощи Запада встать на ноги. (Такую помощь предусматривал, в частности, известный «план Сокольников» 1925 года, по которому предлагалось обменивать сырье на западные машины и таким образом вести постепенно индустриализацию страны. Он был охарактеризован Сталиным, как «капитулянтский».)

О «классовой солидарности» тут речь, если и шла, то только проформы ради. Уже при Ленине Советское государство пошло на предоставление концессий западным фирмам, появились первые консультанты с Запада в российских банках, наркоматах, на стройках. (Во многом это нашествие на-

поминало кадровые перемены в кремлевских и правительственных кабинетах при Ельцине, куда прописывали даже «специалистов» из ЦРУ, несмотря на протесты российских спецслужб). Я уже не говорю об активной распродаже коллекций Эрмитажа и Русского музея, сокровищ Кремля с целью «выручки денег для защиты революции».

По-своему «верные ленинцы» из окружения Троцкого, Зиновьева, Каменева и даже Бухарина продолжили традицию российского западничества и говорили о России и русских не менее презрительно, чем ранний Чаадаев.

Сталин — отметим это сразу же — не был, по крайней мере в 1924 году, ни славянофилом; ни великодержавным русским шовинистом. Из боевиков он стал профессиональным революционером-марксистом и был воспитан, о чем можно судить по некоторым его ранним работам, как интернационалист-ленинец. Глубоко ошибаются поэтому те, кто сводит его борьбу с троцкистами и бухаринцами, другими его противниками в ВКП(б) к борьбе с евреями. Да, Троцкий, Зиновьев, Радек и другие были, конечно, евреями, как практически все пассажиры того plombированного вагона, в котором возвращался домой через Германию Ленин. Но Сталин вплоть до своей смерти ставил на высокие посты в государстве и держал в Политбюро еврея Кагановича. Его ближайшим соратником был Молотов, женатый на еврейке Жемчужиной, которую Сталин, правда, предпочитал содержать отдельно от Молотова, в ГУЛАГе. Да и люди других национальностей были в его ближайшем окружении. На высоких постах в правительстве при Сталине были, например, армянин Анастас Микоян, грузин Серго Орджоникидзе, менгрел Берия и т.д. Только после дела о «Крымской еврейской республике» и дела врачей в 1952 году Сталин пришел к откровенному антисемитизму. Но не раньше.

К своеобразному марксистскому славянофильству Сталин склонился, во-первых, потому, что он сам Запад не любил и людям отсюда не доверял. И во-вторых, из практических соображений. Борьба за власть была его второй натурой. И в этом он был поистине гениален. Тут Троцкий его недооценил. Сталин понял, что ему не на кого опереться в партии, кроме как на государственников, как правило, по национальности русских, когда он выступил против ориентации большевистской партии на западный путь развития, указанный Марксом и Лениным. Сталин хорошо знал, кто есть кто в революции, ибо он со многими был в тюрьмах, ссылках и подполье и работал главным образом в России. В то время как основная масса большевиков-западников жила до революции в эмиграции, как

Плеханов, Ленин, Мартов, Троцкий и др., его будущие союзники работали в подполье и открыто в России. Такими были Берия, Буденный, Молотов, Ворошилов, Микоян, Орджоникидзе, Калинин, Киров и др. Именно эти люди помогли Сталину выработать его курс на укрепление российской державности, на союз со славнофилами, перекусившимися в марксистов, и с русофилами, которые теперь именовали себя «интернационалистами», из союзных республик.

Курс на русификацию всей страны был принят Сталиным и его окружением тоже не из русского шовинизма, а из практической потребности. Для создания великой и сплоченной коммунистической державы, которой он уже был морально готов править как самодержец, Сталину нужны были послушные и преданные национальные кадры, с которыми можно было бы разговаривать без переводчика. Национализм везде был поставлен поэтому в СССР вне закона. В том числе русский. Сталин также понимал, что помочь Советской России Запад, вопреки прогнозам Троцкого и Бухарина, не только не захочет, но и не сможет. В 1924—1934 годах экономическая ситуация на Западе во многом напоминала ситуацию 1984—1994 гг. Запад погружался в безысходный кризис. Из него можно было выйти только двумя путями. За счет дешевой рабочей силы и дешевого сырья, которые можно было найти в колониях и в России. И путем новой мировой войны. Иного не было дано. Отсюда курс Сталина на опору на собственные силы, на «строительство социализма в одной стране», на «социалистическую индустриализацию», жестокую и принудительную коллективизацию сельского хозяйства.

Для того, чтобы оправдать все те нечеловеческие жертвы, которые нация принесла, «строая социализм», Сталину нужен был прежде всего внешний враг. После этого найти врагов внутренних проблемы уже не составляло. К 1925 году и к очередному, XIV съезду партии была сформулирована концепция «враждебного окружения». В «Кратком курсе истории ВКП(б)», под редакцией Сталина, читаем по этому поводу:

«Пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность капиталистической интервенции...

...Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение...

Из этого следует, что победа пролетарской революции в капиталистических странах является кровным интересом трудящихся СССР».

Доктрина, как видим, более чем прозрачная. Сталин также поставил на «мировую революцию», как и Ленин. Но его планы совершения такой революции с марксизмом имели мало общего. Как показали поначалу «революции» в Прибалтике, на Западной Украине и в Бессарабии, совершенные «народом» после подписания пакта Молотова — Риббентропа, а затем и послевоенная история, гегемонистские планы Сталина были куда ближе к панславизму, к русской великодержавности и в конце концов к «русской идее», чем к учению Маркса.

После смерти Ленина Сталин, вопреки заветам «нашего учителя», объявляет, что по мере строительства социализма сопротивление классовых врагов будет нарастать. Страна была переведена практически на полувоенное, казарменное положение и вплоть до смерти Сталина из него не выходила. Отсюда и все другое — от организации управления партией и страной до террора против инакомыслящих и политических противников сталинистов. Много лет спустя «теорию» Сталина взял на вооружение Мао Цзэдун. Как только он почувствовал, что его власть в стране и партии ослабевает, он объявил, что по мере продвижения к коммунизму сопротивление эксплуататоров будет бешено нарастать. Это и послужило «теоретическим» обоснованием дикого террора хунвейбинов против интеллигенции и неудобных Мао партийцев в ходе «культурной революции».

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ» ОТ ПЕТРА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Начало войны заставило Сталина окончательно порвать со всякими иллюзиями по поводу «пролетарского интернационализма». Идеологически он делает разворот почти на 180 градусов. Для мобилизации нации на борьбу с фашизмом он обращается к опыту русской армии. Именами царских полководцев нарекаются новые боевые ордена Красной Армии. Сталин возвращается к религии. Православная церковь становится его открытым союзником.

Но самой сенсационной его «новинкой» было возвращение к бюрократической системе, существовавшей до революции.

Ввел ее 24 января 1722 года Петр Первый, когда издал свою знаменитую «Роспись чинов» или «Табель о рангах», которая определила порядок прохождения службы чиновниками в Государстве Российском. Практически все не крепостное

население России получило возможность приобщиться к бюрократии. Петр ввел 14 рангов, или классов, чиновников по трем видам службы — воинской, штатской и придворной. Это была своего рода бюрократическая революция в России. «Табель о рангах» ставила бюрократическую иерархию на место иерархии аристократической. Знатность рода сама по себе положения в обществе человеку более не гарантировала. Чин, или как при Петре говорили «характер», давали уже не по «породе», а по заслугам перед государем и отечеством.

«Табель о рангах» поставила чиновничество, государственную бюрократию выше родовой аристократии в России. Со временем эта бюрократия сосредоточила в своих руках всю полноту реальной власти. Никакое самодержавие ей в том не мешало. «Табель» просуществовала вплоть до Октябрьской революции 1917 года и вскоре после нее была отменена. Ленин провозгласил смерть бюрократии. Сталин ее возродил.

Уничтожив монархию, большевики обратились к ее опыту. Но не правы те, кто говорит о Сталине, как о монархе. Это была не монархия, а скорее «цезаризм», в чем-то даже бонапартизм без формального, конечно, коронования. Сталин понял, что структура империи вполне подходит и для строительства социализма в отдельно взятом СССР, и для подготовки мировой революции, в том числе путем аннексии. Геополитически любая имперская структура тяготеет к глобализму. Отсюда политическая двойственность Сталина — ксенофобия грузинского семинариста сочеталась в нем с интернационализмом коммуниста-большевика. Советское государство при Сталине восстановило всю петровскую структуру управления, только поменяв названия. И к тому же добавило скроенные по петровскому образцу свои, советские бюрократические структуры.

Это невероятно, но это так. Во-первых, осталась военная бюрократия.

В 1942 году, когда гитлеровцы еще оккупировали огромные пространства европейской части СССР, Сталин неожиданно отменил революционные воинские чины и вернул в армию царские. «Комбригов», «начдивов», «комэсков» и т.д. не стало. Они надели погоны генералов, полковников, майоров, капитанов. Только что пятиконечные звезды на погонах отличали советских военных чиновников от царских. Остальное было почти то же — от униформы до фуражек с кокардами. Даже 14 чинов сохранились. От генералиссимуса до прапорщика (при Сталине — «старшина»). Ну а что касается гарнизонного

образа жизни и офицерства как служилой касты, то все это осталось, несмотря на страшную резню — сначала по указу Троцкого, а затем Сталина, — обескровившую Красную Армию.

Штатская бюрократия тоже, естественно осталась, и получила название «административно-хозяйственный аппарат». От народных комиссариатов, которые заменили после революции царские министерства и департаменты, при Сталине тоже освободились и вернулись к министерской системе, существовавшей при царе-батюшке. В руководстве министерств и ведомств была произведена соответствующая «ропись чинов» точно по петровскому образцу. Одно время, например, все служащие центральных министерств носили мундиры.

В Министерстве путей сообщения, в Министерстве финансов, в Прокуратуре, на Таможне эти мундиры сохранились и после августа 1991 года.

Во время войны директора заводов и других предприятий получали воинские звания соответственно чину. Директор завода — генерал, начальник цеха — полковник и т.д.

Универсальность «Табели о рангах» по-советски просто потрясает своей схожестью с петровской.

Но еще больше потрясают аналогии в иерархии партократии, созданной Сталиным, и придворной бюрократии русских самодержцев. И здесь та же самая магическая цифра 14.

Генеральный (Первый при Сталине) секретарь ЦК КПСС занимал в Советском государстве должность царскую. Действительно, власть у него была абсолютнее, чем у любого монарха. Дальше по иерархической лестнице стояли:

1. Секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС (как правило, на этом уровне стояли Первые секретари горкомов КПСС Москвы и Ленинграда).

2. Член Политбюро ЦК КПСС

3. Секретарь ЦК, кандидат в Члены Политбюро ЦК КПСС.

4. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

5. Секретарь ЦК КПСС

6. Первый секретарь ЦК КП союзной республики, не член Политбюро.

7. Заведующий секретариатом Генерального Секретаря ЦК КПСС (именно с этой должности на самую вершину партийной пирамиды поднялся верный соратник Брежнева Константин Черненко).

8. Заведующий отделом ЦК КПСС (эту должность могли иметь члены Политбюро и Секретари ЦК КПСС).

9. Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, заведующий секретариатом члена Политбюро ЦК КПСС (либо зав. секретариатом кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, либо Секретаря ЦК КПСС).

10. Первый секретарь обкома (крайкома) КПСС, республиканской организации КПСС в автономной республике, автономной области.

11. Второй и т. д. секретарь ЦК КП Союзной Республики (приравнивался к заместителю заведующего отделом ЦК КПСС).

12. Первый секретарь райкома КПСС, районного и областного горкома КПСС (кроме Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик), заведующий сектором ЦК КПСС.

13. Секретарь (второй и т. д.) горкома и райкома КПСС), референт ЦК КПСС.

14. Инструктор ЦК КПСС, заведующие отделами горкомов и обкомов КПСС.

Аналогичную структуру повторяли центральные и местные органы Советской власти. В советской бюрократии тоже было примерно 14 «рангов» от Председателя Президиума Верховного Совета СССР (в совмещении, как правило, с должностью Генерального секретаря ЦК КПСС) до председателя сельсовета.

Эта иерархическая лестница партократии и советократии во время войны (в мирное время при планировании военного резерва) также была приведена в соответствие с военным табелем о рангах. Секретари ЦК союзных республик, горкомов Москвы и Ленинграда были приравнены к генералам армии. Армейские комиссары набирались из числа партработников высшего ранга.

Брежнев, например, начав свою партийную карьеру в 1937 году, воевал в качестве полкового комиссара. К концу войны он дослужился до должности начальника Политуправления фронта, получил чин генерала. И уже поэтому был сразу после войны «избран», т. е. назначен сначала Первым секретарем Запорожского обкома КП Украины, а затем — первым секретарем Днепропетровского обкома КПУ. На генеральскую должность!

Такая номенклатура присутствовала на всех уровнях КПСС и Советского государства. Была своя «Табель о рангах» и при распределении выборных должностей даже в партийной печати. Так, например, в «Правде» членом Верховного Совета СССР избирался главный редактор, который был еще и

членом ЦК КПСС. У главного был «свой» регион — Ульяновск, родина Ленина, основателя «Правды». Первый заместитель главного редактора был кандидатом в члены ЦК КПСС и поэтому избирался только депутатом Верховного Совета Российской Федерации. А ведущий политический обозреватель «Правды» (им был долгие годы покойный Юрий Жуков) избирался как член Ревизионной комиссии ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР в Совет национальностей и почему-то от Чечено-Ингушетии. «Правде» еще была «положена» должность депутата в Моссовете, должность члена бюро Свердловского районного комитета КПСС, а также определенное число «корыт», т.е. мест в специальном распределителе продуктов и товаров, «черных волг», номеров «кремлевского» телефона («вертушка»), мест в кремлевских ЦКБ и поликлиниках и т.д.

И так было везде, на всех уровнях. Блага и выборные должности распределялись в строгом соответствии с иерархической «Табелью о рангах».

Как-то довелось мне читать лекцию в райкоме партии в Великих Луках. До революции этот старинный русский город славился своими ремеслами, мясо-молочным производством, рыбаками. Но при Советской власти все это куда-то подевалось. Рыбу потравили, когда проводили эксперименты по выведению в местных водоемах бесетра (помесь белуги и осетра). А в районе, который до революции хлеб вывозил за границу, даже с хлебом были перебои. И вот что рассказал мне инструктор райкома (должность вовсе незначительная) в Великих Луках: «Зарплата у меня, конечно, маленькая. Но зато мне, по моей должности, в райкоме положено две белые булочки в неделю и молоко. А у меня две дочки маленькие. Им без молока и белого хлеба никак нельзя».

С затаенной тоской подрастающего номенклатурщика розовощекий инструктор сказал, вздохнув: «Вот если стану заместителем заведующего отделом, то будут колбасу давать раз в неделю и еще сыр». И ради этого стоило делать революцию!?

Советская бюрократия в отличие от царской в качестве одной из привилегий пользовалась правом доступа к дефицитным товарам и услугам. (Чиновнику времен царизма такое просто в голову бы не пришло, хотя «борзыми щенками» и тогда брали.) Началось это, как уже говорилось, приобщение к потреблению для избранных в самые первые годы Советской власти с кусочка сыра. В 1918 году Ленин, который сам в быту был чрезвычайно скромн, подписал декрет о выделе-

нии «особо ответственным работникам, которые не щадят себя на службе революции», дополнительного пайка в виде 100 грамм сыра в неделю. Под это постановление попали все руководящие работники. И это было первое обособление большевистской номенклатуры от остальной массы революционеров, с которыми они до «сырного декрета» Владимира Ильича сидели на одинаково полуголодном пайке. «Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...»

Каждый сверчок в Империи Homo Sovieticus знал свой шесток и никогда не посмел бы без высочайшего на то указания перескочить на шесток другой. Встречали и провожали по чину. В президиум собраний садились в точном соответствии с «Табелью о рангах». Даже когда хоронили ответственных работников — от Генерального секретаря и ниже — то и за его гроб держались так, что с правой стороны шел преемник усопшего, а с левой — уже его преемник, следующий по иерархии. По тому, кто возглавлял похоронную комиссию усопшего коммунистического самодержца, кто читал речь на похоронах, кто нес гроб справа, слева, сзади, западные кремленологи легко вычисляли, кто есть кто и кто кем будет, а кого надо списывать.

Даже отказаться от благ в той системе никто не мог. Если партократу был положен паек в специальном партийном магазине, он должен был его брать. Но ни в коем случае не смел от него отказываться. Как не смел отказываться от дачи, от служебной машины, от спецполиклиники, отдыхать не на спецкурорте... Если вдруг кто отказывался, что было, впрочем, чрезвычайно редко, тогда говорили, что «товарищ не понимает». И за этим следовали очень неприятные «оргвыводы». При Петре такого не знали.

ИЛЛЮЗИЯ КОММУНИЗМА.

Знаток партократии может упрекнуть меня в формальном сравнении петровской «Табели о рангах» с табелью советской, номенклатурной. Могут сказать, например, что чин титулярного советника (низший в петровском расписании чинов) никак нельзя приравнивать к чину «инструктор ЦК КПСС», ибо нередко в инспекционных поездках по советским городам и весям либо посольствам СССР такие «инструкторы», особенно из отдела заграничных кадров, выступали в роли едва ли не генералов. Это и понятно, потому что партократия была высшей

кастой советской бюрократии и по существу — аналогом придворной.

Но я затеял разговор о бюрократии вовсе не для эффектных сравнений числа бюрократических рангов в России XVIII и XX века. Гораздо интереснее даже не система подчинения одной бюрократии другой, а сама суть государственного чиновничества России. И я осмелюсь заявить, что она мало с петровских времен изменилась, как и суть российской бюрократии. В этом причина того, что внутренняя структура власти в России от Петра Первого до Владимира Путина практически не менялась, даже при смене социального строя.

Петр Первый, создавая «Табель о рангах», взял за образчик бюрократию немецкую, точнее прусскую. Это было явление по-своему уникальное. И пересадка его на русскую почву была операцией чрезвычайно мучительной, сопровождавшейся многовековыми осложнениями для России. В конечном итоге бюрократический недуг перечеркнул все положительные результаты реформ Петра и Екатерины Второй, которая их продолжила. Уже в начале XX века большевики пришли к выводу, что царский бюрократический аппарат — это не сила, а слабость самодержавия. Когда В. И. Ленину сказали, пытаясь сдержать его революционный пыл: «На что вы посягаете, молодой человек? Перед вами стена!» — он имел все основания ответить: «Стена, да гнилая. Ткни пальцем — развалится». «Пальцем» — это, конечно, образ. Но вот когда ковырнули штыком, то действительно развалилась.

Как могла такая мощная система как царская бюрократия, в три ряда выложенная, возвышавшаяся на целых 14 этажей тщательно продуманной иерархии, рухнуть?

Вот как Карл Маркс представил феномен прусской бюрократии в своей ранней работе «К критике гегелевской философии права»:

«Бюрократия составляет... особое, замкнутое общество в государстве...

«Государственный формализм», воплощенный в бюрократии, есть «государство как формализм», и в качестве такого формализма описал бюрократию Гегель. Так как этот «государственный формализм» конституирует себя, как действительная сила и самого себя делает своим собственным «материальным» содержанием, то ясно само собой, что «бюрократия» представляет собой сплетение практических иллюзий или что она есть «иллюзия государства...»

«Иллюзия прусского государства» рухнула так же, как и иллюзия государства Российского в 1917 году, а затем — иллюзия государства Советского в году 1991-м. В. И. Ленин и его окружение, создавая Советское государство, более всего, как это теперь видится, были обеспокоены перспективой его бюрократизации. Отсюда — отказ от прежней министерской системы, от прежних чинов, званий и рангов. Ленин не раз говорил: «Бюрократия нас погубит!» То, что он имел в виду анализ Маркса, теперь очевидно. Но по мере того как пролетарская революция большевиков превращалась в государство, революционеры должны были превратиться в управленцев. Неизбежно они учились науке управлять у царских чиновников, так же как во время Гражданской войны учились воевать у царских офицеров и генералов. И так же неизбежно они становились бюрократами и жили уже не по революционным законам, а по бюрократическим.

Бюрократия и революционное государство — несомненные антиподы. Ибо бюрократия есть по своей сущности «государство, как формализм». И по своей цели, как подчеркивал Маркс, оно такое же. *«Действительная цель государства, — писал он, — представляется бюрократии противопологосударственной целью. Дух бюрократии есть «формальный дух государства». Она превращает поэтому «формальный дух государства» или действительное бездушие государства в категорический императив. Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она повсюду вступает в конфликт с «реальными целями». Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом они взаимно вводят друг друга в заблуждение».*

Когда во время своей поездки на Урал в первые перестроечные годы Горбачев сказал: «Мы в центре разрабатываем общие направления развития нашей экономики. И надеемся, что снизу, с мест нам дадут точную картину реального положения вещей. А нас дезинформируют снизу. Используют разные приписки и натяжки. Так как же мы у себя наверху можем правильно планировать, если снизу нас дезинформируют?!»

Хотелось сказать «философу» Горбачеву: «Маркса надо читать. Причем, лучше, раннего!». Но «отец перестройки» хотя бы по институтской программе должен был познакомиться с классиками. А что касается основной массы партократов, то они ни раннего Маркса, ни позднего, как писал Есенин, не читали «ни при какой погоде».

Марксизм для подавляющего большинства этой коммунистической касты сводился к набору цитат на все случаи жизни и для всех выступлений. Большевики эти цитатники придумали задолго до хунвейбинов с их красными книжками Мао. (Более десяти лет спустя после развала СССР академик Капица, великий умница, бросил в одной телепередаче такую фразу: *«Те, кто преподавал марксизм в СССР, ничего в нем не понимали, отчего Советская власть и рухнула...»*) В результате и марксизм в среде партократов был сведен к формализму. И как формализм, он утратил свою революционную сущность, превратился в интерпретации бюрократов от большевизма в иллюзию революционного учения, если не в его прямую противоположность.

Какой там социализм! А уж тем более коммунизм как «высшая ступень развития человеческого общества»! Мы могли конструировать только иллюзии социализма и коммунизма, если провозглашенные коммунистическим государством цели — от «максимального удовлетворения духовных и материальных потребностей трудящихся» до «построения коммунизма» — представлялись его бюрократии антигосударственными целями.

Советское государство тем не менее существовало во вполне реальном измерении, как и ее законопослушный гражданин по имени Homo Sovieticus. Именно благодаря ему Советский Союз все же достиг весьма ощутимых успехов в сфере образования, научного прогресса, развития техники, в военном деле. Если для партократии и марксизм был всего лишь набором цитат, то Homo Sovieticus искренне в него верил и по мере своих возможностей и познаний старался «строить социализм» по рецептам бородатых классиков, даже если и понимал их труды не глубже, чем шолоховский дед Шукарь слюварь иностранных слов. Если без партократии не было бы КПСС, то без миллионов Homo Sovieticus не было бы никакого социализма, который они воспринимали не как иллюзию, а как реальность, данную им в ощущении.

Реальность Советского государства до поры мирно сосуществовала с его иллюзией в виде советской бюрократии. Так же как реальный марксизм сосуществовал с его бюрократической иллюзией. Так, реальное Советское государство создавало первоклассные больницы и клиники, дома отдыха и санатории, дома культуры и стадионы для людей труда. А бюрократия создавала на этой материальной базе свою параллельную систему «спецбольниц», «спецсанаториев», «спецмагазинов» и т. д., свою иллюзию коммунизма, который она представляла как все возрастающий (для нее!) объем благ и услуг, привилегий и чинов. Тем самым ее иллюзии наполнялись материальным содержанием, а материальный мир коммунистического строительства превращался в иллюзию. Тем более, что принимавшиеся бюрократические решения «об улучшении» систем здравоохранения, образования, социального страхования сплошь и рядом, особенно с начала 80-х годов, вели дело к их катастрофическому ухудшению.

Провозглашая своей целью заботу о благе народа, советская бюрократия народ презирала. Сама забота о нем представлялась ей посягательством на ее собственные права и привилегии. В этом разгадка того, почему даже разумные решения, время от времени принимавшиеся съездами КПСС и сессиями Верховного Совета СССР, сплошь и рядом превращались в нечто прямо противоположное. Декларируя своей целью «улучшение благосостояния трудящихся», бюрократия сразу же принималась улучшать свое личное благосостояние, действуя тем самым против интересов трудящихся.

«Государство — это мы» — с гордостью говорили миллионы рабочих и крестьян, которые в первые годы Советской власти, в годы пятилеток действительно поверили в то, что строят новый мир, справедливое общество, способное стать маяком для всего остального человечества.

«Государство — это вы!» — говорили на первых порах бюрократы массам, одержимым энтузиазмом. Но про себя они всегда говорили другое: «Государство — это все-таки мы!».

Сталин благословил их, сказав: «Кадры решают все!» Под «кадрами» рабочих и крестьян, рядовых служащих не имели в виду. Кадры — это партократия и руководящий административно-хозяйственный аппарат, высшие советократия и офицерство армии и спецслужб. Вот эти-то кадры и переименовали лозунг революции, решив сначала в своем кругу, а затем и заявив открыто: «Государство — это не вы, а мы!» И чтоб ни у кого уже не оставалось сомнений по поводу того, кто правит в Со-

ветском государстве, кто перед кем несет ответственность, уже в 70-х годах на каждом заборе написали крупными буквами: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!».

Так партократия утвердила в Советском государстве свою монополию на истину, сама себе подписала индульгенцию на все грехи и декларировала свое право на непогрешимость. Партия поставила себя вне критики остального общества, провозгласила свою привилегию быть его элитой и его духовным властителем, а значит оставаться вне его суда и его суждений. И дело не ограничилось тут только лозунгами на заборах и транспарантах. Монополию КПСС на управление государством при Брежневе закрепили в Статье 6-й новой Конституции СССР. На это нешел даже Сталин.

Что же оставалось остальному обществу, кроме подчинения и моральной деградации, если ему было отказано в праве на самостоятельное мышление, на честь и на совесть?

Общество, конечно, в своей здоровой части не могло признать за партийной бюрократией ни морального, ни тем более интеллектуального превосходства, ибо знало ей цену. Как ни прячась за «спецзабором», народ свое истинное лицо все равно увидит. А в народе уважение к «настоящим большевикам», сложившееся в первые послереволюционные годы, во время сталинских пятилеток и особенно во время войны, когда первыми в бой шли именно коммунисты, стало сходить на нет. Если в годы гражданской войны и при Сталине даже руководители КПСС жили достаточно скромно (об этом в своем описании быта кремлевской «коммуны» достаточно красноречиво рассказала Светлана Аллилуева), а уж рядовые коммунисты и вовсе ничем от других трудяг, кроме вечной готовности работать бесплатно и сверхурочно, не отличались, то после смерти Сталина партия стала разлагаться на глазах. Люди видели, что членство в партии так или иначе означало и привилегированное положение в обществе. Не будучи коммунистом, уже нельзя было попасть на какую-либо ответственную должность. Да к тому же партократы, не боясь больше сталинских опричников, стали активно обогащаться. Казнокрадство, взяточничество и неудержимое моральное разложение довершали картину. Став привилегированным классом, новая элита повторяла все ошибки царской аристократии и бюрократии. Кризис убежденности во «внутренней КПСС» почти синхронно совпал с кризисом нравственности. Народ видел, что творилось на обкомовских дачах и частных дворцах республиканских партийных «князей», «ханов» и «воевод». Рыба, как известно, гниет с головы.

НЕВЫЕЗДНОЙ «ИДЕОЛОГ ПАРТИИ»

Иногда нам все же удавалось в «Правде» писать об «отдельных недостатках» в этих заведениях партократии, где запах разложения уже был просто невыносим. Когда выстрел из такого центрального калибра в 12 миллионов экземпляров ежедневной газеты гремел на всю страну, на Старой площади вынуждены были «принимать меры». Так было, когда «Правда» написала о порядках в Курской области, о произволе первого секретаря Краснодарского обкома КПСС Медунова. Сколько грязи тут же выливалось на корреспондента «Правды», поставившего подпись под таким материалом, легко догадается каждый, кто знал тогдашние порядки. За всеми нами следило «бдительное око», и часто не одно. Завет Владимира Ильича Ленина, согласно которому «Каждый член партии должен быть агентом ЧК», в КПСС помнили вплоть до последнего дня ее существования.

О журналистах-международниках у нас в «Правде» говорили так: «Вам оказано особое доверие». Да, мы имели прямой доступ к иностранным газетам и журналам, которые поступали в редакцию по подписке и от наших собкорров за рубежом. Мы читали закрытые сообщения ТАСС и бюллетени радиоперехвата с обзорами сводок зарубежного радиовещания на СССР на русском языке.

Когда я работал в «Правде», мне не раз приходилось писать статьи по заказу ЦК и даже отдельных членов Политбюро и секретарей ЦК. Естественно, я получал их не прямо, а через главного редактора «Правды», сначала Михаила Зиминына, а затем Виктора Афанасьева. Такие заказы считались у нас делом весьма почетным, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь от этого отказался. Единственное, что можно было при этом себе позволить, — максимальную поддержку каждой строчки такой «заказухи» реальными фактами. Правку, которую мы получали после прочтения таких статей в ЦК или даже после обсуждения на Политбюро, а в моей практике бывало и такое, надо было учитывать обязательно. И мне лично приходилось часами просиживать в больших кабинетах на Старой площади и сводить воедино правки членов Политбюро и секретарей ЦК, у которых и почерк был невозможный, и грамматика хромала. Один как-то «поправил» мою статью, вставив фразу: «Так не делается говорить!» Ничтоже сумняшеся. Пришлось потом долго разъяснять его помощнику, почему

так «не делается» ни говорить, ни тем более писать. Ряд статей приходилось утверждать и в КГБ. Например, генералу Филиппу Бобкову, ведавшему в КГБ инакомыслием, мы должны были направлять на визу любые материалы, касавшиеся радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Без этого Главлит — наша цензура — их не пропускал. Иногда по заданию редакции я шел на Лубянку и там читал суперсекретные материалы о пойманных в СССР шпионах. Эти документы я не мог вынести из здания КГБ и вынужден был писать статьи для «Правды» прямо там, не отходя от сейфа. Вращаясь в этих кругах по служебной необходимости, а вовсе не из желания там бывать, я узнавал такие тайны нашего государства, о которых даже не догадывались иные суперпроверенные люди. По наивности своей я искренне верил в то, что и мне оказывают полное, как сейчас сказали бы, супердоверие. Да и не только я так считал. Как-то раз я прочитал о себе в «Washington Post» в статье ее тогдашнего корреспондента Роберта Кайзера, что «Большаков — важный партийный идеолог» и к моим статьям следует относиться с особым вниманием. Кайзер, конечно не мог себе представить, что на высшем партийно-бюрократическом верхе не доверяли никому и что упомянутый им «партийный идеолог» мертво «невыездной». Невыездным я был, очевидно, несколько раз, потому что меня то пускали за границу, то вдруг в этом отказывали, а почему отказывали, естественно, не сообщали. Это была государственная тайна. Оставалось только догадываться, кому ты в последний раз рассказал анекдот про Брежнева или ляпнул что-нибудь вроде: «Социализм у нас такой реальный, что тянет к абстракции...»

По парадоксу вещей можно было работать в «Правде», входить, что называется, в элиту советской журналистики и быть при этом полностью либо частично невыездным, т. е. лишенным визы КГБ на краткосрочные либо долгосрочные выезды в zahraniчные командировки. В таком «отказе» среди наших «работников идеологического фронта» были сотни людей. Даже в «Правде» сохранялся тот принцип, по которому при Сталине организовывали так называемые «шарашки» в ГУЛАГе, хорошо описанные Солженицыным: Берия собирал за колючей проволокой лагерей лучших специалистов из числа «врагов народа» для работы даже над такими проектами, как создание атомной бомбы. Казалось бы, тут доверять человеку надо на 100%. Ничего подобного. Человек имел доступ к самой секретной информации, работал по специальности для обеспечения обороноспособности государства, но в то же самое время продолжал сидеть в тюрьме. Как и мы, са-

мые доверенные невыездные «партийные идеологи», сидели в СССР, не имея права пересечь его границу. И если даже ее пересекали по чьему-то поручительству, то все равно не имели права этого делать! Сталин умер, но его традиция тотального подозрения продолжала жить. Берию расстреляли, но бдительное око КГБ следило даже за нами, правдистами, где бы мы ни были. И чуть что — «принимались меры». Так случилось и со мной. И я бы не стал об этом писать, если бы всю мою историю не обнародовал мой любимый Главный, главный редактор «Правды» Виктор Григорьевич Афанасьев в своей последней книге «Четвертая власть и четыре генсека» (издательство «Кедр», 1994 г.).

«Что касается «Правды», то отношения с КГБ у нас были деловыми, нормальными. Серьезных конфликтов не возникало.

Россказни о том, что в «Правде» было много людей в синих погонах, не соответствуют действительности. «Правда» была в этом смысле чистой газетой и не держала людей со стороны. Впрочем, нам своих людей КГБ и не навязывал.

Конфликты с КГБ были, скорее, на местном уровне, а точнее говоря, в пределах страны пребывания собственного корреспондента «Правды» за рубежом.

(Так Афанасьев деликатно обозначил факт постоянной слежки за нами со стороны КГБ, когда мы работали за границей собственными корреспондентами «Правды». — *Авт.*)

Владимир Большаков был собственным корреспондентом «Правды» в Австралии (с 1974 по 1976 гг. — *Авт.*). Человек достаточно принципиальный, но слишком эмоциональный, невыдержанный. Стоило ему сказать пару нелестных слов по адресу посольских гэбистов, как в августе 1976 года он был отозван в Москву... Мои попытки прояснить это не совсем ясное дело ни к чему не привели. Ровно десять лет я потратил, чтобы реабилитировать Большакова. Брал его в заграничные командировки, добился для него разовых командировок, но в каждом случае представлял в ЦК личное письменное поручительство. И только в декабре 1988 года (Виктор Григорьевич здесь ошибся — это было в сентябре 1986-го. — *Авт.*) ему открыли двери за рубеж. Послали собкором во Францию, временно, на полгода. К счастью Володи, в Отделе пропаганды ЦК КПСС сменилось руководство, и мне удалось утвердить его постоянным собкором «Правды» во Франции. Единодушно коллектив «Правды» признал его лучшим корреспондентом газеты за рубежом».

Такие люди, как Афанасьев, были чрезвычайно редки в высших эшелонах КПСС. За его принципиальность и умение защищать нас, правдистов, за то, что он был всегда хорошо

одет и элегантен, его на Старой площади не любили. Даже кличку ему придумали — Плейбой. Зато мы его обожали. Не раз он был из-за своего «инакомыслия» на грани увольнения с поста главного редактора. И в конечном итоге его уволил с этого поста наш самый большой «демократ» Михаил Горбачев. И мы недоумевали: за что?! Говорят, что кто-то наклепал ему, будто опубликованная в «Правде» басня «О бабе Рае и самогонном аппарате» намекала на вмешательство супруги Горбачева Раисы Максимовны в дела аппарата ЦК КПСС! Sic transit gloria mundi!

По-человечески мне, конечно, было обидно за то, что стукачество какого-то урода в синих погонах отравляло мне жизнь ровно десять лет после моего возвращения из Австралии. Если бы не Афанасьев, мне и Болгарии-то было не видеть, как своих ушей, не то что Франции.. Подлинную причину своего отзыва из Австралии я узнал много лет спустя, уже после смерти Афанасьева. Мне рассказали, что посольские гэбисты, не буду их называть, т.к. их уже нет в живых, получили заказ найти на меня во что бы то ни стало любой компромат от тогдашнего посла СССР в Австралии Басова, одного из самых гнусных типов в советской партократии. Он был непосредственным организатором расстрела рабочей демонстрации в г. Новочеркасске в июне 1962 года, но его в отличие от других с должности секретаря обкома КПСС не сняли, а «перевели на другую работу» — отправили торгпредом на Кубу. Из номенклатуры он так и не выпал. Похлопотал родственник его жены — один из членов тогдашнего Политбюро. После того как Басов достал Кастро требованиями сеять на Кубе кукурузу вместо сахарного тростника — решил, что не только же в России надо было выполнять указания Никиты Хрущева, пусть и Куба подтягивается, — его оттуда убрали. Но тут к власти в Чили пришел Сальвадор Альенде, и нашего «кукурузника» отправили послом в Сантьяго. Мне еще в Австралии ребята из компартии Чили говорили, что имя Басова в их стране проклято. Что он там наделал, не знаю. Знаю только достоверно, что этот «друг чилийской революции» велел закрыть ворота посольства и не пускать никого из чилийцев, даже если солдаты хунты будут их расстреливать прямо у него под окнами. Отношения у меня с ним не сложились. Он решил меня убрать. К тому же Басову донесли, что я про его «карьеру» все знаю и среди друзей, по крайней мере среди тех, кого я тогда считал друзьями, отзываюсь о нем, мягко говоря, не лучшим образом. Дальше оставалось только найти повод для моей высылки. Вот так это делалось.

РАЗЛОЖЕНИЕ НА КОРНЮ

Русский мужик доверчив и терпелив, но до поры. Когда у него вера иссякнет, он и голову проломит тому, в кого прежде верил. Да и другие народы России его и в этом, как правило, поддерживали. Многие русские историки отмечали, что низшие классы в России долгое время мирились со своим бесправным положением, даже с крепостным правом, потому что цари набирали из дворянства служилых людей, которым на царской службе приходилось вовсе не сладко. При Петре Первом дворянство было, скорее, обязанностью, повинностью, чем привилегией. Однако после смерти Петра, примерно с середины XVIII века, это «равновесие прав и обязанностей» на котором, как считали прежде, и «держался политический строй в России», нарушается. У дворянства, чиновничества привилегий было все больше, а для низших классов все тяжелее становилось их крепостное ярмо. Народ видел, как писал Ключевский, «дворянское безделье, политическое и хозяйственное».

Для тех, кто знает жизнь партий времен застоя, описание разложения дворянства, данное Ключевским, звучит просто пророчеством, увы, коммунистической партией, как в свое время самодержцами, не услышанным:

«...Дворянские выборы стали ареной родственных или приятельских интриг, дворянские съезды — школой праздных разговоров и краснословия... И сельское хозяйство серьезно не занимало дворянина... Он не входил сам в хозяйственные дела, не старался принять производительное участие в народном труде, не хозяйничал, а правил крепостными душами и приказывал...»

От этого безделья и разложения русское дворянство пришло уже в середине XVIII века, по характеристике историка, к «уродливому общежитию». «Когда люди известного класса отрываются от действительности, от жизни, которой живет окружающее их общество, — писал Ключевский, — они создают себе искусственное общежитие, наполненное призрачными интересами, игнорируют действительные интересы; как чужие сны, а естественные грезы принимают за действительность». Ну, точно по Марксу!

Уже после развала Союза я не раз вспоминал этот термин Ключевского — «искусственное общежитие», наблюдая за тем, как плодятся вокруг Москвы и Петербурга коттеджные поселки, окруженные трехметровыми заборами с охраной, как будто в

зоне. Там обосновались многие из тех, кто составлял костяк советской правящей элиты и их чада с домочадцами. Они еще дальше оторвались от народа и вообще перестали иметь с ним что-либо общее. Своеобразным символом этого стал валютный рынок на Рублевке, где пучок редиски стоил 50 долларов. Обитатели этой элитной «зоны» даже не представляли себе реальной стоимости этого пучка, равно как и реальных проблем, с которыми сталкивались их соотечественники.

История учит нас задним числом. Когда люди у власти, то они считают, что уроки истории не про них. Так случилось и с коммунистами, как в СССР, так и в других странах «социалистического содружества». Они, как и дворяне, создали себе бюрократическое «искусственное общежитие». По их пути пошли и «новые русские». Все это неминуемо ведет к широкому народному недовольству. Народ обмануть нельзя. Рано или поздно он взбунтуется. Но бунту у русского народа всегда предшествует тоска. Тоска по утраченной вере, и это, увы, далеко не всегда тоска очищающая. Уродливая практика советского коммунизма и разочарование в идеалах коммунизма и в самих коммунистах привело русское общество к немалой деградации, вызванной как повальным лицемерием, так и тотальным пьянством. Когда западные журналисты пишут, что в СССР спивались целые районы, они не преувеличивают. Это тоже факт нашей советской, а теперь уже российской биографии. Это расплата за привычку жить чужим умом, за слепое подчинение власти имущим, за традиционную русскую пассивность и лень, прежде всего леность мысли, привычку публично «одобрять» любую пакость властителей, даже возмущаясь этим в душе.

И развал нашего великого государства на национальные провинции, где остались без прав и без будущего 25 миллионов русских, это тоже расплата за безразличие ко всему на свете, в том числе к самим себе, порожденное неверием и разочарованием в тех высоких идеалах, которыми прикрывались сначала сталинские, а затем все остальные партийные и советские «кадры». Народы бывших «национальных окраин», превратившихся в Советские республики, именно с этими кадрами и отождествляли центральную власть в СССР и Россию. И, понятно, не стали эту власть защищать, когда она вместе с Советским Союзом рухнула.

Партийная бюрократия, следуя логике развития государства как формализма материализовала тем самым свою сущ-

ность. Иллюзия государства стала государством. После этого вопрос его крушения уже был вопросом сроков. И тут уже ничто не могло спасти Советский Союз. Ибо бюрократия могла только ускорить его распад в силу самой своей природы. Однако она не собиралась погибать вместе с ним. *Приватизировав государство, сделав его в полном соответствии с анализом Маркса своей частной собственностью, советская бюрократия решила приватизировать и все национальное богатство, чтобы уже никто не мешал ей править в ее государстве. В этом была суть августовской «революции» 1991 г.* В истории революций ей нет аналогов. Прежде всего потому, что, как бы ее не именовали, *это была именно бюрократическая революция.* Возникший в результате ее свершения политический катаклизм, похоронивший Советский Союз, привел к смене характера собственности и распределения национального богатства, но не привел, что чрезвычайно важно понять, дабы уразуметь суть этой псевдореволюции, к смене правящего класса. Советская бюрократия — номенклатурные партийные и советские работники — в массе своей сохранила власть на всем пространстве бывшего СССР. И когда Ельцин брал власть в Москве, и когда срывали с пьедестала памятник Железному Феликсу, и когда штурмовали здание ЦК КПСС, именно эта номенклатурная элита дала приказ и чекистам, и войскам МВД, и армии не мешать «преобразованиям». Все шло по плану. По заранее написанному сценарию. А то, что этот план совпал едва ли не в деталях с разработанным еще в 1918 году госдепартаментом США планом раздела России, не стоит удивляться. Международные обшмыги, а именно в такой роли выступили и последние лидеры СССР, и лидеры ельцинской «новой России» не могли надеяться на равноправное партнерство с теми, перед кем раболепствовали. Им изначально была уготована роль исполнителей чужой воли, четко сформулированной в том самом 1918-м.

ПАРТИЯ СКАЗАЛА «НАДО!»

Один из популярных лозунгов времен Брежнева: «Партия сказала «надо!» — комсомол ответил «есть!» — не столько отражал реальную действительность, сколько характеризовал менталитет партократии. Комсомол, конечно, выполнял указания свыше. Но «Партия», с большой буквы, конечно, как советский «истэблишмент», всегда исходила из того, что

стоит ей только приказать, как все по ее приказу в Стране Советов будет сделано.

Эта почти мистическая вера в чудодейственность «Решения Инстанции» поражает, если не задумываться над философским объяснением иррациональности мышления бюрократии как иллюзии государственного мышления.

Маркс в уже упоминавшейся работе отмечал, что бюрократия рассматривает реальную сущность через призму бюрократической, а на деле потусторонней, спиритуалистической сущности. Обладая государством, виртуальной сущностью общества, как своей частной собственностью, бюрократия всячески поддерживает свой всеобщий дух. Это ее тайна, таинство, соблюдение которого она обеспечивает в своей собственной среде соответствующей иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — корпоративной замкнутостью.

Чтобы проиллюстрировать эти философские категории из работ Гегеля и Маркса о бюрократии, а также тезис Ключевского об «искусственном общежитии», расскажу, как поддерживалась эта корпоративность на номенклатурном уровне во времена Брежнева — Черненко. Да и при Горбачеве тоже.

Все номенклатурные работники, независимо от того, где они числились — в ЦК КПСС, в КГБ, в редколлегии «Правды» или «Известий» либо в коллегии какого-то министерства, имели в своих кабинетах «вертушки», т. е. телефоны правительственной связи. На уровне членов и кандидатов в члены ЦК КПСС таких аппаратов могло быть до пяти и больше, включая аппараты высокочастотной связи. Рядом с этими «вертушками» и ВЧ цвета слоновой кости, украшенными советскими гербами, стояли и обычные переговорные устройства, по которым бюрократы высшего эшелона могли легко соединиться друг с другом. (В РФ, кстати, эта система сохранилась.) Имелись у них также внутренние и городские телефоны, по которым они тоже могли пообщаться. Но обычные средства связи они использовали только для общения с подчиненными. С «равными себе» даже внутри своего ведомства и с начальством говорили только по «вертушке» либо, на самом верху, по ВЧ. Они никогда даже кофе не пили с теми своими коллегами, у которых не было «вертушек» и «кормушек», а питались исключительно в своем кругу, в «спецбуфетах», куда был закрыт вход всем простым смертным.

В «спецмире» советской номенклатуры существовала, конечно, и своя мораль, и свое мировоззрение, не имевшие, од-

нако, ничего общего с реальностью. «Депутаты», жившие в этом «искусственном общежитии», или, по-советски, в «спецмире», искренне верили в то, что они действительно «избраны народом» либо «партактивом», а не назначены по разнарядке ЦК КПСС. Чиновники от журналистики, язык которых на Западе не зря называли «дубовым», были уверены в том, что им дают премии Союза журналистов СССР за «творческие заслуги», а официозные писатели получали даже Государственные и Ленинские премии за «выдающиеся произведения». Каково же им было, когда после развала СССР их книги, которые и так-то никто не читал, перестали издавать и выбросили на помойку. Они были по-своему несчастны. Но и по-своему подлы. Их мир был искусственным, иллюзорным, потому что ни по каким законам и нравственным нормам он не имел права на существование. И вместе с тем он существовал как чудом материализовавшаяся иллюзия...

Обитатели этого мира понимали, что любые их тайны, в том числе и тайну пропитания и доступа к дефициту, лучше не рекламировать в стране хронических нехваток. В полном соответствии с анализом Маркса партократия считала «открытый дух государства, а также и государственное мышление... предательством по отношению к ее тайне».

В этом и сила бюрократии, и ее слабость. «Авторитет есть принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей, — писал Маркс. — Но в ее собственной среде спиритуализм превращается в грубый материализм, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций. Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры».

Те, кто имел дело в Советском Союзе с партократами, руководившими промышленностью и сельским хозяйством, городским строительством или транспортом, рано или поздно ощущали свою полную беспомощность. Нормальные специалисты, не умудренные в аппаратных играх, никак не могли понять, почему партийный либо советский бюрократ, а то и простой чиновник отраслевого ведомства сплошь и рядом действует не согласно, а вопреки деловой логике, вопреки всем рекомендациям специалистов и, наконец, элементарному здравому смыслу.

Мне рассказывали, как строили атомную электростанцию в Татарии. Местные партийные бонзы всячески подгоня-

ли строителей, не давали, что называется, бетону затвердеть, приказывали строить быстрее, быстрее, быстрее. В результате фундамент АЭС дал трещины, и строить на нем станцию, устанавливать реакторы было смертельно опасно. И не было бы счастья, да несчастье помогло. Как раз в это время произошла катастрофа в Чернобыле. Бракоделы из Татарии перепугались и вынуждены были признать публично, что фундамент надо весь переделывать. Сколько туда вбухали народных денег, одному богу известно. Зачем все это делалось?

Способность бюрократических систем превращать государственные задачи в антигосударственные, вскрытая Марксом, во всем блеске проявилась в СССР в феномене «социалистического соревнования». Поначалу эта форма трудового состязания между рабочими и колхозниками за право называться лучшим специалистом в своей области или отрасли, за «переходящее красное знамя» действительно способствовала росту производительности труда и улучшению качества продукции.

При Сталине победителей соцсоревнования, «ударников» (т. е. работавших ударными темпами), стахановцев (следовавших примеру шахтера 30-х годов Стаханова, который за одну смену в шахте выполнил едва ли не 10 норм угледобычи) награждали орденами и медалями, не жалели для них места в центральных газетах и времени на радио. После того как появился лозунг «Партия — вдохновитель и организатор всех наших побед» (кажется, впервые нечто подобное повесили на заборах во времена Хрущева, чтобы тем самым «подчеркнуть коллективность руководства в КПСС и воспрепятствовать повторению культа личности») партийный бюрократ почувствовал себя прямо причастным ко всем победам ударников, работавших под его началом.

Отрапортовать о досрочном завершении строительства какого-нибудь крупного объекта, посевной кампании во введенном им уделе, перевыполнении пятилетнего или даже годового плана стало у партократов целью всей их бурной «хозяйственной» деятельности. За «досрочность» они получали не только переходящие знамена, но и денежные премии, ордена, новые квартиры, новые привилегии, а то и — это заветнейшая мечта всех провинциальных бюрократов — повышение в должности с переводом в центр.

В стране складывалась, в полном соответствии с характеристикой Платона, не социалистическая демократия, а социалистическая тимократия, т. е. «правление честолюбцев».

Они обожали награды и вешали их друг другу на лацканы самозабвенно. Брежнев досамонаграждался до того, что стал «пятирежды Героем» (в «Правде», например, даже не знали, есть ли такой термин — «пятирежды» — в русском языке и боялись его употреблять в газете, полагая, что народ просто будет хохотать), получив пять золотых звезд — медалей Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда.

Забавы эти были, однако, не так уже и невинны. Дела творились невероятные. Так, в 1979 году партократы умудрились «сдать в эксплуатацию» моторемонтный завод в Сиверске, под Ленинградом, который предназначался по плану для ремонта сельскохозяйственной техники в Ленинградской области и других районах Нечерноземья. О том, что завод был сдан, свидетельствовал акт государственной комиссии со всеми подписями и печатями.

Оказалось, что и через год после того, как этот акт был подписан, завод не был еще достроен. Приняли не готовый завод, а только его фундамент, но отрапортовали «досрочно». Отрапортовали, получили премии, ордена и медали и успокоились, решив, что как-нибудь достроят завод... Потом.

При плановом же хозяйстве государство тут же учло рапорт и отказалось далее выделять средства на строительство и «достройку». Зато выделили фонд заработной платы работникам якобы вступившего в строй завода. Вот на это и «достраивали», пока дело не попало в прокуратуру. Но уголовным дело о «досрочном пуске» стало только потому, что в Ленинградской области закрыли ставшие «ненужными» с «пуском» Сиверского завода мелкие мастерские по ремонту сельскохозяйственной техники. И техника встала. И нечем было пахать и сеять. И не о чем было рапортовать. Пришлось сдаваться.

И ведь это еще что! Умудрялись сдавать электростанции в горах с трещинами в бетоне плотины, а потом тратили миллиарды, чтобы их латать и спасать долины под ними от катастрофы. В конце концов и Чернобыль — это результат «социалистического соревнования». Накануне катастрофы какой-то бюрократ из Киева настойчиво потребовал у парторга АЭС срочно, чтобы можно было отрапортовать в центр о «досрочном выполнении социалистических обязательств», закончить все запланированные научные эксперименты к празднику Международной солидарности трудящихся, т. е. к 1 Мая. И к 26 апреля закончили все досрочно. Рвануло.

Самое страшное было в том, что они ничему не хотели учиться. Они все знали. Все умели. Все могли.

Маркс писал: «Если бюрократия, с одной стороны, есть воплощение грубого материализма, то с другой стороны, она обнаруживает свой столь же грубый спиритуализм в том, что хочет все сотворить, т. е. что она возводит волю в *causa prima* (первопричину. — *Ред.*). Для бюрократа мир есть просто объект его деятельности».

Когда советская бюрократия дошла до того, что решила повернуть северные реки, впадающие в Ледовитый океан, и заставить их впадать в Аральское море, которое до того от ее решений обмелело, когда грянул Чернобыль, стало ясно, что дальше уже эту публику терпеть нельзя. Надо было что-то делать, пока наш поезд не сошел с рельсов, а мы все — с ума.

На Западе многие до сих пор считают, что решающую роль в дискредитации «партократии» брежневско-черненко-ского типа сыграли диссиденты. Это не так. Они все же были маргиналами. Система гораздо болезненнее реагировала на критику рядовых коммунистов снизу. По мере деградации брежневского режима они все чаще выступали против царившего в стране идиотизма, как могли и умели. За это уже не сажали. Но диссидентство в партии преследовалось, как особо опасное. Самое страшное, что могли тогда сделать с любым мыслящим человеком, это лишить его способности мыслить. В психиатрических «спецбольницах» работали целые отделения по «нормализации» инакомыслящих. Это было страшнее любой тюрьмы.

Были и другие, «мягкие» способы подавления, но по своему не менее жестокие. И все же не только страх перед вездесущим КГБ и ГУЛАГом удерживал людей от открытого протеста, даже когда он был объективно необходим, а установленные режимом, и семейным и школьным воспитанием внутренние тормоза. Во-первых, нам всем с детства внушали, что выступление с какой-либо критикой Советской власти и лидеров СССР нанесет вред нашей Родине, нашему народу, ибо внешний враг, в существовании которого редкий *homo soveticus* сомневался, тут же эту критику использует в своих целях. Во-вторых, так же как Черчилль считал, что капитализм, при всех его недостатках, все же лучшее из того, что придумало человечество, многие искренне верили, что чело-

вечество ничего не придумало лучше социализма, при всех его, увы, очевидных недостатках.

Часто в тех дебатах на кухнях, где при нашей квартирной тесноте только и можно было до утра, по-русски, поговорить «за жизнь», даже те, кто сегодня ходит в демократах, соглашались с убежденными коммунистами в том, что идея социализма прекрасна. А те соглашались с ними в том, что воплощение ее в жизнь уродливо беспредельно. Мало кто в СССР считал, что в конце XX века мы продолжили таким образом извечный русский спор о том, каким путем идти России — своим собственным, либо западным, т. е. либерально-демократическим, социал-демократическим и т. д. Тот же спор, что начался еще в XIX веке между «славянофилами» и «западниками». Мы тогда искали истину вместе и не думали, что пути наши так радикально разойдутся в 80—90-е годы. Конечно, об этих спорах в партийных верхах знали не только из сводок КГБ.

После смерти Черненко в 1985 году высшая партийная бюрократия решила, что настало время перемен. Но это должны были быть перемены без перемен. По-французски. Решили: пусть все останется, как было раньше, хотя для виду все будет по-другому.

Партийные «сифогранты» на роль «реформатора без реформ» прочили Горбачева, у которого при Черненко в высшем эшелоне КПСС особой поддержки не было. Расчет был прост: вовремя «остановить безответственную болтовню» и все вернуть на круги своя. Горбачева снять, а поставить после этого своего, надежного.

В годы перестройки безответственной болтовни действительно было предостаточно на всех уровнях. И все же кремлевская геронтократия недооценила Горбачева. В аппаратных играх он оказался сильнее своих противников крестных отцов и их переиграл, умело манипулируя кадрами. Горбачев выдвигал на руководящие посты Ельцина и Янаева, Лигачева и Язова, Лукьянова и Яковлева. С приходом Горбачева к власти в партии и Советском государстве номенклатура среднего звена и региональная партократия, не посвященные в планы верха, ни в перестройке, ни в гласности не увидели поначалу ничего, кроме сигнала к очередной кампании по дискредитации всех предшественников нового Генерального секретаря. Это было почти ритуалом, к которому уже все давно привыкли. Никому и в голову не могло прийти, что первое лицо в государстве и партии примется разваливать и то и другое. Когда спохватились, было уже поздно.

Высшее руководство КПСС не сумело вовремя убрать Горбачева и потому, что в народе ему поначалу поверили. Радовались, что наконец к власти у нас пришел относительно молодой человек, сменив серого Черненко, со смертью которого затяжной период геронтократии в СССР кончился. Все верили, что эпоха этого маразма, от которого так было горько за державу, не повторится. Но, увы, к власти вместе с «Горби», как его стали ласково звать на Западе, пришли просто более молодые «тимократы», куда более опасные, чем «тимо-геронтократия» Брежнева — Черненко.

Какое-то время партократия, как могла, приспособлялась к новым веяниям. Это было нелегко. Один анекдотический случай был зафиксирован на весьма высоком уровне — первый секретарь одного из обкомов КПСС на совещании в ЦК возопил о помощи: «Вот нам сказали, надо перестраиваться. И мы согласны. Но пусть нам скажут, как перестраиваться. А нам не сказали...»

Сановного дурака быстро убрали с поста «первого», но его недоумение разделяли и более толковые партократы. Никто не знал, что такое «перестройка», что такое «гласность». Этого, не исключая, не знал даже сам Горбачев. Логика его доказательств в пользу перестройки сводилась к обычной партийной тавтологии: «Нам, товарищи, надо перестраиваться. Надо, потому что перестройке нет альтернативы».

Горбачева готовились было убрать уже к концу 1985 г. К тому времени популярность его начала падать, в первую очередь из-за нехваток и антиалкогольной компании. Но и формальных поводов было более чем достаточно. Один Чернобыль чего стоил. Но «минеральный секретарь» всех опередил и выбросил одним ударом из ЦК КПСС около ста человек, заставив их объявить об уходе с партийных постов «по собственному желанию». Сила авторитета сработала, и партократия это проглотила. А Горбачев после этого своего «маленького переворота» всюду смог расставить своих людей и уже не боялся удара в спину.

Партократия взбунтовалась по-настоящему (об этом можно судить по выступлениям региональной партийной печати и «Советской России» в 1990—1991 гг.), когда поняла, что Горбачев предал ее, предав ее тайну. Ту самую, которую она хранила в своих цеховских и обкомовских кабинетах и коридорах, в своих закрытых буфетах и распределителях. Она поняла, что опасность смертельна, но опять не сумела мобилизоваться. Слишком сильна была описанная Марксом бюрократическая традиция «обожествления Авторитета».

И когда отменили 6-ю статью брежневской Конституции, закрепившей монополию КПСС на власть, партократия поняла, что колокол звонит по ней. Понял это и Горбачев. И испугался по-настоящему. Даже если предположить, что он не сам организовал августовский путч 1991 года, чтобы покончить с им же самим затеянной «перестройкой» раз и навсегда и все вернуть на круги своя, то поведение членов ГКЧП лишь подчеркивает правоту Маркса. Они также обожествляли Авторитет. И, фактически свергнув Горбачева, поехали к нему в Форос просить благословения на это свое переворотное дело.

Конечно, и среди партократов были люди порядочные, как и искренне убежденные коммунисты. Хотя их было, право, немного. Больше было стопроцентных функционеров, у которых подчинение Авторитету раз и навсегда выбило всякое желание поверять указания начальства категориями здравого смысла, коммунистической убежденности и элементарной человеческой порядочности. Всех других Система просто «выдавливала» из своей среды, отторгала их как чужеродный организм. Во Франции я познакомился с одним из таких «отверженных» — с нашим послом (1985—1990 гг.) Яковом Петровичем Рябовым. В свое время он был начальником Бориса Ельцина. (Когда Рябов был Первым секретарем Свердловского обкома КПСС, а Ельцин ходил у него в начальниках строительного отдела того же обкома и, по словам Рябова «даже на третьего секретаря не тянул».)

Рябов поднялся до самых вершин партийной иерархии, став членом ЦК КПСС, затем кандидатом в члены Политбюро. Но система «опознания», построенная партийной бюрократией по принципу «свой-чужой», его быстро вычислила. Рябов был «думающим», а это было равносильно диссидентству. Вскоре его карьера пошла по нисходящей. В конце концов его «сослали» на должность посла СССР во Франции. А потом и с поста посла снял его Горбачев незадолго до путча, потому что на январском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС Яков Петрович осмелился покритиковать ЦК за очередное перестроечное головотяпство.

Рябов страшно переживал развал СССР и все, что произошло после этого в России. «Советский Союз развалился потому, что к власти в нашей стране, Владимир, пришли тщеславные преступники. — говорил он мне во время одного из своих наездов в Париж весной 1994 года. — Я знал их всех не понаслышке, а лично. Как говорится, «по совместной работе». Ни о каких их «демократических» убеждениях и речи быть не

может. Даже демократичность поведения и на работе, и в быту была им абсолютно чужда. Что Горбачеву, что Ельцину. Горбачев терпеть не мог, когда ему перечили. И, увы, немногие на это решались. Горбачев одного за одним ликвидировал своих противников. Не физически; конечно, время не то, а политически. Достаточно вспомнить о разгроме Центрального Комитета. Вычистил около ста человек одним махом. После этого сопротивление его авантюрам в руководстве партии было сломлено. Власть сосредоточилась в руках преступной троицы Горбачев — Яковлев — Шеварднадзе. Они и довели развал социализма и партии до конца.

— Ну а вы лично, Яков Петрович, — спросил я его, — вы же оставались членом ЦК и после вашего назначения послом во Францию...

— Уже будучи послом, я попытался в 1990 году высказать на пленуме ЦК то, что думал о ходе перестройки. Но мне не дали выступить. Я настоял, чтобы текст моего выступления включили в стенограмму. Последствия себя ждать не заставили — с поста посла меня вскоре после этого убрали на пенсию. Я попытался поговорить с Горбачевым лично. Но он меня и слушать не стал.

— С руководством партии мне более-менее все ясно, — продолжал я расспрашивать его. — Но почему молчала партия, почему народ в полном смысле этого слова безмолвствовал?

— Понимаешь, мы росли и жили при социализме. Так уж было заведено, что всем в стране руководит штаб партии, ее Центральный Комитет. И ни народ, ни партия не могли поверить, что там-то и оказались их самые страшные враги. Ведь демонтаж социализма начался не снизу, а сверху. Поначалу народ не сумел это распознать за завесой горбачевско-яковлевской демагогии. А потом было уже поздно.

Яковлев очень умело использовал свой опыт работы в агитпропе, полностью подчинив себе средства массовой информации страны, прежде всего радио и телевидение.

— Можно ли было спасти Советский Союз?

— Конечно. Это пытались сделать не раз еще до 19 августа 1991 года...

— И после этого путча тоже?

— 19—21 августа 1991 года — это не путч. Путч начался 23 августа. Во всей этой истории еще много неясного. Но для меня рассказы о том, что Горбачева якобы изолировали в Форосе, неубедительны. Мне Ганс Модроу (один из послед-

них руководителей СЕПГ и ГДР. — *Авт.*) рассказывал, что к даче Горбачева в Форосе и 19 августа, и позже (а Ганс там был как раз в это время) — можно было спокойно пройти пешком, никаких чрезвычайных кордонов, о которых рассказывали потом, установлено не было. Все это довольно скоро откроется. Все станет на свои места. Я в этом уверен...

Вскоре после нашей встречи Рябов стал одним из создателей российской Партии пенсионеров. Большого успеха она не имела. Но он, как мог, несмотря уже на свой преклонный возраст, продолжал сражаться с нашими «ветряными мельницами», так и не поняв, что все эти пугала и идеологические страшилки выставили специально для того, чтобы отвлечь народ от поисков истины, а заодно дискредитировать наших донкихотов, всегда готовых в бой за светлое будущее.

Русский народ удивительно доверчив. И этим всегда пользовались негодяи, на всем протяжении русской истории. Я не склонен относить к категории сознательных негодяев Горбачева. Скорее всего, его использовали в своих целях негодяи действительно злодейского калибра. Когда-нибудь мы об этом узнаем во всех подробностях. Пока я, увы, ничего не могу предположить, кроме собственных наблюдений за ним.

...Я впервые увидел его близко в Женеве в 1985 году, во время «встречи в верхах» с Рейганом. Поначалу вроде бы все шло нормально, и наша журналистская братия с восторгом писала о том, как легко и непринужденно генсек общается с президентом США. Однако к концу этого саммита я пришел к выводу, что наш лидер не понимает, о чем с ним говорил Рональд Рейган. Просто трагически не понимает.

Он не вслушивался и в то, что ему шептали на ухо его советники, многоопытные специалисты по разоружению, по правам человека, по советско-американским отношениям. Его бесили и раздражали заранее приготовленные ими записки для его ориентации на пресс-конференциях. Эта аллергия на советников сохранилась у него и после отставки. Он никого не умел слушать, кроме самого себя. В 1993 году, когда он уже был рядовым президентом на пенсии, он выступал в диспуте по французскому телевидению. И его давний советник Вадим Загладин, бывший главный специалист ЦК КПСС по контактам с «братскими партиями» Западной Европы и США, что-то зашептал ему на ухо. Но Горбачев отмахнулся и, как всегда в таких случаях, понес ахинею.

«Господи! — воскликнул бывший у меня в тот вечер в гостях приятель из семьи старых русских эмигрантов. — Каким ты был, таким остался. Органчик несчастный!»

Я подивился точности характеристики Горбачева. «Органчик!» Так звали градоначальника Брудастого, героя сатирической повести Салтыкова-Щедрина «История одного города», у него было две особенности — пустая говорящая голова, которую он в свободное от работы время откручивал и использовал как пресс-папье. И еще — большое родимое пятно. Салтыков-Щедрин, правда, не угадал, разместив его не на лбу, а на щеке у своего героя.

Я помню, как выступал Горбачев в представительстве СССР в Женеве в 1995 г. на пресс-конференции сразу же после отъезда Рейгана. Поначалу речь его была спокойной и сдержанной. Он то и дело сверялся с бумажкой, чтобы, не дай бог, что-нибудь невпопад не ляпнуть. Потом он бумажки отложил. И его понесло. Я не скажу, что он порол абсолютную чушь. Но он говорил как дилетант, как приготовишка. И когда аргументов ему не хватало, он хватался за свои дежурные спасательные слова, чаще всего повторяя одно и то же: «Перестройка, перестройка, перестройка». Как повторял щедринский «Органчик» свое «Не потерплю!», «Разорю!».

Лидер великой державы все же должен быть с головой. Иначе державу ждет катастрофа. Так и получилось. «Органчика» от КПСС быстро «вычислили» и у нас, и на Западе. А затем опытные кукловоды использовали «Горби» как хотели, всячески поощряя его комплекс Нарцисса. Он думал, что он творит Историю, а весь мир на него смотрит с восхищением. А на деле он был даже менее самостоятелен, чем щедринский Органчик. Он был своим зомби для Запада и охотно озвучивал все то, что ему вкладывали в уста. Для этого не надо было даже его вербовать, хотя, если вспомнить те 100 тысяч долларов, что ему вручили, как утверждал бывший шеф КГБ В.А. Крючков, в Южной Корее, подношений, и крупных, наш последний Генеральный секретарь не чурался.

По классической традиции недалеких русских правителей он любил отражаться в западных зеркалах и постоянно требовал, как героиня пушкинской сказки: «Молви, зеркальце, мой свет, я прекрасен или нет?» Достаточно было президенту США Бушу-старшему или канцлеру ФРГ сказать Горби: «Ты прекрасен, спору нет!» — чтобы он сдал даже то, о чем его не просили.

Самое трагичное, что он не понимал и этого. И уже после того, как он стал, по выражению его же клеветы Яковлева, политиком «в плюсквамперфектум», он часто публично жаловался, что вот на Западе о его выступлениях пишут, а российская пресса «замалчивает». И говорил о себе не иначе как в третьем лице: Горбачев сказал, Горбачев считает и т. д.

...Я никогда не забуду 5 июля 1989 года. В тот день Горбачев и его супруга, прибывшие во Францию с официальным визитом, в сопровождении всей своей свиты решили «пообщаться с парижанами» на площади Бастилии. В протоколе государственных визитов зарубежных лидеров во Францию ничего подобного не предусматривалось. И французы эту «причуду» советского гостя уже из-за тех дополнительных хлопот по обеспечению его безопасности, которых было не избежать, явно не одобряли, хотя вида и не показывали. Но поставить на место тех, кто пытается им диктовать свои порядки, французы умеют. И Горбачев испытал это на себе в полной мере.

...С утра к площади потянулся народ. Кто его оповестил, можно только догадываться. Но известно, что советское посольство провело серьезную работу с «друзьями». Так у нас кодовое именовали коммунистов и прокоммунистические профсоюзы, коммунистическую молодежь и «сочувствующих» из Общества дружбы «СССР — Франция». В основном они и представляли парижан, с которыми Горбачев решил пообщаться. Многие приехали к Бастилии с раннего утра в надежде получить от Горбачева автограф на его книге «Перестройка», только что вышедшей на французском.

Когда я приехал на площадь со своими коллегами из Москвы, меня поразили две вещи. Во-первых, никаких специальных пропусков на площадь нам не выдали. На встречу с Горбачевым мог пройти любой обладатель журналистской карточки, моя жена прошла со мной просто по советскому паспорту. Во-вторых, меня поразила та легкость, с которой жандармерия оцепления пропускала за металлические барьеры фотокорреспондентов. Ни их аппаратуру, ни их самих не проверяли, казалось, их было несколько сотен. Неподалеку от площади стояли их мощные мотоциклы, на которых они должны были лететь что есть мочи обратно в свои редакции и агентства после съемки.

Горбачевы вкатили на площадь на персональном ЗИЛе вместе с посольским кортежем. И тут началось! Фоторепортеры и телевизионщики взяли Горбачева и его супругу в плотное кольцо. Они снимали их во всех ракурсах, задавали Горбачеву вопрос за вопросом, но к загородкам, из-за которых любители автографов протягивали ему его «Перестройку» на

подпись, не подпускали. Как Горбачев ни упрашивал: «Ну дайте же мне пообщаться с парижанами, а потом я отвечу на ваши вопросы», — его и Раису Максимовну из кольца не выпускали. Фотографы и репортеры, дымя им сигаретами прямо в лицо делали свое дело.

Жандармы и военные из спецназа «Се-эр-эс» во все это не вмешивались. Они спокойно, с чувством собственного превосходства наблюдали за тем, как двигается по площади какими-то лихорадочными зигзагами этот «медиатический» спрут, поглотивший чету Горбачевых вместе с их свитой. Они не вмешивались, хотя, наверное, были настороже. Потому что понимали — высокого гостя могла смести вся эта одетая в кожу, пропахшая потом и бензином «банда».

А «банда» работала. Работала первоклассно, высокопрофессионально, и ей было наплевать на то, что «Горби» ехал на Бастилию «на встречу с народом». Для них было главное то, что они заставили его общаться с ними, и уж на этот раз они свои редакции не подвели. Растерянное лицо Горбачева. Перекошенное от страха лицо Раисы. Снимки они делали первоклассные.

В какой-то момент мне показалось, что их затопчут. Но посол Я. П. Рябов вовремя развернул кольцо охраны. Металлическая стремянка одного из фоторепортеров, с которой он снимал и которая, упав, пошла было прямо на голову Горбачеву, попала в плечо охранника. Тот охнул, но виду не показал. Горбачев быстро сел в машину. И только перед самым выездом с площади выскочил из нее снова, пожал пару протянутых к нему рук. И уехал. А за его машиной еще долго мчались на своих черных мотоциклах и во всем черном французские папарацци, напоминая мне образы Всадников Апокалипсиса...

От всего этого осталось такое ощущение, будто всех нас облили помоями там, на площади Бастилии, когда фоторепортеры гоняли по ней, как тараканов на бегах, советского президента с его супругой.

Я еще раз убедился тогда, что Горбачев — дилетант, провинциальный актер-любитель. Его освистали, а он не понял и продолжал раскланиваться, думая, что это свист в одобрение. Как в Америке.

Я не раз потом прокручивал в памяти эту сцену «общения с народом». Она стала для меня знаком Апокалипсиса, предвестием гибели Советского Союза, хотя я и не знал, откуда прискачут Всадники Смерти. Но я слышал приближающийся топот их коней именно в Париже, на площади Бастилии.

Править такой державой, как Советский Союз, могли только профессионалы. А профессионалы, даже такие холерики, как Хрущев, все же, хоть и вполуха, слушали специалистов. Горбачев их полностью игнорировал. Они мешали ему говорить. А он хотел говорить без помех, без конца, без умолку и обращаясь непременно ко всему человечеству. Диалог ему был не нужен. Советы тоже. Он мог слушать только самого себя. Если он даже спрашивал тех, кто был рядом с ним: «А вы что думаете по этому поводу», — то только для того, чтобы услышать подтверждение своих слов. Несдобровать было тому, кто принимался с ним спорить. Подобная нетерпимость типична для людей, одержимых какой-то идеей либо манией. Враги Горбачева в КПСС говорили, что он параноик. Американцы вежливо писали о его «неестественном блеске глаз». Я видел Горбачева на расстоянии полуметра, перед тем как он выходил из особняка нашего посла на рю Гренель в Париже. Могу засвидетельствовать — блеск в глазах действительно был. Как в фильме ужасов.

АВТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

Уповать на то, что История все поставит на свои места, только логично. Исхода Смуты современники предвидеть не могут. А российской — тем более. Остается одно — надеяться на Историю.

Когда советская бюрократическая машина, вместо того чтобы сдерживать центробежные силы, разваливавшие Советский Союз, принялась раскручивать разрушительный маховик и делать все для того, чтобы этот развал наступил как можно быстрее, возникла угроза катастрофы едва ли не планетарных масштабов.

Уже после своей отставки Горбачев проговорился по французскому телевидению, что во время переговоров с Рейганом в Рейкьявике в 1987 году он переступил ту черту, «после которой уже не было возврата обратно». Что имелось в виду, судить не берусь. Но известно, что именно после Рейкьявика во всех тех структурах, на которых держалось Советское государство, от партии до армии и КГБ, где осознали наконец реальную угрозу развала страны, начались выступления против продолжения перестройки и лично против Горбачева. Его, как там, очевидно, решили, надо было убирать срочно, немедленно, пока он не разоружил Советский Союз до последнего сол-

дата, не пустил державу по миру, раздав все ее достояние добровольно, бесплатно, безоговорочно и безвозвратно. Впоследствии это и обернулось августовским «путчем» ГКЧП 1991 г. До сих пор идут споры о том, была это реакция на некую внешнюю угрозу безопасности и целостности СССР либо попытка реставрации режима, существовавшего до 1985 г., т. е. до начала перестройки.

На процессе ГКЧП в конце ноября 1993 года бывший председатель КГБ В. А. Крючков говорил, например, что пойти на «путч» его заставили сообщения агентуры КГБ о планах НАТО, согласно которым Советский Союз якобы уже был поделен на «сферы влияния» и Запад планировал «сократить его население» с 260 миллионов до 150 миллионов человек в течение предстоящих 30 лет. Надо полагать, что этой секретной информацией Крючков делился не только со своими доверенными сотрудниками. Она широко распространялась во всех государственных структурах, и прежде всего в партии. Я не могу поверить, что в НАТО намеренно планировали геноцид почти половины населения СССР, и не только потому, что не разделяю «теорию заговора». Во-первых, существует ряд свидетельств, в том числе Е. Гайдара, что сразу же после развала СССР наступил такой момент, когда продовольственные запасы в стране сократились до двухнедельного минимума и население России оказалось перед угрозой голода. Если поверить в изложенные Крючковым планы НАТО, то Западу просто надо было подождать около двух месяцев, и его планы геноцида русских осуществились бы сами по себе. Но Запад почему-то начал массированные поставки продовольствия в Россию. Голода не получилось. Во-вторых, то, о чем говорил Крючков, было равнозначно объявлению войны. А ни в США, ни непосредственно в НАТО на это не могли пойти уже потому, что даже после развала СССР потенциал ответного удара у России сохранялся.

Любая попытка со стороны Запада ускорить процесс развала СССР означала бы мгновенную мобилизацию противников не только самого Горбачева, но и уже объективно начавшегося в нашей стране процесса демократизации, синхронно совпавшего с процессом развала Советской империи. Ясно, что «путч» ГКЧП уже никак в планы Запада не входил. Что же касается плана раздела России на сферы влияния Францией, Англией и США, то он, как говорилось выше, датирован еще 1918 годом. Я сам писал об этом плане не раз, в том числе в своей книге «Агрессия против разума» (1984 г.). Крючкову по-

пал в руки, скорее всего, не «план уничтожения» Советского Союза вместе с его населением, а натовский «сценарий», один из тех, которые разрабатываются разного рода «думающими танками» для ориентации политиков и военных стратегов.

Так, например, в 1967 году в одном из таких «танков», в Гудзоновском институте США, профессора Кан и Уинер подготовили сборник сценариев «Год 2000-й», в котором как один из возможных вариантов развития ситуации в СССР предсказывали реставрацию капитализма и возникновение «демократии», но «не сильно развитой, как в США, а в варианте, напоминающем Португалию времен Салазара». Очень реалистическим оказалось предсказание. Но это же не значит, что у Пентагона существовал еще тогда конкретный план операции по превращению социализма в СССР в салазаризм. Это был один из возможных «сценариев», и только.

Я остановился на этой очередной «теории заговора» в силу того, что в России традиционно объясняют с ее помощью все «наши трудности», т. е. те проблемы, которые мы нередко сами себе и создаем безо всякой на то посторонней помощи. Часто и в российских СМИ появляются такие «страшилки» в виде цитат из якобы секретных документов западных спецслужб. Как-то Андрей Караулов в своей боевой передаче «Момент истины» привел уже упоминавшийся нами антироссийский «план» бывшего директора ЦРУ Аллена Даллеса. Речь шла о якобы разработанном в Лэнгли сценарии духовного уничтожения русского народа после того, как США удастся одолеть коммунизм. Цитата была очень выгодна для подтверждения того, что заговор ЦРУ против СССР существовал, и на фоне тотального морального разложения, которое в «демократической России» наблюдается невооруженным взглядом, каждый телезритель должен был бы, по замыслу авторов передачи, прийти к выводу, что этот заговор на 100 процентов удался. Потом было доказано, что этот план Даллеса — всего лишь фальшивка. Но автор этой фальшивки просто экстраполировал далекую от высокой нравственности западную действительность на посткоммунистическую Россию. И вышло весьма правдоподобно. А Караулов потом, надо отдать ему должное, вынужден был сказать, что документ он цитировал подложный.

Действительно, в ряде сценариев подрывной работы ЦРУ против СССР приведенные в фальшивке «план Даллеса» методы использовались. Но эти сценарии осуществлялись с момента победы большевистской революции. И не имели успе-

ха. А удалось их реализовать только тогда, когда в полном соответствии с законом Паркинсона на высший пост в КПСС и в Советском государстве пришел партократ, достигший своего потолка некомпетентности. Уверен, что ни в одном сценарии ЦРУ этот подарок Америке и всему «свободному миру» не предусматривался. С неба, что называется, упало:

Думаю, что, разрабатывая сценарии для НАТО на очередные 30 лет, западные прогнозисты вполне могли как вероятность предсказать развал СССР. Элен Каррер д'Анкос, французский академик, сделала это в своей книге «*Empire Eclaté*» («Развалившаяся Империя») еще в 1978 году, и при этом безо всякой помощи со стороны НАТО. Советский диссидент Амальрик такое предсказание сделал еще раньше. А что касается сокращения нашего населения, то, учитывая сокращение рождаемости в сравнении со смертностью и просчитав, сколько погибает примерно людей в разного рода этнических, национальных и религиозных конфликтах, сколько народа бежит из страны куда глаза глядят, сколько погибнет из-за отсутствия лекарств, из-за эпидемий и СПИДа, можно высчитать, сколько через 30 лет останется россиян. Не исключено, что их число сократится наполовину. Это, например, подсчитали российские демографы. Но вот в то, что это «планировалось» в НАТО, я что-то не верю. Для этого надо было бы действительно завербовать Горбачева и все его окружение и их руками планомерно уничтожать СССР и его народ. Но Горбачев и его команда, а затем Ельцин и его команда все это выполняли без указаний из ЦРУ и НАТО, где еще долго после 1985-го не могли поверить, что им бесплатно удастся руками «перестройщиков» и «реформаторов» сделать то, на что США безо всякого результата затратили с 1917 года триллионы долларов.

Конечно, в итоге в НАТО свои сценарии развала СССР подкорректировали, рассчитали, к чему приведет Советский Союз слепая политика уступок всем требованиям Запада, проводившаяся Горбачевым, чем обернется демонтаж социализма, всей его экономики, системы социального обеспечения и неминуемый в результате всего этого развал СССР. Часть партократии, очевидно, шла на это сознательно, не потому даже, что в ее среде действовали «агенты влияния», хотя они и действовали, а потому, что начавшийся после смерти Сталина процесс перерождения коммунистической элиты зашел слишком далеко. «Здоровые силы в партии», как живописуют в КПРФ противников Горбачева, слишком поздно забили тревогу.

Приближение катастрофы уже было видно невооруженным глазом — к началу 1991 года с прилавков магазинов в Москве исчезла даже соль. В провинции вообще было шаром покати. В республиках вовсю шли протестные выступления, которые вылились затем в кровавые погромы. Набирал силу сепаратизм — от Прибалтики и Украины до Кавказа. Все понимали, что надо что-то делать. Причем срочно.

До поры на Западе любое посягательство на Горбачева рассматривалось едва ли не как попытка нового переворота. Слабый президент СССР, и к тому же легко манипулируемый, всех по обе стороны Атлантики устраивал. Ему срочно соорудили лавры «мученика Фороса» и принялись издавать его «мемуары» о том, как он там, на крымском курорте, посылал к соответствующей матери «заговорщиков» во главе с Болдыным. Парижское издательство «Орбан» опубликовало, помимо горбачевского «Путча», еще и книгу Раисы Горбачевой.

Чем обернулось бы дальнейшее президентство нашего «Органчика» для СССР, можно было предсказать безо всякой помощи НАТО. Его руками Запад ликвидировал самые совершенные советские ракеты, каких у США не было даже в проекте. На очереди стояло полное ядерное разоружение СССР. Руководители Вооруженных сил СССР того времени считают, что «узник Фороса» был готов пойти и на это, чтобы угодить Западу. И за счет его поддержки укрепить свою власть. По указанию Горбачева Шеварднадзе уже подписал в Вашингтоне с тогдашним госсекретарем Бейкером договор о новой морской границе, который отдавал десятки тысяч квадратных километров прибрежного шельфа СССР под контроль США. И хотя ни Верховный Совет СССР, ни Госдума впоследствии тот договор не ратифицировали, первый шаг к «сдаче» СССР был сделан уже тогда. Известно, что после его возвращения из Фороса военные потребовали у Горбачева остановить одностороннее разоружение Советского Союза. На Западе об этом узнали. И испугались нового ГКЧП. Ельцин, призвавший в своих мемуарах, что все свои действия он согласовывал с посольством США в Москве, видимо, подал сигнал тревоги по этому поводу. Скорее всего, именно после этого Запад решил ставить уже не на «Горби», а на Ельцина.

Не прошло и двух лет после нашей последней встречи с Горбачевым на площади Бастилии, как он сдал и партию, и Советский Союз, и Советскую власть, и всех наших союзников и друзей без боя. Без единого выстрела. Просто проболтал их и даже не заметил, как сам оказался у разбитого корыта, один

на один с телевизионной камерой в Кремле, в ту самую предновогоднюю ночь, когда зачитывал кем-то написанную для него речь об отставке.

Он так и не научился говорить правильно по-русски. Его «ставрополизмы» были неистребимы. Он и после своей отставки все еще говорил и безумно много писал о «пользе перестройки», о том, что надо было идти его путем, уверял всех в своей любви к Ленину и к социализму. Над ним посмеялись на прощание. Хотя и беззлобно. У народа были уже другие заботы. Надо было спасать то, что осталось. Свои семьи, самих себя...

Несколько лет спустя мы вновь встретились с Горбачевым в Париже, в конференц-зале французского МИДа, где он представлял книгу своих мемуаров на французском языке. Я задал ему один-единственный вопрос, который всегда хотел задать, да все не было случая:

— Ответьте, Михаил Сергеевич, мне на один вопрос: ощущаете ли вы свою личную вину перед советским народом? Только, пожалуйста, ответьте, не растекаясь мыслию по древу, а просто — да или нет.

Горбачев посмотрел на меня исподлобья, потом опустил глаза и, подумав с минуту, выдал из себя все-таки:

— Да, ощущаю...

Ну что ж, как говорят на Руси, покаявшемуся прости.

БЕСПЛОДНЫЙ КОММУНИЗМ

В США одобрили план развала СССР, разработанный окружением Ельцина, и, скорее всего, дали гарантии заговорщикам, что в случае неуспеха их путча расправы над ними не допустят. Не случайно о решении лидеров России, Украины и Белоруссии о роспуске СССР, подписанном ими в Беловежской Пуще в конце 1991 года, Ельцин сообщил в первую очередь американскому президенту, а не президенту СССР Горбачеву. Будь к тому времени на месте «Горби» сильный лидер-государственник, беловежский «путч» не сработал бы. Ельцин, Кравчук и Шушкевич, подписав приговор СССР, это отлично понимали и просто поторопились захватить власть, пока не поздно, пока не пришел кто-то другой, кто смог бы восстановить величие нашей державы, сохранив и укрепив Советский Союз. В последнем случае у них не было бы шансов не только на власть в своих республиках, но и по меньшей мере на свободу. А то ведь могли и к стенке поставить.

Можно спорить с философом Ильиным, который считал, что в 1917 году русский народ оказался не на высоте своего исторического предназначения. Но то, что он этому предназначению изменил в году 1991-м, — бесспорно. На референдуме большинство высказалось против развала СССР. Но чтобы этот развал предотвратить, никто и пальцем не пошевелил, кроме ГКЧП. А между тем «русская идея» в ее советизированном варианте требовала от русского народа всемерной мобилизации и немалых жертв во имя сохранения единства Советского Союза, его великого статуса сверхдержавы. Ни на то ни на другое он не пошел. Почему? Тому есть немало объяснений, и часть их в этой книге уже перечислена. Но вот еще одно.

В уже упоминавшейся работе Льва Гудкова о русской идентичности мы находим весьма любопытный пассаж относительно того, как эрозия идеологии привела в СССР к развалу его экономики, к формированию в ее недрах черного рынка и тех «менеджеров», которым предстояло после гибели коммунизма «строить капитализм». Гудков пришел к выводу, что коммунистическая система рухнула в России, потому что была... бесплодной. Она просто не воспроизводилась.

«Крах советской системы, — пишет он, — был вызван не столько экономическими или политическими причинами, как это нередко утверждают, сколько неспособностью этого режима к самовоспроизводству. Он мог существовать только при наличии институтов массового устрашения, чрезмерной и нерациональной эксплуатации человеческих и природных ресурсов (выделено мной. — Авт.). Систематическое занижение запросов и массовых потребностей, требующее постоянного и жесткого социального контроля над социальным поведением во всех сферах частной и общественной жизни, ограничение информационных и культурных горизонтов, редукция многообразия и, соответственно, индивидуальной мотивации к достижению производительности работы неизбежно должны были обернуться технологическим отставанием от мирового уровня. Это отставание невозможно компенсировать никакими рывками, «ускорением», частичной промышленной модернизацией и пропагандистскими кампаниями по подстегиванию интенсивности труда (соцсоревнование, ориентация на передовиков и проч.). Как только тоталитарная бюрократия в интересах самосохранения была вынуждена вначале сузить, а затем свести до минимума масштабы массовых репрессий как неперемennого условия принудительной организации общества и эконо-

мики, начались процессы эрозии системы, возникновение теневых или дублирующих официальные структуры отношений и форм регуляции. Именно такого рода компенсаторные и дополнительные образования, с одной стороны, позволили системе сравнительно стабильно просуществовать еще 15—20 лет (вспоминаемых сегодня массовым сознанием как золотое время стабильности и относительного достатка), а с другой — вырастили поколение людей с иными запросами и ориентациями, людей, не желающих довольствоваться нормами прежней жизни с ее дефицитом, всеобщей уравнительностью, пассивностью и надеждами на патерналистскую власть.

Именно невозможность обеспечения подобных ожиданий и даже их воспроизводства стали фактором, медленно разрушающим ресурсы советского режима. Эрозия шла в двух направлениях. С ослаблением репрессивного режима усиливалась открытость общества, информированность об условиях жизни в других странах, что порождало соответствующие претензии к власти, которые не могли быть ею удовлетворены. Кроме того, нарастали центробежные тенденции — стремление национальных элит в других, нерусских республиках к самостоятельности, и чем дальше, тем больше, вплоть до выхода из состава СССР». Тут, как любил говорить г-н Черномырдин, ни убавить, ни прибавить.

ЗАБЛУДИВШИСЬ В ПАРТИЗВИЛИНАХ...

Предположить, что о тех выводах, к которым пришел Гудков, не докладывали ЦК КПСС особо доверенные исследователи, работавшие на КГБ, было бы наивно. Но у бюрократов, а уже тем более столь идеологизированных, как партократы, свое видение мира. Бесплезно поэтому было им доказывать что-либо с позиций здравого смысла. Партократы были уверены, что правильна только их позиция, даже если нормальные люди воспринимали ее как идиотскую. Весь мир, по Марксу, был объектом их деятельности. И стоило им только захотеть, они перевернули бы его безо всякого Архимедова рычага. Одним лишь «решением Инстанции». Оно могло быть каким угодно. Вчѐра это было решение «построить социализм в отдельно взятой стране по имени Россия». Сегодня — «построить капитализм». В некотором «ползучем» виде, отмечу, он существовал даже при Сталине. Бригады шабашников строили да-

чи и целые поселки. После войны почти пять лет липовый «стройбат» прокладывал дороги на Украине. Мошенников в униформе уличили, лишь узнав, что они... не платили партвзносы.

В период «застоя» предпринимательством по поручению партии занялся именно комсомол. В 1971 году для обеспечения молодых семей квартирами было решено разрешить их строить на основе хозрасчета. Так были созданы первые молодежно-жилищные кооперативы (МЖК), которые стали своеобразной «школой капитализма». Только в Москве к середине 1980-х было организовано 52 МЖК. Комсомольцы, выбивая фонды, стройматериалы, кредиты, становились предпринимателями. Впоследствии на базе МЖК выросли не только строительные фирмы, но и банки. Еще одной школой капитализма стали хозрасчетные центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Их разрешили создавать в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 321 от 13 марта 1987 года. «Как и многие другие экономические структуры, появившиеся в годы перестройки, — писал еженедельник «Версия», — центры быстро отошли от первоначальной ориентации, занявшись различными формами коммерческой деятельности. Чаще всего это была банальная перепродажа сырья, закупленного по госцене. К началу 90-х в СССР насчитывалось уже более 600 центров НТТМ: они не платили никаких (!) налогов, но отчисляли 3% дохода в общесоюзный фонд НТТМ и 27% — в местные фонды, которыми распоряжались координационные советы НТТМ. При этом государство не получало вообще ничего: средства фондов направлялись на «развитие научно-технического творчества и социальные цели» (общий оборот фондов в 1989 году составил 1,5 млрд. рублей). Получив право обналичивать деньги, центры НТТМ стали одновременно и колыбелью российской бизнес-элиты, и локомотивами инфляции. Комсомольский капитал рос как на дрожжах...»

Официально разрешенное предпринимательство мирно сосуществовало с подпольным. Комсомольский капитал тихо срашивался с преступным. В этот процесс затянуло и великое множество чиновников, без разрешения которых нельзя было ничего «выбить» при отсутствии открытого рынка и доступа к фондам. Поэтому и при Советской власти в бюрократической среде коррупция процветала. В постсоветские времена она стала сутью работы «отдельного бюрократа», для которого «государственная цель», превращаясь в его «личную цель», сводилась к личному обогащению любой ценой.

Летом 2005 г., по пути на работу, включив случайно в машине радиостанцию «Маяк», я услышал, как три солидных ученых мужа терлись серым веществом в эфире, размышляя над проблемой российской бюрократии. Постановка вопроса была, если знать, как эту проблему рассматривали Маркс и Гегель, а также их последователи, явно ненаучной, что лишний раз подтвердило простую истину — нельзя ничего из культурного и научного наследия социализма автоматически «сбрасывать с корабля современности». Эфирные мудрецы рассуждали, как бы в России «легализовать бюрократию», этот то ли класс, то ли прослойку, без которой нельзя осуществлять функцию управления в любом государстве, но которая, как оказывается, сама неуправляема. Мне очень хотелось позвонить по телефону, объявленному «Маяком», и спросить участников дискуссии: а как же она будет управляемой, если, по Марксу, она рассматривает государство как свою собственность, а по Гегелю, являет собой «государство как формализм»? Но тут дискуссия перешла к такой разновидности «бюрократии», как зарубежные постовые, напомнив мне тем самым, что наши, родные, за использование мобильных за рулем могут и оштрафовать. Один из ученых сообщил, что «бюрократы» — постовые в США, где с их помощью управляют уличным движением, не берут взятку потому, что: а) они боятся потерять свой пост и высокую зарплату; б) установлены такие штрафы, выше которых взятку давать невыгодно, а ниже — постовой не возьмет. Отсюда был вывод — повысить зарплату нашему бюрократу, а также внушить ему страх быть разоблаченным, как в Америке, и наказанным общественным презрением и плохой репутацией.

Если ученые мужи дают такие рекомендации нашим властям, то понятно, почему вместо государства мы сплошь и рядом имеем его иллюзию, виртуальную реальность, вместо необходимой всем нам действительности Государства Российского. Корень вопроса не в том, чтобы «легализовать» бюрократию, повысив ее оклады, или застрашать, чтобы не брала взятку. При любом окладе бюрократ будет брать в лапу, если он будет подменять своей волей волю народа, избравшего тех, кто создает законы, обязательные для исполнения государственными чиновниками всех рангов. Бюрократы необходимы, как управленцы, и против этого могут возражать только анархисты (из принципа) и неучи (в силу невежества). Но они не могут подменять собой государство. Бюрократия есть управленческая машина, которую создают те, кому она слу-

жит, т.е. теоретически народу, либо некоему правящему классу (монарху, буржуазии в парламентской республике, пролетариату с его диктатурой, просто трудящимся при социализме). Но когда эта машина заставляет служить себе тех, кто ее создал, то сам принцип управления превращается в свою противоположность, в иллюзию управления. Если у нас в России этого не понимают, то не из-за отсутствия извилин у русских и других населяющих ее народов, а в силу неистребимого желания бюрократов жить и кормиться за наш счет.

Бесславное правление Бориса Николаевича Ельцина посвоему вновь подтвердило, что в России, несмотря на все перемены, ничего не меняется в одном плане — со времен Петра Государство Российское остается сугубо бюрократическим.

Бюрократия сумела пережить и Февральскую, и Октябрьскую революции 1917 года.

Даже после того как большевики уничтожили величайшую бюрократическую «конституцию» России — петровскую «Табель о рангах», она не уступила своих позиций и в конечном итоге уже при Сталине вернула их обратно и укрепила многократно, обретя при этом новые формы партократии и советократии. Потеряв, казалось бы, все свои позиции, с распадом СССР, бюрократия тем не менее восстала из пепла и чудовищно расплодилась в России и бывших союзных республиках. В России армия государственных чиновников превысило даже численность бюрократического контингента в СССР. Прежние структуры слились с новыми, и в результате этого симбиоза родилась новая, тотально коррумпированная бюрократическая «демократия». Говорухин в уже цитированном выше интервью не случайно называет ее «воровской властью коммунистов-оборотней». Он исходит из того, что это все те же бюрократы, только надевшие другие мундиры.

Конечно, они не переменились, выбросив свои партбилеты. У них остались те же манеры, те же привычки. Точно так же они верят в силу «Авторитета» и «Решения», и что с того, что «авторитеты» все больше воровские, а решения — незаконные? Главное в другом — в том, что они сумели сделать свои антигосударственные цели действительными целями Российского государства, в том, что они были и остаются «надменной кастой», по характеристике президента Путина. Для них русский народ годится только для того, чтобы высасывать из него жизненные соки, обирать его и грабить. Они его презирают и потому в их среде такое количество космополитов, даже не «западников», для этого у них интеллекта маловато, а скорее обожателей западного образа жизни на

потребительском, обывательском уровне. Ведают ли они, что творят? Я с большой осторожностью отношусь к критике «авторитаризма» из уст «прораба перестройки» А. Н. Яковлева, но в данном случае приведу из его интервью «Независимой газете» его характеристику той бюрократии, которая как бы перетекла из номенклатуры КПСС времен «перестройки» в номенклатуру пост-советской России: «...Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека. Авторитаризм всегда считал людей простым возобновляемым ресурсом. Как трава или дерево — скосил, срубил, снова все вырастет. Отношение к людям — как основное мерило цивилизованности общества — у нас находится на очень низком уровне.. Тут «прораб» прав. Он этих «крокодилов» хорошо знает. И прекрасно понимает, что они и его съели, когда он перебрал по части критики авторитаризма и посягнул на их бюрократические «тайны». Своим они этого не прощают.

Во всем мире поступление на государственную службу обязывает чиновника отказаться от какого-либо участия в бизнесе, передать в управление доверенному лицу имеющиеся у него активы. В постсоветской России все наоборот — чем выше пост занимает чиновник, тем в большее число правлений разного рода государственных и смешанных предприятий он входит. И там получает такие добавки к зарплате, которые в разы превышают его должностной оклад. Чиновники на местах, как показал ряд расследований Счетной палаты РФ, в тех же целях сплошь и рядом используют местные фирмы, а также региональные и муниципальные бюджеты, активно пустая государственный и корпоративный карман со своим. Коррупция и воровство сверху донизу привели и к тому, как писали в одной газете, что «только на мероприятиях по достройке мощностей Калининской АЭС исчезли 600 млн. долларов из 1 млрд. 200 млн. долларов, что были выделены казной». Американское правосудие в мае 2005 г. затребовало экстрадиции Е. А. Адамова, бывшего министра атомной промышленности РФ, которого обвиняют в хищении многомиллионных субсидий США, выделенных на охрану АЭС. Чем такой разгул воровства в нашем Минатоме может обернуться для безопасности не только России, но и соседних государств, легко догадаться.

Классические, по Марксу, бюрократы не мыслят ни единого государственного дела без того, чтобы на этом, как они говорят на своем аргю, «не срубить капусту». История приватизации и залоговых аукционов дает тому бесчисленное множество подтверждений. Как показал доклад Счетной палаты РФ об итогах приватизации, государственные чиновники специально занижали цену госпредприятий, чтобы получить взятку от приватизаторов, никоим образом не смущаясь притом, что грабят таким образом нанимаящее их на службу государство, обирают собственный народ.

Они обезумели от своей страсти к наживе, и эту вакханалию никто не хотел остановить в ельцинском Кремле, где действовали целые структуры по получению «отката» от разграбления России. Но было не только это! По вине этих мерзавцев на госслужбе обороноспособность РФ была, по сути, полностью подорвана за какие-то первые десять лет после развала СССР. На лом продавались новейшие танки и бомбардировщики, боевые корабли и спасательные плавучие базы, ракеты и пусковые установки. Ни одна западная спецслужба не смогла бы добиться такого за годы подрывных действий против нашей страны. К счастью, Владимиру Путину удалось этому положить конец.

Очевидно, положить конец беспределу российской бюрократии дело куда более сложное. Но достижимое, при условии, что она будет лишена своей вековой защиты — той «тайны», незнание которой простыми гражданами позволяет любому чиновнику смело творить любые безобразия без всякого риска быть призванным к ответу. Для этого научить чиновника работать в условиях гласности, прозрачности и отчетности, ввести правильно рекомендованный мэром Москвы Лужковым принцип «одного окна», чтобы проситель в наших «инстанциях» не ходил от чиновника к чиновнику, раздавая им взятки. И, если бюрократы научатся работать в таких условиях, то следующим этапом будет уже сознательное служение обществу (через демократизацию сознания) и соблюдение в деталях буквы закона. Конечно, это никаким «решением инстанции» не введешь. Для этого нужны годы. И нужен самый строгий **народный контроль** за всей машиной управления государством — от ее «мозга» до последнего чиновника-винтика.

Часто говорят, что в среде высшей и средней бюрократии советских времен никакой веры в коммунистические идеалы после смерти Сталина уже не было. Не буду спорить. Но было, по крайней мере, другое — нормы поведения и формы кон-

троля за партokratией, которая эти идеалы должна была по определению утверждать в сознании homo soveticus. Когда эти идеалы были официально сданы в утиль, бюрократ почувствовал полную свободу от всякой ответственности за свои действия в приватизированном им государстве. В стране наступил чудовищный кризис веры, который, как и водится, привел к столь же чудовищному падению нравов и общественной морали, к засилью кумовства и коррупции. Для многих советских людей этот кризис обернулся личной катастрофой, потому что годами их учили, что общественное и личное — суть понятия тождественные. Не случайно начало 90-х годов отмечено в РФ таким скачком в статистике самоубийств.

Советские бюрократы высшего и среднего звена — партийные, советские, комсомольские, военные, судебные, правоохранительные и прочие номенклатурные работники — в массе своей пережили этот кризис безболезненно. Они, как говорят французы, просто «вывернули пиджак наизнанку», и оказалось, что под кумачовым бархатом у них скрывались либо лиловые сюртуки «либералов», либо махрово-коричневые облачения «консерваторов». Разницу между двумя этими понятиями они так же не могли бы объяснить толком, как и разницу между материализмом и эмпириокритицизмом в советские времена. Но зато очень грамотно и быстро образовали новую российскую бюрократию, поменяв лишь вывески на дверях своих кабинетов либо сами кабинеты, увеличив себе при этом денежное содержание в разы.

Очень любопытно порой перелистать страницы российского Who is Who? и подивиться удивительной способности российского бюрократа к политической мимикрии. Вот лишь несколько имен из этого справочника:

Болдин Валерий Иванович, бывший редактор сельхозотдела «Правды», экс-зав. Общим отделом ЦК КПСС при Горбачеве, бывший член ГКЧП, а затем заключенный тюрьмы в Лефортово — мирно перекочевал в коммерческий банк «Нефтяной» и стал одним из его руководителей.

Бобков Филипп Денисович, генерал, бывший первый заместитель председателя КГБ СССР, член ЦК КПСС. Именно он возглавлял Пятое Главное управление КГБ, в ведении которого находились борьба с диссидентами и противодействие «империалистической пропаганде». Без визы его экспертов в советской прессе не могла появиться ни одна статья по радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа» и все публикации по диссидентам. Едва свалили памятник Дзержинскому на Лубянке, он перешел на службу к господину Гусинскому и

стал начальником аналитического управления, а на деле шефом службы безопасности группы «Мост».

Грошев Владимир Павлович, бывший зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, затем работник аппарата ЦК КПСС, стал председателем совета директоров банка АБ «Инкомбанк» и президентом Союза менеджеров.

Щербakov Владимир Иванович, бывший первый заместитель премьер-министра СССР В. Павлова (1990 г.), глава калининградской компании «Автотор», которая собирает у нас BMW и «хаммеры».

Газета «Новые известия» 30.10.2003 г. привела список бывших секретарей ВЛКСМ разных уровней, которые «весьма удачно адаптировались к «новой жизни». Среди них: Владимир Зюкин — первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1990—1991), глава брокерской компании «Крэйтон кэпитал»; Виктор Мишин — первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1982—1986), председатель правления «Крокус-банка», член правления и Совета попечителей Московского Английского клуба; Людмила Швецова — секретарь ЦК ВЛКСМ (1981—1989), первый заместитель председателя правительства Москвы; Станислав Смирнов — первый секретарь МГК ВЛКСМ (1985—1989), секретарь ЦК ВЛКСМ (1989—1990). Президент Торгово-промышленной палаты РФ (1991—2001); Иосиф Орджоникидзе — первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии, секретарь ЦК ВЛКСМ (1990—1991). Заместитель председателя правительства Москвы; Валентина Матвиенко — заведующая, секретарь, первый секретарь Петроградского райкома ВЛКСМ (1972—1977), секретарь, второй, первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ (1977—1984). Губернатор Санкт-Петербурга; Сергей Кириенко — второй секретарь Нижегородского обкома ВЛКСМ (1990—1992). В 1998 г. — премьер РФ. Затем после отставки — полномочный представитель президента в Приволжском федеральном округе; Михаил Ходорковский — заместитель секретаря Фрунзенского районного комитета ВЛКСМ г. Москвы (1986—1987), директор Центра научно-технического творчества молодежи (1987—1989). Председатель правления НК «ЮКОС», мультимиллиардер, самый богатый человек в России в 2004 г. по данным журнала «Форбс»; Александр Волошин — освобожденный секретарь комитета ВЛКСМ станции Москва-Сортировочная (1982—1983). Руководитель Администрации президента РФ (1998—2003).

Я взял всего несколько имен этих «верных ленинцев». Почти наугад. А их — тысячи, десятки тысяч. И все они в числе

тех самых 15% населения России, которых статистика относит к числу самых богатых в нашей стране.

Имена эти приведены здесь вовсе не для того, чтобы кого-то прибить таким образом к позорному столбу на века, — всего лишь для иллюстрации процесса трансформации коммунистической бюрократии в новую, антикоммунистическую, буржуазную, денежную элиту. Наследники большевиков, которые в октябре 1917 года не захотели вставать в «плехановскую очередь», и на этот раз эволюции предпочли революцию. Пусть даже с приставкой «контр». Новую буржуазию для российского «капиталистического проекта» не стали готовить по примеру венгров, поляков или китайцев, постепенно реанимируя частный сектор, в первую очередь в торговле, сфере услуг и в сельском хозяйстве. Коммунизм отменили так же, как в свое время капитализм. Поэтому новая буржуазия не могла сформироваться иначе как из номенклатурных работников, составлявших правящий класс в СССР, их обслуги, дельцов черного рынка и подпольных цеховиков да уголовников. Поэтому и капитализм в России мог стать только таким, каким он и оказался, — полукриминальным, олигархическим, т. е. завязанным на коррумпированную власть и антилиберальным. По той же причине в России и демократия стала развиваться вообще в форме невиданной прежде разновидности, что именуется на Западе теперь «авторитарной демократией». Что это, как не гибрид социализма и «банановой республики»? Бюрократию в СССР вполне устраивал реальный социализм, но ей не хватало буржуазных свобод и западного изобилия. Поэтому «свой» капитализм они и построили в соответствии с удобной для них формулой: «Советская власть плюс капитализация всей страны!». Ясно, что при этом они создали только иллюзию капитализма и иллюзию демократии. Зато сохранили Власть и Авторитет и великие тайны своей бюрократической иерархии и превратились в конечном счете, как сказал Владимир Путин в своем послании Федеральному собранию в 2005 г., в «замкнутую, надменную касту».

Все это постсоветское действо только напомнило мне финал великой книги Джорджа Оруэлла «Скотный двор», где описывается примирение Свиной (т. е. революционеров) и Фермеров (помещиков-капиталистов): «Двенадцать голосов кричали одновременно, но все они были похожи. Теперь было ясно, что случилось со свиньями. Оставшиеся снаружи переводили взгляды от свиной к людям, от людей к свиньям, снова и снова всматривались они в лица тех и других, но уже было невозможно определить, кто есть кто».

Признаем, что такого рода трансформации только закономерны в том капиталистическом государстве, первым президентом которого стал бывший первый секретарь обкома КПСС и кандидат в члены Политбюро. Ельцин — часть партотократии СССР, ее высшего эшелона. Его даже не выбирали на партийных конференциях и съездах, а назначали. Именно как бюрократа от партии. Так, он был назначен сначала заведующим отделом, а потом третьим секретарем Свердловского обкома КПСС. Так же он был назначен заведующим отделом ЦК КПСС. В его карьере советского периода даже партийной демократией не пахло. И после расстрела русского парламента по его приказу из тяжелых танков даже у его бывших фанатов не осталось никаких иллюзий по поводу того, ради чего шел к власти Ельцин. И кто он такой.

Одним из самых ярких сторонников Бориса Ельцина по 1991 году был кинорежиссер Станислав Говорухин. Именно его фильм «Так жить нельзя» сыграл во многом решающую роль при избрании Ельцина Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, а затем и Президентом РСФСР. Но вот что он сказал всего через два года после расстрела Белого дома в интервью парижской газете «Русская мысль» (№ 4005, 18—24 ноября 1995 г.). Недоумевая по поводу того, что западная интеллигенция аплодировала расстрелу парламента Ельциным, Говорухин бросил ей прямой упрек в том интервью:

«— Откуда это? Ведь интеллигенция, западные интеллектуалы всегда были в оппозиции к любой власти, и вдруг такая любовь к этой самой ничтожной из всех, самой коммунистической из всех (выделено мной. — Авт.) власти.

— Что вы имеет в виду, когда так определяете эту власть?

— То, что она ничтожна, — это, я думаю, всему миру ясно. Ну, начнем с того, что она воровская. Ведь не было даже в истории советского государства, чтобы такое мелкое ворье взяло власть в стране. То, что она коммунистическая, это тоже понятно. Причем это не просто коммунисты, а коммунисты-оборотни. Ведь все они убежденные коммунисты, все они были в КПСС, и не просто там люди, которые в партию вступали, потому что не могли, допустим, работать по своей основной специальности инженера, или ученого, или летчика (а ведь раньше командиром корабля стать было невозможно, если ты не член партии). Большинство, конечно, процентов 98, в партии были только потому, что таковы были правила игры. Как они выкинули партбилеты, так они ничуть не изменились, какими были, такими и остались. Но ведь эти все (т. е. Ельцин и

его окружение. — *Авт.*) — либо идеологами были, либо партийными начальниками. Давайте посмотрим конкретно. Гайдар — зам. редактора «Правды», зам. редактора журнала «Коммунист», то есть всю жизнь коммунистическими идеями руководствовался. Бурбулис — доцент кафедры научного коммунизма. Михаил Полторанин — редактор «Московской правды» (Полторанин, министр информации в первом правительстве Ельцина, а затем его ближайший советник, начинал свою карьеру в «Правде», затем был назначен Ельциным главным редактором «Московской правды», которая была органом Московского городского комитета КПСС, сразу после того, как Ельцин стал партийным боссом Москвы. — *Авт.*). Ельцин — секретарь обкома, а потом кандидат в члены Политбюро, как можно сделать карьеру до кандидата в члены Политбюро, не предав, не продав, не переступив через труп товарища? Значит, все они убежденные коммунисты, в один день нельзя выбросить партбилет и сразу стать другим человеком».

Я соглашусь с Говорухиным, лишь с одной поправкой: не коммунисты, а партократы. А эта категория все-таки к рядовым коммунистам, в массе своей нормальным, порядочным людям, и тут он прав, говоря о 98%, имела столь же отдаленное отношение, как Ленин, Троцкий и Сталин с их боевиками и экспроприаторами к легальным марксистам в России до революции (Струве и др.).

Формально Говорухин прав, когда говорит о том, что практически все руководство постсоветской России оказалось коммунистическим. Но таковым оно было лишь *по партийной принадлежности к КПСС*. Другой-то партии в СССР и не было. Кадры брать было неоткуда. Наличие партбилета, однако, не означало наличия убежденности у его обладателя в идеях коммунизма. Задолго до его краха в СССР в самой КПСС и в обществе произошел раскол на тех, кто еще верил в эти идеи, и на тех, кто делал вид, что в них верит. Причем среди первых, как правило не было «партийных фундаменталистов», а вторые из карьерных соображений не стеснялись выступать в роли фанатиков от коммунизма. Даже «Правда», где я работал с 1970 г., не была исключением. Разделительная линия проходила и по нашей редакции. Она проявилась весьма четко уже в первые годы перестройки. Для меня поэтому не стал сюрпризом уход Егора Гайдара и Михаила Полторанина на службу антикоммунистическому режиму Ельцина, а затем и уход части моих коллег по «Правде» в бизнес. Каждому, как говорится, свое.

ОБЫКНОВЕННАЯ МИМИКРИЯ

Конечно, тем, кто был коммунистом действительно по убеждению, а не по карьерным соображениям, наблюдать все это постсоветское «выворачивание пиджаков» было нелегко. Я знаю это по своему личному опыту. Началось с того, что в первый день августовского «путча» — 19 августа 1991 года — ведущий La Cinq (Пятой программы французского телевидения) спросил меня в прямом эфире, что я думаю «по поводу переворота в Москве». Конечно, я знал, что был категорический запрет тогдашнего посла СССР во Франции Дубинина выступать нам, советским, с какими-либо комментариями во французских СМИ по поводу путча. От меня как от корреспондента «Правды», опубликовавшей тогда все декреты ГКЧП, и в посольстве, и на La Cinq ожидали другого — безусловного «Одобрям-с!». Но поддержать ГКЧП во главе с Янаевым, которого я знал еще по комсомолу как заурядного бюрократа, я просто не мог, хотя и Ельцину не симпатизировал. Я высказал тогда не бог весть какую оригинальную мысль. Сказал, что не все так просто в Москве, как это представляют CNN и французское телевидение. И добавил, что все же, по моему глубокому убеждению, говорить, будто демократический процесс в СССР продолжается, уже нельзя, ибо «демократия и танки несовместимы». Наутро эти мои слова процитировали в газетах. И хотя это достаточно банальная истина, от меня после интервью по La Cinq все в посольстве стали шарахаться. После провала путча «линия партии» качнулась в прямо противоположную сторону, со мной снова стали было здороваться, но теперь я должен был, по мысли всех наших посольских «гомо советикусов», аплодировать уже не Янаеву, а Ельцину. Посол Дубинин, кстати, кандидат в члены ЦК КПСС, получив новые инструкции из Москвы, так и поступил, сообщив не кому-нибудь, а... корреспонденту радио «Свобода» в Париже о своем выходе из КПСС. В знак протеста. А ведь когда он вступал в должность посла, он на нашем «профсоюзном» собрании (под таким кодированным названием проходили партийные собрания в посольствах СССР) говорил: «Всем, чего я достиг в этой жизни, я обязан партии!» И правильно говорил...

Когда после разгона ГКЧП Ельцин закрыл «Правду», я, ее собственный корреспондент, оказался в Париже с женой и двумя детьми безо всяких средств к существованию и без надежды их когда-либо получить. Ни один из членов советской

колонии в Париже даже не выразил мне сочувствия, я уж не говорю о том, чтобы как-то помочь мне и моей семье. И не потому, что они были черствыми душой и недобрыми людьми. Нет — сработал синдром покорности «Homo Sovieticus», готовности осудить и отмежеваться от всех тех, кто хотя бы на микрон посмел «отклониться от линии партии» не вместе с этой линией. Зато рядовые, часто не знакомые мне французы звонили в корпункт «Правды», спрашивали, нужна ли помощь. До сих пор храню банковский чек на 100 франков от одного из них. Категорически отказались подписать обращение в защиту «Правды» и наши представители в ЮНЕСКО. А вот «буржуазная» ассоциация «Репортеры без границ», как и «антисоветская» организация «Международная амнистия», выступили с протестом против закрытия «Правды» Ельциным. И в Москве этот протест услышали, и «Правде» разрешили вновь выходить. На время это спасло и наш корпункт во Франции. Но после расстрела Белого дома в октябре 1993 года история повторилась. У меня до сих пор хранится «Приказ № 183 по Министерству печати и информации РФ», подписанный 4 октября 1993 г. первым замминистра Д. Д. Цабрия. Пунктом 2 этого приказа всем, от кого это зависело, вменялось «приостановить выпуск и распространение изданий, учредителями которых являются общественные объединения, принимавшие участие в массовых беспорядках и иных противоправных действиях в г. Москве, а также изданий, поддерживавших противоправную деятельность этих объединений («Правда», «Советская Россия», «День», «Газета духовной оппозиции» и др.)». Конечно, в посольство копия этого приказа пришла, и там вновь продемонстрировали свою лояльность новой власти. А давно ли мы все вместе сидели на наших «профсоюзных собраниях»...

В большинстве своем правдисты свои партбилеты не выбросили, не рвали их на публике, хотя и выживали с трудом. А вот те, кто вовремя «вывернул пиджак», процветали. Уже когда я вернулся в Москву, мне рассказали знающие люди об одном «кадре» в Париже, который до развала Союза писал на меня «телеги» как на «инакомыслящего» и «русского националиста» за то, что я общался с русскими эмигрантами, а после развала слал на меня доносы как на «фанатичного коммуниста». Это только про одного рассказали...

Я никогда не был фанатичным коммунистом, хотя в нашей семье коммунистическая традиция жила еще с тех пор, когда мой дед Иван Федорович Большаков в 1905 году стал одним из основателей первого в России профсоюза и вступил

в РСДРП. В семье у нас нередко разногласия между Мартовым и Лениным обсуждались так же увлеченно, как семейные проблемы. У меня не было сомнения в том, что жизнь свою я навсегда свяжу с партией. Впервые я задумался о том, какой мы коммунизм строим, когда вскоре после смерти Сталина из бериевских застенков освободили отца. Он вышел оттуда совершенно седым. И когда ему предложили восстановить членство в партии, он отказался. Я со всей комсомольской принципиальностью спросил его, почему он не взял партбилет обратно, раз уж его реабилитировали. И что-то, конечно, ляпнул про то, что быть в партии — это великая честь. Отец грустно посмотрел на меня и сказал: «Если бы тебя сутки хотя бы подержали голым на льду в Лефортово, я думаю, ты бы тоже в эту партию не вернулся». Так я впервые услышал о пытках в застенках Берии. Отец, боевой разведчик, прошедший с боями всю войну, долго после этого не прожил — умер в 47 лет. А потом нам в институте прочитали письмо Хрущева о культе личности Сталина. И это все прежние представления о партии во мне перевернуло. Я подчеркну: о партии, о КПСС, но не о коммунизме, в который я продолжал верить, хотя в партию вступил по тогдашним меркам поздно — в 30 лет. Постепенно я узнавал все больше правды о «реальном социализме», а бывая за границей — и о «реальном капитализме». Мне повезло с редакторами в «Правде» — именно там я опубликовал свои репортажи и очерки из Австралии, Новой Зеландии, США, Франции, где, несмотря на всю тогдашнюю конъюнктуру, душой не покривил и писал правду о том, что видел и слышал.

Я исколесил всю страну. Побывал во всех республиках СССР, в Сибири, на Дальнем Востоке, три года проработал на Камчатке. Вглядываясь в советскую действительность, регулярно бывая в партийных «коридорах власти», я стал понимать, что те «товарищи» из «внутренней КПСС», которые использовали марксизм как рабочую спецодежду, рано или поздно всех нас просто погубят. И что по сравнению с этой опасностью значила моя личная судьба! Но я решил, что останусь в партии и буду все делать для того, чтобы настоящих коммунистов в ней оказалось большинство. Увы, это была иллюзия. Я проработал в «Правде» 29 лет и навсегда ушел оттуда и от коммунистов только в 1999 году, когда окончательно понял, что и наследники КПСС — новые и старые «верные ленинцы», новая партийная бюрократия России, — подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились.

Глава 6

«КТО НЕ РИСКУЕТ, ТОТ НЕ ПЬЕТ ШАМПАНСКОГО»

... Горбачев ушел в политическое небытие. И Франция готовилась принимать Бориса Ельцина в официальном теперь уже качестве президента России. До того, когда он был в Париже и Страсбурге еще до своего избрания и до путча, весной 1991 года, с ним мало кто хотел иметь дело. А президент Ф. Миттеран, хотя и принял его формально в своем Елисейском дворце, фактически побеседовал с ним не в своих апартаментах, а в кабинете своего помощника.

БЮРОКРАТИЯ ВВОДИТ РЫНОК

В 1992 году Франция взглянула на Ельцина совершенно иначе — в ореоле государственных флагов и в сиянии надраженных до блеска кирас и сабель почетного караула. И сам он, отразившись в зеркалах Версаля, обрел куда больше импозантности и уверенности в себе. Это выгодно отличало его от Ельцина-91, когда его окружение неуклюже пыталось превратить визит Бориса Николаевича во Францию по частному приглашению малоизвестного журнала в визит государственный. И все же чувствовалось, что никаких симпатий к российскому президенту в Париже нет. Газета «Фигаро» приветствовала Ельцина в первый день его визита далеко не лестным шаржем. Известный карикатурист Лури изобразил его в виде Статуи Свободы, но не с факелом в поднятой правой руке, а с бутылкой водки.

В остальном визит «демократического» президента мало чем отличался от визита президента «коммунистического».

Разве что вместо «ставрополизов» Горбачева в ход пошли «екатеринбургизмы». Но дело даже не в том, что Ельцин, как и Горбачев, путал ударения и падежи. Они оба одинаково путали место и время. Они не делали разницы между собранием французских бизнесменов и областным или республиканским партийно-хозяйственным активом, между встречей с соотечественниками — русскими эмигрантами и инструктажем «представителей советской творческой интеллигенции». Они по своей партократической привычке все также «требовали», давали указания, разъясняли решения...

В Париже в «Павильоне Габриэль» Ельцин выступал перед Патронатом. Звал «вкладывать капиталы в Россию, пока не поздно!». И не понимал, почему это, «раз уже на самом верху в России решили открыться для контактов с Западом», на наши широты никто из Франции не спешил со своими капиталами.

«...Когда предприятиям, организациям и фирмам дано напрямую контактироваться (я сохраняю текст оригинала по своей магнитофонной записи. — *Авт.*) с фирмами мира, заключать сделки, минуя бюрократические какие-то препоны на высшем государственном уровне России, — гремел голос Ельцина в «Габриэле», — когда после распада Союза молодая российская демократия еще не обзавелась бюрократией, которая была бы коррумпирована, пока она, эта бюрократия не коррумпирована, этим моментом надо воспользоваться...»

Язык бюрократов чудовищен. У них даже грамматика не соответствует ни живому языку, ни тем более литературному. Какой-то установочный язык, бумажно-канцелярский. Тезисный. И так же далеки от реальной жизни их заявления. Ну кто из французских бизнесменов, хоть раз побывавших в России после августа 1991-го, поверил бы в то, что российская бюрократия «не коррумпирована»? И кого мог вдохновить «вкладывать в Россию» призыв Ельцина «Кто не рискует, тот не пьет шампанского»? В России — это, в общем-то, лозунг проходимцев, обшмыг, по Достоевскому, и мелкого ворья. А во Франции, где шампанское обязательный компонент любого мало-мальски приличного приема и популярный аперитив, ничем рисковать не надо для того, чтобы его испить. Надо просто заказать его у официанта нормальным цивилизованным способом.

Партократия, однако, западную цивилизацию и все, что с ней связано, перевела, после захвата власти большевиками, в категорию дефицита, доступ к которому был простому смертному затруднен. Попасть туда можно было только особо

доверенным и трижды проверенным в КГБ, в разного рода выездных комиссиях — от райкомовской до центральной в ЦК КПСС. Поэтому в восприятии Ельцина и его окружения из провинциальных обкомов «пить шампанское» означает «красивую жизнь» с ресторанами и красивыми женщинами. Складывавшееся годами мировоззрение труднее переменить, чем костюм «индпошива» на тройку от Кардена. И в этом едва ли не главная трудность приобщения нынешней России, ее бюрократов и «деловой элиты» к «западной жизни», а проще — к жизни цивилизованной.

После встречи Ельцина с русскими эмигрантами в особняке российского посла, где он сказал, что теперь, после «отмены политики коммунизма, которая проводила политику, которая мешала нам контактироваться», надо «дружить», одна из приглашенных знатных дам, в ужасе всплеснула руками: «Господи! Какая речь! Те-то, большевики, за 70 лет хотя бы пообщались!»

Эти тоже пообещаются, подумал я тогда, услышав эту реплику. И 70 лет не пройдет. В конце концов, можно и «поконтактироваться». Куда важнее для России и Запада не их манеры и речь, а то, куда эти лидеры поведут русский народ. А вот здесь отсутствие даже не цивилизованности, а элементарной культуры и соответствующего взгляда на мир, чревато уже не просто насмешками родовой аристократии, а катастрофой. При чем — не исключено — и глобальных масштабов.

«КАТАСТРОЙКА» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Один из последних бастионов социализма партократия сдала на финальном, XXVIII съезде КПСС (1991 г.). Именно там и была принята программа перехода к рыночным отношениям в «социалистической экономике».

Казалось бы, после запрета КПСС уже некому «претворять решения съезда в жизнь». Но, как любили говорить большевики, «Ленин умер, а дело Ленина живет». Так было и с КПСС. Она умерла, но ее «верные ленинцы» живы.

«Команда Ельцина, — писал академик Владимир Струминский, — приняла, как свидетельствуют документы, именно экономическую программу XXVIII съезда КПСС, в том числе по приватизации и переходу к рынку. Смею уверить, что именно в результате этой экономической программы, отмеченной ренегатскими уступками самих коммунистов, народ-

ное хозяйство страны приведено к состоянию полного развала: с массовыми остановками предприятий, с угрожающим ростом инфляции... Введение рыночных отношений в нашей централизованной системе планирования — это по сути введение хаоса в экономику...»

Меньше всего можно было ожидать, что именно Ельцин, тот человек, который стал могильщиком КПСС, будет столь истово выполнять решения ее последнего съезда. Этот парадокс, однако, подтверждает правило: партократы вчерашнего дня, и партократы сегодняшнего, перекусившиеся в «реформаторов», присягали на верность не коммунизму, не партии коммунистов, не России, а партократии, бюрократическому аппарату КПСС, монополизировавшему право говорить от ее имени и от имени России, а то и от имени «всего прогрессивного человечества». Точно так же, как в свое время они толковали коммунизм, так, как им заблагорассудится, пока он не обратился в свою полную противоположность, так же они стали толковать и рынок, политику реформ, демократию.

Что из этого получилось экономически, можно судить по официальным статистическим показателям РФ, которые только подтверждают антинародную и антирусскую сущность режима «демократов».

Уже в декабре 1993-го после выборов в Федеральное собрание и референдума по ельцинской Конституции РФ, стало ясно, что и политические последствия проведенных экспартократами «реформ» катастрофичны. Комментируя итоги голосования, корреспондент «Вашингтон пост» Ли Хокстейдер писал из Москвы 14 декабря 1993 года, что многие из тех, кто пострадал лично из-за распада Советского Союза, говорили журналистам, что будут голосовать за кандидатов антиельцинской оппозиции. « Это — промышленные рабочие, которые месяцами не получают зарплаты на своих дышащих на ладан заводах, это фермеры, которые потеряли свои некогда весьма приличные субсидии, это офицеры в борющихся за выживание, деморализованных вооруженных силах, это молодежь, чьи перспективы при новом общественном порядке весьма туманны, это пенсионеры, которые едва могут прокормиться теперь на свои жалкие пенсии, которые съедает инфляция». И когда в результате этого протестного голосования в новом парламенте России действительно оказалось больше противников рынка и демократии, чем сторонников, Западу оставалось только признать, что гайдаровские «рефор-

мы» были годны, как писала «Фигаро», «разве для лабораторного эксперимента, но абсолютно не были приспособлены к российской действительности». А это (признавать так уж признавать. — *Авт.*), как писала газета, привело к тому, что «дезориентированный, обнищавший, отчаявшийся народ отказался заплатить своей социальной защищенностью за новую революцию: конверсию плановой системы в ту, что строится на непредсказуемом законе спроса и предложения».

Почти 10 лет спустя в своей покаянной статье «Кризис либерализма в России», опубликованной 29 марта 2004 г. в газете «Ведомости», российский олигарх № 1 Михаил Ходорковский подтвердил эти обвинения Ли Хокстейдера и «Фигаро».

«Русский либерализм, — писал Ходорковский, — потерпел поражение потому, что пытался игнорировать, во-первых, некоторые важные национально-исторические особенности развития России, во-вторых, жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа. И смертельно боялся говорить правду.

Либералы ельцинского призыва, — продолжает далее наш олигарх, — внезапно получившие власть, думали об условиях жизни и труда для 10% россиян, готовых к решительным жизненным переменам в условиях отказа от государственного патернализма. А забыли — про 90%. Трагические же провалы своей политики прикрывали чаще всего обманом. Они обманули 90% народа, щедро пообещав, что за ваучер можно будет купить две «Волги»...

Они закрывали глаза на российскую социальную реальность, когда широким мазком проводили приватизацию, игнорируя ее негативные социальные последствия, жеманно называя ее безболезненной, честной и справедливой. Что ныне думает народ о той, «большой» приватизации, известно.

Они не заставили себя задуматься о катастрофических последствиях обесценения вкладов в Сбербанке. К середине 90-х они слишком сильно обросли «Мерседесами», дачами, виллами, ночными клубами, золотыми кредитными картами. Стоическому бойцу либерализма, готовому ради торжества идеи погибнуть, пришла на смену расслабленная богема, даже не пытавшаяся скрывать безразличия к российскому народу, безгласному «населению». Этот богемный образ, приправленный демонстративным цинизмом, премного способствовал дискредитации либерализма в России.

Никто в 90-е годы так и не занялся реформами образования, здравоохранения, жилищно-коммунальной сферы. Адресной поддержкой малоимущих и неимущих. Вопросами, от решения которых зависело и зависит огромное большинство наших сограждан. Социальная стабильность, социальный мир, каковые только и могут быть основой всякой долгосрочной реформации, затрагивающей основы основ национального бытия, были российскими либералами проигнорированы.

Они отделили себя от народа пропастью. Пропастью, в которую информационно-бюрократическим насосом закачали розовые либеральные представления о действительности и манипулятивные технологии.. Потрясающее признание несостоятельности нового олигархического капитализма в России из уст олигарха номер один. Пусть даже и прозвучавшее из камеры «Матросской тишины».

За «новую революцию» с русского народа потребовали цену непомерную. У него — опять же под обещания, что «жить станет лучше, жить станет веселей» — отобрали все то, чем он привык пользоваться за 70 лет Советской власти. Власть эта (и здесь Западу надо избавиться от ложных представлений времен «холодной войны» и трезвее проанализировать минувший советский период) не продержалась бы столь долго, если бы в результате Октябрьской революции 1917 года неимущие обрели только иллюзию, провозгласив: «Государство — это мы!» На одном терроре эта власть тоже не продержалась бы. Тот, кто сейчас ностальгирует по коммунизму, на первом месте среди его достоинств назовет, пожалуй, «уверенность в завтрашнем дне». В полном смысле слова уверенности, конечно, не было. Судьба практически любого человека могла быть решена одномоментно партократами, КГБ, каким-нибудь местным царьком. Тут и перестройка, кстати, мало что изменила.

Но если эту поправку учесть, то я не погрешу против истины, сказав, что у советских людей не было страха потерять работу, свои сбережения, свой дом. Мы все знали, что работу найдем всегда и семью прокормим. С нашими профсоюзами человека было куда труднее уволить, чем принять на работу.

Никто не посягал на наши деньги в Сбергательных кассах и, как ни сложны были межнациональные отношения, никому в голову не могло прийти, что где-нибудь в СССР может начаться резня на национальной либо религиозной почве. То, что произошло в 1987—1993 гг. в Баку, в Нагорном Карабахе, в Молдавии, в Таджикистане, в Чечне могло привидеться только в кошмарном сне.

Иной раз говорят, что Советская власть виновата перед нашим народом уже потому, что не приучила его жить по соревновательному принципу, или, как мы раньше, «упрощая», говорили, «по закону джунглей». Надо якобы было воспитывать в людях «умение постоять за себя» и «не поощрять иждивенческие настроения». Может быть, действительно, здесь промашка вышла. Но поборникам рынка я на это отвечу только одним аргументом: и в странах развитого капитализма действительно богатых людей, которые мыслят рыночными категориями и умеют делать на этом деньги — не более трех процентов населения в соответствии с показателями западной статистики. И у нас их примерно столько же. Это уже, скорее, из области психологии, чем социологии. Есть определенная порода людей, которая чувствует себя в бизнесе как рыба в воде. А все остальные — барахтаются, и далеко не все выплывают. Так что Советская власть тут, пожалуй, ни при чем. Она все-таки сумела создать достаточно мощные гарантии экономических прав населения и его надежную социальную защиту. Хотя с патернализмом и переборщила. С одной стороны, хорошо, что безработицы в нашей стране не знали практически с 1930 года. С другой — плохо, потому что раз у всех была работа, то и платили за нее мало, а потому люди и работали кое-как. И тем не менее преимуществ в этом было больше, чем недостатков, и люди об этом всегда будут помнить.

Со школьной скамьи нас учили, что «молодым везде у нас дорога». Такие слова были в одной популярной песне сталинского периода. И хотя это тоже было далеко не так, особенно в последние годы брежневской геронтократии, молодежь знала, что при желании всегда получит образование, причем бесплатное, и найдет свое место под солнцем.

В той же песне, что внушала оптимизм молодежи, были слова: «Старикам везде у нас почет». Это было действительно так во многом. На Западе редко увидишь, чтобы пожилым людям уступали место в метро либо автобусе. В Советском Союзе, как правило, уступали. Уважение к старости в СССР культивировалось. И хотя пенсии у многих были просто нищенские, все же старики знали, что на свои кровные пенсионные худо-бедно проживут, смогут купить себе лекарство, а то и отложить что-то на похороны.

Никто не думал, идя к врачу, в больницу на операцию, что за это придется платить бешеные деньги. (Это уже ближе к перестройке и в больницы проникла повальная коррупция: за операции надо было платить хирургам, а санитаркам за

уход. Но и эти «гонорары» с западными не сравнить, гроши все стоило.)

В Советском государстве жилищный кризис так и не был решен до конца, несмотря на огромный размах жилищного строительства с начала 60-х годов. И тем не менее квартиры предоставляли бесплатно, квартирная плата, плата за электричество, газ, телефон, транспорт, путевки в санатории и дома отдыха, в кино и театр, на выставки и в музеи, за книги и учебники были чисто символическими. И к тому же в стране практически не было инфляции.

В СССР действовала целая организация, которая именовалась «Соцстрах», но многие расшифровывали это сокращение, как «социалистическое», а не как «социальное страхование». В отличие от человека на Западе мало кто в СССР знал, как выплачивают страховку на случай увольнения, болезни, несчастного случая и т.д. Мы привыкли, что все это за нас делает государство. Отсюда — не понятные для западного человека требования русских к центральным властям о них заботиться, обеспечивать их и работой, и социальной защитой.

Патернализм Советского государства был таким же всеобъемлющим, как и государственное планирование, у моих сограждан оставалось не больше возможностей проявить самостоятельность, чем у рабочих пчел в улье. И даже меньше — те хоть в свободном поиске перелетают с цветка на цветок.

Но представьте себе, что этих пчел вдруг заставили бы проявлять инициативу в том, что касается устройства сот в улье. Подняли бы, скажем, пчел «на перестройку». Меда не было бы. Пчелы добывали бы его, но не знали бы, куда складывать. Примерно такие последствия имел перевод советской плановой экономики в рыночный хаос.

ПОСТОЯЛЬЦЫ В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

В Советском Союзе, этом гигантском человеческом улье, социальные роли были четко определены, и каждый человек был своеобразным винтиком гигантского механизма. В соответствии с этим складывались и социальная психология, и поведенческие нормы и ориентации. Работать более или менее умели все. Заботиться о своих правах и о своей социальной защищенности никого не учили. Для нас все это чуждо, странно, непонятно. Если мы что и знали, так это, как «выбить путевку» в дом отдыха, особенно «горящую», как «пробить»

себе телефон в квартире или «достать», а не купить, холодильник. Квартиру мы не снимали и не покупали, а «получали», а дачные участки нам «выделяли от работы». В лучшем случае мы могли «поставить вопрос» перед администрацией или «покачать права» на профсоюзном собрании, обязав наших профсоюзных выборных добиться справедливости у начальства. Свои права мы всегда кому-нибудь «делегируем», не отстаивая их самостоятельно, ибо в конечном итоге уповали на государство, которое все и должно было решать за нас.

Как и все мы, типичный Homo Sovieticus обладал неистребимым комплексом временного постояльца. Он не желал вникать в какие-либо детали даже во имя собственного благополучия, исходя из традиционного русского «авось» и надежды на то, что все как-нибудь утрясется само собой. За эти дурные привычки и отсутствие гражданской ответственности потом пришлось дорого платить всем. Советские экономисты жонглировали терминами «вычеты в фонд социального страхования», «пенсионный Фонд» и т.д. Но мало кто у нас знал, сколько мы выплачиваем за свою социальную защищенность, где и за что государство нам недоплачивает, чтобы воздать в иной форме нам либо нашим детям. Мы не могли сказать, справедлива эта система или нас грабят, работаем мы мало или нас подвергают сверхэксплуатации. А потому, даже если советская система этого заслуживала, мы не могли оценить ее по-настоящему, так как нам не с чем ее было сравнивать.

Мы жили в своем государстве не как в принадлежащем нам доме, где постоянно надо что-то самому доделывать и налаживать. Поначалу — жили, как в казарме, потом уже, как в общежитии, затем, по мере объективной демократизации жизни в СССР — как в гостинице, где платят за все сразу, как за постой. Но вот ощущения своего дома мы так и не обрели. И это было едва ли не главной ошибкой коммунистов, бедой коммунизма вообще, который не мог себе позволить существования гражданского общества, а потому и не самовоспроизводился.

При всей ностальгии по прежней социальной защищенности никто не станет тосковать в России по прежней авторитарной системе и никто не согласится вернуть эту защищенность, вновь «делегируя» государству свою свободу. С ущемлением личностных прав и гражданских свобод в СССР многие мирились, потому что считали это делом временным и для государства вынужденным. Точно так же мы относились и к материальным «временным трудностям» и невзгодам.

Объясняется все это не только умением русских ограничивать себя малым. Хотя коммунистам верили уже все меньше, массированная идеологическая обработка все же срабатывала. К тому же на руку партократам играл «железный занавес», дыры в котором они залатывали куда быстрее, чем мы в своих семейных бюджетах.

«Железный занавес», чего часто не понимали на Западе, был даже не столько идеологической, сколько экономической необходимостью. Русский народ лишили возможности сравнить свою жизнь с жизнью развитых стран Запада и Востока. Да и о том, как живут в социалистических странах Центральной и Восточной Европы, у нас толком не знали. Поэтому партийной печати и пропагандистам КПСС было довольно легко работать, разъясняя «преимущества социализма».

Мало кто знал правду и о системе социального страхования на Западе, о системе пособий и субсидий. Поэтому русские за границей с огромным трудом адаптируются. Таких понятий, как выплаты в Фонд страхования на случай безработицы, смерти от несчастного случая, на случай попадания в больницу, в катастрофу, в фонд покупки собственного жилья, и т.д., мы просто не знали.

Не представляя себе ни принципов, ни структуры правового государства, мы не знали, какие у человека Запада есть права и какие обязанности. Мы не ведали налоговой и банковской системы, системы кредитных карточек и принципов, например, ипотечного кредита, без которого на Западе жилье не строят и не покупают. Не потому ли присвоение каждому из нас налогового номера ИНН вызывает у бывших советских людей панический страх, почти мистический ужас. А тут еще и Православная церковь взбунтовалась против ИНН, полагая, кстати, справедливо, что присваивать номер человеку, особенно крещеному по православному обычаю, — это грех.

Господа реформаторы и те, кто их обучал в Гарварде или в Гамбурге, не учли или не захотели учесть психологической неподготовленности русских к рынку. И не в последнюю очередь поэтому введение рыночных отношений в постсоветском обществе обернулось для большинства людей психологической катастрофой. Не потому, что сам по себе рынок и экономика, на нем построенная — плохи. А в силу полного отсутствия у россиян опыта существования в условиях рынка. Ко всему прочему в СССР от «делового мышления» народ отучали на протяжении нескольких поколений. Достаточно вспомнить, чем обернулись попытки ряда хозяйственников

обеспечить прибыльность советских предприятий. Половину этих инициативных товарищей попросту пересажали. Кое-кого даже поставили к стенке за «особо тяжкие экономические преступления». Деловое мышление никак в СССР не прививалось, потому что практика реального социализма с его показухой, приписками и натяжками, с хозяйственным, по-настоящему деловым подходом была просто несовместима, вступала с ним в прямое противоречие.

У советских людей поэтому сформировалось особое, скорее, «коммунальное», чем коммунистическое мировоззрение. Феномен этот прекрасно описан Александром Зиновьевым в его книге «Homo Sovieticus», и об этом у нас еще разговор впереди. Сейчас я упомянул об этом феномене только для того, чтобы пояснить причины катастрофических последствий рыночных реформ в России и других странах СНГ, которые проводились без какого-либо учета русского и советского менталитета, а также нашей предыдущей истории. В первую очередь — истории советской. С Солженицыным, который говорит, что нам незачем учиться рынку и капитализму у Запада, я поэтому не соглашусь. Автор «Архипелага ГУЛАГ» и сам говорит, что носителей этого знания давно уже перебили. Но ведь и само знание дискредитировали — в СССР было «не модным» заниматься любой торговлей, в том числе даже государственной.. Можно представить, какой моральной травмой и каким разрушением всех прежде наработанных моральных основ обернулись реабилитация спекуляции, в том числе иностранной валюты, взяточничества (о том, что «брать в лапу» — это, вообще нормально, объявил во всеуслышанье не кто иной, как бывший мэр Москвы Г. Попов), проституции, и вчерашних уголовников, осужденных по статьям уголовного кодекса за «экономические преступления». Законопослушный Homo Sovieticus, привыкший жить по принципу «что нельзя, то нельзя, а что можно — тоже нельзя!» никак не мог адаптироваться к объявленному Горбачевым новому подходу к реальности: «все, что не запрещено законом, — можно!». Старшее поколение не могло оправиться от шока, потому что все, чему оно учило своих детей и внуков, было объявлено ложью. Молодежь соответственно отшатнулась от старших поколений и их опыта, их морали. Даже от уважения к своим родителям, к собственной истории, от любви к своему народу и своей Родине людей попытались отучить за какие-то два-три года. Падение общественных нравов и морали в результате всего этого было обвальным. Наблюдался уже не «эффект до-

мино», а эффект селя. Достаточно аскетическое общество в одночасье скатилось в общество вседозволенности. И первой жертвой этой катастрофы стало, конечно, подрастающее поколение. России пришлось за это заплатить очень дорогой ценой, и не только России.

Кризис идеалов и веры в постсоветский период российский академик Игорь Гундаров прямо связывает и с демографическим кризисом в России, в первую очередь со стремительным вымиранием русских. «Происходящая на наших глазах депопуляция русского народа имеет более глубокие причины и грозит более страшными последствиями, чем это можно себе представить в случае геноцида, т.е. целенаправленного уничтожения какой-либо этнической группы, — пишет Гундаров. — *Эпидемия сверхсмертности в России 90-х годов является результатом навязывания исторически и культурно чуждых для нас духовных ценностей. Западный тип мышления, всячески внедряемый в сознание русского человека, противоречит его нравственно-эмоциональному генотипу, и вымирание нации является специфической реакцией отторжения на чуждую духовность*» (выделено мной. — Авт.). Заявление академика было тут же встречено в штыки. Его оппоненты готовы были признать любые другие причины смертности — от обнищания населения до плохой экологии, — но только не эту. Но академик доказал, что даже нервный стресс, резкое падение доходов, фактическое отсутствие социальной защиты — не первопричина массового вымирания русских. Он указывал на опыт двух мировых войн, когда был и голод, лекарств и врачей не хватало, а в стрессовых ситуациях недостатка не наблюдалось. А смертность тогда (речь не идет о потерях в боях, а о лишь о так называемых естественных причинах) была значительно ниже, чем в конце XX — начале XXI века. Значит главная причина — это несовместимость «тканей» западной и русской цивилизаций, которая и приводит русского человека к гибели. «Находить стремительному вымиранию русского народа иные причины, — утверждает Гундаров, — сердечно-сосудистые заболевания, плохую экологию, ухудшение питания — значит утешать и обманывать себя».

Самоубийственная реакция русского народа на ту духовную трансплантацию, которую пытались осуществить на нем российские реформаторы по западным рецептам, не уникальна в истории человечества. Русские были поставлены современными шигалевыми перед жестоким выбором: либо от-

казаться от своего образа жизни и перестать быть русскими, либо не принимать навязываемых им порядков и умереть русскими. С таким же выбором в свое время столкнулись индейцы Америки, аборигены Австралии, маори Новой Зеландии, многие африканские племена, быстро вымиравшие не столько от преследований колонизаторов, сколько от неспособности принять их образ жизни. Потомки этих народов сегодня только внешне напоминают своих предков. Интегрировавшись в чуждую им цивилизацию, они, хотя и остаются в ней чужаками, свою самобытность давно утратили. Опасность западноевропейской цивилизации городского типа, созданной племенами торговцев и воинов, особенно сильна для народов близких к природе, вышедших, как русские, другие славяне из племен собирателей. К ней приспособливаются только те, у кого утрачены корни, потеряна связь с землей и традициями предков. Все другие — обречены. Русские, вообще славяне равно не приемлют и торгашеские цивилизации азиатского типа, порожденные племенами скотоводов. Те ценности, на которых они основаны, русский народ отверг еще в те времена, когда боролся с хазарским каганатом, татаро-монгольским игом и ханством крымских татар.

Конечно, сегодня у русского народа отрицание торгашеских ценностей, ложных потребностей общества массового потребления и культивируемого в нем падения нравов, осуществляется на куда более высоком нравственном и культурном уровне, чем у первобытных племен и у краснокожих времен конкистадоров Колумба. Западные идеи построения современного общества в советском обществе длительное время — более 70 лет — отрицали, как абсолютно нашему народу чуждые. Отрицания этого в СССР добивались не только с помощью пропаганды, но и путем социальной практики. «Чуждым идеям» была противопоставлена советская идея, по существу «русская идея», приспособленная к коммунизму. Поэтому академик Гундаров не случайно говорит о нравственно-эмоциональном генотипе русских и его несовместимости с западным. Эта область социальной психологии, я уже не говорю о социальной генетике, пока что мало разработана. Но влияние информации на генетический код человека — факт доказанный. И предположить, что упорное навязывание невоспринимаемой информации может привести к активизации генов-убийц в организме человека, вполне логично. Видимо, это и имел в виду академик Гундаров, говоря о начавшемся в конце XX века стремительном вымирании русских.

По-своему его выводы подтверждает и страшная статистика самоубийств. В СССР в 1960—1970-е годы максимальная доля самоубийств у мужчин приходилась на возраст 25—29 лет и обуславливала 18—19% смертей в этом возрасте (показатель схожий со странами Запада), тогда как в возрасте 55—59 лет самоубийства были причиной всего 3—4% смертей, а в более пожилом возрасте — и того меньше. Доля смертей от самоубийств резко упала после 1984 года на фоне общего снижения смертности, в том числе несколько снизилось число самоубийц в возрасте 25—29 лет. Но в 1990-е годы, когда обозначился значительный рост общей смертности, стала повышаться и доля смертей от самоубийств в России, причем максимум доли самоубийств переместился в группу 15—19 лет и составил 16% от общего числа смертей.

ВЫНЕСУТ ВСЕ...

Если быть последовательным в нашем анализе феномена партократии, то мы неизбежно приходим к одному выводу: строительство социализма в СССР, попав в ее руки, должно было закончиться полным крахом социализма и переходом к капитализму. То есть, к полной противоположности социализма.

Но только логично предположить, что вчерашние партократы, объявив себя «демократами» и «реформаторами», своего бюрократического мировоззрения, сущности своей не изменили. И взяв в свои руки «построение капитализма», они неминуемо должны были загубить и это дело, а вместо демократии прийти к диктатуре. К тому оно в общем-то и шло с самого начала. Природа бюрократа такова, что он просто обязан быть невежественным человеком. Ибо иначе он бы не верил в то, что все может сотворить. Он бы сомневался в своих возможностях. А тогда он бы уже не мог быть бюрократом. И тем более партократом.

Когда готовили XXVIII съезд и всю кампанию за переход к рыночным отношениям, в «Правде» появилась «теоретическая» статья, суть которой сводилась к тому, что «частный собственник будет работать на социализм». К ней приложил свою руку Егор Гайдар, который в то время работал редактором экономического отдела «Правды». То, что это на все сто процентов противоречило марксизму, никого не заботило. Главное, что «было мнение» там, на самом верху. А там в мар-

ксизме просто ничего не смыслили. И даже такой теоретик, академик от марксистской философии Иван Фролов, который в тот момент был главным редактором «Правды», не осмелился сказать: «Братцы! Да в своем ли вы уме?» Ведь частник может и будет работать только на себя и на капитализм, и уж ни в коем случае с ним мы не придем к победе коммунистического труда!»

Удивительное невежество высшего эшелона партократии в том, что касается знания марксизма, не переставало поражать меня даже после того, как СССР и КПСС не стало. Накануне выборов 12 декабря 1993 года в России радиостанция Би-би-си интервьюировала Горбачева. Его, помимо всего прочего, спросили, не считает ли он, что идея социализма окончательно умерла.

Горбачев ответил, что все только начинается, час социализма пробьет, «и мы, — добавил он, имея в виду, очевидно, себя и свое окружение, — работаем над этим. Мы введем в социализм элементы социал-демократии, либерализма и даже... консерватизма». В общем, новую модель социализма горбачевцы принялись создавать по той же методе, что и перестройку, — пытались, как говорят в России, «перекрестить гуся в поросё». Главное для партократов — это принять решение. А остальное приложится.

Партократия как каста, обособленная от партийной массы, складывалась в СССР постепенно, во многом повторяя историю развития и даже нравы бюрократии царской. Поэтому, когда мы видели на сцене МХАТа «Ревизора» Гоголя, или читали «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина, мы воспринимали и то и другое не как пародию на бюрократов прошлого века, а как вполне современную сатиру. Возрождение Сталиным петровской «Табели о рангах» с точки зрения революционера начала нашего века — контрреволюция чистой воды, возврат даже не к капитализму, а к феодализму. Но Сталин, будучи объективно самодержцем всего Советского Союза, и не мог мыслить иначе, как категориями абсолютизма. В конце концов бытие все-таки определяет сознание. Именно поэтому после войны Сталин принялся создавать свою преторианскую гвардию, из которой выбирал «назначенцев» на высшие посты в партии и государстве.

Костяком этой гвардии стали высшие армейские политработники и старший командный состав, боевые офицеры. Впервые за всю историю Советского государства эти преторианцы получили в полную собственность земельные участки из рук Сталина размером от 0,55 до 1 гектара. Впоследствии

такими же «наделами» наградили многих генералов и партийных работников. Участки в общем-то при наших земельных просторах были микроскопические. Но мал золотник, да дорог. Символ был куда важнее. Началась «дачная лихорадка», первое приобщение граждан Страны Советов к самому запрещенному плоду после революции — к собственности.

Вот здесь, собственно, и наступил конец революции, конец социализма. Народ все еще продолжал строить социалистическое общество и уверенно шел к «светлому будущему», несмотря на то, что его лидеры представляли себе это будущее совершенно иначе.

По сути дела конфликт между немногочисленным классом имущих и огромной массой неимущих, столь же древний, как и сама Россия, был разрешен революцией только формально. Один привилегированный класс сменил другой. Одна бюрократия — другую.

Лишение миллионов крестьян, этого легиона мелких собственников, их семейных хозяйств, привело к массовой пролетаризации, а по сути — к люмпенизации населения России. Смысл труда свелся для всех в России только к тому, чтобы заработать на еду и на одежду. А такой труд не мог быть производительным. Даже если нацию объединяет общая жертвенная устремленность к построению некоей новой утопии, где всем будет хорошо и ради чего стоит временные трудности игнорировать. Очевидно, раздавая первые земельные участки, поощряя крестьянский труд на приусадебных участках, Сталин понял, где он перегнул с коллективизацией. Война многому его научила.

После войны поощрялась и своеобразная форма крестьянской частной торговли — колхозники приезжали в города со своими молочными продуктами, разнося их, как это делается в США по квартирам своих клиентов. Активно работали колхозные рынки, где можно было всегда купить и парное мясо, и парное молоко. До частной собственности тут было куда как далеко и до рыночных отношений тоже.

Крестьян, однако, опять подсекли под корень партократы, принявшие выполнять призыв Хрущева «догнать и перегнать Америку по молоку, маслу и мясу». Эта идиотская кампания, проводившаяся одновременно с кампанией по «укрупнению колхозов» привела к тому, что по всему Советскому Союзу был произведен массовый забой телят, тельных, молочных коров — партократы-показушники решили выполнить призыв Генерального секретаря, как всегда, досрочно! В результате показатели временно подскочили, Америку

догнали, и «герои» получили свои ордена, а затем — резко упало и не увеличивалось долгие годы производство мяса, молока и масла. Ведь досрочно коровы не телятся, а телята досрочно не доятся. И цены на эти продукты питания не упали, а выросли. Конечно, по «просьбе трудящихся».

По вине «укрупнителя» Хрущева было фактически уничтожено около 80 тысяч мелких хуторов и деревень, что привело к быстрой депопуляции деревни. Этот очередной преступный «эксперимент» партаппартчиков обернулся полной потерей веры народа и в то, что хоть как-то удастся наладить жизнь на селе. Крестьяне стали избавляться от домашнего скота, вырубали фруктовые деревья, которые Хрущев (тоже по «просьбе трудящихся») обложил непомерным налогом. Деревня снова пролетаризовалась, а «кооперированные фермеры», т. е. колхозники, превращались в сельскохозяйственных рабочих. Один эксперимент, как всегда в СССР, переходил в другой. И было объявлено, что такое «раскрепощение» крестьян — это благо, и это якобы будет способствовать «стиранию разницы между городом и деревней». Разницы действительно оставалось все меньше. По крайней мере в том, что касается обеспечения продовольствием. Паспорта теперь уже не надо было выключивать в сельсовете. Их наконец выдали всем на руки. И крестьяне ехали в город за импортной картошкой, за другими овощами, за хлебом, испеченным из канадской муки, за молоком и мясом, за финской колбасой. Россию стала кормить заграница. На доходы от нефти покупали мороженных кур. Подмосковные крестьяне с удовольствием потребляли болгарские помидоры. Села пустели. Молодежь уходила из деревень куда глаза глядят, только бы не заниматься тяжким крестьянским трудом. «Стирание граней» между городом и деревней по рецептам партократов оборачивалось стиранием русской деревни с лица земли. «Справного мужика» доругали окончательно. Этому преступлению против России нет оправдания.

Приобщение партократии к собственности происходило в точном соответствии с законами их «спецмира». Так как собственность была в дефиците, она не могла принадлежать народу, а должна была стать достоянием одной партократии. Поэтому происходило относительное обнищание народа по мере относительного обогащения партократии. Народ, и прежде всего крестьян, отлучали от собственности в то время, как партократия к ней приобщалась.

Если посмотреть на проходившие при Хрущеве процессы под этим углом зрения, то станет ясно, на что были наце-

лены дурацкие, на первый взгляд, программы построения коммунизма «при жизни нынешнего поколения советских людей», т. е. до конца XX века.

После XX съезда было решено повышать благосостояние трудящихся. Дальше больше — Хрущев объявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Ну не в ватниках же и кирзовых сапогах! Бурными темпами стала развиваться легкая промышленность, активизировали жилищное строительство. Любому экономисту было, однако, ясно, что всего промышленного потенциала СССР не хватит для того, чтобы в поставленные партией сроки, т. е. в течение жизни одного поколения достичь даже минимального уровня обеспеченности западного «общества потребления». Поэтому по законам советской потемкинской деревни народу было решено дать лишь минимум-минимум. И объявить это коммунизмом. Целые научные институты просчитывали, какими могут быть потребности советского человека при коммунизме? Появились обширные списки — мужчине два костюма, две пары ботинок, три рубашки, четыре пары трусов и т. д. Про дезодорант и крем после бритья, конечно забыли. Наверное, поэтому от списка «необходимого при коммунизме» разило нищетой, все той же казармой, в которую опять хотели загнать русский народ «во имя светлого будущего». Наивно, конечно, было полагать, что народ все это безропотно проглотит. Смеялись над этими списками и над самим Хрущевым, который приказал такие списки составить. В 1962 году, когда в прессе вовсю обсуждались перспективы нашей жизни при коммунизме, я служил в войсках ПВО страны на Камчатке. Время от времени мои статьи, стихи и рассказы публиковали местные СМИ. Тогда была вроде бы как «оттепель» и многое казалось возможным. Но недолго мучилась старушка... Незадолго до того как Хрущев принялся за «абстракционистов» и «пересмешников» (т. е. тех, кто сочинял о нем анекдоты), я передал на местное радио подборку своих стихов, среди которых было вот это :

ЧЕЛОВЕК РАЗВИВАЕТСЯ

Человек развивается.
Если он человеком еще называется,
Это лишь потому, что он все развивается.
Он уходит от предка и новым становится.
Человек развивается, не остановится

И не пять уже чувств у него, а десятки,
Да и этих хватает едва лишь
А ему говорят — « У тебя не в порядке...
У тебя не в порядке с моралью, товарищ!»

Он не входит уже в эталоны и рамки.
И ему надоели уже эталоны.
А ему все рисуют еще диаграммки,
А ему на потребности пишут талоны.

Ну, а он развивается.
И хотя бы поэтому
Человеком еще называется.

Потом на пленуме Камчатского обкома КПСС это мое стихотворение публично зачитали как образчик «абстракционизма», и после этого меня в камчатский эфир уже не выпускали. Это был маленький эпизод из начавшейся по всему Советскому Союзу охоты на инакомыслящих. Но инакомыслие остановить уже было невозможно. Страх постепенно исчезал. Мы уже начинали понимать, что такое партократия, и что для себя она строит коммунизм куда более комфортный, чем для нас. Конечно, мы и подумать не могли, что тогдашнему поколению советских людей доведется своими глазами увидеть особняки на Рублевке и элитные дома в Москве, где прописутся бывшие партократы, перекрестившиеся в предпринимателей. Далеко идущие планы этих «строителей коммунизма» для себя стали ясны гораздо позже. Когда окончательно провалилась перестройка, когда Ельцин с Гайдаром и его командой принялись воплощать в жизнь решения XXVIII съезда. Планы ограбления народа после развала СССР уже не скрывали, их осуществляли жестко, напористо, нагло. Так примерно действуют воры, когда очищают квартиру или «берут» банк. Ассоциации эти не случайны.

Глава 7

«КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ» С ПАРТБИЛЕТОМ И БЕЗ

Русскому народу свойственно помнить хорошее, плохое — забывать. О социализме вспоминают поэтому хорошо. Ведь даже нынешний папа римский Бенедикт XVI еще в бытность свою кардиналом Ратцингером сказал, что после гибели коммунизма капитализм так и не сумел доказать своих преимуществ. Между тем о КПСС если что хорошее и услышишь, то только на митингах коммунистов. Хотя в народе даже о Сталине говорят с уважением, потому что «при нем был порядок».

ОТКУДА ПОШЛА КРАСНАЯ МАФИЯ?

В чем же тут дело? Частично мы это выяснили. Русский народ не прощает отступничества от веры и не выносит обмана. Он искренне считал, что раз уж поменяли христианскую веру на коммунистическую, то и рядовые служители, и тем более патриархи коммунизма должны были вести себя в соответствии с ими же провозглашенными нормами. Сталин понимал это и держал своих «верных ленинцев» в строгости, как собак на цепи, а в случае чего мог и пристрелить их без особого суда и следствия. Его ненавидели, но боялись.

Пуританство было возведено в норму жизни партийных работников. Безгрешные бессребреники, безоглядные оптимисты, фанатично убежденные и бесконечно преданные партии и Сталину, безжалостные, когда нужно было выполнить приказ сверху, и беспощадные, они любви ни у кого не вызывали. Но в уважении им не отказывали. (Прекрасно описал

этот тип людей Владимир Максимов в своем романе «Семь дней творения».)

После смерти Сталина многие партийцы поспешно сложили свои идеологические доспехи в домашние чуланы. Щеголять в них могли теперь уже только донкихоты от коммунизма и городские сумасшедшие. Партократия КПСС в массе своей от прежних «ленинских» норм отступила. После смерти Сталина партийный бюрократ уже мог не бояться ночного звонка в дверь, за которой стояли чекисты с понятыми для обыска и ареста его и его семьи. В набор «дефицитов», положенных партократу по «чину», попадают и «доверие», и «право расслабиться» после трудового дня, а то и во время оно. Партократия в точном соответствии с бюрократической иерархией установила и здесь свои «нормы выдачи». Был такой анекдот:

— Что говорят про рядового члена партии, если он изменяет своей жене?

— Что он бабник.

— А про инструктора обкома партии?

— Что он шалунишка.

— А про секретаря обкома?

— Говорят, что он большой жизнелюб.

И т. д.

В это, видимо, трудно поверить, но для «особо ответственных» существовал и такой «дефицит», как проститутки, в стране, гордо объявлявшей повсюду, что у нас с проституцией покончено. Конечно, их не называли «проститутками». На одной из правительственных дач в Сочи они состояли в должности «цветочниц». И все знали, когда высокие гости должны на свою дачу приехать, потому что за три дня до их визита все «цветочницы» строем шли на прием к городскому гинекологу.

Падение нравов, как известно, происходит постепенно. Но гибель любой империи начинается с этого. Когда вслед за «спецбуфетами», «спецсвязью» и «спецбольницами» появилась и «спецмораль», народ окончательно отвернулся от партии. Мало у кого возникло желание вернуться в ее ряды, даже после того, как Конституционный суд разрешил деятельность первичных парторганизаций после запрета КПСС в 1991 г.

И объяснялось это не только естественным отходом обывателей и карьеристов от партии, потерявшей власть. Партократам перестали верить прежде всего потому, что их «спецмораль» не имела ничего общего ни с коммунистическими, ни с христианскими заповедями. Она вела и привела

партию напрямую к связям с мафией, к сращению партийного аппарата с уголовным миром. Произошло это не сразу.

По мере того, как в районных, областных и краевых «уделах» партийных князьков складывался свой неофеодальный быт, на местах формировались и свои кланы представителей местной власти, спаянные покрепче сицилийской каморры. От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей... На партийном языке это именовалось «партийно-хозяйственным активом». Что это такое?

В области или крае безраздельно властвовал «Хозяин», т.е. первый секретарь обкома (крайкома) партии. У него были в подчинении все местные органы власти — от советской до административной. Ему подчинялись местные отделения КГБ, милиции, включая следственный отдел, ОБХСС (отдел борьбы с хищениями социалистической собственности МВД СССР), органы прокуратуры, начальники тюрем и лагерей, судьи, руководители всех учреждений (они почти на 100% были членами КПСС), в том числе местных газет, радио и телевидения, университетов, больниц, психиатрических клиник, директора фабрик, заводов, мастерских, руководители колхозов, совхозов и т. д.

В портовых городах «под ним ходили» капитаны судов и начальник порта. Там, где стояли воинские части, — командиры частей, у которых было, конечно, и свое армейское (флотское) начальство, но «Хозяина» и они игнорировать не могли. Партия стояла над всем. А фактически — стоял «Хозяин». Именно он определял, кого вводить в местную номенклатуру, кого рекомендовать в краевую, республиканскую, а то и союзную. Он был распорядителем благ и карьер, разного рода «корыт» и «крыш». Это дорогого стоило.

Ясно что «Хозяин» рассматривал все «организации и ведомства», руководители которых входили в партхозактив, как «свои». При этом, как правило (были, отмечу, и исключения), путал государственный карман со своим, т.е. использовал фонды и средства подопечных предприятий для своих собственных нужд, для организации приемов столичных и республиканских чиновников, иностранных гостей и т.д. Каждый провинциальный «босс «в соответствии со своим чином в партийной «табели о рангах» имел и свое подчиненное только ему лично «хозяйство». Это, обычно, — дача для приема гостей, при ней — баня с баром и небольшим рестораном, личный катер, если в «уделе» была большая вода, ферма, откуда поступали продукты на его стол, рыболовно-охотничье

утодые с егерями, собаками и т.д., персональные номера в городской гостинице, «спецзал», т.е. личный кабинет для его обслуживания в лучшем ресторане города, своя личная машина (а то и не одна), личная дача и т.д. и т.п.

Каждый роскошествовал, как мог. Например, у Первого секретаря ЦК компартии Казахстана Кунаева была личная дача в горах, куда можно было добраться только на вертолете. Но уж в любом случае никто не должен был «переплюнуть» Генерального секретаря ЦК КПСС. Все знали, что в этом случае отберут не только «замок», как Людовик XIV у Никола Фукье, но и голову снимут.

Эта партийно-бюрократическая структура, которая легко могла раздавить кого угодно, была государством в государстве. Практически никому неподконтрольным. Там были свои законы и свои правила игры. И, если допущенный туда партократ их не нарушал и служил «Хозяину» верой и правдой, то он из этой структуры не выпадал, даже если его снимали с занимаемой должности, как «не справившегося». Номенклатурщика берегли и пестовали. С одной номенклатурной должности его перекидывали на другую. В точном соответствии с методикой, описанной в «Законе Паркинсона» практиковали и переводы по типу «бросок в сторону» — в другую область, а то и в другую страну с хозяйственной работы на дипломатическую, советником, торгпредом, послом, и даже — «выброс наверх», с повышением. Нужно было слишком сильно оскандалиться, чтобы из партийной номенклатуры выпасть. «Внутренняя партия» годами создавала и укрепляла свою касту, которая со временем взяла в свои руки всю управленческую структуру в стране. И когда партократы сумели обеспечить себе ко всем прочим «дефицитам» еще и «спецзакон», неписаный, но защищавший их надежно от ответственности за преступления, в том числе и весьма тяжкие, эти структуры неизбежно должны были выродиться в мафию. Прежде всего это произошло там, где существовал так называемый «байский социализм» — в республиках Средней Азии и на Кавказе. В Узбекистане, например, у одного из главарей местной партийной мафии была даже своя тюрьма, где непокорному «рабу» в наказание могли поставить клеймо на лбу, могли его пытать, могли замучить. Жаловаться было некому. Ибо этот современный «бай» с партийным билетом в кармане пользовался покровительством Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова, а к тому испытывал слабость сам Брежнев. Такого рода симбиоз партийно-государственных и уголовных структур позволил партократам и профессиональным преступникам создать

крупные фонды в иностранной валюте, золоте и рублях. Все это не лежало, а шло в оборот. По всей стране работали подпольные фабрики и заводы, причем их продукция нередко реализовалась через государственную торговлю. Рыночная экономика действовала в рамках «черного рынка», но она уже конкурировала с государственной задолго до решений XXVIII съезда КПСС. Ее капиталы к 1985 году — году прихода Горбачева к власти в партии и стране — исчислялись уже миллиардами долларов и рублей.

Явление это было столь значительное, что журнал «Тайм» уже в начале 80-х годов предсказал, что «дельцы черного рынка в СССР рано или поздно потребуют себе политической власти». Но власть эта у них, если поглядеть в корень, была.

Как правило, у «Хозяина» был свой «крестный отец» где-то «наверху», в столице республики или в самой Москве, в ЦК КПСС.

Время от времени «капо дель капо» навещал свой «регион» и это был момент наивысшего расцвета бюрократического творчества региональной партократии. «Хозяин» ставил весь свой удел на дыбы. Гигантская потемкинская деревня строилась за какие-то сутки, чтобы потом сойти на нет за одну ночь. На подкрашивание фасадов, установку бюстов и вывешивание портретов «достопочтенного» тратились миллионы народных рублей.

Апогея достигали, конечно, встречи «Самого», т. е. Генерального секретаря ЦК КПСС. Ни одного монарха не встречали с такой пышностью. В 1980 году, когда в Баку принимали Брежнева, от аэропорта до его резиденции стояли тысячи певцов и танцоров, изображая «ликующее население». Они встречали партийного самодержца азербайджанскими песнями и плясками, перемежая их время от времени его любимыми украинскими мотивами. Перед торжественным собранием парактива Азербайджана, где должен был выступить Брежнев, ему подарили перстень с огромным бриллиантом. Брежнев в то время уже мало что соображал, но обожал всякие побрякушки. И сидя в президиуме перед телекамерами, как дитя, любовался новым камешком. То так его повернет, то эдак. И все это пошло в прямой эфир. Вечером в программе «Время» сценку этого позорища вырезали. И после смерти Брежнева никто не спросил с тогдашнего партийного босса Азербайджана Г. Алиева за это. После развала Союза он стал президентом Азербайджана. После его смерти эту должность унаследовал его сын.

Все рекорды «гостеприимства», однако, побил «великий демократ» Эдуард Шеварднадзе. Мне рассказывали очевидцы, что, готовясь к визиту Брежнева, он приказал выстроить в горах, неподалеку от Тбилиси, копию дома, в котором родился «дорогой Леонид Ильич». Брежнев Эдуарда Шеварднадзе недолюбливал, и его окружение это знало. Незадолго до смерти Брежнева над Шеварднадзе нависла угроза «перехода на другую работу», т.е. снятия со всех должностей «по собственному желанию». Шеварднадзе отобилизовался. Из Тбилиси в Москву зачастили спецделегации и гонцы с ценными подарками для семьи Генерального секретаря и со взятками для его ближайших помощников. Наконец было «выбито» решение Политбюро о «посещении Генеральным секретарем Грузии». Говорят, что противники Шеварднадзе надеялись использовать этот визит для того, чтобы дискредитировать грузинского царька и уже готовили заранее критические выступления в его адрес на собрании партийного актива республики, где, по традиции, Генеральный должен был зачитать свою речь.

Брежнев уже в то время не сопротивлялся. Ехал, куда везли. Читал те речи, которые ему подсовывали, причем с большим трудом, потому что плохо видел и с трудом шевелил после инсульта нижней челюстью. Иногда он даже путал страницы, но вежливо извинялся и продолжал читать, как только помощник, всегда стоявший поблизости, помогал ему разобраться что к чему. Он мог спокойно прочесть и такую страничку, после которой от Шеварднадзе не осталось бы и следа.

Но у команды Шеварднадзе был в запасе свой козырной туз. Сразу же по прибытии в аэропорт Тбилиси машины Шеварднадзе и Брежнева с небольшой охраной оторвались от основного кортежа и завернули в горы, где стояла «родная хата» Генерального. Пятирежды герой вошел в это произведение искусства, мало понимая, где он находится. И спросил Шеварднадзе: «А где моя мама?» Как рассказывал один из работников личной охраны Брежнева, присутствовавший при этой сцене, Шеварднадзе театрально развел руками и сказал: «Вот этого я, дорогой Леонид Ильич, не могу». (Мама у Брежнева давно умерла. И решили, что восковую фигуру ее ставить в «домике вождя» неудобно.) Брежнев растрогался, расплакался, снял со своего лацкана одну из золотых звезд и стал цеплять ее на пиджак Шеварднадзе, приговаривая: «Спасибо, Эдик. Этого я тебе не забуду». Вопрос о переводе «Эдика» на «другую работу» отпал сам собой.

Никто так и не спросил будущего «Талейрана перестройки», во что обошелся ему «домик Ильича» в горах. Но, думаю,

многоквартирный дом вполне можно было бы построить в Тбилиси. А уж если подсчитать затраты на «гонцов»... Известно, как складывалась далее карьера Шеварднадзе. Кандидат в члены Политбюро, член Политбюро, министр иностранных дел СССР, ближайший соратник Горбачева и, наконец, президент независимой Грузии.

ДОПУЩЕННЫЕ К ТЕЛУ

На областном уровне, конечно, масштабы сановного взяточничества были помельче. Но и там, как и везде, и брали, и давали. Из каких фондов все это добывалось?

Ни Михаил Горбачев, ни великий борец с «привилегиями» Борис Ельцин ни в одной из своих книг не поделились впечатлениями о том, как они справлялись со своими обязанностями первых секретарей соответственно Ставропольского крайкома и Свердловского обкома КПСС по приему высоких гостей. Ну, Свердловск, положим далеко от Москвы, а вот Ставропольский край члены Политбюро и секретари ЦК посещали частенько: партийная работа дурно сказывалась на их желудках, а рядом со Ставрополем курорты: Минеральные Воды, Ессентуки и знаменитый Пятигорск, где еще дворяне лечились нарзаном.

Высшую партийную аристократию надо было принять не только в личной сауне, но и на личной даче «Хозяина», попотчевать гостей заморскими и отечественными напитками и деликатесами. В магазинах всего этого, понятно, не продавали. В обкомовских буфетах тоже. Надо было крутиться. Ведь одной водочкой с черной икрой и балыками не обходилось. Нужны были еще и «ценные подарки». Надо же было платить за прямой доступ к начальственному уху во время «дружеского массажа» в персональной баньке.

Откуда же брались дровишки? В Советском Союзе была целая система поощрения «особо отличившихся» партработников. В строгом соответствии с партийной «табелью о рангах» каждому «выдвиженцу» отдавали «на прокорм» соответствующий его заслугам «удел». От него требовалось только «воровать по чину», т.е. чрезмерно не злоупотреблять властью, дабы не раздражать народ, брать взятки умеренно и не плевать в ту руку, которая его кормит, т.е. не забывать делиться со своими покровителями наверху. В рамках этой нехитрой мудрости и приходилось вертеться провинциальной парто-

кратии. При Сталине были введены в дополнение к этому прокорму и так называемые «пакетные» деньги в виде добавки к зарплате номенклатуры. Сразу же после революции были введены разного рода карточки и талоны. Их было великое множество, т.к. карточная система в нашей стране практически так и не была полностью отменена на всей территории СССР. Но были и спецталоны, по которым в спецмагазинах, спецстоловых и на спецскаладах отоваривалась и кормилась партийная номенклатура. Табель о рангах в этой системе, порожденной и новой бюрократией, и реальностью постоянных нехваток, соблюдался самым строгим образом. Все нищие в СССР были равны, но некоторые были более равны, чем другие. Эстафета шла все от того же ленинского «кусочка сыра». Народ, конечно, обо всем этом знал. Как ни прячясь, провинция не Москва — все на виду.

Аппетиты номенклатуры росли, полуофициального партийного пакета стало недоставать. В обиходе слово «пакет» со временем получило другое значение — крупная взятка, подбор. В пакет «Хозяина», а затем и в номенклатурный «общак» вносили свою дань все, кто имел хоть какой-то доступ к материальным ценностям в его вотчине. И конечно вносила мафия. За защиту.

Со временем в общесоюзном масштабе сложилась столь же стройная, сколь и уродливая система повального воровства и взяточничества. Выйти из нее, а уж тем более рассказать о том, что там делается, было так же сложно, как профессиональному вору «завязать», а мафиози выйти из «семьи». За это не щадили.

Система строилась в первую очередь на дефиците. Его распределяли, как и все в СССР, сверху. Поэтому, если «внизу» хотели «получить фонды», т.е. свою квоту по различным статьям «дефицита» в рамках «спецраспределения», надо было на корню покупать тех, от кого зависело распределение в центре. Все эти блага поступали в республиканские, а затем и в областные спецраспределители, которыми ведали «свои люди». Без ведома «Хозяина» туда не назначали. «Свои люди» безоговорочно и с почтением обслуживали только «Самого» и его семью. Остальные партбюрократы, хотя им и было «положено», у них как бы одалживались. От какого-нибудь «Ивана Ивановича» зависело напрямую их семейное благополучие. И Иван Иванович очень быстро сообразил, какие это может принести блага. И главное — какую власть. Постепенно региональные «хозяева», которые и составляли руководящий костяк КПСС, срослись со снабженцами. Доступ к «дефициту»

открывал многие двери. «Спецраспределение» стало паролем и позволяло получать такие индульгенции, на прощение таких грехов, за которые при Сталине и даже еще при Хрущеве ставили к стенке. Через снабженцев, через повальную систему поборов, которых не мог избежать ни один колхоз, ни один завод, ни один ресторан, ни одна столовая, ни один склад, партократия постепенно создавала альянс с бизнесменами и банкирами «черного рынка», с мафией. В этот союз нечестивых вошли со временем и правоохранительные органы, и прокуратура, и суды...

ПАРТОКРАТИЯ = КЛЕПТОКРАТИЯ

К началу 80-х годов эта партийно-мафиозная структура стала настолько разветвленной и мощной, что вопрос о дележе социалистической собственности между республиканскими и региональными кланами уже был лишь вопросом времени. Партократия вырождалась в клептократию. И именно ей суждено было стать костяком класса новых хозяев жизни — российской госбюрократии и постсоветской буржуазии. Демонтировав «реальный социализм», партократы намеревались поделить между собой все богатства страны, которые прежде относились к категории общенародной собственности, и присвоить ее было невозможно, не переведя в категорию частной собственности. Именно для этого мафиозы с партийными билетами и потребовался демонтаж социализма. Хозяйственники советского образца решили стать хозяевами образца западного. Процесс этот начался при Горбачеве с создания производственных объединений и получил естественное завершение после августовского переворота 1991 г., когда советская власть была фактически ликвидирована, а компартия — запрещена. Это и послужило сигналом к открытому грабежу социалистической собственности, залоговым аукционам и скупке по бросовой цене тех гигантов советской индустрии, которые создавались, что называется, всем миром. Первоначальный замысел «строителей капитализма» с партбилетами, согласно которому именно партийная номенклатура должна была приватизировать всю экономику страны, целиком осуществить не удалось. Партократы не успели вовремя завинтить гайки после «отмены» СССР, и «младотурки» российского капитализма из числа околономенклатурной челяди, подпольных цеховиков и теневиков, которые

гораздо лучше разбирались в законах рынка, механике торговых сделок и банковских операций, партийные чиновники наложили свои лапы на наиболее лакомые куски, в первую очередь в ТЭК. Именно этой молодежи и предстояло впоследствии стать героями списков российских миллиардеров, которые будет составлять американский журнал «Форбс».

Выпустив из бутылки «джинна» приватизации, партocrats сразу же столкнулись с конкуренцией этой невесты откуда взявшейся «компрадорской» буржуазии. «Стариков» стали теснить молодые и нахрапистые бизнесмены, для которых такие понятия, как «патриотизм» и «национальное достояние», были вообще пустым звуком. Если буржуа из номенклатуры, особенно в военно-промышленном комплексе, еще делали ставку на модернизацию и развитие отечественной промышленности, то «младотурки», как любая компрадорская буржуазия были абсолютно не заинтересованы в каком-либо производстве, а понятие Отечество сводилось для них к формуле «Продам Родину. Недорого!». Они делали деньги «из воздуха», т.е. на спекуляции, посредничестве, скупке и перепродаже за рубеж сырья, оружия, редких металлов и даже радиоактивных материалов, на импорте продовольствия, алкогольных напитков и дешевого ширпотреба. Им плевать было на Россию, на мораль, нравственность и прочие высокие материи. Запоздалые расследования и судебные процессы над некоторыми «героями» тех лет тотального беспредела показали, что первопроходцы российского капитализма могли не моргнув глазом предать, украсть, даже убить, «заказав» своего конкурента или обидчика первому подвернувшемуся киллеру, а потом отправить на тот свет и этого киллера. Именно такие отморозки от перестройки и создавали в России свой «бандитский капитализм». Именно они сосредоточили в своих руках весьма внушительные состояния, к тому же за рекордно короткий срок. Неизбежно, что старая мафия столкнулась с новой, только что сформировавшейся и отмобилизованной. Начались кровавые разборки, жестокая драка за власть и в стране, и в ее экономике.

И «старики», и «младотурки», и российские «государственники», и компрадорствующие либералы-космополиты одинаково были заинтересованы в том, чтобы захватить в свои руки ключевые предприятия госсектора России. Остальное — это уже детали. Быть приватизации «обвальной» или «контролируемой», проводить ее на ваучеры, скупленные жульем у обнищавшего населения, либо на наличные, сохранять домини-

рующую роль госсектора либо отдать предпочтение частной стихии — не это было сутью «разборки». Главное было решить, кому править бал в экономике России. У «младотурков» было больше денег. У «стариков» — больше власти. В соответствии с этим стороны и выбирали аргументы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МУТАНТЫ

Некая Наталья Думова, которая объявила себя идеологом возрожденной партии конституционных демократов (кадетов) России, в интервью журналу «Родина» (октябрь 1990 г.) определила самую суть того политического процесса, который довольно быстро привел к развалу Советского Союза, хотя и говорила она вроде бы только о кадетях:

«В одну и ту же политическую «реку» нельзя войти дважды, — излагала идеологию кадетов читателям журнала одну из истин, с которыми знакомят у нас студентов на самых первых лекциях по философии. — Кадеты эпохи трех российских революций остались лишь в истории. Сегодня под их знамена становятся люди, исповедующие новые идеи. Речь можно вести не столько о преемственности (она прервалась), сколько о «второй попытке» построить в России правовое государство, основанное на конституционных и демократических принципах». Думова точно определила конечную точку путешествия в прошлое, в которое господа реформаторы решили вернуть Россию, — примерно в август 1917 года, пусть даже в октябрь, но до Октябрьской революции.

Кто же осуществляет эту попытку? В чьих интересах была затеяна вся эта «демократическая революция»?

Я полагаю, что никто всерьез не воспринимает утверждения о том, будто кадетская партия была воссоздана правнуками большевиков исключительно из чувства их вины за жестокость прадедов, вырубавших эту и другие буржуазные партии на корню.

Я не отрицаю при этом самого чувства вины. Но это уже категория нравственная, не политическая. Французы, например, ощутив задним числом вину за казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты через двести лет после того, как отправили их на гильотину, символически пересмотрели их дело. И признали, что не следовало отрубать королю и его жене головы. Но никому не пришло в голову на этом основании отменять во Франции республику, воссоздавать монархию. Суд над Лю-

довиком XVI и Марией-Антуанеттой двести лет спустя был предназначен не для приговора политической системе, существующей ныне во Франции, а для нравственного усовершенствования французской нации. Ведь далеко еще не все потомки тех, кто вопил от восторга на Гревской площади, увидев голову Людовика в руке палача, освободились от присущей охлократии жестокости. Ведь пришло же кому-то в голову к 200-летию французской революции выпустить сувенирные серебряные сережки в виде гильотины!

В конце концов суть демократии состоит не только в превращении человека толпы в гражданина, но и в воспитании «внутреннего жандарма», т.е. в создании у него в сознании целой серии условных рефлексов, которые не позволяют ему в озверевшую от вседозволенности толпу вернуться. Во Франции это поняли только через 200 лет после Великой Французской революции. А в России?

Михаил Геллер, глубоко мною уважаемый историк и публицист, ныне покойный, накануне парламентских выборов 12 декабря 1993 года в России писал в «Русской мысли»:

«В начале 50-х годов, когда коммунизм, казалось, неудержимо шагал по планете, итальянский социалист (один из первых коммунистов, а потом один из самых первых антикоммунистов) Игнацио Силоне предсказал: последний решительный бой произойдет между коммунистами и бывшими коммунистами.

Именно это происходит в России. Схватились коммунисты и бывшие коммунисты. Бывшие — те, кто собрался вокруг Бориса Ельцина, — хотят уйти из прошлого; их противники, бывшие товарищи, хотят вернуться назад. Но выхода нет. Как оказалось, враги похожи друг на друга, как близнецы. В свое время Сталин сказал Секретарю ЦК Поликарпову, ведавшему изящной литературой, в ответ на его жалобы на советских писателей буквально следующее: «Иди, Поликарпов, и руководи, других писателей у меня для тебя нет». Других политических деятелей в России сегодня нет: или коммунисты, или бывшие коммунисты».

Анализ предельно точный. Действительно, ни у одной из вновь возникших в России политических партий, кроме КПРФ, не было ни ясной политической программы (это куда ни шло, ибо этим грешат и давно уже существующие и признанные партии) ни, что куда важнее, социальной базы. И похоже, что это надолго. Между тем исторический опыт показывает, что демократия, которая вводится «сверху», в конечном итоге превращается в диктатуру. И это опять же происходит по ви-

не бюрократии в силу того, что она неминуемо превращает свой личный интерес в государственный. В диктатуре бюрократия чувствует себя куда комфортнее при полном отсутствии гласности, прозрачности и тотальном подавлении. Демократия означает свободу для народа, но для бюрократии — несвободу. Чтобы бюрократия научилась жить в условиях демократического государств, потребуются десятилетия. Демократия должна взреть не только в государстве, но и в сознании государственного чиновника. Иначе она не привьется.

«Демократическая революция» в России не вызрела в недрах коммунистического общества, как скажем, Великая Французская в недрах феодальной монархии, а была осуществлена сверху. Единственной социальной базой горбачевских «революционеров» мог быть только «спецмир» советской номенклатуры — где и жила вся бюрократия, точнее партократия. База ельцинистов была шире, ибо помимо экс-аппаратчиков вобрала в себя и значительную группировку криминальных дельцов. Поначалу Ельцина поддерживали и диссиденты. Однако диссиденты и их сторонники большого влияния ни в парламенте России, ни тем более в администрации «реформаторов» не имели. Они тем не менее захватили «четвертую власть», доминировали в прессе.

Созданные заново на волне перестройки «демократические партии» родились не столько естественным путем, сколько волюнтаристским. Некоторые даже по прямому решению сверху. Так, например, партия Жириновского была порождением тех же КПСС и КГБ, и не она одна. Некоторые партии импортировали из-за границы, как НТС (народно-трудовой союз), РСХД и т. д. Но не они правили бал, а все та же партократия.

Обеспечив себе преемственность на всех уровнях государственного управления, партократия позаботилась и о политическом обеспечении. За редким исключением во главе всех демократических движений и партий встали бывшие коммунисты. И поэтому это — партии-мутанты, вышедшие из чрева КПСС. «Гнилые опоры партийной конструкции, в основе которых знакомые всем еще со времен КПСС «централизм» и полная бесконтрольность верхушки рядовым членам партии». — вот что, по словам журналиста Н. Мороза, характеризует «Единую Россию». Эта новая партия власти появилась в РФ в начале XXI века после многочисленных мутаций президентских партий, создававшихся политтехнологами Кремля при Ельцине, а затем и при Путине. Их идеология могла быть только антиидеологией, зеркально отрицающей все то, что

исповедовали коммунисты. Именно так и поступали ведущий идеолог КПСС А.Н. Яковлев, воспитатель идеологов и пропагандистов комсомола историк Ю. Афанасьев, политолог именем марксизма Е. Амбарцумов, партийный пропагандист Ладис («Известия»), начальник Главного политического управления Советской Армии генерал Волкогонов, ставший впоследствии автором яро-антикоммунистических книг о Ленине и Сталине, а заодно и автором эмигрантской «Русской мысли», и многие другие. Конечно, никто не верил, что на 70-м году жизни можно вдруг так идеологически вывернуться наизнанку. Его прежние идеологические противники — представитель США в ООН Джин Киркпатрик, например, — никак не могли поверить, что А. Н. Яковлев, автор «Рах Americana», самой антиамериканской книжки 70-х годов, уже в середине 80-х стал «демократом». Яковлев был классическим политическим мутантом, и он это доказал многократно. Но ведь и хозяева у него были такими же мутантами. Идеолог «перестройки» одинаково подходил и Горбачеву, и, если бы удался путч 1991 года, вполне пригодился бы и Янаеву, а в 1993 года, после событий 3—4 октября, вполне подошел на роль главного пропагандиста Б. Н. Ельцина, который его лично назначил шефом радио и телевидения. «Qualis rex, talis grex» («Каков царь, такова и толпа»), — говорили древние в таких случаях. А толпа была одна и та же — номенклатурная, из нее и брали и идеологов коммунизма в советские времена, и идеологов антикоммунизма во времена ельцинские. Они даже не были двуликими Янусами. Они были идеологами по должности, по присвоенному им «характеру» в номенклатурной «Табели о рангах».

По сути дела, идеология если и была нужна партократам, то вовсе не как руководство к действию, а только как средство маскировки и оболванивания масс. Как и при строительстве «социалистического» государства, они заботились при создании государства «правового», «демократического» в первую очередь о своих интересах. А интересы «правового государства» для них неизбежно и в этой ситуации должны были стать антигосударственными.

Неудивительно, что после расстрела парламента России большая часть интеллигенции, за исключением разве что «придворной», отвернулась от режима реформаторов-партократов. И не только потому, что экономические «эксперименты» Гайдара и К° низвели российскую интеллигенцию до уровня бомжей, что классически показал Эльдар Рязанов, не только в силу ее традиционной оппозиционности любой власти. Интеллигенция увидела прежде всех других, что демо-

кратию надо спасать от демократов-партократов, пока они не превратили ее в свою противоположность, а Россию — в разновидность Гаити.

«ПРИХОДИТЕ НА ПОХОРОНЫ КОММУНИЗМА»

Бюрократические гены выдавали партократов с головой, как торчащие из-под шляпы ослиные уши. Но даже осел мог бы понять, что психологию народа, прожившего более 70 лет в условиях коммунистического, патерналистского государства, лишённого в массе своей деловых навыков и личной инициативы, невозможно переделать в одночасье, устроив символические похороны коммунизма.

Тем не менее «бывшие», выбросив свои партийные билеты, решили, что таким образом покончили не только с КПСС, но и с коммунизмом. Это были те же самые люди, которые еще вчера твердили со всех трибун и кафедр, что «движение человечества к коммунизму необратимо». Что «учение Маркса всесильно, потому что верно». Не этим ли профессионально занимался будущий советник Ельцина и автор сценария сговора в Беловежской Пуще провинциальный преподаватель марксизма-ленинизма Бурбулис?! Не об этом ли писали в «Правде» будущие ельцинские министры Е. Гайдар и В. Полторанин?! И того и другого я знал по совместной работе в «Правде». А потом не раз видел их вместе с Ельциным в деле. Ну не были они никогда демократами!

«С коммунизмом в России покончено окончательно!». Это я слышал дважды своими ушами из уст Ельцина в 1992 году в Париже — на встрече его и Е. Гайдара с французскими предпринимателями и в тот же день — в особняке посла России на встрече с представителями русской эмиграции во главе с великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым. Утверждение это только лишний раз доказывало, что мышление Ельцина, как партийного бюрократа, ничуть не переменилось с его выходом из партии и с запретом КПСС. Привычка выдавать желаемое за действительное у него никуда не делась. И уже это само по себе было опровержением его «исторического оптимизма».

Ельцин вскоре вынужден был публично признать, что слухи о смерти коммунизма преувеличены, когда сам заговорил о «красно-коричневой опасности», подразумевая под этим объединение правых и левых сил в рамках разного рода

патриотических блоков. Но даже признав, что земля вертится, Ельцин исходил из того, что это ненадолго — повертится и перестанет. Он, вполне возможно, искренне верил в силу «решения Инстанции». Уж раз на самом «верху» приняли решение «построить капитализм», то от народа никак не могли ожидать ничего иного, кроме поддержки установки «верха». Помните — «Партия и народ едины!»?

Подобное мифотворческое восприятие мира — вовсе не показатель глупости российских верхов. Сотворение действительности — основа бюрократического мышления. Если религиозное мировоззрение исходит из того, что сначала было Слово, то бюрократ понимает это буквально — сначала было «Решение Инстанции».

Любопытно, что и на Западе поддерживали это мифотворчество, что лишь подтверждает мысль Маркса об универсальности феномена бюрократии. Я помню, с каким пылом и восторгом говорил Жак Ширак (тогда он был еще мэром) в мэрии Парижа на встрече с Ельциным о том, что «коммунизм похоронен». Собрание активистов голлистской партии в мэрии Парижа по этому поводу мне показалось очень похожим на наше партсобрание накануне очередной годовщины Великого Октября, где всегда требовалось аплодировать, едва лишь докладчик произносил ритуальную фразу: «Идеи Великого Октября — непобедимы! За ними — будущее!».

Жак Ширак сказал примерно то же самое, только про «Идеи демократии». Это — мифотворчество правых. Но и левые не лучше. Несколько месяцев спустя после того собрания в мэрии меня пригласили в Ассоциацию иностранных журналистов на встречу с бывшим генеральным секретарем Социалистической партии Франции, председателем Социнтерна Пьером Моруа. Он говорил тогда, что «коммунистическая идеология мертва» и «теперь коммунизм уже в прошлом».

Когда Ельцин принялся лупить из танков по парламенту, многим казалось, что и впрямь правы эти пророки. Мало кто сомневался на Западе, что уж новый-то, «свободно выбранный» парламент, а не тот, что «был назначен коммунистами», на сто процентов поддержит «реформаторов». А вышло все наоборот. Маргарет Шапиро и Фред Хиаг писали в одной из своих статей из Москвы через два месяца после выборов, что, по мнению многих критиков, «реформаторы» действовали «слишком быстро». И потому-де в декабре 1993 года «половина русских вообще не пошла голосовать на парламентских выборах, а большинство в оставшейся половине проголосовало за коммунистов и таких ультранационалистов, как Владимир

Жириновский». «Стоило ли, — не без иронии писала корреспондент «Фигаро» Лаура Мондевил в своем репортаже из Москвы в декабре 1995 года, — обстреливать русский парламент из тяжелых танков для того, чтобы выгнать оттуда Хасбулатова и посадить туда Жириновского?»

Поражение «реформаторов» на выборах лишь подтвердило, что партократия перекрасилась только внешне. Сталин говорил про китайских коммунистов, что они, как редиска — сверху красные, внутри белые. У «демократов» было наоборот — белые они были только сверху, а внутри те же красные, бордовые даже. В условиях коммунистической тоталитарной системы они привыкли править именем народа и при этом плевать на народ. 99 процентов голосов избирателей всегда были им обеспечены. Они полагали, что и в условиях демократии получат те же самые 99 процентов, ну, с поправкой на свободу — 89. Но оказалось, что народ, вкусив свободы и демократии, пусть даже в малых дозах сам себе лгать уже не захотел. Не нравились ему демократы и реформаторы. И по всем законам демократии народ имел право попросить их уступить власть тем, за кем был авторитет прошлого опыта, прежде всего социальных достижений Советской власти. Какова же была первая реакция на результаты выборов 12 декабря 1993 года? И недели не прошло после подсчета голосов, как был снят со своего поста председатель Министерства безопасности (преемника КГБ), а само министерство по приказу президента Ельцина расформировали. Главную причину этого даже не постеснялись назвать в открытую — не проследили доблестные чекисты за настроением масс, которые, очевидно, именно в силу этого отвернулись от демократов!

Ослиные уши партократии вылезли наружу опять.

ВТОРОЕ УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Дело, конечно, не в том, могло ли Министерство безопасности уследить за противниками реформ, и не в том, что ельцинисты слишком быстро проводили свои реформы. Как бы они ни действовали, у них не было социальной базы, на которую они могли бы реально опереться. На первых порах у них еще был некий запас времени, когда они могли безнаказанно творить головокружительные трюки в ошарашенной и утратившей привычные координаты России, как космонавты в невесомости. Но этот запас быстро иссяк.

У реформаторов, как точно отметила Наталья Думова, не могло быть никакой преемственности. Связь времен давно прервалась. До революции никто из них не жил. Наследовать они могли только социальный опыт, накопленный КПСС. Все остальное — заимствовали. Причем без каких бы то ни было поправок на социальный опыт Советского Союза, русский национальный характер и историю России.

Реформы осуществлялись по рецептам Гарвардской школы бизнеса и по рекомендациям МВФ — МБРР, которые были также губительны для России и россиян, как переливание человеку с первой группой крови крови второй или третьей группы. Да еще с резусом отрицательным! А между тем могла быть найдена общая и для Запада, и для Востока «четвертая группа крови», абсолютно приемлемая для всех остальных трех групп (с учетом русского резус-фактора, конечно). И Запад должен был, исходя из собственного исторического опыта, именно ее и порекомендовать российским реформаторам. Если только речь шла действительно о желании России помочь, а не о желании ее низвести до уровня заштатного государства «третьего мира».

Такой «четвертой группой крови» мог бы стать в России обширный средний класс, который традиционно служит опорой западной демократии, всего современного капитализма. В одной из своих статей русско-американский писатель Эдуард Тополь писал, что президент Рейган вытащил Америку из кризиса, в который ее загнал его предшественник Джими Картер именно благодаря опоре на средний класс, на его неистощимую частную инициативу. Любопытно, что Тополя через некоторое время объективно поддержала госсекретарь США Кондолиза Райс. В июне 1995 г. она вдруг заявила, что «самой главной задачей для России является поддержка среднего класса».

Г-жа Райс подчеркнула, что именно этот класс обеспечивает в стране стабильность. Теоретически Райс права. Но на практике в России с этим классом власть имущие никак не определятся.

На заре нашего века в ходе столыпинской реформы (1906—1911 гг.), названной так по имени царского премьер-министра П. А. Столыпина, убитого левыми террористами, в России была предпринята попытка создать многомиллионный класс мелких собственников путем ликвидации крестьянской общины и «хуторизации» страны. Столыпин считал, что крестьяне-единоличники, выйдя из общины и получив

землю, будут за нее держаться, выжимать из нее максимум, что и даст рывок сельскохозяйственному производству в России. Как истинный российский бюрократ он решил, что стоит осуществить его планы наделения крестьян землей и переселения их за Урал — и капитализм в России будет построен всего за 20 лет. Увы, гладко было на бумаге... Столыпин не учел ни волчьих нравов капитализма, ни менталитета русского крестьянина. В результате его реформа провалилась, более 60 процентов переселенных за Урал крестьян вернулись в свои края ни с чем, а хуторян-единоличников разорили перекупщики. Цивилизованный капитализм с многомиллионным средним классом Столыпину построить не удалось. Но социалистическую революцию 1917 года его реформы, как и его «столыпинские галстуки», т. е. виселицы для «бунтовщиков» и прочие карательные меры, спровоцировали. И основным «пушечным мясом» этой революции стали разоренные в ходе столыпинской реформы крестьянские массы.

Столыпин упрекал российских революционеров в ставшей классической реплике: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия». Но объективно его попытка насадить капитализм в России «сверху» как раз и дала большевикам «человеческий материал» для их «великих потрясений». Ведь для этого нужен человек, которому нечего терять. Революции нужен пролетарий, разоренный крестьянин, батрак, деклассированный и обнищавший интеллигент, люмпен, наконец. Мелкий собственник на баррикады не пойдет. Он может украсть, если будет уверен, что не понесет за это наказания. Но он не будет уничтожать собственность, имущество, ибо это для него понятия почти святые. В этом его жизнь. А для пролетария чужая собственность — это и материальное средство его эксплуатации, и ее зримый результат одновременно. Отчуждаясь от того и другого, он не может не уничтожать ее, если его не держать в жесткой узде подчинения и подавления. Такова его социальная природа. И, если сейчас некоторые зарубежные, да и наши коммунисты говорят, что рабочий класс их надежд не оправдал, ибо нередко он поддерживает правых, а то и ультраправых партии, то это только потому, что они не хотят признать одну очевидную истину: рабочий класс в развитых капиталистических странах — это уже не пролетариат. Это рабочий класс, класс людей, живущих на зарплату, часть обширного среднего класса, которому уже есть что терять. И чем выше у его представителей квалификация, тем они обеспеченнее. Кстати, и в ходе революции в России высоко-

квалифицированные рабочие и даже крестьяне в массе своей шли не за большевиками. Шли за эсерами, за меньшевиками. А в годы Гражданской войны многие рабочие Урала и Сибири выступили в поддержку Колчака.

Вполне возможно, что будь у Столыпина больше времени для реализации его планов, развитие России пошло бы по его сценарию. Но российские леваки вместе со Столыпиным убили и его реформы. В результате Октябрьской революции 1917 г. была осуществлена массовая пролетаризация крестьянства, без чего были бы немыслимы сталинская индустриализация и создание «реального социализма».

Российские «реформаторы» из числа партocrats по-своему повторили это разорение, но в целях... создания капитализма. Именно по их вине миллионы и миллионы россиян превратились в нищих, когда чудовищная инфляция превратила в прах все их накопления на сберегательных книжках. Для западного аналитика это, возможно, факт не столь и существенный. Но в России эти сбережения составляли единственную легальную базу для «второй столыпинской реформы». Ее никто официально не объявлял, но объективно она началась, как только колхозникам разрешили иметь приусадебные участки и покосы, дали право продавать выращенные ими фрукты, овощи и цветы. С этих участков, которые составляли всего пять процентов пахотной земли в СССР, к середине 60-х годов получали около половины товарной продовольственной продукции в стране. Хрущев своими «реформами», как уже говорилось, это соотношение «исправил», отвадив многих от работы на селе. И тем не менее, как ни препятствовали этому власти, как ни издевались над колхозником и над владельцем «садово-дачного участка», тяга русского человека к земле была неистребима. Откладывая свои трудовые «на черный день», он, сам порой себе в том не признаваясь, всегда мечтал о своем доме, своем куске земли либо о каком-то своем деле.

Реформаторы эту мечту у многих убили, ликвидировав в корне возможность становления среднего класса вместе с народными вкладами в Сбербанке. А они были немалыми. 300 миллиардов брежневских рублей лежало на сберкнижках у советских людей к моменту начала перестройки. Это примерно 350—400 миллиардов долларов. Или в пересчете на «деревянные рубли» начала 1994 года — около 600—700 триллионов рублей. На этой базе можно было «строить капитализм». Но ее разрушили. Спихватившись, реформаторы при-

ступили к «ваучеризации» всей страны, чтобы таким образом приобщить всех россиян к американскому варианту «народного капитализма». Стали передавать в собственность государственные квартиры и дачи. Но момент был тем не менее упущен и действительные народные капиталы были развеяны по ветру. Неизбежно Столыпин погиб второй раз.

Факт этот — бесспорный. Вопрос тут только в том, ведали ли реформаторы, совершая это «убийство», что творят. Возможно, они не догадывались о социальных последствиях. Но грабеж народа был запланированным.

Приведу здесь свидетельство вдовы академика Сахарова Елены Боннэр, которую нередко считают идеологом российских антикоммунистов-реформаторов.

«У народа-большинства, — откровенно признала Боннэр в феврале 1994 г., излагая свои прогнозы продвижения России к капитализму, — собственность так и ограничится Полным собранием сочинений Пушкина или садовым домиком на шести сотках. И в лучшем случае приватизированной двухкомнатной квартирой, за которую неизвестно сколько надо будет платить: многие не выдержат этой платы, как не выдержат и налога на наследство их наследники. Ваучер не обогатит их — может, с акций когда-нибудь будет хватать на подарок внукам. Больше номенклатура не даст. Но будут у нас свои ротшильды и морганьи».

Права была Боннэр. Точно предсказала появление в нашей стране олигархов.

ДВЕ И БОЛЕЕ КПСС

Россияне давно подозревали, что все происходившее в стране после начала перестройки делалось во благо новых ротшильдов и морганов. Вдова отца русского диссидентства и демократии дала авторитетное тому подтверждение. Боннэр признает, что грабеж народа — это своего рода «черный передел» во имя капитализма. Но полагает, что такой грабеж, раз он ведет к созданию класса собственников, оправдан. Уже потому, что «собственность ведет к свободе и, если хотите, требует ее». Что же касается среднего класса, то, как считает Боннэр, его появления не следует ждать, прежде чем общество поляризуется, разделившись на богатых и бедных. Затем, когда оно разделится уже на очень богатых и очень бедных, начнется «отток» с обоих полюсов в социальную «середину».

Боннэр понимает, что в этом случае неизбежны социальные взрывы и гражданские войны. Но это ее не волнует. «Главное, — резюмирует Е. Боннэр, — это «свобода». Даже ценой того, что «Россия может превратиться в государство вроде Перу или Гватемалы, строй которых можно назвать маргинальным капитализмом». На Россию господам «либералам ельцинского призыва», приступавшим к своим реформам в команде Гайдара и К° было, как очевидно, при этом глубоко наплевать.

Удивляться этому не приходится, ибо реформаторы-ельцинисты — это люди без глубоких российских корней. И дело тут даже не в национальном, нерусском происхождении многих из них. Скорее — в социальном. В подавляющем своем большинстве они — дети, внуки и правнуки высокопоставленных коммунистов. Редко у кого из них есть в роду «бывшие», т.е. дворяне, купцы, дореволюционные интеллигенты и офицеры. Как правило, они потомки наших «бесов» — профессиональных революционеров, репрессированных Сталиным, а затем реабилитированных. Но вряд ли таких большинство. В «Выборе России», да и в других «демократических» партиях, было немало наследников вполне благонадежных сталинских номенклатурщиков (Тимур Гайдар, отец Егора Гайдара, например. В номенклатурной специвизилизации СССР он был настолько привилегированным, что получил звание контрадмирала. Причем не за службу на боевых кораблях, а за то, что умел держать нос по ветру на борту «флагмана советской печати», как называли в партийной пропаганде газету «Правда», где отец будущего «великого реформатора» работал шефом «военно-патриотического отдела»). Немало среди «демократов» и выходцев из семей провинциальных «хозяев», в том числе боссов криминальной партократии. Не говоря, конечно, о самих этих боссах, не чуждых игры в политику. Биографии депутатов Госдумы, членов Совета Федерации, губернаторов, лидеров основных политических партий России — наглядное тому подтверждение.

«Новый класс», по Миловану Джиласу, новая коммунистическая аристократия — вот их социальная база. Реформаторы никого кроме себя самих, своих родственников и им подобных не представляли.

Как-то в спецхране «Правды» я нашел книжку одного русского эмигранта Александра Уайта, которая была издана в Мюнхене еще в 1956 году, в самом начале только что объявленной коммунизму «холодной войны», в ходе которой на СССР ежедневно обрушивались мощные волны антикомму-

нистической пропаганды, которую вели совсем не глупые люди. Так вот что писал тогда Уайт:

«Многое зависит от успеха антикоммунистической акции Запада, которая должна расшатать партию, а с ней армию и аппарат и произвести в России те сдвиги, которые бы позволили нынешним интернационал-демократам Запада (наследникам Второго Интернационала) наложить руку на финансы, экономику и все природные ресурсы нашей страны...

Чем кончится борьба? Отвоюют ли они себе прежнее влияние или нет, и много ли выиграет Россия, заменив сегодняшний советский режим социал-демократическим режимом? Правда, он несет с собой «Свободу и Демократию» взамен нынешней «Диктатуры и Тоталитаризма», что нам повторяют каждый день, и все это верно, но не следовало бы нам, русским, поллюбопытствовать, пока не поздно, как дорого обойдутся все несомые им блага российской нации и государству?

Какие именно сдвиги происходят сейчас в партии, — писал Уайт, — мало кто знает. Кто из советских вождей клонит к сговору с бывшими демократическими братьями Запада, а кто в сторону самостоятельного Евро-Азиатского блока, — тоже сказать трудно. Нельзя даже поручиться, что кто-то из них не пошел уже тайно на частичный сговор с Мировой Демократией, орудующей на Западе, и не продаст в один прекрасный день (после дворцового переворота) Россию со всеми ее ресурсами в руки прежних соратников, нанеся до этого по их поручению несколько пренеприятных ударов по престижу Америки, которую Мировая Демократия ведь тоже собирается со временем окончательно прибрать к рукам».

Любопытный прогноз в свете происшедшего в результате поражения СССР и его коммунистических союзников в «холодной войне». Поражения таких масштабов, которого не сумел нанести России ни один иностранный агрессор, включая Гитлера и всех его союзников. И если прогноз этот был сделан за 45 лет до развала СССР, то надо думать, что обозначенные Уайтом враги России, которые так активно нам «желали добра», не дремали все эти годы..

Однажды я решил узнать, что называется из первоисточника, по каким причинам — внешним или внутренним — КПСС как бы разделилась на две партии. Во время одного из наездов в Париж лидера КПРФ Геннадия Зюганова я задал ему этот вопрос в лоб. Зюганов ответил так:

— КПСС исторически не была единой. Все началось еще с деления на меньшевиков и большевиков. А в советский период в ней объективно существовали две партии, хотя ясно, открыто об этом не говорили. Между ними шла упорная, ни на миг не затихавшая борьба.

— *Но ведь партия формально не развалилась на две, что было бы логично.*

— Ставки были слишком велики, чтобы рисковать. Формально они были объединены в рамках единой организации. Но это сути дела не меняло. У них были разные идеологии, разные цели, разные экономические, политические и национальные приоритеты.

— *Может быть, скорее это были течения, чем разные партии, борьба не различных идей, а разных партийных боссов за власть в партаппарате, а следовательно — и в стране, и в мировом движении?*

— Это тоже было. Но партий было две все же. Первую можно условно назвать партией «Наша страна». Для меня это партия Шолохова и Королева, Жукова и Гагарина, Курчатова и Стаханова. В нее входила большая часть рядовых управленцев и партаппаратчиков, безотказно тянувших лямку в тяжелейшие для страны дни. Но самое главное — именно в эту партию вступали тысячи бойцов на фронтах Великой Отечественной. К ней принадлежали миллионы тружеников-патриотов, которые и подняли нашу страну из послевоенных руин до уровня величайшей державы мира. Для всех них Советский Союз, как исторический наследник России был Отчизной.

— *Если эту первую партию, о которой вы говорили и теперь КПРФ, можно охарактеризовать как партию коммунистов-государственников, то что представляла из себя вторая партия?*

— Условно назову ее по аналогии партия «Эта страна» (так в среде партократов-диссидентов именовался Советский Союз. — Авт.). Численно она не шла ни в какое сравнение с первой, но ее политический вес и влияние в высших эшелонах власти были непропорционально огромны, часто решающими.

— *Можно ли сказать, что это была партия номенклатуры, своего рода «внутренняя партия», как в романе Оруэлла «1984»?*

— Можно, но с определенной натяжкой. В номенклатуре были и коммунисты-государственники, по настоящему честные и бескорыстные люди. Другое дело, что их влияние в КПСС было меньшим, чем у партии «Эта страна». Это партия Троцкого и Кагановича, Берии и Мехлиса, Горбачева и Ель-

цина, Яковлева и Шеварднадзе. Ее наследниками стали «демокроссы», «Выбор России», затем «Единая Россия», СПС, «Яблоко». С этой партией мы не желаем иметь ничего общего. От ее наследия отказываемся целиком и полностью, окончательно и бесповоротно. Но надо признать, что эта партия пока что сохраняет монополию власти в России, продолжая дело своих предшественников, паразитировавших на теле государства в течение многих десятилетий...»

Если снять «стружку» с зюгановского «*langue de bois*» («деревянного языка» — *фр.*), то обнаружится, что речь как раз и идет о все том же противостоянии противников «эллинских наук» и их сторонников, православных и «жидовствующих», славянофилов и западников, о том конфликте, который в разных формах продолжается в течение всей российской истории, и о котором по-своему откровенно написал Уайт. В КПСС были, как уже говорилось, и славянофилы, и западники на коммунистический лад, и ортодоксы-консерваторы, и реформаторы, близкие по своим взглядам к диссидентам. Я вновь напоминаю об этом, чтобы было понятнее, почему при отсутствии каких-либо других партий в Советском Союзе КПСС оказалась своего рода Ноевым ковчегом, где каждой твари было по паре. Для нас, однако, в данном контексте важнее другое — чисто партийная, менклатурная принадлежность новых миллионеров.

Елена Боннэр по-своему подтверждает, что это все та же партократия, когда пишет: «Достаточно посмотреть, кто есть кто в массе новых собственников у нас и в странах, которые раньше составляли «социалистическое содружество». И Боннэр, и такие публицисты от демократов, как Л. Тимофеев, А. Курчаткин, многие другие авторы не раз писали о массовой трансформации «партийной аристократии» в «новых капиталистов». Ясно, они не проводят тех различий между коммунистами, которые провел Геннадий Зюганов. Более того, буржуа из числа экс-коммунистов вроде Гайдара и Чубайса для них оказались предпочтительнее разного рода «младотурков», вырвавшихся из российской глубинки купцов и золотодобытчиков, ибо этот «второй эшелон» собственников (по Боннэр) превратился в России в «источник нестабильности». КПРФ Зюганова, добавим, вырастила и «своих» миллионеров вроде Семигина (личное состояние 16 млн. дол.), Семаго, Видманова. В списке кандидатов КПРФ на выборах в Думу 2003 г. помимо Семигина оказался один из руководителей ЮКОСа Сергей Муравленко (состояние около 50 млн. дол.), Сергей Бат-

чиков (2,2 млн. дол.), банкир Игорь Аннинский (около 2 млн. дол.) и др. Видимо, вспомнив заветы Владимира Ильича об использовании противоречий внутри правящего класса, КПРФ обратилась за помощью и финансовой поддержкой даже к Березовскому. Это стало, кстати, началом конца ее популярности и очередного разочарования коммунистического электората в «верных ленинцах». Выборы 2003 года при всех их издержках и подтасовках все же обернулись общероссийским провалом для КПРФ.

КПРФ пришла к этому своему логическому концу закономерно, потому что и ее партийная бюрократия проделала ту же эволюцию, что и описанная Марксом прусская бюрократия — подлинные интересы партии стали для нее антипартийными, а «истинно партийными» стали собственные интересы ее лидеров, сводившиеся к личному благополучию и стремлению любой ценой остаться хотя бы в «коридорах власти». В этом отношении куда более прав Джордж Оруэлл с его делением правящей партии «Большого брата» на «внутреннюю», т. е. номенклатурную, партию и на «внешнюю», т. е. партийную массу, чем Зюганов с его делением КПСС на фракции «Наша страна» и «Эта страна». Если приглядеться, то окажется, что у товарищей Зюганова и Ельцина куда больше схожего, чем различий. Партийная бюрократия и до развала СССР, и после развала всегда защищала интересы своего бюрократического клана, свое «право» во всех случаях и при всех системах и партиях оставаться у власти. Будь то в Кремле, будь то (формально) в оппозиции. А уж когда товарищ Зюганов стал звонить президенту Путину и просить его защитить КПРФ от «раскольников» из новой ВКП(б), сколоченной Тихоновым, то о какой тут вообще оппозиции можно было говорить!

Позор это, господа-товарищи. Вселенский позор!

ИЗ ХОЛУЕВ ДА В БОССЫ

Само по себе понятие «российская новая буржуазия» столь же широко, как и условно. Пока в ее руки не перешли окончательно основные средства производства, о ней все еще можно было говорить только как о слое ростовщиков, посредников, лавочников и спекулянтов. Но постепенно она стала прибирать эти средства производства к рукам, скупать — пусть пока небольшие — предприятия и производства, уже попадала в зависимость от отечественных банков и от ссуд-

ного капитала в целом, от инвестиционных фондов и страховых компаний. Так начался процесс слияния капитала банковского и промышленного — короче говоря, были задействованы все те процессы, что давно описаны Марксом в его знаменитом «Капитале». Уже к июлю 1994 года процесс приватизации зашел так далеко, что в руках частных оказалась ровно половина национального производства Российской Федерации. Социализм подрубили под корень. К началу 2004 года экономике России полностью контролировали всего 23 финансово-промышленные группы.

По кажущемуся парадоксу вещей таившиеся при советской власти подпольные миллионеры-теневики не вышли в этой новой буржуазии в первую десятку и даже в первую тысячу. Правят бал все те же распределители кредитов, которые процветали при коммунизме, царствуют совбуры, прежде подвизавшиеся на ролях завхозов райкомов, обкомов, крайкомов, республиканских ЦК и, наконец, сами функционеры хозуправления ЦК КПСС, их дети и родственники.

Правят бал все те, кто имел при Советской власти доступ к финансам и фондам распределения, к дефициту, к контактам с зарубежными фирмами и банками, к заключению контрактов с ними, к переправке денег за границу на разного рода «интернациональные» нужды. И конечно — их чада и домочадцы.

Правят бал вовремя сориентировавшиеся директора предприятий, профсоюзная и комсомольская номенклатура, из которой вышел, например, Ходорковский. Частично в этот новый класс собственников вошли и военные хозяйственники, бывшие аппаратчики КГБ с большими международными связями, административно-управленческий генералитет, а также разного рода чиновники и функционеры, сколотившие гигантские состояния на взятках и на прямом присвоении государственной собственности после распада СССР. История с тотальной коррупцией в Западной Группе войск общеизвестна. Там сложилась своя мафия, тесно связанная с тогдашним руководством Министерством обороны. В те первые декабрьские и особенно январские дни 1992 года грабили бесконтрольно, что называется «навзрыд». Используя свое служебное положение, высшие номенклатурные хозяйственники, те партчиновники, в чьих руках были коды и номерные счета в зарубежных банках, вывезли на Запад едва ли не весь запас валюты и половину золотого запаса СССР. Потом эти счета были ими же «приватизированы». Те, кто отказался это делать, почему-то «покончили жизнь самоубийством» уже в самые первые дни после провала «путча» ГКЧП в августе 1991-го.

Грабеж и взяточничество приняли в России в период крушения СССР катастрофические масштабы. В «новую буржуазию» попали вместе с перекупщиками-десятиклассниками, как убеленные сединами министры, так и депутаты, нажившиеся на разного рода платных «разрешениях» и «визированиях». Но, конечно, самые большие состояния нажили, а точнее, украли обладатели банковских тайн бывшего СССР и его многочисленных международных «частных» банков, компаний, магазинов и прочих организаций, а также гособъединений, занимавшихся международной торговлей, поставками из СССР нефти, цветных металлов и пр.

Весьма любопытная трансформация произошла и с партаппаратом. В столице это не столь заметно, но вот в провинции... Когда человек с улицы видит на бывшем здании обкома партии вывеску «Правительство (такой-то) области» и видит на двери бывшего секретаря бывшего обкома КПСС по промышленности табличку «зав. департаментом промышленности правительства (такой-то) области», а за дверью самого этого секретаря в роли завдеппромом, он не может не прийти к выводу, что от перемены мест слагаемых по сути для номенклатуры ничего не изменилось. Переменились дела к худшему для него, простого трудяги, служащего, интеллигента, но не для тех, кто последовательно проводил в годы «реального социализма» известный оруэлловский принцип: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие».

Вот лишь пара имен. Егор Строев, экс-спикер Совета Федерации, затем снова губернатор Орловской области. С 1985 по 1989 гг. правил этой областью в ранге первого секретаря обкома КПСС. «Известия» писали в апреле 2005 г., что практически весь крупный бизнес региона принадлежит членам семьи Строева (свою дочь он пробил в сенаторы) или его окружению. Минтимер Шаймиев, президент Татарстана с 1991 г., в прошлом министр мелиорации СССР, затем первый секретарь обкома ТАССР. А сколько их таких, «вывернувших пиджаки»?..

Западные, да и некоторые российские исследователи, наблюдая за этой картиной возвращения номенклатуры к власти и к корыту, сделали скоропалительный вывод, согласно которому к власти в бывшем СССР в облике буржуазии пришла та же самая КПСС. Мне все же ближе оруэлловский термин — «внутренняя партия», в которую, тут я согласен с Зюгановым, входили многие номенклатурщики из партии «Эта страна». Но признаем, не только они. А что, генерал Стерлигов был рядовым партийцем? А Вольский, а Скоков, а... Да мало ли.

До поры до времени и затаившиеся под мундиром «марксистов-ленинцев-интернационалистов» космополиты, и одевшие те же идеологические мундиры русские и иные националисты (тут можно поименно перечислить всех лидеров бывших союзных республик от Кравчука и Бразаускаса до Алиева с Шеварднадзе) питались в одних и тех же спецраспределителях, буфетах и пр. Тем не менее они были вынуждены по известному парадоксу властных структур материализовать в социальной практике и государственном строительстве СССР те провозглашенные КПСС идеи, с которыми «внутренняя КПСС» вступала в противоречие всей своей жизненной практикой. Противоречие это становилось все очевиднее для тех, кто в эти идеи верил, и, вопреки партбюрократии, действительно строил социализм («внешняя КПСС» и сочувствующие), и для тех, кто поначалу заблуждался относительно искренности коммунистических убеждений партноменклатуры и особенно ее высшего эшелона, (внутренние противники коммунизма в СССР, зарубежные политологи, спецслужбы и пр.). Рано или поздно противоречие это должно было разрешиться либо уничтожением «внутренней КПСС» (этим не раз занимался Сталин в 1933—1952 гг., хотя до конца дело не довел) и возобладанием коммунистических принципов в масштабах всего общества, с серьезной перспективой распространения ее в мировых масштабах, либо уничтожением «внешней КПСС» и коммунистической практики, последующим запретом коммунистической идеологии и т.д. по послевгустовскому сценарию 1991 г.

Следуя инстинкту самосохранения, «внутренняя КПСС» сразу же после смерти Сталина начала готовить почву для постепенного перевода страны на рельсы рыночной экономики. (Как уже говорилось, новые, ранее неизвестные документы подтвердили, ко всеобщему удивлению, что этим занимался не кто иной, как Лаврентий Берия.) Одновременно началась тотальная бюрократизации партии под флагом ее демократизации. Коммунистическая убежденность постепенно выхолащивалась на уровне обыденного сознания, что в августе 1991-го сослужило хорошую службу ликвидаторам КПСС.

Нельзя забывать и о националистическом коммунизме, носители которого, в том числе русские националисты, последователи известной формулы графа Уварова «Самодержавие, православие, народность», были на высших постах в государстве и в руководстве партии. Им предстояло потом, после 1991-го стать «национальными» лидерами в республиках

и возглавить разного рода патриотические партии и движения. Не случайно, конечно, главный идеолог КПСС на Украине, секретарь КПУ по идеологии г-н Кравчук стал после 1991 г. украинским националистом номер один и автором раскола СССР по беловежской схеме.

«Внутренняя КПСС» не была однородной. Она была тотально коррумпирована самой властью, по сути дела выродилась в новое дворянство, а на республиканском и региональном уровне — в ханство, байство и кулачество. Чем больше этот новый класс богател и образовывался, тем теснее становились для него коммунистические под горлышко мундиры. Все же время от времени приходилось расплачиваться и за аморалку, и за взяточничество, и за воровство, особенно тем, кто «брал не по чину», за связи с тем уголовным миром, который приходил в ГУЛАГ по статьям «за хозяйственные преступления». Внутренняя КПСС в провинции окрепла именно за счет связей с этим миром и со временем включилась в борьбу за центральную власть со всей силой. Практически повсюду в этой драке за власть использовались КГБ и милиция. Те самые органы, которые призваны были охранять Советскую власть, были фактически отмобилизованы на ее уничтожение. Они же решили в конечном итоге и исход давнего конфликта внутренней и внешней КПСС. Кто стрелял по Белому дому? Кто потом расстреливал во дворах его защитников? Те же самые хранители «социалистической законности». А вот рядовым коммунистам, ударникам производства, к которым всегда с пиететом обращались с высоких трибун партбоссы, предстояло сыграть роль козлов отпущения.

Не вдаваясь в перепитии окончательной борьбы за дележ этого пирога, которые и так хорошо известны, отмечу лишь главное — все «чистые» партократы во «внутренней партии» от этого дележа были быстро оттеснены хозяйственниками. Вчерашние холуи бесцеремонно отодвинули своих боссов. Наступило их время. Время криминальной буржуазии, нового правящего класса России, вышедшего из недр «внутренней КПСС», из лагерей для «теневиков» и блатных распределителей «дефицита».

Теперь это уже все история, о которой здесь я напоминаю исключительно для того, чтобы не было иллюзий у тех, кто полагает, будто буржуазия в России могла возникнуть сама по себе, едва лишь объявили «демократию». Это для дураков!

Глава 8

ПИРАНЬИ ВЫРОСЛИ

...В самые первые годы становления российского капитализма я побывал в Москве в штаб-квартире одной тогда малоизвестной фирмы. На двери у нее, как и у многих в те лихие времена, даже не было вывески. Но за бронированной дверью, под защитой до зубов вооруженных охранников шла напряженная, непрерывная, почти конвейерная работа. По звучащим в ее офисе разговорам, названиям городов и стран можно было понять, что связи этой российской «компании с ограниченной ответственностью» распространились на весь мир. Казалось, что ее сотрудники сидят здесь, как в хорошо оборудованной крепости, и просто ждут сигнала, чтобы перейти наконец в наступление.

«ЭЛИТАРИИ ВСЕХ СТРАН...»

Хозяин фирмы, сын некогда крупного номенклатурного работника, трудившегося по хозяйственной части в ЦК КПСС, с гордостью показал мне свое оборудование, новейшие компьютеры и принтеры, телефонные станции спутниковой связи, и под финал — огромный двухсекционный аквариум. В одном у него плавали большие ярко раскрашенные тропические рыбки, а в другом — сновали какие-то серенькие, тощие рыбешки весьма зловещего вида.

— Это пираньи, — объяснил мне гостеприимный хозяин.

— Вот как, — сказал я. — А я-то думал, что они куда больше.

— Они еще вырастут, — сказал хозяин фирмы. — Они растут быстро...

Да, они действительно растут очень быстро. Прошло совсем немного времени, и мой знакомый миллионер принялся

размножаться, наподобие амёбы, путем деления. Его фирмы появились за границей, на него стали работать иностранцы.

Пирании выросли. И начали жрать все подряд. Мой знакомый, который был папой воспитан в патриотическом духе, но, несмотря на это, вкладывал свои деньги не только в России, все же ставку делал на отечественное производство. Но вот с чем он столкнулся прежде всего.

Установившийся в России криминальный режим колониальной демократии не был никак заинтересован в развитии производства. Вор не производит. Он крадет у тех, кто производит и краденое пропивает, прогуливает, т.е. в силу своих понятий «шикарно живет». В полном соответствии с этой паразитической воровской психологией в основном и развивались российский капитализм и его компрадорская буржуазия, которую на Западе окрестили «новыми русскими». Главной их заботой стали спекуляция импортными товарами, ростовщичество и рэкет. Ельцинское криминальное государство, обслуживавшее эту буржуазию, действовало соответственно — преступными средствами обирала российских граждан. Незаконные поборы, взятки, «налоги», не уходившие дальше кармана взымавшего их чиновника, стали в РФ нормой. Расследования, проведенные Счетной палатой РФ в 2003—2004 гг. показали, например, что приватизация госсобственности в России, названная у нас «прихвятизацией», а на Западе — «пиратизацией» (термин профессора Маршала Голдмана, автора одноименной книги «*Piratization of Russia*»), обернулась ограблением народа даже не столько по вине предпринимателей, сколько по вине государственных чиновников. Т.е. той же самой бюрократии. Государство стало мафией в такой же степени, в какой олигархическая мафия стала государством.

Мой любитель пираний очень быстро почувствовал на себе мертвую хватку этой мафии. Его обирали одновременно и банки, дававшие ему ссуду, и рэкетеры, обеспечивавшие ему «защиту», и нахрапистые чиновники — от таможенников и налоговиков до экологической полиции и санэпидемстанции. Проверка следовала за проверкой, инспекция за инспекцией. Чтобы существовать и заниматься бизнесом, ему пришлось научиться давать взятки, завести своих людей во всех тех учреждениях, от которых зависел его бизнес. Он платил за свое право проводить одну за одной незаконные операции, уходить от налогов, сбегать со своими реальными прибылями в офшоры, обманывать всех и вся — от потребителей до государ-

ства, от партнеров до своих собственных сотрудников. «Как и все», он принялся «крутить деньги», т.е. пускать в оборот свой капитал под проценты и в конечном итоге создал свою собственную мафию, которая, если чем-то и отличалась от классической преступной организации, так это тем, что ее участники никогда не были ворами в законе и не сидели на нарах.

Встречая некоторых своих знакомых по прежней, советской жизни, ставших «крутыми российскими бизнесменами», я поражался, прежде всего, тому, как криминализировалось их сознание, как постепенно теряли всякую ценность в их представлении мораль, человеческая жизнь, дружба, любовь и порядочность. Поначалу я пришел к выводу, что это неизбежная расплата за продажу души дьяволу, его золотому тельцу и что так будет с каждым, ибо, как сказал наш классик, «на каждом долларе — комья грязи и следы крови». Только со временем, узнавая лучше формирующийся деловой мир России, я убедился, что далеко не все наши новоявленные «капиталисты» погибали духовно от прикосновения Мидаса. По какой-то неистребимой советской привычке многие из них все же тянулись к культуре, следили за книжными новинками и новыми спектаклями. Они помогали безработным актерам и бездомным ребятишкам, детдомовцам и инвалидам, изуродованным в Афганистане, Чечне и постсоветских «горячих точках». Они восстанавливали храмы и спасали оставшиеся без средств музеи. В них еще жил по-своему неистребимый *homo soveticus*, который подталкивал их на бескорыстные жесты и поступки, не принятые в западном мире как «противоречащие здравому смыслу». Мазохистская «тоска по коллективу», так точно описанная Зиновьевым, заставляла их поначалу «спланивать» свои «бригады» по типу японского «семейного капитализма». Нередко глава предприятия в конце 90-х раз в год, а то и чаще вывозил чуть ли не всех своих сотрудников в коллективные поездки за границу. Потом все это, правда, потихоньку сошло на нет. Благотворительность приобрела, наконец, более-менее цивилизованные организационные формы. Наши новые буржуа стали кучковаться уже по имущественному признаку, что весьма наглядно можно наблюдать в Москве в районе Рублевского и Успенского шоссе, в Петербурге — в районе Пушкина и Павловска, а также на зимних курортах французских и швейцарских Альп, на Лазурном берегу Франции и на «элитных» островах Италии. Появились закрытые клубы, собрания и ассоциации. Там — только свои. Живущие на зарплату туда уже не попадают. В России началось то, что западные

социологи именуют «стратификацией» общества (нашим отечественным социологам иностранного слова «страта», т. е. «слой», уже не хватает, и они ввели термин «кластер»). Процесс естественный, который говорит о том, что Homo Sovieticus, некоторое время еще живший в наших нуворишах, был ими в одночасье убит.

Создавая свое, «искусственное общежитие» по Ключевскому, новые буржуа стали селиться поближе друг к другу, в «элитных» поселках, где в силу убогости рекламного лексикона все «элитное» — от коттеджей до унитазов. У этой новой денежной элиты вырабатывается своя мораль, своя жизненная философия и своя деловая этика, если об этом вообще можно говорить в России. В этой среде странным образом переплетаются самые изысканные брэнды и советская, чаще всего комсомольская символика, изысканные французские вина и наш отечественный самогон, давший название в Куршевеле гулянкам олигархов под кодовым названием «Samogon Party». По своему их кредо сформулировали владельцы казино в Марьиной Роще в Москве, пустив по фасаду своего игорного заведения переиначенный лозунг коммунистов: «Элитарии всех стран, развлекайтесь!» Гуляй, элита! Вот и этот термин у нас умудрились превратить в свою противоположность.

Нормального человека в России тошнит от рекламных щитов с эпитетом «элитарный». Конечно, к этому надо относиться спокойнее, как к временным издержкам становления нового общественного строя. Но наш горький исторический опыт учит нас быть чрезвычайно внимательными к мелочам. Ведь есть такая «теория хаоса», которая в схематической форме сводится к тому, что взмах крыльев бабочки где-нибудь в районе Амазонки может вызвать землетрясение в Турции. А что, если и нас тряхнет, и мы опять исторически не успеем создать достойную России элиту руководителей, предпринимателей, ученых, публицистов и политиков, если они так и не выйдут из категории «элитариев», незаконнорожденного приплода от межвидового греха оруэлловских «свиней» и «фермеров».

«ГОНИТЕ БАКСЫ, И БУДЕТ ЗАКОН»

Говорят, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. В «бизнес», как у нас именуют любую разновидность предпринимательства, включая рэкёт, ринулась очередь головы

российская молодежь. Кто-то добивается успеха, денег и даже славы. Кто-то разоряется, не успев даже отдать долги и кредиты. Кто-то до времени погибает. В этой среде молодых русских предпринимателей встречаются очень симпатичные ребята. И дай им бог приобщиться к нашему российскому бизнесу без столкновений с обычными бандитами, с оборотнями в погонах и с прокурором. Это, увы, дается немногим. Жить по закону пираний нельзя без последствий. Пираны пожирают все живое не только потому, что они голодны, а потому что такова их природная сущность. То же и с капиталом. Он неизбежно криминален.

Когда судили руководство ЮКОСа во главе с Михаилом Ходорковским, российское деловое сообщество отреагировало на это в духе весьма оригинальной солидарности — там заговорили о «выборочном» правосудии, не скрывая, что «все так делали», т. е. приобретали многомиллионную собственность за гроши через залоговые аукционы, любыми способами укрывали свои доходы от налогов, давали взятки, выводили прибыль в офшоры, открывали за границей свою фирму под звучным иностранным именем, брали у этой фирмы грабительский кредит для своего предприятия в России, отдавали его с баснословными процентами самим себе и т.д. Да мало ли таких схем наработал российский оборотистый капитализм за какие-то 20 лет перестройки и реформ!? Если следовать логике тех, кто был поставлен в специфические российские условия предпринимательства, то без применения таких схем никакого смысла заниматься бизнесом в России вообще не было. Те, кто специально создавал законы и постановления с прицелом на то, чтобы они давали возможности госчиновнику брать взятки и поборы «борзыми щенками» или девочками, так или иначе в этих схемах участвовали. Иначе откуда бы у скромных служащих появились иномарки стоимостью в 100—200 тысяч долларов, платиновые мобильные телефоны и швейцарские часы по цене такой же, как хороший «мерседес»? На какие деньги они могли бы отпраиваться в недельные круизы по 30—40 тысяч долларов на футбольный чемпионат в Португалию? Отдыхать на самых роскошных курортах и обучать своих детей в самых престижных платных колледжах и вузах? Как мог Михаил Касьянов на свою зарплату премьер-министра занять целых три роскошных имения — куда там французским «шато»! — общей стоимостью в несколько десятков миллионов долларов? Видно, неспроста к нему прилипла кличка «Миша Два процента»! Коррупция, которая в Рос-

сии всегда процветала, даже в советские времена, расцвела при демократах небывало пышным цветом.

Даниэль Кауфман, директор Института Всемирного банка по вопросам управления, с наступлением XXI века решил раскрыть сенсационные данные по коррупции на нашей планете. Он сказал, что ежегодно в мире выплачивается взятки на сумму не менее 1 триллиона долларов. Это — одна тридцатая общего объема мировой экономики (около 30 триллионов долларов). У Кауфмана не было конкретных цифр по России. Но думаю, что при всем нашем отставании по экономическим показателям, по части коррупции мы впереди планеты всей. Фонд ИНДЕМ и центр «Т-1 Россия» дают такую цифру: в 2002 г. объем коррупционного рынка (есть, оказывается, и такой в российском варианте капитализма) только в 40 регионах России составил 520,9 млрд. рублей (т. е. около четверти всего федерального бюджета). А в рейтинге коррупции за 2003 г. Россия заняла 47-е место из 133 возможных.

В докладе «Россия: создание правил для рынка», подготовленном в июне 2005 г. экспертами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), нашу страну именуют «слабым государством с сильными чиновниками». Доклад без обиняков констатирует: «Слабость, неэффективность и коррупция всех правительственных подразделений являются главным препятствием прогресса в проведении реформ в России. Службы безопасности, прокуратура и милиция остаются в большой степени политизированными, — говорится в документе. — Их часто использовали против бизнесменов, находившихся в конфликте с федеральными и региональными властями». Последнее подтверждают и российские источники. Три четверти россиян, согласно опросу Центра Юрия Левады, считают, что власти используют правоохранительные органы, особенно на местах, для расправы с политическими соперниками, да и для захвата чужого бизнеса тоже.

По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в апреле 2005 г., 75% российского населения вступают в коррупционные отношения, причем вступают вынужденно т.к. без «дачки в лапу» добиться в официальных инстанциях ничего нельзя. Большинство считает, что власть в РФ коррумпирована на всех уровнях, причем выявляется только 1% от всех случаев взяточничества. По данным Генеральной прокуратуры, между тем ежегодно в России выявляется около 20 тысяч коррупционных преступлений. Если это всего один процент совершаемых, то страшно подумать, каких масштабов достигла эпидемия коррупции в нашей стране.

60% предпринимателей назвали распространенным явлением взятки, на которые в среднем уходит до 8,5% их доходов. Генпрокуратура это фактически подтверждает. По ее данным чиновники в РФ вопреки закону нередко занимаются коммерческой деятельностью, участвуют в управлении «своих» фирм и банков, оказывают этим «подопечным» содействие в получении незаконных льгот и привилегий. Заместитель Генерального прокурора Владимир Колесников с присущей ему откровенностью прямо сказал как-то, что наш чиновник может поучаствовать и в «казачьих банкротствах», и в «недружественных слияниях и поглощениях» для передела собственности и захвата чужого бизнеса.

Если разобраться по существу, то легко прийти к выводу, что в России Ельцина была задействована генеральная схема советского времени, в соответствии с которой хозяйственный, партийный и советский аппарат в тесном единении распределяли пайки и прочий дефицит среди советской «элиты» по ценам ниже себестоимости. И приватизация была осуществлена по такому же принципу. Только в гораздо более крупных масштабах. Точно так же, как в советские времена, начали действовать «спецправила» — новая номенклатура капитала получила возможность жить по спецморали, по «спецзаконам», которые поворачивались, «как дышло», — так, чтобы вышло как можно выгоднее для богатых и как можно хуже для тех, кто им осмелится противостоять. Классически действие таких законов описывает анекдот конца 90-х годов. «Мерседес» с «новым русским» врывается на всем ходу в паровой каток. На разборку подъезжает инспектор ГИБДД, отдает честь владельцу «мерседеса» и подходит к дрожащему от страха водителю парового катка. «Ну, — говорит он ему. — Рассказывай, как ты «мерс» подрезал, как превышал скорость?» А ведь по той же схеме владельцы «мерседесов» ездили с блатными номерами и мигалками по нашим городам и весям, выигрывали дела в судах, проталкивали выгодные для себя законы через Думу и «нужные» постановления через правительственные ведомства. Еженедельник «Версия» опубликовал в конце 2004 г. целый прейскурант, по которому можно было купить голос «народного избранника». После думских выборов 2003 года, пишет «Версия», — «негласные лоббистские расценки по сравнению с предыдущей Думой почти не изменились: принятие с нуля во всех 3 чтениях нужного закона — 100—200 тыс. дол., внесение необходимых поправок — 30—50 тыс. дол. «Гоните бак-

сы, — говорят думские лоббисты, — и будет закон!» При этом на подкуп, как правило, идет 10% запланированной прибыли, которую получает та или иная компания в случае решения вопроса. Чего стоит один только закон «О соглашениях о разделе продукции», к которому различные лоббисты постоянно предлагают поправки.

Есть у депутата и другие способы заработать. Например, депутатский запрос, который касается, как правило, претензий к той или иной коммерческой структуре, стоит 2—10 тыс. дол. Если же он прошел и думское слушание, цена резко подскакивает. Организация запроса в прокуратуру от группы депутатов оценивается в среднем в 30 тыс. дол., от одного депутата — в 5 тыс. дол. Причем, как утверждает «Версия», если у члена ЛДПР такую бумагу можно купить за 1 тысячу, то подписи председателя солидного комитета стоит 10—15 тыс. дол. Личный звонок депутата к чиновнику уровня замминистра с ходатайством о помощи некоей структуре оценивается в 2—4 тыс. дол. В прошлой Думе были даже совсем анекдотичные случаи вроде рекламного предложения пригласить депутата на свадьбу, где он может не только произнести тост, но даже спеть и сыграть на музыкальном инструменте. Всего за 1 тысячу долларов. Но нынешние думцы до этого еще не дошли. Разумеется, — пишет «Версия», — есть цена и у решения политических вопросов. Скажем, за голосование против импичмента Бориса Ельцина, как и за утверждение премьером Виктора Черномырдина, платили по 5 тысяч «зеленых». Как рассказал нам бывший депутат, банкир КПРФ Владимир Семаго, на провал импичмента у президентской администрации ушло всего 0,5 миллиона долларов.

Конечно, такого рода операции проворачивают сверхбогатые дельцы, на деньги которых содержатся в России многие политические партии. Так, в рядах ЛДПР числятся владелец «Нафта-Москва» Сулейман Керимов, бывший глава Уникомбанка, «Кредиттреста», Моснацбанка Ашот Егиазарян и представитель концерна «Делми» Александр Скоробогатько. Среди тех, кто финансировал КПРФ, помимо вышеупомянутых «красных миллионеров», «Версия» называет президента банка «Альба-Альянс» Игоря Анненского, астраханского магната Николая Дайхеса, башкирского «стального короля» Рифхата Шакирова. Деньгами КПРФ помогали также владелец Красноярского химкомбината Петр Романов, «фармацевтический король» Санкт-Петербурга Александр Афанасьев и предприниматель Сергей Штогрин, протеже известного израильского бизнесмена Льва Черного. В российской печати были данные о том, что

блок «Родина» поддерживали два «короля», т.е. олигарха, — «никелевый» — Потанин и «алюминиевый» — Дерипаска, а СПС получала деньги от Березовского и Ходорковского, «Яблоко» Явлинского — от Гусинского. Список финансистов фактически правящей партии «Единая Россия» сильно напоминает список самых богатых 100 «новых русских», составленный журналом «Форбс». По данным «Версии» только ежемесячный бюджет «ЕР» составляет 3 млн. долларов.

Свои ставки есть у налоговых инспекторов и таможенников, у землемеров и врачей, у военкомов и инспекторов ГИБДД, у оперуполномоченных, следователей, судей, судебных приставов, прокуроров, аудиторов, мэров, губернаторов, министров и ... бери выше. Все хотят жить хорошо. Все берут. Страна по имени «Коррупция», раскинувшаяся на всех российских широтах, процветает. При Советской власти хоть брать боялись. А при демократической даже не скрывают, что берут. Так стоило ли копыта ломать? «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда», — так сказал бывший премьер-министр России, подпись которого на нужном документе оценивалась знатоками российского лихоимства в 50 тысяч долларов. Это — мизер по сравнению со ставками его предшественника. Миллионер советской поры Артем Тарасов, очень хорошо сведущий в том, кто есть кто и почему есть кто в демократической России, в своей книге «Миллионер» сообщил, как можно было добиться важнейшего внешнеполитического решения за подписью тогдашнего премьер-министра Егора Гайдара и его министра иностранных дел Андрея Козырева. За это Тарасову, как он утверждает в своей книге, предложили заплатить 6 млн. долларов Гайдару и 2 млн. долларов Козыреву.

Получился у нас криминальный, олигархический капитализм по-русски, но, тем не менее, капитализм. В полном соответствии с марксизмом он всегда тяготеет к монополии и уничтожает конкурентов любыми средствами. В изложении Максима Горького это звучит проще: «Воровать будут до тех пор, пока не найдется кто-то один, кто украдет все». При социализме все присвоило государство. При капиталистическом переустройстве России борьба за право украсть все неизбежно должна была начаться и кончиться перестрелками между воровскими бандами, воровскими, даже, если они именовали себя «бизнесменами». Ведь ни у кого из них не могло быть никакого честно заработанного начального капитала. Его они могли только украсть. Прежде всего у народа. Как это произошло с кражей российской «нефтянки» месторожде-

ний, алюминиевых и других металлургических комбинатов, даже атомных ледоколов и оборонных предприятий. «Новые русские» крали так активно, что выдавшие виды западные предприниматели ахали, подсчитывая: начиная с 1992 года ежегодный отток капиталов из России составлял не менее 10—15 млрд. долларов в год, что составило в итоге к 2005 г. 220 млрд. долларов, а по другим данным — до 500 миллиардов долларов США. И эти капиталы, осев в забугорной недвижимости, инофирмах и в зарубежных банках, работают уже не на Россию, а на иностранные государства, способствуя всячески их благополучию за наш счет.

Самое страшное, что «прибыли» новой российской буржуазии получены, как правило, не за счет развития отечественного производства (в это вкладывают лишь немногие), а за счет его развала, подрыва его конкурентоспособности путем массового ввоза дешевых заграницных товаров, за счет спекуляции и рэкета, за счет грабительской эксплуатации нефтяных и других природных богатств России. А все это неминуемо ведет к развалу российской экономики. Когда в мае 2005 г. по вине руководителей РАО-ЕЭС и «Мосэнерго» Москва, Московская область, Тула и Рязань лишились электричества, ущерб от этой катастрофы составил многие миллиарды рублей. Выяснилось, что лихие «элитарии» Чубайса не позаботились о ремонте каких-то четырех трансформаторов по 180 тыс. рублей. Но зато позаботились о распределении между акционерами около миллиарда рублей в виде дивидендов. Дивиденды эти выдирают с должников с кровью, как Шейлок. В одном из своих «Моментов истины» Караулов рассказал, что отключение за неуплату электричества на базе списанных атомных подводных лодок под Мурманском, едва не привело к взрыву ядерного реактора. Если бы это случилось, накрыло бы не только нашу Карелию и Кольский полуостров, но и всю Скандинавию. Быстро забываются уроки Чернобыля. Страшно подумать, сколько людей могло бы погибнуть за презренный металл.

Бог, как говорится, шельму метит. Руководителем «Мосэнерго» в момент московского «большого затемнения» оказался Аркадий Евстафьев, ближайший сотрудник Анатолия Чубайса. Это именно он, тогдашний активист предвыборного штаба Бориса Ельцина, попытался 19 июня 1996 г. вынести из Белого дома знаменитую «коробку из-под ксерокса» с 538 000 долларов США, с чем и был задержан. Только вмешательство Чубайса помогло ему не попасть в тюрьму. В 1997 г. Евстафьев вместе с А.Чубайсом проходил по «делу писателей» о незаконном по-

лучении гонораров за книгу о приватизации. Густой пушок на евстафьевском рыльце. Густой! Увы, его криминальные истории в деловом мире России не уникальны. Не погрешу против истины, если скажу, что у каждого из нынешних российских олигархов и крупных предпринимателей есть, как говорят англичане, «свой скелет в шкафу», а то и целая дюжина. В том узком кругу сверхбогатых, лишь приблизительно обозначенном журналом «Форбс» как клуб 100 российских миллиардеров и миллионеров, они все между собой повязаны. Для того чтобы войти в этот круг, нужно было так или иначе преступить закон, так же как надо иметь не одну судимость, чтобы стать признанным «вором в законе». Уже поэтому они все в той или иной мере нечисты на руку. Все это прекрасно в России понимают и знают. Конечно, не будь дьявольского искусства приватизации, нынешние российские миллиардеры вполне возможно так и остались бы выдающимися завлабами и незаурядными завскладами. В том положении, в котором они оказались со своими миллиардами, они одновременно и преступники, и жертвы. Высшая российская бюрократия, нажившаяся и наживающаяся с их помощью, сама толкнула их на нарушение закона, а затем стала держать их в заложниках — в любой момент имеющийся на них «компромат» появится не только на одноименном информационном портале, но и в прокуратуре. Эта схема была отработана еще на областном и республиканском уровне партократами в советские времена. Она же действует и теперь. Самое страшное, пожалуй, заключается в том, что при Ельцине российская высшая бюрократия, вышедшая из «внутренней КПСС», породила не просто сотню богачей, а сотню мощных Франкенштейнов, которые принадлежат уже не столько к России, сколько к международной финансово-промышленной олигархии. Многие из них уже обосновались за рубежом, имеют по два, по три гражданства и в любой момент могут покинуть «эту страну» на собственном самолете, яхте и даже атомной подводной лодке. При определенных обстоятельствах, почувствовав угрозу своему благополучию, они могут объединиться и разнести все в России, включая само российское государство. Для этого у них есть и переведенные за рубеж миллиарды, и поддержка сильных мира того, не говоря уже о заранее купленных протестах «мировой общественности», и собственные боевые подразделения военизированной охраны, которые насчитывают по России в целом около одного миллиона человек. Туда перешли лучшие специалисты из КГБ, МВД, ГРУ, самые искусные

разведчики, десантники и спецназовцы. В Кремле при Путине, профессиональном разведчике, эту опасность перестали игнорировать. Видимо, поэтому стали возможны «Дело ЮКОСа» и приговор (9 лет тюремного заключения) для Ходорковского и Лебедева. Убедившись, что в народе этот приговор восприняли одобрительно, Генеральная прокуратура объявила, что на этом ее разборки с олигархами не закончатся. Но, как говорят, Улита едет...

НАШ РУССКИЙ «МИДЛ»

Русский народ, если судить по опросам общественного мнения, олигархов воспринимает крайне отрицательно, но к тем, кто занимается не крупным бизнесом, а мелким и средним, относится куда терпимее. Настоящие герои каптруда в России, — это тот самый «мидл» (от английского «middle», т.е. «средний»), средний класс, о котором так много говорят и пишут. Он был относительно многочисленным до дефолта 1998 г., но в результате того разорения его фактически уничтожили, как мы об этом уже говорили, вспоминая реформы Столыпина. Многие не поднялись. Но все же «мидл» довольно быстро возродился. По данным академика Львова (III и IV группа в его исследовании) на долю этого «класса» уже в 2000 году приходилось 40% денежных доходов россиян. Класс этот неоднороден. Это — высокооплачиваемые чиновники, высшая прослойка людей свободных профессий, наши «белые воротнички», мелкие и средние предприниматели, включая частных фермеров. Если говорить именно о категории предпринимателей и фермеров, то, как правило, именно в ней рабочий день не нормирован, достигает 12—15 часов в сутки, выходных практически не бывает, гарантированной заработной платы не существует. Люди этой категории — я знаю многих из них — трудятся, не щадя себя и своих близких, с единственной целью достичь благосостояния среднего уровня и поддерживать его хотя бы на этом уровне. Под этим понимается нечто очень близкое к тому, что в США именуется «American dream» («Американская мечта»). Это — комфортабельная квартира в городе и «домик в деревне» (в русском варианте — двух-трехэтажный каменный коттедж со всеми удобствами не далее 30—40 км от центра большого города), две-три «иномарки» и стабильный доход (в нашем варианте от 5 до 45 тысяч долларов в месяц, выше — это уже высший средний класс).

Именно «миддл» — самая большая надежда России на благополучное и обеспеченное будущее. Если дефолт образца 1998 года не повторится, если Бог не выдаст и свинья не съест, то «середняк» как мощный класс мелких и средних собственников сможет встать на ноги. А вместе с ним поднимется и Россия. По расчетам некоторых российских политиков и экономистов наш «миддл», который и оказался «классом потребителей», должен вытянуть нашу экономику из ее сырьевого болота, так же как американский вытянул экономику США из депрессии при президенте Рейгане. И он, как полагают, это сделает, если его поддержат в Кремле и правительстве не только декларациями о благих намерениях, а делом. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дефолт показал, что наш середняк, как мелкая буржуазия во всем мире, быстро разоряется и пролетаризуется, потому что бизнес его построен нередко не на солидном финансовом фундаменте, а на песке. К тому же российский «миддл» с момента своего появления на свет подвергается самым жестоким поборам со стороны правоохранительных органов, бюрократов и бандитов всех мастей. Его «доют» все, кто может, в первую очередь, по парадоксу вещей, его «братья по классу» из числа чиновников и «стражей порядка». Наш «миддл» чрезвычайно уязвим, потому что он действует в тех же специфических условиях России, где приходится идти на всякого рода ухищрения и нарушения закона (самое типичное — это несоответствие реальной «черной» зарплаты, которую «миддл» платит своим сотрудникам, и «белой», которую он декларирует налоговым органам). Но, если «олигарх» всегда (Ходорковский — это в общем-то исключение) от любых судебных преследований, как у нас теперь говорят, «отмажется», дав крупную взятку, то для «миддла» даже дача взятки нередко граничит с разорением. Он крутится, как может, чтобы удержаться на поверхности. Перейти в более состоятельную категорию российских буржуа из этого сословия удастся немногим. Куда больше «середняков» разоряется, даже не успев по-настоящему встать на ноги. «Миддл» поэтому стоит за приведение российских законов в соответствие с нашей реальностью и за максимальную прозрачность бизнеса, за борьбу с коррупцией, прежде всего в судах, в милиции, на таможне и у налоговиков, за искоренение преступности, прежде всего организованной.

Для российского политического класса миддл весьма привлекателен как электорат. О нем говорят как о надежде государства Российского, гаранте его величия, стабильности

и процветания, о чем и мечтал Столыпин. При Путине были сделаны первые практические шаги для того, чтобы защитить этот бурно формирующийся класс от произвола чиновников. Расчет правильный. «Миддл» из страны не потащит, будет вкладывать здесь то, что заработал, потому что он — человек от земли, а значит, по своей сути — патриот, который будет болеть за «Спартак» и «Динамо», а не за «Челси». И надо быть совсем уже слепым, чтобы не видеть, как наш «миддл» потихонечку поднимает из разрухи наши деревни, разоренные и разворованные совхозы и колхозы, заброшенные поселки, возрождает забытые народные ремесла, а вместе с этим со всем — и народные обычаи, обряды, традиции. Наш справный хозяин, которого так усердно «рушили» большевики, поднимается. Главное ему сейчас — помочь, не дать бюрократической «надменной касте» душить его на этом подъеме. А именно на это и направлены усилия этой касты. Один из руководителей общественного объединения малого бизнеса РФ «ОПОРА» Илья Хандриков говорит об этом без обиняков: «В мире малый и средний бизнес — основа формирования среднего класса. Но не в России. Ведь малый бизнес и средний класс — это угроза нашей нынешней бюрократии». Как и в царской России, как и в советские времена, бюрократия и в этом случае доказывает, что подлинно государственными интересами для нее остаются ее личные интересы и, наоборот, государственные интересы она рассматривает, как антигосударственные.

От того, будет ли создан в России жизнеспособный средний класс, напрямую зависит благополучие всей России, а не только самого «миддла». Современная статистика это подтверждает на 100%. В начале XXI века в Великобритании доля малых и средних предприятий (МСП) в ВВП страны составила до 53%, в Италии и Франции — до 60%, в США — более половины. А в России, которая от этих стран отстает по всем параметрам, всего — 10—12%. В тех же США в МСП, которых там насчитывается около 20 миллионов, занято 70,2 млн. человек, а в России — всего 6,3 млн. И МСП у нас всего пока около 850 тысяч. При этом характер российских МСП чисто компрадорский — 50% малых предприятий и 80% индивидуальных предпринимателей работают в сфере торговли и услуг. Причем продают и подают в основном не свое, а импортное! То, что везут «челноки» со всех концов света.

«Миддл» во времена процветания обычно тяготеет к правым, во времена кризисов — к левым. Но это при классическом капитализме. В российских условиях капитализма оли-

гархического, криминального «миддл» остается посередине и в политике, занимая политический центр, равноудаленный от коммунистов и от СПС. В этом — также показатель его тяги к стабильности; потерять которую он страшно боится, страх перед переменами и реформами ради реформ. Величайшая ценность «миддла» для государства — это его цементирующая роль в обществе. Чем сильнее будет средний класс в России, тем крепче и стабильнее будет государство. «Миддл» по-хорошему консервативен, сориентирован на семейные ценности, русские национальные традиции и, в массе своей на православие. К российской новой денежной знати он относится в высшей степени негативно. Представителей этого сословия, которые только изредка могут позволить себе какой-нибудь скромный семейный тур по горячей путевке на Канары или в Гоа, просто трясет, когда они узнают об очередном загуле российских олигархов в Куршевеле или на Лазурном берегу, где на ветер швыряют по миллиону долларов за ночь.

По российскому телевидению не раз показывали новые имена и замки господ Абрамовича, Березовского, Гусинского, Дерипаски, Татьяны Ельциной, Фридмана в Англии, Франции, Италии, Швейцарии, сюжеты о бесконечных пьяных загулах дочерей Собчака, Березовского и прочих звезд нового российского бомонда. Эти сюжеты преподносятся зрителю в порядке информации, без всяких комментариев. Вот есть, мол, в России и такие граждане, у которых есть средства на то, чтобы снять на Лазурном берегу Франции виллу стоимостью 100 тысяч евро в месяц и заехать туда на недельку со своими друзьями. А все остальное время вилла пустует. Путем такого массированного информирования о вещах возмутительных для страны, где 80% населения бедствует, сам факт безумных затрат олигархов на свои прихоти банализируется. А олигархи из объекта классовой ненависти в подаче левой прессы превращаются в некоммунистических российских СМИ в утонченных персонажей некоего «reality show», где деньги всего лишь декорация, а постановка — это просто хэппенинг, сработанный по сценарию самого продвинутого режиссера. Как действительность это не воспринимается. Но это, увы, действительность.

«Миддл», наблюдая такие риэлити-шоу, особенно остро чувствует свою незащищенность и свое неравенство в сравнении со сверхбогатыми, потому что в отличие от бедных слоев российского населения знает силу денег, знает им цену.

Мы были бедными, по западным стандартам, но гордыми. И бедность было нам куда легче переносить, потому что не было вокруг той кричащей роскоши олигархов, на фоне которой даже человек со средним достатком смотрится нищим. Ничего подобного не увидишь на Западе. Как-то мне довелось проинтервьюировать для журнала «Контроль стиля» голландского миллиардера Розла Пипера, одного из тех, с чьим именем связано создание программного обеспечения Интернета. Я спросил его, как должен вести себя богатый человек в обществе. Он тут же уточнил: «Я предпочитаю термин «успешный человек». И продолжил: «В том, что касается его поведения, то он ни в коем случае не должен выставлять свое богатство напоказ. В обществе его функция — быть поведенческой моделью, показывать молодежи, как достичь успеха в жизни и как использовать этот успех на пользу себе и обществу». Для того чтобы быть такой моделью, подачек и благотворительных жестов мало. Тут необходимы большая культура достатка и умение ставить свой капитал на службу обществу, понимание, что это и есть наилучшая гарантия того, что общество такой капитал не отберет, как это произошло в 1917 году. У нас, увы, в среде новых русских капиталистов это понимают единицы. Что же тут сетовать, как мой «любитель пираний», а вместе с ним «демократическая» пресса РФ по поводу того, что русские не умеют быть благодарными, что «русский — плохой работник» и «по-западному» работать не может?

КАК ЗАСТАВИТЬ ИВАНА РАБОТАТЬ?

Известная фраза, приписываемая Ленину: («Русские — плохие работники»), принадлежит вовсе не основателю большевистской партии, а хану Батыю. Именно он, внук Чингисхана, установивший на Руси печально знаменитое татаро-монгольское иго, впервые произнес эту фразу, возмущившись, что русские не хотели работать на его нойонов (феодалов).

Фраза прижилась, стала стереотипом. А в силу того, что русских всегда заставляли на кого-то работать против их собственной воли, то и сами они в конце концов стали с таким пролетарским кокетством «отмазываться» от тех, кто их упрекал в лени и нерадивости, ссылками на классиков: «Да вы же знаете, плохие мы работники. Вот и Ленин говорил...»

На деле же всероссийская обломовщина была всегда лишь общенародной формой сопротивления тем, кто застав-

лял русских работать из-под палки, и разнообразностью эскапизма от идеологизированной реальности, где труд был возведен в повинность. Русская душа не могла не восставать против тудармий, продразверсток, законов о тунейдстве и бродяжничестве. Ибо в труде русские также всегда искали смысл жизни, как и в бесконечных своих дебатах об этом смысле.

В истории России, однако, были те небольшие промежутки, когда русский народ работал так, как это могут делать только подлинно свободные люди: не за страх, а за совесть. И именно эти краткие исторические периоды позволяли России быстро опережать все другие нации за счет высвобождения гигантского потенциала творческой и трудовой энергии русского человека.

Это известно по временам домонгольской Киевской Руси, по вольным городам-княжествам Пскову и Новгороду, по России времен демократических перемен Петра Первого. Резко рванула вперед Россия после отмены крепостного права в 1861 году так, что к началу XX века оказалась в числе ведущих мировых держав.

Русский народ умел всегда трудиться совершенно бескорыстно и творчески в периоды опасности для самого его существования. Так было, например, во время второй мировой войны, ставшей для нас второй после 1812 года Отечественной. Мобилизация присущей русским духовности, их мессианских качеств, неистребимого желания «доказать» себя перед другими народами помогала умным российским лидерам вытаскивать Россию из, казалось бы, безнадежных кризисов. Классический пример использования энтузиазма и мессианства масс — это сталинские пятилетки, объяснять успех которых одним только террором НКВД — КГБ по меньшей мере наивно.

В немалой степени успех социалистических идей в России объясняется извечным стремлением крестьянской общины, в недрах которой сформировалось русское национальное сознание, к тому, чтобы «все было по справедливости». Любопытно, что коммунисты только тогда и проиграли, когда попытались привить в СССР идеологию консюмеризма, и именно на базе «материальной заинтересованности» принялись «развивать социализм дальше».

В образовавшемся после краха коммунизма и СССР вакууме идеологии нынешние российские власти и обслуживающая их демпресса не нашли ничего лучшего кроме лозунга «Обогащайтесь!». Лозунг этот не только не соответствовал русскому национальному характеру, в котором куда больше

склонности к расточительству, благотворительности, наконец, к элементарному загулу, чем к накопительству, но и экономическим реалиям России. В условиях гиперинфляции этот лозунг ежедневно дискредитируется так же, как это происходило с лозунгом «КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи» на фоне тотальной коррупции партаппарата.

Отринув коммунизм, народ поверил было рынку, представляя его себе не как сложнейшую экономическую систему, а в виде все той же наивно-коммунистической колхозной утопии, воплощенной в послевоенном лубочном фильме «Кубанские казаки». Настоящий рынок эту утопию, однако, перечеркнул. Чуда, которого ждали, не произошло.

Инфляция сожрала народные сбережения в сберегательных кассах. И простой человек, если понимать под этим не вечную абстракцию в духе агитпропа, а реальную единицу — носитель общественного мнения в стране, увязывает это «ограбление века» с теми, кто обрушил на него реформы, как крышу в казальсье бы крепком доме. Рядовому человеку нет никакого дела до безжалостных экономических законов, по которым при Советской власти обществу пришлось платить за бездарные модели коммунистического государства всеобщего благоденствия, полной занятости и социальной защищенности, за бездумную гонку вооружений и поддержку «революционных партий» и «социалистических» режимов, а при демократах — за непродуманные реформы и дефолты. Быстрое образование слоя нуворишей, сколотивших бешеные капиталы на спекулятивных сделках и уходе от налогов, процветание «криминальной» необуржуазии, куда большая коррупция чиновничества, чем при коммунизме, усилили в народе ощущение несправедливости происходящего и убеждение, что во всех его нынешних бедах виноваты сторонники демократических и рыночных реформ. Результат — общенародное разочарование в рыночных иллюзиях и откат к прежним ценностям, что убедительно зафиксировал вышеприведенный доклад российских социологов. И произошло это не потому, что рынок плох, а потому что российская бюрократия создала очередную иллюзию, иллюзию рынка, в которой только и было возможно российской «золотой сотне» сколотить состояния в десятки миллиардов долларов.

Для большей части членов олигархического «Клуба 100», по «Форбсу», Россия была и остается всего лишь Клондайком, откуда они выкачивают деньги и переводят их на свои счета, скупают замки, виллы, яхты и даже футбольные команды.

В российскую экономику, в свое производство и в социальное обеспечение на градообразующих предприятиях вкладывают немногие. Например, «Лукойл». Образцово этим занимается «Газпром». Владельца «Сибнефти» и губернатора Чукотки Романа Абрамовича можно костить за что угодно, но в социальное обеспечение и преобразование Чукотки он все же вложил миллионы долларов не из госбюджета, а из средств принадлежащих ему фирм. Когда у нас говорят о социальной ответственности большого бизнеса, то как положительный пример приводят Владимира Потанина (ОНЭКСИМ банк, «Норильский никель», «Пермские моторы» и др.) и В. Богданова («Сургутнефть») и др. Остальные не сильно озабочены инвестициями у себя на Родине. Как показывают финансовые скандалы последних лет, господа олигархи стремятся либо вывести свои прибыли за рубеж, либо продать на корню «свои», а ведь по сути российские, на народные деньги созданные предприятия зарубежным владельцам. Помимо того, что эти господа беззастенчиво грабят русский народ, они еще и обращаются со своими работниками, как с быдлом.

Знаток припоминает, что перед историческим залоговым аукционом («Сургутнефтегаз» выкупил сам себя у государства в 1995 году) во время посещения московского офиса этой компании Альфредом Кохом (в ту пору — главой Госкомимущества) всем сотрудникам, кроме президента и нескольких вице-президентов, «было велено в течение всего рабочего дня не выходить из своих комнат, так что все сотрудники — от секретарш до высокопоставленных менеджеров — были вынуждены не только голодать, но и мочиться в специально принесенные из дома к визиту Коха баночки».

Но это еще цветочки. Заместитель Генерального прокурора России Колесников в прямом эфире открыто заявил после вынесения приговора Ходорковскому, что крупнейшие состояния в России были построены на крови. Я вспомнил в связи с этим статью в журнале «Русский предприниматель» (ноябрь 2004 г.) под весьма интригующим заголовком «ГУЛАГ Ходорковского». Ее автор Александр Трифонов до 1997 года был пресс-секретарем первого президента и основателя нефтяной компании ЮКОС. Вот что он писал:

«В лавине комментариев по поводу ареста и суда над главой нефтяной компании ЮКОС Михаила Ходорковского вы не обнаружите ответов на простые вопросы: как, почему и зачем этот человек и его единомышленники очень торопи-

лись сколачивать свое богатство, которое, судя по социологическим опросам, сильно раздражает беднейшую и, к сожалению, большую часть российского общества. Видимо, вспоминать подлинную историю компании невыгодно многим. Автор волею судьбы присутствовал при рождении ЮКОСа, его становлении, захвате группой Ходорковского... История компании поучительна...

... Осенний промозглый день на одном из самарских кладбищ 4 октября 1993 года. Хороним первого вице-президента компании, одного из ее создателей, Владимира Зенкина. Его убили, зверски зарезали прямо у дверей собственной квартиры. Одно из первых заказных убийств в новой России. Кладбище окружено несметным числом вооруженных людей в камуфляже — местный ОМОН. Здесь все руководство еще того, прежнего ЮКОСа. Кое-кто из траурной процессии слушает по радио прямой репортаж о расстреле танками здания Верховного Совета России в Москве. Но я не об этом... Настроение было просто жуткое, непередаваемое. Кожей ощущались перемены, которые еще не раз заставят нас содрогнуться. Предчувствие не обмануло. В тот день, как думаю, мы похоронили не только Владимира Зенкина, отдав ему последние почести на земле. Но мы, потрясенные трагическим днем, еще не знали этого. В последующие годы от рук наемных убийц погибли десятки известных нефтяников, по стране просто катилась волна убийств. Криминал рвался к большой нефти. Снаряды, как говорится, падали все ближе...

Как представляется теперь, в 1993—1995 годах шла своеобразная артподготовка перед решающим сражением за самые лакомые куски государственной собственности — нефтяные компании и нефтехимические заводы. Те из главных действующих лиц, которые на виду сегодня, еще не вышли из тени. Плацдарм для них расчищало само государство, власть. Ходорковский тоже еще занимался созданием и укреплением банка «Менатеп» и промышленной корпорации «Роспром», в которую вошли более двухсот разнопрофильных, скупленных по дешевке на ваучерных аукционах предприятий. Но нефтью, что мне известно доподлинно, интересовался с конца восьмидесятых, когда все его хозяйство размещалось в нескольких комнатках на улице Щипок, за Павелецким вокзалом. В ту пору его группа думала, копила силенки.

А тем временем государство, с 1 января 1992 года отпустившее цены на все, кроме нефти, обложив нефтяников удручающими налогами, как будто планомерно уничтожало ос-

нову экономики страны. Хотя из дня сегодняшнего эти действия не представляются столь уж бездумными. Залоговые аукционы, на которых «пошла с молотка» нефтяная промышленность, — гениальный по простоте и циничности ход тех, кто просчитывал «реформы». Компания ЮКОС была приобретена в конце 1996 года, когда усилиями олигархов был переизбран президентом страны Б. Ельцин и настал час расплаты за поддержку».

Я не случайно так подробно процитировал эту статью, ибо в ней, как в зеркале отражается история создания богатств российских олигархов. Кровавая история.

Незадолго до ареста Ходорковского по обвинению в уклонении от налогов и в мошенничестве, я с ним встречался и брал у него интервью, которое было опубликовано в сентябре 2003 г. в журнале «Финансовый контроль». Михаил Борисович произвел на меня впечатление милейшего человека. Подумать было невозможно, что это его кукольное личико — всего лишь маска, за которой скрывается, как мы раньше писали в «Правде», «хищный оскал капитализма». Ходорковский очень убедительно с цифрами и фактами в руках рассказывал мне о том, какой выгодой для России обернулись приватизация ЮКОСа и то, что именно он и его товарищи встали во главе этой нефтяной корпорации. Действительно, руководству ЮКОСа удалось добиться роста производства нефти. Но какой ценой, это мало кто знал до того, как в ходе следствия и суда вскрылась вся история беспрецедентного обогащения Ходорковского и других руководителей ЮКОСа. И уж о тех методах, которыми насаждался в ГУЛАГе ЮКОСа «современный капитализм», о заказных убийствах, в которых обвинили в ходе «дела ЮКОСа» Леонида Невзлина и начальника службы безопасности его фирмы, вообще было ничего неизвестно широкой публике, пока не появились в российской печати свидетельства таких очевидцев, как автор статьи в «Русском предпринимателе».

Сам процесс по «делу ЮКОСа», кстати, не успокоил общественное мнение, а только разворошил улей народного недовольства, что весьма активно использовали наши любители «великих потрясений». Они активно «требовали крови», хотя нередко получали деньги для своих партий именно от тех, кого призывали «судить всенародным судом». Чем пахнут такого рода судилища, мы по нашей истории, увы, хорошо знаем. И пока в России не все равны перед законом, пока есть те, кто перед ним «более равен, чем другие», гарантировать

безопасность гражданина от судебного произвола, кем бы он ни был — олигархом или безработным, никто не сможет.

...Мой знакомый олигарх, любитель пирааний, о котором я рассказывал выше, как-то мне пожаловался, что, несмотря на ту огромную заботу, которую он проявляет к своим сотрудникам, он все же не чувствует с их стороны благодарности за эту заботу. «Такое впечатление, понимаешь, — удивлялся он, — будто я им что-то обязан, будто я их чего-то лишил. Где бы они без меня были?! На Западе работник боится косо посмотреть на хозяина, знает, что может тут же вылететь. А там без работы — конец. А у нас один выгонит, другой возьмет, пожалует, привыкли, понимаешь, сюсюкать, миндальничать. Отсюда и гонор, ничем не оправданный...»

Я все-таки процитировал ему Маяковского: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». Он обиделся. Самое смешное в том и заключалось, что он себя не считал буржуем. В нем еще жил гомосос, который искренне верил в то, что все равны и все между собой если не родные, то по крайней мере двоюродные братья. А вот именно этой веры и уверенности в будущем он своих сотрудников и лишил.

МАСКА, МЫ ТЕБЯ ЗНАЕМ!

Русский человек терпелив, но он никому не прощает унижения его достоинства. Рано или поздно обидчику отольется. Ходорковский был не одинок в своем отношении к русским рабочим и служащим как к быдлу. В ходе приватизации и после нее такое обращение с ними становилось едва ли не нормой. В результате и новых капиталистов, и слова «реформы», «рынок» в народе стали воспринимать с таким же рвотным рефлексом, как термин «перестройка». Русские, позволю себе вновь опровергнуть «классиков», — прекрасные работники. Но русский не поверит, что ему стоит поработать на человека, который предлагает ему хорошие, а не «деревянные» деньги, если его наниматель не окажет ему, как у нас говорят, «уважение». А это предполагает в первую очередь разъяснение, зачем нужна предлагаемая ему работа от зари и до зари, угодна ли она Богу. Или, в случае если работник неверующий, что, кстати, нередко, каким вдохновляющим примером станет ее результат для его семьи, всего остального общества, а желательно и для всего человечества.

Для прагматика современного бизнеса, четко усвоившего жесткую формулу Маркса «товар — деньги — товар» — это, может быть, и смешно. Но любой, кто пытался заставлять русских работать на перспективу — а не на короткий, «халтурный», срок — ничего, кроме денег, им не предлагая, игнорируя полностью духовную сторону труда, неизменно терпел фиаско в России. Типично русская фраза «подавись ты своими деньгами!» всегда будет противостоять древнеримскому лозунгу западной цивилизации «деньги не пахнут».

Именно поэтому тем, кто хочет привить в России рыночные отношения, надо задуматься в первую очередь об идеологической стороне этого дела. Идеологию «рынка», увы, нельзя насадить декретом. Тут надо действовать с «уважением», на долгую перспективу и чрезвычайно терпеливо. Тут нужны не только высококлассные экономисты, но и тончайшая организация умственного труда. Идеологи не поддакивающие, а мыслящие государственно. И уж ни в коем случае не те, что разным политическим системам и силам предлагают одну и ту же тупую схему, от которой русский человек уже устал: «Перестройке — нет альтернативы», «Демократии — нет альтернативы», «Рынку — нет альтернативы» и т. д.

Дело в том, что у русского человека всегда есть альтернатива всему. Фига в кармане. Или на худой конец бутылка, в которой он при случае, тяжело вздохнув, растворит очередную навязанную ему иллюзию.

И еще о том, что русскому человеку необходимо для того, чтобы поверить в полезность и значимость своего существования и своего труда. Русским, повторю, как ни одному другому народу, присуще стремление проецировать себя на все человечество, отсюда — интернационализм русских, вызванный их историческим глобализмом. Возможно, это предопределено ощущением прародства со всеми народами индоевропейской группы. Вера и идеология поэтому у русских стоят очень близко к друг другу, что, как мы уже говорили, удачно использовали большевики в 1917 году и дальше.

Неизбежная тяга нарождающегося в России «дикого капитализма» к удельщине (как в гениальной песне Сергея Высоцкого «Лукоморье»: «Каждый взял себе надел, кур завел и в нем сидел, охраняя свой удел, не гудел»), к регионализации заставила всех бывших советских людей ощутить себя ограбленными, лишенными гигантского советского геопространства. «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до Северных морей» это не какой-нибудь эстонский «удел» и даже не

«княжество». Русские — и это подтверждают результаты опросы, приведенные в этой книге, — тоскуют сейчас даже не по державности, а именно по сверхдержавности, по ощущению себя великим народом с особой великой миссией.

На какое-то время Ельцину с его демократами удалось увлечь за собой русский народ. Борис Николаевич охотно рассуждал о «величии России», панибратски похлопывал по плечу американского президента и всех других иностранных лидеров, с которыми встречался, делая вид, что он вроде бы с ними на равных. На Западе эту иллюзию, хоть и не без брезгливости, поддерживали в целях чисто прагматических. Так «Великую Россию» грабить было легче.

Поначалу мало кто в России тосковал о советском прошлом. Ельцину поверили, что с его приходом к власти с диктатурой коммунистов покончено и в России будет процветать демократия. «Борцу с привилегиями» поначалу простили даже развал Союза. Однако в шкуре Стеньки Разина бывшему кандидату в члены Политбюро было с самого начала неуютно. Прокатившись показухи ради в общественном транспорте, он быстро пересел на бронированный «членовоз» германского производства с российскими мигалками. Вскоре всем стало ясно, что в Кремле сидит все тот же партократ, только ряженный, переодевшийся в демократа и народного радетеля. Расстрел Белого дома из танков в октябре 1993-го по его приказу окончательно развеял все иллюзии и насчет самого Ельцина, и насчет установленного им режима.

Глава 9

НАЕДИНЕ С СОВЕСТЬЮ

События октября 1993 года достаточно убедительно показали, что демократы готовы не менее решительно отстаивать свою власть, чем это делали большевики. В случае же с обстрелом Белого дома и расстрелом толпы у телецентра в Останкино они пошли на насилие даже без особой на то нужды — демонстрировали силу, чтобы «быдло знало свое место». Россия пережила очередное «Кровавое воскресенье» своей истории, а точнее, «Кровавый понедельник». В один ряд с расстрелом Николаем II мирной демонстрации рабочих в Санкт-Петербурге 9 января 1905 года, расстрелом мирной манифестации жителей Новочеркасска 2 июня 1962 года советскими властями, встали и расстрелы 3—4 октября 1993-го в Москве. «Кровавое воскресенье» — событие всегда знаковое. Монархия в России рухнула через 12 лет после 9 января 1905-го, Советская власть была ликвидирована через 29 лет после Новочеркасска. Режим «демократов» в том виде, в котором он существовал при Ельцине, после его отставки протянул недолго. Путин, хоть и был назначен Ельциным его преемником, вынужден был, пусть даже и очень осторожно, начинать избавляться от его наследия.

Пролитая властью кровь невинных людей заставляет прозреть тех, кто не верил, что власть на такое способна. Отсюда — отчуждение от власти, потеря ей народной поддержки и, как результат — ее крах. Мировоззренческая эволюция генерала Александра Лебеда по-своему символична в этой связи. 12-летним мальчишкой он увидел расстрел в Новочеркасске своими глазами, да и сам едва не погиб. То, что он сделал выбор в пользу расстрелянных, а не стрелявших, казалось бы, не подтверждают его военная карьера, его избрание в последние перестроечные годы в высшие органы ЦК КПСС и

назначения на командные посты в армии. Но вот в августе 1991-го Лебедь получил от ГКЧП приказ окружить «Белый дом», где окопался Борис Ельцин со своей командой. Он приказ выполнил, но «Белый дом» брать не стал, так как, по его словам, ему не отдавали такого приказа. Если бы генерал был чуть-чуть поактивнее, Советский Союз был бы сохранен, никто никогда бы не узнал ничего о «президенте Ельцине». Впоследствии Лебедь отказался прийти на помощь защитникам «Белого дома» и Верховному Совету России в 1993 году. Многие считают, что он тем самым дважды предотвратил в нашей стране гражданскую войну. И хотя история не знает сослагательного наклонения, очевидно, что Лебедь не раз сыграл в нашей истории роль противника Советской власти и восстановления СССР. Ельцин долго еще покровительствовал этому генералу-десантнику после событий 1991—1993 гг. и активно продвигал его на высшие государственные посты. Только случайность помешала Лебедю стать российским диктатором. Бывший член ЦК КПСС стал антикоммунистом, и после того, как Ельцин снял его со всех постов, был избран губернатором Красноярского края на деньги олигарха Бориса Березовского. Не будь Новочеркаска, неизвестно, как бы повел себя генерал Лебедь в тех критических ситуациях, в которых он оказывался...

Эволюция Лебеда типична для многих советских людей, которые, сталкиваясь с мерзостями партократии, отворачивались от Советской власти или переставали ее поддерживать. Только в отличие от диссидентов, у которых хватало мужества заявлять о своем неприятии коммунизма открыто и за это идти в тюрьму, в народе протест был, как всегда, внутренний, молчаливый. И все зависит от того, когда чаша терпения переполнится. Когда рванет...

Интеллигенция чувствует эти настроения народа, куда лучше, чем власть предрежащие. И в силу самой своей социальной природы то сдерживает этот протест, когда обслуживает власть и кормится от нее, то, наоборот, начинает подогревать народное недовольство, когда власть принимается топтать и интеллигенцию. Диссиденты в России были разные. Для одних — это была профессия. Они использовали диссидентство как способ выехать на Запад, кормились из кассы ЦРУ либо, что равнозначно, из фондов радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», Народно-трудового союза (НТС) и т. д. После развала СССР и соцсодружества они перешли на службу новым антикоммунистическим режимам. Одним из наиболее известных у нас диссидентов такого рода был писа-

тель Анатолий Гладилин, штатный сотрудник «Свободы», откуда же пришли такие «звезды» уже постсоветской поры, как Савик Шустер. В отличие от немногочисленных «нанятых» диссидентов, были и диссиденты по убеждению, их было куда больше. Среди них выделялись диссиденты как антикоммунистической ориентации (Солженицын, Максимов, Синявский, Розанова, Сахаров, Боннэр, Григоренко, Подрябинек, и др.), так и про-коммунистической (Александр Зиновьев, Рой Медведев, Абовин-Егидес, Эдуард Лимонов и др.). Были среди них патриоты, были и космополиты. При Советской власти различия между ними не делали и давили всех одинаково. Не хотели понять, что такие люди, как Зиновьев и Медведев, бунтовали из желания улучшить систему, ее реформировать, а вовсе не из побуждения ее сломать и разрушить до основания. Но если на Западе протест либеральной интеллигенции и радикального студенчества в 60—70-х годах XX века (радикальные социал-демократы и новое левое движение) восприняли мудро и сумели интегрировать этот протест, что западную систему лишь улучшило, сделало ее гибче и жизнеспособней, то в СССР и других странах социализма диссидентству объявили войну не на жизнь, а на смерть как опасной ереси. Преследования диссидентов коммунистами и защита их от этих преследований на Западе были весьма важным фронтом «холодной войны». Время от времени подопечным Западу удавалось прорвать на этом фронте коммунистическую оборону. Так было в 1956 г. в Венгрии, в 1967—1968 гг. в Польше и Чехословакии, в 1982 г. — в Польше. Ввод советских войск в Венгрию в 1956 г. и войск Варшавского Договора в ЧССР в 1968 г., многочисленные процессы над диссидентами, начиная с Синявского и Даниэля, а затем регулярные высылки инакомыслящих за границу, привели в конечном итоге не только к изоляции коммунистических режимов в странах Запада, но и развалу мирового коммунистического движения, к образованию «еврокоммунизма». А это, в свою очередь, способствовало расшатыванию их изнутри. Левая интеллигенция Запада, традиционно, даже во времена Сталина, поддерживавшая Советский Союз, после вторжения в Чехословакию и Афганистан от него отвернулась. Многие — например французский философ Раймон Арон, великая английская актриса Ванесса Редгрейв, немецкий писатель Генрих Белль и другие — перешли в лагерь откровенных антикоммунистов.

Со временем на Западе из высланных, перебежчиков, невозвращенцев, давно осевших в Европе и США выходцев из России, других эмигрантов сформировались целые колонии

бывших советских граждан. Среди них было много патриотов России, но в массе своей они были настроены антисоветски, и это активно использовали центры психологической войны против СССР, действовавшие под вполне благозвучными вывесками. Западные радиостанции, вещавшие на русском языке и языках народов СССР и социалистических стран, так или иначе использовали всех высланных в своей борьбе с коммунизмом, хотели этого те, или не хотели. В рамках различных эмигрантских объединений создавались внушительные центры обработки и западного общественного мнения в духе антикоммунизма, что так или иначе способствовало впоследствии краху СССР и социалистического содружества. Ведь на Западе никого не надо убеждать, что та система, где сажают в тюрьму автора только за то, что он написал не понравившуюся властям книгу, антидемократична и антигуманна. А значит — не заслуживает права на существование. На Западе — это аксиома.

Диссиденты в эмиграции и внутри России, все борцы за права человека, восприняли крушение советской системы как победу своего дела и новую власть как свою. К их разочарованию, Ельцин и К° готовы были их использовать как декорацию, фон, но никак не хотели «пускать во власть». Во многом это объясняется тем, что ельцинский режим был создан теми же партократами, которые давили этих диссидентов. Их демократия была, мягко говоря, «авторитарной», а по сути — хамско-криминальной. Принять этот вариант «демократии» диссиденты были еще менее готовы, чем Советскую власть в ее последней, горбачевской редакции. И так же, как партократы стали демократами, так и бывшие советские диссиденты (по убеждению, а не по профессии), стали диссидентами в России при демократах. Иного им не позволяли их порядочность, их идеалы и убеждения, за которые они шли в ГУЛАГ с высоко поднятой головой.

Они не смогли отождествить себя с новыми буржуа, которые, дорвавшись до власти и получив практически полную свободу рук, принялись грабить всю страну и всех ее граждан. Это, в общем, и было отличительным признаком режима «клептократии», как его окрестили и автор «Великой криминальной революции», и диссидент-антикоммунист Владимир Буковский, и многие другие. С этим режимом они стали бороться не менее решительно, чем с гонителями инакомыслящих советской поры.

...Горбатая улица Лористон, будто выгнутая кошачья спина, круто вверх поднимается от Триумфальной арки и идет вдоль старых, еще XVIII века домов. В одном из них здесь, в центре Парижа, после своей высылки из СССР жил русский писатель Владимир Максимов, главный редактор самого влиятельного в среде современной русской эмиграции журнала «Континент».

Случалось, я подвозил сюда тех наших литераторов, которые искали с ним встречи. После 1985 года на это наши власти уже смотрели сквозь пальцы. Думаю, что и передо мной Владимир Емельянович не захлопнул бы дверь, хотя он и был одним из лидеров «Интернационала сопротивления коммунизму», а я — корреспондентом «Правды». Но мы были не просто по разные стороны баррикады. Нас разделяла та же линия фронта, которая разрубила весь мир надвое в годы «холодной войны». Она казалась мне непреодолимой в силу того принципа, в соответствии с которым я был воспитан: «Тот, кто не с нами, тот — против нас».

Зеркально эта логика отражалась и в эмиграции. Я — был коммунистом по убеждению. Максимов — по убеждению антикоммунистом. И с обеих сторон нашей баррикады любая попытка диалога между нами воспринималась бы только как отход, если не как отказ от наших убеждений. Нет худа, говорят, без добра. Наверное, не переступил бы я никогда порога Максимова, не случись с нашей Родиной всего того, что ее постигло.

Гражданская война между россиянами, начавшись в 1917-м, так и не прекращалась. Только что принимала другие формы... Сам по себе феномен этой войны удивителен. Равного ему нет в истории. С самого начала этот конфликт был прежде всего идеологическим. Обе стороны дрались не столько за свои права и привилегии, сколько за свою идею государственного устройства России и за счастье ее народа, которое те и другие понимали по-своему, хотя и те и другие верили в «русскую идею». Только в эмиграции ее исповедывали в дореволюционном варианте, а в СССР — в советском. Это был действительно в пушкинском смысле «Спор славян между собой». Для подлинных патриотов нашей Родины Россия в этом споре была превыше всего. Вот почему Гитлер так и не смог привлечь под знамена своего антикоммунистического похода на Восток белую эмиграцию в целом. Она хотя и не пошла за большевиками, воевала в рядах армий западных союзников

СССР против гитлеровской «оси». Так поступили, например, внук Николая II князь Михаил Романов, который ушел в маки во Франции, Владимир Поляков, отец Марины Влади, знаменитая красная княгиня В. А. Оболенская («Вики»), казненная фашистами в Плензенее, и тысячи других русских дворян и разночинцев. Традиции патриотизма оставались мерилем порядочности и человеческого достоинства и в послевоенные годы в русской эмиграции, далеко не однородной, но, как правило, резко антисоветской.

...Давно ли здесь, на улице Лористон, встречались лидеры базировавшегося в Париже «Интернационала сопротивления коммунизму»? Объективно роль их в развале Советского Союза и падении Советской власти была невелика. Но все же вольно или невольно руку к этому они приложили. И вот я захожу в давно уже мне знакомый подъезд, поднимаюсь в лифте на третий этаж и сам Максимов открывает мне дверь. Мы не топтались вокруг и около, не искали подходов друг к другу и каких-либо взаимных извинений и оправданий, а начали говорить сразу, как будто были давно знакомы. На общем нашем языке, на русском. Максимов говорил о своей боли за Россию, истерзанную и унижаемую криминальным режимом того времени.

Боль эта у него глубинная, боль души. Как у Александра Башлачева, который дал очень точный образ природы этого чисто русского состояния слияния физического и духовного страдания: «я не знаю, болит, потому что люблю, или просто люблю, потому что болит». По этой-то боли русские и находят друг друга. И поэтому их никогда не понимают ни те, у кого красного словца ради «душа за Россию болит», потому что они ее не любят, ни те, кто «любит Россию» по должности либо из экзотики, потому что у них душа за нее не болит. Тут диалектика особая, присущая не только русскому национальному сознанию, но и любому настоящему патриоту России. Боль за Россию у нас с патриотической эмиграцией общая. Поэтому мне и удалось найти общий язык не только с Зиновьевым и Максимовым, но и с философом Петром Марковичем Абовиным-Егидесом, с писателем Андреем Донатовичем Синявским и его женой — главным редактором журнала «Синтаксис» Марией Васильевной Розановой и многими другими бывшими диссидентами, с которыми я встречался во Франции. Все они были в недалеком прошлом — из «союза изгнанных», одно упоминание которых требовало в СССР визы цензуры. Но в 90-е годы все они стали с моей помощью авторами «Правды»,

которая, надо признать, тогда была куда более приличной и читаемой газетой, чем она стала к началу XXI века.

Казалось бы неестественный союз. Ельцинисты, как в свое время Ленин, почувствовали опасность единения правых и левых на базе патриотической оппозиции в России сразу же, и в демпрессе травля «красно-коричневых» не прекращалась с того момента, когда четко обозначился раскол между «Белым домом» Хасбулатова — Руцкого и Кремлем Ельцина. Между тем ничего противоестественного в таком союзе не было. За него ратовали еще сменовеховцы. У Алексея Толстого и его единомышленников идеологически ничего общего с коммунизмом тоже не было. Но была общая Родина. И Толстой знал, что большевики уничтожили его поместье, но «забыл» это, потому что они не посягнули на русскую государственность.

В Париже мне не раз доводилось быть свидетелем зёркального возвращения к основам русскости. И это касалось не только визитов моих соотечественников высокого ранга и рангом пониже на Русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, но и обязательных походов в храм Александра Невского, который прежде считался «белогвардейским гнездом», в магазин русской книги Струве... В конце концов понимание того, что и белогвардейцы были не «вроде бы русскими», как в стихах Р. Рождественского о кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, а русскими на все сто процентов, пришло. Вместе с этим пришло осознание возможности союза русских по этно-историческому принципу, в интересах защиты русской государственности независимо от идеологических разногласий.

Такой поворот «перестройки» не устраивал прежде всего ее идеологов и авторов развала Советского Союза. Они принялись заново разжигать гражданскую войну, делить советских людей на «красных» («консерваторов», «противников реформ») и «белых» («демократов», «реформаторов» и т. д.). Венцом этих усилий и стал т.н. «путч» августа 1991 года и развал СССР точно по такому же сценарию, по которому была развалена Россия в ходе последовавшей за Октябрьской революцией 1917 года гражданской войны. Противостояние Ельцина и Верховного Совета России в октябре 1993 года прямо вело к гражданской войне.

Поначалу в эту новую «гражданку» втянулась и значительная часть русской эмиграции, видные лидеры диссидентов. Их охотно привечали в Москве и Санкт-Петербурге. Чаше всего — те самые люди, которые разваливали СССР и еще до августа 1991-го примеривались, как развалить таким же обра-

зом и Российскую Федерацию. До поры все эти свои планы эти оборотни прикрывали разговорами о демократии, свободе, реформах, о борьбе с наследием сталинизма и коммунистического прошлого, о демонтаже «репрессивных структур» от МВД до КГБ, о всемирном братстве и братании интеллигентных людей и т.д. и т.п. Российская интеллигенция наконец-то была официально призвана «помогать, укреплять и способствовать» и бросилась в объятия нового «демократического» режима в упоении запоздалой страсти. Достоевский в «Бесах» вволю над этой страстью поиздевался, когда писал, что российский интеллигент вечно мечется в поисках того, кому бы он мог вычистить сапоги. Или даже вылизать...

Ельцин, как до него и другие; охотно использовал сервильную интеллигенцию, готовую провозгласить его кем угодно — хоть Шекспиром, хоть Львом Толстым. (Кто в России его сравнивал с Толстым, все у нас знают. Ну, бывает.) Но когда «сапог» был основательно вычищен и вылизан, интеллигентов попросили «выйти вон». Московский автор парижской «Русской мысли» Л. Тимофеев уже в мае 1994 года сетовал в одной из своих статей: «Интеллигенция даже еще год назад, казалось, имела весьма сильное влияние на президента, а через него на весь высший аппарат политической власти. Теперь это влияние она утратила окончательно и... впала в глубокий пессимизм».

Издавека, как говорится, виднее. Живущие во Франции, Германии и США диссиденты, которые, как правило, не просто держали фигу в кармане, наподобие нововылупившихся демократов, а за демократию в России боролись, первыми увидели, куда поворачивает «демократический» режим.

Как и многие российские «пролетарии умственного труда», которые с открытой душой восприняли и поддерживали «перестройку» и даже поначалу гайдаровские «реформы», они убедились, что их просто «кинули» ельцинские наперсточники от демократии. На их глазах вместо обещанной свободы и демократии в России быстро нарождался некий политический гибрид оккупационного коллаборационистского режима типа «режима Виши» периода гитлеровской оккупации Франции и колониальной демократии времен британских доминионов. Даже западная пресса признала, что перекусившиеся в демократов партократы строят в России и других странах СНГ некую разновидность криминально-бюрократического капитализма, от которого за версту отдает прежней системой «кормушек» и «вертушек» и «теневой экономикой».

Быть может, даже такие параллели не заставили бы вчерашних диссидентов отшатнуться от ельцинского режима, не будь он еще при этом и откровенно антирусским.

...Как-то в мае 1994-го я зашел к Максимова и застал его в чрезвычайном волнении. Владимир Емельянович усадил меня перед собой и принялся зачитывать мне высказывания российских лидеров и «властителей умов». Высказывания мерзкие и русофобские. «Как это у них, мерзавцев, язык поворачивается говорить такое?!» — возмущался Максимов.

«На то они и мерзавцы, — ответил я ему. — Напишите нам о них в «Правду». Тут много не надо. Их цитата. Ваш комментарий. А читатель сам сделает все выводы».

Через день Максимов позвонил и сказал: «Приезжайте. Статья готова». Мы ее опубликовали в «Правде» без проволочек и не поправив ни слова. С тех пор он стал нашим постоянным автором.

ГРЕХОВНАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

То, что Максимов выступил автором «Правды», стало и впрямь сенсацией.. Не называя Максимова прямо по имени, сам Александр Солженицын вскоре после первых его статей потребовал, чтобы «Правда» покаялась «за то, что лгала», причем на первой полосе и аршинными буквами. Я заехал к Максимова вечером и привез ему эту статью Солженицына. Он прочел ее и сказал:

— Что ж, «Правде» есть за что покаяться. Но, замечу справедливости ради, что Солженицын не предъявляет таких требований, как к «Правде», ни к «Известиям», ни к «Литературной газете», ни к другим травившим его органам печати. И не предъявляет никаких претензий к нынешнему руководителю «Останкино» А. Н. Яковлеву, который этой травлей дирижировал из отдела пропаганды ЦК КПСС. А ведь они-то никак не покаялись.

— *Могут и покаяться, если прикажут. У наших «работников идеологического фронта» действует по-прежнему петушинный принцип — «Главное прокукарекать, а там хоть не рассветай!». Вчера они служили коммунистической Старой площади, а теперь, когда туда перебралась администрация Президента РФ, служат Старой площади антикоммунистической. Отсюда, из Парижа, не всегда увидишь, куда идет наша русская интеллигенция. Но по части сервильности она сейчас бьет даже все советские рекорды.*

В истории России даже служившие режиму писатели оставались в своем творчестве диссидентами. Классические примеры — Салтыков-Щедрин и Грибоедов. Пушкин хоть и был придворным, даже посвящал стихи царю, но придворным поэтом не стал, остался бунтарем. А у нас все наши власти-тели умов, о которых мы иначе как с почтением никогда не говорили, вдруг все бросились прислуживать режиму. Позвольте-с поцеловать ручку. Нет, уж позвольте-с...

— Мне рассказывали, — засмеялся Максимов, — как господин Ельцин обращается с господами интеллектуалами, которые идут к нему в услужение. Один горе-прозаик работал у него пресс-секретарем, так он его выбросил, как Стенька Разин персиянку в «набежавшую волну», с борта своей президентской яхты на Волге. А тот ничего, выплыл, утерся, умильно хихикнул: «Шутник-с, мол, его высокопревосходительство!» и по-прежнему служит. Куда уж дальше? О таких «властителях дум» Щедрин говорил так: «Твердой души прохвосты!». Но вы только не подумайте, что они все такие. Приведу Довлатова в пересказе. К Бродскому в больницу, где он лежал после тяжелой операции на сердце, пришел его друг и сказал: «Иосиф, ты слышал, Евтушенко сказал, что колхозы надо распустить». Бродский ответил: «Евтушенко? Я против». Вот Бродского не купишь...

— А что все же движет «твердой души прохвостами»? Желание вновь обрести утраченную кормушку в виде подачек, которые они получали от Советской власти, если вели себя послушно, либо страх перед властью?

— Скорее, и то и другое, — ответил Владимир Емельянович. — Кстати, страх этот сохранился до сих пор. Теперь — по отношению к нынешнему режиму. Вы заметили, как после первого силового давления в октябре 1993-го сразу снизилась политическая активность? Во многих до сих пор живет этот почти генетический испуг. И это самое большое преступление КПСС...

Я заметил в ответ, что КПСС не была политической партией в классическом понимании этого термина. Это была, скорее, административно-организационная структура, созданная большевиками для управления страной. И как в каждой тоталитарной системе управления, в ней существовал свой блок подавления инакомыслия. После XX съезда репрессивные органы были отделены от партии. Но только формально. Вплоть до развала Союза КГБ оставался «карающим мечом партии». И, по сути, составлял с партией одно целое...

— Я и акцентирую поэтому внимание не на слове «партия», а на слове «страх», — сказал Максимов. — Самое любопытное в постсоветской политической реальности — это попытка вос-

создать КПСС именно в той функции, которую она выполняла в СССР, но только без коммунистов. Создание так называемых «демократических» партий ведется под президента, что, по сути, обесмысливает само понятие политической партии. Взять попытку создания «Демократического выбора России». Это же всего лишь отдел президентской администрации. Понятно, что ни одна действительно политическая партия не сможет состязаться с таким ельцинским «паровым катком», созданным на фундаменте ЦК КПСС. Очевидно, что мы имеем дело с той же самой системой, только в другом обличье. Что такое Совет Безопасности как не Политбюро? — продолжал Максимов. — А партии России нужны. Только настоящие, а не искусственные. Без них невозможны настоящие выборы. Выборы — это гигиена демократии. Пусть раз, два, четыре будет неудачен выбор. В пятый какой-то оптимальный вариант будет найден. Но если только однажды, пусть даже во имя благих намерений, отказаться от этого принципа, демократии как нет, так и не будет.

— Тут снова приходится вспомнить Александра Исаевича, — попытался я вернуть его к нашему классику. — Он писал в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах — и добра), само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство». Так что, выходит, прав Солженицын и в этом?

— И да и нет, Володя, — ответил Максимов. — Все радикалы и все реформаторы мира на всем протяжении истории человечества ставили перед собой благие цели, но ими, благими намерениями, вымощен путь в ад. Ибо, как только эти реформаторы приходили к власти в них проявлялись люди. Один труслив. Другой равнодушен. Третий алчен. Четвертый властолюбив.

А затем Максимов сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь:

— **Дело не в идеологии. Дело — в греховной природе человеческой. Вот поэтому все эти химеры, все модели на практике никогда не срабатывали. Именно потому, что натыкались на испорченность самой человеческой природы, которая преодолевается либо религией, либо культурой. А демократия сама по себе ни от чего не спасает. Разве что облегчает выбор.**

— *А есть ли этот выбор у нас в России, Владимир Емельянович? Как до выбора дело доходит, так вся наша сервильная печать твердит, что выбор у нас только один — переизбрать того, кто уже страной правит. Все те же стерео-*

типы — «Наш народ уже сделал свой выбор! Выбору этому нет альтернативы!» С 20-х годов XX века у нас ничего не меняется...

— У меня, кстати, есть выписка из «Нью-Йорк Таймс» той поры, — хитро улыбнулся Максимов. — В этой газете была опубликована заметочка, где говорилось, что Сталин ведет борьбу «с ястребами» в Политбюро. А его вроде бы чуть не заклевали. При Горбачеве тоже твердили, что ему нет альтернативы, и пугали народ Ельциным. Я в свое время не очень жаловал Михаила Сергеевича и в разговоре с академиком Сахаровым и Еленой Боннэр спрашивал: «Почему вы поддерживаете Горбачева?». А они — теперь, правда, Боннэр от этого отказывается, хотя у меня есть весьма надежный свидетель того разговора, — всячески убеждали меня, что «Горбачеву нет альтернативы». Правда, добавляя при этом «к сожалению». Так сами себя загнали в ловушку. И это очень выгодно для режима. Какая ж мы в таком случае несчастная страна, если при 150-миллионном населении и более чем 100 национальностях не можем найти альтернативы весьма заурядному в недавнем прошлом секретарю обкома. Поставьте с ним рядом, например, Святослава Федорова. Он на много голов выше Ельцина. И человек к тому же безупречный, незапятнанный. Ему извиняться не за что. Конечно, грязи и для него не пожалеют, если он вдруг выдвинет свою кандидатуру в президенты. (С. Федоров, видный российский офтальмолог и политический деятель трагически погиб в авиакатастрофе 3 июня 2000 года. — *Авт.*) У нас в России, — продолжил Максимов, — все упирается в проблему власти. Если власть будет того же качества и если режимы, которые сменят нынешний, поведут страну по тому же пути, России не будет. Я не хочу сказать, что все, кто служит нынешнему режиму, сознательно ведут Россию к гибели. Хотя такие люди, как Бурбулис и Гайдар, делают это сознательно. Нынешний режим в целом губелен для России. Но если мы сумеем повернуть события, то у России еще есть шанс.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Это было сказано в 1994 году. Но вот зимой 1995-го Максимов тяжело заболел. Вместе с его женой Таней я отвез его в больницу на нашей корпунктовской машине, и там после сканирования нам по секрету сообщили: у Максимова — рак. Уже

после его смерти я разобрал старые пленки и восстановил то интервью с ним, которое давно готовил. Приведу его здесь в кратком варианте. Своей актуальности оно не теряет, т. к. объясняет, что привело СССР к развалу, и почему режим «демократии» обернулся катастрофой для России.

— *Владимир Емельянович, мало кто в России знает теперь, почему так получилось, что вы, такой русский писатель, вынуждены были покинуть Родину?*

— Вы знаете, обо всем этом я написал во второй книге автобиографического романа «Чаша ярости». Написал роман вполне легальный, по договору с «Советским писателем». По заявке. Старый коммунист переосмысливает свою жизнь. Но он так ее переосмыслил, что это издательству не понравилось. Оно повело себя весьма порядочно, никакого шума не поднимало. Но как и многие рукописи того времени — непринятые, отвергнутые, — она попала в «Самиздат». Мне нечего кокетничать. Теперь, после того как это произошло, стало делами давно минувших дней, я могу сказать, что палец о палец не ударил для того, чтобы рукопись попала на Запад. Не знаю, кто точно, но кто-то из правозащитных кругов ее передал. Здесь на Западе роман получил широкий резонанс и был издан в издательстве «Посев», переведен практически на все западные и даже многие не западные языки.

— *Речь идет, как я понимаю, о «Семи днях творчества»?*

— Да, конечно.

— *И какую реакцию эти публикации вызвали тогда в Союзе писателей?*

— Мне предложили покаяться. А я отказался каяться. И был исключен из Союза писателей. Дело даже не в том, что это была такая уж большая честь состоять в нем. Но я сразу, как вы понимаете, был переведен в другую социальную категорию — в тунеядцы. А это означало, что я становился игрушкой в руках нашего участкового. Он мог упечь меня куда угодно. Это было очень просто. Отказавшись покаяться, я оказался в существенной изоляции, был выбор: или уезжать, или оставаться с риском быть отправленным в места не столь отдаленные.

Я подал бумаги. Разрешение на выезд я получил 12 февраля 1974 года, то есть в день высылки из России А. И. Солженицына. В тот же день я получил разрешение выехать на год во Францию с советским паспортом. На сборы ушло две-три недели, и 1 марта 1974 года мы с женой приземлились на самолете в Орли — аэропорту под Парижем. Так я оказался на Западе.

— Вы не считали себя диссидентом, человеком, который никак не вписывался в советскую систему, до того как вы уехали?

— Вы знаете, считал. Потому что я не вписывался. Ну, никак. Кстати сказать, все мои друзья, даже те, которые сейчас стали моими врагами, могут подтвердить, что на протяжении тех лет, в течение которых они меня знали, я всегда высказывался в резко антикоммунистическом духе, не понимал той системы, не принимал ее и принять не могу. К этому, возможно, располагала меня моя тяжкая судьба, нелегкая судьба моих родителей. Мой дед принял активное участие в революции. Отец — скорее, пассивное, потому что он 1901 года рождения. Но в годы Гражданской войны он был в Красной Армии. Он сам из деревни, но, вернувшись из армии, он остался в городе. Был членом партии и действительно принадлежал к троцкистским организациям. Я был назван в честь кумира Левой, Львом. Теперь я об этом знаю, потому что получил все документы в детдоме, в колонии. Звали меня: Лев Алексеевич Самсонов.

Отца, как я узнал, впервые арестовали не в 1937 году, а в 1927-м. Затем его брали превентивно на большие праздники. Так до 1938 года. И дали ему по тем временам немного — три года. Но ему добавляли, и он просидел до 1940-го. Затем он попал в поток, который вышел на волю после смены в НКВД Ежова на Берия. Тогда восемь тысяч было отпущено. В их числе были известные люди, в том числе Рокоссовский. И мой отец, хотя был он человеком маленьким, простым рабочим.

22 июня 1941 года он ушел добровольцем на фронт. Но повоевать ему не пришлось. Рассказывают, есть даже свидетели, что их грузовик разбомбили немцы. И он был убит. Дед мой тоже прошел ГУЛАГ. Хотя и был участником революции, а затем — комиссаром железной дороги. После выхода на свободу он влачил жалкое существование.

Я убежал из дома в 13 лет. Мотался по приемникам и колониям. Это горький опыт. Я работал в колхозах, на стройке, завербовался на Таймыр, объездил практически всю страну. Чем я только не занимался. Так было до 22 лет. Тогда я связался с газетой. Сначала — с районной, на Кубани. Это было «Сталинское знамя». С тех пор я и пошел по этой стезе. Работал корреспондентом радио в Черкесии, в газете «Советская Черкесия». Там, на Ставрополье, у меня вышел первый сборник стихов, там я поставил первые свои пьесы в местном театре. Затем уехал в Москву. Сначала был свободным художни-

ком в «Литературной газете». Сошелся с той группой людей, которые заняли сейчас довольно-таки прочное положение в литературе. К сожалению, мы с ними в последние годы резко и полностью разошлись. Это Станислав Рассадин, Булат Окуджава, Бенедикт Сарнов, Лазарь Шиндель и целый ряд других. Но, во всяком случае, эта школа дала мне очень многое. Люди они были образованные, знающие, я многое от них получил.

В 31 год я напечатал первую прозу. Опубликована она была в известном тогда сборнике «Тарусские страницы». Этому способствовали именно те люди, о которых я говорил выше. Они были связаны с Константином Паустовским, и он тоже решил меня напечатать. Так началась моя судьба в прозе. Затем появились первые вещи в «Октябре». Остальные журналы меня отказывались печатать. Я даже входил в редколлегия «Октября». Но не долго, всего восемь месяцев. Вышел я оттуда после чехословацких событий 1968 года.

— *Вы в партии никогда не состояли?*

— Никогда. Я человек верующий.

— *А как вы стали верующим?*

— Через литературу. В конце 50-х годов. Через Достоевского, через философа Бердяева. Как раз в то время к нам стали проникать его книги, книги Флоренского и Сергея Булгакова. Это, впрочем, достаточно типично для интеллигенции моего поколения. Все к вере шли через литературу.

— *Как складывалась здесь в эмиграции ваша судьба — и литературная, и политическая?*

— Социально мне ничего не грозило. У меня были стартовые возможности. Были довольно приличные деньги за издание «Семи дней творения» и авансов под следующий роман. Так что это по тем временам была достаточно солидная сумма. И я на нее мог несколько лет, хотя и не более того, прожить. Но после моих выступлений и пресс-конференций мне позвонил довольно известный тогда журналист Карл Густав Штрём, представитель газеты «Ди вельт». Известен он был тем, что брал интервью у Александра Солженицына для «Немецкой волны». Тогда каждое такое интервью было событием. Это сейчас, давай, не давай, никто не слышит.

Штрём — прекрасный журналист, отлично говорит по-русски. Он встретил меня в Мюнхене, и мы с ним подробно поговорили. А затем он мне позвонил в Париж и сказал: «С вами хотел бы встретиться Аксель Шпрингер. Он готов вам дать свой самолет». Аксель пригласил меня к себе в поместье под Гамбургом. Я очень резко тогда выступал против «Остполитик»

и против Брандта, который был политическим врагом Акселя. И у Шпрингера это, видимо, вызвало ко мне первоначальные симпатии. Как-то чисто по-человечески мы сошлись. Он мне сразу же при первой встрече предложил издавать «Континент». И я тут же начал работать. Наша встреча состоялась в мае 1974 года, а уже в сентябре к книжной ярмарке во Франкфурте вышел первый номер «Континента». И я продержал этот журнал 18 лет.

Во Франции многие двери для меня закрылись после того, как узнали, что «Континент» финансирует Шпрингер. И, конечно, не без помощи соответствующих наших организаций, которые были здесь очень влиятельными и могли повлиять через своих подставных лиц на многое. «Как это, — говорили про меня, — он смог выступить против самого Белья, против Грасса, против французских левых?»

Легко не было. В литературном смысле проиграл я много. То меня печатали самые престижные издательства в Европе, такие, как «Грассе», «Риссони» или «Шерц», а то начали меня отодвигать на издательскую периферию, в издательства с антикоммунистической репутацией. Это закрывало мне выход на рынок, ибо книгопродажа здесь в руках у «левых».

И тем не менее много я приобрел. Я встретился со многими из тех, с кем я мог только мечтать встретиться. Я близко познакомился и подружился с любимой дочерью Льва Толстого Александрой Толстой, с Набоковым, с целым рядом крупнейших политических деятелей — с Гельмутом Колем, с Менахемом Бегинном, с Андреотти. Это дало мне выходы в большую политику. Я понял, как все это работает, и получал информацию из первых рук. И получал политическую поддержку. «Континент» так или иначе, по крайней мере в первые три года, вышел на одиннадцати языках. А затем — на немецком и русском выходил почти до конца.

«Континент» объединял вокруг себя людей выдающихся. Посмотрите списки членов редколлегии — от Ионеско до Джиласа. Журнал давал мне возможность ездить. Меня приглашали в разные страны. Очень много я увидел, узнал, пощупал своими руками. Это принесло многое.

— Мне приходилось еще до августа 1991 года привозить к вам сюда, на улицу Лористон, некоторых своих приятелей, в том числе известных поэтов и прозаиков. Неужели кто-то рисковал (по тем временам) писать специально для «Континента»? Или это были визиты вежливости?

— Нет, не писали. Не хватало мужества. Когда они приезжали сюда, то я чувствовал по их поведению, что это для них подвиг. Будто они на Голгофу взошли. Дело в том, что у многих писателей психология артиста. Хочется нравиться всем. Я это без осуждения говорю. У меня позиция, у меня журнал. Я могу слово там сказать, слово тут сказать. Поэтому отношения в основном поддерживались для того, чтобы и здесь, с моей стороны, не было никаких неприятных неожиданностей. В основном для этого. Печатались в «Континенте» люди, которых не выпускали. А те, кого выпускали... Да что вы! Напечататься — значит закрыть себе поездки. Однажды, правда, напечатался у меня Фазиль Искандер — один из наиболее порядочных людей, которых я знал. Печатался еще Владимир Корнилов. Ну еще два-три, быть может. Ну, и потом с теми, кто бывал у меня, я по России был близко знаком, а с такими, как Окуджава, просто дружил. И он сам признает это в своих воспоминаниях.

— *Разрыв между вами произошел после расстрела «Белого дама» в октябре 93-го?*

— Да, к сожалению, теперь между мной и большинством из этих людей пролегла кровь. Русская кровь, российская кровь. Им на нее наплевать, а мне — нет. Вот и все. Если ты, как Окуджава, «наслаждаешься» (я точно называю слово) тем, как избивают и убивают людей (русские они или не русские — не важно), тогда о чем нам говорить? Можешь сколько угодно говорить: «Это во имя, ради...» Это мы все слышали. Это мы все проходили. И в 1917 году, и в 1937-м. Меня на эту демагогию не купишь. Потому и разговаривать мне с этими людьми не о чем. Ничего, кроме презрения, они у меня не вызывают. И никакого отношения к интеллигенции они не имеют, хотя и называют себя интеллигентами. Никакого. Это обычные карьеристы, выбравшиеся в литературу и в другие области культуры и искусства.

У нас в те времена применить свои способности позволяла только одна область — культура. Она была более или менее свободной. Люди писали довольно сносные стихи, делали приличные фильмы, ставили довольно-таки приличные спектакли. Но когда оказалось, что можно делать и другое...

— *Точнее, на чем зарабатывать...*

— Ну да. Смотрю, один — коммерсант, другой какую-то фирму имеет. Оказывается, все это творчество для них было вовсе не обязательным. Получается обратный процесс. Станиславский вышел из очень богатой и интеллигентной купеческой семьи. Его дядя был городским головой в Москве. И он

рвался из этой среды в искусство. И другой профессии, другого поля деятельности он для себя не мыслил. А сейчас наоборот. Они из искусства — все в купечество подались и считают это для себя еще большой честью. Мог ли Станиславский подумать об этом?!

— *Как вы считаете сами, «Континент» был больше политическим журналом либо литературным?*

— Поровну. Но даже та литература, которую мы печатали, была пронизана политикой. Вспомните, «Колокол» вообще не печатал никаких художественных произведений.

— *Как относились к вам советские власти?*

— Ну это вы лучше меня знаете. Писали о нас, как всегда: «Этот пресловутый «Континент». С каким-нибудь пасквилем выступал «Крокодил». Все, в общем, на уровне такой пропаганды. Такие статьи просто присылали с нарочным. Их засылали в набор, а секретариат даже не вмешивался, потому что «прислали оттуда» готовый материал. Поставить, и все! Это делали профессионалы.

Мы жили, как я вам уже однажды говорил, в предложенных обстоятельствах. И в принципе даже хороший человек, если он хотел жить, должен был делать то, что ему говорили. А теперь они, твари, все рассказывают сказки о том, как они боролись и страдали. Даже бывшие члены Политбюро пишут воспоминания о том, как они боролись.

— *В 1979 году вы начали создавать «Интернационал сопротивления», в руководство которого вошли весьма известные и уважаемые люди во Франции и в других странах, причем далеко не все они были ультраправыми: Раймон Арон, Ив Монтан, Симона Вей, Ионеско... Чем это было вызвано? Новым возмущением западной интеллигенции поведением СССР после вторжения в Афганистан?*

— Это была моя идея. Я считал, что надо объединить все эмиграции под одну крышу и спланировать, скоординировать общую политику против коммунистического империализма. В основном речь там шла о третьих странах — об Афганистане, Анголе, о Кубе и т. п. Идея эта нашла широкую поддержку на Западе. В общем, поначалу более-менее удалось, но вы знаете, что такое политическая эмиграция. Внутри всегда идет драка между различными группировками и людьми за место под солнцем, за деньги, которые кто-то на них отпускает. Так что затея была заранее обречена. Но она угасла и сама по себе, потому что в России начались изменения. И сама цель себя изжила. Естественно, все сошло на нет.

Такие идеи время от времени возникали в эмиграции, затем угасали. Еще Керенский предлагал создать центр политической эмиграции. Я, кстати, работал в этом «Интернационале» совершенно бесплатно, не получал никаких денег — разве что мог пойти с каким-нибудь гостем в ресторан, поехать куда-то на конференцию. Так что все эти легенды о фантастических заработках — это бред.

— *Предпринял ли «Интернационал сопротивления» что-то конкретное, кроме митингов и демонстраций?*

— Мы вывели первых советских военнопленных из Афганистана, помогли афганскому сопротивлению и Савимби помогли в Анголе, собирали для них деньги. Мы устраивали встречи с политическими деятелями, ездили в Никарагуа, иногда в самое пекло. Я сам в Афганистан не ездил, но работники «Интернационала сопротивления» находились там постоянно. Мы организовывали поездки туда для некоторых западных деятелей и журналистов.

— *Вы не жалеете ни о чем, вспоминая все эти акции «Интернационала сопротивления»? Ведь так или иначе они способствовали развалу СССР.*

— Вы можете прочесть все мои труды, перелистать все изданные мной журналы и убедитесь, что я никогда не выступал против России. Я выступал против идеологии. Я считал, что это — единственный груз, который мешает России развиваться, становиться более великой, могущественной страной. Это была моя большая и трагическая ошибка. И о ней на старости лет я весьма сожалею. И все же я думаю, что, если бы нам шаг навстречу был бы сделан вовремя, обошлось бы без таких потерь.

Какой-то заколдованный круг в России. Человеческий материал все тот же. Даже лозунги те же. «Кто не с нами, тот против нас». Вот запугивают приходом фашизма. Но и Сталин также запугивал. И Ленин пугал, что вернутся старые порядки. Демократы во всем повторяют большевиков. И в частности, и в общем. Я не знаю, какой выход из положения. Я говорю прежде всего о номенклатуре. А она творит сейчас, что хочет. Посмотрите на всенародно избранного (Ельцина. — *Авт.*). Да такого — из танков по парламенту — себе ни один даже большевистский сатрап не позволял.

Дали свободу слова. Но можно в колокола бить, на это никто не обращает внимания. И этот вид «свободы» еще более ухудшает положение — я уж не говорю о методах давления на печать путем сокращения дотаций, пуска в ход других рычагов.

— *Россия после развала потеряла статус сверхдержавы, и нередко Запад с ней говорит свысока. Как вы это воспринимаете?*

— Если у вас в кармане 25 тысяч ядерных боеголовок, вы можете сказать свое слово. Почему они так хлопочут вокруг нескольких ядерных бомб у Индии или Пакистана, почему так обеспокоены ядерными исследованиями в Северной Корее? Потому что знают — появившись у тех ядерное оружие, они с Западом заговорят другим языком. Вы никогда не задумывались, почему Франция так упорно создавала, а теперь все усовершенствует свой ядерный арсенал? Да потому, что иначе с ней никто считаться не будет.

Если сказать однажды твердо и решительно «цыц», — прислушаются на Западе к голосу России. Они здесь быстро становятся очень послушными и вежливыми, начинают разговаривать по-человечески. Но если вы уступили, не ждите от этих цивилизованных людей пощады. С теми, кто им уступает, они не знают ни стыда, ни совести, ни чести, и пока вас не додавят, не успокоятся.

А у нас, увы, отучились защищать национальные интересы даже на собственной национальной территории. Вот приезжал. Ельцин в Вашингтон. И я думал в те дни: неужели ему его референты не докладывают, что пишут во время его визита американские газеты? Ведь должны были докладывать, например, о том, что открыто обсуждаются планы раздела нашей страны, в частности планы отторжения и распродажи Сибири. То есть самых наших кровеносных земель. Тут бы ему взять да и возмутиться. Да куда там!

В прежние смутные времена Россия никого и не волновала, кроме, может быть, Польши, Австрии. А теперь против нее работают все. Это лакомый кусочек для всех, для раздела. Особенно ее территории, наполненные, как кладовые, ресурсами. Европейская часть никого не интересует. В Московии своей запритесь, скажут, и передуете друг друга. Совсем не то теперь Смутное время. Огромные средства отпущены и все еще отпускаются на это разрушение. Все, начиная от сект и кончая большими концернами, все работает на разрушение России, на зависимость России от всех. Я когда что-то анализирую, всегда стараюсь довести ситуацию до простейшего. Представьте себе дом, живет в нем семья. Они живут тем, что продают, закладывают вещи, которые родители им собрали, и берут в долг. Ну, долго это может продолжаться?

— *Пока не заложат дом.*

— Верно. Семья — ячейка государства. И это верно сказано. И на этом примере ясно, что мы занимаемся самоуничтожением, самоистреблением. А обставляется все это разговорами о «возвращении» в какую-то «цивилизацию». Солженицын назвал «безумными» гайдаровские реформы. Но они не безумные. Они были очень точно рассчитаны. На разрушение нашего государства.

— *Можно ли этого не допустить?*

— Дело в том, что у нас нет, к сожалению, как говорят военные, оперативного времени на то, чтобы выстроить свои боевые порядки. Уверяю вас, что эта публика, о которой я говорил, абсолютно спокойно подпишет даже договор об оккупации нашей страны. Страна ничего не производит. Она уничтожается всячески ежедневно и ежечасно. А ее еще втягивают в долги. И у руководства уже созрел план предложить в качестве залога за долги наши земли. Это преступление, которое никому и никогда не простится. То есть нас просто отдают, уже отдают.

Вот недавно встретил нашего общего знакомого. Он мне говорит: «Старик, не волнуйся. Провинция возрождается. Церкви красят». А я подумал: пока вы красите церкви, они красят авианосцы. А на них никто вроде бы не нападает — ни на Америку, ни на Англию, ни на Францию. Против кого же они готовят авианосцы? Против самих себя, что ли? Так что мы, глядишь, прокрасимся. И не найдется никого, кто бы забил в набат. Одни тянут в одну сторону — другие в противоположную. Может быть, мы действительно несем в себе какой-то порок, в нас укорененный, если даже перед лицом смертельной опасности нация наша не может объединиться?! Отчаяние берет...

— *Если вспомнить Маяковского, то когда вы итожите то, что прожили, к каким выводам приходите?*

— Увы, к горьким. Правду говорят на Востоке, что мужчина, чтобы он мог считать, что прожил жизнь правильно, надо посадить дерево, вырастить детей, построить дом и написать книгу. Все это я сделал. Вроде бы совесть моя должна быть чиста. Тем более социально мне ничего впереди не грозит страшного. На скромную жизнь хватит. Но когда я думаю о России... Я никогда даже не думал, что я буду так это все переживать. Хотя я не так уже много хорошего видел за свою долгую жизнь на Родине. Начиная с самого детства, я жил в такой страшной нищете, невероятной просто. Я никогда не думал, что так буду от всего происходящего страдать. Правду говорил Говорухин — как будто на твоих глазах твою мать наси-

луют. Невыносимее ничего придумать нельзя. И вот это делает мой конец очень безрадостным. Мне не хочется уже ничего. Даже книги писать. На этом фоне для меня все пустое. Если не будет России, то вся моя жизнь — абсолютно бессмысленна. А ведь уже никто не скрывает, что нас не должно быть.

Даже по телевизору русским уже открыто говорят: «Вас не должно быть». Вот Новодворская говорит: «Не должно быть этой страны!» А ведь она озвучивает черные мысли всех гайдаров, вместе взятых. То, о чем они еще не осмеливаются говорить, хотя будут говорить это завтра, она уже говорит. И мне, когда я слушаю эту даму, мне действительно хочется взять в руки автомат Калашникова. И, несмотря на мой возраст, я бы его взял...

30 марта 1995 года, в парижском соборе Александра Невского состоялась прощальная панихида. Один за одним проходили люди у его гроба, кланяясь низко, по-русски. Я встал у его гроба на колени, будто по велению свыше. Я просил у него прощения за все и за всех тех, с кем волею судьбы оказался и в одной редакции «Правды», и в одной коммунистической партии. Из храма гроб с телом Владимира Максимова повезли на русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Так случилось, что гробовщиков не хватило — их было только трое, а из родственников успели к кладбищу подъехать только женщины. И я нес гроб Владимира Емельяновича к его последнему пристанищу, все еще не веря, что больше он уже никогда мне не позвонит и не спросит по своему обыкновению: «Ну, как дела? Что нового в России?»...

Глава 10

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Эволюция взглядов Владимира Максимова весьма показательна. Но он, замечу, не одинок. Не случайно, лишь единицы из тех, кто получил политическое убежище в странах Запада в советское время, вернулись после 1991 года на Родину. Они по-прежнему оставались политическими эмигрантами.

КОД ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

«Российская» демократическая революция» поразила вчерашних «диссидентов» прежде всего тем, что у власти остались те же самые бюрократы, против которых они так искренне сражались, как Дон Кихот с ветряными мельницами. Зиновьев недоумевал: «Те самые люди, которые запрещали мои книги «Коммунизм как реальность» и «Кризис коммунизма», когда еще существовал Советский Союз, как «остро враждебные коммунизму», теперь те же самые книги объявляют «прокоммунистическими», «просоветскими».

Историк Михаил Геллер писал в «Русской мысли» в июле 1994 года:

«Ве лидеры нынешнего «переворота» выпестованы старым режимом. Они «вывернули пиджаки наизнанку», как выражаются французы, и вернулись на капитанский мостик, к штурвалу.... Экс-коммунисты сегодня настаивают, что всегда все понимали, но действовали в «подполье», в полуподвалах. Недавно из интервью, которое дал сын Юрия Андропова, выяснилось, что председатель КГБ всегда был недоволен режимом. Сказать об этом мешала ему страшная мысль: «Кто придет на мое место?» Я не исключаю, что Андропов был антикоммунистом. Но не поверю, что он мог быть кем-то по убеждению

коммунистом, антикоммунистом, социал-демократом. Он был по убеждению государственным служащим, бюрократом, функционером, аппаратчиком. В этом качестве можно носить какой угодно мундир».

Да, так и поступало большинство из тех, кто входил во «внутреннюю КПСС», в высшую номенклатуру нашего Большого Брата, как до августа 1991-го, так и после. «Правда» в 1994 г. приводила одну любопытную цифру — *87 процентов бывших партийных работников работали в тот год либо в правительственных и местных администрациях, либо в коммерческих структурах*. А мы-то гадали, куда делась номенклатура КПСС?!

Почему даже на самом коммунистическом верху могли работать убежденные антикоммунисты, разъяснил еще Маркс в своем анализе феномена бюрократии. Бюрократы от коммунизма ничего и не могли построить кроме его противоположности. Многие диссиденты, как раз и не хотят признать того, к чему подвела их сама жизнь — не в коммунизме дело. В конечном итоге коммунизм столь же древен, как мечта человечества о всеобщей справедливости. Уберите из марксовой теории учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата (Ленин считал, что в этом и заключается «живая душа марксизма») и вы получите Нагорную проповедь Иисуса Христа.

Коммунистическая бюрократия также давила диссидентствующим в СССР, как их давили в России во времена Пушкина, Чаадаева, Герцена, Достоевского и Льва Толстого. Давили во имя «интересов государства» понимаемого бюрократией всех времен не иначе, как диктатура бюрократии. Михаил Геллер вплотную подошел к этому выводу, когда поставил в уже упоминавшейся статье вопрос: «Почему они? Почему «бывшие», «эксы» перехватили власть, которую, казалось, они отдали?»

Вот как Геллер поясняет этот феномен «перехвата власти» политическими перебежчиками из КПСС:

«Великий русский писатель Салтыков-Щедрин, как никто понимавший свою страну, заметил, что «начальство — это продукт отечества, а отечество, в свою очередь — продукт начальства». (Замечу в скобках, что Щедрин просто по своему истолковывает положение Маркса о том, что иллюзорный мир бюрократа для него и есть действительный мир, а мир действительный — иллюзия, да и только. — *Авт.*). Вопрос следовательно, можно сформулировать так: почему сегодня отечеству нужно такое начальство, такой «продукт?»

Элемент ответа можно, как мне кажется, найти в политическом памфлете, написанном Екатериной II в 1770 г. Прочитав записки о поездке по России француза Шаппа д'Ортоша, императрица... поделилась своими размышлениями о характере государственной системы в стране, которой она правила.

«Характерная черта России, — писала просвещенная государыня, — в том, что происходящие в ней революции делают власть сильнее, а не слабее. Они вспыхивают, когда народ опасается ослабления власти, а не усиления деспотизма. У нас твердая власть, но мы всегда нетерпеливо выносили власть слабую. Управление нашей страной требует энергии: если ее нет, возникает всеобщее недовольство; в результате которого положение ухудшается, и приходят революции».

«Прошло более двух веков, — заключает Геллер, — и потрясения, которые переживала Россия во всех своих воплощениях, подтверждают справедливость политического анализа, сделанного Екатериной II. Достаточно вспомнить 1917 г. (февраль) и 1991 годы. Опыт минувших столетий и минувших революций свидетельствует о том, что восстановление сильной власти требует сравнительно недолгого времени. Слабая власть еще никогда не сохранялась в России достаточно долго, чтобы произвести глубокие изменения в государственной структуре и менталитете народа».

Так, стартуя абсолютно с противоположных идейных позиций, Геллер приходит к тому же выводу, что и А. Зиновьев. Код Екатерины Великой, видимо, действительно заложен в механизм российской истории и пока еще никому не удавалось это уникальное устройство перепрограммировать. Дело не в коммунизме, господа. Дело, в общем-то, как говорил Владимир Максимов, «в греховной природе человеческой», в тех мерзостях, которые могут творить правители равно и именем монархии, и именем демократии, и именем коммунизма, и даже именем Господа Бога. Но это вовсе не означает, что сии мерзости есть суть того строя, учения или идеологии, именем которых они оправдываются и совершаются, даже возводятся в норму жизни и человеческого общежития. Точно так же, как режимы и государства — это вовсе не одно и то же, так и идея и ее воплощение отождествимы чрезвычайно редко, как правило, только на начальной стадии, когда идея еще девственно чиста, а «первосвященники» фанатично ей преданы. Во всех иных случаях это чаще всего либо ересь, либо резвизия, что, по сути, тоже ересь.

Вот поэтому для интеллигенции и для ее диссидентского авангарда как носителя самой интеллигентской сути миссии сомнения в том, а правильно ли мы живем, вновь и вновь возникает вопрос: а не сотворили ли они себе кумира? Причем кумира, их недостойного!

МАРИЯ РОЗАНОВА И АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ: «ВЫ ЗА ЭТО ШЛИ В ЛАГЕРЬ?»

...Тихий парижский пригород Фонтене-о-Роз. Улицы его узки и извилисты. На одной из них — небольшой, но все же в три этажа дом в глубине заброшенного сада. На всякий случай еще раз читаю записанный в блокноте адрес. Все точно. Именно здесь у меня назначена встреча с Марией Васильевной Розановой, главным редактором журнала «Синтаксис» и ее мужем Андреем Донатовичем Синявским, патриархом российского диссидентства, писавшим под псевдонимом Абрам Терц. Пройдя ГУЛАГ, он стал профессором Сорбонны. После долгих лет изгнания и их журнал, и они сами лишь после 1990 года смогли получить доступ на родину. Вчерашние изгнанники приняли с почетом, но вскоре новые власти, как и прежние, поняли, что Синявского и Розанову приручить невозможно.

Наверное все началось с интервью Андрея Синявского итальянскому журналу «Экспресс», датированного 25 августа 1991 года, вскоре после разгрома «путча» ГКЧП. Еще тогда он засомневался в объявленной на весь мир «победе демократии» в России:

«...Можно ли (египетскую) Пирамиду переделать в Парфенон? Можно ли советскую цивилизацию несколько перекроить на слегка демократический, чуть-чуть западный манер? А в Пирамиде заложена такая великая инерция, что ее можно только взорвать, но тогда она, разваливаясь, как разваливались гигантские империи, погребет под собой многие народы.

Сегодня победили демократы. Я счастлив, но мне все время хочется спросить: а насколько они демократичны — мои любимые демократы? Какой процент Парфенона в их душах? И всю ли Пирамиду они из себя исторгли? Меня, как это ни смешно, волнует судьба компартии. Разве можно запрещать какую-либо партию?.. И можно ли закрывать газеты? И ловить ведьм? И спрашивать: почему ты не пошел на баррикады? А такое уже случается, что очень напоминает анекдот

Сталинских времен: чем вы занимались до 17-го года, а если не сидели, то почему?

Вывод? Строительство Парфенона необходимо вести умело и крайне осторожно. Без кровопролитий, без гражданской войны, апеллируя не к эмоциям, а прежде всего к простому здравому смыслу, который, по счастью, тоже присущ людям».

Синявский и Розанова раньше многих других своих единомышленников увидели, что никакого «Парфенона» демократы возвести в России не могут. Просто в прежнюю Пирамиду власти они закладывают нового фараона.

Демократы в России победили, но демократией там и не пахло. Когда этот вывод стал совершенно очевиден для Синявского и Розановой, они решили возобновить выход своего «Синтаксиса», который около года (с конца 1993-го по май 1994-го) не выходил. В тот вечер, когда мы встретились, они как раз и работали над первым его «возрожденным» номером, Синявский сидел за компьютером, на экране которого мерцал какой-то текст. Мария Васильевна разбирала рукописи.

Я спросил ее, почему так долго не выходил «Синтаксис», что было тому причиной.

Розанова ответила так:

— Не выходили мы не только из-за финансовых трудностей. Были и серьезные сомнения, а нужен ли наш журнал. Многие наши эмигрантские авторы свободно печатаются в России. Так стоит ли Синявскому недоплатить и недоесть для того, чтобы их познакомить с российским читателем? В необходимости «Синтаксиса» нас убедил октябрьский (1993 г.) танковый обстрел «Белого дома». Гром этих выстрелов и разбудил «спящую красавицу» по имени Мария Васильевна Розанова. Мы увидели, что далеко не все сказано. И далеко не все так чисто, как пытается это представить правящая в России группа. Далеко не все может в России сказать оппозиция. Сегодня многие хотят построить в России некое подобие Западной Европы или даже Америки, но, если есть такое желание, то непонятно, почему ничему не хотят учиться.

... Я напомнил Синявскому о его интервью в «Экспрессе». Как он увидел соотношение Пирамиды и Парфенона после расстрела «Белого дома» Ельциным. Он сказал: .

— Главка под названием «Можно ли перестроить Пирамиду в Парфенон?» есть в моей книжке о советской цивилизации. Египетская пирамида, тяжелая, неподвижная, однопартийная с минимумом полезного внутреннего пространства при колоссальной тяжести — это для меня символ коммунистической системы. А Парфенон — это простор и воздух де-

мокрации, где ни одна колонна не тащит одеяло на себя, а всем предоставлены абсолютно равные права. Я считал тогда, да и сейчас думаю, что Пирамиду нельзя переделать. Ее можно только снести. Но превратить ее в Парфенон... Что, приклеить колонны к Пирамиде? Это будет только видимость, чистая декорация. Я думаю, что переход от одной системы к другой — это чрезвычайно сложный и мучительный процесс. Я вообще не уверен, что Советская власть кончилась. Просто она называется сейчас по-другому.

— Вы оказались правы. Когда Пирамида рухнула, жертв оказалось слишком много. И не только в ходе событий 3—4 октября, когда танки Ельцина обстреливали русский парламент, а войска стреляли в народ. Последствия развала СССР — этой Пирамиды, куда более грандиозной, чем все египетские, — привели к жертвам практически на всем его бывшем пространстве. Но нередко многие из тех, кто вел под эту Пирамиду подкоп, в том числе весьма известные диссиденты, наши властители дум, вдруг принялись укреплять новую Пирамиду, которую воссоздал Ельцин только без красного флага, а с флагом российским на вершине. И, если использовать ваш образ, еще делали вид, что строят российский Парфенон. Почему так получилось, по-вашему?

Мария Васильевна вспоминает, что говорить в России с их друзьями об октябрьских событиях, было невероятно трудно. «Для нас вопрос об обстреле «Белого дома» стал лакмусовой бумажкой, — говорит она. — Мы спрашивали всех своих друзей: «Что ты думаешь, надо было стрелять или не надо?» Очень многие, увы, говорили, что надо. Это не сказывалось на наших отношениях. Друзья остаются друзьями, но от этого становилось горько. Когда мы пытались доказать, что этого ни в коем случае нельзя было делать, нам отвечали: «Вам с Запада ничего не видно». Но это как раз и есть показатель того, что именно те, кто хочет переделать российскую жизнь на западный лад, не хотят учиться западному взгляду на мир, цивилизованному отношению не только к парламенту, но и к своим политическим противникам, наконец, просто к другим людям».

— Мария Васильевна, — спрашиваю я, — вы были на встрече Ельцина с представителями русской эмиграции во время его последнего визита в Париж, где он рассказывал о демократизации России. Могли вы подумать, что именно этот человек отдаст приказ расстрелять русский парламент?

Розанова саркастически улыбается и говорит:

— В вашем «этот человек» слишком много, простите, почтения. Мне с этим человеком многое неясно. Неясна его роль

еще в августе 1991 года. Там очень много невысветленного и непонятного. Вся ситуация того августа оказалась выгодной всего лишь одному человеку — Борису Николаевичу Ельцину. И заметили мы это достаточно быстро. 31-й номер «Синтаксиса» вышел в 1991 году и открывался словами: «Сегодня 20 августа...» А заканчивался так: «Итак — три дня переворота, три дня эйфории, а затем начались сомнения: а демократы ли победители? Может быть, они не демократы, а всего-навсего партийные консерваторы, что, конечно, лучше, чем партийные реакционеры, но за что боролись? И насколько свердловская мафия прогрессивнее днепропетровской? И можно ли грабить награбленное? И не восходят ли все эти вопросы к самой природе советского государства, способного, даже разрушаясь, еще множество раз воспроизводить себя?» Датировано это 15 ноября 1991 года.

Доверия к Ельцину у меня не было. И особенно нехорошее чувство возникло, когда новые начальнички побежали по кабинетам. В точном соответствии с большевистским принципом «Грабь награбленное!», но под флагом демократии, они на наших глазах стали выбрасывать из кабинетов всех, кто там сидел до путча. Ну, дай спокойно человеку собраться, взять свои бумажки, пишущую машинку, фотографию жены снять со стола. А доходило же до полного непристойа. И кончается тоже весьма символично — Бурбулис садится в кабинет Суслова. Возникает естественный вопрос: «Зачем нам этот Суслов даже под именем Бурбулиса?» И опять же встречи с интеллигенцией, и т.д. Какое-то ощущение, что эту котлетку мы уже ели.

Вспоминается, как товарищ Сталин ездил пить чай к товарищу Горькому. 37-го года еще не было. Но ощущение неминуемой беды уже было. Все то страшное, что постигло затем страну, уже накатывалось, как океанский вал. Вот и сейчас у меня такое ощущение, что мы присутствуем...

— При начале этого «чаепития»?

— Точно. Вы хорошо сказали.

— Я думаю, что вы не случайно вспоминаете о встречах Сталина с Горьким. Показывали ведь Алексею Максимовичу и лагеря ГУЛАГа, и Беломорканал. Тогда, конечно, все это были цветочки.

Но ведь Сталин сумел убедить его, что так надо и иного во «враждебном окружении» не дано. В наше время сервильность интеллигенции, аплодировавшей расстрелу «Белого дома» и требовавшей «давить и не пущать», поражает. Чем вы это объясняете?

— По поводу октября я разговаривала с очень многими людьми. Я выслушала самые разные точки зрения. В основном интеллигенция, к моему большому огорчению, говорила об одном: «Стрелять, только стрелять! Президент прав!» И все доводы — и мои, и Синявского о том, что вроде бы стрелять нехорошо, не действовали. И нам объясняли: «Вот если бы те взяли бы власть, то что было бы, мы бы уже здесь не сидели бы, мы бы уже с вами не разговаривали бы...» И вот это нагнетание сослагательного наклонения заставило меня прислушаться повнимательнее к тексту и покопаться в некоторых бумажках. И вдруг я слышу, один мне говорит: «А ты знаешь, у них уже были расстрельные списки на всех на нас». Причем это говорит не кто-нибудь, а очень уважаемый мной Карякин. По-моему, он входит в какие-то советники президента. И то же самое говорит мне «бабушка правозащитного движения» Лариса Иосифовна Богораз. Уважаемый человек и наш старинный друг. И она тоже говорит про «расстрельные списки». Про те же списки говорит мне из Вашингтона любимейшая мною Дина Каминская. И легендарный адвокат и депутат Борис Золотухин — туда же. Я у всех спрашиваю: а вы эти списки видели? И пытаюсь найти хоть одного человека, который видел эти списки. И выясняется, что ни одного человека, видевшего эти списки, нет. Все уходит за формулу: «Но мне говорили люди, достойные доверия».

Я не думаю, чтобы эти списки сгорели в «Белом доме». Общество «Мемориал» сейчас выпустило толстый том документов из «Белого дома». Все призывы, прокламации. Там был один список — список тех, кого Верховный совет не считает своими депутатами. И я понимаю, что присутствую при создании новой мифологии. Ведь это точно ляжет и закрепится в сознании масс — эта легенда о списках. Я спрашиваю ту же Ларису Богораз: подумай, если уж у противной «Белому дому» стороны был такой козырь, почему до сих пор эти списки нигде не опубликованы? А мне отвечает моя собеседница: «Не знаю. На то, наверное, были какие-то соображения». И не желает понять, что ее просто обманули.

Когда-то интеллигенция была более чуткой. Она умела читать вашу же газету «Правда». Она знала, что «Правда» врет. Но понимала, что написано между строками этого вранья. Интеллигенция старалась быть информированной. А сегодня она уподобилась страусу. Смысл существования интеллигента свелся к тому, чтобы засунуть голову поглубже под крыло и нюхать собственную подмышку.

— Да, верно, некоторые заняли страусиную позицию, что-бы ничего не видеть и не слышать и как-бы за это не нести никакой, в том числе моральной, ответственности. Но таких «эскапистов», убегающих от собственной совести, меньше, чем так называемой «сервильной интеллигенции». Ряды ее растут. И там уже не вспоминают слова Лорингетти (итальянский поэт-футурист начала XX века. — *Авт.*) о том, что «диссидентство — это обязанность интеллигенции».

Мария Васильевна любит крепкое словцо и ядреные анекдоты. Глядя на меня с усмешкой из-под своих редакторских очков с огромными линзами, она говорит:

— Произошло нечто подобное известному анекдоту. Мчится многомиллионная армия сперматозоидов по глухому тоннелю. Все торопятся, спешат к заветной цели — дальше, дальше, дальше, и вдруг слышится отчаянный голос: «Ребята, нас предали, мы же в жопе!» Вот с надеждами на демократию в России произошло то же самое. Я часто вспоминаю этот анекдот, когда мне рассказывают, какой замечательный у нас на Родине строят капитализм, и мне хочется сказать: «Ребята, диссиденты, где вы? Вы что за это сражались?! Вы за это шли в лагерь?» И сегодняшнюю практику построения счастливого общества только для небольшой части этого общества за счет всех остальных вы называете демократией и правами человека?

Синявский добавляет:

— Мне трудно говорить о русской интеллигенции, потому что в последнее время совершенно невольно я оказался в оппозиции к ней. Она слишком уж приветствует то, что сегодня происходит в России. Я с тоской вспоминаю, например, наши споры на эту тему с Ю. Карякиным¹ и М. Чудаковой² — членами, между прочим, президентского совета. Я могу говорить только за себя и ни в коем случае не за интеллигенцию и не за диссидентов. Мне вообще кажется, что любой писатель, во всяком случае значительный писатель, это лицо инакомыслящее. Тем более по отношению к господствующему мнению. Ибо, если

¹ Юрий Федорович Карякин, российский политик, публицист и философ, родился 22 июля 1930 года в Перми. Окончил философский факультет МГУ и аспирантуру. В 1968 году Карякин был исключен из рядов КПСС за доклад о жизни и творчестве Андрея Платонова на юбилейном вечере в ЦДЛ. Автор одной из первых самиздатских статей памяти Владимира Высоцкого. В 1989-91 годах — народный депутат СССР. Один из основателей общества «мемориал» и клуба «Московская трибуна». С 1992 по 1999 год член Президентского совета Российской Федерации. Автор книг «Самообман Раскольникова. «Достоевский и канун XXI века».

² М.О. Чудакова — литературовед, профессор Литературного института им. М. Горького, одна из известных исследователей творчества М. Булгакова.

он просто выражает в своих книгах общепринятую точку зрения, зачем он собственно нужен? Поэтому в истории литературы, во всяком случае Нового времени, после Средневековья, писатель, художник оказывался чаще всего фигурой нежелательной для общества, у него была всегда тяжелая жизнь.

— Ты мне сегодня утром за чаем доказывал, что музыкант в отличие от писателя — это чаще всего придворный, — напомнила ему Розанова.

— Да. Мы говорили о Ростроповиче и его сегодняшней позиции.

— Что ж, как сказал Владимир Максимов, «все упирается в природу человека, в греховную природу...» Первородный грех — это, конечно, наследие тяжелое. Его враз не преодолеешь. Большевики пытались сделать это путем революции, коллективизации, репрессий. В результате мы имеем известный феномен «гомо советикус», описанный А. Зиновьевым. Воспитание с помощью религии и культуры — тоже процесс, рассчитанный не на одно столетие. А та алчная и страшная порода человеческая, у которой сильнее всего развит хватательный рефлекс — все себе, все под себя, — о таких тонкостях не думает. Им все равно, как удержаться у власти. Лишь бы удержаться.

— Да, человек грешен. Изначально. Нечего было яблочки рвать где попало, да еще в чужом саду, — язвит Розанова. — Но если говорить о греховной природе российских правителей, то ее можно преодолеть только одним способом: сменяемостью. Ты знаешь, что, как пришел, так и уйдешь. Четыре года, как в Америке. Не понравился своей стране, своему народу, причем всему народу, а не только членам своей партии, своей охране и обслуге, не сумел, не сделал ничего, тебя не переизбирают на второй срок.

Мы, например, выступили против гайдаровской реформы, — продолжила Мария Васильевна. — Я не хочу сейчас вдаваться в эти подробности. Но, когда я слышу слова «шоковая терапия», мне хочется сказать автору таких рецептов излечения России: «Батенька, начни с себя. А вот, если ты это вынешь, то перенеси на других». И у меня здесь странное ощущение. На мой взгляд, Ельцин с Гайдаром взялись за дела, в которых они ничего не понимают. И сколько бы мне ни говорили о том, сколько факультетов закончил Гайдар, в том числе, кажется, Гарвард, я знаю, что ни один западный факультет не сумеет спасти российскую экономику и ни один западный опыт для нее не может быть полезен. Уже потому, что ни в одной стране мира не был так, до основания разрушен частный сектор. Аналогии нет. Я как-то видела, замечательный швей-

царский фильм «Умереть в Москве» о расслоении общества на богатых и бедных. Такого контраста между богатством и бедностью, такого наглого и циничного богатства, как в России, нет ни в одной стране. Это вот и принесли Гайдар с Ельциным в подарок великому русскому народу, построив свои реформы в пользу обогащения одной десятой населения, наплевав на оставшиеся. И чем это обернулось? Когда я впервые попала в Отечество после гайдаровского освобождения цен, у меня возникло ощущение, что я сбросила по крайней мере 45—50 лет. Я вернулась в свое военное детство. Такое — со старухами, продающими неизвестно что, в одной руке батон, в другой стоптанные ботинки, — я помню только в войну и в первые послевоенные годы. Наша экономика пошла исключительно по пути перепродажи. Производство падает, магазины завалены импортными товарами, а собственное производство обложено чудовищными налогами. Во что же вы превращаете страну? Это уже не «третий мир», какой-то десятый! Поэтому и популярность Жириновского выглядит в этих условиях вполне логичной. Не интеллигент, которому все великие русские писатели завещали идти в народ, стал народным заступником, а Жириновский с его демагогией.

Когда я была летом 1992 года в Москве, там «толчок» был повсюду — только что на Красной площади его не было. И вот один корреспондент с телевидения берет у меня интервью. Только попросил, чтобы чрезвычайно коротко я изложила, что думаю о сегодняшней ситуации. Я ему сказала, если кратко, то будет неприлично. Он говорит, и прекрасно, теперь у нас, слава Богу, прежних ограничений нет. Ну, я ему и говорю: «Хожу я, знаете, сейчас по улицам Москвы и мысленно разговариваю с правительством. Следующими словами: «Суки вы позорные, псы, говорю, вы кудлатые, козлы, говорю, вы вонючие. Что же вы со страной-то сделали!? Зачем же вы власть брали, если не знаете, что с ней делать? Если вы не умеете работать, уйдите! Отдайте власть тем, кто умеет. Может быть, кто-то все же умеет?» Интервью это дали только в пресс-клубе, где, говорят, ругали меня и честили все. Все давали мне отпор. Но я не исправилась. Я продолжаю думать, этими же словами и сегодня. Я не верю, что на 150 миллионов человек нельзя найти разумных, порядочных, думающих людей. Я не могу в это поверить. И те, кто говорит, что нынешней правящей банде альтернативы нет, это носители детсадовского мышления, а не демократы. Или — интеллектуальная обслуга режима. Я знаю, что альтернатива есть и ее надо искать именно среди самостоятельно думающих людей. Наилучший путь к этому — демократические выборы.

— Вот вы говорите, что «все вам давали отпор». Может, такая позиция ваших московских знакомых объясняется тотальной коммерциализацией в России всего и вся, включая интеллект? Борьбой за существование? За кусок того «пирога», от которого правительство отрезает только для «благонадежных»?

— Это уже о другом. Мои ближайшие друзья за этот кусок не борются. Лариса Богораз человек абсолютно бескорыстный. Она как была, так и осталась нищей. Доход, который мои друзья от существующего режима имеют, не материальный. Для подлинного интеллигента деньги — вовсе не первая необходимость. Ему главное — читать, что он хочет. И сейчас он такую возможность имеет, хочешь Набокова читай, хочешь Замятина, хочешь Фрейда. Кого угодно. И кстати, книга сегодня по цене более доступна, чем колбаса. Для старого правозащитника-диссидента, зачастую лагерника, ссыльного в прошлом, возможность провести правозащитный семинар, открыто сказать то, что думаешь — немалый жизненный выигрыш. Это то, за что на многое можно закрыть глаза. Поэтому я иногда говорю, что нашу интеллигенцию нынешний режим купил. Только купил не грубо и примитивно, как покупались партийные функционеры, а более изощренно, я бы сказала, элегантно даже. Многие диссиденты могут сказать сегодня: «Спасибо товарищу Ельцину за нашу веселую старость».

— Как-то я прочитал в «Интернэшнл геральд трибюн» репортаж американского журналиста о «проблесках надежды» в России. Он увидел эти проблески, например, в том, что некий молодой человек, с которым он познакомился, ядерный физик, ищет работу не по своей специальности, а в коммерческих структурах. Иначе он просто не выживет. И это после того, как государство затратило на его образование, в сопоставимых опять же ценах, минимально тысяч сто долларов. С одной стороны, интеллигенция получила полную свободу. С другой — она не свободна, потому что лишена средств к существованию. Идет тихий геноцид интеллигенции в рамках «шоковой терапии». И это — подлинная национальная трагедия. Что будет с нашей интеллигенцией? Вы не исключаете, что она может исчезнуть совсем в недалеком будущем?

— Я на этот вопрос отвечать не хочу. То, что я вижу, как говорится, внутренним зрением, это страшно. И мне не хочется накликать беду. Я человек суеверный. Надеюсь только, что мое предвидение не осуществится и разум все-таки возобладает.

... Когда «Правда» опубликовала наше первое интервью, я снова приехал в Фонтене-о-Роз к Розановой и Синявскому.

Был конец февраля. В садике перед их домом уже проклюнулись нарциссы, а в небольшом бассейне с фонтанчиком плескались какие-то красноватые рыбки. Мария Васильевна собиралась куда-то уезжать с Синявским, к долгому разговору была не расположена, но по своему обычаю сразу же на меня «наехала»:

— Ну вот, после этого интервью в «Правде» на меня многие мои друзья набросились. Говорили: «Неужели ты все забыла?» А я ничего не забыла. Я вспоминаю, как Синявского во время какой-то его поездки по Италии спросили, почему он дает интервью только правым газетам. Почему не левым? А он сказал: «Но левые ко мне не обращаются. Пусть обратятся, отвечу на все их вопросы». Вот и мой принцип: я разговариваю со всеми, тем более, что в свое время после XX съезда сочинила афоризм, которым и сегодня горжусь: «Если в «истории партии» будет написано, что, когда идет дождь, то трава мокрая, то я не буду спорить с этим утверждением только потому, что оно содержится в истории партии. Но меня, конечно, не удивляет, когда «Правду» ругают. Так ведь и будет, пока вы публично не покаетесь. Тут прав Солженицын. Послушайте тихую старушку. Чем больше вы будете извиняться, тем больше вас будут любить.

— Да калялись мы уже, Мария Васильевна. И публично. Когда Ельцин в первый раз закрыл «Правду» в августе 1991 года, мы наконец перестали быть «ЦО ЦК» (центральный орган Центрального Комитета — *Авт.*). Тогда в одном из первых сентябрьских номеров того года в новой «Правде» опубликовали мою статью «Переверот в наших душах». Уже там покаяние было. Я думаю, что не в «Правде» дело. А в том, что вы в своем интервью сказали правду.

— Я давно заметила, что люди гораздо больше думают о том, кем сказано и где сказано, чем о том, что сказано. Так и с «Правдой». Вы слишком долго были органом партии. Многие вам этого забыть не могут. Ведь партия, которой вы служили, умудрилась так напугать людей, что самого слова «партия» люди боялись...

— Я понимаю, когда обвинения в адрес «Правды» идут от тех, кто пострадал от репрессий, от произвола советских властей, наконец, от тех, кого на ее страницах травили по указке свыше. Но ведь в наши демократические времена «Правду» стали травить и те, кто вел репортажи из зала суда с процесса над Даниэлем и Синявским. Возьмем, например, известинца Юрия Феофанова. Он в свое время был таким правоверным, что всех тошнило...

— Да это действительно гнида журналистская, — резко бросила Мария Васильевна. — То, что он вел эти репортажи — еще полбеды. Синявский и Даниэль свое дело сделали. И сделали хорошо. За ним есть и другие страшные дела. Вспомните, например, Рокотова и Файбишенко, дело которых после статьи Феофанова пересмотрели по свежепринятому закону и вместо уже полученных за валютные преступления трех лет (максимум по кодексу тех лет) — расстреляли, хотя, казалось бы, закон обратной силы иметь не должен.

— Да, он был героем наших участковых. Все время требовал драконовских мер.

— Это, кстати, обычный способ власти, — заметил Андрей Донатович. — Вот, например, мне мой следователь говорил, когда мы с ним прощались: «Вы знаете, это не так уж и плохо, что вы получили срок. Если бы вас выпустили, — говорил он, — вас бы растерзала толпа». И читает письмо от какой-то старушки. Она пишет, что ее сын получил восемь лет за какую-то кражу, а вот Синявскому только семь дали, хотя его надо расстрелять. И ее реакция понятна, потому что она прочитала в газете, что Синявский совершил государственное преступление, а ее сын только украл. Ну конечно, Синявского надо было расстрелять. Это обычная игра на человеческих слабостях, на человеческих страстях. Государство этим всегда пользуется. Человек слаб. Он смотрит за забор и возмущается, почему у соседа цветут цветы, а у него ничего не цветет.

...Они попросили меня подвезти их к приятелям где-то рядом с парижским пригород Кретей. Я этот район знал неважно, и мы долго плутали с ними по вечерним плохо освещенным улицам. Наконец нужный дом нашли, и Мария Васильевна на прощание не преминула съязвить: «Если хорошо постараться, то даже коммунисты могут найти верную дорогу».

Синявский усмехнулся в бороду и отрезюмировал: «Главное — хорошо объяснить, куда ехать...»

ПЕТР АБОВИН-ЕГИДЕС: «ЯВЛЕНИЕ АНГЕЛА С ПЕНОЙ НА ГУБАХ»

До своего отъезда во Францию я мало что знал о нем. Петр Маркович Абовин-Егидес был диссидентом необычным, диссидентом марксистом-социалистом. Райкомовское начальство терпеть его не могло, потому что он был председа-

телем колхоза и защищал какие-то права колхозников, о которых это начальство слыхом не слыхивало, равно как и вообще о правах человека. Но это еще полбеды. Петр Маркович был еще по совместительству философом-марксистом и писателем. Уже на Западе была издана его книга об академике Сахарове «Трагедия великого гуманиста». Но так как его марксизм с официальным не имел ничего общего, а книги его никак не совпадали с линией партии, он в конечном итоге попал в ГУЛАГ, а оттуда в эмиграцию. Во Франции никого не смутило то, что он считал себя марксистом. По всем параметрам как человек, преследуемый у себя на Родине, он вполне заслуживал права стать политическим эмигрантом. В Париже, где живет его семья, мы с ним встречались не раз. Как-то он надолго пропал, и я только из российских газет узнал, что он был в России и участвовал в процессе КПСС, выступив в ее защиту. Незадолго до Нового, 1993 года он наконец позвонил мне. Я не узнал его голоса. Казалось, что кто-то его душит, не давая говорить в трубку.

— Если можете, приезжайте, — сказал он.

...И вот я еду в парижский пригород Мезон-Альфор, где и нахожу Петра Марковича в больнице прикованным к постели, в гипсовом панцире.

Спрашиваю:

— *Как это случилось?*

— Был я в России. После этого процесса над КПСС настроение у меня было гадкое. И вот захотелось мне глотнуть чистого воздуха и поехать не в Париж, куда я должен был вернуться, чтобы выступить на одной тут конференции, а в Пензенскую область, в свой колхоз (до эмиграции Абовин-Егидес довольно долго работал председателем колхоза — *Авт.*). Я хотел сам услышать, что думают о происходящем в стране рабочие, сельчане и интеллигенция в самой глубинке, но вот по дороге в Москву оттуда попал в автомобильную катастрофу. Кое-как выкарабкался, пролежав около месяца в реанимации, на операционном столе несколько часов... Привезли меня из Москвы во Францию и здесь мне сделали сложнейшую операцию на позвоночнике. В общем, надеюсь, выживу. Но я вам не для этого позвонил. Я хочу, чтобы вы обнародовали результаты моих исследований, которые я провел в своем колхозе. Вы прекрасно знаете, что официальная российская пресса хоронит коммунизм и утверждает, что он никогда больше не возродится. Так вот я сам провел в глубинке свой опрос. И вот что выяснил. От 30 до 70 процентов бывших

коммунистов готовы вернуться в партию, если власти разрешат ее возродить. Среди них много рабочих. В моем колхозе все 47 коммунистов сохранили свои партбилеты. На собраниях, где я выступал о своем желании вступить в партию, говорили и беспартийные. Вот, я записал там, тезисно, правда, то что они там говорили, хотите почитаю?

— *Давайте.*

— Ну вот, слушайте: «Мы теперь знаем многое из того, что раньше от нас скрывали. И ничего подобного больше в партии не допустим. И мафиозное руководство уже никогда не допустим». И прямо ко мне с вопросом:

«Неужели, Петр Маркович, вы для того сидели в тюрьмах, лагерях да психушках, чтобы одну пакость — сталинщину с ее лжесоциализмом — сменили на другую пакость же — ельцинщину с ее диким капитализмом?»

Они все делают теперь, чтобы разогнать колхозы. А нам это зачем? Вы же видите, даже после вас у нас построили зернохранилище, клуб, магазин, столовую, новую школу. А господа «демократы» все придумывают, как бы нас прикрыть, хотят нас разогнать по медвежьим хуторам, а сами будут гулять по своим рию-де-жанейрам...»

Гипсовый панцирь мешает ему говорить и двигаться. Листочки с записями мне то и дело приходится подбирать. Петр Маркович говорит запальчиво, будто спорит с оппонентом, и я наконец узнаю его, прежнего, в этой его нынешней больничной оболочке. Все-таки великое дело — неsgiбаемый человеческий дух.

— Я убедился, — говорит он, — народ наш вырос, прозрел. Если он молчит, то лишь потому, что нет той цементирующей силы, которая его сегодня объединила бы.

Ельцинисты знают, что нынешние осколочные организации возникшие на базе КПСС, разобщенные рабочие партии, как и недавно созданная партия труда, ничего по отдельности не добьются. Это было бы кустарщиной в политике. Только единая масса коммунистов — социалистов, альянс всех подлинно левых сил может помочь создать объединенный народный фронт, способный преградить путь натиску капитала. Но прежде чем создать его, необходимо решительно отринуть все то старое, что дискредитировало компартию. И от сталинизма, и от тотального этатизма, и от лжепатриотизма надо освободиться...

Он всегда так говорил. Как будто митинговал. А в остальном Петр Маркович был милейшим человеком, у него была

преlestная жена, которая занималась искусствоведением. И парижские диссиденты, хотя и подтрунивали над его «классовым подходом», по-своему любили его. Розанова и Синявский были его друзьями. А у Максимова на поминках, где собрался весь эмигрантский антикоммунистический бомонд, Петр Маркович и Андрей Донатович сидели за одним столиком в узком проходе и как-то по-лагерному и очень по-русски поминали Емельяныча...

Мы снова с ним встретились только два года спустя. Мне было интересно поговорить именно с ним. Я узнал, что Петр Маркович закончил книгу о Солженицыне, который к тому времени возвратился из своего Вермонта в Россию триумфально. Так, как когда-то хотел вернуться в Москву адмирал Колчак, с Дальнего Востока через всю Сибирь. По пути он изложил свою политическую программу, которая впоследствии легла в основу его манифеста «Как нам обустроить Россию».

— Я давно хотел написать о нем книгу, — сказал Петр Маркович. — И возвращение Солженицына, все, что с этим связано, дали мне как раз тот материал, которого мне недоставало. Есть два крайних, я бы сказал кардинально противоположных мнения о Солженицыне вообще и о его приезде в Россию в частности. Одну крайность выражает бывший диссидент Александр Подрабинек. В своей «Экспресс-хронике» он представляет Солженицына едва ли не новым пророком. Я процитирую: «...Солженицын сам по себе — как целая политическая партия, — пишет Подрабинек. — Слитые в политические партии, как овцы в стадо, тянут его к себе, а он, как пастырь; парит над всеми... Солженицын нетрадиционен... Он не падок на лесть...» Этого я бы не сказал. Однако вернемся к тексту: «...Не был коммунистом, не изобретал атомную бомбу... Не был депутатом... Он не участвовал во лжи. Коммунизм рухнул. Солженицын вернулся. Нам повезло...»

— *Это что, Подрабинек, когда про бамбу, на Сахарова намекает?*

— Именно. Намек дурно пахнувший, кстати. Сахаров был человеком безупречной нравственности. Ну, а уж намек на его депутатство и вовсе гадок. Сахарову оно только укоротило жизнь. Вспомните, как обхамил его Горбачев, когда Сахаров выступал. А что касается графы «состоял в КПСС» или нет, то тут надо кое-что пояснить. Солженицын действительно в КПСС не состоял. Но он был сталинским стипендиатом и мечтал стать ленинским лауреатом. Сложись обстоятельства иначе, еще как «состоял» бы в КПСС.

— *А какова вторая крайность?*

— Ее выражает Эдуард Лимонов. Выступая недавно в «Книжном обозрении» и в «АиФ», он не пожалел для Солженицына помоев. Я и его процитирую: «... Александр Солженицын разрушителен для России... Он мне был всегда активно неприятен... Он умудрился восстановить весь Запад против русских... ГУЛАГ стал во всем мире ассоциироваться с нами — с русскими... Нам очень долго не отмыться от этой подрывной работы Александра Исаевича. В 1975 году, — продолжает Лимонов, — началась новая волна холодной войны после публикации первого тома «Архипелага ГУЛАГ». И, обращаясь к Солженицыну, заключает: «Господин хороший, вы-то, собственно говоря, эту войну (т. е. третью мировую) и готовили».

Я не могу согласиться с Лимоновым. Уже потому, что диссидентов в «подрывной работе» обвиняли тоталитаристские власти, тогдашний КГБ. Аргументация Лимонова перекликается и с той, что применял Мао Цзедун, обвиняя Хрущева в «нанесении вреда» коммунистическому движению в результате разоблачения культа личности и преступлений Сталина. Он считал, что коммунистам было бы лучше правды не рассказывать, а уж простому народу тем более. Это разительное отличается от установки Ленина, требовавшего говорить народу всю правду, даже самую горькую...

...Я никогда с Абовиным-Егидесом не спорил, даже если в чем-то и был с ним категорически не согласен. Думаю, что и он сам знал, что Ленин вынужден был лгать народу уже потому, что большевики пришли к власти в России, а ложь во спасение государства существовала всегда и при всех режимах. Я уже не говорю о том, что Ильич так и не признался, на какие деньги он и почти весь его ЦК вернулись в Россию в запломбированном вагоне. А о том, как по его распоряжению после 1917 года уходили за границу из музеев и конфискованных дворцов аристократии, из церковных хранилищ величайшие произведения искусства, редчайшие иконы на финансирование «мировой революции», Ленин, если и говорил откровенно с кем-то, так разве с американским миллиардером Хаммером. Петр Маркович жил в своем, сконструированном им самим мире, и разрушать его я не имел права. Во Франции я научился быть терпимее к другим людям и их убеждениям. Категоричность, свойственная русским, мне всегда в жизни мешала. Французы помогли мне понять, что выслушать точку зрения другого человека гораздо интереснее, чем провозгла-

силь и доказать свою собственную. И за эту науку, которая, кстати, мне всегда помогала в беседах с нашими диссидентами, я останусь благодарен французам до конца жизни. Но вернемся к его рассказу.

... О «третьей мировой». Солженицына, конечно, обвинить в ее подготовке нельзя. Он, кстати, писал в свое время, что Запад «проиграл» третью мировую войну, потому что Советский Союз распространил свое влияние на Анголу, Эфиопию, Сомали, Афганистан и т. д. Но тут он оказался плохим пророком. К сожалению, третью мировую выиграл капиталистический Запад, причем без единого выстрела. СССР рухнул из-за ренегатства его собственных лидеров и с помощью доллара.

Впрочем, Солженицын и в этом пророчестве сам себе противоречил. То он предрекал Западу проигрыш в третьей мировой, то утверждал, что коммунизм вот-вот рухнет. Это была своеобразная попытка материализовать его ненависть к коммунизму, который Солженицын яростно не приемлет.

Но по сути он не о коммунизме говорил. Ни социализм, ни тем более коммунизм в нашей стране не были осуществлены, ибо сталинизм с ними несовместим. В нашей стране погиб тоталитаризм, а не коммунизм вовсе. Об этом никто бы и не жалел. Но беда, что вместо него ельцинисты возвели брутальный, компрадорский капитализм, принесший народу новые неисчислимые бедствия. И то, что Солженицын такое отношение к народу осуждает (в отличие, скажем, от таких бывших диссидентов, как Кронид Любарский или священник Глеб Якунин), говорит о том, что он совершает определенную эволюцию (10 лет спустя Солженицын подтвердил эти слова, резко осудив антинародные реформы «демократов» и приватизацию).

Кстати и на процессе по делу о запрете КПСС (1992 г. — *Авт.*) некоторые коммунисты говорили, будто никакого «архипелага» ГУЛАГовского не было, а были, мол, отдельные «островки», И погибли там, дескать, не 60 миллионов человек, как пишет Солженицын, а всего шесть. Да и таких ужасов, которые описывает Солженицын, тоже не было...

В своем экспертном заключении на том суде, отстаивая право компартии на существование, я оспаривал и подобные суждения. Я не раз говорил: для того чтобы народ повернулся лицом к обновленной компартии, ее новое руководство должно поставить вопрос о глубоком всемерном покаянии за совершенные за спиной партии преступления ее лидеров. Между тем о таком покаянии до сих пор и речи нет...

— Я с этим согласен на сто процентов. Но вернемся, однако, к Солженицыну. Есть и третье мнение о его приезде в Россию. Говорят, он-де нужен был раньше, а сейчас уже поздно и он, дескать «опоздал на поезд». С другой стороны, его уже прочтат в президенты тот же Глеб Якунин и некая самарская «лига беспартийных».

— Весь этот разнобой в оценках Солженицына сбивает публику с толку и не дает ей возможности выработать собственное мнение о нем как о писателе, общественном деятеле, как о человеке. Вот поэтому я и решил написать о нем книгу. О Солженицыне, как он есть, без прикрас, но и без поношений...

Я начинаю с анализа его произведений на лагерную тему...

— Это анализ литературоведческий, политический, социологический?

— Тут все вместе. Рисуя людей, раздавленных деспотическими, садистскими сталинскими жерновами, воссоздавая жуткие картины мизантропии лагерных опричников по отношению к миллионам заключенных, обнажая дикие, чисто зоологические отношения в самой лагерной иерархии (между «придурками», работягами, паханами, «шестерками», блатными «в законе», ссученными, фраерами, женщинами-шалашовками и т. д.), Солженицын показывал, как людей превращали в количество «голов», наподобие скота. (Остается лишь удивляться, как, зная это, такой умница, как Рой Медведев, мог назвать сталинский строй «все-таки социализмом», пусть и плохим...) Вместе с тем Солженицын проводит лейтмотивом свою идею: в подлинном человеке убить человека так и не удалось даже Сталину. «Простой мужик», заключенный Иван Денисович, который сидит действительно ни за что, ибо его взяли по разнарядке, для набора дармовой рабочей силы, заканчивает свой рабочий день так:

«... Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось много удач: в карцер не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с поножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день ничем не омраченный, почти счастливый день».

Стало быть, не убит до конца человек в Иване Денисовиче. Но какой человек? Что в нем говорит: или человеческая радость от самого преобразовательного труда даже в условиях рабства? Или налицо какая-то смесь того и другого: при-

тирка даже к лагерному рабскому стилю жизни, который выглядит в глазах Шухова едва ли не нормальным? Может быть, в этом — символ всей российской жизни, всей России, где вершиной жизненной мудрости стало изречение: «плетью обуха не перешибешь». А посему, мол, хоть и вынуждены мы жить в рабстве, но уметь надо и при этом испытывать радость труда, а не относиться к нему как к бременю, как к Божьему наказанию.

И опять мы сталкиваемся с очередным противоречием Солженицына. То он сетует (и причем весьма зло и сердито) на тех, кто считает русских рабами по их характеру, то сам рисует Ивана Денисовича, как раба, даже и в мыслях своих не восстающего против постылой жизни. Такова, дескать, вся Расеюшка, а вне нее мира, может быть, и вовсе нет... Быть может, и весь он, Божий мир, таков. Бежать, но куда? И как?

В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын описывает жуткую сцену. Вохровцы-опричники привозят в лагерную зону превращенные в кровавое месиво тела пойманных ими беглецов и выставляют их на всеобщее обозрение: чтобы другим бежать не повадно было. Даже у меня, старого лагерника, волосы вставали дыбом, когда я читал все это.

Иногда можно услышать — это преувеличение, такого быть не могло. Могло, и еще как. Все это — чистая правда. И Солженицын еще не обо всех кошмарах знал. Ему «везло» — он был то в «шарашке», то в лагере для политзаключенных. А до 48-го года отдельных лагерей для политических еще не было. Все — и политические, и ворье с бандитами — были в общих лагерях. А они были еще ужаснее политических. Я, по-скольку находился при Сталине в общем лагере, мог бы еще добавить более страшные картины: сплошная поножовщина, убить человека ничего не стоило, ибо смертной казни не было. А срок для рецидивистов ничего не значил, ибо для них тюрьма — дом родной. Людей проигрывали в карты, женщин насиловали, а затем «пускали под трамвай», т. е. сбрасывали в шурф шахты.

Помню картину — один «доходяга» схватил с подноса бригадира пайку хлеба, лег на землю, накрылся бушлатом. Его били ногами, а он глотал кусками этот хлеб...

О совершенно жуткой истории рассказывает писатель Георгий Владимов в своей повести «Верный Руслан», которая в художественном отношении, с моей точки зрения сильнее, чем произведения Солженицына. Лагерный начальник приказал залить зимой барак с живыми людьми холодной водой, превратив их всех в ледяные глыбы. Точно так же, как фаши-

сты поступили в концлагере с легендарным генералом Карбышевым. А какие муки испытывали заключенные в брежневских психушках?! Я это все прошел, по себе помню. Но вот и про это, говорят иной раз, лучше не вспоминать. Зачем, мол, все это «ворошить»? Теперь это в прошлом, давно ушло. Ушло? Ну нет. Лишь сменило формы. Теперь российский народ истязают по-другому. ГУЛАГ растекся по всей стране страшным беспределом. Раздавлены огромные толщи народные. Убийства приняли характер эпидемии.

Только вот почему-то молчат наши писатели об этом. Даже те, кто раньше весьма смело диссидентствовал. Я знаю многих миллиардеров и номенклатурщиков, которые были в свое время стукачами, а теперь строят виллы своим любовникам, держа в черном теле своих жен. Тут можно романы писать на манер Мамина-Сибиряка. Но у нас в России об этом — ни-ни, молчок.

А вот о расстреле «Белого дома» прямой наводкой какой роман можно было бы написать! О трагедии семей тех, кого там расстреляли в упор из танковых пушек, кого, уже взяв в плен, забили, запытали насмерть. Забыли об этом «кровавом понедельнике». Забыли и об этих семьях, затаившихся в страхе.

— Многие бывшие диссиденты и у нас на Родине, и за рубежом — А. Зиновьев, А. Синявский и М. Розанова, В. Максимов, А. Власов, С. Говорухин и другие — выступили с протестом против расстрела Белого дома. А вот Солженицын дал свое «одобрямс». Почему, как вы думаете?

— Да, действительно, Солженицын, развенчивая, и справедливо, ельцинскую политику пауперизации народа, в то же время «кровавый понедельник» оправдывает. В ходе своего путешествия из Владивостока в Москву он, критикуя всех и вся, ни разу между тем не вспомнил о Ельцине. Это может означать только одно — при всей своей разрекламированной «прямоте» он весьма расчетлив и уже поэтому экзамен на «нравственного гуру» не выдержал. Впрочем, не выдержал он его еще раньше — даже в «Архипелаге ГУЛАГ». Так, описывая подробно Кингирское восстание, Солженицын рисует портрет его руководителя Капитона Кузнецова и перечеркивает его вот такой фразой: «Кузнецов, может быть, затеял все это восстание, чтобы положить его к ногам лагерного начальства. Так думаю». Ну, и думай себе на здоровье — молча. Но какое моральное право ты имеешь публично бросать тень на человека, которого к тому же, по выражению Оруэлла, «испарили» гулаговские опричники? Только потому, что до ареста он был

полковником и коммунистом? Ведь никакой другой причины для очернения этого мужественного человека у Солженицына не было. И после этого, выступая в Гарварде, Солженицын обрушивается на журналистов, публикующих «недостовверные» суждения. Или «то, что позволено Юпитеру, не позволено быку», как говорили древние?

В «Архипелаге» Солженицын описывает стойкость людей религиозных. Но вот о социалистах (в том числе о меньшевиках, эсерах) сочиняет небылицы. На эту тему, кстати, еще в самиздатовском журнале «Поиски», который я редактировал, была опубликована среди других статья Якубовича. Солженицын писал о Якубовиче, который провел 25 лет в лагерях, как о человеке, у которого-де не нашлось мужества выступить против вынесения ему смертного приговора, на котором настаивал прокурор. У каждого свой потолок смелости, мужества (я, например, сумел вынести тюремные муки, но тяжелых пыток, наверное, не вынес бы), но кто имеет право осуждать других, если у самого этот потолок весьма низок?!

— *Петр Маркович, у меня самого неоднозначное отношение к Владимиру Ильичу. Я не могу не признать его величия как вождя революции и государственного деятеля. Но всю эту его жестокость во время Гражданской войны, это его якобинство, его распоряжения публично расстреливать и вешать несогласных с Советской властью я принять никак не могу. Хотя и понимаю, что революции в белых перчатках не делают. В то же время я не могу принять и критику Ленина Солженицыным. Она у него идет на каком-то личном уровне, в частности в книге «Ленин в Цюрихе», как будто он ему мстит за что-то. Чем вы это объясняете?*

— Прежде всего тем, что свою вполне обоснованную ненависть к тоталитаризму Солженицын переносит на коммунизм, не поняв, что коммунизм и тоталитаризм — антиподы. Не видит он разницы между коммунизмом (это социально-экономическая категория) и большевизмом (а это уже, скорее, стратегическая концепция), ненавидя люто то и другое. Ну а так как основателем большевизма был Ленин, то вся солженицынская желчь вылилась на него. Свойственная Солженицыну раздвоенность, однако, не покидает его и здесь. Он тонет в противоречиях. С одной стороны, в «Ленине в Цюрихе» он «распинает» его по методу «черной сотни». Ленин — не русский, ибо у него «всего лишь» одна четвертушка «русской крови», да и «эр» не выговаривает (кстати, Сахаров тоже «эр» не выговаривал, значит, тоже «не русский»?!). С другой сторо-

ны, Солженицын совершенно цивилизованно заявляет, что русский это тот, у кого русская культура. В «Круге первом» он отмечает, что Ленин в отличие от Сталина писал логично и глубоко. Но вот в «Ленине в Цюрихе» он утверждает, что Ленин «примитивен», говорит заученными лозунговыми фразами.

В одном месте он пишет, что возглавленная Лениным Октябрьская революция, которая действительно потрясла весь мир и повернула ход мировой истории, — это-де вовсе не революция, а так, «переворотишка», всего-навсего заговор кучки инородцев, без участия народа. А несколько ниже Солженицын заявляет, что народ пошел на Октябрьскую революцию, ибо поверил ее лозунгам. Только вот Ленин, оказывается, «обманул» народ, крестьян — в 17-м году дал им землю, а в 22-м году отобрал, объявив ее государственной. Но это уже и вовсе злонамеренная подмена понятий. Объявить землю государственной и оставить ее в распоряжении крестьян, только без права купли-продажи — это не означает землю «отобрать».

Черня Ленина, Александр Исаевич, приписывает ему черты, которых у того и в помине не было: он-де никогда не шутил, друзей не имел, о людях не заботился, относился к ним только потребительски и т. д. Между тем даже Николай Бердяев (а у этого философа, изгнанного из страны по распоряжению Ленина, оснований любить его не было) писал, что Ленин любил пошутить, заботился о людях, был европейски образован, был добр.

Был ли Ленин при этом одновременно и жесток к врагам революции? Прежде чем на это ответить я замечу, что вопрос о жестокости в ходе революции неоднозначен. «Добрых» революций человечество не знало.

Солженицын так вот преподносит Ленина-революционера:

«Когда все силы интеллекта и ума употреблены на захват власти, не остается сердечных сил подумать об обещанном рае» и остается лишь «заглатывающая инерция... применять жестокость и насилие».

Но это уже совершенная неправда: Ленин терзался вопросом, как обеспечить благополучие народу, — и при всех ошибках своих он, именно он, добился введения нэпа «всерьез и надолго». И только Сталин обрубил нэп, ибо пренебрег ленинской идеей общества «цивилизованных кооператоров».

В том, что касается других причин нападков Солженицына на Ленина, то, я думаю, для Александра Исаевича непереносимо, что Ленин был и остается властителем умов миллионов. Его воспринимали как мессию. Солженицына так если и воспринимают, то только люди типа Подрабинеска. Поэтому ме-

ня, прежде всего, интересовали его обличения, как сталинизма, существовавшей в СССР системы тоталитарного типа, так и разоблачение им Запада. Например, его гарвардская речь. Анализируя отношение Солженицына к Западу, я пришел к выводу о том, что, даже прожив долгое время там, он критикует западный образ жизни на поверхностно-феноменологическом уровне, обличает темные, негативные следствия капиталистической системы, но никогда не отвергает ее самое. Более того, основной пыл его направлен мимо цели — против «излишней демократии», против «излишней» свободы печати, что, в общем-то, возмутило не только либеральную интеллигенцию, но и всю прогрессивную общественность Запада.

Я, как философ, анализирую понимание Солженицыным истины, правды и подлинности, свободы личности, смысла жизни и счастья, добра и зла, демократии и революции, идеологии, марксизма, коммунизма, социализма. Нельзя было обойти и его идею трансцендентного Бога и его критику антропоцентризма, его отношения к гуманизму, его понимания духовности. Я рассматриваю и его геополитические концепции, его вариант урезанного панславизма. Есть у него и другие его рецепты спасения России, в частности проект освоения ее Северо-Востока, что он считает панацеей. Наконец — его этические противоречия, его отношение к друзьям, которые сравнительно быстро становятся «бывшими». (Тут пришлось вспомнить о том, как он отнесся в свое время к Твардовскому, Эткинду и к самоубийству бывшего руководителя издательства «Имка-Пресс» Морозова, где вышло большинство его книг).

— *Опоздал ли Солженицын на поезд или успел в Россию вовремя? А может быть, поторопился? Или сел в отцепленный вагон, как тот самый рассеянный с улицы Бассейной?*

— Скорее всего — последнее. Он так в отцепленном спецвагоне и ехал по России. Вокруг этого, по заранее разработанному сценарию (поездку Солженицына по России снимали для специального фильма, и не бесплатно, Александр Исаевич на этом прекрасно заработал), была поднята немалая шумиха. Но те «открытия» относительно обнищания народа, которые он сделал по дороге, он мог совершить, перечитав подшивку газеты «Правда». Для кого в России эта его «информация, полученная от народа» откровение? В этом смысле он действительно «на поезд опоздал». Но те, кто пустил эту фразу в оборот, считали, видимо, что с ее помощью они Солженицына «зароют». Однако самой постановкой вопроса они толь-

ко подчеркнули его значимость. Выходит, он настолько влиятелен, что, прибудь он раньше, один повернул бы судьбы России. А ведь вопрос не в том, вовремя приехал Солженицын или нет, с треском или без оного, а в том, с чем он приехал, с какой программой.

Увы, багаж его полностью соответствует украинской поговорке: «з великой хмары малый дощ» («от большой тучи маленький дождик»). Анализ происходящего у Александра Исаевича как всегда эклектичен донельзя. То он винит во всех бедах все тот же коммунизм, из под обломков которого Россия никак не выберется, то бранит нуворишей и культ доллара, культ «наживы». А что же предлагает взамен? Уйти в Сибирь. Вывести русский народ на северо-восток, пока все это не захватили китайцы, из Европы в Азию, как когда-то вывел Моисей еврейский народ из Египта. Вывести затем, чтобы он поднимал там вторую целину допотопными методами — лопатами и впряженными в плуги лошадьми. Ну а остальной мир пусть между тем задыхается от выхлопных газов современных тракторов и комбайнов. Но как народ загнать на такой «подвиг»? Методом трудармий по Троцкому? Или методом ГУЛАГа по Сталину? И главное — какой социально-экономический строй там будет, в этой новой Утопии? Не социализм и не капитализм, говорят нам. Так что же? В солженицынской Утопии считают, что народ русский спасет «ограниченный» капитализм со средними, а не крупными капиталистами-монополистами. Но тут хочется сказать: поймите же, наконец, Александр Исаевич, что стихия частнокапиталистического хозяйствования все равно приведет к монополистическим корпорациям со всеми их пороками, против которых Вы так яростно выступаете. Гора Ваших обличений родит очередную мышь. И только.

— *А как вы относитесь к самарской идее выдвижения Солженицына в президенты?*

— Мое отношение к Александру Исаевичу весьма сложное. Я был бы очень рад, если бы кто-то из нашей когорты диссидентов стал президентом нашей многострадальной страны. Да, это было бы и заслуженно, и оправданно: ведь именно диссиденты, презирая тюрьму, открыто боролись против тоталитаризма за демократию, тогда как ельцины, гайдары, бурбулисы, травкины, явлинские, шахраи, стерлиговы и все прочие нынешние претенденты на президентский пост в те времена даже кукиш в кармане не держали, да и сегодня не могут ничего предложить хорошему народу.

Вместе с тем я не вижу, к великому моему огорчению, ни одного из оставшихся в живых диссидентов, который мог бы, став президентом, адекватно выразить подлинные интересы людей труда. Есть три вида диссидентов. Одни вращаются между автократией (и даже теократией) и «демократией». Другие — относятся к демократам-либералам, а третьи — к демократам-социалистам. Из второй группы прекрасными президентами были бы Сахаров, Григоренко, Анатолий Марченко, но, увы, их уже нет в живых. Такие же, как К. Любарский и Г. Якунин, предали демократические принципы и перебежали в стан автократов. Из третьей группы одни умерли, другие слишком стары, и больны.

Что же касается Солженицына, то он, хотя и проделал определенную эволюцию от сторонника теократии к стороннику демократии, пока к работе на посту президента не готов. Он — комок противоречий, реагирует эмоционально на то, что перед его глазами. И видит лишь то, что на поверхности, не вникая в сущность, в причинный пласт. У него реактивное мышление, а не сущностное, что годится для художника, но не для глубокого мыслителя, каким должен быть политический лидер современной России. Он — «ангел с пеной на губах», как весьма точно сказал о нем умудренный диссидент, первый самиздатчик Григорий Померанц.

Даже если допустить, что все это преодолимо, для того, чтобы управлять такой страной, как Россия, нужна конструктивная программа, которая стала бы ариадновой нитью для тех, кто выведет народ из того лабиринта бедствий, из той бездны, куда завели его ельцинисты. У Солженицына, увы, такой программы нет.

— В своем «Письме вождям» Солженицын писал: «Я готов тотчас снять их (свои предложения. — Авт.) — если кем-нибудь будет выдвинута не критика остроумная, но путь конструктивный, выход лучший и, главное, вполне реальный...» В свете этого высказывания что могли предложить вы, сторонники социалистического выбора, и вы как диссидент-социалист в их числе?

— По моему убеждению, это может быть программа полного самоуправления трудовых коллективов, в которых преодолено отчуждение производителей от продуктов их труда, в которых ликвидирован наемный труд, унижающий достоинство человека. Это — программа решительного перекрытия шлюзов нуворишам, возвращения народу всего ими награбленного. Кстати, это вполне в духе приведенной вами реко-

мендации из «Письма вождам». К сожалению, приверженность Александра Исаевича к идеологии антикоммунизма настолько сильна, что он читает только антисоциалистических авторов (например, Дору Штурман, Фильштинского и др.). С нашей программой сторонников самоуправления трудящихся он, ясно, не знакомился. Мы бы поддержали кандидатуру Солженицына в президенты, если бы он такую программу принял. Одним критиканством такую глыбу, как Россия, с места не сдвинешь. Если Солженицын не поймет этого, он превратится в надоедливую брюзгу, нудного чудаковатого старика, о котором будут вспоминать все меньше и все реже. (Так оно, кстати, и случилось в конце концов. Обидевшись на то, что «вожди» к нему не прислушиваются, Солженицын с началом XXI века полностью замкнулся в себе и молчал три года — вплоть до июня 2005 года. Георгий Маркович оказался пророком. — *Авт.*)

Сейчас ситуация в России такова, что ни один из претендентов на президентское кресло из числа деятелей известных народу, не способен предложить приемлемую для него программу. А те, кто на это способен, народу неизвестны, они не могут к нему пробиться и с ним объединиться, ибо не имеют доступа к средствам массовой информации, прежде всего к телевидению. Этот заколдованный круг должен быть разорван. И он будет разорван, — сказал он мне на прощание.

Последний раз мы увиделись с Петром Марковичем в Фонтене-о-Роз на похоронах Андрея Донатовича Синявского. Он подошел ко мне и сказал: «Вот и он ушел, Володя. Я — следующий». Вскоре и его не стало...

Глава 11

ОГЛЯНУТЬСЯ И ПОСМОТРЕТЬ ВПЕРЕД

После развала СССР и воцарения ельцинистов в Кремле появилось великое множество оракулов от политики, которые предлагали России наперебой наилучшие варианты политического будущего. Внимать им было столь же бесполезно, как и лечиться водой, «заряженной» от телевизора популярными тогда проходимцами. В поисках ответа на свой вопрос — «куда пойдет Россия?» — мне было необходимо совершить путешествие во времени — вернуться туда, где естественный ход истории был прерван, — к прекращенной большевиками монархической традиции России. К счастью, во Франции такое путешествие оказалось возможным.

КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ РОМАНОВ: «ИСТОРИЮ НЕЛЬЗЯ НИ ТОРОПИТЬ, НИ ПОВОРАЧИВАТЬ ВСПЯТЬ»

....Пригород Парижа Нейи. Маленькая улочка, на которой две машины разойдутся с трудом. Седой худощавый мужчина в очках, которые не скрывают его по-мальчишески озорного взгляда, открывает мне дверь в свою квартиру. В ней чисто, прибрано, нет ничего лишнего. Обилие русских книг говорит о том, что здесь живет не француз, а наш соотечественник. Далеко не всегда и не все русские в эмиграции соглашались с этим термином. Мне не раз приходилось слышать: «Да, я по

происхождению русский, но Отечества у нас разные, ибо я гражданин Франции».

Для Михаила Федоровича Романова, а именно он и открыл мне дверь, Отечеством всегда была Россия, хотя он и посетил ее впервые в своей жизни только в 1990 году, открыв для себя постсоветский Санкт-Петербург, названный так вновь по имени его великого предка. Он не однофамилец Петра Великого. Михаил Федорович — член императорского Дома Романовых. По отцу, князю Федору, он — внук великой княгини Ксении Александровны (дочь Александра III, сестра Николая II) и великого князя Александра Михайловича (внук Николая I, племянник Александра II и двоюродный брат Александра III). По матери — княгине Ирине Павловне Палей — внук великого князя Павла Александровича (младший сын Александра II, брат Александра III и дядя последнего императора Николая II).

Михаил Федорович родился в Париже в 1924 году в доме бабушки — княгини Ольги Палей, вдовы великого князя Павла. Он воевал в рядах французского Сопротивления, с боями дошел вместе с американской армией до Германии. После войны вся его жизнь была связана с кино. Он работал с французским кинорежиссером Жюльеном Дю-Вивье, а в 1971 году создал свою студию короткометражных фильмов «Ализ филмс». Меньше известна другая сторона его творческой биографии. Знатоки проблемы называют его «живой памятью рода Романовых», большого рода, подрубленного революцией под корень, но все же выжившего, хоть и рассеявшегося по свету. Они живут в США, в Англии, в Испании, в Италии, в Греции, в Австралии, в Дании, в Канаде, во Франции. У нас об этом мало известно. «Мне говорили в Петербурге: «Не дурите нам голову, господа. Все Романовы погибли». Даже журналисты приняли меня за самозванца...» — горько усмехается Михаил Федорович.

В паспорте он записан как «Michel de Russie». То есть Михаил Русский. Во Франции когда-то таким же образом записали и дочку Ярослава Мудрого, вышедшую замуж за французского короля Генриха I: «Анна Русская».

Михаил Федорович показывает мне «Семейный альбом Романовых» — богато иллюстрированный трехтомник, изданный в 1989—1992 годах парижским издателем Ж. Ферраном. Это его гордость, его детище. И хотя я, автор этих строк человек, далекий от монархии, думаю, что такой альбом нашел бы и в России своего читателя. «Все му, — как сказано в «Екклесиасте», — свое время...»

Нависший над судьбой императора Николая II и его семьи злой рок не оставляет их и после мученической смерти. Надо же было так случиться, что ярые антимонархисты стали столь же яркими монархистами, подняли императорские символы и штандарты на государственную высоту в РФ. Даже сам Б. Н. Ельцин, по указанию которого (в бытность его первым секретарем Свердловского обкома КПСС) был снесен с лица земли дом Ипатьевых, в подвале которого расстреливали и штыками добивали семью Николая II, в первые годы после развала СССР не прочь был поиграть на монархическом поле. Ходили слухи, что в его семье уже примеряли корону царю Борису, а унаследовать ее должна была бы его дочь, царица или даже императрица Татьяна. Неспроста, видно, окружение Ельцина запускало пробные шары по поводу возможного восстановления монархии в России через регентство Бориса Николаевича над малолетним наследником, внуком последнего претендента на русский трон великого князя Владимира Кирилловича.

С удивительной бесцеремонностью, полностью игнорируя многочисленных и ныне живущих членов Дома Романовых, вчерашние номенклатурщики КПСС принялись перерывать могилы, искать в неизвестно откуда взявшихся останках гены царской фамилии Романовых. Уже по тому, что пробу на эти гены брали у членов королевской семьи Англии, а к ныне живущим Романовым, которые по линии наследования к Николаю II стоят гораздо ближе, даже не обратились, можно было заподозрить, что устроителей похорон царской семьи гораздо больше заботит политическая сторона дела, чем восстановление исторической справедливости.

Мы говорили с Михаилом Федоровичем незадолго до того, как в Кремле решили захоронить так называемые «останки» Николая II и его семьи, обнаруженные вдруг неподалеку от Екатеринбурга. Российская пресса была полна сообщений об этом, и газета «Известия» возвестила на весь мир, что предназначенный для захоронения прах — «это останки царя, царицы, трех великих княжон, врача и слуг, и что на этот раз «научные выводы об идентификации исчерпывающи» и «их достоверность даже избыточна».

Я спросил Михаила Федоровича, согласен ли он с этим утверждением.

— Если говорить о «научных выводах», — ответил он, — то «Известия» не упоминают, что именно в Америке, где про-

водилась генетическая проба, единого мнения о том, что же нашли — останки Романовых или нет, — не было с самого начала. Не так давно в Нью-Йорке вышла книга Альберта Масси, где как раз об этом и идет речь. Но даже это не самое главное, — говорит Михаил Федорович. — Более 70 лет мы считали, что костей императорской семьи вообще больше нет. После того, как сожгли трупы, облив их бензином, их полили серной кислотой. В книге известного французского историка Алена Дэко сказано, что в результате получился «суп», который вылили в заброшенную шахту. Поэтому надо решить, во что верить: в то, что говорили еще с двадцатых годов, либо в то, что нашли в 1989 году? Вот мой вопрос... У меня такое ощущение, что все это организовано не без участия англичан. Почему они в этом заинтересованы, я не знаю. Мне говорили в Санкт-Петербурге, что англичане нашли еще какие-то деньги, принадлежащие Романовым, и им наверняка нужно ответить со всей определенностью, что императорская семья умерла. Но независимо от этого у меня всегда были большие вопросы по поводу самого факта существования костей, а также их поисков еще до того, как их нашли в 1989 году. Когда же мне сказали, что будут не просто похороны, а панихида в Екатеринбурге, затем — в Москве, а потом уже и в Петербурге, то мне стало ясно: готовится явная политическая акция, сопровождающаяся, если хотите, немалой политической рекламой.

— В российской прессе писали, — задал я вопрос, — что история с захоронением останков царской семьи отмечена своей закономерностью: именно из Екатеринбурга, где она погибла, пришел Ельцин, положивший конец Советской власти, человек, с благословения которого, если не по его инициативе, и проводилось все это расследование подлинности обнаруженных царских останков.

— Есть и другой вопрос: почему именно Ельцин взорвал тот дом Ипатьевых в 1978 году, где расстреляли Николая II с семьей? Говорят, что по распоряжению из Москвы. Тогдашним лидерам не нравилось, что туда началось паломничество. Цветы каждый день, горящие свечи. Для меня это другой вопрос. В доме были хорошие полы. Толстые, деревянные. Раз уж кровь Романовых между половицами пролилась, найти ее можно было, не обращая ни за какой генетической пробой. Ведь известно, что следы крови сохраняются почти 400 лет. Легко было бы определить, чья же там кровь пролилась. Так почему ликвидировали такую возможность узнать истину? У меня нет и на это ответа. Только вопрос.

— Если нет полной уверенности в том, что речь идет о захоронении царских останков, да и то не всей семьи — не найдены, как известно, останки царевича Алексея и великой княжны Марии, — то вместо решения проблемы предания их земле организаторы похорон создадут другую проблему...

— Да, вопрос этот очень трудный и деликатный. Представьте себе, что есть хотя бы один человек, который знает истину. Что он сделает после того, как состоится захоронение костей царской семьи в Петропавловке? Если он живет в России, то он навряд ли рискнет говорить вообще. Но если он находится за границей...

... Когда похороны состоялись, почти все члены Дома Романовых все же поехали в Санкт-Петербург. Не столько потому, что их убедили в подлинности положенных в царские гробы костей, а скорее, потому, чтобы принять участие в примирительном акте России и династии Романовых. С этой точки зрения, как они считали, их участие в церемонии в царской усыпальнице в соборе Петропавловской крепости было куда более важным, чем подлинность самих останков. Михаил Федорович считал иначе и в церемонии участия не принял.

Вся эта история, несомненно, вызвала интерес у россиян к поискам правды о гибели царской семьи, к судьбе монархии в России и непосредственно — к судьбе Романовых. В России появились монархические союзы и партии. Было воссоздано Дворянское собрание. В Москву зачастили «Кирилловичи» — вдова покойного князя Владимира Кирилловича, его дочь и внук Георгий, которого уже принимали чуть-ли не как будущего царя.

Я спросил Михаила Федоровича:

— А насколько законны претензии этой ветви Романовых на русский трон?

— Да Георгий, — ответил он, — скорее, немецкий княжич, чем русский. Но для меня сейчас его претензии ничего не значат. Мне важнее другое: хотят ли русские, чтобы мы, Романовы, вернулись? Даже не как цари, а просто чтобы жить у себя на Родине, в России. Для меня самое главное, чтобы мои внуки могли вернуться. Пока они итальянки, француженки, американки. Это безумно грустно. Семья разрушена совсем. К сожалению, Мария (дочь великого князя Владимира Кирилловича, мать Георгия. — *Авт.*) не способствует ни ее единению, ни лучшему пониманию Романовых в России. Я вообще не хочу вступать сейчас в споры такого рода. Это — несвоевременно. Претензиями на трон России мы не занимались. Нам

было не до того. Мы работали всю жизнь, и у нас на такие претензии просто не было денег. В Америке, в Англии, в Италии мои братья и сестры Романовы — небогатые люди. У них нет наследства, на которое можно жить безбедно. Они, как вы говорите, трудящиеся. Владимир же (имеется в виду великий князь Владимир Кириллович Романов. — *Авт.*) никогда не работал. Откуда он деньги получил, меня не касается. Но в течение последних 37 лет именно он и его семья выступали в качестве законных претендентов на трон.

— *Западная, в частности французская, пресса писала, что после смерти Владимира Кирилловича Романовы не признали его дочь княжну Марию за главу русского императорского дома исходя из того, что в соответствии с решением еще императора Павла I женщина не может претендовать на русский трон.*

— Да, такое решение действительно было принято Павлом.

— *Но в таком случае и Георгий не может быть таким претендентом. Между тем он регулярно посещает Россию, совершает путешествия по стране вместе с великой княжной Марией и вдовой Владимира Кирилловича. Его представляют именно в качестве наследника русского трона. И именно в связи с ним шли разговоры о возможном регентстве над ним президента Ельцина.*

— Я этого не одобряю. У кого больше прав претендовать на российский трон — это вопрос не первостепенной важности. Россия, на мой взгляд, пока не готова к таким поворотам. А историю нельзя ни торопить, ни поворачивать вспять.

— *Действительно. Идут споры, кто имеет право на российскую корону, кто нет, а мы даже не знаем, что собой представляют Романовы сегодня.*

— Да уж. Тот же Собчак в свое время оказался в весьма сложном положении, потому что он верил Владимиру и Марии. И считал, что они единственные наследники. И вдруг приехали в Петербург Андрей, Никита и Михаил Романовы, о существовании которых никто не подозревал.

— *Таким образом, вновь встал вопрос о законном наследнике?*

— Мы этот вопрос не ставили.

— *Какое вы вынесли впечатление от поездок в Россию? Хотят русские возвращения Романовых или нет? Ведь там уже вовсю действует движение за возрождение дворянства, есть и монархические партии. Хотя, честно говоря, у меня такое впечатление, что все это — маскарад.*

— Пока, очевидно, — сказал Михаил Федорович с грустной улыбкой, — русские нашего возвращения не хотят. Я это вынес и из разговоров с людьми, и из общения с нынешней администрацией. Я не бьюсь за то, чтобы мне в Петербурге вернули дом моего отца. Но надеюсь, что мы получим пусть не дворец, а хотя бы маленький домик. Увы, администрация Петербурга пока нам навстречу не идет. Что же касается монархического движения, то тут вы правы. Там есть искренние люди, но, к сожалению, больше ряженых...

— Среди тех, кого вы называете ряжеными, есть теперь немало и новоявленных графов, маркизов, даже князей. Говорят, что за определенную цену это можно приобрести в монархических кругах в Москве. Это так?

— Вы, наверное, знаете, сколько было самозванцев, претендентов на трон Романовых после гибели царской семьи. Что это были за люди? Проходимцы, жулики... То же самое относится и к тем, кого вы именуете «монархическими кругами», раз они занимаются таким бизнесом. Никто не может присвоить ни дворянского, ни графского, а уж тем более, княжеского титула в отсутствие в России самого института монархии и царствующего монарха. Это исключено. Ни за какие деньги купить это нельзя.

— А вы бы поехали в Россию, чтобы там постоянно жить? Ведь вы были инициатором создания «Фонда Романовых для России» в 1992 году, по линии которого осуществляется гуманитарная и другая помощь РФ. Это уже своего рода возвращение Романовых в Россию.

— Я готов приехать. Хотя я и понимаю, что жить там 12 месяцев в году будет мне нелегко. Уже потому, что все 70 лет моей жизни были связаны с Францией. Жизнь Николая Романова — с Италией, жизнь Дмитрия — с Данией. Но, думаю, это можно преодолеть.

— Вам уже немало лет. Но я смотрю, покой вам только снится. Вы были одним из инициаторов встречи Романовых в Париже в 1992 году. Какие цели вы ставили при этом?

— Прежде всего мы искренне стремимся помочь восстановить историческую правду о Романовых. Когда я был в Петербурге, меня спрашивали, почему мы не вернулись раньше. Но как? Кто бы нас пустил? Кто бы дал визу? Кто бы дал мне, например, гарантию после войны, что меня не уничтожат еще до того, как я пересеку границу России? А мы ведь не были на стороне Гитлера. Мы все сражались против него. Я — во французской армии, Никита — в английской армии, другие — в американской.

— Владимир Кириллович между тем не воевал. Он попал к немцам в самом начале войны. Насколько известно, он отказался с ними сотрудничать.

— Фактически он был у немцев в плену. Его нашли в Баден-Бадене в 1945 году. В Германии нельзя было его оставлять. Англия принять его отказалась. Швейцария тоже. В результате он выехал на жительство в Испанию и только много лет спустя вернулся во Францию. Так что не только большевики были против Романовых. Вся Европа. И наша проблема не бывший Советский Союз. Это — Европа. Никто не хочет, чтобы мы вернулись в Россию. Хотя у нас ничего не осталось, кроме имени.

— *Объективно в войне против Гитлера вы были союзниками большевиков?*

— Объективно, да. История поворачивается иной раз самым неожиданным образом. Кстати, когда я был в Санкт-Петербурге, я разговаривал с теми, кто его защищал от немцев во время войны. Для них война связана с «блокадой Ленинграда», с «защитой Ленинграда». И как солдат я понимаю их возмущение тем, что город переименовали в Санкт-Петербург. Кстати, и это было сделано не по инициативе русских. Был такой знаменитый обед Ельцина в Париже с господином Жаком Сегалем (специалист по рекламе, социолог, близкий к Социалистической партии Франции, один из организаторов ее предвыборных кампаний. — *Авт.*) пять лет назад. Так вот Сегаль ему сказал: «Вы хотите все переменить? Перемените имя!»

— *Вы поддерживаете постоянные связи со своими родственниками по линии рода Романовых. Что он сейчас собой представляет?*

— В мире, наверное, немного настолько разрушенных семей, как род Романовых. Если до Второй мировой войны еще как-то поддерживались нормальные связи, то война многое разрушила, всех разбросала. Я своего отца в последний раз до войны видел на Пасху 1938 года. А затем я его увидел только в 1946 году. Романовы, как я уже сказал, воевали во всех союзнических армиях, кроме советской. А после войны осели повсюду. Точной статистики, сколько сейчас в мире Романовых из нашего царского рода, я не вел. (В 1967 году одна газета подсчитала, что в мире 29 мужских наследников Дома Романовых. — *Авт.*)

...Михаил Федорович показывает мне фотографию, сделанную в 1992 году. Семь князей Романовых. Дмитрий (Дания), Александр, Андрей и Никита (США), Ростислав

(Англия), Николай (Италия), Михаил (Франция). Я спрашиваю его на прощание:

— *Что вы думаете о будущем политическом устройстве России, когда смотрите на нее сегодня?*

— Когда я там был весной 1993 года, я уже увидел, что страна распродается по частям. Итальянцы покупали дома в Петербурге, немцы. Ростроповичу дом не продали, но зато он купил двухкомнатную квартиру. За пятьдесят тысяч долларов. Мы ему сказали: «Вы нас убили. У нас нет такой суммы, чтобы купить две комнаты в Петербурге». В общем, осталось у меня такое впечатление, что идет гигантская распродажа России. Так, кстати, было в 20-м и 21-м, — говорит Михаил Федорович. И, подумав немного, заключает нашу беседу так: — Мне трудно судить о положении в России, ибо для этого надо постоянно следить за ситуацией, для чего у меня, увы, нет возможностей. Думаю все же, что будущее за теми, кто сможет объединить Россию и восстановить ее бывшее могущество. Самое главное сейчас — не допустить ее дальнейшего распада. Поймите, это — самое главное.

Мы расстались у порога его дома. Михаил Федорович вышел меня проводить, подробно объяснил, как мне кратчайшим путем выехать из Нейи в Париж. Мне все это показалось тогда какой-то фантастикой. Я, корреспондент «Правды», только что мирно побеседовал с правнуком Александра III... Потом мы, не удивляйтесь, подружились семьями с Михаилом Федоровичем, и мои дочери играли с его внучкой, отчаянной забиякой и затейницей принцессой Татьяной Русской (Романовой). Бывало, что во время наших парижских застолий князь, забыв о политике, срывался и кричал: «Кто довел Россию до ее нынешнего состояния? По чьей вине все рушится? Это вы — большевики во всем виноваты!». В нашем доме он как бы открывал для себя Россию, которую увидел только в конце своей жизни, но по которой тосковал душой всю свою жизнь. За это он был нам благодарен и иногда, в порыве благодушия говорил: «Приятно все-таки узнать, что и среди коммунистов есть вполне приличные люди». Я не реагировал на эти его уколы. В поисках ответа на вопрос о том, куда идти России в XXI веке, для меня было куда важнее его мнение о том, что происходит в нашей стране, в том числе и о дебатах на нашем «верху» вокруг проблемы царской семьи, о возможности восстановления монархии. Мне повезло, что я смог узнать ответ на это, что называется, из первых уст.

ЭЛЕН КАРРЕР Д'АНКОС. «РОССИИ НУЖНО КУДА-ТО ПРОПИСАТЬСЯ»

Когда я начал писать эту книгу, я решил, что непременно должен встретиться с этой женщиной. Ее дар политической прорицательницы принес ей славу Нострадамуса от советологии. И не случайно...

...Улица Ренуар идет по крутому правому берегу Сены, как бы очеркивая границу парижского района Пасси. С давних пор, когда Пасси еще был деревенькой, здесь любили селиться писатели. Об этом свидетельствует сохранившийся до наших дней дом Бальзака на рю Ренуар, в котором создатель «Человеческой комедии» скрывался от кредиторов. После революции Пасси облюбовали русские писатели-эмигранты. Здесь жили или просто бывали Бунин, Цветаева, Гиппиус, Мережковский, Георгий Иванов, Ходасевич. Они говорили, что живут «на Пасях»...

Я поднимаюсь на самый верхний этаж старинного дома с ротондой на рю Ренуар, в котором живет Элен Каррер д'Анкос. Прежде не особенно интересуясь ее биографией, я считал, что она француженка. И только уже потом узнал, что имя ее напрямую связано с Россией не только в силу ее занятий советологией.

Ее книги — «Разваливающаяся империя», «Ленин, революция и власть», «Десталинизация начинается», «Русское несчастье», «Слава наций», «Победоносная Россия» и другие принесли ей за последние 20 лет славу крупнейшего советолога не только во Франции, но и далеко за ее пределами.

В ноябре 1991 года Элен Каррер д'Анкос получила высшее признание для французского ученого и литератора — ее избрали во Французскую академию. Она заняла кресло, в котором до нее сидели Корнель, а затем Виктор Гюго. В приветственной речи академик Морис Дрюон сказал: «Советологов много. Но вас отличает от других ваше личностное отношение и любовь, совмещенная с неимоверной жалостью к тому народу, которого судьба обрекла на «русское несчастье».

На шпиге академика, которую создал француз грузинского происхождения мастер Горджи специально для Элен Каррер д'Анкос, есть такие символы: — андреевский флаг, Георгий Победоносец, поражающий дракона, Золотое Руно и Гальский Петух. Это символы России, Грузии и Франции.

Линия матери Элен Каррер д'Анкос восходит к графам Паниным — от Никиты Панина, ближайшего советника Екатерины II, до Софьи Паниной, единственной женщины в правительстве Керенского, министра по делам народного образования. Золотое Руно на ее шпаге — дань памяти отца, по происхождению грузина.

Среди ее предков (это по ее собственному утверждению, что некоторые ее родовитые соплеменники отрицают) — граф Алексей Орлов и его брат Григорий, фаворит Екатерины II и президент Российской Академии — удивительные все же бывают совпадения. Но это в судьбе Элен Каррер д'Анкос не единственное. Ее бабушка переводила в России на русский язык романы Жорж Санд. Могла ли она подумать, что ее внучка станет действительным членом Французской академии, той самой, где прозванные «бессмертными» академики со времен кардинала Мазарини, творят великое таинство — раз в 60 лет издают академический словарь французского языка! И уж конечно не могло никому в голову прийти до революции, что в академики эту русскую аристократку будет принимать секретарь Французской академии Морис Дрюон, автор знаменитой серии исторических романов «Проклятые короли», но по происхождению тоже русский. А шпагу академика вручит ей Анри Труайя, признанный классик французской литературы, урожденный Лев Тарасов. И еще пошутит при этом: «Наших тут, кажется, уже многовато...»

... У нее очень живые глаза. Улыбка не покидает уголки ее рта. Она вся в делах — ожидает приезда своего внука, которому сегодня исполняется два года, и день рождения будут праздновать здесь, всей семьей, у нее, признанной главы семьи. При всем при том Елена Георгиевна — так она разрешила мне себя называть — одета безукоризненно, в почти обязательный для французов пиджак-«тайер» канареечного цвета. И когда я попросил разрешения ее сфотографировать, она сказала: «Одну минуточку, я только накрашу губы...»

Я задаю ей вопрос за вопросом, и она отвечает, даже еще не дослушав вопрос до конца, будто считывает мои мысли:

— *Вы — академик, пожизненный член Французской академии. Что это означает для вас? Это работа? Должность? Символ статуса?*...

— Я каждый четверг, если только не путешествую, работаю в Академии. Можно было бы конечно просто приходить на собрание ее членов каждый четверг, где говорят о том, как пересмотреть академический словарь французского языка.

Это, в общем, всего полтора часа работы в неделю. А можно работать в комиссиях, где идет основная работа над словарем, целый рабочий день. Я выбрала второе, потому что люблю языки и для меня это страшно интересно. И к тому же — чрезвычайно приятно.

Французская Академия существует три с половиной века. В ней неизменно — 40 человек. Это своего рода замкнутый клуб. Критерий здесь гениально прост — «бессмертными» должны быть люди и талантливые, и порядочные одновременно. Приятно все-таки, согласитесь, оставаться до смерти в компании порядочных людей.

— Скажите, кем вы больше себя чувствуете — француженкой, русской, в вас есть и грузинская кровь. Что стало для вас определяющим — кровь, гражданство, культура, образ жизни?

— Родители воспитали меня, хотя и в Париже, но на русской почве. Мой отец был патриотом Грузии. Но он сам решил, что мне надо передать русскую культуру. Во мне поэтому две культуры, два языка. Конечно и по гражданству, и по жизни я француженка. Но я себя чувствую как в своей стихии и в России, в русской культуре. С Грузией у меня более сложные отношения. Ведь я по-грузински не говорю.

— Как впервые состоялась ваша встреча с Родиной предков?

— Это было в 1955 году. Меня познакомили с одним сотрудником французского МИДа, который оказался внуком Плеханова. Во Франции никто не знал, кто такой вообще был Плеханов. А я знала. Однажды он предложил мне поехать в Россию в составе научной делегации. Я была тогда студенткой. В те времена мало кто ездил в Советский Союз, кроме разве что коммунистов.

Меня встретили в России, ну скажем так, неласково. Вызвало подозрение прежде всего то, что я свободно говорю по-русски, а когда узнали, что я из семьи эмигрантов, то и вовсе ужаснулись. Приняли меня, наверное, за шпионку. Обидно было...

— Имена ваших предков тесно связаны с историей России. Есть ли у вас в связи с этим ностальгия по «памятным местам»?

— Я очень люблю Россию. И я этого раньше даже не знала. Первый раз она меня напугала. Слишком много там было Советского Союза и очень мало России. Но ностальгия была и тогда, и есть сейчас, хотя и своеобразная. Я люблю большие

города. Санкт-Петербург, Москву. В Москве у меня множество всяких любимых закоулочков... Я не стремлюсь идти по следам своих предков. Скорее, мои маршруты там определяет русская культура: я иду по следам Раскольникова, Чехова...

— *Почему вы занялись именно советологией?*

— Меня интересовал не древний Рим, а мир, в котором я живу. Коммунизм в то время был на подъеме. И тогда все спорили о том, докатится ли коммунистическая революция до Западной Европы. Вот я и занялась коммунизмом, потому что по своему интеллектуальному складу предпочитаю смотреть в будущее. И мне хотелось понять законы его развития и тем самым — срок его жизни. Так что и в этом плане, не говоря уже о русских и грузинских корнях, мой интерес к Советскому Союзу — совершенно естественен.

— *Что вы считаете отправной точкой в Ваших трудах о Советском Союзе?*

— XX съезд КПСС. Это было, как шок. Приоткрылась завеса, за которой я увидела перспективу. Я начала жадно читать. В том числе и русскую художественную литературу.

— *Советских авторов?*

— Живших в СССР. Потрясли меня «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Матренин двор» Солженицына. Я вдруг ощутила, что Россия жива, не убита...

— *После того как вы написали свою книгу «Разваливающаяся империя», вас стали называть Нострадамусом от советологии. Жизнь, увы, подтвердила ваш прогноз. А как встретили вашу книгу тогда, в 1978 году?*

— Разошлась она огромным тиражом. Но ее атаковали и справа, и слева. В «Фигаро» написали, что я работаю на КГБ, потому что «дезинформирую» западный мир. С другой стороны, коммунисты обвинили меня в том, что я работаю на ЦРУ, потому что «клевету» на СССР. Ну и наконец некоторые либеральные критики заявили, что я просто сумасшедшая, потому что никакого национального вопроса в СССР, по их мнению, просто не было. И даже когда началась перестройка, наметились центробежные тенденции, меня все еще спрашивали: ну где же ваши бунтующие мусульмане, малые народы? Сейчас, когда идет война на Кавказе, после кровавых драм в Средней Азии и особенно в Таджикистане, таких вопросов уже не задают.

Почему я пришла к этой книге? С моей первой диссертации, посвященной Бухаре в Российской империи и в первые годы Советской системы, меня волнует главный вопрос: что

такое Россия, где она начинается и где кончается? На чем это все построено?

Начав со взаимоотношений между православными и мусульманскими народами в России, я сейчас к этому возвращаюсь, пытаюсь понять, куда пойдет дальше развитие отдельных республик, как будут складываться их отношения с Россией, что станет с ней самой?

— *Вы ищете ответ на то, кто мы — европейцы, азиаты, скифы, как говорил Блок, евразийцы?*

— Я хочу понять, каков исторический интерес России. Она не может ориентироваться исключительно на европейский континент. Большею своей частью она расположена в Азии. И потому скорее всего ее будущее развитие определит ее двуконтинентальность. И не только я так думаю.

Недавно я встречалась с Назарбаевым. Он — умница. И мы с ним долго говорили. Важно, что он все же желает жить с Россией, а не без нее. И в этом я вижу какое-то окошко в будущее...

— *Вы предрекли развал СССР за 13 лет до того, как это случилось. Вы действительно думали тогда, что это близкая реальность?*

— Я не думала, что это будет так быстро, скажу честно. Мне казалось, что СССР просуществует до конца века. Но не одна я задумывалась о непрочности Советского Союза. И Амальрик написал книгу под названием «Доживет ли СССР до 1984 года?» Он ошибся всего на 7 лет.

В этих предсказаниях нет чуда. Есть анализ. Когда я только начинала изучать всю эту проблематику, документов в руках у меня было мало. Но я обратилась к истории Второй мировой войны. Там был уже какой-то момент развала. Но гитлеровская политика и свирепость, то, что фашисты повели себя на оккупированных территориях, как дикари... Может быть, это и спасло тогда Союз. Ведь на Украине поначалу их встретили многие хлебом-солью. Да и взаимоотношения других народов с немцами тоже заставляли меня задумываться о том, что «единство советского народа», о котором так уверенно писала всегда ваша печать — это вовсе не аксиома.

— *И тем не менее при Советской власти не было того, что мы наблюдаем сейчас после Беловежской Пути. Народы, вчера еще жившие мирно, пошли войной друг на друга, страдают и гибнут люди...*

— Увы, в немалой степени все это было заложено в систему, созданную Лениным и Сталиным. Подумайте, кто возвел в государственный институт это национальное размежевание

1924 года? И Ленин, и Сталин осуществили все это деление на национальные районы, области и республики настолько произвольно, что было с самого начала ясно многим — придет время, когда люди начнут это оспаривать.

Например, сейчас таджики открыто отрицают право узбеков владеть Самаркандом. И доказывают, что исторически они имеют на это право. Так, когда делили Среднюю Азию на республики, разве об этих претензиях не знали? Конечно, если бы был жив Сталин, никто бы не резал горло соседу. Да и при Горбачеве на первых порах. И тем не менее постсоветское кровопролитие — это результат того раздела России на национальные «улусы», авторами которого были большевики.

— *Мог ли, по-вашему, Горбачев удержать Союз от распада? И хотел ли он его сохранить? Как вы вообще относитесь к Горбачеву?*

— Поначалу Горбачев мне понравился. Мне казалось, что он начинает мирную реорганизацию Союза. Горбачев не хотел его ликвидировать. Я и сама не считала, что СССР необходимо было, скажем так, распустить. У меня никаких к тому же нет здесь личных интересов. Но я считала, что реорганизация его была нужна. И когда надо было двигаться к такой реорганизации, Горбачев начал пропускать момент за моментом. Примерно с 1989 года он, видимо, уже перестал что-либо понимать и считал, что надо просто удержать Союз, а в результате упустил момент, когда его все-таки можно было спасти. Из-за его упрямства в значительной мере ничего из этого не вышло.

Он ничего не понял в литовской истории. Я уже не говорю о грузинской истории. В общем, в один прекрасный день я поняла, что он — человек конченный. И надо смотреть в другую сторону. Впервые, пожалуй, я поняла это в Москве на XIX партконференции, где я была в качестве корреспондента журнала «Нувель Обсерватор».

— *Вы критиковали Горбачева за его неявку в Конституционный суд по «делу КПСС». Далеко не всем во Франции это понравилось...*

— Да, у нас во Франции очень сильна «горбомания». Я не могу, говоря о нем, оперировать категориями «люблю» или «не люблю». Но я могу доказать, что он не тот человек, каким люди на Западе хотят его видеть. У меня, поймите, нет никакой личной оппозиции к Горбачеву. Я рассматриваю его как историк. И именно поэтому считаю, что нам всем еще придется многое пересмотреть. Многое неясно мне, кстати, и в истории «путча». В том числе и позиция Ельцина мне неясна.

После «путча» Горбачев себя вел не лучшим образом. Он упустил момент, когда нужно было себя вести как великому политику и как интеллигентному человеку. Он держался за власть, когда от нее надо было с достоинством отказаться. И если бы он именно так и поступил, в истории осталась бы о нем совершенно иная память. Ему надо вообще было либо вовремя уйти, либо быть более тонким политиком и сделать вид, что он уходит. Он не сделал ни того ни другого. Сидел, как дурак, и говорил: нет, я не уйду. А затем это... то, что турки называют «базарлык». Эти разговоры о том, какую ему оставят машину, дачу и т. д.. Незелегантно это. Ельцин тоже тут повел себя не лучшим образом. В общем, оба они оказались не на высоте. И, наконец, эта история с Конституционным судом... Если уж человек сыграл такую историческую роль, то тут надо подумывать немножко о себе как об исторической фигуре, о своей репутации, а не просто о своих личных, сиюминутных интересах. Но вот тут-то Горбачев и не смог, как говорят, преодолеть планку.

Тем не менее, несмотря ни на что, все же последняя революция в России была совершена в основном без крови. И это — заслуга Горбачева. Когда-нибудь подлинная история Горбачева будет написана. Пока рано. Надо смотреть архивные документы, анализировать все заново. То, что публикуют сейчас, — это либо сплошная горбомания, либо ненависть к нему. Объективности нет.

— В своей книге «Слава наций» (1990 год) вы пришли к достаточно парадоксальному выводу, когда написали что только развал СССР, если он произойдет, поможет входящим в него республикам понять сложившуюся у них историческую общность с Россией. Прошло немного времени после сговора в Беловежской Пуще, а жизнь действительно подтверждает ваш вывод...

— В этой книге я писала, что Россия и другие нации уже не могли далее жить вместе в рамках прежнего Союза, в условиях жесткого централизма. Перемены были неизбежны. Но я не считаю, тем не менее, что Беловежская пуца ознаменовала собой конец процесса. История никогда не заканчивается таким образом. Я не скажу, что Союз возродится. Но в будущем пусть не все бывшие республики, но часть их придут к новому альянсу. Здесь, конечно, многое определит то, какую роль сыграет Украина. Куда пойдет Казахстан. Особенно Украина. Есть на Западе силы, подталкивающие ее к окончательному разрыву с Россией. Украину воспринимают как европейское государст-

во, ей сулят перспективу со временем вступить в Европейское сообщество. Россию же продолжают воспринимать, как государство азиатское. И при этом Запад не понимает, что разрыв Украины с Россией был бы огромной трагедией не только для России, но и для всей Европы. Я согласна с Солженицыным. Все возможно для России, кроме разрыва с Украиной и Белоруссией. Россия без Украины — это историческая трагедия. Это означало бы, что граница Европы пройдет по русско-украинской, что Россию вытолкнули из Европы. Запад не понимает, какая это будет трагедия. И я боюсь, что Запад будет и впредь вести себя здесь весьма неосторожно (и здесь наш Нострадамус дала точный прогноз. — *Авт.*). Я, кстати, именно поэтому стала советником Европейского банка реконструкции и развития. Считаю, что смогу через него оказывать влияние, разъяснять, что неосторожную политику на этом направлении Западу следует остановить.

Я была в Грузии, после того как она стала независимой, и долго говорила с Шеварднадзе. Он понимает, что Грузия не может жить одна, она должна найти какую-то форму связи с Россией, хотя с этим моим тезисом явно не согласится грузинская эмиграция. Возможно, что Узбекистан, Таджикистан пойдут по другому пути. Время покажет...

— Какие сценарии развития нынешнего СНГ вы считаете наиболее вероятными?

— Я не верю в реинтеграцию бывших советских республик в новый Союз. Скорее, они создадут нечто, напоминающее «Общий рынок» в Западной Европе. Им придется решать и территориальные вопросы, самые трудные. Нельзя все время все откладывать на потом. Не получится. Возьмите, например, крымский вопрос. Россия без Крыма — это что-то все-таки не совсем нормальное. И почему Крым при Хрущеве был приписан к Украине — никому не известно. Это была глупость, и большая. Надо будет решать этот вопрос. Решать и вопрос крымских татар. Нельзя ведь просто так игнорировать историю России двухсот последних лет.

Так что все это пока — переходный этап. И в этом свете надо рассматривать все явления сегодняшнего периода. Нет ничего стабильного. Я не исключаю даже, что и России придется пересмотреть свои границы. Одно дело — Татарстан. Казань уже более четырех веков живет в составе России и в российской организации. Четыре — пять веков — это уже необратимо. Но Кавказ — это немногим более века. Там каждый еще себя мнит Шамилем. И тут никакой совместной жизни, я

думаю, не будет. Какую-то реорганизацию придется принять, чтобы избежать ежедневных войн.

— *В одной из своих последних книг «Победоносная Россия» вы говорите о России будущего, о ее возрождении как великой державы. Что питает эти ваши надежды? Какой вы видите будущую Россию?*

— Россия — это историческое государство и историческая нация одновременно. Есть нации, которые, достигнув своего предела, распадаются на маленькие страны. У России, видимо, другая судьба. У нее огромные территории и богатства, хотя их пока и не могут рационально использовать. Различные народы, живущие в составе России, исторически объединены. Общая судьба связывает их много веков. Россия, не смотря на нынешнюю разруху, — это не «третий мир», а страна развитая. Население ее в массе своей образовано. И хотя народ долго подвергали идеологической обработке, люди на родине моих предков нормальные. На Западе это не всегда понимают. Здесь судят о России по фильмам Лунгина «Такси блюз», и «Луна-парк». Но это — большой город, а не вся страна. Такие фильмы можно сделать и о Франции.

Нельзя абсолютизировать понятия и мыслить стереотипами. Вот сейчас все говорят о мафии. Но, господа, вспомните покойного Леонида Брежнева со всей его семьей и его окружением. Это тоже была мафия и еще какая. Все забывают, что государство было в руках этой мафии, настоящей мафии. На этом фоне нынешние многочисленные мафиози — приголовишки.

Я верю в будущее России и ее народ, который единственно и может возродить ее величие. Для этого у России есть все возможности. Без нее не будет европейского континента. Я считаю, что европейцам надо сейчас как можно активнее прийти на помощь бывшим социалистическим странам. И в первую очередь России. Это и их обязанность и долг.

— *Вам приходится принимать участие в различных форумах, на которых обсуждается вопрос о помощи России. Какое у вас сложилось впечатление? Готов Запад помогать России вновь встать на ноги, либо он не хочет видеть ее великой, а предпочитает, чтобы она распалась на мелкие княжества и волости, чтобы так было ее удобнее эксплуатировать?*

— У Запада сейчас нет ясной доктрины. О помощи говорят все время, но как в опере, где поют «Мы идем, идем!» — а все стоят на месте. Помощь пока очень маленькая. И европейские страны, которые в первую очередь должны быть в этом заинтере-

ресованы, чувствуют себя с Россией неуютно. Здесь не понимают, что такое Россия. Для многих это какой-то зверь. Советский Союз — то было нечто пугающее, но зато знакомое, привычное. На Западе, по-моему, просто до сих пор не поняли, что Россия существует. Не Советский Союз, а Россия. И они считают, что раз Союз развалился, то и Россия должна развалиться. Вместе с тем заявляют, что Украина не должна развалиться.

Япония поставила вопрос о роли азиатских стран. Она готова помогать именно азиатским странам на территории бывшего СССР. Видимо, речь вообще идет о каком-то новом блоке азиатских стран, который может представлять потенциально немалую угрозу для европейского мира. Запад должен понять, анализируя такого рода процессы, что Россия — это часть Европы, что разлагать ее по кускам — не дело, ибо это в конечном итоге ударит по самой же Европе. Азиатские страны пошли вперед, и они Европе подарков делать не будут. А России нужно куда-то прописаться. Я считаю, что в интересах Европы помочь как можно быстрее поставить Россию на ноги. В этом отношении я оптимистка. И именно поэтому говорила в своей книге о Великой России. Я могу только в хронологии ошибиться. Но в общем я права.

Не берусь судить, правильно проводил Гайдар реформы или нет. Но я считаю, что рыночные реформы были нужны, хотя мне и могут сказать — хорошо Вам там, сидя в богатом Париже, нам подавать советы. Я понимаю, народу сейчас тяжело. И если бы я сейчас у вас там жила, я не знаю, как бы вела себя. Думаю, что была бы в ярости, протестовала бы, возможно была бы в оппозиции.

России надо помочь встать на ноги. Помощь ей со стороны Запада необходима уже для того, чтобы народ не впал в отчаяние и не пошел на «простые решения». Необходимо осуществлять инвестиции в экономику России. Это оправдается. В конце XIX века Россия показала огромный динамизм. Ее развитие было изумительным. Этого никто не ожидал. Это показало, какой гигантский потенциал есть у русского народа. Страна — великая.

— *Есть ли у Запада возможности это сделать? Есть ли деньги?*

— Деньги есть, надо не бояться их вкладывать.

— *Как вы видите отношения России с Францией. Они в последнее время какие-то непонятные.*

— Да, даже мне непонятные. У Франции есть определенные традиции в отношениях с Россией. Сейчас они не про-

слеживаются ни в чем. И по причинам странным. Традиционно хорошие отношения между нами строились на некоей структуралистской идее. Франция в своей политике стремилась обеспечить определенный баланс в отношениях с Россией. Но в последние годы в эти отношения впервые столь сильно вмешались личностные интересы. Президент Миттеран, будучи очень симпатичным человеком, любил Горбачева и ненавидел Ельцина. И поскольку вся внешняя политика определяется волей президента у Республики, то его личные позиции очень влияют и на отношения между отдельными странами.

Пока у нас тут на Западе считают, что русские — какие-то ненормальные люди, потому что они выгнали Горбачева. Вы смеетесь, но я вас уверяю, что это так. В западном мировоззрении вообще то, что русские думают о своих лидерах, никого не интересует. Это чрезвычайно странно. Здесь считали, что Горбачев несет западные идеи русским. А раз Ельцин узурпировал место Горбачева, то он и есть узурпатор. Согласен был с этим народ или нет, об этом никто не задумывался.

— Ну, народ, положим, никто и не спрашивал. Народ проголосовал на референдуме 1991 года за сохранение Союза. Так что легитимность решений, принятых в Беловежской Пуще, вещь весьма спорная.

— В революциях все спорно. И тем не менее как историк я уверена, что перемены в России необратимы. Я не верю, что какие-то красно-коричневые или другие тоталитарные силы могут всерьез прийти в России к власти. Это обернется только ее дальнейшим развалом. Когда я была на Урале, местные лидеры говорили мне, что, если будут какие-то беспорядки, то они у себя на Урале будут жить как хотят, рассчитывая на свои собственные силы. Это уже намек на то, что страна развалится, если кто-то установит диктатуру. Кто бы ни пришел сейчас к власти, нужно найти будет какой-то баланс между централизованным государством и демократией. В России сейчас вообще никакого государства, по-моему, нет. Есть парламент и есть президент. Нужно искать баланс. Нужен центральный авторитет и большая децентрализация на местах, но на это надо много лет...

... Мы не раз встречались и говорили с Элен Каррер д'Анкос и после той нашей первой беседы у нее дома на рю Ренуар. Она во многом оказалась права. И хотя она до конца не верила в то, что Ельцин пошлет на «Белый дом» танки, она все же точно предсказала выборы в парламент между октяб-

рем и декабрем 1993 года. Не зря ее прозвали Нострадамусом. Самое главное ее предсказание, однако, не в этом. Элен Каррер д'Анкос считает, что демократическая система, капитализм установились в России окончательно и необратимо.

«Русские, — говорила она мне, — нормальные люди. Они не глупее других и так же способны воспринимать демократию, как и другие. В конце концов в истории России демократические начала были еще в XII веке. И если даже о них забыли, то сейчас очевидно, что демократическое сознание в России растет...»

* * *

С этим трудно не согласиться. Да, русские восприняли демократию, ибо они демократичны по своей сути. Они восприняли свободу и за просто так больше никогда ее и никому не отдадут. Привести их обратно к тоталитарному режиму не смогут ни коммунисты, ни антикоммунисты. Но вот в том, что они восприняли капитализм как социальную систему, его ценностные ориентации, я все же сомневаюсь. Да и не только я.

Глава 12

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ: ГОСУДАРСТВО ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Российские «демократы» растеряли свой авторитет в народе даже не столько потому, что их «демократический эксперимент» провалился, а потому, что отвергли с порога все советское прошлое, просто вычеркнули все предыдущие 70 лет как «черную дыру», в которую будто бы провалилась наша российская реальность. Они не поняли, либо по недомыслию, либо преднамеренно, трудно сказать, что, утратив связь времен, народ теряет не только свое прошлое, но и свою историческую перспективу. А одним настоящим живут только мотыльки-однодневки. Советский опыт дан русскому народу в поучение. К нему нам предстоит присматриваться и примеряться еще не раз, т.к. в нем самым прихотливым образом переплелись величие России и ее позор, ее взлеты и падения, грандиозные свершения ее народа и великие злодейства ее лидеров.

ВСТРЕЧА В НИЦЦЕ

Пожалуй, никто лучше не проанализировал наше советское прошлое и феномен советского коммунизма, чем Александр Зиновьев. Он вошел в мировую науку как выдающийся философ и логик. Уже в 60-х годах ему было обеспечено мировое признание. Однако в Советском Союзе, где он тогда жил и преподавал в Московском университете, в признании ему отказали.

В 1976 году на Западе вышла его потрясающая книга «Зияющие высоты», за которой еще в рукописи охотились ловцы диссидентов с Лубянки. После этого в СССР ему отказали в советском гражданстве. Зиновьев стал гражданином ФРГ. Он обретает известность теперь уже не только, как писатель, но и как самый беспощадный критик коммунизма.

В СССР его заносят в списки активных врагов. По ненависти к нему партноменклатуры Зиновьев опережает Солженицына.

На Западе, однако, он остается чужаком: «самый ярый критик коммунизма», по характеристике партийных идеологов, оказывается, не антикоммунист и провозгласить себя таковым отказывается.

Еще непонятнее: изничтожив своей убийственной сатирой советское общество и его нравы в «Зияющих высотах» и повести-памфлете «Номо Soveticus», Зиновьев публично говорит о своей ностальгии по советскому образу жизни. Еще до «перестройки». В то же самое время он по-прежнему остается абсолютно неизвестным русскому читателю.

Антисталинист, всерьез готовивший убийство Сталина в свои юные годы, Зиновьев пишет книгу «Нашей юности полет», которую многие воспринимают как апологию Сталина.

Вскоре после начала «перестройки» в 1985 году в Советском Союзе отменили прежние распоряжения властей о высылке теперь уже всемирно известных писателей за границу и лишении их советского гражданства. В Москве готовились выдать индульгенцию и Зиновьеву. Но в этот момент, когда уже и на Западе все принялись аплодировать «перестройке», Горбачеву и его команде реформаторов, Зиновьев пишет книгу «Катастрожка», где высмеивает Горбачева.

Развал СССР и становление в России дикого капитализма стали новой вехой в творчестве Зиновьева. Он перестал смеяться над коммунизмом. Он стал его активным защитником. Его статьи и интервью после августа 1991 года все чаще появляются в «Правде», «Советской России», в газете «День». («Завтра» с октября 1993 г.) В 1998 году он вернулся в Россию и к преподавательской деятельности в МГУ и других вузах нашей страны.

Мы впервые встретились в Ницце осенью 1989 года. Шел созданный французскими правыми, а уж если быть точнее, очень правыми организациями «международный конгресс по

дезинформации». В зале было скучно, ораторы занудно пугали друг друга происками коммунизма. Я вышел в холл и увидел Александра Зиновьева.

Я исподволь наблюдал за ним, размышляя, с кем он, этот человек. Как получилось, что такой крупный русский философ и писатель с явным талантом от Бога с нашими властями не поладил, да и с Западом, судя по его выступлению, тоже не слился?

Вспомнилось, как он говорил в одном интервью: «Даже после того, как при Брежневе меня выслали из Советского Союза, и я стал жить на Западе, мне не удалось вырваться из обстановки ложных слухов и клеветы. Меня зачисляли в антисемиты и сионисты, в русофобы и в русские шовинисты, в коммунисты и антикоммунисты... Я ни то, ни другое, и не прочее. Моя позиция такова: я — самостоятельное государство из одного человека, я никому не служу, не следую ни за кем...».

Как узнаешь, чего больше было в этом заявлении — оборонительного высокомерия непонятого и оскорбленного интеллектуала или отчаяния от непонимания?

К моменту нашей встречи ему исполнилось 68 лет, из которых 12 лет он уже прожил на Западе, так ни разу и не вернувшись в СССР после изгнания. У него за спиной помимо самого значительного его романа «Зияющие высоты» — десятки книг, сотни статей, выдающиеся научные работы по математической логике, философии, истории, социологии...

Что-то там творится в этом государстве из одного человека? Как получить туда визу мне, корреспонденту «Правды»?

Я все же рискнул и представился ему. И с «визой» в один миг все решилось. Мы шли вдоль моря, и я с разрешения Зиновьева записывал наш разговор на пленку. Я сам не ожидал еще, что из этого когда-нибудь получится интервью, которое потом, во что по тем временам и поверить было невозможно, все же будет опубликовано в нашей суперпартийной газете. Но времена менялись. И Горбачев лично привел в «Правду» на пост главного редактора своего помощника Ивана Фролова, который был выписан Зиновьевым в «Зияющих высотах» под кличкой «Философ». «Философ» на этом интервью сидел недели две. Потом все же, спасибо ему, опубликовал.

Первое интервью, как первая любовь. С него протянулась между нами уже неразрывная ниточка. Я в нем почти ничего не изменил и приведу его здесь с тем, чтобы рассказать о подробностях его высылки.

— *Александр Александрович, расскажите, как так получилось, что вы оказались здесь, на Западе? Все началось с «Зияющих высот»? Или раньше?*

— Раньше. Я очень плодотворно работал в области логики. Мои книги издавались на Западе. По подсчетам некоторых социологов, я держал первое место среди советских философов по числу ссылок на мои работы на Западе. Я получал приглашения на все международные конгрессы, причем персональные. Но я никогда на них не ездил, меня не пускали.

Как я потом узнал, даже люди довольно мне близкие писали на меня доносы, утверждая, что я хочу остаться на Западе. Кончилось тем, что я потерял студентов, аспирантов. Меня перестали печатать в Советском Союзе и допускать на научные конференции.

— *Чему были посвящены ваши исследования?*

— Я перестроил всю логику. Ну, в частности, я построил эмпирическую геометрию, в которой доказал постулат Эвклида о параллельных. Потом я построил мою формальную арифметику и в ней доказал недоказуемость Великой теоремы Ферма. А это — проблема, которую не могли решить более 400 лет. Я ее решил. Я настаиваю на этом. И могу это доказать. Но все отмахиваются. Слишком много, считают, для одного человека. Это всегда вызывало раздражение...

— *Значит, главной движущей силой кампании против вас была зависть? Зависть ваших коллег?*

— Я не знаю. Они думали, может быть, что воюют за интересы науки. Я не хочу их судить. Но так получилось, что я оказался не у дел.

— *И тогда настала пора «Зияющих высот»?*

— Не сразу. В 1973 году я написал эссе о скульпторе Эрнсте Неизвестном. Потом отрывки из него я использовал в «Зияющих высотах».

— *Когда вы закончили над ними работу?*

— Я написал эту книгу за шесть месяцев с небольшими перерывами в 1974-1975 году.

— *А как она попала на Запад?*

— По неосторожности ряда моих друзей в соответствующих органах узнали, что я что-то такое пишу, и за мной установили надзор. Время было тогда такое, не очень приятное. Писал я книгу быстро и по кускам отдавал ее моим друзьям, а они уже пересылали ее на Запад. Поначалу я печатать ее не собирался. Но в 1976 году мне сказали, что есть издатель, ко-

торый хочет ее напечатать, и спросили, не буду ли я возражать. Мы с женой целую ночь не спали, думали, как быть, взвешивали все за и против. Меня Ольга спросила тогда, смогу ли я спокойно жить, если книга останется ненапечатанной. Я сказал нет, теперь я уже ею болен.

И еще спросила — считаю ли я, что нанесу своей стране ущерб этой книгой. Я сказал нет, не считаю. Пройдут годы и люди поймут, что это надо было сделать. Но я сказал все же — решай сама. И она сказала: «Будем печатать!»

— *Последнее слово осталось за женой?*

— Конечно. Жена и ребенок — это все так важно. Если бы меня арестовали, а Суслов, говорят, настаивал на этом, что с ними было бы? Сибирь!

— *И после этого все началось...*

— Да, после этого.

— *На Западе «Высоты» не восприняли, как политический манифест. А на Родине?*

— Пожалуй, тоже нет. Скорее, как социологический анализ советской системы. А этим я занимался более тридцати лет. Лично для себя. Ну, например, один из героев «Зияющих высот» говорит в главе «На овощной базе»: «Если хотите понять коммунизм, то выясните, почему эта страна может производить самые совершенные космические корабли и атомные бомбы, но неспособна производить мало-мальски приличную картошку». Вот я и объяснял, почему так получается.

— *Как конкретно произошла ваша высылка?*

— Мы жили после «Высот» без работы, без средств, продавали книги, вещи. Нам, правда, помогали. Например, Капица-старший, которому очень понравилась книга. Да и другие. Я подрабатывал, в том числе редактировал диссертации.

Ни о какой эмиграции тогда и речи не было. Но к 1978 году на Западе вышла моя вторая книга — «Светлое будущее», где прямо по имени был назван Брежнев. Ну и описан он был в довольно сатирическом виде. После этого, как мне говорили, для меня было приготовлено два сценария. Первый посадить за антисоветскую деятельность на семь лет с последующей высылкой еще на пять. И второй — не поднимать лишний шум, и меня выслать. Короче говоря, нам, в конце концов, предложили в течение пяти дней выехать из страны. В противном случае в ход пошел бы первый сценарий...

...Никогда не забуду день отъезда. Мы раздали оставшиеся вещи и отправились в аэропорт. И все же до последней секун-

ды я надеялся, что решение это отменят. Мне так не хотелось уезжать. В 56 лет! Ведь я не просто советский человек, я не боюсь этого слова, а суперсоветский человек. Я прожил жизнь вместе со всей советской историей и не собирался от нее отрезаться. Для меня покинуть страну было тяжелым наказанием. Если мне память не изменяет, при Ленине даже смертная казнь считалась более легким наказанием, чем высылка.

Мы ждали до последней минуты, что придут и скажут: «Оставайтесь, все отменяется!» Но никто не пришел. Мы оказались во Франкфурте, потом в Мюнхене. И началась жизнь на Западе. К здешней жизни мы привыкали трудно. Первые года четыре были почти что в шоковом состоянии...

Потом я нашел объяснение этому в книге Зиновьева. Один из героев «Гомо советикус» излагает свои настроения после приезда в «свободный мир» так:

«Я почти не переживаю потерю родственников и друзей, московской квартиры... Но мне ни днем, ни ночью не дает покоя то, что я потерял коллектив... Любой какой-то наш (мой) коллектив. Здесь, на Западе, есть организации, которые очень похожи на советские коллективы, но... они не дают той защищенности индивиду и душевной теплоты, какие есть в советских. Здесь корыстные интересы сильнее и острее. Люди холоднее и беспощаднее. Это звучит комично, но тут нет партийной организации — высшей формы внутриколлективной демократии. Хочу посидеть на партийном собрании. На субботник хочу. Я готов даже на овощную базу поработать сходить и в колхоз на уборку поехать...»

В этом «вопле» явно звучал голос самого Зиновьева.

* * *

— *Вы говорили как-то, что вы были и остаетесь коммунистом. Вас исключили из партии?*

— Да, исключили. Вернее, я сам ушел. По уставу все равно было положено исключать. Я вышел еще до публикации «Зияющих высот». Я просто пришел в партбюро и сказал: «Исключайте!» Не потому, что я считаю партию плохой, а потому, что я начал совершать поступки, несовместимые по тем временам с пребыванием в партии.

— Между тем на Западе вас считают самым острым критиком коммунизма...

— Но не антикоммунистом. Это нечто иное.

— *Может быть, вы критикуете не коммунизм, а общество, которое сложилось в нашей стране, да и не только в нашей, на базе неверно понятых коммунистических идеалов?*

— Я не рассматриваю это общество отступлением от идеалов. Я как социолог утверждаю, что другого и быть не могло. Это нормально. Это общество сложилось по законам организации масс людей в единое целое. Оно сложилось не на основе идей, а независимо от идей. Ленин говорил после революции, что марксизм поняло всего человек 50, да и то неправильно. Многие считают, что у большевиков был какой-то проект, и по нему они делали наше общество. Но советское общество складывалось по законам, о которых ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не думали. Я думаю, что был первым, кто начал эти законы абстрагировать. Так, когда вышла моя книга «Коммунизм как реальность», то такой крупный философ, как Раймон Арон сказал, что это — первая научная книга о коммунизме. За эту книгу я получил премию Токвиля.

— *Токвиль был блестящим сатириком...*

— Я люблю Токвиля, потому что сам по натуре сатирик. Это мое литературное амплуа, мое призвание. И это мало кому нравится. Ведь я не даю пощады ни друзьям, ни врагам. Ни консерваторам, ни реформаторам, ни оппозиционерам, ни защитникам власти. Это — закон жанра.

— *А может быть, вы как сатирик просто не воспринимаете власть как таковую?*

— Наоборот — приемлю. Для меня власть есть нормальное явление. Другое дело, что я не хочу принимать участия лично ни в какой власти. Это совсем другая позиция. Всегда, когда у меня возникал шанс сделать карьеру, я или сам отказывался, либо меня отбрасывали. Я не рожден для власти, а рожден для ее критики. Но критика власти это еще не есть неприятие власти.

— *Зато почти всегда есть неприятие властью критика.*

— Верно. Возьмите все произведения Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Грибоедова, А. К. Толстого. Вы не найдете ни одного крупного русского писателя, у которого не было бы критического отношения к власти. Но это вовсе не означает, что они все были анархистами. Достоевский, например, дружил с Победоносцевым. Салтыков-Щедрин был вице-губерна-

тором, а потом в числе его знакомых были очень многие государственные деятели. Да даже Пушкин был придворным.

— *Да и Фонвизин переписывался с графом Паниным.*

— Не надо подгонять людей под какие-то штампы. Жизнь сложнее штампов. История нашей страны последних 70 лет показывает весьма убедительно, что не критика вредит обществу, а нетерпимость к ней. Нетерпимость — это наша беда.

Как только я сюда приехал, эмигрировавшие на Запад экс-диссиденты меня сразу стали учить: «Этому руки не подавай, с этим не здоровайся, там не печатайся». Если бы я последовал их советам, я бы здесь строчки не напечатал. Эта нетерпимость эмиграции по-своему отражала и нетерпимость в самом Советском Союзе.

— *Кривое зеркало?*

— Да. И в моих книгах, когда я осуществляю анализ коммунизма, я показываю, почему вырастает эта нетерпимость. В силу законов коммуналности. Существуют коммунальные отношения между людьми в больших коллективах. Это явление естественное. Но столь же естественной должна стать и борьба против этого. В конце концов вся история цивилизации была историей ограничения стихии коммуналности.

* * *

... Мы встретились вновь в Париже. Он выступал с лекцией в Доме писателей, а потом долго отвечал на вопросы. У Зиновьева есть один недостаток для человека, вынужденного по роду своей профессии общаться с широкой публикой, — он терпеть не может дураков, не умеет этого скрывать и сечет их публично.

Покидая те дебаты, один мой коллега, всплеснув пухленькими ручонками наследственного буржуа, заверещал: «Он просто несносен, этот Зиновьев. Ну, нельзя же так! Он никого не признает и никого не щадит. И в конце концов, за что он сам выступает?» Я рассказал об этом разговоре Зиновьеву. Он пожал плечами: не привыкать. Я проводил его до гостиницы. И там мы снова с ним долго говорили...

— *Вы критик. Но вас воспринимают, скорее, как овода, а вашу миссию отнюдь не как лечебную. Часто говорят, как сегодня: вот Зиновьев все критикует, а что он предлагает, какие решения? И если вы ничего не предлагаете, то вас на-*

зывают демагогом, критиканом, кем угодно. Как вы выходите из этого положения?

— Никак. Я продолжаю идти своим путем. Я следую правилу, которое высказал Петрарка и повторил Маркс — иди своей дорогой, и пусть другие говорят что угодно.

— А как это сказывается на вашей популярности?

— Меня проблема популярности совершенно не волнует. Я не популярен, я это знаю. Вспомните Лермонтова, когда он писал в предисловии к «Герою нашего времени», что обществу нуждается в горьких лекарствах. Правда, здесь должна быть мера в дозах. У нас на Родине она сейчас, увы, нарушена.

— Ваше лекарство горчит от желчи или от лечебного яда? И всем ли оно показано? Вот Горбачев, говорят, от прочтения «Катастройки» даже заболел.

— Это, Владимир, закон жанра. Можете вы представить себе, что в щедринской истории Града Глупова вдруг появился бы параграф, в котором было бы написано: «Но, несмотря на это, надо отдать должное тому, что все-таки были в Глупове и хорошие губернаторы, которые делали то-то и то-то». Ведь в русской истории действительно были великие политические деятели и хорошие губернаторы. Цари даже были хорошие. Что касается «Катастройки», то она действительно стала бестселлером и пользуется огромным успехом, на что ни я, автор, когда писал ее, ни издатель, не рассчитывали.

— Кто-то написал, что «Катастройка» — это еще одна иллюстрация того, что «Октябрь 17-го был ошибкой», а все, что было потом — «черным провалом». А вы сами, как считаете?

— Я вовсе не считаю, что в нашей истории было только плохое. Было и немало хорошего. Коммунизм относительно молод, 70 с немногим лет. Западная цивилизация существует много столетий. Мы с вами не можем предвидеть, что будет через 500—600 лет. Историческое время — это не жизнь отдельного поколения. Историческое время — это столетия и тысячелетия. К сожалению, за жизнь одного поколения мало что можно сделать. Я категорически протестую против того, чтобы нашу историю рассматривать как «черный провал». Я считаю, что это абсурд. Советская история — тяжелая, трагическая, страшная, но грандиозная. Не все в ней было злом. Были великие достижения. Люди еще не оценили их по достоинству, но это придет с годами.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ «ГОМО СОВЕТИКУС»?

...Он приехал в Париж на очередной семинар уже после августа 1991-го, и мы долго бродили с ним по Латинскому кварталу, а потом зашли в какое-то кафе поговорить. Я давно хотел спросить, как у него все же сочетается тоска по Родине со своего рода ностальгией по той окружающей среде, в которой живет «гомо советикус». Вопрос не надо было придумывать:

— *Неужели вы и впрямь отождествляли себя хоть в какой-то мере с homo soveticus, Александр Александрович? В это мало кто верит...*

— Это, в общем, нормально. Русские писатели — сатирики прошлого жесточайшим образом критиковали свою социальную среду. Но никто из них только на этом основании от Родины, да и от этой среды не отказывался. Я родился после революции и вырос в Советской России. Нас воспитывали на лучших идеалах коммунизма и лучших идеалах революции. Я получил в СССР образование, которым очень дорожу. В него вошло все лучшее, что создавало человечество в прошлом. Может быть, не во всем объеме. Но, по крайней мере, для нас отбиралось все лучшее. Это — моя нормальная среда обитания. И я стал жесточайшим ее критиком именно в силу этого.

— *Все же что-то было отправной точкой. Чем был ваш протест обусловлен, вызван?*

— Мой протест выражал несоответствие между идеалами и реальностью. Я рано начал понимать, что реальность никогда не станет соответствовать провозглашенным идеалам общества. Тем не менее, это все моя семья. Представьте, тьфу-тьфу, что у нас с Вами дети родились бы с дефектами. Мы что, на этом основании выбросили бы их за дверь? Нет, конечно. Более того, наверное, стали бы еще сильнее их любить. И есть еще одна тонкость. Я очень рано понял, что я с такими идеалами и с таким мировоззрением мог появиться только в этом обществе. Моя жизнь была очень тяжелой. Но я не хотел бы поменять ее на другую, мою страшно трудную, кошмарную жизнь.

— *Ваша критика нашего общества никем не воспринималась, как доброжелательная, а уж тем более как сыновняя. Она была уничтожающей, и во многом ее использовали те, кто вел психологическую войну против СССР, «холодную войну». Ваши книги взяли на вооружение отнюдь не сторонники Советской власти. Вы создали образ жуткой страны, жут-*

кого общества, которое может только заставить отшатнуться нормального человека. Именно такой образ и возник у читателя ваших книг.

— Это верно. Но не совсем. Поначалу на Западе не разобрались, что я такое, и приняли меня за обычного критика режима, за диссидента. Но буквально через несколько недель после моего появления на Западе я приобрел репутацию «агента Москвы». К счастью, мои книги использовали против нашей страны очень мало. Мне на Западе устроили своего рода бойкот. Я проскочил, меня проглядели, и я приобрел определенную репутацию и свой круг читателей, благодаря чему я до сих пор существую и могу что-то печатать.

Что же касается использования в эфире... Пару раз передали беседы со мной по «Свободе» и тут же прекратили. Та же самая история произошла с «Немецкой волной», с Би-би-си. Все радиостанции прекратили меня, как Вы говорите, «использовать». Даже ссылки прекратили на меня. И мне сказали, что, когда составлялись списки книг, которые надо было засылать по соответствующим каналам в Советский Союз, сам Солженицын вычеркнул мое имя. В результате организации, засылавшие антисоветскую литературу в СССР, отказались покупать у издателей мои книги. И мне приходилось заниматься этой «засылкой» самому, тратя при этом немалые деньги. Причем приходилось мне платить не только за книги, но и оплачивать услуги своих «курьеров».

И это продолжалось даже в горбачевские годы. Когда у меня вышла книга «Евангелие для Ивана» (о пьянстве), горбачевцы сочли ее едва ли не самой вредной, и мне пришлось платить «верному человеку» за то, чтобы он провез несколько ее экземпляров моим знакомым в Москву. Он рисковал, конечно.

Что касается критики, то она доброжелательной не бывает. Есть критика идеологическая — такой была критика в работах диссидентов. И была такая критика, как у меня, внеидеологическая. Вот сейчас ситуация в России изменилась и те мои книги, которые прежде объявляли антисоветскими и антикоммунистическими, теперь те же самые люди, те же «запретители» и «хранители основ» объявляют просоветскими и прокоммунистическими.

Я признаю, что сатира моя острая. А что, Шедрин писал менее хлестко? А что, Свифт щадил свою страну? А Бальзак? Я сейчас его перечитываю. Так у него такая критика, что действительно впору было из Франции бежать. А Толстой? Почитайте сейчас его книги. Я только теперь начал понимать, какая

это бичующая сатира, почему Толстого предавали в России анафеме. И вот еще одна деталь. Когда я начал писать, я был уверен, что коммунизм пришел в Россию на века и что моя критика не поколеблет его нисколько. Если бы я знал, что это пойдет СССР во вред и тем более будет способствовать его гибели, я бы не написал ни строчки. Мое самолюбие было вполне удовлетворено моими открытиями в логике.

Кстати, когда я отправил рукопись «Зияющих высот» во Францию, я сказал, почему я это сделал — чтобы рукопись не пропала. Я сказал: «Если десять человек прочитают эту книгу, я буду счастлив». И действительно, книга-то на широкие массы не рассчитана. Она рассчитана на то, чтобы над ней думать, читая ее потихоньку. Как, впрочем, и все мои другие книги. Так что вот, если все эти обстоятельства учесть, с меня часть вины за ущерб, причиненный стране, можно снять.

— *А вы не думаете, что с вами произошло нечто вроде «перехода в Зазеркалье». Объект вашей критики стал объектом вашей горячей любви. И наоборот. И хотя это нормально, потому что любовь и ненависть всегда рядом, все же остается вопрос: почему у вас, как философа, логика, ученого энциклопедического кругозора появилось неприятие советского общества именно на том этапе, когда вы принялись писать «Зияющие высоты»?*

— Во-первых, неприятие надо понимать только в том смысле, что существовавшая в СССР система не была реализацией моих идеалов. И это я понял еще в 1939 году. Я даже не рассчитывал тогда на то, чтобы выжить, уж не говоря о литературной деятельности. «Зияющие высоты» в какой-то мере появились случайно. Я был целиком и полностью погружен в науку, был одержим ею, логикой, математикой и нелегально занимался социологическими исследованиями. И если бы меня спросили, что есть моя главная страсть, я бы ответил тогда: «Логика и социология». «Высоты» получились непроизвольно. Я писал отдельные куски, без всякого заранее выработанного плана. Но поскольку на меня, едва я только начал писать, мой ближайший друг донес в КГБ, за мной установили надзор, и мне приходилось написанное прятать.

Я смолodu обнаружил в себе способность «хохмить», развлекать людей не столько даже бытовыми анекдотами, сколько политическими. Объектом моих шуточек была наша социальная среда. Я не собирался против нее бороться, когда писал «Высоты». Я еще в 1939 году принял решение принимать это общество таким, как есть. У меня сложился просто опре-

деленный менталитет, выработался свой голос. И когда я начал писать, то по-другому «петь» просто уже не мог.

Конфликт между идеалами и реальностью произошел у меня еще в школьные годы. Я вырос как идеальный коммунист. Или, как говорили, «настоящий коммунист». Не в смысле «член партии, делающий карьеру», а как мы понимали, что такое Коммунист с большой буквы. Каким был Павка Корчагин и другие герои Гражданской войны. Таким был мой дядя, герой штурма Перекопа, известный большевик, член ЦК Михаил Маев. Он для меня был прообразом настоящего коммуниста. Ходил в шинели, отказывался от квартир и закрытых распределителей. Как говорил Маяковский, «кроме свежeweымытой сорочки, мне ничего не надо». Бескорыстное служение своему обществу, своим товарищам, своему коллективу, всей Родине — это был мой принцип. Вот во время войны, если надо было прикрыть отступление товарищей, я выходил добровольцем. Но при этом предполагалось, что и другие будут поступать точно так же. Будут такими же. Увы, это бы расчет наивный...

Еще мальчишкой, в 15—16 лет, когда я уже хорошо для своего возраста знал марксистскую литературу, я пришел к выводу, что если все люди будут настоящими коммунистами, жизнь будет справедливой, чистой, честной. А в реальности, увы, ничего подобного не было. В реальности люди хапали, воровали, доносили друг на друга. То есть происходило нечто прямо противоположное. Вот в чем дело.

— Да, так было. Но одни воспринимали это нормально. Другие — так или иначе это осуждали и протестовали против этого. Третьи воспринимали это как данность, возмущаясь про себя, старались сами не запачкаться, никоим другим образом против подобной практики тотального подонкизма не протестуя. На каком этапе вы пришли к активному неприятию такой действительности?

— В 1939 году меня исключили из института, обследовали в психиатрическом диспансере и отправили на Лубянку. Тогда я понял — такого идеального общества, о котором я мечтал, нет, и не будет никогда. И принял решение: «Я принимаю советское общество таким, как оно есть, и ставлю задачу: сделать идеальное общество из одного себя». Я решил стать сам таким, чтобы соответствовать своему идеалу. И я начал свой эксперимент. Вся моя жизнь была таким экспериментом. Но это не неприятие реальности. Наоборот, я ее принял и сейчас принимаю.

Потом прошла целая долгая жизнь. И я не предполагал, что так долго проживу. Внутри где-то вызревало, принимая литературные и научные формы, понимание этой реальности, совсем другого рода понимание. Я нелегально строил социологическую теорию советского общества и разрабатывал для нее математический аппарат.

— *В чем суть вашей теории? Что такое коммунистическое общество? Улей, муравейник, термитник?*

— Улей — это частный случай социального объединения. Человеческое общество гораздо сложнее, грандиознее. Его структура дифференцирования куда сложнее. И формы, с помощью которых надо описывать это общество, требуют такого математического аппарата, которого пока официально не существует. А я рассматривал человеческое общество, отвлекаясь от того, что человек имеет какой-то свой внутренний мир. Я исходил только из того, что человек имеет тело и мозг. Мозг — орган расчета и управления. А этот орган управления подчиняется определенным правилам. Это — предпосылки моей теории, которая легла и в основу «Высот». Многие критики полагают, что я ходил и подсматривал, подслушивал, записывал все, что в нашем обществе происходило. И так получились «Высоты», потом другие книги. Ничего подобного. Я вычислил это общество.

Весь мой Ибанск — это город, который я извлек из своей головы, руководствуясь определенными логическими правилами. В «Высотах» есть такой пассаж: «Ибанск выдумал Шизофреник в пьяном виде...» и т.д. Примерно так это и происходило. В значительной мере книга автобиографическая. Я этот город выдумал, но выдумка опиралась на определенные познания реальности.

— *С одной стороны, был подход социологический. С другой — биологический. Вот вы рассматриваете человека фактически как робота — тело и голова, центр расчета и ориентации. Ну а как же духовность?*

— Как понимать духовность. В том смысле, как вы понимаете, мы, конечно, бездуховные. Но это не значит, что само общество бездуховное. Но в Ибанске — да, духовности там нет. Ее не было в предпосылках. Я намеренно это исключил.

(Это фантастика, но в октябре 1994 года в репортаже из бездуховного, купленного аферистом Мавроди города Мытищи американская журналистка писала: «Мытищи напоминают один к одному Ибанск, описанный Зиновьевым в его «Зияющих высотах»! — Авт.)

— *А почему? Без этого же нет и не может быть России?!*

— Для того чтобы построить теорию, нужно производить упрощения. Если упрощения не произведешь, ни одного шага вперед не сделаешь. Я много лет изучал советское общество, используя свою систему упрощений. Я вместе со своими некоторыми студентами строил логико-математические модели этого общества. Ну, например, для того чтобы выяснить, возможны ли кризисы в советском обществе или нет. Официально считалось, что общество это бескризисное. Я строил модель, в рамках которой и доказывал как теорему, что кризисы неизбежны. Возникновение экстремальных ситуаций неизбежно, ибо развитие общества идет не по прямой линии, а напоминает кардиограмму, где есть взлеты, падения. Но для того чтобы все это доказать, надо многое исключить. В том, что касается общества, человека приходится сводить к такому существу, у которого есть тело и органы управления. Органы управления должны производить определенные действия, чтобы тело сохранялось.

— Но это — схема?

— Да. Еще студентом я писал работу о «Капитале» Маркса. Моя работа называлась «Метод восхождения от абстрактного к конкретному». Я в моей социологической теории до сих пор применяю этот метод.

В «Высотах» я такого сделать не смог. Я решил, что новые аспекты буду рассматривать в других книгах. Я начал книгу «В преддверии рая». Там я уже разбирал проблемы идеологии, религии. В «Высотах» этого не было.

— Иначе говоря, после «Высот» вы приступили к созданию целой серии книг, идя от самого простого, абстрактного, как в «Высотах», к конкретному описанию все новых и новых аспектов коммунистической, советской реальности. Так?

— Да. Так появились и «Желтый дом», и «Светлое будущее», и другие книги. Но я эту серию не довел до конца по той самой простой причине, что с 1985 года в стране стали происходить известные всем события. И мое внимание отвлеклось, переключилось на исследование кризиса коммунизма и его распада. Если бы этого не произошло, я бы продолжил работать над этой задуманной мной серией, постепенно и, здесь вы правы, расширяя круг исследования реалий коммунизма. Со временем я, быть может, опубликую те материалы, которые у меня были заготовлены для всей серии.

— Они как-то использовались?

— Да. Например, книга «Смута», которая вышла на французском языке, была написана еще до 1985 года. А затем мне

пришлось дописать вторую часть, и получилась совершенно другая книга. Я готовил книгу о советских партийных работниках, но ее теперь придется перерабатывать с учетом эволюции таких оборотней, как Яковлев, Горбачев, Шеварднадзе и прочие. Сначала я задумывал эту книгу, как конкретное описание аппарата власти, а теперь она у меня превращается в книгу «Откуда появились Яковлевы и Горбачевы». Жизнь коротка, так что я вряд ли смогу выполнить все задуманное. На полдороге остановился.

— *Как вам удастся укладывать логическую схему в литературу?*

— Думаю, что целиком она не укладывается. Наверное, я начал создавать особый жанр, который я называю «социологическим романом». Моя логическая теория пересекается с тем, что я делаю в литературе. Не все можно включить в литературу и не все в литературе можно свести к логической схеме. Ну, например, нельзя к такой схеме свести юмор, шутки, анекдоты.

Когда я начинал писать, у меня превалировал логический подход. Но постепенно материал овладевал мной и я непроизвольно начинал подчиняться материалу. Далеко не всегда удается написать книгу так, как она первоначально задумана, даже профессиональному логику. Даже концовка иной раз совершенно неожиданно, сама по себе высказывает — и такая, какую совсем не ожидал.

— *Иначе говоря, логическую схему заменил парадокс?*

— Парадокс, метафора, шутка, гротеск. И не то чтобы заменил — скорее, оттеснил.

— *После августа 1991-го вы не раз выступали за воссоздание в России коммунистического общества. Почему?*

— Я защищаю не само это общество, а правду о нем. А в современной пропаганде России и других стран СНГ, и уж тем более в западной, это общество изображается в жутко извращенном виде. Как сторонник научного подхода, я прежде всего отмечаю это идеологическое извращение. Как ученый, я не лишен тщеславия. Я хочу делать открытия. И описывать общества адекватно истине. Нравится мне это общество или нет, это второстепенно. А воспринимают этот подход, однако, так, будто я коммунистическое общество защищаю.

— *Вольно или невольно?*

— Объективно. Как бы то ни было, но это было общество поголовной грамотности. В нем минимальные потребности людей удовлетворялись, люди имели работу, гарантированное медицинское обслуживание — плохое оно или нет, другой вопрос, и т.д. Любые антисоветские идеологи восприни-

мают сам факт упоминания всего этого как апологетику коммунизма. Но это — всего лишь реальность. Второй аспект. Я не могу сказать, что я абсолютно равнодушен к этому обществу. У меня есть свои пристрастия, симпатии и антипатии. Я — продукт этого общества, человек советский, происходящий из этого советского общества. Заявлять это сейчас и в России, и тем более, здесь на Западе, означает вызывать на себя огонь.

— *По-своему повторилась Ваша история с выездом на Запад. Ведь в России сторонники демократов тоже попытались поначалу взять Вас в свои союзники.*

— Да, все приезжавшие ко мне в Мюнхен люди, изображали из себя борцов с режимом, утверждали, будто они с этим обществом ничего не имеют общего. А я говорю — это мое общество и я продукт этого общества. Если бы я не написал «Высоты», меня бы оттуда никто не выгнал, а сам бы я не уехал.

Я пришел к такому выводу, что для России существовавший до 1985 года строй был спасением, был рывком вперед, и с любым другим социальным строем Россия погибла бы. Но, защищая этот строй, я вовсе не идеализирую его. Я могу ошибаться. Но считаю, что Россия может устоять как великая страна, а русский народ может уцелеть как великий народ только с такой социальной системой. С любой другой он будет разгромлен.

Если бы началась сегодня гражданская война и с одной стороны были бы те, кто воевал бы за результаты Октябрьской революции и достижения Советского периода, а с другой — их противники, я бы стал воевать на стороне первых.

Я для себя решил эту проблему еще во время войны с Германией. Будучи антисталинистом, я даже вел антисталинистскую пропаганду. Но если бы во время войны мне пришлось бы пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти Сталина как Верховного главнокомандующего, я бы без колебаний пошел на это. Нечто подобное я и делал в качестве солдата и офицера Советской армии.

КОММУНИЗМ ИЛИ КОММУНАЛЬНОСТЬ?

Споры об историческом предназначении русского народа и его многочисленных «кармах», если возможно здесь употребить этот термин, к концу XX века настолько поляризовались, что просто нет никакой возможности в споре найти истину. Каждый выкрикивает свое, стараясь заглушить другого.

Смена веx после августа 1991 года породила и новую антисоветскую историографию, основоположниками которой, как и следовало ожидать, стали советские историки. Отбросив свои прежние ориентиры — труды Маркса, Энгельса и Ленина, — они взяли за основу исторические исследования белой эмиграции, которая доказывала, что Советская власть, коммунизм были для русского народа наваждением дьявола, были ему навязаны масонами, евреями, агентами немецкого кайзера, ненавистниками православия и т. д. Тем не менее 74 года русской истории прошли под знаком Советской власти, марксизма, марксизма-ленинизма, точнее, социализма и коммунизма в расхожем понимании этого термина. Так что же это было? Затянувшимся наваждением? Идеологической агрессией, либо все же одним из тех экспериментов, которые сам на себе ставил и ставит русский народ? Ведь ставил же такой эксперимент на себе всю свою жизнь Александр Зиновьев, решивший создать в самом себе Человека-государство, где живет Идеальный Коммунист.

Когда он мне об этом рассказывал, у меня мелькнула такая мысль: А в какой роли вообще в своих социальных экспериментах выступает русский народ? Кто он, палач или жертва? А Россия сама это не прокрустово ли ложе, в котором ни одной западной и восточной модели развития не выжить, потому что ей руки-ноги оторвут, изуродуют, либо обкарнав, либо вытянут?

Или все же большевики, которые навязали, как утверждают идеологи эмиграции, коммунизм русскому народу, сыграли роль Прокруста, уложив в марксистскую «постель» страдавшей несчастную Россию?

Весной 1993-го Зиновьев приехал в Париж ненадолго и забежал ко мне на часок, а проговорили мы полдня. Я только успевал в магнитофоне менять пленки. Вот первое, с чего он начал:

— В отличие от марксистов, которые считают, что новое коммунистическое общество не вызревает до революции, я считаю, что советское общество было продолжением того, которое было до революции.

— *Это, пожалуй, самое убедительное доказательство того, что вы, Александр Александрович, — не марксист. И все же каковы доказательства?*

— Я брал свою родную местность, свой район. Вся революция у нас выразилась в том, что взяли и сняли одни вывески, а затем повесили другие. Ну, был у нас один капиталист, он

уехал в Париж. Был помещик. Так он тоже куда-то испарился. А все остальное осталось нетронутым. Вместо полиции получилась милиция. Вместо городского головы — горсовет образовался. И все осталось даже в тех же самых помещениях. Изменились только бланки да печати.

— *То есть чиновничество осталось, просто сменило мундиры с фуражками с царскими орлами в кокардах на гимнастерки и краснозвездные буденовки. Так, что ли?*

— Практически. Революция и Гражданская война — это ведь не только штурм Зимнего, не только Чапаев, который размахивал шашкой, или Буденный. Нужна еще и контора для того, чтобы Чапаев шашкой размахивал. Нужно документы оформлять, распределять те же самые шашки, обозы, еду. Без этого не обойдешься. Бюрократический аппарат неистребим. Он существовал, и будет существовать всегда. Без него не проживешь. А это уже все было и до революции. Маркс считал, что государство, в конечном счете, отомрет. Я сказал нет, не отомрет. Общество без государства немыслимо.

— *Думаю, что Маркс говорил об этом, заглядывая на многие сотни лет вперед. Говоря об общественном самоуправлении, он подчеркивал необходимость выработки у людей привычки действовать в соответствии с общественным интересом, а не тянуть одеяло только на себя. В России эта задача тем более затруднена. Ее решение потребует, возможно, еще одного тысячелетия, так как у нас нет той двухтысячелетней и более традиции западноевропейского законопослушания. Поэтому в России и марксизм был вынужден пройти своего рода русификацию. Иначе бы он здесь не прижился.*

— Верно. Из каких феноменов вырастал коммунизм в России? Если почитать труды Герцена, идеологов народничества, книги Михайловского, найдешь массу идей, которые классический марксизм в себя не включал или исключал все это, как вздорное, тем более, что в западную социологию, на которую марксизм ориентировался, эти идеи не входили.

— *В результате получилась особая модель, которая не столько соответствовала марксизму, сколько русскому национальному характеру. То, что вы называете не коммунизмом, а коммунальностью. А могло ли появиться в России нечто другое? Ведь был же заговор декабристов, были петрашевцы, был Герцен, Чаадаев, которые четко ориентировались на Францию после штурма Бастилии. Была, наконец, самая серьезная в нашей истории попытка превратить Россию в*

парламентскую республику европейского типа — Февральская революция 1917-го года. Ведь могла же Россия пойти по западному пути, по французскому, например?

— Могла. Но тогда бы она не выжила. Она была бы раздроблена, ее бы просто растащили на куски, которые превратились бы в колонии западных стран. Сейчас и стремятся сделать именно это «другое». А этот западный путь для России — гибель. Почему я пришел к такому выводу? Я принял во внимание всю совокупность факторов. Не просто проанализировав демократию или механику рынка. Все это — пустые слова. Я принял во внимание историю России, ее историческую традицию, размеры страны и ее взаимоотношения с другими странами, характер населяющих ее народов, то, какие возможности у них имеются, ситуацию на Западе и существующие там намерения в отношении России. Причем не субъективные какие-то настроения, а то, в чем Запад нуждается, что хочет от России получить. Вот исходя из этой совокупности факторов, я и пришел к выводу, что если Россия хочет выжить как великая, независимая страна, то у нее других путей, кроме коммунизма, и именно в его российском варианте, не существует.

Зиновьев в той нашей беседе вплотную подошел к тому, что единственно возможный путь гармоничного развития России — это реализация русской идеи в ее советской редакции. Мне очень хотелось, чтобы он сформулировал это четче. И поэтому задал ему «провокационный вопрос»:

— *Знаете, мне ваша аргументация странным образом напоминает доказательство монархистов, которые оперировали после Революции теми же самыми аргументами, что и вы, доказывая только, что иного пути кроме монархии у России, если она хочет остаться великой державой, нет. Хотя — не парадокс ли это? — сами представители дома Романовых, например, мой большой друг князь Михаил Федорович решительно против восстановления монархии в России, по крайней мере в наше время, так как русский народ к этому не готов. А вот наши доморожденные роялисты говорят, что монархия — единственная форма государственного устройства России, отвечающая национальному характеру не только русского, но и всех населяющих ее народов. И у них аргументов немало. Уже к началу XX века, напоминают они, Российская империя вышла в число ведущих мировых держав, у нас были достаточно развиты и промышленность, и сельское хозяйство. Я уже не говорю о науке,*

литературе, искусстве. Тут мы впереди многих традиционно. А монархию уничтожили большевики и заявили что революция — единственное спасение России. Так, может, и не стоило копы ломать?

— Дело не в монархии. Монархия тоже разная бывает. В конце концов, бывает монархия и коммунистическая. Примеры Мао Цзэдуна в Китае, Ким Ир Сена в Северной Корее и Сталина у нас говорят сами за себя. Ни у одного китайского императора, ни у одного русского царя такой абсолютной власти не было. Я говорю о другом. О том, что на протяжении всей русской истории основой, на которой, зиждилось российское общество, была государственность.

— Суть ее, однако, менялась. Ключевской очень точно подметил это в своей серии лекций об истории Смуты. Вот как он описывал перемены в общественном сознании россиян после первых на Руси выборов царя: «...Стали переверстываться в сознании, приходить в иное соотношение основные стихии государственного порядка: государь, государство и народ. Как прежде из-за государя не замечали государства и народа и скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без государя, так теперь опытом убедились, что государство, по крайней мере некоторое время, может быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа». Напомню, что Ключевский отмечал и другое важное обстоятельство — понимание всем русским народом после Смуты собирательной роли Московского государства...

— Да, и как только это осознал весь народ, он и осознал себя уже не племенем, а нацией. Ослабление же государственности может повернуть этот исторический процесс вспять. Перед революцией 1917 года в России действовало три основных социальных фактора. Отмирало дворянство как класс отживший. Набирала силу очень еще слабая буржуазия. Но существовал при этом могучий государственно-бюрократический аппарат, который вел свою родословную еще с Киевской Руси и со сборщиков дани для татаро-монгольских ханов.

А для бюрократии — монарх или, скажем, Генеральный секретарь ЦК КПСС — это вариации.

По существу Сталин, став во главе государства, превратился в императора. В такого же по сути, каким стал Наполеон во Франции. Всевластным, абсолютным и неограниченным монархом. И если б он, допустим, захотел установить наслед-

ственную должность Генерального секретаря, то вряд ли кто бы стал возражать. Поэтому я скептически отношусь к утверждениям о том, что Октябрьская революция прервала естественный ход русской истории. Она была прямым наследником дореволюционной системы. Даже уничтожив прежние классы собственников, революция не смогла, да и не захотела сломать российскую бюрократическую структуру управления страной. Советский строй был продолжением той системы государственности, которая сложилась в течение многих столетий в России (выделено мной. — Авт.).

Русский народ сформировался как народ государственный. И это шло только на пользу тем народам, которые с ним были вместе. Посмотрите, каким разношерстным был этот союз, на каком различном уровне развития находились входившие в него народы. И чтобы удержать все это в единстве, нужны были мощная армия и мощный бюрократический аппарат. И только они их удерживали. Как показал недавний опыт СССР, достаточно было ослабить систему государственности, как страна стала рассыпаться.

Если же вспомнить Первую мировую войну и последовавшие за ней революции, мы увидим, что происходило то же самое, что с начала перестройки в 1985 г. до 1991 г. Как только в 1918—1920 годах государственность России стала рушиться, страна немедленно распалась на десятки, сотни мини-государств и республик. Потребовались годы, чтобы все вновь собрать воедино.

— Не предстает ли в вашем изложении Октябрьская революция подтверждением известного французского афоризма: «Все будет так, как было, даже если будет по-другому»?

— По моей теории, в любом обществе есть два аспекта. То, что я называю «коммунальный аспект», и то, что можно назвать «деловым аспектом». От того, какой аспект доминирует, получается либо общество коммунистического типа — вы тут можете употребить любое другое слово, даже «тоталитарное», — либо общество западного типа. С капитализмом, с рынком и т. д. К обществу первого типа в равной степени можно отнести, как это для вас странно ни прозвучит, одинаково и Советский Союз, и Китайскую империю, и Византийскую империю, и империю инков. Обществ западного типа — пока что немного, это почти уникальное явление в масштабах планеты. Народы не выбирают себе сами социальное устройст-

во. Они на это вынуждаются так или иначе, в нашем случае — вынуждаются на государственную организацию общества.

— *Вынуждаются кем или чем?*

— У условиями жизни.

— *Значит, по-вашему мнению, русский народ пришел к этатизму для того, чтобы выжить?*

— Да.

— *И это был сознательный выбор?*

— Сознательным выбор становится, когда эта потребность проявляется и так или иначе привносится в государственную организацию общества.

— *Хорошо. Почему тогда произошла Революция? Почему в Гражданской войне большевики все-таки победили? Ведь у них не было опыта государственной организации общества. Русский народ жил в условиях сильного и хорошо организованного монархического государства. Причем царская бюрократическая машина была отлажена блестяще. Почему же в конечном итоге русские пошли в своем большинстве за большевиками, хотя многие из них шли, в том числе и совершенно простые крестьяне, за белыми?*

— Большевиков поначалу никто не воспринимал всерьез, и они сами это признавали. Они воспользовались тем, что демократы, свергнувшие монархию в феврале 1917-го, оказались слишком слабыми, не смогли предложить стране приемлемой, жизнеспособной организации общества и государства. По сути дела большевики восстановили прежнее государство, только без помещиков и капиталистов. Их победа в Гражданской войне сразу же обернулась укреплением государства и созданием новой Федерации, а затем уже и Союза Нерушимого. И уже Ленина народ воспринимал как нового царя. Это не случайно. Это историческая традиция. Есть социальные законы. И если какая-то социальная система рушится, то на ее месте привыкшая к ней масса людей создает новую систему, но максимально близкую к предыдущей. Это — общий социальный закон.

Вот сейчас на месте так называемой Советской империи возникли новые государства. Что, там создаются государства западного типа? Нет. В ряде мест, особенно в Средней Азии, происходит возврат к феодально-байским обществам, к родовым конструкциям, т. е. к тому, что там было раньше, до Советской власти. Кстати, все эти недемократические формы организации очень близки к коммунистической системе. В некотором роде коммунизм — это продолжение феодализма.

Возьмите Китай, например. Монголию. Китайская империя была феодальной империей, но там не было частной собственности. Все феодалы были служащими государства. А коммунизм, что это такое? Это строй, при котором, говоря упрощенно, все являются служащими государства.

Теперь второй фактор. Социальная система организации масс зависит и от того материала, который организуется. Общество западного типа нельзя создать из любого человеческого материала. Нужен определенный человеческий материал. Такое общество не могли создать ни папуасы, ни африканцы...

— *Ни скифы...*

— Вот-вот. И не латиноамериканцы. Возьмите совокупность народов, населяющих Россию, а их больше ста разных национальностей, только. У каждой свой характер, своя история. Такие народы могут быть организованы только в рамках такой системы, где господствует государственность. Далее такие факторы, как огромная территория, трудные климатические условия. Чтобы страна существовала, как единое целое, она должна иметь мощную систему централизованного управления. Если отдельные регионы такой страны предоставить самим себе, они быстро самоизолируются и начнет происходить распад.

И наконец, о взаимоотношениях с другими странами. Чтобы противостоять претензиям Запада, да теперь и Востока, российское общество должно быть организовано государственным порядком. А не просто на уровне чисто экономического или на базе демократии западного типа.

— *Вы считаете, что иной системы нам фатально не дано. Когда вы это говорите, вы имеете в виду русский народ, или конгломерат народов, составивших еще Российскую империю?*

— Прежде всего русский народ, потому что он и образует основу империи. Герцен писал, например, что западноевропейским странам нет надобности в создании такой системы полицейского надзора, поскольку западный человек имеет Третье отделение в своей собственной голове. Действительно это так. Они правопослушны. Люди, как и любые другие виды живых существ, отличаются друг от друга. И в этом нет никакого расизма или шовинизма. У русского человека в голове, независимо от внешней организации такого, как у западноевропейца, либо гражданина США, полицейского участка нет. Для того, чтобы с русскими сохранять в стране порядок, организация должна быть привнесена извне. Иначе начнется хаос...

...Когда я готовил эту книгу к печати в журнале «Итоги», то прочитал в «Коммерсante» (26.10.2004) заявление Общественного движения «За права человека», в котором решили призвать к ответственности губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко. Отвечая на вопрос корреспондента «а не лучше ли для России парламентская республика?», Матвиенко ответила: «Нет, для нас это не годится, мы не готовы к подобному эксперименту! По менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент... Словом, единоначалие».

«Мы предельно возмущены этим высказыванием, которое грубо и публично унижает нашу страну, национальное достоинство русского народа, — говорилось в заявлении этих правозащитников. Очевиден смысл этой формулы — русский народ может быть лишь холопом (который не может быть без барина), верноподданным (которому нужен царь, т.е. самодержец). Помещение в этот ряд должности «президент» означает лишь то, что для представителей новой правящей верхушки глава государства — это не демократический лидер, но авторитарный владыка — царь для подданных, барин — для окружения. Заявив о врожденном (ментальном) холопстве русского народа, не готового, дескать, к парламентской демократии, губернатор Санкт-Петербурга, по сути, допустила расистскую выходку...

...Мы считаем необходимым напомнить, что представления о государственной неполноценности и врожденном рабстве русского народа — это сердцевина основных русофобских теорий. Именно на подобных доктринах идеологи германского нацизма основывали свои агрессивные планы в отношении России. И особенно отвратительно, когда такие взгляды пропагандирует «хозяйка» города-героя Ленинграда».

И так далее.

Автор заявления исполнительный директор ООД «За права человека» Лев Пономарев обвинил Матвиенко еще и в нарушении Конституции и потребовал отставки губернатора. Пономарев с его заявлением отражает определенные настроения в нашем обществе и одновременно — полное непонимание той аргументации о необходимости централизованного управления для России, за которое выступал тогда в разговоре со мной Зиновьев. Надо признать, что и Матвиенко сформулировала эти аргументы не лучшим образом. Так что тот наш разговор с Зиновьевым помогает многое прояснить в такого рода спорах.

— *Что это означает, — спросил я Зиновьева, — что русский человек — раб, который без палки ничего не станет делать и не способен соблюдать дисциплину, или что он все же более свободен, чем западные люди? Либо он менее ответствен социально? Есть же внутренняя свобода, а есть состояние перманентного бунта против любой власти и любого порядка. Есть, наконец, просто зуд неповиновения, босаякое отношение к власти. А есть и неспособность воспринять социальную организацию, социальную ответственность взять на себя. Так кто мы, русские, по-вашему?*

— Тут все вместе у русских. Это результат нашей истории. Обратите внимание на то, с чего началось русское государство. «Приходите и живьте нами». Все русские племена просто передрались друг с другом. Невозможно было преодолеть эту междоусобицу. Пришлось систему организации привносить извне. Я имею в виду княжескую структуру управления. Потом на нее наложилась татарская система сбора дани...

... Насчет «призвания князей из-за моря» летопись, известная как «Повесть о начале Руси», историческим фактам соответствует не во всем. Дело было в догосударственной Руси. Перессорились новгородцы, близкие к ним славянские племена, а также финские — кривичи, чудь, меря, весь и др. Вот они вроде и послали послов за море к знакомым варягам. Было это в IX—X веках.

Ключевский, проанализировав ряд летописных сводов, считает, что получившая популярность версия о приглашении варягов изложена была несколько вольно. Хотя бы потому, что приглашенный князь Рюрик не решился жить среди тех, кем его якобы попросили править, «боясь звериного их обычая и нрава», а «срубил город» себе поближе к нынешней русско-финской границе, чтобы в случае чего бежать к своим. И новгородцы, кстати, свой нрав не раз показывали, потому что опасались «стать рабами» варягов. Ключевский считает поэтому, что точнее следовало бы говорить «не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнравственными туземцами, а скорее о военном найме». Варягов использовали на Руси примерно так же, как в Европе вплоть до наполеоновских войн использовали полки швейцарцев — для охраны и защиты городов-крепостей. Описывая восстание новгородцев, жестоко подавленное Рюриком, Ключевский именно так и оценивает их роль: **«Заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными с ними**

племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги (выделено мной. — *Авт.*). Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженной рукой. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалованье превратили в обязательную дань с возвышением оклада. Вот простой прозаический факт, — заключает Ключевский, — по-видимому скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством». (*Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 1. С. 153*). Так что я думаю, говорить о «неспособности «русских управлять своими делами самостоятельно в свете действительных исторических фактов не больше оснований, чем говорить об аналогичной неспособности англо-саксов к самоуправлению. Ведь после битвы при Гастингсе (1066 г.) они, хоть и позже на сто лет, но тоже были завоеваны варягами или, как их еще называли, норманнами, т. е. «северными людьми». Так что варяжские порядки были порядками оккупантов, а не добровольно принятыми Новгородской Русью. Точно так же русские приглашали «на корм» и немцев, и французов, и шведов, и англичан. Особенно Киевская Русь. Но править им русские князья, а потом цари Россией все же не давали. Исключением были, пожалуй, только Самозванец Лжедмитрий (Гришка Отрепьев), крестура поляков, да Петр III, которого Ключевский называл «прусским агентом». Даже немка по происхождению Екатерина II стала одной из величайших патриоток России и сделала для нее много больше, чем иные коренные русские. Я напомнил об этом Зиновьеву. Он ответил так:

— В принципе, в моем анализе ваше уточнение мало что меняет. Организация управления была привнесена извне. И она на Руси не была уничтожена, а осталась. И только благодаря ей славянские племена образовали со временем единую нацию. А посмотрите, что произошло в России после 1985 г.? Организацию, созданную в течение многих десятилетий, а если брать предыдущую историю, то и столетий, причем очень сильную, разрушили. И пошел распад. И если этот процесс не остановили бы во время, все опять, как в древние времена, распалось бы до отдельных деревень.

— Допустим, что все это удастся собрать, вернувшись к тоталитарной или в лучшем случае — авторитарной вла-

сти. Оправдано ли это исторически хотя бы, не говоря уже о человеческом измерении? Хорошо это для русских или плохо?

— Это не плохо и не хорошо. Это просто качество.

— Иначе говоря, вы считаете, что русскому народу нужно бюрократическое управление в рамках полицейского государства?

Зиновьев не задумываясь ответил:

— Понимаете, если бы дело обстояло так, что русские живут на одной планете, а другие народы — каждый на своей. Но все живут на одной-единственной планете. И все зарятся друг на друга, как бы где урвать кусок. Надо каждому народу учиться себя защищать. А это дает только государственная организация.

— Выходит, любые поиски демократических форм для русского народа бесполезны. Он обречен на то, чтобы вечно блуждать в лабиринте диктатур. Без всякой ариадниной нити?

— Все критики советского режима и революции почти единогласно утверждали, что был хороший русский народ, но произошла революция и евреи-большевики, используя латышских стрелков, навязали ему новый социальный строй. Они даже не отдают себе отчета в том, что они воспроизводят ту же самую идею: навязали. Действительно революцию русскому народу преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, извне. А теперь что? Опять-таки извне привнесена уже западная демократия. Она не на русской почве, не из русских душ выросла. Но что такое западная демократия и рыночная экономика? Они не враз появлялись, они создавались веками. И людьми определенного типа. В литературе эти люди хорошо описаны. Это люди холодные, способные на риск, жестокие временами. Люди лишенные романтики. А для русских людей характерна эта рефлексия — поболтать, поразмышлять вслух. Основной талант русских в том, чтобы болтать о деле и желательно ничего не делать. А западные люди — деловые, целеустремленные. Это складывалось веками.

— Тем не менее, когда надо, русские работать умеют. Не только болтать. Достаточно вспомнить войну, атомные, космические исследования.

— Да. Но это было возможно только в условиях чрезвычайно жесткой организации. Плюс те, кто в оборонной промышленности работал и во время войны с Гитлером, и в годы «холодной войны», понимали: речь идет о выживании нации. В СССР можно было приказом учредить, допустим, космиче-

скую промышленность. На Западе это невозможно. Рыночную экономику не учредишь. А рыночного механизма в России нет, и не было никогда. И он ничего не имеет общего с тем, как его представляют в России. Для многих у нас он ассоциируется с толкучкой, и только. В виде блошиного рынка!

А в демократии увидели только одно — парламент, несколько партий, которые время от времени сменяют друг друга у власти. Но это же примитивное представление о демократии, крайне поверхностное. Реальная демократия — это весьма сложная и изощренная система управления. Смотрите, например, в Италии. Один кризис за другим, а страна живет. Управляется, ничуть не хуже, чем другие страны. А в России, где нет такого глубинного аппарата управления, который складывался веками, а есть лишь поверхностная демократия, и получается бардак. По сути — безвластие.

ОТКУДА БЕРУТСЯ КВИСЛИНГИ?

Я никогда не был сторонником Бориса Николаевича и его команды. Я знал, что Зиновьев воспринимает его как урядного партократа самых средних способностей, в чем я убедился еще до того, как Ельцин стал президентом РФ. После развала СССР, однако, просто сбрасывать Ельцина со счетов уже было нельзя. Определить его место на шкале российской истории помог мне Зиновьев.

— Скажите, что вы думаете о команде Ельцина, — спросил я его. — Кто они? Некомпетентные люди, либо чиновники, которые в силу исторических обстоятельств вынуждены были пойти на службу тому режиму в России, который вы называете оккупационным?

— Они действительно люди по меньшей мере некомпетентные. Но даже это не самое главное. Ельцин и его команда повели страну к полной капитуляции перед Западом. Пока¹ сопротивление этому слабое. Но оно будет нарастать.

— Но есть ведь и другой взгляд на то, что вы называете «капитуляцией». Мы действительно устали от состояния перманентной войны со всем миром. Сколько можно, в конце концов? В XX веке, как началось с войны с Японией, так практически до войны в Афганистане и шло без перерыва. Кровь, разрушения, похоронки в каждой семье. И вот приходят

¹ Разговор наш состоялся вскоре после событий октября 1993 года.

демократы во главе с Ельциным и говорят: давайте откажемся от коммунизма, и тогда войны сами по себе прекратятся, мы заключим новый альянс с Западом. Вчерашний враг пусть станет другом России. И при этом добавляют, что это будет именно такое союзничество с Россией, к которому на Западе якобы всегда стремились, только вот коммунизм мешал.

— Это умышленная ложь. Коммунизм был лишь предлогом. Россия была всегда бельмом на глазу у Запада. И не столько коммунизм стремились уничтожить, когда разваливали Советский Союз. Конечной целью Запада было уничтожение России и ее народа. Это давняя задача Запада — стереть Россию с лица земли, а ее богатства захватить. Ельцинское руководство России всячески Западу в этом помогает, способствуя в том числе и физическому уничтожению русского народа, о чем говорит, например, статистика превышения смертности среди русских над рождаемостью за последние годы. Нехватки, нищета, а затем и просто голод довершат начатое. Да что там говорить, уже чума гуляет по России, холера, туберкулез, инфекционный дифтерит, а теперь и СПИД. Что это, случайность? В конце-то XX века! Ведь такого не допускают сейчас даже в самой отсталой стране мира. А тут — Россия, хотя и не такая, как СССР, но все же ядерная держава. Если дело так и пойдет по этому сценарию господ «демократов» еще несколько лет, даже не десятилетий, то процесс физической гибели русского народа станет необратимым.

История идет сейчас такими темпами и ситуация в мире такова, что России просто не дадут встать на ноги. Идет убийство русского народа в полном смысле этого слова, убийство физическое. И, думаю, в свое время такая перспектива была запланирована соответствующими людьми и организациями. И, если процесс этот не повернуть вспять уже сейчас, сегодня, то русский народ вообще может исчезнуть с лица Земли. И воспоминания о нем не останутся. Руководство России сыграло здесь позорнейшую роль.

— *Вы имеете в виду только захват власти Ельциным и его «командой» после августа 1991 года либо всех, кто разваливал СССР с 1985 года?*

— Ельцин лишь продолжил то, что начал Горбачев. Он создал правительство предателей, правительство «пятой колонны» Запада на территории России.

— *Как с Ельциным могло произойти такое перерождение? — спросил я Зиновьева.*

— А он пошел на это не сразу, — ответил он. — Его к этому подвели обстоятельства и его окружение. Ельцин относится к той породе людей, которые, творя негодяйства, умудряются убедить себя и своих последователей в том, что делают благородное дело. И если уж говорить о терминах, то проанализируйте отношение демократов к предателю Родины генералу Власову¹.

Уж если этого мерзавца нынешний российский режим возвел в ранг героя, как «борца со зверствами сталинизма», то тут уже не надо рассуждать о том, откуда ветер дует.

Теперь о популярности «народного кумира». Я утверждаю, что интеллектуальный уровень как Горбачева и горбачевцев, так и Ельцина с его «ельциноидами» чудовищно примитивен. Это — люди, которые делали карьеру в партаппарате и были отъявленными карьеристами. Они не могли выработать научного понимания происходящего в советском обществе и во всем мире.

Мировоззрение карьеристов формируется, мягко говоря, на ненаучной основе. И к тому же они не могли бы выбиться, не будь они посредственностями. Я описал эту систему в «Зияющих высотах». В секретари обкомов обычно попадали люди интеллектуально серые, заурядные, и только при большой натяжке можно было Горбачева, который и по русски-то не умел правильно говорить, выдать за интеллектуала. А уж Ельцина... Вот мы и получили во владыки обкомовских «интеллектуалов», а в результате — буйство посредственностей. Я уже не говорю о моральных качествах новоиспеченных властителей. Они окружены людьми, которые не дают им полной информации о происходящем. Ими манипулируют. Поставляют им информацию выборочную, препарированную. Да они и сами не хотят знать всю правду. Слишком, видимо, страшно.

— *Значит, они живут в выдуманном мире, в своего рода Зазеркалье?*

— Я не склонен их идеализировать. Мир их выдуманный. Но это не мир идеалистов. Он создан по закону самооправда-

¹ Генерал Власов во время войны с Германией добровольно сдался в плен и перешел в 1942 году на сторону немцев. Впоследствии он возглавил Русскую освободительную армию (РОА), которую фашисты в основном использовали в карательных операциях, а на последнем этапе войны — в Чехословакии. Власов был пойман и казнен по решению советского военного трибунала как изменник Родины.

ния. Иначе им жить было бы невозможно, будь они порядочными людьми. Но можно ли их отнести к такой категории? Если бы Ельцин и его партнеры по сговору в Беловежской Пуще отдали себе полный отчет в том, какое великое злодеяние они совершили, пусть даже в ослеплении, то будучи порядочными людьми, пустили бы себе по пуле в лоб. Но мы, увы, имеем дело с не лучшими представителями советского общества.

— Мне довелось в свое время присутствовать на вашем теледиспуте в Париже с Ельциным в 1990 году, когда по французскому телевидению рекламировали его книгу. По всеобщему мнению, дуэль была неравной. По части интеллекта ваш соперник явно вам уступал. Хотя по апломбу выигрывал.

— Я и тогда был невысокого мнения о Ельцине. И тогда, говоря о его посулах процветания России, в случае, если он ней придет к власти, я открыто сказал, что это все — демагогия, что его обещания нереальны, а, став президентом, он будет действовать не исходя из популистских лозунгов, а по законам власти. Так оно и случилось.

— Но ведь все же пошел за ним русский народ. Наважде-ние какое-то.

— Я не стал бы утверждать, что русский народ пошел за Ельциным. Он ни за кем не пошел. И не идет. Он сейчас в состоянии некоего смятения умов и брожения. И, увы, разложения. Тут о движении вперед говорить не приходится. Движение, скорее, броуновское. Другое дело — реакция народа на антикоммунизм сначала Горбачева, а потом Ельцина. Вот тут у него не оказалось идеологического иммунитета. И это одна из важнейших причин нынешней катастрофы в России.

— Чем вы это объясняете? Ведь мы все вроде бы так старались. Сами себя убедили, что коммунистическая убежденность — это и есть тот цемент, что спаял «новое историческое единство советский народ». И куда все подевалось?

— Именно потому, что вдалбливали эту «убежденность», она и не привилась. И еще важно понять, что вдалбливали идеологию слишком высокого интеллектуального уровня. Она была неадекватна массовому сознанию. Несмотря на все вульгаризации марксизма, народ не мог его воспринять. Большинство его просто не понимало. Меньшинство делало вид, что понимает.

В официальной пропаганде улавливали лишь нечто утилитарное, практически применимое на бытовом уровне. Ос-

тальное отторгалось на уровне массового сознания. Но так как вакуума не бывает, то в образовавшихся в результате подобного отторжения пустотах стала формироваться так называемая «практическая идеология». А в ней находилось оправдание и карьеризму, и взяточничеству, и прямому воровству. А теперь и предательству, русскому вишизму. Именно эта идеология и стала в ельцинской России государственной.

В целом западная, буржуазная идеология в практическом, бытовом применении оказалась гораздо мощнее коммунистической. Уже потому, что она примитивна до ужаса и рассчитана на самые низкие инстинкты, на потребительство. Она имела колоссальный успех в СССР. В том числе и потому, что запрещалась. Постепенно посеянные семена взошли.

— Не будем, однако, все сводить к «тлетворному влиянию Запада». Не только повидав западные витрины или фильмы с ними, советские люди стали задавать вопрос: «А чем мы хуже, чем они?» Они жили в нищете по западным стандартам. И только столкнувшись с этими стандартами, поняли, что это унижительно. В конце концов, и ваш собственный опыт показывает, что против коммунистической формы организации жизни, общества люди так или иначе восставали. И вы в том числе.

— Я? Нет!

— Но ведь вы же объективно не воспринимали той системы развития, по которой шла страна после Октябрьской революции. Восставали против несоответствия провозглашенных идеалов и реальной практики коммунизма. Вы мне как-то рассказывали о вашем школьном заговоре против Сталина. Вы замахнулись на этого коммунистического монарха или бога, как вы сами говорили, в первую очередь потому, что вы жили в нищете. А в то время уже появилась совбуржуазия, которая жила куда как лучше, чем советские «пролы».

— И все же благодаря Советской власти я получил прекрасное образование. Мы бросили нудную жизнь в деревне и перебрались в город. Я стал профессором. Мой брат стал полковником. Другой брат — директором банка. Это все не так-то просто...

— В этом-то все и дело, что все непросто, неоднозначно. С одной стороны, вы были нищими, а с другой — интеллектуалами, читавшими Шпенглера, Кропоткина и Томаса Мора. С одной стороны, люди жили в землянках и во вшах, а с другой — теоретически могли посетить Большой театр во

время общеколхозного культпохода в Москву. Но культпоход, согласитесь, — это еще только культурная революция, а не культура.

— Это был переходный период. Потом вши и землянки исчезли...

Переходный период, о котором говорил Зиновьев, конечно, затянулся и в силу неопытности большевиков, и из-за сталинских репрессий, и из-за войны. Но тем не менее процесс пошел, как любил говорить Горбачев. Поголовная грамотность приобщала людей к русской и мировой культуре, и это не проходило бесследно при всех издержках нашей культурной революции. Самое страшное, что в ней было, — это отсутствие преемственности, разрыв с национальными традициями, отрицание поначалу русской культуры, православия и его традиций. Это неизбежно приводило к трудно излечимому духовному уродству, за которое всем нам потом пришлось расплачиваться. Тысячу раз был прав Достоевский, когда писал: «Если Бога нет, все дозволено...»

В середине 50-х годов, когда я закончил среднюю школу, у меня была мечта поступить в МГУ, как ни странно на археологическое отделение. Я стал ходить на подготовительные курсы и однажды вечером зашел за старое здание МГУ на Моховой и вышел к заброшенной к тому времени Знаменской церкви. Бабушка воспитывала меня в традициях Православия, учила основным молитвам и вере в Бога. И хотя я человеком церковным так никогда и не стал, глубоко уважение к Церкви, к храму сохранилось у меня на всю жизнь. Тогда у Знаменской я испытал настоящий шок — вся паперть этой церкви была загажена нечистотами, которые оставили там в перерывах между занятиями будущие представители советской интеллигенции, студенты МГУ. Страшное это зрелище отбило у меня всякую охоту поступать в Московский университет.

Но сколько тысяч людей, получавших тогда высшее образование в одном из лучших вузов страны, проходили мимо поруганной Знаменской церкви абсолютно равнодушно, воспринимая это поругание как нечто нормальное. Что же творилось в душах у этих людей? Как все это должно было исказить их восприятие мира? И сколько еще должно было пройти времени, прежде чем они начали понимать, что значит Православие для русского народа и что такое дорога, которая ведет в храм. Объективно — это понимание пришло гораздо

позже приобщения к знаниям и мировой культуре. Но все-таки к большинству — пришло.

По парадоксу вещей именно начатая большевиками культурная революция и погубила Советскую власть. И Зиновьев — тому живое подтверждение. Человек, познавший Канта и Гегеля даже в переводе, не сможет признать за духовного вождя невежественного партократа любого ранга — а они у нас были невежды на подбор — Хрущев, Брежнев, Суслов, Черненко, и т. д. Интеллигенты в первом поколении воспроизводили интеллигентов во втором поколении и в третьем. И чем прочнее утверждалась русская и мировая культура в привилегированной прослойке потомков крестьян и пролетариев, тем активнее эта среда генерировала инакомыслие, производила диссидентов и бунтарей.

Зиновьев был диссидентом по определению, хотя с ними сходилась очень трудно, мне довелось это лично наблюдать в Париже на разного рода диссидентских мероприятиях, где «настоящий коммунист» Зиновьев вынужден был общаться с «настоящими антикоммунистами». Объективно я понимал, что Зиновьев прав в своем анализе развития России в годы Советской власти. В русской истории достигнутое за этот период — объективно и есть вершина нашей истории. И все же во многом путь к этой вершине шел по трупам. С началом «перестройки» в советской печати не раз приводились сенсационные цифры жертв сталинских репрессий. Так, Рой Медведев писал в 1988 году в «Московских новостях», что в 1927—1953 годах было репрессировано (включая раскулаченных, депортированных, жертв «голодомора» 1933 года и др.) около 40 миллионов человек. Позже, со ссылкой на американские и западные источники, число погибших от репрессий некоторые авторы увеличили до 50—60 миллионов человек (Л. Кучма в ноябре 1999 года говорил даже о «62 миллионах жертв коммунизма!»). В изданной во Франции «Белой книге» о «преступлениях коммунизма» приводились слова А. Солженицына из его интервью испанскому телевидению. Со ссылкой на профессора Курганова он заявил в июне 1991 года, что «с 1917 по 1959 год только от внутренних войн советского режима против своего народа, то есть уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, только от этого у нас погибло, вместе с нашей Гражданской войной, 66 миллионов человек. А всего «от социалистического строя» потеряли 110 миллионов человек». Ю. Карякин увеличил число «жертв коммуни-

стического режима» до 120 миллионов человек. При численности населения СССР перед войной в 190—195 миллионов человек это, конечно, звучит неубедительно. Те, кто приводил эти цифры, видимо, позаимствовали их у исследователей, применявших ту же методiku, что и Ю. Платонов, чьи подсчеты потерь русского народа приводились выше. Речь шла и о тех, кто стал жертвой репрессий, и о покинувших Россию, и о погибших в ходе Гражданской и Второй мировой войн, и о тех, кто мог бы от этих погибших и эмигрировавших родиться в нашей стране. Без такого разъяснения цифры о десятках и даже сотнях миллионов «репрессированных» убеждают только уже убежденных антикоммунистов. Украинский ученый и один из лидеров Компартии Украины Евгений Вериго в своей статье «Репрессии и сталинщина», комментируя эти цифры писал, что они «опровергаются как данными проводившихся в стране переписей, так и имеющимися официальными документами, которые свидетельствуют, что репрессии 30—40-х годов коснулись примерно 10—12 миллионов человек, или 7—8 процентов тогдашнего населения страны, *из которых было расстреляно и умерло, согласно справке, представленной Л. Берия Сталину, около 3,4 миллиона человек.* (выделено мной. — Авт.). Цифры огромные, страшные. Но они не имеют ничего общего с теми, которые приводят антикоммунисты для устрашения общественности и нагнетания антикоммунистических страстей. К тому же новые материалы, опубликованные в последнее время, в том числе приведенные в книге В. Карпова, наводят на серьезные размышления по поводу того, кто в большинстве случаев был инициатором репрессий, все ли репрессированные были «невинными жертвами», в какой мере Сталин лично причастен к репрессиям».

И все же, как бы там ни было, во всех этих подсчетах и спорах о «цифрах репрессированных» есть нечто порочное уже потому, что жизнь любого человека священна, особенно человека ни в чем не повинного. Сколько бы ни насчитали миллионов загубленных большевиками, по Берии ли, по Карякину, забыть и простить этого нельзя. Однажды, выслушав очередной панегирик Зиновьева коммунизму, я сказал:

— Я не думаю, что все преступления большевиков когда-либо исчезнут из памяти народной. Народ не будет классифицировать коммунизм по периодам, а коммунистов по номенклатуре, по рядовым и сознательным. Для него все эти жертвы — дело рук коммунистов. А число жертв было неоп-

равданно огромным даже для гражданской войны. Пусть не 66 миллионов, как у Солженицына подсчитано, но 3,4 миллиона, причем далеко не самых худших по знаниям и интеллекту, уж точно уничтожили. Эти цифры не отрицал даже Берия. А вспомните «раскулачивание» десятков тысяч крестьянских хозяйств, которые действительно кормили Россию, были основой нашей народной жизни. Их вырубili под корень. Причем никто так и не объяснил, зачем это сделали.

— Кажется, Спиноза сказал, что история не для того существует, чтобы над ней плакать или смеяться, а для того, чтобы ее понимать. Понять — не обязательно простить. Но без понимания того, чем был коммунизм для России со всеми его издержками и даже преступлениями советского периода, русский народ не найдет правильной дороги в будущее. У коммунизма — краткая, можно сказать, пока одноактная история. Всего семьдесят с небольшим лет прошло. Для истории — это миг. Коммунистическая система еще просто не имела возможности укрепиться и показать свои преимущества. Хотя и то, что сделано, грандиозно. За кратчайший срок были ликвидированы нищета, безграмотность...

— Нищета не была ликвидирована. Она, увы, продолжала существовать. Даже в Москве, не говоря уже о деревнях, вообще о провинции.

— Был восстановительный период. Была война. И если вы хотите говорить о результатах революции, возьмите достижения в космосе хотя бы и период Хрущева, первые годы брежневского периода, когда еще не начался кризис. Вот вам результат. А не то что на другой день после революции.

— *Согласен, и все же о коммунизме судить надо не только по достижениям, но во всей совокупности добра того периода и зла. И по Звездному городку и по ГУЛАГу. Украинцы не забыли тот голод, который был вызван искусственно Сталиным и его людьми, в том числе Хрущевым, на Украине. Людей морили голодом, причем в ряде случаев злонамеренно, без всякой на то разумной причины. Вы знаете, как долго составляли крестьян работать «за палочку» (т.е. за один трудодень — такой была форма оценки проделанной работы в колхозах. — Авт.) в колхозе, что по сути дела было рабским трудом. Вспомните, что происходило в несчастных кишлаках Средней Азии, где ради хлопка практически вытравливали население азотными удобрениями и сгубили Аральское море. В народной памяти это все, увы, останется вместе с великими свершениями. Мне кажется, что пока объективно-*

му восприятию Советской власти мешает определенная личностная причастность людей к событиям того времени, эмоциональное восприятие советской истории. Мы даже о Петре Первом не можем пока говорить объективно. Стоит сказать, что он не щадил русских и не считал крестьян за людей, как тут же начнут говорить о том, что он прорубил окно в Европу. Так и с Советской властью... И Ленин у нас хороший, и Сталин, т.к. при нем «был порядок» и «он войну выиграл». А теперь и Троцкий с Бухариным тоже хорошие...

Мы не раз подходили с Зиновьевым к этому рубежу, где начинались наши расхождения во взглядах на коммунизм — он видел его в длительной исторической перспективе, причем не обязательно в российском контексте, а потому «частности» были для него менее выжны, чем основные «закономерности». Для меня в наших спорах было важно определить отношение русского народа не только к государственности, тут я согласен с Зиновьевым на 100%, но и к демократическому пути развития, который никогда не исключали ни русские демократы, ни первые русские марксисты направления Г. Плеханова.

В наших спорах о прошлом, перемежая аргументы о бесспорных достижениях СССР и репрессивном характере советского общества, мы часто забываем о том, с чего собственно начиналась Советская власть. Забываем, что она была выхолощена партократией и лишена основного — того демократического начала, который народ вложил в это понятие, создав первые Советы, независимо от большевиков. Ведь от слова «совет» и пошло название «Советская власть». Эта власть не была привнесена извне, как форма организации и управления. Ее идея родилась в самом народе. А народу вместо той Советской власти которую он принял, поддержав большевиков, навязали действительно прежнюю, и тут Зиновьев тысячу раз прав, монархическую бюрократическую организацию общества, но на коммунистический манер. Вот поэтому народ, который всегда против этой бюрократии бунтовал, и отринул в конечном итоге коммунистическую, а точнее партократическую организацию общества. Это, конечно, учитывали и на полях «психологической войны». А главное — в ходе экономической войны против нашей страны.

История наша по-своему повторилась. Люди пошли за Ельциным и за местными националистами не потому, что эти лидеры были семи пядей во лбу. А потому, что они рискнули

(по каким соображениям — это особый разговор) сказать: «Так дальше жить нельзя!» И это было правильно. Действительно, так дальше жить было нельзя. А у Ельцина и компании даже и альтернативы толковой коммунизму не было. По сути, они как были аппаратчиками, так ими и остались. И я отмечу тут еще один момент важности чрезвычайной важности. Конфликт 1993 года между Ельциным и парламентом мало кто рассматривал с точки зрения перспективы сохранения Советской власти как формы политического устройства России. Ведь те, кто шел за Ельциным в августе 1991 года, фактически выступали за крестьянский, точнее, эсеровский лозунг времен Гражданской войны, времен восстания в Кронштадте — «За Советы без коммунистов». Наиболее честные из них и по сей день за это выступают. Ельцину же и его людям нужны были послушные советы коммунистического образца (даже без коммунистов!) на всех уровнях — от Верховного совета до местного. В этом суть конфликта 1993 года, едва не переросшего в гражданскую войну. Ельцин с самого начала как раз и пытался восстановить партократический режим, то есть тот, который унаследовал все традиции еще царской бюрократии. Он и вел себя так же, как вели себя до него генеральные секретари. И не мог вести себя иначе, ибо он такой же, как и его собратья по партократии, по номенклатуре, из одного корыта ели-с!

Таким образом с августа 1991 года готовился действительно серьезный заговор — целью которого было очередное уничтожение русской идеи Советской власти, т. е. давайте поставим точки над «i» русского варианта демократии. Заговор этот, отметим, готовился с двух сторон. Путчисты хотели его осуществить в масштабах всего Советского Союза. И не только проиграли, но и помогли своим дурацким путчем очистить Советы от КПСС. Просто путем ее запрета, коммунисты-то там формально остались. Ельцин же повел себя так же, как большевики в 1917 году. Сначала он завоевал большинство в Советах, включая Верховный Совет РСФСР, под лозунгами «демократия» и «Советы без коммунистов». Не случаясь поэтому его выход из партии. Затем он взял с помощью теперь уже «своих» Советов власть в масштабах Российской Федерации. А затем, когда он уже стал не просто одним из 15 президентов союзных республик СССР, а президентом суверенной ядерной державы, то тут Советы ему уже оказались не нужны. Ни с коммунистами, ни без них. Ему понадобилась уже неограниченная власть, диктаторская. С демократией, тем более русской, господину президенту было никак не по пути.

Зиновьев, когда я ему изложил эти свои рассуждения, отреагировал на них так:

— Я бы сказал, что Ельцин не воссоздавал коммунистическую модель, а пытался приспособить ее — она ведь до сих пор существует, хотя и в усеченном, изуродованном виде, — для своих дикторских целей. Его режим сумел поставить себе на службу прежние государственные структуры, включая КГБ, МВД, армию, откуда танки-то взяли палить по «Белому дому»?! Присягнув ему на верность, они тем самым гарантировали его законность. Ни о какой законности этого режима и речи быть не могло. На мой взгляд, куда законнее, чем ельцинский режим, был так называемый «августовский путч ГКЧП». А вот все законы, защищающие режим, созданный путчем Ельцина, — фиктивны. И против них — законность истории. А в соответствии с ней каждый народ имеет право любыми средствами защитить свое существование, свое будущее, свою независимость. Это — высшее право народа.

— *В чем-то ваша позиция совпадает с платформой КПРФ...*

— Я мало связываю надежд с компартией России. И не только потому, что я не сторонник Маркса. На мой взгляд, нельзя сейчас в его теории и догмы втискивать российскую, да и любую другую реальность. Учение, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, сегодня для руководства к действию и анализа действительности не годится. Нужна новая идеология. Соответствующая историческому опыту советского народа, в первую очередь тем реалиям, которые характерны для периода Советской власти, начиная с Октября 1917-го.

И эта идеология должна быть понятной рядовому гражданину, трудящемуся. И есть еще одна причина моего скептицизма по поводу компартии. В ней многие все еще не могут отказаться от перестроечных мифов, цепляются за них, не понимая, что они-то и тянут их ко дну. Вот тот же Лигачев, например, заявляет, что он был одним из инициаторов перестройки. Так за это судить надо. Этим нельзя гордиться. Перестройка — это тяжелейшее преступление против советского, в первую очередь русского народа и всей России.

— *Каким же вам видится будущее России?*

— Только социалистическим. Несмотря на то что меня обвиняют — и облыжно! — в том, что я зову обратно к ГУЛАГУ, к сталинским репрессиям и «застою», я как раз против возвра-

щения к-старому. Я за социализм, отвечающий тому историческому опыту, через который прошла наша страна. Как там теперь ни истолковывают историю заново, революция 1917 года была воистину Великой. И советский период в жизни России был — на сегодня по крайней мере — верхом ее величия.

— *Вы считаете, что русский народ этого хочет?*

— Не нужно обожествлять народ и приписывать ему какие-то мессианские качества. Народ хочет вести более или менее обеспеченную жизнь, избегать всякой ответственности и риска, чувствовать, что кто-то о нем заботится, что-то кто-то ему даст что-то в подарок, причем принесет на блюдечке с голубой каемочкой и решит все его проблемы. Для нашего народа, увы, нехарактерны те формы инициативной организации общества, которые есть на Западе.

— *Иначе говоря, отсутствие гражданского общества в России практически на протяжении всей ее истории не дало возможности народу научиться социальной, политической, гражданской наконец, самостоятельности. Так?*

— Некому его было учить и, наверное, не нужно было учить. Это должно вырваться в самом народе.

— *Но разве свобода практической деятельности, того же предпринимательства не помогла Западу обогнать коммунизм практически по всем параметрам, в первую очередь в том, что касается информатики, компьютеризации общества и т. д. Сможет ли Россия теперь Запад догнать? Поезд ушел...*

— Дорогой Владимир, это лишь одна сторона дела и абстракция. Нужно брать всю совокупность факторов, а говорить о том, что у них хорошо, а у нас худо, и наоборот — просто бессмысленно. Разные условия порождают разные системы. Запад совершил рывок не столько благодаря демократии и гражданской активности своих граждан, сколько благодаря тому, что он занял господствующее положение на всей планете. Вот в чем все дело. И поставил себе на службу всю планету. Существовала Британская империя. Существовала Французская империя. Даже Бельгия с Голландией грабили весь мир. Испания и Португалия веками только на этом и жили. Вот эта группа народов и совершила еще тогда колоссальный рывок за счет ограбления всех народов планеты. Да и сейчас этот грабеж продолжается. Нельзя абстрактно так брать — советское общество, западное. Надо брать соотношение: Запад и Россия. И считать. Только по числу людей Запад во сколько

раз превосходил Россию? Раз в пять. Но даже это не главное преимущество. Возьмите историческое развитие — у Запада за плечами несколько тысячелетий цивилизации, а Киевская Русь появляется на арене истории только тысячу лет назад. Исторически совсем недавно. И этот комплекс стран Запада к тому же захватил наиболее удобные и климатически благоприятные места на планете для развития во всех отношениях. А что досталось России? Полстраны — это вечная мерзлота...

Теперь насчет свободы. Конечно, свобода предпринимательства сыграла свою роль. Это одно из условий развития западного общества. Но ведь эта свобода предпринимательства опиралась на мощную систему государственности, ее защищавшую и поддерживавшую. Западные державы к тому же, несмотря на всю вражду между собой, к господству над планетой пробивались вместе. Какой был тут заложен интеллектуальный потенциал!

Возьмите само население России. Только к концу своего существования СССР подошел к рубежу 300-миллионного населения? А сколько там было к началу века? Миллионов сто. И посмотрим на состав. Эскимосы, калмыки, якуты. Это народы совершенно иного интеллектуального типа, традиционно невосприимчивые к предпринимательству западного толка. И если подсчитать, сколько людей способно усвоить и поддерживать на практике западную цивилизацию на территории России, то мы увидим, что их процент ничтожен в населении нашей страны. Все подражание Западу у нас всегда шло как заимствование, а не как результат внутреннего развития. Не тянем мы по-западному.

— *На что же тогда, по-вашему, русский народ обречен?*

— Я сказал и могу повторить. Или он восстанавливает ту систему, которая существовала до 1985 года, как самую оптимальную для нашего народа, для всех условий его существования. Или он распадется на мелкие группы и станет колонией Запада. Здесь будет Эфиопия. А то и того хуже. Будет реализована программа Гитлера. Русский народ превратится в заштатную нацию и в конце концов сойдет с исторической арены вообще либо вымрет.

— *Иного не дано?*

— Нет. Либо — либо. Это, как в природе, животные пустыни не способны конкурировать с теми, кто живет в джунглях. Они могут конкурировать с ними, только оставаясь в пустыне. Так и у людей. У нас в России — социальная пустыня. Запад —

это социальные джунгли. И сейчас перевес сил колоссальный. Запад не позволит России возродиться. По крайней мере, приложит для этого все усилия. И уж ни в коем случае не позволит ей подняться до своего уровня.

— *Вы считаете, что русский народ, чтобы самосохраниться, неизбежно должен жить в условиях жесткой государственной централизации. Иначе ему ничего не дано в исторической перспективе. Или вы все же видите какую-то возможность соединения в будущем варианта гражданского общества с посткоммунистическим и в результате демократизацию нашего национального сознания?*

— История коммунизма слишком коротка. Мы не успели очухаться, как снова остались у разбитого корыта. Так далеко я заглядывать не могу. Если система, грубо говоря, брежневского типа получит возможности развития, то она неизбежно демократизируется. Ведь переход от сталинизма к брежневизму был уже колоссальным прогрессом, движением вперед в эволюции той же самой системы. Но эволюция таких больших систем предполагает время. Время историческое. Развитие — это эволюция, на это уходят столетия, тут декретами ничего не сделаешь.

Я написал в свое время «Манифест социальной оппозиции», в котором выдвинул идею о том, что гражданское общество в России еще должно сложиться. Я вижу развитие не в том, чтобы поломать эту систему и перейти к капитализму. Разумеется, то, как мы жили, не устраивало людей. Но от того, что они решили — давайте жить лучше, — они же сразу лучше жить не начнут. Опыт показал, что им предстоит вновь карабкаться на тот уровень, с которого они скатились. Я считаю, что прогресс на основе этой системы в России, на основе завоеваний советского периода истории возможен. Но для этого нужно время. Я вижу только такой путь: создание гражданского общества, которое должно было сложиться постепенно. Оно уже начинало складываться при Брежневе. Но при Горбачеве и Ельцине оно, увы, сыграло негативную роль в России. В условиях гражданской войны на него наложились разного рода негативные факторы, которые все вывернули наизнанку. В принципе, если бы развитие шло нормально, бесконфликтно, мирно, то это гражданское общество стало бы базой демократизации и экономического прогресса. А тут оно сыграло разрушительную роль.

— *Выходит, поторопились?*

— Увы... На последнем этапе развития советского общества уже стала возможна борьба различных социальных сил. Вырисовывался путь нормального развития в рамках коммунистической системы. Эту возможность пресекли. Стратегии «холодной войны», которые понимали, к чему это ведет, увидели возможности такого развития довольно четко. И это их испугало. Ведь одной из главных задач «холодной войны» было не допустить, чтобы коммунистическая система стала заразительным примером. В том, что произошло, решающую роль сыграло внешнее вмешательство. Эта система была разгромлена извне, а не изнутри.

— *Изнутри она, однако, изрядно прогнила.*

— И все же изнутри, учтите, Владимир, никакие системы не погибают. Они ослабевают изнутри. Но погибают всегда под внешним воздействием. Все империи — Римская, Византийская, Османская и другие — были разрушены извне. Это очень существенно...

Глава 13

УБИЙСТВО НОМО SOVETICUS

Тезис Зиновьева о решающем внешнем факторе в распаде СССР был подтвержден в США лет через десять после нашего разговора об этом. В Вашингтоне открыли архивные документы о проведении администрацией Рейгана целенаправленной экономической войны против СССР, включая искусственный демпинг цен на нефть, а также об оказании всемерной помощи афганским моджахедам в сопротивлении советским войскам. Все это плюс активная психологическая война против СССР и позволили США одержать победу в «холодной войне», ликвидировать коммунистическую систему в масштабах бывшего социалистического содружества, развалить СССР. В западной прессе приводились также факты об активной поддержке Соединенными Штатами разного рода сепаратистов с целью развала Российской Федерации. Ну а о том, как ЦРУ непосредственно вмешивалось в процесс приватизации и демонтаж военного, промышленного и научного потенциала России, мы могли судить хотя бы по судебному процессу в Массачусетсе над американскими «советниками» по приватизации, которых ЦРУ в начале 90-х направило в командировку к Чубайсу. Но это так, штрих. Полная картина развала СССР и попыток развала постсоветской России еще долго не появится. И не в последнюю очередь потому, что пробиться истине на поверхность вновь мешает партократия. Оправдываясь за свое историческое банкротство по прошествии 25 лет со дня начатой ими «катастрофы», партократы, как по команде, принялись вновь скармливать русскому народу свои версии о «заговоре ЦРУ», о «плане Аллена Даллеса для СССР», о котором мы уже говорили, и прочие байки о происках внешнего врага, якобы и приведших коммунизм к столь печальному концу. Чтобы не вступать с ними здесь в

полемику, обращусь к специалисту по части происков империалистической агентуры. Генерал-полковник Виктор Черкесов, с 2003 г. директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, чекист с большим стажем, (с 1975 по 2000 год — на службе в органах госбезопасности, с 1992 по 1998 год — начальник Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, с 1998 по 2000 год — 1-й зам. директора ФСБ РФ) в своей статье в «Комсомольской правде» (29.12.2004) вот так оценил роль партократии в развале Советского Союза и КПСС:

«Коммунистическая номенклатура превратилась в вещь в себе, позволила развалить себя на кланы, группы и одиночек. Она в рекордно короткие сроки сумела разложиться, потерять связь с народом, то есть переродиться. Цепляясь за власть и не умея эту власть осуществлять, оторвав полномочия от ответственности и потеряв ощущение современности, эта кичливая и беспомощная каста потащила за собой в могилу государство, общество, собственную идею, собственный исторический смысл. Без накопления объективных противоречий, без разрыва с исторической энергией своего общества, без отрыва от народа, от корней, от сути и смысла своей истории, без самоподрыва, самоперерождения не рухнет ни один класс, ни один режим, ни одна политическая система. Противник может помочь накоплению негативов, он может перенаправить энергию, порожденную этими негативами. Но он не может ничего создать на пустом месте». Тысячу раз прав Виктор Черкесов.

ПЛАНЕТА СТАЛА ОДНОПАРТИЙНОЙ

... Тогда в Париже, в ходе нашего разговора о так и не состоявшейся демократической эволюции коммунизма, мне было интереснее всего узнать мнение Зиновьева о том, каким путем она бы могла пойти. Ведь речь шла о будущем России, пусть даже гипотетическом.

Итак, обращусь к нашему тогдашнему диалогу:

— *Вернемся к проблеме исторического выбора, Александр Александрович. Так или иначе, прежняя модель отвергнута. Возможно, новая будет только ее копией, а возможно, усовершенствованным вариантом. Лучше второе, конечно. Но, разрабатывая эту модель, необходимо учесть ошибки первой и каким-то образом совместить государственность со*

свободой. То есть добиться того, чего коммунизму решительно не хватало. Иначе для общества, почувствовавшего что же такое свобода действий, новая модель не подойдет.

— Да. Это очень важный вопрос, хотя я считаю, что абсолютной свободы не существует. Есть определенный тип свободы. В западном обществе свободы одного типа преобладают, в советском обществе — другого типа. Я различаю свободы политические и юридические. В этом смысле западный человек свободен. И есть свободы социальные. Граждан коммунистических стран были более свободны социально, но будучи свободны в юридическом и политическом планах. Этот вопрос довольно тонкий.

Что такое социальные свободы в отличие от формальных юридических свобод? Вот сейчас русским гражданам объявили, что они могут лететь хоть в Южную Африку. Но насколько социально реальна эта свобода? У какого процента населения найдутся несколько тысяч долларов на такой билет и на оплату гостиницы, не говоря уже о питании? А если денег таки нет? Где же тогда свобода передвижения? Формально западный человек имеет право выбирать любую профессию, любое место работы, а практически?

— Ну, это есть у Маркса и Энгельса. Они писали еще «Святом семействе», что без экономической свободы нет политической. И это, считал Маркс, — то же самое рабство. Но рабство все же без ошейника.

— Я говорю шире — без социальной свободы обесцениваются все другие. Нельзя сказать, что граждане коммунистического общества вообще не были свободны. Они имели свои формы свободы. Я в советском обществе ощущал себя гораздо более свободным человеком, чем на Западе. На Западе себя вообще не чувствую свободным. Я здесь раб. Я вынужден делать то, что реально возможно, а вовсе не то, что я хочу делать. У нас в Советской России были какие-то гарантии. Отпуск, работа, медобслуживание. Я не говорю там о качестве. Но это все же создавало какие-то гарантии свободы.

— Даже, как это ни странно, — духовной. Это было удивительно! Лучшие стихи, песни, книги, ваши «Зияющие высоты», например, были созданы в условиях политической несвободы, авторитарного режима. А объявили свободу и — пиши! Искусство принялось тихо помирать, но зато расцвели эрстические театры, пошлая эстрада, мразное телевидение, игорные дома и бордели. Действительно, настоящая духов-

ность рождается только в борьбе за свободу. Но что потом, когда свобода обретена?

— Да, это перспектива далекая. Настоящей свободы нигде нет. И граждане Запада далеко не свободны. Чтобы свободу, гарантированную конституцией здесь использовать, нужно иметь не только гарантированный доход, но и определенные накопления. И даже с этим надо уметь еще распорядиться своей свободой. На Западе огромное количество богатых людей, но, если посмотреть, как они проводят свободное время, то можно увидеть, что они такие же рабы обстоятельств, как и те, кто не имеет их финансовых возможностей. На меня набрасывались в свое время, когда я говорил, что есть свобода и при коммунизме. Никто не хотел слушать.

— Кстати, многие в Европе даже не понимали, что наш социальный эксперимент шел больше им на пользу, чем нам, потому что оказывал влияние на весь их образ жизни, заставлял их государства учитывать наш опыт, например социального обеспечения, и использовать его, пусть даже неохотно. А теперь у них будут потихонечку все это отбирать. Тем более что кризис все стихнет.

— Да, был противовес. Сейчас же, после распада СССР в Европе наблюдается нечто вроде периода после разгрома Наполеона. Только тогда наступала монархическая реакция. А сейчас — капиталистическая реакция. Причем это ощущается везде на Западе. Отсюда многое. И спад активности, и уныние. Даже люди, имеющие работу, особенно интеллигенция, втягиваются в это состояние тревоги, уныния, потери интереса к жизни. Исчез враг — исчезла цель, а где-то и смысл жизни.

— Мир был биполярным, а стал однополярным...

— Планета стала однопартийной. И теперь выход из положения один — создавать такой полюс внутри самих себя.

— Да, вот во Франции, например, бывший премьер-министр и экс-лидер социалистов М. Рокар заговорил о необходимости перегруппировки политических сил, о «Большом взрыве», как он сказал («Big Bang»).

— В Италии то же самое, в Японии даже. Нужна двуполярность. Иначе — хаос. В этом смысле любопытна и та эволюция, которая происходит с интеграцией Европы. Ведь она задумывалась как противовес коммунистическому блоку в Европе. А теперь это потеряло смысл. И она может реализоваться теперь только как антиамериканская. И, кстати, если Советский Союз в той или иной форме не возродится, то Объединенная Европа может превратиться в новую мировую

державу, в мощный противовес США. И тогда конфронтация американцев и Европы неизбежна. Она станет реальностью.

— *То есть мы вернемся к началу века.*

— Да. Я так и думаю, что все эти события в СССР отбросили нас всех лет этак на сто назад.

У ПОЖАРИЩА «БЕЛОГО ДОМА»

Зиновьев не ставит вопрос, хочет ли видеть Россию и впредь социалистической большинство его соотечественников. Да и кто они теперь? По-прежнему гомососы? Или уже появилась новая разновидность россиянина, нечто вроде «гомо демократикус»? Для Зиновьева — это был вопрос первостепенной важности. В редкие моменты своих «черных откровений» он говорил про себя, как бы в оправдание: «А что вы хотите? Я вырос в этом советском обществе и я такой же, как все. Я тоже — homo soveticus...»

Наверное, его личностная трагедия в том и заключалась, что он не мог избавиться от сопричастности к этой безликой массе. Однажды он сказал мне с какой-то непонятной, глухой тоской: «Главное, Владимир, — это вырваться из толпы». Он сумел это сделать не однажды. Вырывался, а потом возвращался вновь. Видимо, сказывалась его крестьянская генетика.

Многовековая привычка русских деревень жить единым миром, у всех на виду, соизмерять и моделировать себя, как личность с близкостью общины, как ни странно на первый взгляд, во многом помогла большевикам утвердить в России ту социальную среду, которая и породила гомососа. На Руси издревле осуждали тех, кто обособлялся от общины, выделялся из толпы. Быть «как все», чтобы в доме было все «как у людей», быть «не хуже других», но вместе с тем и не «заноситься» — вот та мораль крестьянской Руси, которая полностью устраивала манипуляторов массовым сознанием, тех, кто управлял народом как трудовой армией.

В Зиновьеве слишком сильны и русскость, и советскость одновременно. Безумно любя и то и другое, русский Токвиль столь же сильно то и другое в себе ненавидел. «Русскость — это прекрасно, — говорил он мне. — Но это трясина».

Пока существовал Советский Союз, Зиновьев мог позволить себе издеваться над коммунизмом, чтобы его усовершенствовать. Лекарства его были горькими, это верно, и да-

леко не всем они были показаны. Кто-то выдерживал их, несмотря на всю убийственность его иронии. А кто-то страдал при этом от полного нарушения идеологического «обмена веществ». Портрет Зиновьева вполне можно поместить на объявлении «Разыскивается по обвинению в убийстве Номо Sovieticus». Хотел он того или нет, но к этому «убийству» он приложил руку.

Когда Союз рухнул, Зиновьев почувствовал, что почва уходит у него из под ног. Он первым понял, что политическое убийство века — убийство Номо Sovieticus, или «гомососа», как он его в шутку называл — это уже не литература, не социология, а политическая практика нового режима России. «Гомососов» должны были убивать не только физически в будущих конфликтах и этнических войнах. Их собирались уничтожить, как динозавров, изменив ту среду, в которой единственно и было возможным существование Номо Sovieticus: систему всеобъемлющей коммунальности по имени «реальный социализм».

Задолго до того, как Ельцин подписал свой первый декрет о разгоне Советов (октябрь 1993 г.) Зиновьев понял, что гомососа обрекают на вымирание как социальный генотип, подобно питекантропу. Гомосос мог существовать лишь в условиях России социалистической. Более того, и русский народ мог сохраниться, по его глубокому убеждению, только в такой России. Именно поэтому Зиновьев — к удивлению всех, кто его знал, — поставил на защиту коммунизма всю мощь своего интеллекта. Неудивительно, что демократическая Россия его отринула. От него отвернулись не только прежние почитатели его таланта, но даже близкие прежде друзья.

Либеральная интеллигенция Запада не сумела увидеть то, что раньше всех увидел Зиновьев: поворота к диктатуре в России. Только после расстрела парламента из танков западная печать начала сравнивать режим Ельцина с режимом Пиночета (см. например, французский еженедельник «Evenement et jeudi», 28 октября 1993 г.). Но когда об этой перспективе говорил — еще при Горбачеве — Зиновьев, от него отворачивались. На Западе практически перестали печатать его книги и статьи. Но Зиновьев не был бы Зиновьевым, если бы на это болезненно реагировал. И хотя все это ударило по нему страшно — не только, кстати, морально, но и материально, — он шел к своей цели своим путем и плевать хотел на все остальное.

Ельцину удалось уговорить армию стрелять в толпу и по «Белому дому». Как? Это пока тайна, покрытая непроницаемым мраком. «Белый дом» стал черным от снарядов и пожаров.

Таким он теперь и останется в истории России. Ельцин уже не войдет в историю отцом русской демократии. Впредь он будет именоваться ее Нероном, а разгон им русского парламента и советов всех степеней приравняют к 18 брюмера в России.

Не случайно именно после событий 3—4 октября 1983-го Александр Солженицын говорит в интервью Московскому телевидению:

«—...Вот эта необдуманная, суматошная реформа...

— Вы имеете в виду шоковую терапию?

— Шоковую терапию? Нет, ну кто может мать свою лечить шоковой терапией? Ну вы будете свою мать так лечить?»

Против расправы над парламентом России и против режима Ельцина выступили и другие давние противники Советской власти — бывший председатель Интернационала сопротивления коммунизму, главный редактор журнала «Континент» писатель Владимир Максимов, первый из писателей-диссидентов, высланных за границу, Андрей Синявский. Вместе с бывшим узником ГУЛАГА диссидентом-марксистом Абовиным-Егидесом они опубликовали открытое письмо в московской «Независимой газете», призывая Ельцина уйти из Кремля в монастырь и до конца своей жизни замаливать октябрьский грех. Ах, было б только октябрьский!

Номо Soveticus, конечно, не погиб вместе с русским парламентом. Его вычеркнули из списка живых *post factum* тем же самым росчерком пера, которым был подписан указ о роспуске Советов. Советскую власть окончательно демонтировали, а значит, решили, что и Номо Soveticus приказал долго жить, почил в бозе. Это только потом, когда Ельцин объявил в Ярославле, что «с Советской властью покончено», Номо Soveticus был убит официально, прожив славную и одновременно бесславную жизнь с октября 1917 года по октябрь 1993-го. Он был убит как явление, как образец для подражания, как стандарт поведения и как политическая система. Не так уж он был, как видим, прост.

Однако, как говорил Солженицын в уже упомянутом интервью, «коммунизм внедрился в наше сознание, в людей и во всю систему». Поэтому Номо Soveticus умер, но гомососы остались. Более чем 70-летнюю привычку гомосовства враз выбить невозможно даже с помощью пушек тяжелых танков.

Едва ельцинские власти объявили во всеуслышание, что народ на 100 процентов поддерживает и расстрел парламента, и охоту на «красных», и закрытие оппозиционных газет и

партий, гомососы почувствовали привычный зуд в руках, побуждавший их одобрять и аплодировать.

«Как поступит гомосос, — писал в своем «Гомо советикусе» Зиновьев, — если нужно открыто (т.е. в своем коллективе, на собрании) выразить отношение к диссидентам? Конечно, одобрит действия властей и осудит действия диссидентов. Гомосос холуствует перед властями, солидарен с большинством сограждан, одобряемых властями... Он всецело поддерживает свое руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за страну, как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обречь на жертвы...»

Долго ждать не пришлось. На следующий день после расстрела «Белого дома» в газете «Известия» было опубликовано позорное письмо к Ельцину, подписанное 42 «известными писателями». Среди этик «известных» были в основном еще агитпропом воспитанные «дежурные» бездари, которые всегда и все подписывали по первому звонку со Старой площади (площадь в Москве, где размещался ЦК КПСС. — *Ред.*) как законопослушные гомососы. Но появились и «новообращенные»: поэты Белла Ахмадулина и Булат Окуджава, прозаик Виктор Астафьев. Они просили Ельцина, буквально умоляли его как можно скорее «запретить» газету «Правда» и все те другие издания, которые «клеветают» и «искажают».

Тысячу раз прав был Александр Александрович: «Зараза гомосоства — самая глубокая болезнь человечества, ибо она проникает в самые основы человеческого существа. Если человек ощутил в себе гомососу и вкусил яд гомосоства, вылечить его от этой болезни еще труднее, чем вернуть к здоровой жизни закоренелого алкоголика или наркомана». Кто бы мог подумать, что Белла и Булат с Астафьевым станут «подписанцами», что в среде интеллигенции не почетно. Раньше так называли тех, кто подписывал письма с осуждением скопом «врагов народа», «убийц в белых халатах», и по-одиночке — С. Прокофьева и Д. Шостаковича, Б. Пастернака и А. Солженицына, С. Ростроповича и А. Зиновьева...

Для меня имя Окуджавы было из разряда «священных коров». Еще студентом я получил от него своеобразное благословение — он работал заведующим отделом поэзии в «Литературной газете» и опубликовал в 1958 году чуть не на две трети полосы мой перевод поэмы американского поэта Уолтера Лоуэнфелса «Американцы за мир». Его песни для российской интеллигенции служили не только эталоном поэзии, но

и паролем порядочности. В них был заложен своего рода генетический код интеллигентности, тайной духовности, недоступной непосвященным. Так же как и в стихах Беллы Ахмадуллиной, с которой мы учились по соседству — я в 330-й школе Москвы на Большой Казенной, а она в 334-й на Малой Казенной. С Виктором Астафьевым мы встречались в Париже и долго говорили в моем парижском бюро незадолго до событий августа 1991-го. Астафьев был убежденным антикоммунистом, но я никогда бы не поверил, что он станет аплодировать тем, кто будет стрелять в безоружную толпу и расстреливать пацанов-комсомольцев по краснопресненским дворам.

Конечно, всякое могло быть в неразберихе тех дней. Могу и подписать, сгорая. Но ведь даже потом, полгода спустя, когда были опубликованы многие документы и свидетельства, прежде всего «Великая криминальная революция» С. Говорухина, разве не шевельнулось у ельцинских «подписанцев»? Им не захотелось взять свои подписи обратно?

Когда Зиновьев приехал в очередной раз в Париж уже после выборов в Думу 1985 года, я спросил его, что он думает обо всей этой истории?

— Мерзость все это, — ответил он. — Даже во времена Сталина не было ничего подобного, ну а что касается Окуджавы, Ахмадуллиной и других, то они, увы, действительно оказались классическими гомососами. Понимаете, Владимир, они никогда никакой демократии не защищали. Защищали свои групповые интересы. Но называли это защитой демократии. Для Ельцина и его карателей — они свои. Кстати, термин «демократия» нельзя считать научным в силу аморфности его смысла и многосмысленности даже в рамках сочинений одних и тех же авторов. Мне встречались буквально десятки его определений. Это характерный термин идеологий.

Как образуется идеологический феномен по имени «демократия»? Отбираются некоторые черты западной государственности. Они идеализируются, и это преподносится, как некая «демократия». Берутся такие черты, как «многопартийность», «разделение властей», «выборы», «публичность». И т. д.

Эти признаки отбираются тенденциозно и обозначаемые ими явления идеализируются. Встречали вы когда-нибудь на Западе такое определение демократии, в котором в числе ее признаков указывались бы тюрьмы, подавление, коррупция, закулисные сговоры, заведомый обман избирателей и т. д. А ведь это — весьма существенные признаки западной систе-

мы власти, не менее органично присущие ей, чем обычно прославляемые многопартийность, разделение властей и т.д. Но об этом идеологи «западнизации» России не говорят, хотя «повсюду на Западе отмечены массовые разоблачения коррупции правящих кругов. Такой коррупции, как в западных системах власти, Советский Союз никогда не знал.

— Но ведь *гласность, разделение властей и многопартийность* — это не так плохо. И объективно они существуют при капитализме. По части, конечно, нельзя судить о целом. Но и без части нет целого. В нашем советском прошлом мы нередко именно это и игнорировали. Демократия при капитализме не только есть, но и буржуазное общество нередко именуют демократией.

— Верно. Речь лишь идет о том, что нельзя выдавать отдельные признаки демократии, которые, конечно же, в западных системах существуют, за ее сущность. Они существуют лишь, как частичка, как одно из явлений системы государственности, явление, скорее, поверхностное. А их вырывают из контекста, идеализируют и выдают за подлинную демократию.

— Но ведь то же самое можно сказать и о коррупции, — возразил я ему. — В той же Италии не только героико-одиночки разоблачили связи политических партий, высших руководителей страны с мафией. Без государства, причем отметим, буржуазного, этого не произошло бы. Во Франции, например, все время идут расследования грехов лиц весьма влиятельных и богатых. Достаточно назвать многочисленные «аферы Тати», мультимиллионера, кстати, и политика, депутата Национального собрания Франции от социалистической партии. Не щадят и правых — несколько лет велось следствие по делу мэра Лиона М. Нуара, едва удалось вытутаться из скандальной аферы министру обороны Ф. Леотару. В самом конце XX века «засветился» даже лидер голлистов Жак Ширак. И если бы он не стал президентом Франции, парижской тюрьмы Санте ему бы не миновать.

Возьмите многочисленные «гейты» в США. От Уотергейта покойного Ричарда Никсона, в результате которого он ушел в отставку с поста президента, до «гейта» супругов Клинтон в весьма сомнительном строительном бизнесе в Арканзасе. Так или иначе, но цивилизованные, я специально это подчеркиваю, капиталистические государства с коррупцией борются достаточно решительно. Может быть, тем решительнее, чем убедительнее Россия доказывает, как мафиозные банды могут развалить великое государство.

— Во всех этих случаях, — ответил Зиновьев, — нужно уметь видеть и оборотную сторону. А именно — борьбу между различными буржуазными партиями за власть в стране. Но даже это не существенно. Вернемся к нашему идеологическому феномену. Термин «демократия» не только ненаучен. Он стал многосмысленным. Никакого подлинного смысла не существует. Просто — десятки определений. Речь не идет даже о том, чтобы найти какой-то подлинный смысл этого слова или выяснить, что же такое подлинная демократия. Выяснить надо, с чем мы сталкиваемся в нынешней ситуации. Дело в том, что в западной идеологии, в пропаганде путем выделения и идеализации привлекательных особенностей западной государственности создан идеологический миф о демократии. Его и навязывают другим народам. С какой целью? С той же, с какой в свое время европейцы спаивали алкоголем индейцев. Чтобы их ликвидировать и завоевать соответствующую территорию. Навязывая этот несуществующий в реальности миф другим народам, добиваются того, что эти народы и их страны разрушают. Разрушают их социальный строй, их систему государственности...

— *Это и есть — несовместимость социальных тканей, Александр Александрович. Я расскажу вам в связи с этим одну историю. Как-то раз мы ехали по улицам чистенького парижского пригорода с моим гостем из Москвы. Он увидел черные пластиковые мешки на обочине дороги и спросил, а это что такое? Я ему отвечаю — это для мусора, пищевых отходов. Помойка, одним словом. Только в целлофане. Утром ее заберет специальная машина. А гость мой говорит: «Вот здорово! Нам бы так!» Но тогда я ему сказал, что, прежде чем вводить такое новшество, надо еще ввести и целую инфраструктуру: производство мешков и специальных машин, службу уборки, систему сортировки мусора и мусоросжигателей и т. д. А главное — приучить наш народ эти мешки по ночам не вспарывать и содержимое их не разбрасывать смеха ради. Он выслушал меня и сказал: «Да, это, пожалуй, у нас не привьется». Может быть, так произошло и с попыткой ввести у нас демократию? Ввели только внешние признаки, те же «черные мешки».*

— Именно. В самих западных странах эти «черные мешки» существуют. Но не сами по себе, а как частичка, как проявление более грандиозного целого. Тут и определенные исторические традиции, и определенный человеческий материал, и соответствующая социальная структура общества, вся сис-

тема власти и управления, в которую включается эта так называемая демократия. Там — она органична и естественна. А когда это переносят в другую среду, с другими историческими традициями, с другим человеческим материалом, и не просто переносят, а насильственно насаждают, тут неизбежно разрушаются и социальный строй, и система государственности. В СССР разрушать и то, и другое начал Горбачев, а завершал Ельцин.

Они либо не понимали, либо намеренно скрывали от народа, что в Россию экспортируется не демократия, а идеологическая картинка демократии, ее пропагандистский образ. С самого начала, как очевидно, эта демократия не имела ничего общего с той, что существует на Западе.

Почему экспортный вариант западной демократии для России несовместим ни с ней, ни с тем социальным строем, который в ней прежде существовал, ни с менталитетом русского народа? Да потому, что те «признаки», о которых мы говорили, сами по себе существовать не могут. Вне своей естественной среды они вырождаются в своего рода раковые клетки, в уголовные структуры власти, которые поражают весь организм. Это, собственно, в России и произошло.

— Мне рассказывал один оптовик из Голландии, что сейчас русским продают такие продовольственные товары, которые там не осмелятся предложить даже самым бедным людям. В Россию же, считают, можно. Как говорил один наш олигарх: «Пипл хавает». Поэтому у нас — отравление за отравлением. Не то же самое с демократией?

— Похоже. Но если брать ваш образ, надо отметить, что для разных уровней развития капитализма существует и соответствующий ему уровень демократии, каждый живет по своим средствам и возможностям. Для богатых — продукты наилучшего качества, без нитратов и вредных добавок. Для среднего класса — подешевле. Для бедняков цены могут быть бросовые. Но допустим, фруктовый кефирчик, хоть он и с такой же красивой этикеткой, как для богатых, дешево продают только потому, что срок годности у него вот-вот кончится. И нужно его продать быстро, пока не испортился. А после этого срока остается его только выбросить. Так вот господа российские «демократы» купили этот «кефирчик» на Западе с давно истекшим сроком годности. На большее у россиян средств не хватило. Упаковка красивая. Но травят люди. И раз уж русским западных кур продают с сальмонеллой и говядину с ящуром, то почему бы не продать им и суррогат демокра-

тии? Власть другая — воровская, криминальная. Главная ее идея — это нажиться.

Той «настоящей демократии», о которой в России так много говорят и мечтают, русским не дадут. Существует для них пока одна видимость. А по сути при Ельцине была создана уголовно-мафиозная структура, приспособленная исключительно для разрушения страны и ее разграбления. Поэтому нет смысла говорить о том, кто и как понимает демократию.

— *А как же мы тогда определим, чей «кефирчик» лучше? У Ленина в «Государстве и революции» проблеме демократии, ее развития при капитализме и конечноного отмирания вместе с государством при коммунизме посвящена не одна страница. Мы с институтской скамьи привыкли оперировать этими терминами...*

— Нам уже не до теорий и не до терминологии. Надо оставить все эти споры — что говорил тот, что другой. Не время сейчас для словоблудия. Все эти поиски той или иной организации общества — все это дребедень. Нужно четко осознать очень простую истину современности. Но все ее боятся признать и топят Истину в океане пустых слов.

Что произошло в России? Ее разгромил Запад вследствие предательства ее лидеров и массовой капитуляции. И то, что называли демократией, было всего лишь средством разрушения великой страны, уничтожения прежде существовавшего социального строя, орудием ее колонизации, орудием убийства советского государства и геноцида русского народа. Ничего другого в этом нет. Созданный при Ельцине режим — это уголовно-мафиозный строй, оккупационный строй. Эта власть как власть бандитская не способна управлять страной. Она способна ее только добить.

— *Что ж, Россию надо, выходит, закрывать? Неужели вы в нее не верите?*

— Поверьте, я не меньше вас люблю Россию и свой русский народ. Но быть просто достойным лучшей доли мало. За место под Солнцем надо бороться. Обещания никого еще не накормили, а бумажные армии — никого не защитили, когда вслед за армией капитулирует и народ, он неминуемо погибает. Его безжалостно уничтожают победители. Вспомните, с чего начал Запад, когда только-только почувствовал, что Горбачев охотно «сдаст» Советский Союз. Забота у него была одна — удержаться у власти любой ценой. Запад начал давить на Горбачева с тем, чтобы его руками добиться если не уничтожения, то кардинального ослабления ракетно-ядерного по-

тенциала СССР. И добились этого еще до развала нашей страны. Чего стоили только ликвидация СС-20, межконтинентальных ракет с многозарядными боеголовками. А после развала СССР начали с того, что Белоруссия, Украина и Казахстан не могут гарантировать, что имеющееся у них ядерное оружие не взорвется. Их разоружили. Затем те же претензии предъявили к России. То же самое говорят и об атомных электростанциях на территории СНГ. Вывод отсюда недвусмысленный — поставить и ракетно-ядерный арсенал бывшего СССР, и его атомные электростанции под международный, т. е. американский, контроль. Цель тут очевидна — полная демилитаризация России и других стран СНГ и окончательное превращение их в колонии и полуколонии.

— Почему в нашей стране при Горбачеве оказалось такое количество коллаборационистов, капитулянтов и предателей?

— Такого не было в истории не только России, — ни одной страны. Все высшее политическое, все военное руководство, вся интеллектуальная элита оказались предателями, предали страну, народ и себя самих. Чем объяснить такое обвальное предательство? Тут одним словом не скажешь. Какие-то причины определяются нашим национальным характером, тем, что все и всем до лампочки. Но главная причина — в потере прежних ценностных ориентаций. И дело тут не в том, что все высокопоставленные предатели вдруг оказались, вроде той крохи, по Маяковскому, перед вечным вопросом «что такое хорошо, а что такое плохо?». Они прекрасно знали, что предавать нехорошо. Они предавали потому, что лично им выгоднее было предать, потому что капитулировал сам главнокомандующий, и сопротивление потеряло смысл. За предательство их никто не наказывал и не наказывает. Ведь человеческая мораль — это очень хрупкое равновесие прав и обязанностей. А когда обязанностей практически не осталось, то люди изначально нестойкие морально, лгавшие прежде и другим, и себе, бывшие коммунистами не по убеждению, а по должности, а таких на высоких должностях в СССР было, увы, немало, поступили согласно своей натуре. Они потребовали себе всех прав сразу, выбросили свои партбилеты, распозлились и стали пристраиваться. Все номенклатурщики, кстати, пристроены. Вы не увидите их ни в очередях, ни с протянутой рукой. А вслед за ними и вся огромная многомиллионная КПСС распозлась по норам, как в песок ушла. Что ж от народа требовать?

ПАРАМЕТРЫ СВЕРХОБЩЕСТВА

— Запад был един в своем противостоянии коммунизму в ходе «холодной войны», — подбросил я Зиновьеву еще один тезис для размышления. — Но если за уничтожение коммунизма выступали с одинаковым энтузиазмом и руководители Франции, и лидеры США, то к перспективе раздробления СССР отношение было вовсе не одинаковым. Возьмите, например, Францию. В прежнем, двухполярном мире она могла использовать фактор СССР в своей геополитической стратегии в отношениях с США. Теперь после исчезновения СССР у нее такой возможности нет не только в том, что касается Америки. И в Европе, где теперь существует мощная, объединенная Германия, отсутствие такого противовеса, как СССР, весьма болезненно для Франции. Поэтому и отношение к перспективе нового объединения бывших советских республик не воспринимается на Западе одинаково.

— Запад, конечно, явление неоднородное, — ответил Александр Александрович. — Позиции различных стран Запада отличаются друг от друга существенно и порой они даже противоположны. Но давно пора понять один из важнейших факторов эпохи, переживаемой ныне человечеством, а именно — фактор интеграции индустриальных стран Запада в новое гигантское социальное целое. Эта интеграция происходит несмотря ни на что. Нужно принимать во внимание и другой фактор, а именно образование Глобального Общества под эгидой Запада. При этом очень важно понять, что интеграция Запада не есть просто ломка национальных границ. Происходит формирование общества второго уровня по отношению к традиционным национальным государствам. То есть своего рода Сверхобщество. Оно складывается в том же социальном пространстве и из материала, поставляемого традиционными странами Запада. Но это уже новое образование. Оно состоит из наднациональных экономических империй и бесчисленных политических, культурных, информационных и прочих организаций и учреждений. Такого же рода формируется и Глобальное Сверхобщество. И в этом сверхобществе стран бывшего Советского Союза уготовано определенное место — для стран второго и третьего сорта. И уготовано оно именно западным Сверхобществом, разгромившим Советский Союз совместно с внутренними советскими предателями и коллаборационистами, мафиями и т. д.

Выгодно или нет Западу объединение стран бывшего СССР в новое целое? Кому-то выгодно, кому-то нет, кому-то и да, и нет. Но это дело второстепенное. Главная победа Западом уже достигнута — Советский Союз разрушен как сверхдержава. Социальному строю, на котором эта сверхдержава держалась, нанесен непоправимый удар. Теперь отношение Запада к процессам в бывшем Советском Союзе зависит от обстоятельств. Повторяю, я не вижу на Западе никакого страха перед возможной интеграцией стран бывшего СССР. С какой-то точки зрения это даже удобнее для Запада — легче будет регулировать и управлять этой по сути дела подлежащей колонизации территории. А что касается частных интересов отдельных стран Запада, то правители Запада и Глобального Общества имеют достаточно сил для того, чтобы оказать на них давление и заставить действовать в нужном им духе. Дело даже не в том, что для Франции, например, было бы выгоднее, чтобы восстановился Советский Союз. Дело в том, что после образования Европейского союза, а затем и Глобального Сообщества никакой суверенной Франции больше нет. И реальную Францию заставят поддерживать ту стратегию в отношении бывшего Советского Союза, какую сочтут целесообразной стратеги Единого Запада.

— Я, конечно, понимаю, что интеграция при отсутствии структур, способных обеспечить социальную справедливость в рамках многонационального государства, это не панацея. И все же идея интеграции, воссоздания прежнего единства республик СССР многим близка. Сейчас многие спорят о том, как можно будет «впрячь в одну телегу» вновь обретенные суверенитеты и прежнюю централизацию. Ну хотя бы в рамках СНГ. Говорят, что для этого потребуются не только новые структуры, но и новые люди, прежде всего в России, где ожидают серьезных политических перемен.

— Я вообще считаю бессмысленным рассуждать о том, на базе каких структур произойдет объединение стран бывшего Советского Союза — прежних, советских, или каких-то новых. Точно также не вижу проблемы насчет соотношения суверенитета или централизации. На словах возможно что угодно. Можно подписать любые соглашения. Но реальный процесс интеграции народов в более сложное целое происходит по своим объективным законам. То Сверхобщество, которое складывается на Западе, складывается по законам западного социального строя. Объединение стран бывшего Советского Союза, если оно будет происходить, будет происходить в со-

ответствии с тем социальным строем, какой сложится в объединяющихся странах. И здесь в современных условиях это будет происходить как образование общества второго уровня, Сверхобщества этого типа. Поскольку в странах бывшего СССР социальный строй теперь есть ублюдочный гибрид старого коммунизма, примитивного капитализма и допотопных явлений докоммунистического периода, то и объединение этих социальных ублюдков приведет к рождению социального свехублюдка того же типа. Это будет гибрид ублюдочного централизма, ублюдочного суверенитета и прочих ублюдочных феноменов. Не потребует ли эта интеграция политических перемен в России? Смотря что считать переменами. Если, например, смена личностей у власти есть политическая переменна, то такие перемены будут происходить независимо от объединения. Объединение же, как таковое, вообще никаких перемен не предполагает. Они могут быть любыми, даже самыми неожиданными. А теоретики любые перемены истолкуют как закономерные, необходимые и тому подобное. Я думаю, что какие бы перемены на политическом уровне ни произошли, радикальные социальные перемены уже невозможны. Если даже допустить, что к власти приходят коммунисты и провозглашают восстановление Советской власти, направление социальной эволюции страны это уже не изменит. Поздно! Процесс зашел слишком далеко. Запад имеет достаточно сил, чтобы не допустить восстановления коммунистического строя. В странах бывшего Советского Союза уже сложились мощные силы, которые действуют и будут действовать совместно с силами Запада. (Отмечу в скобках, что этот прогноз Зиновьева, датированный 1993 годом, блестяще подтвердился на примере Молдавии, где к президентской власти пришел лидер компартии Молдовы. В России он подтвердился в целом ряде субъектов Федерации, где правили губернаторы-коммунисты. Наш «красный пояс» просуществовал недолго, и «красные губернаторы» так же прислуживали олигархам и местным воротилам, как и их коллеги-демократы.)

— *Ситуация достаточно безнадежная.*

— Да, для тех, кто хочет остановить объективные исторические и социальные процессы лозунгами и старыми политическими методами.

— *Мы с вами все чаще приходим к выводу, что у традиционных политических течений — коммунистических, антикоммунистических, националистических, либеральных и т. д. — будущего нет. Значит, речь должна идти не только о*

новой организации общества, но и о качественно новой организации, а не просто о коренной реорганизации, политических сил.

— Этот ваш тезис, на мой взгляд, — самый фундаментальный и существенный. Все старые политические идеи, движения, группировки в свете происходящих в мире перемен утратили смысл.

— И реальный коммунизм, или, как его называли, «реальный социализм» тоже?

♦ — Коммунистический социальный строй в России и Советский Союз не возродятся в течение жизни по крайней мере двух-трех поколений, а скорее всего, не возродятся в прежнем виде никогда. Всякие иллюзии на этот счет имеют лишь психологический и идеологический смысл. Уговоры и заверения, что, мол, Россия воспримет, что и не такое видали и т. п., вовсе не стимулируют людей на активную деятельность и на борьбу. Наоборот, они способствуют пассивности, надежде на то, что все образуется, сделается само собой, на историческое «авось».

— Вопрос еще и в том, кто же может на этот раз «повести народ к коммунизму». С самими компартиями посткоммунистического, как говорят на Западе, периода происходит много непонятного. Одни из них решительно не хотят ничего менять и практически законсервировались. Другие экспериментируют с социал-демократией, возвращаются к ней, меняют и прежние названия компартий, и свои прежние программы. Третьи только остаются формально по названию коммунистическими, а по сути дела трансформировались в партии лево-националистические. Это своего рода гибрид партии дегаллевского типа, как во Франции, и партии социалистической. Как вы рассматриваете эти тенденции в коммунистическом движении современности? И прежде всего в России?

— Коммунистическая идеология и коммунистическое движение в той форме, какую им придал марксизм, исчерпали свою историческую роль. Практика реального коммунизма дискредитировала марксистские социальные идеалы в глазах широких масс населения, поскольку они (массы) считали реальный коммунизм воплощением этих идеалов. Марксизм как социальное учение перестал быть адекватным реальности. Достаточно, например, сказать, что радикальным образом изменилась социальная структура населения как западных,

так и бывших коммунистических стран, так что рабочий класс утратил ту роль в обществе, какую он играл ранее. Партии с определенной классовой основой теперь просто невозможны. Коммунистические партии утратили свою специфику, и прежде всего установку на революционное преобразование общества. А многие пункты их реформаторских программ стали общими местами в программах и демагогии чуть ли не всех прочих партий. Одним словом, имеется достаточно причин для тех явлений, о которых вы говорите.

Что касается России, то коммунистические и коммунистообразные организации там возникли на развалинах КПСС, которая была скорее политико-административным явлением в рамках советской государственности, чем партией в собственном смысле слова (об этом я писал еще в семидесятые годы!). И к тому же они возникли под влиянием образцов партий Запада, как имитация их (т.е., как поверхностное обезьянничанье). Все они не имеют идеологии, которая базировалась бы на научном понимании реального коммунизма. Самое большее, на что они способны в качестве именно коммунистических организаций, это на то, чтобы плодить явные или скрытые реставраторские умонастроения. А этого крайне мало для создания сильного и перспективного коммунистического движения. Устаревшая марксистская или дилетантская бесформенная идеология в сочетании с аморфностью социальной структуры населения не может стать основой для создания серьезной коммунистической партии. А организации для завоевания голосов избирателей с целью избрания своих депутатов в органы, не имеющие фактической власти, — это пошлый фарс, а не серьезная историческая драма.

— *Давайте прямо поставим вопрос: есть ли будущее у коммунизма, и если есть, то где? Во всем мире? Только в постиндустриальных высокоразвитых странах либо, наоборот — только в бедных, нищих, с трудом развивающихся? Либо только там, где еще правят, как и правили до горбачевской «перестройки», кампартии?*

— Чтобы ответить на ваш вопрос, надо точно определить, что такое коммунизм. Попробуйте произвести социологический опрос, и вы получите десятки различных определений. Если понимать под коммунизмом общество всеобщего благоденствия, справедливости, равенства, изобилия и т. п., то это неосуществимая утопия. И Советский Союз не был таким. Если же понимать под коммунизмом тот тип социальной ор-

ганизации, какой имел место в Советском Союзе, то тут требуется научная теория реального коммунизма. Без нее всякие прогнозы насчет будущего коммунизма лишены смысла. Я много работал над такой теорией. Довольно много результатов этих моих поисков приведено в моих книгах. Основываясь на том, что я уже сделал на этом направлении, я утверждаю следующее. Реальный коммунизм уже сыграл свою великую историческую роль, оказав колоссальное влияние на ход эволюции человечества. В этом смысле коммунизм вошел в плоть и кровь цивилизации, завоевав тем самым место в будущем. Но коммунизм в том «чистом», концентрированном виде, какой он имел в России до 1985 года, неповторим. Его следовало бережно хранить именно в том первоизданном виде, а не реформировать страну по воле руководящих кретин и предателей, а также по указке из-за рубежа. Но в России никогда не ценили и не берегли собственные достижения. Тут все рушилось, гнило в историческом болоте и предавалось забвению. Пройдут века, остынут страсти, на Западе потихоньку построят нечто подобное «русскому коммунизму» под другими названиями и в другом обличье. Только вспомнят ли о великом историческом творчестве какого-то «отсталого русского народа». Да и сохранится ли, если в обозримом будущем в России ничего не изменится, этот народ?

Это все — суета сует и всяческая суета. Главное в истории России уже произошло: ее растерзали, изнасиловали, разграбили, опозорили, предали, оплевали и оболгали. Причем сделали это не только ее глупые и тщеславные руководители, не только предатели и сообщники западных завоевателей, но, объективно, и сами массы населения, ставшие вольно или невольно добровольными помощниками разрушителей страны. Если никакого чуда не произойдет, то впереди у России — десятилетия (если не столетия) торжества мракобесия, паранойи, словом то, что неизбежно в стране колониальной демократии, которую я достаточно подробно и четко описал в моих работах и в наших с вами беседах, опубликованных в «Правде» и в моих книгах.

— Иначе говоря, русский народ, согласно вашему прогнозу, обречен на то, чтобы и впредь жить под властью мерзавцев от политики, воров и сумасшедших? В это невозможно поверить.

— А что же вы хотите, если русский народ ничего не делает для того, чтобы добыть себе лучшую долю, участь более достойную, а ожидает, что все это придет к нему само собой

как манна небесная?! Но если вам так уже хочется услышать прогнозы на будущее, то вот вам один из моей книги «Желтый дом». Там есть такое «предсказание»:

Надейсь! Мозгами не крути!
Простая русская старуха,
Ни рыла в том не смысла, и ни уха,
Свернет историю с неверного пути.

* * *

Зиновьев нередко напоминал мне после таких бесед начисто лишенного эмоций онколога, который не скрывает от больного раком ни его болезнь, ни то, сколько ему осталось жить. При этом, как профессиональный диагностик, он полагал, что утешение — не его функция. На это-де есть профессиональные психиатры и священники.

И если бы я не знал Зиновьева как следует, я бы, наверное, обвинил его в излишне жестком подходе и непростительно-безжалостных прогнозах, не щадящих нашей национальной гордости. Его нередко с этих позиций и критиковали, а заодно намекали — раз уж вы так заботитесь о величии России, что ж там, в Мюнхене, сидите? Зиновьев долго там не засиделся и вернулся в Россию. Одна за другой стали выходить его книги. Он преподавал сразу в нескольких университетах, часто выступал по радио и телевидению.

Когда справляли его 80-летие в банкетном зале Исторического музея, к Зиновьеву пришел весь политический и научный бомонд. В соседнем с музеем Кремле юбилей одного из самых значительных писателей и ученых России нашего времени как бы не заметили. Зиновьев не пришелся ко кремлевскому двору, да и в оппозиции по-настоящему своим так и не стал. Характернейшей его чертой было то, что он никогда не работал на кого-то, по чьему-либо заказу, в силу конъюнктуры. Единственным его заказчиком была Истина. И с этого обычно начинались все трудности Александра Зиновьева.

Трагедией гигантов мысли всегда было одиночество — им, как правило, не с кем поговорить на равных. Зиновьев при всей своей общественной активности и готовности занять трибуну любого приличествующего его имени форума никак не вписывался в привычные «тусовки» российской интеллигенции и, несмотря на явное предпочтение левого фланга нашего политического класса, ни к коммунистам, ни к новым

эс-декам так до конца и не примкнул, а стоял от них как бы поодаль. В любом случае он всегда предпочитал позицию оракула положению чьего-либо идейного наставника. Его охотно приглашали, но за ним не шли. Причин тому много, и частично они становятся понятнее по прочтении этой главы моей книги. Книги Зиновьева, за редким исключением вроде «Катастрофки», слишком сложны для того, чтобы стать бестселлерами. Его научные труды — это, как правило, отрицание всего наработанного до него его учеными коллегами, что уже само по себе ставит Александра Александровича вне всяких школ и кафедр. А Зиновьев-трибун слишком бескомпромиссен и безжалостен в любом диспуте, в том числе и по отношению к тем, кто вроде бы выступает на его стороне. В результате, вернувшись на Родину, он с горечью убедился в истине «нет пророка в своем отечестве» на собственном опыте. И дело вовсе не в недостатке публикаций, интервью, публичных выступлений. Здесь как раз, особенно после его возвращения, в России показатели рекордные. И тем не менее к своему 80-летию он пришел непонятым ни в России, ни на Западе и — увы! — по-настоящему нигде не востребованным. Финал достаточно логичный для гражданина государства из одного-единственного человека. Но от этого — не менее трагичный.

Зиновьев не вступил ни в какую партию в России. Хотя объективно он ближе всего был поначалу к КПРФ. По парадоксу среди ее лидеров оказались и те, кого безжалостно высмеял Александр Александрович в своих книгах. И те, кто так или иначе причастен к его преследованиям в советские времена. Они было принялись поднимать Зиновьева на щит, приглашали его на все свои торжественные мероприятия, а заодно без зазрения совести и без всяких ссылок на автора активно переписывали его труды целыми страницами в свои статьи, брошюры и даже... диссертации. Жизнь-то продолжается даже в оппозиции, которая, по сути своей, — тоже один из неотъемлемых элементов власти.

Такие «идеальные коммунисты», как Зиновьев, для прагматичных лидеров «лево-патриотической» оппозиции духовно и идеологически чужеродны. Беспринципность этих лидеров в том, что касается выбора союзников (достаточно напомнить об их альянсе с Березовским) лишь подтверждает тот факт, что и старыми и новыми партаппаратчиками двигала и двигает не идея, а практическая потребность. Как и Бурбоны, они ничего не поняли и ничему не научились. Главная

их потребность — возвращение к власти. Им, выбившимся в лидеры из нижних и средних звеньев рухнувшей партийной иерархии, нужны всемирно известные имена и авторитеты, готовые бескорыстно пожертвовать собой и своими трудами ради светлого будущего и работать на них «за идею». Бывшие середнячки, а ныне лидеры, по старой традиции ЦК КПСС привлекают к написанию своих «трудов» и речей лучшие умы российской левой, а теперь уже и правой, и на этом блестящем фоне умудряются скрыть свою собственную серость, пощеголять в мундирах фельдмаршалов от идеологии. Им нужны армии, ударные батальоны. Им нужны знамена, идолы от коммунизма, все еще популярного в России. Им нужны герои, которые пойдут за них воевать, чтобы они вновь вернулись к власти. Именно эти идеалисты без оглядки идут в бой и на любое опасное для жизни, либо репутации противостояние с властью, с олигархами, с их, лидеров, соперниками по части лидерства. Ну а уж если на их стороне такой «боевой слон», как Зиновьев, то тут, право, впору трубить победу.

С ними ли был Зиновьев после своего возвращения в Россию? Он давно знал им цену и ни на минуту не впадал в иллюзию по поводу их идейной и интеллектуальной ценности, хотя иной раз и появлялся вместе с ними на митингах и соответственно — на экранах телевизоров.

Я нахожу ответ на то, с кем он, все в той же ключевой фразе Зиновьева о государстве из одного человека. Из этого государства он прибыл в качестве посла в «страну» российских коммунистов, над которой по прежнему развевался тот самый красный флаг. Но для Зиновьева он символизировал коммунистический идеал, а для них — власть в коммунистическом государстве, где они диктовали законы жизни, в том числе и таким гулливерам мысли, как Зиновьев. Они, правда, странно сойдутся на том, что не винят Сталина в совершенных им преступлениях против всех народов СССР. Зиновьев, когда-то ненавидевший Сталина, в 90-х годах вдруг стал говорить о нем восторженно, полагая, что иначе как железной рукой Россию было не поднять, а Гитлера — не победить. И все же как историческую необходимость он оправдывает сталинский террор лишь отчасти. Главным для него был и остается научный анализ природы коммунизма и отчасти — поведенческих норм российского населения. Свой личный опыт и свои очевидные страдания той поры, когда ему приходилось скрываться от погони чекистов, Зиновьев отбросил как частность. Точно так же он считал себя вправе поступать и с эмо-

циями бывших диссидентов и их единомышленников, когда они пытались убедить его, что тиранство Сталина — непростительно и оправдать его никак и ничем невозможно. Он отвечал, что, с его точки зрения, это тиранство было единственным способом спасти ту условно-коммунистическую систему (Марксом там и не пахло), которая сложилась в СССР к моменту прихода Сталина к власти. Вывод этот, с его точки зрения, объективен, и ничего взамен Зиновьев нам предложить не может. А коммунизм получился в России именно таким, каким он был, потому что так сложилось, и другим он быть не мог. Неважно — нравится его вывод диссидентствовавшей интеллигенции или нет.

Помню, в 1996 году во время одной из наших встреч в Париже, почти физически устав от его пессимистических прогнозов по поводу будущего России, я спросил его: а нельзя ли все же дать читателям нашей газеты хоть какую-то надежду и пусть небольшой, но заряд оптимизма? Реакция Зиновьева была мгновенной: «Нет, нельзя. Ибо, это противоречило бы научному анализу нынешнего положения страны и ее ближайших перспектив».. Конечно, он был, как всегда, прав. В России тогда только что переизбрали президентом Ельцина. Какие уж там могли быть перспективы! И все же человек жив надеждой, пусть даже не имея на это никаких оснований. «Ты мне друг, но истина дороже» — это для римлян, не для русского человека.

Зиновьев отрицает за идеологией право на существование, полагая, что это категория не научная, а скорее мистическая, своего рода идейный инструмент профессиональных манипуляторов массовым сознанием. Его критическое восприятие коммунизма и социально-исторического феномена Советской власти во многом кардинально расходится с традиционными и неомарксистскими оценками, будучи ближе к подходу Герберта Маркузе, автора книги «Советский марксизм» и даже во многом — особенно в «Зияющих высотах» — к критике Джорджа Оруэлла («Скотный двор» и «1984»), хотя сам Зиновьев никакого духовного родства ни с американским идеологом «новых левых», ни с Оруэллом не признает. И все же подобно Маркузе и Оруэллу Зиновьев пришел к критике коммунизма слева, а не справа. Но в отличие от них он не отрицает коммунизм, не хоронит его, а утверждает, говорит о необходимости исторической реабилитации коммунизма, что среди современных философов непопулярно. В государстве из одного человека, однако, о всеобщем признании

никогда не беспокоились. Зиновьев публично утверждает, что коммунистическая практика была слишком кратковременной для того, чтобы судить о реальном потенциале коммунизма вообще и Советской власти, в частности. С его точки зрения еще ничего не потеряно. Надо просто подождать, пока история сделает еще один круг и пока человечество помудреет.

В этом подходе куда больше зрелого анализа, чем наивности мечтателя, либо веры адепта. Хотя есть и то, и другое, и третье. Когда у нас говорят о Западе *вообще*, то ли как об идеале для подражания, то ли как об «империи зла», черпая термины из антикоммунистического словаря Рональда Рейгана, я этого не воспринимаю, ибо знаком с той стороной света в частности и с отдельными его представителями лично. Запад — не монолит. Как ни странно это для многих моих соотечественников выглядит, именно через детей из обеспеченных семей с начала 60-х годов там на западный лад повторяется история радикализации российских дворян и разночинцев. Дети элиты ищут духовности, возможности послужить своему народу и всему человечеству, идут «в народ» и современные народники. Мальчики из богатых европейских и американских семей зачитываются Бакуниным и Кропоткиным, а в последнее время все чаще — и Зиновьевым, их кумирами становятся батька Махно, Че Геварра и, увы, даже Бен Ладен. Можно, конечно, на этом фоне порассуждать о феномене *deja vu*. Но дело не в том, что история повторяется. Повторяется, только на более высоком и теперь уже глобальном уровне поиск социальной справедливости, возможностей бескорыстного служения людям, в чем для последовательных левых и есть высший смысл коммунизма. То, что лидеры современных компартий этот смысл донести до масс не умеют, — это их беда, а не беда коммунизма. Очевидно, чтобы прийти к этой истине потребуется и смена лидеров, и смена поколений, и неизбежная при этом трансформация коммунистического учения. Вот тогда, может быть, коммунизм получит снова тот исторический шанс, который, по Зиновьеву, был в России упущен, с чем трудно не согласиться.

Не исключено, что именно на Западе когда-нибудь построят свой вариант «русского коммунизма», только под другим названием. А мы, наверное, будем годами дожидаться этого момента, чтобы импортировать с Запада «рабочую модель» очередного российского переустройства, которую мы вполне могли бы создать сами и приспособить ее к нашему, российскому климату? Не рискуя при этом с помощью

очередной зарубежной «блехи» (которую мы подковать на-верняка сможем) разрушить то, что может быть худо-бедно построим к тому времени? А ведь если приглядеться повнимательнее к западной реальности пристальным социологическим оком, можно увидеть, что Запад давно уже потихонечку — с того же 1917 года — создает и отработывает на практике именно такую модель. Конечно, с учетом своей политической «технологии», рожденной в ходе Великой Французской революции, во время Парижской коммуны, в период создания Декларации независимости, Билля о правах и Конституции США. Учтут конструкторы этой модели со временем и практику «китайского социализма», и японского «семейного капитализма».

Всю копилку социального опыта человечества перевершат и используют, чтобы создать модель поистине универсальную; пригодную для Глобального Сверхобщества стран «золотого миллиарда». Главным же критерием ее работоспособности будет то, насколько она соответствует извечной мечте человечества о социальной справедливости. Ведь выступать против этой мечты столь же нелепо и антигуманно, как выступать против материнства.

Все это, однако, звучит сегодня, как научная фантастика. Далеко до этого «сверхнового» социального устройства, как до какой-нибудь сверхновой звезды. Пожив в России, Зиновьев понял, что процесс капитализации зашел у нас слишком далеко и надо что-то делать, чтобы его не свели окончательно к полному разграблению страны. Пришло «время собирать камни» по Экклезиасту.

И вот однажды, когда мы готовили с Зиновьевым очередную беседу для журнала «Финансовый контроль» о проблемах управления Россией, я снова задал ему вопрос о том, каким он видит будущее нашей страны.

Он сказал:

— У России сейчас два выбора. Первый — идти по пути к некоему гибриду дореволюционного самодержавия и советской модели, где вся экономическая система подчинена центральной политической власти и чиновничьему аппарату. Второй путь — более решительная «западнизация». На этом пути приоритет в управлении принадлежит финансовой системе. Если эта система, которая у нас уже складывается, будет функционировать нормально, то государство в ней само не-

избежно станет элементом финансовой системы. Это модель, принятая в странах Запада.

— Значит, снова власть денег? — спросил я.

Зиновьев подумал немного и ответил

— Коммунистическая система была попыткой избавиться от гнета власти денег. Это гнет чудовищный. Но тут уже ничего не поделаешь. Раз уж мы отказались от советской социальной системы, надо серьезно отнестись к реальным закономерностям и потенциям социальной эволюции в наступившем тысячелетии...

Зиновьев снова не стал говорить, хорош или плох тот или иной путь, который предстоит выбрать России. Как всегда, он только рассматривал варианты. Ясно, однако, что идею возвращения к брежневской модели социализма он отбросил окончательно как нереальную и русским народом не востребованную. Очевидно, «решительная западнизация» виделась ему в начале XXI века как путь более предпочтительный для России. Я понял, что Homo Sovieticus погиб окончательно. Его крестный отец — Александр Зиновьев — убил его в самом себе.

Глава 14

ПИРАМИДА И ПАРФЕНОН

...Можно ли (египетскую) Пирамиду переделывать в Парфенон? Можно ли советскую цивилизацию несколько перекроить на слегка демократический, чуть-чуть западный манер?

*Андрей Синяевский
в интервью итальянскому журналу
«Экспресс» 25 августа 1991 г.*

Великий исследователь Мирового океана Жак-Ив Кусто сказал как-то: «Все, что затонуло, не исчезнет, а вернется, и может быть, трагедией». Для меня эти слова ассоциируются с гибелью СССР. Этот великий «Титаник» коммунизма остался на дне Истории, но время от времени он всплывает в памяти людей. И еще никто не может сказать, чем это обернется для России.

СОЦИАЛИЗМ МИНУС СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Андрей Донатович Синяевский дал очень точный образ «перестройки» (зиновьевский термин «катастрофка» тут, впрочем, больше подходит) — попытки «реформаторов» Горбачева и Ельцина переделать Советскую Россию на западный лад. Переделать Пирамиду в Парфенон, перекрасить, как у нас говорят, «гуся в поросю» — это попытка, заранее обреченная на неудачу. И не только потому, что Пирамида громоздка, а Парфенон легок и изящен. У египетской Пирамиды, например, столько тайн и достоинств, что создателям Парфенона и не снилось. А в первую очередь потому, что социальную систему, а уж тем более сложившуюся цивилизацию перекроить нельзя. Ее можно либо разрушить («до основания, а затем...»),

либо ее подретушировать. Александр Солженицын три года молчал, а потом все же сказал в интервью телеканалу «Россия» (05.06.2005), что *«у нас в стране со словом «демократия» упражняются многие ораторы, склоняя это слово, и очень поспешно вытаскивают признаки ее взамен самой демократии»*. Свобода слова и печати у нас существует, но «это только частный признак демократии». И про наше Федеральное Собрание он сказал, что парламент — «это народное представительство, и оно может быть действительно народным, если избиратели знают, что делает их представитель». А у нас этих «представителей», как правило, никто не знает, кроме их коллег по партии. Солженицын на сто процентов прав, когда говорит, что демократию нельзя ввести декретом. Она должна вырасти снизу, с самой нижней ступени местного самоуправления, как это было в Западной Европе, а до наступления коммунизма — и в Восточной Европе, включая Россию. В этом взгляды Солженицына полностью совпадают с мыслями тех наших и западных философов и социологов, которых я уже цитировал.

Елена Афанасьева, политолог, автор книги «Государство или революция», в одной из своих статей в «Комсомольской правде» предсказала развал российского государства в ближайшие годы, если только у нас не будет воспроизведена американская модель демократии. Свой прогноз развала России Афанасьева строит на достаточно известных взглядах «западников» на характер русского народа и природу российской государственности. «Фундамент нынешней российской государственности, — пишет она, — был заложен в незапамятные времена князем Рюриком, явившимся со своей дружиной ко *всяким там* древлянам и полянам (о, сколько здесь истинно варяжского презрения к славянским аборигенам! — *Авт.*) и совершенно по-рэкетирски обложившим их данью (об этом пассаже русской истории мы говорили с А. А. Зиновьевым, см. выше.) С тех пор во взаимоотношениях общества и государства мало что, по сути, изменилось. Государство, по праву сильного, определяет, что оно позволяет делать обществу, а что нет, и какую дань положено платить, дабы живота не лишиться. Ну, а общество — по праву хитрого — от этой дани всячески откручивается, надувает государство, как только может, и вообще живет своей жизнью, отдельной от государства. Стараясь, однако ж, из чувства самосохранения не вступать с ним в открытый конфликт. Так было и при царях, и при большевиках, так продолжается и по

сей день. А потому, если взглядеться, Россия на самом-то деле устроена по модели помещичьего имения: царь (генсек, президент) = барин, территория страны = территория имения, государство = приказчики, налоги = дань (барщина, оброк), а подданные = людишки в имении. Совсем крепостные или немножко свободные, а насколько — это уж барину решать. Иными словами, российское государство — тоталитарное в самой своей основе. Это с одной стороны. А с другой — и общество в России тоталитарно по своему менталитету. Нет, речь не о тончайшей прослойке людей, «по капле выдавливающих из себя раба». А именно об основной массе. Ведь если государство тысячу с лишним лет относится к народу как к своим крепостным, то и выживают в таком государстве в основном те, кто комфортно себя чувствует в роли крепостных... То есть не пытаются указывать «барину» (государству), что тому следует делать, и вообще не лезут в «барские дела», а наоборот, безропотно принимают предложенные «сверху» обстоятельства и тихо занимаются чем-то «для дома, для семьи». В общем, за тысячелетнюю историю России российское государство и российское общество неплохо «притерлись» друг к другу. И могли бы жить так и дальше, если бы не одно обстоятельство...»

Не будем укорять нашего политолога в том, что она «не заметила» при этом ни многочисленных народных бунтов и восстаний за всю нашу тысячелетнюю историю, ни трех российских революций и одной гражданской войны. Поговорим о том «обстоятельстве», на котором, по ее прогнозу, Россия должна в ближайшее время опять споткнуться. О нем я рассказал довольно подробно, разбирая феномен Горбачева, который в соответствии с известным «законом Паркинсона» достиг своего «уровня некомпетентности», достигнув самого верха иерархической лестницы партократии КПСС. Афанасьев этот ненаучный термин не использует, предпочитая говорить о таком явлении как о «вырождении вертикально-интегрированной системы управления из-за смены поколений», что в общем и описано в «Законе Паркинсона» в духе скорее юмористическом, чем научном. «В краткосрочном плане, — уточняет наш политолог, — оно выражается в жутком кадровом голоде на всех уровнях государства. И в удивительной серости, если не сказать грубее, катастрофически подавляющего большинства государственных чиновников. Можно даже сказать, что в настоящее время средний интеллектуальный уровень госаппарата куда ниже среднего уровня

обычных граждан. В результате в долгосрочном плане государство теряет дееспособность, перестает адекватно реагировать на окружающую обстановку, и в один далеко не прекрасный для него момент просто разваливается. В России только за прошлый век это случалось дважды: в 1917-м и 1991-м...» Если бы все было так просто! Отмечу, что и в 1917 году, и в 1991-м трагически некомпетентными оказались по жуткому историческому совпадению именно верховные правители России, а не «большинство государственных чиновников». Это большинство к тому времени было как раз достаточно компетентным для выполнения тех функций, которые вменялись чиновничеству существовавшим тогда государством и определялись самой его природой. Прогрессивный паралич государственного аппарата начался тогда, когда верховные правители России в 1917 г. и СССР — в 1991-м попытались изменить эту природу («тоталитарную», если нравится этот термин Афанасьевой, или, если точнее, «державную»), заменить ту здоровую идею, которая лежала в основе Государства Российского, на импортированную. Характерно, что после первой попытки ввести демократию в 1905 г. Николай II сам же и испугался катастрофических последствий этого шага и быстро пошел на попятную. (Помните у Маяковского — «Царь испугался, издал манифест: мертвым свободу, живых под арест...») В 1991 г. таким же испугом был вызван и августовский «путч» ГКЧП. Но процесс уже был начат, и повернуть его вспять было так же невозможно в 1991-м, как и в 1917-м после отречения царя. Как в начале XX века, так и в его конце сами верховные правители России самолично дискредитировали прежние ценности, на которых держалась их власть, и тем самым подписали приговор и самим себе, и той государственной системе, в которой они занимали высшие посты. Государственный корабль и в том, и в другом случае опрокинулся из-за слишком резкого и быстрого разворота на 180 градусов.

Демократия европейского образца, эта идея-имплант, не прижилась в России ни в начале, ни в конце XX века в силу несовместимости российских и западных политических тканей. В советском варианте — несовместимости коммунистических и либерально-демократических ценностей, невозможности скоростной конвергенции социализма и рыночной экономики (капитализма). Начиная с «перестройки», это пытались делать в России в приказном порядке. Ублюдочность российского варианта «демократии» именно этим и объясняется. Партийная бюрократия приняла решение «строить

капитализм», ничуть не задумываясь о последствиях своего очередного головотяпства. В результате мы имеем уродливый бюрократический гибрид коммунистической системы управления государством и экономикой. При этом экономика всячески этому управлению сопротивляется, потому что объективно стала рыночной. А управление делает все для того, чтобы принудить экономику к подчинению, что для ее новой капиталистической природы губительно. И при этом идеологи, или, как их теперь именуют, «политтехнологи» «новой России», пытаются преподнести эту уродливую систему Западу как прекрасное дитя демократии и обижаятся, когда им открыто говорят, что дитя их сильно смахивает на Франкенштейна. Но, господа, каков базис, такова и надстройка. «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». В характеристике Афанасьевой это выглядит следующим образом:

«На середину 2005 года ситуация такова. Вырождение системы управления достигло такого уровня, при котором что бы государство ни предприняло — монетизацию льгот, пошлины на иномарки и многое, многое другое, — его шаги если к чему и приводят, то только к ухудшению положения. А потому подавляющее большинство населения страны сейчас хочет от власти только одного — чтобы она, власть, больше не делала ничего. Вот и грядущая в 2008 году смена президента широким слоям населения как минимум безразлична. Рискуно предположить — почти никто и возражать-то не станет, если Путин каким-то образом останется и дальше после 2008 года. Тот факт, что это прямое нарушение Конституции, большинство граждан совсем не волнует. А раз так — то смена президента в 2008-м есть дело, интересное и важное только для аппаратных группировок». Именно на этот 2008 г. и приходится у нашего политолога прогноз развала России в результате паралича власти, борьбы кланов и сепаратизма регионалов. Она считает это «итогом «естественного» развития нынешней российской государственности». По Афанасьевой, у России есть только два пути избежать столь печального финала:

1) Во избежание вырождения властной вертикали в нашем «тоталитарном» государстве его должна возглавить «действительно выдающаяся, сильная личность масштаба Петра, Екатерины или Сталина. Только тогда властная вертикаль «подтянется» под лидера, а дееспособность государства восстановится. Потом неизбежно наступит день, когда выдающаяся личность по естественным причинам уйдет. И снова наступит этап вырождения государства...».

2) «Надежный и устойчивый способ решения проблемы один — перейти от тоталитарного к демократическому государству», в котором «действует целый механизм противодействия вырождению госаппарата. Выборы, многопартийность, регулярно сменяющие друг друга правящая партия и оппозиция — составные части этого механизма...»

Но вот тут как раз и возникает проблема превращения Пирамиды в Парфенон, уже описанная выше Андреем Донатовичем Синявским. Афанасьева видит это так: «Проблема не в том, чтобы уничтожить нынешнее государство, тоталитарное в своей основе и выродившееся до полной потери дееспособности. Это-то как раз не столь уж сложно. Но вот создать вместо него демократическое государство... Загвоздка — в менталитете основной массы народа, сформированном, как мы уже говорили, веками жизни в тоталитарном государстве по модели «барин-крепостные». Так что *задача построения в России нормального — то есть «невырождающегося» — государства есть задача построения действительно демократического государства. Которая, в свою очередь, есть задача изменения тысячелетнего менталитета основной массы населения страны.*»

Удивительно, насколько заразительна психология щедринаского Мальчика в штанах! Нам так все «хотят добра», что даже страшно. Что такое изменение (а точнее — уничтожение) тысячелетнего менталитета основной массы населения России, то есть русского народа, как не уничтожение русской цивилизации? И что нам предлагают взамен? Приобщение к той американской культуре, которую олицетворяют Уолт Уитмен, Марк Твен, Джек Лондон, Рокуэлл Кент, Чарли Чаплин, Джон Апдайк, Эрнест Хемингуэй, Герберт Маркузе и Джордж Гершвин? Нет, предлагают суррогаты а-ля «Reader's Digest», массовую культуру, которую французы метко называли «культурой кока-колы», духовный «фаст-фуд» и олигархическую демократию (кстати, в одном из пассажей своей статьи Афанасьева не исключает поддержку российскими олигархами некоего варианта «цветочной» революции для установления «своей» власти в России). Да было бы просто предлагали! Навязывают, и с каждым годом все более напористо и нагло. И не только России — всем, кто не укладывается в прокрустово ложе «американской демократии» в убогом понимании ее экспортеров и коммивояжеров. Публикация статьи Афанасьевой в «Комсомолке» странным образом совпала день в день с сообщением в «Известиях» о том, что комитет по ассигнова-

ниям конгресса США рекомендовал выделить в бюджете на 2006 год 85 миллионов долларов на программы содействия демократии и экономическим реформам в России. Из них, как сообщили «Известия», 5 миллионов пойдут «на поддержку программ по развитию политических партий. Чуть позднее поступило еще одно сенсационное сообщение — 6 миллионов долларов в конгрессе США выделили на предвыборную кампанию Михаила Касьянова, которого после личных встреч с «Мишей-2%» лидеры демократической и республиканской партии США одобрили в качестве «кандидата на пост президента России». Еще 11,5 миллиона решили изъять из кармана американского налогоплательщика на развитие демократии в Белоруссии и еще несколько миллионов на те же цели потратят в Азербайджане. В связи с тем, что в России финансирование партий из зарубежных источников запрещено законом, деньги эти, как и раньше, поборники американского варианта демократии будут получать не напрямую из министерства финансов США, а через National Endowment for Democracy (Национальный фонд демократии). Этот фонд, работающий с «неправительственными организациями» по всему миру, отфинансировал и «оранжевую революцию» на Украине. Подобное вмешательство Вашингтона во внутренние дела России и других государств, возникших на развалинах СССР, считается едва ли не нормой. Против этого даже российский МИД не протестует. Видно, настолько сильно ослепление демократическими «ценностями» на наших широтах, что даже профессиональные дипломаты не видят логическую связь между «поощрением демократии в России» через National Endowment и «утверждением демократии» на американский манер в Ираке. И когда министр обороны РФ С. Иванов заявил, что после показа интервью Басоева американской телекомпанией Эй-би-си он эту кампанию лишает права доступа на мероприятия своего министерства, российская демпечать тут же обвинила его в том, что он «возрождает холодную войну». Да не он ее возрождает, а США. В Вашингтоне и не собирались ее заканчивать. Там сохранились почти все институты, созданные для ее ведения против СССР, а теперь и против России — от агентуры влияния ЦРУ до разного рода фондов «поддержки демократии», от ЮСИА до радиостанции «Свобода». И только недоумки не могут уразуметь, что США защищают не демократию, поощряя те же «оранжевые революции», а свои национальные интересы, на которые могут работать даже диктаторы и узурпаторы законной власти.

Сильно ли продвинулась демократия на Украине после «оранжевой революции»? Искоренила в себе прежнее «тоталитарное» мировоззрение независимая бюрократия? Нет, конечно. С демократией после замены Кучмы на Ющенко, как считают даже те, кто высиживал ее на майдане, на Украине неувязочка вышла. Но откровенно проамериканский режим там появился. И в госдепе и в комиссиях Конгресса США, и в ЦРУ справедливо считают, что деньги американского налогоплательщика были потрачены не зря. Если же посмотреть на это с другой точки зрения, политически, признаюсь, наивной — а именно с точки зрения действительного продвижения демократии на экс-советской территории, то тут прогресса нет никакого. Думаю, что даже с помощью спецпрограмм госдепартамента США на пространстве бывшего СССР утвердить ее в обозримом будущем не удастся. И дело здесь не в консерватизме славян и их неспособности к переменам (при необходимости тут мы можем дать фору даже американцам), а в феномене несовместимости политических тканей нашего Востока и их Запада, да и в том, что позитивный социальный опыт реального социализма пока что в массовом сознании бывших *Homo Sovieticus* доминирует. Наконец, существуют определенные законы формирования массового сознания для перепрограммирования которого требуются время, историческое пространство и соответствующая социальная среда обитания. В безводной пустыне нельзя человека научить плавать, а в воде нельзя научить ходить. Это все столь же просто, сколь и естественно. Но вот почему-то наши реформаторы исходят не из законов природы, в том числе природы человека и общества, а из надуманных схем, с помощью которых они решили эту природу переиначить. Теоретически, конечно, это все сделать можно. Но неизбежно такая «революция» будет сопровождаться большой кровью, страданиями и обездоленностью миллионов людей. Достаточно вспомнить, чем заплатил русский народ за создание «нового советского человека» (*Homo Sovieticus*). Но, если экстраполировать этот процесс на перековку гомо советикуса в *Homo Democraticus*, станет ясно, что и здесь жертвы будут немалые. Только с 1991 года их счет уже идет на миллионы жизней русских людей. И против этих жертв восстает не «тоталитарная» натура русского народа, а его здравый смысл, стремление к самосохранению, сбережению нашей великой культуры и Православной веры, русской государственности и национальной самобытности. Все это ни в коей мере не исключает

возможности перемен в России и в нашем национальном менталитете. Шло бы только на пользу! Зашоренность недалеких русских правителей прошлого, мешавшая им адекватно представить себе окружающий мир, их нерациональный страх перед эллинскими науками принесли не меньше вреда России, чем неразборчивая «открытость» для западного влияния времен бироновщины, периода «перестройки» и гайдаровско-ельцинских «реформ». Конечно, нельзя сидеть на печи во времена Интернета и глобализации. Но не надо впадать и в другую крайность — «загнать клячу Истории» можно. Но при этом есть риск перестать быть исторической нацией. Древние учили: «Festine lente!», что означает «Поспешай медленно». Это должно стать девизом времени перемен в России после 74 лет коммунизма, в условиях которого формировался менталитет и социальный опыт четырех поколений советских людей. Игнорировать этот опыт — просто безумие.

В свое время большевики безжалостно растоптали ростки российского капитализма сначала дореволюционного, а затем — периода нэпа. В годы Советской власти он ютился в полукриминальном подполье и ростки дал такие же хилые, как картошка в погребе. И самое главное — в народном сознании не сформировался тот образ мышления, который мог бы этим росткам дать жизнь. Через 20 лет после начала «перестройки», получив, казалось бы, немыслимые при коммунистах свободы, включая свободу передвижения, россияне не проявили вкуса к демократии и продолжали ностальгировать по временам коммунизма.

В конце 2004 г. был опубликован аналитический доклад Института комплексных социальных исследований Российской академии наук (ИКСИ РАН). В весьма осторожных формулировках авторы доклада признали, что большинство опрошенных ими россиян хотели бы видеть Россию «великой державой, граждане которой зажиточны, здоровы и обладают равными возможностями для успеха в жизни». Обеспечение личных свобод и создание эффективной рыночной экономики для этого большинства, согласно опросам, менее важны. Как вытекает из результатов исследований ИКСИ РАН, россияне не хотят ни воссоздания плановой экономики в полном объеме, ни государства тайной полиции, ни прочих ужасов бывших Россией. *По докладу можно судить о состоянии массового сознания в стране: больше 40% граждан (даже в возрасте 26–35 лет, то есть каждый пятый) согласны с позицией: «С крахом СССР во мне было разрушено все, во что я*

когда-то верил». Даже такой элемент советского строя, как засилье бюрократии, постепенно стирается из исторической памяти как его неотъемлемый признак, приходят к выводу авторы доклада. «Видимо, россияне поняли, что бюрократии не меньше, а то и больше в современной России, — писали в своем комментарии к этому докладу «Известия», — поэтому ассоциируют ее с периодом «застоя» почти в два раза реже, чем делали это в 1998 году».

Прошлое еще не вернулось к нам в полной мере в виде реальности, но в умах сограждан реставрация происходит невиданными темпами. С 1998 года в два раза увеличилось число тех, кто видит главной национальной задачей возрождение «великой державы». А число сторонников создания настоящей рыночной экономики сократилось за тот же период на четверть. Правда, на 8% больше стало тех россиян, которые во главу угла ставят «создание равных возможностей для всех», но это может быть все тем же вариантом ностальгии по временам Союза, когда почти все были столь же равны, сколь и неправы. В обществе сформирован запрос на построение «государственного капитализма» по образцу советского нэпа. При этом «независимо от возраста и степени «продвинутости» мировоззрения *основная масса россиян предпочитает видеть доминирование государственной собственности* или, по крайней мере, государственного управления с соответствующей системой государственных гарантий в большинстве отраслей экономики». Вот только речь идет не о сегодняшнем государстве — наши сограждане готовы признать легитимным только то государство, которое на первое место ставит интересы не своего аппарата, а той самой главной общности, выражаемой понятием «народ», утверждают социологи. Означает ли это, что сегодняшнюю систему они таковой не признают? По словам руководителя этих исследований ИКСИ РАН академика Горшкова, *«несмотря на заметное снижение критики действий власти по сравнению с 1990-ми годами, народного большинства, которое могло бы заявить «это — мое государство и моя политика», в России на сегодня нет»*.

Если расшифровать этот самый главный вывод из опроса РАН, то он таков: русский человек считает, что в России до сих пор не создано государство, в котором все было бы устроено «по совести», по справедливости, чтобы оно радело за народ, а не за тех, кто живет по свинскому принципу: «Все люди равны, но некоторые более равны, чем другие». Увы, этот прин-

цип действовал и при коммунизме, и стал основополагающим в «демократической» России. Достаточно российскому обывателю, скажем, почитать в «Комсомолке» (07.07.2005). статью о том, как бывший премьер-министр Касьянов приватизировал бывшую госдачу Суслова, снес ее и принялся строить там каменный дворец, как он убеждается, что если что и меняется в нашем Отечестве, то только к худшему.

О ПОЛЬЗЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ И «БЕЗДУХОВНОСТИ»

Доклад ИКСИ со всей очевидностью подтверждает, что россияне не хотят возвращения к советской модели, но и не воспринимают западную, либеральную модель развития, которую России пытались навязать Гайдар и его команда. И так — «чума на оба ваши дома»? И на Пирамиду, и на Парфенон? Нет, скорее дело в другом. Русские, пройдя испытание коммунизмом, перестройкой и нашим бандитским капитализмом, с конца XX века всерьез ищут свою модель общественного устройства и свой вариант демократии, не отрицая при этом ни своего исторического опыта, включая советский период, ни западного. Об этом говорят уже не столько политические, сколько мировоззренческие дискуссии на российском телевидении, в прессе и, увы, в гораздо меньшей степени — в литературе. Модель эту выработать будет нелегко. И все попытки это сделать нередко заканчиваются тем же, чем попытки Штольца вытащить Обломова из его халата и спячки в известном романе И. Гончарова.

И дело тут даже не только в несовместимости социальных тканей, а также русского и любого на выбор из иностранных менталитетов. И уж вовсе не в нашем «тоталитарном» менталитете по Афанасьевой. Среди множества причин нового русского конформизма, глухого сопротивления «западнизации» не следует забывать и об отмеченном Зиновьевым неумении русских подчиняться, без чего немислима современная организация труда. В нас неистребимы традиции древнерусского вече. Мы считаем, что вправе высказать свою точку зрения по любому поводу и отстоять ее даже в драке. Причем это у нас сверху донизу. И на деревенской сходке так. И в Государственной Думе. Редкий русский человек готов безропотно согласиться на роль винтика в общественном механизме, на функционально ограниченную сферу деятельно-

сти, узкую специализацию. Даже если ему придется встать у конвейера, как Чарли Чаплину в его гениальном фильме, и завинчивать только одну гайку, он что-нибудь да рационализирует, чтобы жизнь и работа не казались ему однообразными. По-настоящему русский человек никогда не сможет — какое бы положение ни занимал — отказаться от своей причастности ко всеобщему, в чем он искренне убежден, и самоизвестись до некоей частности. Превратить русского в биомеханизм не удалось даже в ГУЛАГе. На Западе, где во времена «великих депрессий» этого легко добивались, сегодня от роботизации такого рода уже отказались. Она экономически невыгодна. Гораздо выгоднее превратить каждого человека западного общества в потребителя. Но не путем принуждения и насилия, а с помощью новейших технологий манипуляции сознанием.

«Западноиды» (по определению А. Зиновьева) приобщают к консюмеризму, так же как приобщали нас к коммунизму, с малых лет. Отключиться от этого он может, только уплатив немыслимую цену — за счет маргинализации, превращения в изгоя, в бомжа, выпадения из числа «приличных» людей, т. е. в *non person*, по Джорджу Оруэллу, в «не личность». На Западе мне не раз приходилось видеть таких людей. Они вроде бы существуют, но к категории людей их относит только статистика, да и то не всегда. У них даже может быть свой дом, но всех прочих отличительных признаков добропорядочного гражданина нет. Нет счета в банке, нет карточки медицинского страхования, нет кредитной карты, нет работы, а значит, нет и копии платежной ведомости, без которой просто никуда не податься, нет свидетельства об уплате налогов, нет, наконец, и свидетельства о постановке на учет на бирже труда, без чего нет и пособия по безработице. Постепенно падение и обнищание приводит к тому, что эти *non persons* теряют и остатки своего имущества, и те документы, которые удостоверяют их личность. Это означает полное выпадение из цикла потребления, а значит, из общества, которое на этом построено. Страх выпасть из него приводит и к тому, что все побочные интересы, кроме бесконечного потребления, постепенно подавляются. Это не означает, что «сильные мира того» вынуждают своих сограждан подавлять в себе чувства дружбы, любви к ближнему, к детям, к человечеству вообще и к своей стране в частности. Вовсе нет. Но все эти чувства так или иначе рационализируются, обедняются, соотносясь с ценностными ориентациями общества тотального потреб-

ления и национальными приоритетами. Круг жизненных интересов у человека такого общества по замыслу тех, кто там правит бал, должен свестись к приобретательству, добыванию на это денег, поиску наиболее выгодного потребительского и банковского кредита, к уплате налогов, к выплате долгов и т. д. Но это во всей полноте возможно разве что только в жанре фантастики, как, например, в романе французских писателей Веркора и Коронеля «Квота», где потребление доведено до полного абсурда. На практике люди везде одинаковы, и тяга к духовному, особенно в молодости, поначалу есть у всех.

Тем, кто Запад пытается сделать синонимом таких понятий, как «бездуховность», «бездушие» и даже «безбожие», я напомню слова Достоевского, который сказал как-то в ответ на попытки группы тогдашних «суперпатриотов» выставить его в качестве некоего «обличителя» западной цивилизации: «Вы считаете, что на Западе померк образ Спасителя? Нет, я этой глупости не скажу». Исходя из своего собственного опыта, скажу: огульно хаять западную цивилизацию, в том числе и американскую, и обвинять ее в «тотальной бездуховности» грешно. И в театр там ходят не реже, чем у нас, и в кино, и на художественные выставки. Даже на балет попасть, например, в Париже непросто, несмотря на весьма высокие цены на билеты в «Гранд-Опера» или в «Новую Оперу». Другое дело, что выжить в западном обществе чрезвычайно сложно, и без постоянного повышения собственной квалификации ни один из работающих там не имеет больших шансов. Вот потому-то тот, кто стремится к успеху в жизни и материальному благополучию, должен все свободное время посвящать поглощению информации и специальной литературы, необходимой ему по работе. Такому человеку, конечно, не до духовных исканий и метаний чеховских героев и героинь. Все заменяет телевизор и иногда — стадион. Редко на Западе по пути на работу читают художественную литературу. В метро, в поезде, в самолете человек общества потребления либо будет изучать специальные справочники и электронные программы, которые нужны ему по работе, либо выполнит «домашнее задание» от работодателей на своем notebook (портативном компьютере). Чаще, чем с книгой, такого человека увидишь с газетой, где в первую очередь читают все, что по делу (о курсе валют, банковской ставке, об инфляции, биржевые новости), а затем о спорте и о погоде. Но теперь и газета исчезает, и радио отстает — все, что там желают нам сообщить, куда раньше появляется в Интернете. Готов ли русский человек к подобной

трансформации в человека-функцию? Готовы разве что единицы. У нас уже появились очень успешные «западноиды» русского происхождения с дипломами Гарвардской экономической школы, со степенями Принстона, Кембриджа и Йельского университета. Они прекрасно трудятся в российских корпорациях и банках. Но это, как говорится, штучный товар. Массового производства подобных специалистов у нас пока нет и в ближайшем обозримом будущем не предвидится, т. к. для этого нет должной материальной базы.

Создание ее только начинается, и по мере становления российского капитализма мы импортируем не только новые технологии и методы организации производства, обучения специалистов и научных исследований, но и поведенческие модели. После многолетних гонений на «эллинские науки» и ритуальное поношение Запада советскими пропагандистами, дело двигается с трудом, но в правильном направлении: Россия медленно, но верно интегрируется в мировую экономику. Русские предприниматели активно используют техническую отсталость России как преимущество и перенимают одновременно у Запада и Востока только самое лучшее, что годится им для практического применения в их бизнесе и позволяет совершить быстрый рывок вперед. Учатся они быстро и очень скоро превосходят своих учителей.

Россияне только-только начинают входить во вкус потребления. Особенно городская молодежь. У остальных подход к этому сложнее. Вечные нехватки и неустроенность русского человека так или иначе способствовали утверждению в наших умах и семьях этики нестяжания. Западная гонка за благополучием — для нас суета сует и всяческая суета. А по понятиям западного обывателя, участвовать в ней необходимо, ибо пассивное отношение к потреблению хорошо во времена учебы, а после получения диплома — уже неприлично. И он в нее включается, даже если она ему не по средствам, даже если ему придется прожить всю жизнь в кредит. Даже если такая гонка лишает человека и нормального досуга и, главное, радости общения с другими людьми, в том числе нередко и с близкими. Но в этом многие «западноиды» видят даже не столько эгоистический аспект, сколько свой патриотический долг. Такова она, если употребить модный у нас термин, парадигма западной цивилизации.

Мы потребление всегда хаяли, отождествляя его с чем-то вроде обжорства. Но в современном мире все иначе. Российский ученый Вячеслав Иноземцев в одной из своих лекций

говорил о «трех типах экономики». Россию отнес к сырьевой, Южную Корею с Японией — к промышленной. А вот западный мир, по его словам, избрал третий путь развития, наиболее прогрессивный и далеко на сегодня ушедший — это путь развития *информационной экономики*. Он отличается двумя моментами.

«Первое, в этом типе экономики наибольшее значение имеют интеллектуальные возможности людей, изобретения, технологии, инновации. Качественным отличием этой экономики от предыдущих является то, что, когда создается информационный продукт и происходит его продажа, тот, кто произвел продукт, не теряет его, получая деньги. Имея патент на производство лекарства, мы делаем лекарство, продаём его по всему миру, но не утрачиваем технологий его создания. Т. е. мы отдаем нечто, что не теряем. Второе, если экономика нацелена на развитие информационных технологий, знаний, она требует развития человеческого интеллекта. Если мы посмотрим классические учебники по экономике, то увидим, что есть инвестиции и есть потребление. Если человек получил зарплату, он может ее потратить на себя: сходить в кино, театр, купить книгу, получить дополнительное образование — это его потребление. В то же время он может отложить эти деньги, вложить их куда-то — это будут его инвестиции. Во все времена в экономике проходила четкая граница: либо инвестиции, т. е. быстрый экономический рост, либо потребление и медленный экономический рост. Если мы вспомним Советский Союз в 1930-е гг., то увидим, что очень быстрый экономический рост был обеспечен тем, что у крестьян и рабочих забирали все и инвестировали это в новые фабрики. Если мы посмотрим на экономический рост в Южной Корее, то увидим, что там норма накоплений, т. е. доля инвестиций на ВВП, сопоставима со сталинской Россией. Сегодня возникает новая ситуация: *в западном мире с постиндустриальной экономикой самой важной инвестицией становится потребление: чем больше услуг потребляет человек, тем более богатым интеллектуально он становится и тем большим значением для общества он обладает. Чем больше потребление, тем, фактически, богаче страна (это никогда не подходило ни к одной экономической теории)*».

А мы по коммунистической инерции все еще повторяем, что средний человек общества потребления с годами становится материально богаче, а духовно — нищает. А выходит,

все наоборот. В результате русские с их «сырьевым» менталитетом в таком рациональном и, как мы любим говорить, «бездуховном мире», как правило, не приживаются. Мы не приучены часами говорить о росте цен, об инфляции, о том, в какой банк лучше положить деньги, чтобы там был процент повыше, и о том, во что вложить накопленное на счету. А для «западноида» это неотъемлемая часть его бытия и его размышлений на тему «Как жить?». Только не в чеховском, а в западном понимании этого вопроса, подкрепленном самыми последними информационными технологиями. Вот почему русские женщины, которые выходят замуж за иностранцев и уезжают в страны «золотого миллиарда», нередко воспринимают эту «технотронность» за «бездуховность» и убегают обратно на Родину. А их прагматичные иностранные мужья этого никак не понимают. Они своих русских жен, как правило, нежно и беззаветно любят. Но по-своему. И дабы обеспечить их всем необходимым, вкалывают с утра до вечера, потребляют информацию мегабайтами и изучают все возможности заработка и выгодных сделок. «Западноид», женившийся на русской, часто просто не понимает, что ей надо. Вроде все у нее есть... Что это — «русское несчастье», если говорить словами Мориса Дрюона, либо «русское счастье», заключающееся в неустанных поисках ответа на чеховский вопрос («А правильно ли мы живем?») одновременно с ответом на вопрос гамлетовский (To be or not to be? То есть «Быть или не быть?»).

Дмитрий Панин, автор книги «Держава созидателей», которая захватила умы многих думающих людей в современной России, счел необходимым противопоставить две категории — «людей умственного труда» и интеллигенцию. Понять между ними разницу и тот смысл, который вкладывал Панин в это противопоставление, просто. Героиня «Трех сестер» на протяжении всей пьесы мучается вопросом, ехать ей в Москву или не ехать. Человек умственного труда, по Панину, не будет мучиться душевными терзаниями, а пойдет и купит билет до Москвы, если ему это нужно, и поедет туда без проволочек. Панин в своем сценарии создания «Новой России» сделал ставку на Запад, полагая, что, только следуя лучшим западным традициям, в том числе католицизму, русский народ сможет выбраться из своей тысячелетней заводи на магистральное течение Истории. В этом Панин гораздо ближе к раннему Чаадаеву, чем к Достоевскому. Запад очаровал его своей рациональностью и целеустремленностью. Подобно Томасу Мору, Панин создал свою «Утопию», специально предназначенную для России, с теми же примерно мудрецами-сифогрантами,

которые будут советовать высшей власти, что народу читать, что смотреть по телевидению, как жить, как быть, как определить, что такое хорошо и что такое плохо. То, что в России все это не сработает, очевидно.

Пока что Россия теряет свою интеллигенцию, которая не выживает в условиях жесткой конкуренции и драки за место под солнцем. А вместе с ней Россия теряет и тех подвижников, которые не просто учили русского человека «жить по совести» и не стяжать, а сами так жили. Эти люди могли бы построить наш русский Парфенон рядом с нашей Пирамидой, соединив их в едином политико-архитектурном комплексе. Потому что они в самые тяжкие времена умели прогнать не только власти, но и нахрапистой полу-интеллигенции, которая обладает потрясающей способностью к мимикрии и, в зависимости от обстоятельств, представляет себя общественности то в роли «комиссаров в пыльных шлемах» и «борцов за народное счастье», то «инакомыслящими», то «демократами» и «либералами», то «совестью нации».

«ГОСУДАРСТВО — ЭТО КТО?»

России как государству и нации куда труднее сделать свой выбор, чем отдельным ее гражданам, которые ныне вольны избрать и местом проживания, и образом жизни любую страну мира и любую поведенческую модель для подражания. Увы, этот выбор не столь уж и богат в современном мире, где слабости не прощают. Реальный взгляд на возможности России навряд ли польстит тем, кто готов в любое время суток говорить о ее величии и историческом предназначении. В соответствии с этим подходом и предлагаются разного рода национальные и государственные идеи, реализация которых практически невозможна после развала СССР и всей Советской империи. Приходится в нынешней ситуации быть скромнее. Александр Солженицын в шумевшем своем интервью Второму каналу российского телевидения (05.06.2005) сказал, что на ближайшие 50 лет наилучшей национальной идеей для России была бы предложенная 250 лет назад графом Шуваловым (1710—1762) императрице Елизавете Петровне идея «сбережения народа». *«Сбережение народа — вот главная задача, которая должна стоять перед властью, —* сказал автор «Архипелага ГУЛАГ». — Каждый ее шаг должен быть направлен именно на это. Этой идее должно быть под-

чинено все в государстве. Если какой закон не соответствует ей — отменять такой закон».

Солженицын, конечно же, прав. Особенно в свете той постсоветской реальности, когда Россия, с одной стороны, входит в «Большую восьмерку» вместе с США, Францией, Германией, Италией, Канадой и Японией, а с другой — ее валовой внутренний продукт меньше, чем у Голландии.

Владислав Иноземцев в уже упоминавшейся лекции сравнил возможности России с возможностями «трех центров силы» в современном мире. Это: 1) США с валовым внутренним продуктом приблизительно в 11 триллионов долларов на население в 290 млн. человек; 2) Европейский союз с ВВП, в 10 раз превышающим российский, на население в 446 млн. человек; и 3) восточноазиатский блок (Китай, Япония) с гигантским населением, превышающим 1 млрд. 600 млн. человек, и ВВП, приблизительно близким американскому. (Если мы возьмем воедино Японию, Китай, Южную Корею, Гонконг, Тайвань, то их суммарный валовой продукт будет сопоставим с американским показателем.)

«На этом фоне, — констатирует ученый, — мы имеем Россию, страну с гигантской территорией и большими ресурсами, страну, которая на протяжении последних 20 лет претерпела несколько глубочайших трансформаций, страну с населением в 140 млн. человек, с ВВП всего 600 млрд. долларов, с крайне несовершенной структурой экономики, с очень странной парадигмой вовлеченности в мир (с некими элементами имперского мышления и очень серьезными амбициями) и с полным отсутствием значительных достижений в области мировой экономики».

Иноземцев делает трезвый вывод из этой статистики: Россия никому оказать серьезного сопротивления, случись чего, не сможет без риска окончательно пропасть, если не исчезнуть с политической карты мира. Крушение мощи нашего государства измеряется не только потерями геополитического характера. Ограблен и народ. А это оказывает страшное, разлагающее влияние на его менталитет, ведет к потере прежней державной идентичности и ее способности к воспроизводству.

Как известно, Ельцин и Гайдар дважды пустили по миру своих соотечественников — поначалу обесценив до нуля вклады россиян в сберегательных кассах, а они составляли, по некоторым данным, в реальном исчислении около 300 млрд. долларов, а потом еще столько же — в ходе дефолта. Общие

потери России от вывоза и распродажи ее национального богатства составили за 10 лет правления Ельцина еще примерно 300 млрд. долларов, а по ряду данных — едва ли не вдвое больше. Итак, общий «приход» организаторов великого ограбления России исчисляется в чудовищную сумму — порядка триллиона долларов. С приходом к власти В. В. Путина в 2000 г. это ограбление было приостановлено. Но обнищание россиян тем не менее продолжалось, ибо государство и при Путине не могло ни административно, ни политически, ни финансово соответствовать своему определению в Конституции. Более того, во второе президентство В. В. Путина исполнительная и законодательная власть в трогательном единении начали демонтировать всю сложившуюся еще в советские времена систему ЖКХ, социальной защиты, страхования, образования и медобслуживания населения. На это не решился даже Ельцин. Катастрофический по своим социальным последствиям Закон № 122 о монетизации льгот был объективно антиконституционным, т. к. снимал ответственность с государства за большую часть программ социального обеспечения и «делегирует» это регионам!

Закон № 122 — всего лишь один пример того, как либерализм у нас не срабатывает. Путину вручили в руки оружие, у которого, образно говоря, был сбит боек. Этот боек пришлось буквально прикручивать на ходу. Только срочными финансовыми вливаниями президенту удалось остановить массовые выступления протеста против этого закона и погасить едва не грянувший социальный взрыв. Но ведь у нас, как всегда, — хвост вытацишь, нос увязнет. Не случайно один из российских ученых, Евгений Сабуров, руководитель Института развития образования ГУ—ВШЭ, сказал: «Такое «мудрое» поведение привело к тому, что у населения от самого слова «реформа» начинается рвота».

Уже в 1992 году по закону «Об образовании» и по Конституции всеобщее бесплатное среднее образование в России отменили. «Все более очевидно, что если у государства нет возможностей за собственный счет финансировать растущие потребности в этих услугах (образовательных. — *Ред.*), то оно, в первую очередь, обязано четко и однозначно определить гарантии и стандарты предоставления тех или иных бесплатных благ для населения или отдельных его групп с учетом реальных источников финансирования», — писал Егор Гайдар в журнале «Вестник Европы». Иначе говоря, государство, особенно российское, обязано по одежке протягивать ножки и

отпускать на образование те жалкие крохи, которые удастся ему наскрести. В 2005 г. Владимир Путин публично пообещал ввести в стране всеобщее обязательное бесплатное среднее образование, т.е. не 9 классов, а все 11. Но это задача не из легких даже не в силу отсутствия средств, но и из-за того разложения, которое поразило практически всю систему школьного образования. 60 процентов россиян уверены, что хорошего образования их детям и внукам не получить. По данным опросов, в РФ средний размер взятки при устройстве в школу колеблется от 2 до 4 тысяч рублей. «Плата за вход» в престижной (официально бесплатной) школе достигает 10 тысяч рублей в среднем по России и 14 тысяч рублей в Москве. Не заплатить ни копейки за учебу своего ребенка удастся лишь двум процентам родителей. Для остальных же оплата из собственного кармана разнообразных нужд школ и учителей давно стала нормой. Результат этого трагического развала советской общеобразовательной системы катастрофичен для русской нации — невежество поражает ее молодежь, растут неграмотность и неспособность адаптироваться к современной цивилизации, к рынку, к системе налогообложения, а значит и к тому процессу непрерывного потребления информации и навыков, без которой немыслима информационная экономика. «Передовое мышление» реформаторов вроде Гайдара оказывается таким образом на поверку сугубо консервативным, реакционным.

В России катастрофически сокращается число работоспособных граждан и растет число социально-зависимых. К началу XXI века в нашей стране насчитывалось 38 миллионов пенсионеров, 17 миллионов детей, воспитывающихся в семьях со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума, 6 миллионов безработных, 9,5 миллиона человек, получающих пенсию по инвалидности, 15 млн. человек, имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Итого: 85,5 млн. человек, почти две трети населения страны. По официальной статистике, в России около 30 миллионов бедных. Без социальной помощи и защиты они просто не выживут. Но что может сделать для них российское государство, руководствующееся «либеральной идеей»? Говорят — не может ничего, т. к. денег в бюджете нет. Это означает, что две трети населения страны обречены на нищету, болезни и вымирание. Нужны еще доказательства непригодности либеральной идеи для России в том ее состоянии, в котором она встретила XXI век? Я говорю об этом вовсе не из желания навязать сторонникам

либерализма идеологический спор. И если бы либерализм мог принести спасение России, я был бы среди его самых активных сторонников. Беда наших «западноидов» в том, что они слепо копируют рабочие (в том числе и не сработавшие) схемы западных экономистов и пытаются приспособить их к российской действительности, как это делали Гайдар и его команда в начале 90-х годов, используя губительные для России рекомендации Международного валютного фонда и «советы» таких западных консультантов , как Андерс Аслунд, Джеффри Сакс и Джонатан Хэй. Их «консультации», как отметил лауреат Нобелевской премии Джозеф Штиглиц , привели Россию не к экономическому чуду, а к экономической катастрофе.

На Западе , конечно, есть трезвомыслящие аналитики, которые понимают причину этой катастрофы, видят ее, как и автор этих строк , в несовместимости политических и экономических тканей русской и западной цивилизаций. Вот что говорил по этому поводу один из влиятельнейших чиновников США Председатель Совета управляющих Федеральным резервным банком США Алан Гринспэн (Alan Greenspan), по своему повторивший рассуждения Андрея Синявского о невозможности переделки Пирамиды в Парфенон:

«Многое из того, что мы принимали как данность в нашей системе свободного рынка и приписывали человеческой природе, оказалось вовсе не природой, а культурой... Демонтирование функций централизованного планирования в экономике (в России после крушения СССР.— *Авт.*) не устанавливает автоматически свободно-рыночную предпринимательскую систему. Рыночную экономику подпирает огромная масса капиталистической культуры и инфраструктуры, которая эволюционировала в течение целых поколений: законы, конвенции, поведение и широкий спектр бизнес-профессий и практик, которые не имели важных функций в экономике с централизованным планированием». Прежде чем прийти к такой культуре, капитализм в США прошел не одну стадию от нравов Дикого Запада до введения законов, способных поставить на колени перед государством даже такие супер-корпорации, как Enron и Worldcom. И на это потребовалось как минимум сто лет. А у нас все решили опять ввести не методом эволюции, а путем революции. И то, что возглавил это дело Егор Гайдар, потомок командира карательных отрядов большевиков времен Гражданской войны, это тоже «божий знак», который, увы, вовремя не разглядели.

Отсутствие такой «капиталистической культуры» в России неизбежно привело к становлению в ней не цивилизованного, а именно криминального капитализма. Некоторые из тех либеральных экономистов РФ, которые его становлению объективно способствовали вместе с западными консультантами, с наступлением XXI века принялись искать пути приобщения своего уголовного дитяти к современной цивилизации и заодно реабилитации либеральной идеи в глазах россиян. Так поступил, например, академик Ясин один из самых толковых защитников либеральной идеи, выступления которого мне не раз приходилось слушать, в том числе и в Париже. Одну из своих лекций он посвятил теме «*Возможно ли русское экономическое чудо?*». Вот что в ней говорилось:

«После завершения первого этапа реформ, после несостоявшейся попытки Примакова изменить курс экономической политики, после прихода к власти В. Путина вопрос о возможностях возобновления роста, наверстывании упущенного и разумных границах выбора политики, способной решать эти задачи, снова оказался в повестке дня.

Обратимся к теории вопроса и практическому опыту, чтобы приложить их к конкретным условиям России начала XXI века. Рассмотрим отдельные факторы.

Природные ресурсы. Россия, страна с огромной территорией, исключительно богата природными ресурсами.

Сельскохозяйственные угодья занимают 221,1 млн га (12,9% общей площади). Пахотные земли — 119,7 млн га (7,5% общей площади). Для сравнения в США пашня занимает 176,8 млн га (19,3%), в Китае — 124,0 млн га (13,3%). При всех превратностях климата на основе современной агротехники можно не только прокормить свое население, но и иметь крупный аграрный экспорт.

Лес — важнейший воспроизводимый ресурс. Россия обладает 774,3 млн га лесопокрытой площади с запасами древесины 81,9 млрд куб. м и занимает по этому показателю первое место в мире. Вместе с Бразилией мы — легкие Земли.

Наличие питьевой воды становится серьезной проблемой для многих стран, но не для России. Речной сток, образующий основу водных ресурсов, составляет в среднем 4,3 тыс. куб. км в год, забор из природных источников — 86 куб. км, 2% этой величины. Крупнейший в мире резервуар пресной воды — озеро Байкал — 23 куб. км. В России на душу населения приходится примерно 31 тыс. куб. м воды. Для сравнения: во

Франции — 3,3 тыс., в Германии — 2,2 тыс., в США — 8,9 тыс., в Китае — 2,3 тыс. куб м.

Россия богата запасами топлива и энергии. Наряду с Саудовской Аравией она является крупнейшим экспортером нефти и без конкурентов крупнейшим экспортером газа, располагающим 32% мировых запасов.

У нас богатые запасы черных и цветных руд, редкоземельных металлов, позволяющие обеспечить потребности страны и поставлять на экспорт едва ли не всю таблицу Менделеева. Из важных видов сырья мы импортируем в значительных масштабах только алюминиевое сырье (бокситы). У нас богатейшие запасы алмазов.

В общем, наши природные ресурсы не лимитируют развитие. Напротив, часто говорят о том, что природа нас балует, позволяя жить за счет ренты, не прилагая серьезных усилий и напряжения, как это приходится делать народам других стран, которых природа обделила. Во всяком случае, сколько бы ни было природных богатств, сами по себе источником развития они быть не могут. Тем более что спрос на сырье на мировых рынках относительно сокращается».

Я позволю себе прервать лекцию уважаемого академика и привести высказывание известного американского экономиста Маршалла Гольдмана, который напрямую увязал наше неумение использовать эти богатства с отсутствием той капиталистической культуры, о которой говорил Гринспен.

«В конце концов, несчастье России состоит в том, что она очень богата, — писал Гольдман в своей книге «Пиратизация России». — Это может показаться странным лидерам большинства остальных стран мира, которые завидуют богатейшим российским запасам газа, нефти, золота и других драгоценных и цветных металлов. Проблема, однако, в том, что именно наличие таких богатств и порождает худшие из форм российской жизни». Это, как пишет Гольдман, со всей силой проявилось в период приватизации самых богатых ресурсов страны, когда российские пираты от капитализма готовы были «пойти на более чем жесткие риски, включая обращение к криминальным тактикам, замешанным на грубой силе, чтобы овладеть этими ресурсами»

Но вернемся к Ясину. Чем мы еще располагаем согласно его расчетам как этим надо по его мнению распорядиться?

«Труд. В настоящее время, — говорит Ясин, — население России сокращается, и этот процесс будет продолжаться по меньшей мере до 2015—2020 годов. До 2006—2007 годов тру-

довые ресурсы еще будут расти, нагрузка на одного трудоспособного (в возрасте 15—65 лет) пока благоприятная. Прогнозируется ее сокращение до 2035 года, после чего она будет возрастать до 60—80 человек на сотню трудоспособных. В 1965 году этот показатель составлял 57 человек, в 2000 году — 44 человека.

Капитал. Социалистическая индустриализация создала огромные промышленные мощности, но очевидно, что полностью их задействовать невозможно. Далеко не все они пригодны для выпуска пользующейся спросом конкурентоспособной продукции. Бесспорный пример — мощности оборонной промышленности. Плановая экономика, игнорировавшая спрос, именно в структуре основного капитала создала наибольшие диспропорции.

Сейчас они составляют даже психологическую проблему: трудно смириться с бесполезностью колоссальных фондов, создание которых поглотило столько ресурсов; согласиться с их низкой оценкой по способности приносить доход в современных условиях. Если же учесть расходы по их поддержанию и/или утилизации, то значительная их часть получит отрицательную денежную оценку.

Кроме некоторых отраслей, требуется практически полное обновление основного капитала. Но, учитывая спросовые ограничения и структурные сдвиги, почти все инвестиции должны направляться не на прирост производства, а на обеспечение качества, повышение эффективности и производительности, реализацию инноваций.

Капитал для инвестиций в принципе можно привлечь. Он есть в стране: норма сбережений пока держится на уровне 30—33% ВВП. Свободные средства есть и за рубежом. Но для инвестирования нужны условия, которые объединяются понятием "благоприятный инвестиционный климат". О нем речь впереди, а сейчас важно отметить, что его ключевые характеристики в первую очередь определяются характером институтов, и только отчасти текущими, конъюнктурными факторами.

Человеческий капитал. Традиционно считается, что Россия обладает сильным человеческим капиталом вследствие хорошей постановки образования и подготовки кадров еще с советских времен. Я бы еще отметил массовую склонность к техническому творчеству, изобретательству.

Но есть серьезные негативные моменты, в том числе низкая дисциплинированность на работе, недостаток тщательности в исполнении. Эти и другие минусы напрямую связаны

со спецификой советской экономики и господствовавшего тогда стиля управления, характерного для нее чрезвычайного ослабления трудовых мотиваций. Эти недостатки не изжиты и сегодня. Чем дальше, чем шире будет круг предприятий с современными стандартами труда и его вознаграждения, тем острее будет обнаруживаться дефицит хороших, дисциплинированных и квалифицированных работников. Пьющих, но в меру. Тем не менее мы можем рассчитывать на человеческий капитал, если будут предприняты необходимые условия для его сохранения и развития. Эти условия в основном связаны с институтами. Конечно, нужно выделять больше средств на науку и образование. Но все же главное — поведение людей, их мотивации, требовательность работодателя к работнику в отношении качества и производительности и требовательность работника к работодателю в отношении своих законных прав вместо внешней покорности в сочетании с халатностью и воровством.

Нововведения. Они важны, потому что создают новые продукты и рынки, снижают издержки, увеличивают доходы. Кроме того, они делают труд творческим и осмысленным. Современные информационные технологии резко увеличивают возможности творчества и полезных нововведений. Поэтому будущее принадлежит инновационной экономике. Хочется верить в то, что в этой сфере мы сможем конкурировать с кем угодно».

Говоря о ближайших перспективах развития России, Ясин приходит к следующим выводам:

1. Прироста трудовых ресурсов не будет. Рост за счет приложения капитала к избытку труда в перспективе невозможен.

2. Энергия аграрно-индустриального перехода исчерпана, ее уже не удастся сделать фактором подъема экономики.

3. «Догоняющее развитие» по известной схеме индустриализации и завоевания западных рынков дешевыми готовыми изделиями, если и возможно, то только в отдельных, не очень значимых секторах.

4. Природные богатства гарантируют рост в лучшем случае 2—3% ВВП в год и... отсталость, если рассчитывать только на них.

5. Наши возможности связаны с нововведениями и человеческим капиталом, которые в свою очередь требуют эффективных институтов, необходимых для свободной рыночной экономики и политической демократии.

И вот тут наш академик звучит, как эхо Гринспэна: «Рассполагаем ли мы такими институтами, такой культурой, которые позволят России стать процветающей страной в XXI веке? Нет, не располагаем. Именно поэтому нужно продолжение реформ.

Зададимся сакраментальным вопросом: возможно ли русское экономическое чудо? Как в Японии, Корее или Китае? Все его ждут, хотят, надеются, что правительство придумает, как его устроить. Опираясь на вышеизложенное, мы можем ответить на этот вопрос: да, возможно! Но трезво взвешивая все факторы, придется сказать, что:

1) это будет не скоро, во всяком случае, не через два-три года;

2) это возможно только за счет ставки на нововведения и увеличение человеческого капитала; рецепты, испытанные в других странах, вряд ли будут работать у нас;

3) это возможно только на основе изменений в институтах и культуре, создающих благоприятную среду для инвестиций, нововведений и развития человека; только в итоге осуществления полного пакета либеральных экономических и политических реформ.

Впрочем, мы можем обойтись и без чуда. И будем жить примерно так же, как сейчас, пока не закончатся нефть и газ».

В трезвости экономического анализа Ясину не откажешь. В том, что касается политического аспекта его предложений — настойчивой рекомендации продолжать по сути гайдаровские реформы, то не надо быть академиком, чтобы увидеть, в какой тупик они уже завели Россию.

Больше всего от этих «реформ» пострадала самая уязвимая часть населения РФ — пенсионеры и ветераны войны и труда, инвалиды и дети. Для большинства населения (80%) это оборачивается неуклонным падением жизненного уровня. По данным академика Дмитрия Львова, который руководил исследованием динамики денежных доходов населения РФ в 1991—2000 гг. (все население было разбито на 5 групп по 20% в каждой), только 20% самых обеспеченных людей (V группа) улучшили свое положение за этот десятилетний период в полтора раза. Во всех остальных четырех группах доходы упали, в том числе у самых нищих — в два раза, а у т. н. «среднего класса» — на 15%. Последствия такой социальной переориентации государства российского поистине катастрофические.

На всероссийском форуме «Настоящее и будущее народонаселения в России», прошедшем в начале ноября 2004 г. в Москве, были обнародованы ужасающие цифры. «Ежедневно мы теряем две деревни, а в год — небольшую область, — заявил на форуме академик РАМН Николай Герасименко. — У нас самая нецивилизованная смертность, на уровне африканских стран. За последние годы население России сократилось на девять миллионов человек. Средняя продолжительность жизни российского мужчины составляет 34 года, а среднестатистической женщине отпущено всего 40 лет. Мужская смертность в России в четыре раза превышает женскую. Среди умерших в рабочих возрастах 80 процентов — мужчины. Но женская смертность быстро догоняет мужскую. Итак, в России XXI века — самая короткая среди цивилизованных стран продолжительность жизни мужчин и сверхсмертность мужчин рабочих возрастов». На самом верху ставят вопрос «об удвоении ВВП». Но кому работать? Кому его удваивать?

К началу XXI века свыше 70 процентов предприятий России испытывали дефицит квалифицированных рабочих и специалистов. С 1995 по 2005 г. из «оборонки» ушли более 70% наиболее квалифицированных кадров. Средний возраст оставшегося научно-технического персонала превысил 60 лет. Такое понятие, как «кузница кадров», осталось в советском прошлом. В РФ ликвидировали все те органы, которые ведали трудовыми ресурсами — наложили табу сторонники «либерализма», согласно которому государству незачем в эти ресурсы вмешиваться. ПТУ уже называют социальными отстойниками, а выпускники школ не хотят идти туда учиться. Но государству необходимы квалифицированные рабочие. «Из-за их отсутствия Россия близка к катастрофе», — считает Владимир Щербаков, член бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей). По данным РСПП, к началу XXI века средний возраст токарей в РФ составлял 58—62 года, слесарей-ремонтников — 55, сверловщиков и шлифовщиков 5-го разряда (6-го уже нет) — 55; из сельских профессий: механизаторов — 59—63 года, трактористов — 62 (при пенсионном возрасте — 55 лет). В то же время в 2001 г. каждый третий молодой человек в стране был безработным.

К концу XXI века население Земли вырастет в два раза. А в России через 70 лет останется в лучшем случае 100 миллионов человек. При этом русские уже не будут составлять большинства населения России! Уже к 2001 г. на рынке труда в ря-

де регионов доминировали «гастарбайтеры» из ближнего и дальнего зарубежья — их, по разным оценкам, в РФ постоянно находится от 2,5 до 7 миллионов человек. Особенно сильно их присутствие чувствуется в крупных городах европейской части России, куда едут на заработки украинцы, молдаване и другие соседи, а также на Дальнем Востоке, где оседают китайцы. По большей части это именно нелегалы.

За годы, прошедшие после развала СССР, в России на 40 процентов выросла смертность среди 15—19-летних. Младенческая смертность в полтора-два раза выше, чем в развитых странах. «В начале XXI века Россия имеет уровень смертности, сопоставимый с началом XX века в царской России, — сказал в своем выступлении на форуме руководитель Центра демографии и экологии человека ИМП РАН Анатолий Вишневский. — Тогда она так же сильно отставала от Запада. Разрыв удалось временно сократить только к 1960-м годам. В последний раз кривая смертности шла вниз в 1987-м (сказалась антиалкогольная кампания), но потом взмыла вверх. С тех пор во всех странах продолжительность жизни росла, а у нас падала. В 2003 году продолжительность жизни российских женщин и мужчин отличается от США на 7,6 и 15,4 года, от Франции — на 11,1 и 17 лет, от Швеции — на 10,3 и 19,1 года, от Японии — на 13,1 и 19,6 года. Потери здоровых мужчин сопоставимы с потерями СССР в Отечественной войне».

Комментируя материалы форума, О. Тимофеева, обозреватель «Известий», газеты, к 2004 году далеко отошедшей от «защиты интересов трудящихся», писала, что причины нашего вымирания следующие: «Бедность подавляющей части населения, в том числе молодежи. Плохое питание. Безработица. Постоянное напряжение и страх. И как результат — убежденность в тотальной несправедливости и неприятие сложившейся жизни».

Ясно, что русский человек эти новые для него после более чем 70 лет Советской власти правила игры не примет и не примет. От того, во что это его неприятие нынешней российской реальности выльется, зависит и будущее России. Вот почему так актуален призыв Солженицына к сбережению народа русского. Поддерживая его целиком и полностью, замечу, что простым физическим сбережением наш народ не спасти. Солженицын, конечно, имел в виду и духовное сбережение нашей нации, сбережение ее традиций, обычаев и ее культуры. Сбереечь надо и Россию как наше национальное государство, не допустить ее «балканизации», не дать ее верг-

нуть в водоворот «оранжевых революций». Задача нынешнего поколения русских людей — сберечь во что бы то ни стало русскую цивилизацию.

С развалом СССР для русского человека стало жизненно важным делом возвращение к основам этой цивилизации, к православной вере, к традициям и обычаям русского народа, к «русской идее». Это объясняется не только стремлением заполнить идеологический вакуум, оставшийся после «отмены коммунизма», но и радикальной переменой статуса русского народа. После развала СССР в конце 1991 года Россия внезапно стала гомогенной страной, русский этнический компонент составил в ней порядка 82%. Между тем, напомним, ни в СССР, ни в Российской империи доля русского населения не превышала 55%. Даже по меркам ООН, Россия теперь может считаться и моноконфессиальной страной, т.к. подавляющее большинство верующих у нас составляют православные. Создалась абсолютно новая этно-культурная ситуация, к которой нельзя подходить со старыми мерками советского или даже дореволюционного периода. Русские уже не просто титульная нация, а нация-государство, и нация-Богоносец уже не только по Достоевскому, но и по международным стандартам. По-своему это проявилось в открытом сближении светской власти с Русской Православной церковью. Впервые после 1917 года нашей страной руководит человек русский, православный не только потому, что был в детстве крещен, но еще и верующий — Владимир Путин.

В это новой российской реальности «русская идея» как идея государственная выглядит одинаково привлекательно и для тех, кто хочет ее использовать в целях насаждения в России «авторитарной демократии» по типу той, что существовала в Португалии во времена Салазара, и для тех, кто ищет в ней новый русский вариант подлинной демократии, в котором соединились бы элементы древнеславянской традиции вольнолюбия и добротолубия с западными стандартами свобод и прав человека.

Русские философы не раз приходили к выводу, что поиски наилучшей модели социального устройства в России чаще всего упираются в проблему внутренней свободы, свободомыслия, веры. Дмитрий Ильин в уже упоминавшейся статье «Русская идея на полигоне демократии», возвращаясь к образу Великого Инквизитора Достоевского, пишет, что этот образ, «помимо прочего, выражает и мысль о преобразовании веры в идеологию». Вера, по Ильину, это «устройство жизни по нрав-

ственным велению», она «основана на абсолютной внутренней свободе». Идеология, напротив, это «обустройство политической власти», она «основана принципиально на несвободе». Отсюда Ильин делает вывод, что «воплотить идеальную веру в социальном котле, где необходим кесарь, — решительно невозможно. Здесь вера неизбежно вырождается в идеологию. Следовательно, универсальная формула «Богу богово, кесарю кесарево» на практике означает степень компромисса между верой и идеологией». Или, иначе говоря, между внутренней свободой и несвободой.

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Эту марксистскую формулу признают теперь даже немарксисты. Но наиболее жизненно то общество, которое предоставляет своим гражданам наибольшую степень внутренней свободы, сочетая эту свободу с экономической и политической. За тем, чтобы степень этой свободы была не ниже, но и не выше допустимых пределов, должно следить государство. Собственно, в этом и заключается одна из его наиважнейших функций. Я намеренно не вдаюсь здесь в полемику с Ильиным относительно того, где было больше внутренней свободы — при самодержавии, этом воплощении российской авторитарности, освященном Православной церковью, в «католических» обществах, либо при социализме, где, как считает Ильин, внутренняя свобода уничтожается полностью. Об этом мы много говорили в предыдущих главах с Александром Зиновьевым. Я бы сказал, что любое тоталитарное государство, а советское государство — лишь одна из его разновидностей, известных нам в новейшей истории, стремится к полному уничтожению внутренней свободы. Авторы примитивных схем роботизации человечества, тотального подчинения людей той или иной политической идее никогда не понимали, что человек, внутренне свободный, всегда, подобно Галилею, с любой инквизицией закончит свой спор словами: «А все-таки она вертится!». То, что она не вертится, он может признать под пытками или под угрозой им подвергнуться. Но никогда не поверит в это, как бы его ни мытарили. *Главный урок XX века заключается в том, что в споре со свободным человеком тоталитарное государство всегда проигрывало.*

Социализм (реальный) в СССР, а вслед за ним и повсюду в Европе, не выжил прежде всего потому, что государство, развивая экономические и политические свободы, подавляло свободу внутреннюю. Правившая советская и партийная бюрократия не осознавала, что без внутренней свободы все дру-

гие свободы обречены на то, чтобы обратиться в свою противоположность — в несвободу, регламентацию программного типа, если не рефлекторного. В результате чем больше государство подавляло внутреннюю свободу, тем активнее было внутреннее сопротивление у советских людей этому подавлению. Хотя бы в силу естественного стремления людей к самосохранению в качестве мыслящих существ, в силу протеста против роботизации общества. Инакомыслие, внутренняя свобода действительно, в полном соответствии с формулой Энгельса, становились осознанной необходимостью. Духовная жизнь была последним убежищем человека и единственной его возможностью сохранить в себе человеческое. Поэтому число диссидентов и инакомыслящих неуклонно росло. Поэтому люди слушали «голоса из-за бугра», хотя за это выгоняли из партии, а при Сталине даже сажали. Поэтому по рукам ходила запрещенная литература, а без политических анекдотов не обходилась ни одна компания. В советские годы мы жили очень богатой духовной жизнью, о которой теперь можно только мечтать. Но не благодаря Советской власти, а вопреки ей.

Отцы «перестройки», между тем, в силу своей бюрократической ограниченности и непонимания не только марксизма, но и психологии нормального человека, диалектической взаимосвязи подавления и свободы не поняли, а значит, не поняли и главного — почему коммунизм оказался бесплодным, почему существовавшая в странах «реального социализма», прежде всего в СССР, система не воспроизводилась. В конце концов, и Homo Sovieticus — это не физиологическая; а скорее социологическая, поведенческая, наконец, идеологическая категория. По терминологии научной фантастики, Homo Sovieticus — это нечто вроде «подселенца», пришельца из других миров, который незаметно вползает в человека и подчиняет себе его сознание полностью. Только изгнав такого «подселенца», как изгоняют дьявола, человеку можно вернуть его первоначальное человеческое «Я». Русскому народу предстоит этим заниматься еще долгие годы.

Попадая на Запад в советские времена, эмигранты из СССР не могли освободиться от привычек Homo Sovieticus, пока жили в обществе себе подобных. Но как только они начинали жить самостоятельной жизнью в тех странах, куда попали, и с советскими, даже бывшими, более не общались, Homo Sovieticus в них быстро сходил на нет. Нечто подобное произошло и в СССР, когда наши партocrats «разрешили»

инакомыслие без всяких на то ограничений и отменили пропагандистские прививки от «идейной заразы». В результате с нами произошло то, что происходит с автомобилем на крутом спуске, если у него снять тормоза. Ведь в отличие от западного человека, у которого жандарм сидит в голове, у советского человека был жандарм только внешний. Внутри у русского человека, какой бы режим в России ни установился, места для такого надсмотрщика за его мыслями и поступками не было никогда. Вроде бы и мелочь это для большой государственной политики. Ан нет — это и есть одна из тех основных причин, по которым развалилась наша великая держава.

НЕ ТА ИДЕЯ

Современное российское общество вновь сталкивается с Великим Инквизитором в виде теперь уже не социалистического, а, по сути, буржуазного государства. Оно защищает интересы в первую очередь тех, кто определяет его социальную суть. На начало 2004 г. около 5 процентов россиян владели большей частью национального богатства страны, а 87 процентов населения — всего 7 процентами. В стране, где экономика более чем наполовину контролируется частным капиталом, приходится воленс-ноленс с этим частным капиталом считаться. Мы уже не можем сейчас сказать словами Маяковского: «У советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока».

Во времена Маяковского за спиной у советского человека стояло мощное советское государство, которое его основные интересы худо-бедно, но защищало. В наше время государство защищает в первую очередь интересы высшей бюрократии, а также спаянного с ней олигархического капитала. Интересы мелкого и среднего частного собственника такое государство попирает так же, как права и интересы рядовых граждан. Частная собственность объявлена священной, как и на Западе. Но в новом варианте оруэлловской сатиры Animal Farm хотя и «равны все частные собственники, но некоторые более равны, чем другие». Права трудового человека, в том числе трудяги — мелкого и среднего предпринимателя, защищены в российском «социальном государстве» (так по Конституции РФ) далеко не самым лучшим образом. Здесь мы по многим параметрам отстали от Запада не менее чем на сто лет. Там, можно сказать, давно уже был построен социал-

демократический социализм, только в варианте «социализм минус Советская власть». Это, в общем, и есть то «социальное государство», которое обещали россиянам реформаторы. Пока существовал Советский Союз, западному пролетарию куда легче было добиваться уступок от капитала, чем сейчас. Всегда можно было сказать: «А вот в Советском Союзе...» И с этим считались. Теперь не то. Не на кого кивнуть. Но на Западе профсоюзы за семьдесят с лишним лет существования СССР добились таких прав и гарантий от произвола частных предпринимателей и государственных фирм, что нашим карманным тред-юнионам и не снились.

Наш Великий Инквизитор пытается внушить русскому народу, что теперь ему надо сделать своей национальной идеей либерализм. Это очередное, по Ильину, «обустройство политической власти» так же «основано принципиально на несвободе», как и «реальный социализм». Но при Советской власти факт этой несвободы был государственным секретом, который разглашать никому ни в печати, ни на митингах, ни в частных беседах не позволялось. А в условиях хоть и российской, но все же демократии людям рот не заткнешь. Используя восточную мудрость, скажу: «Либерализм можно тысячу раз назвать халвой, но он от этого слаще не станет». В России — это идея-банкрот.

Мы могли какое-то время списывать все наши неудачи на Горбачева, как на человека, достигшего, по закону Паркинсона, своего предела некомпетентности. Потом на Ельцина как на руководителя весьма средних способностей, к тому же пившего и нездорового во всех отношениях. Но вот пришел к власти Владимир Путин, прирожденный лидер, которым русский человек может только гордиться. И его, увы, преследует серия неудач. Его правительство некомпетентно. Несмотря на свои поистине титанические усилия, он так и не смог вытащить Россию из той трясины, в которой она оказалась в результате горбачевской «катастрофы» и ельцинских «реформ» с «приватизацией». В чем же здесь дело? Я вновь напомню слова Зиновьева о государственной идее. Только для того, чтобы подчеркнуть: Путин либо тот, кто его сменит на посту президента России, может быть гением, но в силу того, что позаимствованная у Запада либеральная идея, на которой ныне зиждется Государство Российское, исторически неверна и никуда для русского народа не годится, он все равно ничем ему помочь не сможет. И что бы он ни делал, государству нашему будет только хуже. И так будет до тех пор, пока от этой порочной идеи мы не откажемся. Достаточно посмот-

реть на то, как решался в 2004—2005 гг. вопрос о монетизации льгот (Закон № 122). Закон этот есть типичный продукт российского либерализма, отвергнутого подавляющим большинством населения России. И как таковой он не мог привести ни к чему, кроме сопротивления этого населения и социальной напряженности.

Наш Великий Инквизитор в лице российского государства сам себя загнал в тупик. У любого нормального государства есть мощные административные рычаги, которые позволяют более справедливо перераспределить национальное богатство страны. В тех случаях, когда падение жизни населения достигает недопустимого уровня, а именно это и произошло в России после развала СССР и реформ Ельцина — Гайдара, правительство должно срочно принимать меры по перераспределению национального дохода. Для этого ему нужно ввести дополнительные пошлины и налоги на наиболее обеспеченные группы населения, использовать резервные фонды государства, в частности многомиллиардный Стабилизационный фонд и т. д., провести национализацию наиболее доходных отраслей промышленности, наконец, в нашем случае — ТЭК. У любого государства, тем более объявившего себя «социальным», такие ресурсы есть. Было бы желание подойти к этому вопросу по-человечески и творчески. Но подобные меры государственного регулирования противоречат идеям либерализма, и пока такими идеями наш президент и его правительство руководствуются, они ничего сделать для своего народа не смогут. Разве что дадут ему очередную подачку. А государство, между тем, будет продолжать разваливаться, нищать и слабеть, пока не подойдет к своему, уверен, неестественному концу.

Никогда с такой «перспективой» ни один русский патриот не смирится. Вот почему все, кому дорога Россия, кто русский не по штампу в паспорте, а по своей сути, ищут пути и способы ее спасения. В этом незаменимый помощник — русская история. В наших летописях и архивных документах, в исследованиях знаменитых русских историков и в мемуарах государственных деятелей и полководцев мы находим порой удивительные откровения ..

Мой друг и коллега еще по «Правде» Николай Кривомазов в своем журнале «Аз есмь Гражданин», который он умудряется, хоть и нерегулярно, издавать, опубликовал воспоминания графа Струтынского, который по памяти воспроизвел рассказ

Александра Сергеевича Пушкина о его встрече с Николаем Первым, в ходе которой император и решил все же не преследовать великого поэта за его связь с декабристами. Приведу несколько отрывков из этого диалога, и не в пересказе, как у графа, а именно в форме диалога:

И м п е р а т о р. ...И ты враг твоего Государя, ты, которого Россия вырастила и покрыла славой, Пушкин, Пушкин, это не хорошо! Так быть не должно!

Пуш к и н. Виноват и жду наказания...

И м п е р а т о р. ...Ты не возразил на упрек во вражде к твоему Государю, скажи же, почему ты враг ему?

Пуш к и н. ...Я никогда не был врагом моего Государя, но был врагом абсолютной монархии.

И м п е р а т о р (*усмехнувшись и хлопая поэта по плечу*). Мечтания итальянского карбонарства и немецких тугендбундов! Республиканские химеры всех гимназистов, лицеистов, недоваренных мыслителей из университетской аудитории. С виду они величавы и красивы, в существе своем жалки и вредны! Республика есть утопия, потому что она есть состояние переходное, ненормальное, в конечном счете всегда ведущая к диктатуре, а через нее к абсолютной монархии. Не было в истории такой республики, которая в трудную минуту обошлась бы без самоуправства одного человека и которая избежала бы разгрома и гибели, когда в ней не оказалось дельного руководителя. Сила страны в сосредоточенной власти, ибо, где все правят — никто не правит; где всякий законодатель — там нет ни твердого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия!

Пуш к и н. Ваше Величество, кроме республиканской формы правления, которой препятствует огромность России и разнородность населения, существует еще одна политическая форма — конституционная монархия.

И м п е р а т о р. Она годится для государств окончательно установившихся, а не для таких, которые находятся на пути развития и роста. Россия еще не вышла из периода борьбы за существование, она еще не добилась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она еще не достигла своего предназначения, она еще не опералась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть вполне установившаяся, монолитная, ибо элементы, из которых она состоит, до сих пор друг с другом не согласованы. Их сближает и спаивает только самодержавие, неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни раз-

вития, ни спайки и малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства. Неужели ты думаешь, что, будучи конституционным монархом, я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей?

Пушкин. ...Есть и другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым Вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно Вас уничтожит. Эта гидра — самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов. Россия стонет в тисках этой гидры, поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище ни досягнуло, нет сословия, которого оно не коснулось бы. Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена, справедливость в руках самоуправств. Над честью и спокойствием семейств издеваются негодяи, никто не уверен ни в своем достатке, ни в свободе, ни в жизни. Судьба каждого висит на волоске, ибо судьбою каждого управляет не закон, а фантазия любого чиновника, любого доносчика, любого шпиона. Что ж удивительного, Ваше Величество, если они, возмущенные зрелищем униженного и страдающего отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтоб уничтожить то, что есть и построить то, что должно быть: вместо притеснения — свободу, вместо насилия — безопасность, вместо продажности — нравственность, вместо произвола — покровительство законов, стоящих надо всеми и равного для всех. Вы, Ваше Величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к ее осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного...

Император. Смелы твои слова... У тебя нет недостатка ни в благородных побуждениях, ни в чувствах, но тебе не достает рассудительности, опытности, основательности. Видя зло, ты возмущаешься, содрогаешься и легкомысленно обвиняешь власть за то, что она сразу не уничтожила это зло и на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего блага. Знай, что для глубокой реформы, которая России требуется, мало одной воли монарха, как бы он ни был силен и тверд. Ему нужно содействие людей и времени. Нужно соединение всех высших духовных сил государства в одной великой передовой идее; нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуправления

в народе и чувства чести в обществе. Пусть все благонамеренные, способные люди объединятся вокруг меня, пусть в меня уверуют, пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я поведу их, — и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет! Ибо только в общих усилиях — победа, в согласии благородных сердец — спасение. Что же до тебя, Пушкин, ты свободен. Я забываю прошлое, даже уже забыл... Служи родине мыслью, словом и пером. Пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим — буду я...

Так Государь решил судьбу великого поэта России. В этой истории много поучительного для сегодняшней России, для ее граждан и ее руководителей. Николай Кривомазов не случайно дал заголовок для этой публикации «Николай I сказал Пушкину и... Путину». Я могу понять главного редактора «Гражданина». Воспоминания графа Струтынского подтверждают многое из того, о чем говорится в этой книге, в первую очередь — живучесть гидры российской бюрократии и ее чрезвычайную опасность для Государства российского. Слова императора о необходимости «соединения всех высших духовных сил государства в одной великой передовой идее» относятся именно к «русской идее», ибо к тому времени она была востребована как противовес идеям декабристов. Что касается спора Николая I и Пушкина о демократии и конституционной монархии, то здесь самое, пожалуй, любопытное в том, что Император не исключил возможности возникновения демократического строя в России, когда для этого придет время. А то, что конституционная монархия — это одна из современных форм демократии, подтверждает политическая практика Англии, Бельгии, Голландии, Испании, Люксембурга, Монако и других европейских королевств и княжеств.

Для России самодержавие было исторически верным выбором, но в наше время возврат к нему, даже в форме конституционной монархии, невозможен, с чем, как мы убедились, согласны и ныне здравствующие члены семьи Романовых. После развала СССР наиболее естественным вариантом российской демократии стала президентская республика, но ее недостаток — в неразвитости местного самоуправления, которое могло бы обеспечить возрождение системы выборных советов или ее аналога с самым широким представительством политических партий на местах. Без сильной центральной власти Россия просто не выживет. Пророчески звучат сегодня

слова Николая Первого: «Россия еще не вышла из периода борьбы за свое существование. Не вышла до сих пор. Наши противники плавно перешли от борьбы с коммунизмом и Советской властью к привычной для них борьбе против России. Она устраивает их только, как сырьевой придаток высокоразвитых стран Запада и Востока. Поэтому за место под Солнцем нам еще придется долго бороться. Это потребует объединения всех сил нации. Возрождение величия России немыслимо без уничтожения той гидры коррупции и произвола чиновничества, о которой говорил императору Пушкин. Но без соединения воли верховной власти, сил и способностей лучших людей России, всенародной поддержки, успеха в такой борьбе не достичь. Тут император *исторически прав*. Нынешним и будущим правителям России следует прислушаться и к другим его мыслям, записанным со слов Пушкина графом Струтынским. Пушкин поверил Николаю, этому Великому Инквизитору, и не случайно со своего смертного одра послал ему свое благословение. С этим своеобразным политическим завещанием нашего великого поэта небеснополезно сверить то, что мы делаем сегодня.

У русского народа есть еще силы и желание возродить величие России. Отказ от либеральной идеи не будет означать для него отказа от демократического пути развития. Напротив — покончив с либерализмом в экономике, социальное государство окрепнет и поддержит наши чахнувшие либо просто недоразвитые демократические институты. Россия — такая страна, в которой никакая идея не будет принята народом в качестве национальной, если в ней не заложены социальная справедливость, равенство, свобода и доктрина величия и единства нации. В этом отношении «русская идея» — материал для государственных мужей воистину благодатный.

С ВЕРОЙ В МОЮ РОССИЮ

«Русская идея» за время своего существования, конечно, претерпела определенную трансформацию, в том числе пройдя через горнило советского периода. В ней фигурировала и концепция «народа-богоносца» по Достоевскому, и «национальная гордость великороссов» по Ленину, и тезис о «народе-победителе» по Сталину. Сегодня время задуматься,

почему все же эта идея так живуча, что ей дала Россия дореволюционная и что дала, а что отобрала Россия коммунистическая. Надо очень внимательно отнестись к той «ностальгии» по советскому времени, которую испытывают, согласно опросам наших социологов, большинство россиян. В августе 2005 года ведущие центры изучения общественного мнения России ВЦИОМ и «Левада-центр» проанализировали отношение россиян к событиям августа 1991 года. И вот результат. Почти половина респондентов рассматривает их, как эпизод борьбы за власть. Трагедией их считает 32% опрошенных, а доля тех, для кого это победа демократии не менялось с 2002 года и осталась на уровне 11%. Каждый второй опрошенный заявил, что после августа 1991 года Россия идет в неправильном направлении. Противоположной точки зрения придерживается всего лишь четверть россиян. Эти данные совпадают и с выкладками академика Львова относительно числа наших сограждан, улучшивших свое материальное положение за последние годы, — примерно 20%. Но даже в этой группе «процветающих россиян» живет ностальгия по всему тому, что было доброго в нас самих и в нашей жизни тех лет, а теперь ушло безвозвратно. Есть что вспомнить, есть о чем пожалеть. Не буду заниматься перечислением всего этого, из книги ясно, что я имею в виду. Подчеркну лишь главное: не надо даже пытаться возвращаться в наше советское прошлое, канувшее в Лету. Это нереально и не принесет никому счастья. Ведь такое возвращение — скорее жест отчаяния, а вовсе не показатель благоприобретенной мудрости. Если мудрецы древности утверждали, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, то и в свою историю, какой бы привлекательной и величественной она нам ни казалась из нашего далеко не помпезного настоящего, также нельзя вернуться. Мы, даже сами того не замечая, перешли в новое качество, попробовав на зуб демократию в ее буржуазно-российском варианте, свободу и пусть ублюдочный, но все же рынок. Народ русский заплатил за это все непомерную цену, но за возвращение в прошлое под красными стягами, заплатит еще большую. Значит, надо идти не назад, а вперед. И думать, каким путем идти, ибо, может быть, от этого выбора зависит теперь уже само существование русской нации в XXI веке.

В 1907 году П. А. Столыпин охарактеризовал свой кабинет, как «правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, т. е. правительство стойкое и чисто русское,

каковым должно быть и будет правительство его величества». В этой формуле заложена именно «русская идея», которой Столыпин был предан, что не мешало ему создавать в России правовое государство, вводить те права и свободы, которые к тому времени даровали своим гражданам США и практически все европейские государства. «Русскость» Столыпина и его соратников, их преданность Православию не помешала Петру Аркадьевичу в одной из его речей в Государственном Совете решительно отмежеваться от черносотенцев с их лозунгом «Россия для православных, Россия для русских!». «Мы не можем, — говорил Столыпин, — отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений». И его законы права этих других защищали. И сейчас, когда под любыми предлогами люди, рвущиеся к власти, стремятся столкнуть в междоусобицу россиян разных национальностей, разных политических взглядов, мы вновь и вновь вспоминаем великие слова Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»

Не надо больше русским крайностей. В диалогах с нашими соотечественниками, с которыми читатель встретился в этой книге, содержится по крайней мере одна неоспоримая истина: мы, русские, способны в момент национальной опасности преодолеть идеологические разногласия во имя спасения нации, Родины. И наша вера в то, что именно из России придет спасение всего человечества, не просто религиозна, но и исторична. Как никто русские способны на поиск социальной справедливости, и, думаю, именно им предстоит найти ту модель, которая станет практически универсальной, ибо только наш народ пока прошел столь длительное испытание социализмом и может сравнить его преимущества и недостатки со всеми остальными формами социальной организации общества, что называется, со знанием дела. В этом и в присущем русским ощущении своей исторической миссии и есть залог того, что будет создана новая модель справедливо-го общества, в котором основные преимущества социализма будут соединены с личностными и гражданскими свободами западного буржуазного общества в самой полной мере. Справедливость должна быть при этом столь же всеобъемлющей,

что и свобода. Но эта модель, подчеркну, не будет ни коммунистической, ни социал-демократической, ни либеральной. Она будет общечеловеческой. И здесь, я думаю, неизбежен выбор в пользу высоконравственного общества, в пользу государства не в черной маске Великого Инквизитора, а с человеческим лицом, о котором много говорили и сторонники социалистического, и поборники капиталистического выбора и которое не создано доньше даже на бумаге — именно из-за всеобщего нравственного несовершенства.

Дело прежде всего в самом человеке, греховную сущность которого революциями не исправишь. Бог в нас самих — это прежде всего совесть, порядочность и доброта. Не найдя в себе Бога, т. е. всего того лучшего, что делает человека Человеком, никто из нас не найдет и пути к лучшему, справедливому и свободному обществу. Царство Божие на земле, о котором человек мечтал со времен незапамятных, невозможно создать только путем политической борьбы и социальных преобразований. Оно начинается с нравственного самоусовершенствования каждого. В этом, я думаю, главный урок произошедшего с Россией после 1917 года до наших дней. Усвоим его и воспрянем. Будущее России видится мне светлым и чистым. Я верю в ее Возрождение. И именно с мыслью о нем писал эту книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
--------------------------	---

Глава 1. Кому березу заломати?

О Мальчике в штанах и Мальчике без штанов	7
Россия в сценариях Запада	11
Понять Россию возможно. Чаадаев не понял... ..	14
Когда нация устала	18
На наших смурных широтах	22
Мир без полюсов	28
На пепелище коммунизма	31
Что имеем, не храним, потерявши, плачем	33
Если все же играть в правду	36
Мы все еще себя ищем... ..	38

Глава 2. «Русская идея» и русский народ

Как утверждаются идеи?	44
А был ли мальчик?	49
«Три кита»	53
Какого цвета русские?	57
Мифы и сплетни о русских	65
Любят ли на Руси «инородцев»?	77
Рабство духа или вольница?	82
За и против русскости	84

Глава 3. От Матфея до наших дней

Стяжателей на Руси не любили... ..	92
Инициатива наказуема	102
По рецептам господина Шигалева	104
Как разворовали Советское государство	107
Два мира «Homo Sovieticus»	116

Глава 4. Международные обшмыги в Кремле

Гонения на «эллинские науки»	125
Знаки катастрофы	131
По закону Паркинсона	135

Под чужой звездой	140
На круги своя	146
«Родина — это весь народ...»	151
Мельница со стеною в один кирпич	153
Им бы почитать Достоевского... ..	163
Нравственный Чернобыль	173
Два поезда идут по расписанию Истории	176

Глава 5. «Верные ленинцы»

Откуда есть пошли демократы?	187
Марксисты-славянофилы и марксисты-западники	193
«Табель о рангах» от Петра до наших дней	201
Иллюзия коммунизма	206
Невыездной «идеолог партии»	212
Разложение на корню	216
Партия сказала «надо!»	218
«Органчик» от КПСС	223
Всадники Апокалипсиса	230
Авторы и исполнители	232
Бесплодный коммунизм	237
Заблудившись в партизвиликах... ..	239
Обыкновенная мимикрия	250

Глава 6. «Кто не рискует, тот не пьет шампанского»

Бюрократия вводит рынок	253
«Катастрожка» и ее последствия	255
Постояльцы в собственном доме	260
Вынесут все... ..	266

Глава 7. «Крестные отцы» с партбилетом и без

Откуда пошла красная мафия?	272
Допущенные к телу	278
Партократия = клептократия	280
Политические мутанты	282
«Приходите на похороны коммунизма»	286
Второе убийство Столыпина	288
Две и более КПСС	292
Из холуев да в боссы	297

Глава 8. Пиранья выросли

«Элитарии всех стран...»	302
«Гоните баксы, и будет закон»	305
Наш русский «миддл»	313
Как заставить Ивана работать?	317
Маска, мы тебя знаем!	323

Глава 9. Насдине с совестью

Владимир Максимов пишет в «Правду»	330
Греховная природа человеческая	334
Последнее интервью	337

Глава 10. Не сотвори себе кумира

Код Екатерины Великой	348
Мария Розанова и Андрей Синявский: «Вы за это шли в лагерь?»	351
Петр Абовин-Егидес: «Явление ангела с пеной на губах»	361

Глава 11. Оглянуться и посмотреть вперед

Князь Михаил Федорович Романов	376
Элен Каррер д'Анкос. «России нужно куда-то прописаться»	385

Глава 12. Александр Зиновьев: Государство из одного человека

Встреча в Ницце	397
Быть или не быть «Гомо Советикус»?	406
Коммунизм или коммунальность?	413
Откуда берутся квислинги?	425

Глава 13. Убийство homo soveticus

Планета стала однопартийной	442
У пожараща «Белого дома»	445
Параметры Сверхобщества	455

Глава 14. Пирамида и Парфенон

Социализм минус Советская власть	468
О пользе потребления и «бездуховности»	478
«Государство — это кто?»	484
Не та идея	499
С верой в мою Россию	505

Большаков Владимир Викторович
УБИЙСТВО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
СОБКОР «ПРАВДЫ» В ЕВРОПЕ РАССКАЗЫВАЕТ...

Редактор *Б. Петров*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*

ООО «Алгоритм-Книга»
Тел. 929-93-02, 733-97-89
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

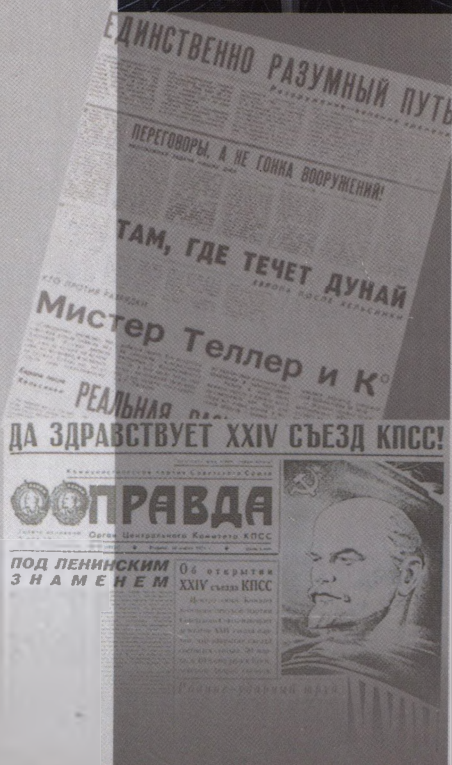
Подписано в печать 28.11.2005
Формат 84x108¹/32. Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 26,88 + вкл.
Тираж 3 000 экз. Зак. № 2358.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 5-9265-0213-6

9 785926 502135

Автор книги — известный публицист, журналист, писатель — работал собственным корреспондентом «Правды» практически во всех странах Европы. Он встречался с множеством видных политических и общественных деятелей, известными лидерами русской эмиграции, писателями, философами Запада. Это обстоятельство позволяет ему по-новому взглянуть на разрушительные процессы в Советском Союзе, проходившие не без помощи партийной верхушки.

С июля 2002 года — главный редактор журнала «Финансовый контроль». Автор 25 книг, в том числе «В поисках сверхоружия», «Бунт в тупике», «Бизнес на правах человека», «Агрессия против разума», «Терроризм по-американски»... Его книги переведены почти на все европейские языки, арабский, турецкий, японский и другие.